

С. ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. ПЕТЕРБУРГ
1880

XX 438
T

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

VII.

XX 450
1

802-11
226

СЫНЪ ОТВѢЧЕСТВА.

35
69

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

СЫНЪ ОТВѢЧЕСТВА

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
— 59 — JUVENAL, IV.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

РЕДАКТОРЪ НИКОЛАЙ ГРЕЧЬ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

—
1859.

XX 438
1

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКІЙ КУБОКЪ

НА

НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы осушимъ бокалы заздравный,
Во славу Руси и Царя!

Двадцать бьетъ! Друзья! чѣмъ встрѣпишь
Дня время, грядущій годъ?
Какою радостью привѣишь
Его торжественный приходъ?
Звучише, трубы и кимвалы!
Злашые кубки и бокалы
Кипящимъ пѣянся виномъ,
Какъ пѣнь воспорга, вдохновенья —
Мы ихъ въ сердечномъ умиленьѣ
Во славу Руси разопьемъ!...

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года.
Января 14 дня.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

И первый кубокъ нашъ за здравье Николая,
 Монарха мудраго — за здравье Его!
 Храни Его, десница пресвятая,
 Избранника свяшаго своего!
 Да здравствуетъ Владыка православныхъ,
 И много лѣтъ великому Ему!...
 О, много лѣтъ и доблестныхъ и славныхъ,
 Тебѣ нашъ Царь и Дому Твоему!..
 Да изумляютъ мѣръ великія дѣянья,
 На счастье родины шворимыя Тобой;
 Да сбудушя Твои высокія желанья,
 Благословенныя Всевышняго судьбой!

Царешвуй долго, добрый Царь!
 Мы счастливы!... Жизни нашей
 Нынѣ довольнѣе и краше,
 Православный Государь!
 Въ свѣтъ нынѣ Тебя дороже,
 Намъ Тебя милѣе нынѣ!
 О, продли, Всевышній Боже,
 Жизнь его на много лѣтъ!
 Царешвуй долго, добрый Царь,
 Православный Государь!...

Мы пьемъ, и громкое: ура!
 Бесѣду нашу оживляетъ;
 Помонокъ мудраго Не ра
 Воспоргомъ душу наполняетъ!
 Но снова кубокъ золотой
 Наполненъ влагою кипучей —
 За славу родины могучей
 Мы выпьемъ радостно второй!

Цѣпи, цѣпи, спрана роднаго края,
 Мужайся, дивная владычица побѣды!
 Богата ны, обширна Русь святая,
 Свянтѣй шебѣ для насъ подь солнцемъ нынѣ!
 И смѣло по пуши величія спуная,
 Тебѣ указанномъ десницей Николая,
 Возвысся, укрѣпясь, и славою своей
 Защщи блескъ солнечныхъ лучей!..

Да воспаришь орель двуглавый
 Родной спраны подь облака,
 И ей цѣпи блестящей славы
 Сорвешь для новаго вѣнка!
 Да, вѣкъ цѣпенгъ спрана героевъ,
 Благословенная спрана,
 И въ мирѣ, и средь громкихъ боевъ
 Сильна, могуча и славна!...

РИМСКІЯ ЭЛЕГІИ.

(изъ Гете).

VII.

О, какъ мнѣ весело въ Римѣ, если я вспомню, когда
 Бремя шуманнаго, сѣраго неба на мнѣ пягошѣло,
 Вспомню шо время, когда пасмурный сѣверный день
 Душу помилъ, предо мною блѣдный покровъ разспилая!
 Бѣденъ, голъ и безцѣпенгъ мѣръ мнѣ казался, и я,
 Вѣчно ничѣмъ недовольный, самъ о себѣ размышляя,
 Грустно въ пушь безоградный взоры мои усспремляя.
 Нынѣ счастливица главу окружаетъ эфиръ живошворный;
 Феба вельнѣемъ послушны мнѣ формы и краски; съ небесъ
 Ныгою вѣнешъ, и шихо, въ почи свѣшозарной, сладкія
 Мягкія пѣсни звучашъ. Лучъ Ипалайской луны
 Свѣшнншъ мнѣ ярче полярнаго солнца — и бѣдному смершному,
 Мнѣ, жребій доспался чудесный! Иль сонъ
 Вижу? Спранникъ досшуненъ черногама швоимъ, о Юпиперъ?
 Здѣсь, расшросшнршый во прахъ, лежу и взываю къ шебѣ!
 Какъ я пришелъ и ошкуда — не знаю. Думаю, Геба
 Пушь указала сюда и въ обьяшья меня приняла!
 Ты ли ей шакъ повелѣлъ, или эшо ошибка богини?
 О если такъ, шо просши, насладншься дозвошь мнѣ, и пушь
 Эша ошибка послужншь въ пользу мою: Форшуна,
 Дочь швоя, смершнымъ не шакъ ли свои расшочаетъ дары?
 Шросьбу мою не ошринь! «Чшо ны задумалъ пошшь?»

Дерзость мою мнѣ просни: Капиполиа гору опнишь
 Чшу за Олимпъ. Здѣсь бы я дни мои кончилъ, а пы
 Подъ вечеръ жизни, о Гермесь, будь мнѣ вожапый — съ побою
 Въ шемное Орково царешво, радосшно я низойду.

X.

Многіе опдали бѣ мнѣ половину вѣнчавшей ихъ славы,
 Если бѣ, хошь на ночь, могъ я имъ ложе мое успунить.
 Доля завидна моя многимъ изъ славныхъ, почившихъ:
 Тщешно! Ими владѣеть спрашная Орка судьба!
 Пей же любви злапую, медовую чашу, о смершпый!
 Прежде чѣмъ грозная Леша швоей не омочишь пяпы!

XVII.

Тяжко одно для меня, другое бываетъ несосно,
 Такъ чшо при мысли о шомъ, сердце мое ужъ болишь;
 Нынѣ въ шомъ и другомъ, охосно признаюсъ вамъ, други:
 Мнѣ одинокому скучно, когда не раздѣлишь со мной
 Лишняго время подруга; но если на розы блаженшва
 Ревносшь оправу прольешь — эшо ужъ мнѣ ненависно!
 Вошь почему я шакъ шаспливъ съ Фауешной; я знаю, она
 Любишь меня непришворно, и вѣрному вѣрносшью плашишь:
 Юносшь бываетъ скоро и всегда шороплива, но я
 Посланнымъ благомъ люблю наслаждашься спокойно и долго;
 Бура ли, вѣшеръ ли, дождь, завывая, шпучаша въ окно,
 Все эшо намъ шоношь любви, опголосокъ блаженшва!
 Ушро проглянешъ, а съ нимъ много свѣжихъ цвѣшовъ,
 Много радосшей новыхъ пошлешъ золошнисное ушро!
 Васъ умеляю, Квиришы, продлише вы шаспье мое:
 Лучшей доли, я никому не желалъ бы изъ смершпыхъ.

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

РАТНОМУ ТОВАРИЩУ.

Здравешвуй, конь пы мой удалый,
 Сослуживецъ давній мой!
 Чшо пы не всель? Бывало,
 Какъ на схвашкѣ боевой,
 Подъ карпешью, подъ шпыками,
 Подъ ружейными огнями,
 Весь и въ пѣнѣ и въ пыли,
 Разрывая грудь земли,
 Ты несешся! — Съдока
 Мчашъ гошовъ подъ облака.

Помнишь, другъ? Бывало время —
 Я лишь шолько ногу въ шпрема,
 Ты взовешся, захранишь,
 И заржеш и задрожеш.
 По доламъ и по горамъ,
 По оврагамъ, крупизнамъ,
 Ты лешеш шпрѣлы быспрѣй.
 Царъ лишь пышенъ изъ ноздрей,
 Да, какъ шуча, дымъ гусшой,
 Прахъ клубишя подъ шобой!

И мешалъ швопхъ подковъ,
 Какъ печашъ былыхъ вѣковъ,
 Подъ огнемъ изъ-подъ кошышь,
 Рѣзьясь, врѣзался въ гранишь,
 Тамъ, гдѣ шпицъ леша ныть,
 Гдѣ лишь шолько вѣпру слѣдъ!

Ты не зналъ докучной шпору;
 Черезъ пропасшь, черезъ горы
 Перебрасывалъ меня;
 Изъ воды и изъ огня
 Выносилъ, какъ вѣрный другъ,
 Вырывалъ изъ вражихъ рукъ.

Что ж теперь ты так не весель,
Грустно голову повесилъ?
Какъ преступникъ ты стоишь,
Бѣлой пѣны не клубишь;
Иль, пернашая сирѣла,
Ты скучаешь безъ сѣла?

Тѣсно намъ здѣсь въ нашемъ полѣ —
Погоди — въ степи глухой,
Мы напѣшимся по волѣ,
Какъ мы пѣшились съ тобой!

С. СТРОМИЛОВЪ.

С ъ.

Тебя любовь мое предназначенье,
Другъ! для тебя Творцомъ мнѣ жизнь дана!
Нѣшь, не теперь, но въ первый день рожденья,
Съ тобою я душой обручена.

Она всегда въ толпѣ людей искала,
Тебя, судьбой назначеннаго ей,
И въ первый разъ увидѣвши, узнала,
Что это ты — душа души моей!

О другъ! когда благое Провидѣнье
На небесахъ сердца соединило,
И дашь любви надежду и шерстяне —
Ихъ на землѣ ничто не разлучитъ

* . . А . . . А.

ОТВѢТЪ (Э.... К.... Б....).

=

Ты назвала меня младенцемъ
И не ошиблась — я дитя:
Во мнѣ не власнень умъ надъ сердцемъ,
Душа неопытна моя.

Твоя насмѣшка правда злая:
Ребенокъ я, ребенокъ я!
Но ты игрушка не земная,
Ты создана не для меня.

Я не умѣю бережливо
Ни чѣмъ, красавица, играть:
Шалунъ — люблю, чиню скоро, живо
Все разсмошрѣшь, да изломашь.

Пускай же пошлѣ тобой играешь,
Кого ужъ опытъ научилъ
Все сберегать — къ чему? Богъ знаетъ!
А я, какъ алчный крокодилъ,

У береговъ надежды льстивой
Пойду безопасно опдыхать,
И все, что день пошлени счастливымъ,
Начну безжалостно глотать . . .

Прощай же, Пери, до свиданья,
Да позабудь скорѣй меня,
Забудь безъ слезъ и безъ оправданья —
Пусть для себя ребенокъ я . . .

К. С. ВОЛКОНСКІЙ.

С М Е Р Т И.

=

Не приходи въ часы волнений,
Сердечныхъ бурь и мяшежей,
Когда душа огнемъ мучений
Сгараетъ въ пламени спрасшей.

Не приходи въ часы раздумья,
Когда коварный демонъ зла
Вливаетъ въ сердце ядь безумья,
Порочитъ добрыя дѣла.

Когда внушеньямъ духа злаго,
Какъ низкій рабъ, послушень ушь,
И ничего въ немъ нѣтъ свяшаго
И много, много грѣшныхъ думъ.

Законъ озлобленнаго рока
Смершь, надо мной останови,
И въ черномъ рублищѣ порока
Меня на небо не зови.

Не приходи тогда накинущъ
Оковъ тяжельхъ на меня:
Мнѣ будетъ спрашно мѣр покинушь
И робко небо встрѣчу я...

Приди ко мнѣ въ часы забвенья
И о спрасняхъ и о земль,
Когда свашое вдохновенье
Горишь въ груди и на чель.

Когда я, думъ высокихъ полный,
Безгрѣшенъ сердцемъ и душой,
И бурной еуешности волны
Меня опъ жизни не земной
Увлечъ не въ силахъ за собой.

Когда я мыслью улешаю
Въ обилель къ горнему Царю,
Когда пою, когда мечпаю,
Когда молишву говорю.

Я близокъ къ небу — смерши время!
Не шрудень будетъ переходъ;
Душа, покинувъ жизни бремя,
Безъ спраха въ небо перейдешъ.

Н. НЕКРАСОВЪ.

12 Ноября

1838 года.

Н А К Л А Д Б И Щ Ъ.

=

Въ спрашннй часъ помящихъ сновъ,
Въ шихой области гробовъ,
На обломкахъ бышя
Опъ людей скрываюсь я.

Нива Божя молчипшъ,
Вѣшерь дремлешъ, воздухъ спипшъ;
Надъ гробами шипшина,
Ночь глубокихъ думъ полна;
И не пронешъ эшихъ думъ
Праздной жизни праздннй шумъ.

Въ эшопшъ часъ молюся я,
Дѣшкій спрахъ въ душѣ шая;
Въ эшопшъ часъ, въ шоскѣ нѣмой,
Проклинаю жребій мой.

Здѣсь, въ безмолвіи свяжомъ,
 Подъ могилой и крестомъ
 Спящихъ спраданія людей,
 До разсвѣта лучшихъ дней.

Все, что радовало ихъ,
 Что перзало душу въ нихъ,
 Грусь и смѣхъ, печаль и страхъ,
 Все на вѣкъ легло въ гробахъ!

Сколько шайнгъ на днѣ могилъ
 Мѣдный заснувъ схоронилъ!
 Надпись хладная молчишь,
 Смерть коспямъ не измѣнишь.
 Лишній жишель бышя
 Между нихъ усну и я —
 И — въ могилѣ свѣжій гость,
 Возлѣ коспи ляжешь косшь.

Тихъ и шемень бѣднѣй домъ;
 Въ немъ усну я должимъ сномъ.
 Гробъ не выдашь мершеца
 Въ руки празднаго глушца;
 Не ошдашь монхъ коспей
 Въ посмѣяніе людей!

ЭДУАРДЪ ГУБЕРЪ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ

ИЗЪ ДРАМЫ ШЕКСПИРА:

РОМЕО и ЮЛІА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь.

Входятъ Сампсонъ и Грегорио, слуги изъ дома Капулетъ, вооруженные мечами и щитами.

Сампсонъ. Нѣтъ! клянусь честью, Грегорио: мы не дадимъ играть собою!

Грегорио. Ну, конечно! Что мы за игрушки!

Сампсонъ. Я думаю, что мы съ тобою тотчасъ вытянемъ изъ ноженъ мечи, когда насъ разсердятъ.

Грегорио. Вытягивай-ка лучше шею изъ воротника, быкъ рабочій!

Сампсонъ. Стоитъ только расшевелить меня — я тотчасъ проткну насквозь...

Грегорио. Да, не тотчасъ, братъ, расшевелишь то тебя!

Сампсонъ. Собака изъ дома Монтегю всегда взбѣситъ, всегда приведетъ меня въ движеніе...

Грегорио. Прийти въ движеніе значить сойти съ мѣста, а быть храбрымъ значить крѣпко стоять на немъ, слѣдовательно, взбѣситъ тебя все то же, что заставить тебя бѣжать.

Сампсонъ. Противъ собаки изъ дома Монтегю, я всегда буду крѣпко стоять. Попадись мнѣ только кто-нибудь изъ этого дома.... Бѣда!.. и мужчинамъ и женщинамъ, всѣмъ бѣда!..

ГРЕГОРИО. За что же женщинам? Ссора только между нашими господами и нами, ихъ служителями.

САМПСОНЪ. Все равно.... Дерясь съ мужчинами, я хочу также свирѣпствовать и противъ женщинъ. Нѣтъ никому спуска, говорю я тебѣ.

ГРЕГОРИО. А вотъ, посмотримъ, какъ то ты теперь поговоришь — изволь-ка обнажать мечъ: вотъ идутъ сюда двое изъ дома Монтегю.

(Входятъ Абрамъ и Бальтазаръ).

САМПСОНЪ. Ужъ у меня онъ на готовъ; начинай ссору — я буду прикрывать тебя съ тылу.

ГРЕГОРИО. То есть, ты тымъ-то хочешь оборотить, да дать тягу?

САМПСОНЪ. Не заботься обо мнѣ!

ГРЕГОРИО. Съ чего жъ ты взялъ, чтобъ я о тебѣ заботился?

САМПСОНЪ. Пусть справедливость будетъ на нашей сторонѣ, пусть они начнутъ первые.

ГРЕГОРИО. Я нахмурю брови и пройду мимо ихъ; пусть они привяжутся, если имъ будетъ угодно.

САМПСОНЪ. То есть, если у нихъ достанетъ духа Я буду грызть на нихъ кулаки: вотъ позоръ-то для нихъ, если они стерпятъ!

АБРАМЪ. Ужъ это не на насъ ли вы грызете кулаки, сударь?

САМПСОНЪ. Да, я грызу свои кулаки, милостивый государь!

АБРАМЪ. Вы на насъ грызете кулаки, почтеннѣйшій?

САМПСОНЪ. Грегорио! на нашей сторонѣ будетъ справедливость, если я скажу: да!

ГРЕГОРИО. Нѣтъ!

САМПСОНЪ. Нѣтъ, милостивый государь, я не навасъ грызу кулаки, а таки грызу кулаки, грызу!

АБРАМЪ. Вы ищете ссоры, милостивый государь?

САМПСОНЪ. Ссоры? Нѣтъ, государь мой, — нѣтъ! А если вы ищете ссоры, то я готовъ; я служу такому же хорошему господину, какъ и вы.

АБРАМЪ. Такъ, вашъ господинъ не лучше нашего?

САМПСОНЪ. Ну, конечно, сударь.

Въ отдаленіи показывается Бенволио.

ГРЕГОРИО. Скажи: «лучше» — сюда идетъ, кажется, родственникъ нашего господина.

САМПСОНЪ. Нѣтъ, сударь, лучше!

АБРАМЪ. Ты лжешь!

САМПСОНЪ. Обнажайте же свои мечи, если вы не бабы! Грегорио, смотри не ударь себя въ грязь лицомъ. *(Они дерутся)*

БЕНВОЛИО *(подбѣгая и выбивая у нихъ изъ рукъ мечи)*. Прочь дураки, разоидитесь! Мечи въ ножны! Вы сами не знаете что дѣлаете!

(Входитъ Тибальтъ).

ТИБАЛЬТЪ. Ты обнажилъ среди энихъ пварей мечъ свой —

Спыдись, спыдись — Бенволио, взгляни,

Оборопись — смершь ждешь себя....

БЕНВОЛИО. Я шолько

Хочу ихъ примприть — вложи свой мечъ,

Тибальтъ, иль помоги мнѣ имъ разнять ихъ!

ТИБАЛЬТЪ. Какъ? Обнаживъ свой мечъ, шы полковашь

О миръ вздумалъ.... О, я ненавижу

Какъ адъ, какъ всѣхъ Моншеговъ, какъ себя,

Я ненавижу слово миръ. Презрѣнный

Гошовся къ оборонѣ! *(Они бьются)*

(Многіе партизаны обонхъ домовъ присовокупляются къ сражающимся; тревога; входятъ граждане съ дреколь-ми.)

ГРАЖДАНЕ. Палокъ, палокъ

Дреколя — бей ихъ, бей ихъ, бей!

Долой и Капулетовъ и Моншеговъ!

(Входятъ Капулетъ въ спальномъ платьѣ и жена его)

КАПУЛЕТЪ. Чшо здѣсь за шумъ? Мой мечъ, мой длинный мечъ!

СПИНОРА КАПУЛЕТЪ. Коспыль ему! За чѣмъ тебѣ птвой мечъ?

Т. VII. — Отд. I.

Капулетъ. Мой мечъ — я говорю! Вонъ Моншегю
Идешь сюда, — мечемъ мнѣ угрожая!

(Входятъ Монтегю и жена его)

Монтегю. А! Подлый Капулетъ!... Пуспи меня....
Синьора Монтегю. Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ не дамъ я шагу сдѣлать!

(Входитъ Герцогъ со свитой)

Герцогъ. Мягшежные спокойствія враги,
Вы, обогривше согражданъ кровью.
Мечи свои... Неужли и меня
Вы слушать не хотите — люди, звѣри?
Огонь своей безумной ярости
Вы заливали багрянымъ покомъ
Своей же крови... Но подъ страхомъ мукъ
И казни — бросили въ мигъ изъ рукъ кровавыхъ
Такъ вами оскверненные мечи
И гнѣвному властителью внимайте!
Ты, старый Капулетъ, ты, Моншегю,
Своей враждою за пустое слово
Вы шипину ужъ широкую возмущали
На улицахъ, и граждане Вероны,
Покинувъ скромныя занятія,
Въ рукахъ, разслабленныхъ сполъ долгимъ миромъ,
Колѣблютъ ржавое оружіе свое,
Чтобъ васъ разнять, кипящихъ лютой злобой!
Внимайте мнѣ — мягшежные — клянусь,
Что если миръ опять вы возмущите,
Клянусь вамъ, жизнью заплашите вы мнѣ
За возмущеніе... Теперь идите
Всѣ по домамъ... Вы, Капулетъ, за мной!
Вы, Моншегю, должны явиться въ полдень
Въ судилище, гдѣ засѣдемъ мы,
Узнать дальнѣйшее рѣшеніе наше.
Подъ смершшою казнію, сей часъ же всѣмъ
Мы вновь повѣляемъ разоидшимся!

(Герцогъ со свитой, Капулетъ, жена его, Тивальтъ,
граждане и служители уходятъ)

Монтегю. Кто спарую вражду разжегъ опять?
Ты былъ, племянникъ, при началѣ?

Бенв. Ваши
И вашего врага служители дрались шумъ,
Когда я подошелъ; я вынулъ мечъ свой,
Чтобъ ихъ разнять; но вдругъ явился шумъ же
Тивальтъ, съ мечемъ надмѣнный, бѣшеный,
И понося меня обидными словами,
Онъ воздухъ разсѣкалъ мечемъ, а воздухъ
Въ ошѣвшъ ему насмѣшливо свиспалъ!
И между шѣмъ, какъ мы мѣнялись съ нимъ
Ударами — полны въ слѣдъ за полнами
Сбѣгались... завязался общій бой,
И Герцогъ прекратилъ его своимъ
Приходомъ.

С-а Монт. Ахъ! гдѣ Ромео? Ты видѣлъ
Его сегодня?.. Какъ я рада, что онъ
На этой бинѣ небылъ!

Бенв. Часъ назадъ, синьора,
Когда проглянуло свѣтло дня,
Какъ божевство на золотомъ воспокъ,
Тревожнымъ ея влекомымъ духомъ
Бродилъ... — и тамъ, подъ шѣбью сикоморовъ,
На западъ отъ Вероны, въ споронѣ,
Я видѣлъ сына вашего, которъ
Такъ рано ужъ гулялъ шамъ. Я къ нему,
Но онъ меня едва завидя, скрылся
Между деревъ. Я знала по себѣ,
Что иногда такія еси минушы,
Въ которыя, не только отъ людей,
Мы отъ самихъ себя жемаемъ убѣжашъ,
Своею, не слѣдя его, дорогой
Пошелъ, и самъ спарался избѣжашъ
Того, кто избѣгалъ со мною встрѣчи.

Монт. Не разъ его шамъ поушру видали,
Какъ помогалъ слезами онъ росъ
Увлажить землю и сгуцалъ шуманы
Своими вздохами. Но солнце лишь
Появился на пурпурномъ воспокъ —
Домой укрылся отъ сянья дня
Свѣтлѣтъ ужъ онъ, мой сынъ, угрюмый, мрачный
И запервшись въ комнату своей,

Опъ заслоняешъ окна, изгоняешъ
Оспрадный свѣтъ, и самого себя
Искусшвенною ночью окружаешъ.
О! до добра не доведешъ его
Унынье эпо! Намъ спарашься должно
Причину уличпожипь.....

Бенв. Такъ ужъ вы,
Мой благородный дядя, знаете
Причину?

Монт. Нѣтъ, не знаю и не могъ
Опъ Ромео никакъ я допыпашься.

Бенв. Такъ у него распрашивали вы?

Монт. И самъ, и чрезъ другихъ, но все напрасно!
Онъ пайнъ своихъ блюспипшель неподкупный;
Онъ скрыпешъ, мраченъ, слова не проронипшъ...
Мой сыгъ, цвѣпокъ не распусшпвшійся,
Подпоченный коварнымъ червемъ,
Погпбнешъ, — бпшпемъ не насладъсь!..
О если бъ мы могли его спраданья
Узнашь причину!....

(Ромео показывается въ отдаленіи)

Бенв. Вошь онъ самъ идепъ!
Прошу васъ, — съ нимъ однихъ вы насъ оспавыте;
Онъ мнѣ опкросешъ, а если нѣтъ,
То спшшкомъ, спшшкомъ много ужъ опкажешъ!

Монт. Дай Богъ, Бенволю, чпобы шебъ
Опкрылся онъ. Спнъора, удалимся.

(Моншегю и жена его улодаты)

Бенв. А, брапещъ! Ушро доброе шебъ.

Ромео. Неужели еще все ушро?...

Бенв. Девяпъ
Не давно било.

Ромео. О, какъ медленно
Текупъ часы печали.... Кажешся,
То мой опещъ шакъ скоро удалмся?

Бенв. Онъ, но какая же печаль часы
Такъ спяжко длпшъ спвои?

Ромео. Тѣмъ не владѣю,
Чпо сокращаешъ ихъ.

Бенв. А! Ты влюбленъ!

Ромео. Далеко...

Бенв. Опъ любви?

Ромео. Опъ ней далеко,
Опъ шой, кошорую люблю....

Бенв. Увы!. Любовь,
Оспрада душъ — спвою гпнпешъ жеспоко.

Ромео. Любовь, хопя съ повязкой на глазахъ,
Но видипъ все, въ пуши не опшбешся!
Гдѣ будемъ мы обѣдашъ?... Горе мнѣ!..
Чпо было здѣсь передъ моимъ приходомъ?
Но, нѣтъ, не говори, я слышалъ все!
Для ненавспсп много дѣла здѣсь,
Но больше для любви!. О!.. Злобная
Любовь и любящая зоба!... нѣчшо,
Изъ ничего произведенное!..
Бездѣлье важное и вѣспренность
Задумчивая!... Безобразный хаосъ
Прелеспныхъ образовъ!.. Тяжелый пухъ,
Огонь холодный, свѣплый дымъ, большое
Здоровье, вѣчно бодрспвующій сонъ,
Чпо вмѣешъ еспъ и нѣтъ! — Я чувспвую
Любовь и ненавижу эпо чувспво!..
Ты не смѣешся?

Бенв. Нѣтъ, я плакапъ долженъ!

Ромео. О чемъ же, добрая душа?

Бенв. О помъ,
Чпо добрая душа спвоя спрадаешъ!

Ромео. Э — полно! шакова судьба любви!
Къ чему пушъ сожалѣннй спвои!
Съ меня доволью своего спраданья!
Какъ спяжко на душъ оно лежипъ!
О другъ! ко мнѣ не нужно соспраданья:
Оно меня спльнѣй опягошпшъ!
Любовь еспъ дымъ скопленнй изъ вздыханій;
Очпсппвшпсь, она свспкпешъ огнемъ
Въ глазахъ двухъ любящпхъ созданій;
Но возмущенная въ спкопспспн спвоемъ,
Она еспъ море: глубъ его опъ слезъ

Любовниковъ — распешь и прибываетъ!
 Ну, чпо еще любовь? — Съ уможь безумье,
 Смертельный ядъ, цѣлительный бальзамъ.....
 Прощай, мой другъ!

Бенв. Нѣтъ, я пойду съ шобою!
 Ты оскорбишь меня, оставивъ шакъ!

Ромео. О Боже мой! совсѣмъ я пошерялся!
 Нѣтъ, я не Ромео, его здѣсь нѣтъ,
 Въ другомъ онъ мѣстѣ.

Бенв. Нѣтъ, безъ шушокъ, шы
 Скажи, влюбленъ въ кого?

Ромео. О! безъ шушокъ? Чпожь —
 Ты хочешь, чпобы плакалъ я?

Бенв. Плакалъ?
 О нѣтъ, скажи безъ шушокъ, кпо она?

Ромео. Да, эно тоже, чпо безъ шушокъ вспомнишь,
 О завѣщаніи больному! Горько,
 Мучительно бѣ въспревожилъ шы его!
 Я, братаецъ, женщину люблю!

Бенв. Ну, шакъ!
 Я угадалъ, сказавъ, чпо шы влюбленъ.

Ромео. Угадчикъ славный шы. А какъ прекрасна
 Моей любви царица!

Бенв. Вѣрь мнѣ, другъ,
 Прекраснѣйшей достигнуть можно цѣли.

Ромео. Ошибся шущъ, ошибся мой угадчикъ!
 Діаны умъ, Діаны чпешому
 Моя владычица имѣешь,
 Любовь предъ ней дрожитъ, нѣмѣешь,
 Смирятъ вольную мечшу!

Всесоблазняющее злошо
 Не соблазнишь ея, она богаша,
 И вмѣстѣ шакъ она бѣдна,
 Чпо если вдругъ умретъ она,
 Ея богашствъ уже не спашеть:
 Она богаша красошой,
 А шы вѣдь знаешь, братаецъ мой,
 Чпо красота опъ смерти вянеть.

Бенв. Да, развѣ ужъ она дала объшь
 Ошашься цѣломудренной вѣчно?

Ромео. Да, да! И чловѣчеству ужасный
 Она урокъ произведеть:
 Чпо въ ней шакъ дивно, шакъ прекрасно,
 Въ попомспво то не перейдетъ.
 Прекрасная, она чрезъ мѣру ужъ умна.
 Но эшой строгостью она
 Себѣ спасеня не заслужишь:

Ея спасеніе меня погубишь.
 Да, недоступною она поклялась бытъ,
 И въ кляшвѣ той я умеръ, чпобъ въ ней жить
 И чпобъ шебѣ объ эшомъ объявишь.

Бенв. Послушайся меня.... Объ ней не думай....

Ромео. О! научижь мепя не думашь, другъ!

Бенв. Побольше воли дай своимъ глазамъ,
 И на другихъ красавицъ обрати ихъ.

Ромео. Да, черезъ то я больше буду, другъ,
 О прелесняхъ ея воспоминашь!
 Тѣ маски, чпо цѣлюють личики
 Красавицъ намъ своею черношой
 Напоминають, чпо подъ ними
 Бѣла, какъ снѣгъ, скрывается краса!
 Топъ, кпо лишился глазъ, не позабудеть
 Потери неоцѣнной. Ты покажешь
 Мнѣ женщину, которая красою
 Всѣхъ женщинъ превзойдетъ — неволью я
 Приномню шу, которая и эшу
 Собою помрачинтъ.... Нѣтъ, мой другъ,
 Меня объ ней забышь шы не научишь!

Бенв. Я заплачу тебѣ за опкровенность
 Или швоичъ умру я должникомъ.

(Уходятъ)

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Улица.

Входят Капулетъ, Парисъ и слуга.

КАПУЛЕТЪ. И Монпегю обязанностямъ равнымъ
Со мною подчиненъ... Да, право, мнѣ
Все кажется, что старикамъ, какъ мы,
Не трудно помириться.

ПАРИС. Оба вы
Въ Веронѣ уважаемы равно.
Прикорбно намъ въ такой непримиримой
И продолжительной враждѣ васъ видѣшь;
Но что теперь вы скажете, синьоръ,
Въ отвѣтъ на предложеніе мое?

КАП. Все то же, что и прежде — дочь моя
Еще дѣвца, со свѣжомъ незнакома...
Ей лишь еще четырнадцать лѣтъ, —
И года черезъ три, не менѣе,
О бракѣ можно будетъ думать ей.

ПАРИСЪ. Въ ея лѣта давно ужъ маперьями
Счастливыми бывають.

КАП. Сколько же
И погибаетъ тѣхъ, когорья
Безъ времени въ союзъ вступають брачный!
Мои надежды все поглощены,
Все, все, кромѣ нея, землею алчной;
Въ ней лишь одной заключены
И радости мои и упованья!
Спайайтесь приобретенья ея вниманье:
На что тогда рѣшился дочь моя,
На что теперь уже рѣшился я.
Въ любви и въ выборѣ супруга
Я полную свободу отдалъ ей.
Сегодня приглашаю я гостей,
И между ними васъ, какъ друга,
По старому обычаю на пирь.
Свѣтлымъ земныхъ, блестящихъ цѣлый миръ

Роскошно озаришь мой домъ смиренной;
Онъ неба свѣтъ собою помрачить
И нѣгой сладоспной, весенней
Онъ вашу душу освѣжить!
Среди цвѣтковъ прелесныхъ, юныхъ, — сами
Вы изберише шу, кошорая красами
Для вашихъ глазъ зашмишь подругъ своихъ.
Тамъ дочь моя одною между нихъ,
Не по достоинству — по сечу только будетъ.
А ты (*обращ. къ слугѣ*) спуздай, обѣгай городъ весь,
И оныщи всѣхъ тѣхъ особъ, когорыхъ
Фамилии написаны вошь здѣсь (*подавая бумагу*),
И каждому ты скажешь ошь меня,
Что все радушно ждешъ ихъ,
И домъ мой и самъ я!

(Капулетъ и Парисъ уходятъ)

СЛУГА. Отыщи тѣхъ, когорыхъ фамилии написаны
здѣсь! Да, тутъ чортъ знаетъ что написано! Написано,
что сапожникъ долженъ знать свои ножницы, а портной
шило, что рыбакъ пишетъ картины, а живописецъ
ловить рыбу! Я посланъ отыскать тѣхъ, когорыхъ
имена здѣсь написаны, и никакъ не могу отыскать
толку въ томъ, что здѣсь написано. Надо попросить
какого нибудь ученаго. Э, да вотъ кстати...

(Входитъ Бенволио и Ромео.)

БЕНВ. Повѣрь, что истинны мои слова.
Огонь огня задушишь пламенье!
Когда ошь быспраго круженья.
Вдругъ завершится голова —
Въ другую должно сторону кружишься.
Спраданіе спраданьемъ укропишься;
Другія муки исцѣляшь
Невыносимыя мученья;
Зараза новая для зрѣнья
Убьешь заразы прежній ядь!

РОМЕО. Лиспъ придорожника для эшого полезень..

БЕНВ. Пожалуста, скажи мнѣ, для чего?

РОМЕО. Для переломленной ноги швосей.

БЕНВ. Ай! ай уж не сошелъ ли пы съ ума?

РОМЕО. Нѣтъ, не сошелъ, но крѣпче связанъ,
Чѣмъ всякій сумасшедшій, запершой
Въ своей пюррьмѣ, моримый голодомъ,
Терзаемый и мучимый, и... и (*къ слугѣ*)
Любезный, здравствуй!

СЛУГА. Благодаренъ, сударь!
Пошли вамъ Богъ здоровья. Вы чипашь,
Позвольте мнѣ спросишь, умѣше?

РОМЕО. О да! мою судьбу въ моемъ несчастьи. —

Сл. Бышь можешъ этому вы научились
Безъ, книги сударь; — но скажише, вы
Прочпеше ль все, на чпо посмоприше?

РОМЕО. Да, если знаю буквы и языкъ.

Сл. По чешпи сказано, — прощенья просимъ!

РОМЕО. Спой, спой! Давай прочшу. (*читаетъ*)

*Синьоръ МАРТИНО, съ супругой и дочерью; Графъ Ан-
сельмъ, съ своими прекрасными сестрами; едовствующая
Синьора Витрувио; Синьоръ Плаченцио, съ своими миль-
ми племянницами; Меркуцио, съ братомъ своимъ Вален-
тиномъ; мой почтенный родственникъ Капулетъ съ супру-
гой и дочерью; моя прекрасная племянница Розалина; Ли-
вия; Синьоръ Валенцио, съ своимъ двоюроднымъ братомъ Ти-
вальтомъ; Луцио и прелестная Тлена.*

Блеснящее собранье — (*отдаетъ назадъ бумагу*)
но куда жъ

Оно приглашено?

Сл. Туда.

Ром. Куда?

Сл. Къ намъ въ домъ, на ужинъ.

РОМЕО. Такъ, да въ чей же домъ?

Сл. Въ домъ господина моего.

РОМЕО. Ну, да,

О господинъ-шо и должно бъ было
Тебя спросишь.

СЛУГА. Ну, да ужъ я скажу вамъ теперъ безъ спраши-
ванья. Господинъ мой — знатный, богатый Капу-

летъ, — и если вы не изъ дому Монтегю, то ми-
лости просимъ, — придите къ намъ осушить стаканъ
вина. Счастливо оставаться!

БЕНВ. На эпомъ праздникѣ
Души швоей царица Розалина
Съ Веронскими красавицами будепъ.
Пойдемъ со мной шуда, на эпомъ праздникѣ,
И безприсраспно пы ее сравни
Съ другими дѣвами, копорыхъ я
Тебъ шамъ покажу. Тогда увидишь,
Чшо лебедъ швой ворона передъ ними.

РОМЕО. Когда забывъ религію свяшую,
Мои глаза посмѣюпъ ложъ шакою,
Такой расколъ нелпный утверждать —
Огнемъ имъ будущъ слезы — пуспъ сгоряшъ
Они опешушники! — О нѣтъ! Не можешъ
Прекраснѣ земная дѣва бышь!

БЕНВ. Посмопримъ, хорошо! Повѣрь мнѣ, другъ,
Ты попому шакъ ею очарованъ,
Чшо у тебя въ глазахъ она одна,
Чшо сравнивалъ ее пы съ ней самою:
Сравни ее съ красавицей другою,
Такъ на вѣсахъ вверхъ вздернешя она.
Да, вопшь пойдемъ на праздникъ Капулеша,
И шамъ во всемъ сияньи красоны
Тебъ шакихъ я покажу, чшо пы
На Розалину и не взглянешъ послѣ.

РОМЕО. Пойдемъ, но я пойду лишь для шого,
Чшобы ее, прекрасную, увидѣшь!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ домѣ Капулеша.

Входятъ Синьора Капулетъ и Кормилица.

Син. Кап. Гдѣ, няня, дочь моя? Позвашь ее!

Нянька. Клянусь вамъ цѣломудріемъ моимъ,
Когда мнѣ былъ двѣнадцатый годокъ,
Что я ужъ кликала ее. Эй, пшичка!
Эй козочка!... Помилуй Боже насъ!
Да гдѣ жъ она? Синьора Юлія!

(Входитъ Юлія)

Юлія. Чшо? — Кшо меня шамъ кличепъ?

Нянька. Къ машушкѣ

Идише.

Юлія. Маменька, чшо вамъ угодно?

С-ра Кап. Вошъ дѣло въ чемъ... Поди, оспавъ насъ няня,
Мы говоримъ должны наединѣ...
Иль нѣмъ поспой, поспой... Я вспомнила,
Чшо въ разговорѣ нашемъ ты должна
Участвовашъ. Ты знаешъ, дочь моя
На самомъ лучшемъ возрастѣ шеперь.

Нян. Опъ часика до часика я вамъ
Сочшу ея лѣша.

С-ра Кап. Ей нѣтъ еще
Чешырнаццаши лѣпъ, — не правда ли?

Нян. Чшо ей чешырнаццаши нѣмъ годовъ,
Я дамъ вамъ про закладъ чешырнаццашъ зубовъ.
Эхъ! жаль, чшо всѣхъ-то у меня чешыре!
До перваго дня Августша, какъ много
Оспалось дней?

С-ра Кап. Тринаццашъ слишкомъ дней.

Нян. Ну, съ лишкомъ ли, безъ лишка ль — не въ
помъ дѣло,

А дѣло въ помъ: какъ разъ, на первый
День Августша она родилась въ ночь.
Сузана, упокой ея Богъ душу, —
Вѣдъ ей была ровесницею, — да!
Господь прибралъ ее мою голубку;
А ужъ куды она меня любила!
Объ чемъ бишь я... да, я сказала,
Чшо Августша на первое ей минешъ
Чешырнаццашъ — я вѣрно знаю эшо.
До вошъ... одинаццашъ вѣдъ лѣпъ прошло

Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь землешрясенъ было —
Ну, какъ шеперь я помню, въ эшопъ день
Я ошяла се опъ груди.

И вошъ на солнышкѣ, у стѣнки,
Сижу я съ ней подъ голубяшней —
Вы были въ Маншуѣ погда съ синьоромъ. —
Сижу, и вошъ она было за грудь,
А грудь себѣ наперла я польнюю,
И дурочка, нашедши ее горькой,
Давай меня по груди бишь!...

Но вдругъ... шррр... голубяшня наверху,
Какъ зашреципъ, какъ закружился все...
Чшо духу ешъ я бросилась опшуда.

Съ тѣхъ поръ прошло одинаццашъ ужъ лѣпъ.
Тогда она держалась ужъ на ножкахъ;
Бывало ходишь, переваливаясь
Изъ спороны въ другую; впрочемъ разъ
И спукнулаея славно лбомъ она!

А шупъ мой мужъ, — спокой его Богъ душу!
Куда какой забавникъ былъ покойникъ...

По днѣвъ ее съ земли — «Э!» говоришь,
«Такъ, вотъ какъ падаешъ-то ты? Постой,
«Какъ поумиле будешъ, такъ не босъ
«Другимъ порядкомъ станешъ падать — а?
«Вѣдъ правда?» Чшо же? Пересшала плакашъ,
Моя голубушка — «да,» говоришь.
Ну, шушка, прешо такъ, а пошмотрише,
Теперь на дѣло спрахъ похожа будешъ...
«Ну, что? вѣдъ правда?» говоришь,
А дурочка ужъ болѣе не плачешъ
И опшѣчаешъ: да.

С-ра Кап. Ну, перешпанъ,
Довольно.

Нян. Слушаю, синьора. Я
Молчу, да ужъ никакъ опъ смѣху-то
Не удержуеъ, когда лишь вспомню эшо.
И плакашъ перешшала, опшѣчаешъ: да.
А вѣдъ какая лишка-то у ней
На лбу вскочила, — какъ она кричала
Э, Э!» сказалъ мой мужъ, вѣдъ ты какъ падаешъ,

«Со временем не так ты станешь падать,
 Не правда ль Юленька? «Да,» говоришь,
 И плакашь унялась.

Юля. Уймись и ты!
 Какъ надѣла болшовней своей!

Нян. Ну, ну молчу. Пошли себѣ Богъ счастья!
 Изъ всѣхъ дѣпей, кошорыхъ я вскормила,
 Ты лучше всѣхъ была, и можешь бышь
 Меня Богъ приведетъ поцировашъ
 На свадебкѣ швсей.

С-ра Кап. Да, кешаши — я
 Объ ней-шо и хомѣла говоришь....
 Чшо, Юля, ты думаешь о брактѣ?

Юля. Объ эшой чесни я и не мечшала.

Нян. Когда бѣ не я себѣ кормила грудью,
 То я сказала бы, чшо мудросшь ты
 Всосала съ молокомъ. Скажишне — чеснь!

С-ра Кап. Ну, шакъ подумай же шеперь. У насъ
 Въ швои льна давно выходяшь замужъ,
 Давно ужъ машери семейшвъ — да, вопшь,
 За чѣмъ ходишь далеко — я сама,
 Объ эшу пору жизнь дала себѣ.
 Ну, коронко и ясно, Юля,
 Парисъ, краса всей нашей молодежи
 Твоей руки у насъ просилъ.

Нян. Вопшь молодець-шо, вопшь красавчикъ!
 И со свѣчей шакого не сыскашь!

С-ра Кап. Прекраснѣйшій цвѣшокъ весны Веронекой.

Нян. Ахъ! да цвѣшокъ!... и подлинно цвѣшокъ.

С-ра Кап. Чшо скажешъ? Нравилсѣ ль себѣ Парисъ?
 Вопшь ты его увидишь въ эшошь вечеръ.
 Вглядись въ его лицо — плѣнишьсѣ ты
 Его лица прекрасными чершами!
 Читай его — ты много въ немъ прочешъ!
 То красшты любимое шворенье.
 Но если въ немъ чего нибудь ты не поймешъ,
 Въ его глазахъ найдешъ ты объяснение.
 Наружносшь не одна прекрасна въ немъ:

Душа его не менѣ прекрасна!
 Ту книгу предпочтемъ мы ненапрасно,
 Чшо въ переплетѣ золотомъ
 И содержаніе имѣешъ золотое.
 Скажи мнѣ: можешъ ты его любишь?
 Къ его желаньямъ сердце молодое,
 Скажи, ты можешъ ли склонишь?

Юля. Я посмошрю, достально ли смотрѣнья,
 Чшобы въ душѣ любовь воспламенишь,
 И глазъ своихъ безъ вашего вельнья
 Я недержу подняшь иль опушпишь.

Слуга. Синьора! гости съѣхались; столь уже на-
 крытъ; васъ и молодую синьору спрашиваютъ вездѣ;
 няньку проклинають въ кладовой; все въ движеніи;
 я тороплюсь къ своей должности; синьора поспѣ-
 шите.

С-ра Кап. Идемъ. — Скорѣе, Юля, Графъ ждешъ.

Нян. Сшуйай, дилля, ищи ночей счастливыхъ
 Къ своимъ счастливымъ днямъ!

(Уходятъ)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Улица.

Входятъ Ромео, Меркуцио, Бенволио, въ сопровожденіи
 пяти или шести масокъ, служителей съ факелами, и прог.

Ромео. Должна ль намъ эша рѣчь бышь извиненьемъ?
 Иль шакъ, безъ околичносшей, войдемъ!

Бенв. Теперь на всѣ подобныя продѣлки
 Прошла ужъ мода. Мы не понесемъ
 Съ повязкой на глазахъ Эроша
 Съ Ташарскимъ лукомъ, согнушымъ изъ драни,
 Гонящаго передъ собою дамъ,
 Какъ пугало, чшо спавяшь въ огородахъ.
 Войдемъ же мы безъ всякаго пролога,

Проговореннаго въ слѣдъ за суффлеромъ.
Пусть шамъ объ насъ какое имъ угодно
Составяшь мнѣнье — мы составимъ панець!
А шамъ уйдемъ.

Ромео. Я прыгать не хочу!

Подайше факель мнѣ: я слишкомъ мраченъ;
По крайней мѣрѣ, я передъ собой
Свѣтъ понесу.

Меркуцио. Нѣтъ, милый Ромео!
Ты долженъ съ нами шанцовашъ.

Ромео. Нѣтъ, право не могу! Вы въ шанцовальныхъ
Лепучихъ башмакахъ, а я
Съ такой тяжелой душой,
Какъ поднимуся ошъ земли?

Мерк. Вѣдь ты поклонникъ Купидона, другъ!
Возьми же у него на время крылья,
И подымись, какъ хочешь высоко.

Ромео. Я слишкомъ глубоко пронзенъ его
Спрѣлой, и на его воздушныхъ крыльяхъ
Я не могу подняться высоко!
Я слишкомъ крѣпко связанъ, я не въ силахъ
Перешагнуть и чрезъ одну синушень
Моей поски. Нѣтъ, другъ, я упаду
Подъ тяжкимъ бременемъ любви!

Мерк. И упадешь въ нее же! Признаюсь,
Ошъ этого паденья нелегко
Споль нѣжной вещи будешь!

Ромео. Нѣжной?
Любовь вещь нѣжная? О! нѣтъ, напрошивъ,
Она груба, мучительна, жестока,
И какъ шерновникъ колешся

Мерк. А если
Любовь къ тебѣ жестока, шакъ будь самъ
Жестокимъ къ ней; коли ее, когда
Она тебя кольнешъ, и ты ее собьешь!
Подайше мнѣ фушляръ для моего лица.

Надѣвал маску.
На маску маска! Мнѣ теперь нѣтъ дѣла,

Что безобразіе предместомъ спанешъ
Для любопытешва. Эша харя пуешь
Красѣшъ за меня!

Бенв. Идемъ, спучише,
Войдемъ шуда, и какъ войдемъ,
Живѣй друзья работаише ногами.

Ромео. Подайше факель мнѣ! Пусть мотыльки
Свои подошвы о проспникъ щекочуть,
Я съ грузомъ дѣдовскихъ пословиць буду
Свѣнншъ вамъ и смощрѣшъ на васъ.
Всѣ веселы, всѣ ищуть удовольешвей,
А мнѣ шакъ грусно, — мушно все въ глазахъ!

Мерк. Конечно, будешь мушно, по неволѣ:
Валайся болѣ въ своей грязи,
Въ любви, хочѣлъ сказашъ я — винованъ!
Да, полно намъ ешояшъ и превращашъ
Ночь въ день.

Ромео. Мы этого не дѣлаемъ.

Мерк. Я, мой почтенный господинъ, хочѣлъ
Сказашъ, что факелы у насъ напрасно
Горяшъ, какъ днемъ свѣча. Прошу покорно
Мои слова въ прямомъ ихъ смыслѣ бранъ:
Они полны ума и разсужденья.

Ромео. Конечно, мы съ умомъ идемъ
На эшопъ балъ, — однакоже идишъ
Туда безумешво!

Мерк. Почему — позволь
Спросишъ?

Ромео. Мнѣ въ эшу ночь сонъ снился.

Мерк. Мнѣ шакже снился сонъ.

Ромео. Какъ? И тебѣ?
Въ чемъ сосшоялъ ошъ?

Мерк. Въ шомъ, что видя сны,
Мы часно полагаемся на ложъ.

Ромео. Да, безъ сомнѣня, — чшобъ видѣшъ сны,
На ложъ полагаешься мы должны.

Мерк. О вижу я! Къ тебѣ царица Мабъ
Т. VII. — Отд. I.

Являлась — бабка повивальная
 Всѣхъ фей. Она являлась всегда
 Величней не болѣе агаши,
 На палецъ у судьи, и въ упряжь
 Изъ ашомовъ мльчайшихъ провзаемъ
 У спящихъ по носамъ. У ней въ колесахъ спицы
 Изъ паушинныхъ ногъ; верхъ колесницы
 Изъ крыльевъ спрекозы, а сбруя вся
 Изъ самой тонкой шкани паука;
 Узда изъ влажнаго луны сянья;
 Кнушь у нея изъ кожи и косшей сверчка,
 А кучеромъ — комаръ въ зеленой куршкѣ;
 Орѣшная скорлупка — колесница,
 Издѣлье червяка, иль въкши масперницы —
 Карешники весьма искусные!
 И съ незапаминныхъ временъ они
 Работаютъ на фей. Съ такимъ снарядомъ,
 Она изволишь рыскать по ночамъ,
 То по мозгу влюбленныхъ, и имъ спится
 Тогда любовь, иль по кольцамъ гибкимъ
 Придворнаго, кошорому тогда
 Поклоны грезятся, или по пальцамъ
 Подъчаго и взяжки ему спяща,
 Или у дѣвушекъ по губкамъ — и имъ
 Мечтаются лобзанья. Злая Мабъ
 Ихъ часно прыщиками покрываетъ,
 За то, что ихъ дыханіе сласными
 Испорчено. То вдругъ она гуляетъ
 У царедворца по носу — и чуешь
 Онъ имъ во снѣ, откуда въперъ дуешь;
 То носъ поца, глубоко спящаго,
 Щекочешь пѣнушиннымъ перушкомъ
 И видишь онъ другой приходъ,
 Гораздо болѣе доходный, чѣмъ его;
 То по груди солдана пронесется
 И грезитъ онъ о биввахъ удалыхъ,
 О штурмахъ, о клинкахъ Испанскихъ, о засадахъ,
 И о напишкѣ, душу веселящемъ —
 Вдругъ барабанъ — вошь онъ векочилъ въ испугъ,
 Прошеръ глаза, пробормошаль молишву,

Попомъ перевернулся и заснулъ. —
 И эта самая же Мабъ средъ ночи
 У лошадей взбиваетъ въ клочья гривы
 И колшуну свиваетъ, а они,
 Развившись вновь, худо предрекають.
 Она жъ и вѣдьма ша, что тяжело
 Всѣхъ дѣвушекъ гнѣшитъ, когда онѣ лежатъ
 Спиной во время сна, и учить ихъ,
 Какъ тяжестни сносить, когда придетъ
 Пора замужества — и она же...

Ромео. Полно!

Довольно ужъ, Меркуціо, довольно!
 Твои слова вокругъ пуля вершались.

Мерк. Ты правъ! Они вершались вокругъ снова.
 Сны дѣши праздной головы. Они, какъ воздухъ,
 Изъ ничего рождаются,
 Неудовимы, пушны и, какъ въперъ,
 Измѣнчивы, кошорый, шо прижмется
 Къ груди ледяной полуночи, шо вдругъ
 Онъ ней бѣжитъ, причудливый, сердитый,
 И къ югу, окропленному росомъ,
 Свое лицо онъ обращаетъ.

Бенв. Въперъ,

Тобой описанный, знобитъ самихъ насъ.
 Друзья, друзья — мы опоздали, — ужинъ
 Ужъ конченъ.

Ромео. Я боюсь, не рано ль слишкомъ!
 Мнѣ грустно, я предчувствую бѣду!
 О, я предчувствую, что съ этой ночи
 Надъ жизнью моей осягометъ
 Враждебный, спрашный рокъ, и что среди
 Разгульнаго веселья, ликования,
 Свершется грозное начнется для меня,
 Того, что память, въ звездахъ шеперь сокрыто, —
 И преждевременно улану я!
 Но, шакъ и бивъ! Пустьъ шось, кто управляетъ
 Рулемъ моей ладьи — мой пушь опредѣлитъ!
 Впередъ, мои веселые друзья!

БЕНЬ. Бей въ барабанъ!

(*Вся уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Зала въ домъ Капулета.

Музыканты и слуги входятъ.

1-й Слуга. Гдѣ же Потпанъ? Что онъ не помогаетъ намъ убирать? Лижеть, я думаю, тарелки!

2-й Слуга. Плохо, если всѣ галантерейныя вещи будутъ въ рукахъ одного или двухъ, — да если и руки-то еще не вымыты.

1-й Слуга. Прочь отсюда кресла, отдвигаи въ сторону столы, смотрите за серебромъ! Не забудь, пріятель, спрятать мнѣ кусочекъ марципану, да сдѣлай, братъ, дружбу, скажи привратнику, чтобы онъ пропустилъ сюда Сузану и Леночку. Эй! Антонъ, Потпанъ!

(*Входятъ еще нѣсколько слугъ.*)

3-й Слуга. Здѣсь, братецъ, здѣсь мы, — на готовѣ.

1-й Слуга. Въ большой залъ васъ спрашиваютъ, кличутъ, ищутъ вездѣ.

3-й Слуга. Да, вѣдь намъ не растянуться же; мы не можемъ быть и тамъ и здѣсь въ одно время. Идутъ, идутъ! Живѣй, ребята! молодцами смотрите!...

(*Они отходятъ въ задъ сцены.*)

(*Капулетъ, сопровождаемый множествомъ гостей, въ маскахъ и безъ масокъ.*)

Кап. Прошу покорно, господа! А вы, Сударыни, скорѣе къ дѣлу, если Мозолями не сшраждушь ваши ножки! Ага! вы госпожи мои прекрасныя,

Посмотримъ-ка шеперь, кошорая
Не спанежь шанцовашъ изъ васъ! Лишь кно
Заршачишя, я шотчасъ побожусь,
Что у нея мозоли! Что, задѣль
Я васъ? Привѣшь, почшенивѣише госпи,
Привѣшь мой вамъ. Да! помню я бывое,
Бывое времечко, когда и я
Рядился въ маску и умѣль шепшашъ
Прекрасной на ушко все, что угодно!
Прошло шо времечко, прошло, прошло!
Вѣшь вамъ сердечю радъ я. Музыканшы,
Скорѣе начинашь! Дашъ мѣсна, мѣсна!
Раздвиньшесь — дѣвушкки пляшшше!

(*Музыка — танца.*)

Огня!

Какъ можно больше свѣсна, негодяи!
Съ сподами прочь, — опдвинуть ихъ скорѣй!
Садись, родня, — садись, мой Капулетъ,
И я къ шобѣ подсяду. Мы съ шобой
Ошь шанцевъ далеко ушли, а какъ
Давно съ шѣхъ поръ, какъ мы, подъ масками,
Въ послѣдній разъ съ шобой шанцовали?

2-й Кап. Да, да! Тому назадъ ужъ придцашъ лѣшь.

1-й Кап. Э, нѣшь! Не можетъ быть, гораздо меньше!

Вѣдь эшо на Люценцевой свадьбѣ...
А ошь нея прошло небольшое какъ лѣшь двадцашъ,
Съ какимъ нибудь пляшкомъ!..

Кап. 2. Нѣшь, больше, больше!

Да, сынь его гораздо спарше! Сыну
Его ужъ придцашъ!..

1 Кап. И шы можешъ
Мнѣ эшо говоринъ? Какъ? Сынь его,
Тому не болѣе двухъ лѣшь, счпшался...
Несовершеннолѣтнннмъ!..

Ромео (*къ служит.*) Кно ша дама,
Кшорая своей рукой починила
Вопъ рыцаря шого?

Слуга. Не знаю, сударь. —

Ромео. О творец! какъ сияешь она! Такъ огонь не блеститъ!
 Какъ рубинъ на ухахъ Эѳіона, сверкая, виситъ,
 Такъ ея красота на ланпахъ полночи горитъ!
 Недоступно-свята для людскихъ вожделій,
 Дорога для земли и ея наслажденій!
 Съ этой дивной красой, среди этихъ людей,
 Бѣлой голубъ она въ черной стаѣ грачей!
 Лишь окончивша панецъ, — къ ней, къ ней
 поспѣшу я,
 И рукой своей грубой ея рукъ коснусь я!
 О любило ль ты сердце? Нѣтъ, нѣтъ, опрекись!
 Опрекись и ты, зрѣнье — предъ дивной красой
 смирись!

Тивальтъ. Я узнаю чей голосъ — Моннегю
 Быть долженъ. Эй! подашь мнѣ мечъ скорѣй!
 Какъ! Эта шваръ, прикрывшись этой рожей,
 Осмѣлилась придти надъ нами посмѣяться?
 Клануся чesноу рода моего,
 Не грѣхъ къ опщамъ опшравивъ мѣя его!

Капулетъ. Чпо шамъ, племянникъ, ты бунуешь?
 Тив. Дядя,
 Нашъ врагъ, вошь онъ, вопъ Моннегю!
 И негодяй здѣсь смѣень показаться,
 Надъ нашимъ праздникомъ, надъ нами наругаться!

Кап. То юный Ромео?

Тив. Такъ, шакъ, по онъ,
 То подлый Ромео!

Капулетъ. Э, успокойся,
 Любезный мой племянникъ — полно, другъ,
 Оставь его: какъ должно дворянину,
 Себя ведеть онъ, и въ Веронѣ всѣ
 Объ немъ съ большой хвалою говорятъ.
 И я его ни за какія блага
 Въ моемъ дому не смалъ бы оскорблять.
 Къ шерифню, другъ, къ шерифню приучайся;
 Забудь объ немъ — я этого хочу.
 И если ты мою уважишь хочешь волю —
 Расправь на лбу морицины — веселье будь!
 Неидущъ нахмуренныя брови къ шпру.

Тив. Идущъ, — когда шакая шваръ на немъ
 Присупешвуешъ, какъ гоешь! Нѣтъ не могу, —
 Не пошерилу его я здѣсь!

Кап. Онъ долженъ,
 Онъ долженъ быть пернимъ — прошу покорно!
 Да, чпо ты это, мой дружокъ? — Вошь на!
 Я здѣсь хозяинъ, или ты?
 Ты не пошерилъ? Боже упаси!
 Ты хочешь здѣсь, средъ моихъ гоепей,
 Тревогу произвесеть? Чпо ты, мой другъ,
 Пѣшушишься? Чпо ты за шница?...
 Тив. Дядя, —

Какой позоръ, какой позоръ для насъ!

Кап. Ну, ну! Эге — да, ты, братъ, ужъ изъ рукъ вонъ!
 Забылся ты — шуца во мнѣ нашель!
 Смошри, смошри, прияшель, берегись.
 Да, время, время — шакъ мон друзя! —
 Сшупай, пѣшухъ задорный! Да, смошри,
 Не забурли ошль, не по — огня,
 Побольше свѣна! — я уйму шебя!
 Живѣе, веселѣй, мон друзя!

Тив. Невольное шерифне во мнѣ
 Съ свободнымъ гнѣвомъ повспрѣчалось!
 Собака, ты недаромъ къ намъ ворвалась —
 Я въ слезы радосень обращаю шебя!

(Уходитъ)

Ромео. (подходитъ къ Юліи)
 Если я шебя, святая,
 Прикоснувшись оскорблѣ,
 Прегрѣшенье сознавая,
 Я уша свои склонилъ!
 Ихъ лобзанье, ихъ моленье
 Сгладилъ слѣдъ прикосновенья!

Юлія.

Нѣтъ, мой добрый пилигримъ,
 Не вини руки напрасно,
 И свѣаго безошасно

Чши привѣспивемъ пакимъ!
 Рукъ безспрасныхъ пожиманье —
 Вопгь, пилгримъ, пвое лобзанье!

РОМЕО.

Еспь усна вѣдъ у него?

ЮЛІА.

Для моленья одного!

РОМЕО. О внемли же, сваяная, пилгрима моленье!
 Какъ рукъ ны дала, пакъ уснамъ позволенье
 Дай молишься, молишься, сваяная, шебъ,
 Или смѣнишь опчаянье вѣру во мнѣ!

ЮЛІА. Ты знаешь, добрый пилгримъ,
 Чшо ликъ сваяныхъ безспраснень, недвижимъ,
 Хотя они и внемлютъ гласъ моленья.

РОМЕО. Пребудъ же недвижима, если я
 Возьму моей молишвы исполненье.

(цѣлуетъ ее)

Твои усна онъ всѣхъ грѣховъ меня
 Освободили!

ЮЛІА. Какъ? И на себя
 Мои усна швои грѣхи приняли!

РОМЕО. Мои грѣхи? О сладоспный упрекъ!
 Опдай назадъ все, все, чшо передали
 Мои усна шебъ!

(Снова цѣлуетъ ее)

ЮЛІА. О шы далекъ,
 Какъ вижу я, въ искуспивъ цѣловашья!
 Няня. Извольше къ мапушкѣ скорѣ опправляшьяся;
 Она сказашъ вамъ чшо-шо хочешъ.

(Юліа отходитъ)

РОМЕО. Кшо машъ

Ея?

НЯН. Хозяйка дома, мой господчикъ —
 Доспопочпенная, преумная
 Предобродѣшельная дама. Я
 Кормила грудью ее. Вы съ ней

Извольли сей часъ спояль. Спаспливецъ —
 Кому доспанешся она въ супруги!

(Отходитъ)

РОМЕО. Какъ? Капулетъ? О жизнь моя!
 Тебя врагу навѣки опдалъ я!

БЕНВОЛІО. Пора, пора — балъ близокъ къ окончанью!

РОМЕО. Начало новому конецъ его спраданию!

КАП. Какъ, господа? Вы собираешья
 Идти? Поспойте! Вопгь посѣпентъ ужинъ.
 Ну, если ужъ нельзя, пакъ дѣлашъ нечего!
 Всѣхъ васъ, мои почпентѣйшье госпи,
 Благодарю за посѣченіе!
 Спокойной ночи всѣмъ! Огня сюда,
 Побольше факеловъ! Успаль и я,
 Пора въ поспелъ и мнѣ. *(къ 2-му Капулету)*
 Клянуса чеспью,

Ужъ поздно, другъ — пора намъ на покой!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Юліа и Няньки)

ЮЛІА. Послушай, няня, кшо вопгь эшопъ господинъ?

НЯН. Сынъ спараго Тиберьо и наслѣдникъ.

ЮЛІА. А попгъ, чшо подошелъ сей часъ къ дверямъ?

НЯН. То долженъ бышь Пепрукію.

ЮЛІА. А эшопъ,
 Чшо въ слѣдъ за нимъ идешь, чшо не хопшья
 И шанцовашъ?

НЯН. Ну, эшого не знаю.

ЮЛІА. Поди узнай. О если онъ женашъ!
 Тогда мнѣ гробъ замѣнишь ложе брака!

НЯН. Ромео Монпегю, моя спнбора,
 Сынъ спараго врага фамильи вашей!

ЮЛІА. Единспвенная ненавистъ моя
 Моею первую любовью спала!
 Я спшкомъ рано видѣла шебъ
 И спшкомъ поздно ужъ узнала!

НЯН. Чшо, чшо пакое?

Юлія. Ничего, спихи —
Я слушала опъ кавалера ихъ,
Который панцовалъ со мной!

(Слышенъ голосъ: Юлія)

Нян. Идемъ,
Сей часъ! Пойдемъ-ше — зала ужъ пуща.

М. КАТКОВЪ.

П Р О З А.

ИГОЛКИНЪ, КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ.

Историческая быль.

Дѣйствующие:

Карлъ XII, Король Шведскій. — Баронъ Герцъ, министръ его. —
Баронъ Аделькрейцъ, коммандантъ Стокгольмской крѣпости. — Двое
Судей военнаго суда. — Секретарь Суда. — Христіанъ, тюремщикъ. —
Маргарита, дочь его. — Густавъ, молодой Шведскій купецъ. — Игол-
кинъ, купецъ Новогородскій. — Офицеры и солдаты Шведскіе.

*Тюрьма въ Стокгольмской крѣпости. На право нѣ-
сколько дверей; прямо выходъ въ корридоръ; на лѣво
дверь запертая, и подлѣ нея столъ и скамейка. —
Звонятъ. Смына караула.*

Христіанъ (*выходитъ съ ключами.*) Подлинно
говорять правду, что привычка другая природа. По-
думаешь: другаго бы на мое мѣсто — и года бы не
прожилъ! Покоя ни день, ни ночь — смотри, ходи,
отпирай, запирай, прищипай, перекликай, отвѣчай...
Голова кругомъ пойдетъ! Приляжешь уснуть — ду-
май все ли здорово; три раза встанешь ночью, а
вмѣсто награды — того и жди, что самого тебя по-
садятъ на мѣсто какого нибудь сокола, который
успѣлъ упорхнуть изъ-подъ замковъ! Вѣдь чудное,

право, дѣло: никому не нравится въ тюрьмѣ, и всякій только о томъ и думаетъ, какъ бы улизнуть изъ нея! Экой прихотливый народъ! Чтобы, кажется, имъ тутъ не житье: квартира готовая, дрова, свѣчи, хлѣбъ не купленный, дѣла никакого нѣтъ — знай себѣ сиди, да философствуй о суетѣ мірской... Такъ вотъ нѣтъ — не сидится!...

Офицеръ (*входитъ*). Ну, что? Все ли благополучно?

Христіанъ. Слава Богу! Всѣ на лицѣ и сидятъ смиренно.

Офицеръ. Много ли Русскихъ пльнниковъ на твоей половинѣ?

Христіанъ. У меня мало: только вотъ тутъ Иголкинъ, Новгородскій купецъ, да тутъ Русскій капраль, да...

Офицеръ. Не замѣчаешь ли ты въ нихъ, этакъ... буйнаго духа, непокорства?

Христіанъ. Грѣхъ сказать! Сидятъ смиренно. А развѣ что нибудь?

Офицеръ. Ничего. Только надобно смотрѣть внимательнѣе. (*Уходитъ*).

Христіанъ (*одишь*). Внимательнѣе! Да, было бы за кѣмъ! Правду сказать — скоро немного останется у насъ, не только Русскихъ пльнниковъ, да и своихъ-то Шведскихъ солдатъ. А того еще и смотри, что и къ намъ въ Стокгольмъ пожалуютъ незваные гости, которыхъ и поподчивать будетъ не кому... (*Маргарита входитъ съ корзинкой*). Ты зачѣмъ?

Маргарита (*прячетъ корзинку*). Ахъ! я шла...

Христіанъ. Куда шла?

Маргарита. Погулять...

Христіанъ. Только гульба на умъ! Да, развѣ здѣсь садъ что ли?

Маргарита. Тутъ ближе пройти въ ту загородку, которую вы называете садомъ.

Христіанъ. Называете садомъ! А развѣ она не садъ? Деревьевъ сколько — съ двадцать пять будетъ; да зелень какая — бесѣдки...

Маргарита. Да, четыре высокія стѣны, которыя придаютъ такую веселость, какъ поглядишь на нихъ!

Христіанъ. Вотъ что еще! Вамъ бы все веселье...

Маргарита. Богъ съ нимъ! Я ужь давно его не знаю.

Христіанъ. Прежде ты не скучала...

Маргарита. Ахъ! никогда!

Христіанъ. А теперъ почему не такъ?

Маргарита. Будто вы не знаете?

Христіанъ. Да! Ты все думаешь о своемъ Густавѣ...

Маргарита. Боже мой! о чемъ же другомъ мнѣ думать? Вотъ ужь скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Побѣхаль всего на мѣсяць, и живъ ли онъ? Вѣрно, теперь ужь нѣтъ его на свѣтѣ... И писемъ не приходитъ отъ него... Ахъ! Боже мой!...

Христіанъ. Ну, полно, полно хныкать! Онъ воротится... (*тихо*) А жаль бѣдняжки — они такъ любятъ другъ друга, и я было совсѣмъ располагалъ, чтобы имъ обвѣнчаться этимъ же лѣтомъ... — Ну! воля Божья...

Иголкинъ (*выходитъ изъ дверей на право*). Здравствуйте, г-нъ Христіанъ!

Христіанъ. Здравствуйте, здравствуйте, г-нъ Иголкинъ! Какъ поживаете?

Иголкинъ. Хорошо, какъ видите. Веду себя, кажется, честно, потому, можетъ быть, что плутовать и случая нѣтъ.

Христіанъ. О! я вамъ очень, очень благодаренъ — вы у меня такой добрый и смиренный — сидите у насъ вотъ ужь почти два года, а отъ васъ никакого безпокойства нѣтъ — не такъ, какъ другіе: то дай,

другое дай, комнату перемьни, то хлѣбъ черствъ, то вода мутна...

Иголкинъ. Я не изъ прихотливыхъ, да мнѣ и все равно: если не на родинѣ — гдѣ ни быть...

Христіанъ. Ну, вотъ Богъ дастъ, вы и родину скоро увидите...

Иголкинъ. Какъ?

Христіанъ. Тутъ, видите, весьма важное политическое обстоятельство; сказать всего нельзя... Нашъ Король, говорятъ... пожалуста, только... хочеть помириться съ вашимъ Царемъ—хочеть принудить его мириться, еслибы вашъ Царь не захотѣлъ!

Иголкинъ (*улыбался*). Принудить? Ну, такъ мы не скоро дождемся мира, и мнѣ долго еще придется сидѣть въ тюрьмѣ...

Христіанъ. Ну, вѣдь вы сами, Рускіе, виноваты, г-нъ Иголкинъ!

Иголкинъ. Можетъ быть — я въ Царскія дѣла не мѣшаюсь.

Христіанъ. О Полтавѣ мы до сихъ поръ, конечно, забыли бы — тамъ былъ расчетъ за Парву: мы васъ поколотили, а вы насъ поподчивали—и довольно! Но потомъ вы все у насъ забрали — и Ригу, и Ревель, и Нейшанць, и Потенбургъ и Кексгольмъ; а потомъ ужъ пробрались и въ Финляндію — а о томъ ужъ и не говорю, что вы на нашей землѣ стали городъ строить, и какой еще городъ — столицу!

Иголкинъ. Царь Петръ Алексѣевичъ строитъ свою столицу не на чужой, а на родной землѣ. Петербургъ Русская земля: на ней сражался нашъ святой Князь Александръ Ярославичъ — предки наши купили ее своею кровью...

Христіанъ. Ну, ну, если и такъ... Но вспомните-ка, что вы отняли у насъ и Стральзундъ, и Померанію, и... и мало ли еще чего!

Иголкинъ. Правда, да нельзя же, г-нъ Христіанъ: вѣдь вы вѣтъ сотню владѣли нашимъ, такъ это

маленькіе барышки... (*улыбался*) Рускіе ведутъ себя честно, а обшитаръ себя однакожь никому не дадутъ...

Христіанъ. Да не въ счетъ дѣло, а въ томъ, что считается-то съ вами Рускими... Охо, хо, хо! Вѣдь вотъ теперь ужъ вы и къ намъ безпрестанно въ гости жалуете... Знаете ли, что недавно даже въ виду Стокгольма появились Русскіе корабли?

Иголкинъ. Появились Русскіе корабли?

Христіанъ. Да, да! Ну, а такое наглое дѣло, вашего усатаго Князя Долгорукаго! Какъ же это, скажите: повезли людей въ *Готебургъ*, а они дорогой перевязали, да перебили нашихъ солдатъ, и на нашемъ кораблѣ уплыли въ *Петербургъ*!... Развѣ это одно и тоже?

Иголкинъ (*тихо*). Зачѣмъ меня тамъ не было съ тобой, Князь Яковъ Федоровичъ! Лучше бы мнѣ положить тамъ мою голову за братію, нежели томить-ся здѣсь въ невольѣ...

Христіанъ. Сами разсудите, что послѣ этого Королю нашему нельзя было не разсердиться, и не посадить остальныхъ Рускихъ въ тюрьму. Вотъ и вамъ вѣдь съ тѣхъ поръ въ чужомъ пиру похмѣлье — вы сидите, какъ птичка въ клеточкѣ, а вѣдь прежде вы свободно гуляли по Стокгольму...

Иголкинъ. Правда, правда, а теперь, г-нъ Христіанъ, я хотѣлъ бы просить васъ: позвольте мнѣ прогуляться хоть тутъ по крѣпостной стѣнѣ.

Христіанъ. Охъ! мнѣ эти прогулки... Вѣдь не велятъ! Право... да, вамъ нельзя отказать...

Иголкинъ. Мѣсто совершенно безопасное — убѣжать нельзя, да я и не захочу нарушить честнаго слова, которое далъ вамъ. Этого у насъ въ Русскомъ быту не водится...

Христіанъ. Оно не то, что убѣжать... А иногда, знаете, приходятъ тѣмъ, кто долго сидитъ въ тюрьмѣ, такія странныя мысли: вотъ таки именно, съ этой самой стѣны одинъ арестантъ бросился

внизъ. Видите: тоска взяла, что сидить въ тюрьмѣ... Хорошо, что его самъ г-нъ Коммендантъ отпускалъ гулять, а отпусти его я — бѣда, да и только!..

Иголкинъ. Я на старости лѣтъ рукъ на себя не наложу, и не промѣняю временнаго горя на вѣчное осужденіе. Семнадцать лѣтъ, какъ томлюсь я далеко отъ родины, и вотъ ужъ два года сижу въ тюрьмѣ, и часто, часто тяжело мнѣ бывало, но я молился, а не отчаявался — отчаяніе грѣхъ смертельный!..

Христіанъ. И что вамъ хочется теперь гулять по стѣнѣ? Вѣтеръ такой, сырость такая... То ли дѣло тутъ у васъ въ каяткѣ — тепло, спокойно...

Иголкинъ. Да, но оттуда я хотѣю на море раздольное смотрю и мнѣ становится легче; хотѣю съ волнами синя-моря могу я оттуда послать на святую Русь-матушку молитву и поклонъ; хотѣю птичекъ перелетной могу я сказать: «Не на Русь ли, православную, летишь ты, птичка? Отнеси мой поклонъ церквамъ Москвы, блокаденной; отнеси его моему родимому Новгороду, святой Софіи; отнеси мое благословеніе моимъ дѣтушкамъ — прощобечи имъ, что старикъ Иголкинъ живъ еще и молится за нихъ!...» (*тихо*) А можетъ быть — сквозь туманы синя-моря мелькнуть передо мною корабли Русскіе, прогремить мнѣ вѣстью свободы Русская пушка...

Христіанъ. Ну, ради такихъ *резонансовъ* нельзя не позволить—только, пожалуста, если пойдетъ обходъ, такъ вы тотчасъ воротитесь—вѣдь нашъ Коммендантъ шутить не любитъ—такія строгости! Избави Богъ—я и здѣсь-то, въ этой залѣ, позволяю вамъ гулять потому только, что вы такой добрый...

Иголкинъ. Благодарю. Я не введу васъ въ слово. (*Уходитъ съ корридоръ*).

Христіанъ и Маргарита.

Христіанъ. Смирный старикъ! Совсѣмъ на Русскихъ не походитъ, даромъ что съ бордой. И то

сказать: не военный человекъ, да и лѣтъ двадцать прожилъ въ Швеціи!..

Солдатъ (*входитъ поспѣшно*). Эй, г-нъ Христіанъ! Коммендантъ васъ требуетъ къ себѣ!..

Христіанъ. Что тамъ такое?

Солдатъ. Не знаю.

Христіанъ. Иду, иду! Вѣрно, новичка какогонибудь привели... Оно и кстати—столько теперь пустыхъ комнатъ, а это ничуть не весело, и то ли дѣло, какъ всюду набито, вездѣ видишь народонаселеніе... Иду, иду! (*Уходитъ съ солдатомъ*).

Маргарита одна. А я его подожду—онъ вѣрно не замедлитъ воротиться, этотъ добрый старикъ... Мы съ нимъ опять поговоримъ о моемъ Густавѣ — я послушаю рассказовъ его объ его дѣтяхъ, о женѣ, о томъ, что грустить не надобно, что Богъ за то награждаетъ насъ радостями!..

Иголкинъ (*возвращается*).

Иголкинъ. Нѣтъ! Ничего не видать... Туманъ такой, что въ двухъ шагахъ разглядѣть ничего невозможно... Шумитъ только море невидимо, какъ звѣрь лютой завываетъ... (*Садится*).

Маргарита. Здравствуйте, г-нъ Иголкинъ!

Иголкинъ. Здравствуй, милая моя Маргаритушка!

Маргарита. Вотъ, я опять принесла вамъ бутылочку винца, и еще кой-чего...

Иголкинъ. Благодарю, благодарю! Ты меня, старика, балуешь, милая...

Маргарита. Когда мнѣ мой Густавъ заказывалъ угождать вамъ; да вы же такой добрый — право, я послѣ Густава васъ больше всѣхъ, кажется, на свѣтѣ люблю!

Иголкинъ. Ты что-то опять такая печальная!... Видно о Густавѣ все еще нѣтъ вѣсти?

Маргарита. Нѣтъ!

Иголкинъ. Молись Богу, мой другъ, и на него возложи надежду — онъ наказуетъ насъ горемъ для

того, чтобы мы укрѣплялись въ упованіи на его святую волю...

МАРГАРИТА. Ахъ! г-нъ Иголкинъ... вѣдь два мѣсяца!

Иголкинъ. А мнѣ будто легче твоего, что я не вижу Густава? Вѣдь онъ былъ единственною моею отрадою—вѣдь только черезъ него слыхалъ я вѣсти о моихъ милыхъ, моихъ родныхъ... Богъ не оставитъ его за радости, какими онъ утѣшалъ меня, по Евангельскому слову: «въ темницѣ бѣхъ и постыгисте мя!»

МАРГАРИТА. Онъ самъ тебѣ такъ благодаренъ....

Иголкинъ. За что? За то, что я былъ друженъ съ отцомъ его? Да, стыдно было мнѣ не любить этого добраго старика, съ которымъ мы такъ честно торговались лѣтъ двадцать! Или за то, что я отдалъ ему сполна долгъ, когда объявили войну?

МАРГАРИТА. Онъ раззорился бы безъ того. Онъ говорить, что ты отдалъ имъ все, что только у тебя было, и самъ безъ копѣйки остался.

Иголкинъ. Да, какъ же было не отдать? Вѣдь онъ вѣрилъ мнѣ на честное слово, и росписки не бралъ съ меня!... А послѣ того, сколько разъ онъ помогалъ мнѣ, и когда меня заключили сюда въ тюрьму—твой Густавъ, не боясь опасности, доставлялъ мнѣ письма отъ моихъ... нарочію познакомился съ отцомъ твоимъ, и видишь ли, милая, какъ Богъ награждаетъ доброе дѣло: безъ этого, онъ не узналъ бы тебя, не полюбилъ бы тебя, не былъ бы съ тобою счастливъ....

МАРГАРИТА. Ахъ! гдѣ-то онъ теперь!...

Иголкинъ. Не грусти, мой другъ! Не изъ гордости укажу я тебѣ на себя. Видишь? Унываю ли я?... А подумай только, что ты еще неродилась, какъ я ужъ былъ въ полону—размученъ со всѣми, бродилъ плѣнникомъ по улицамъ Стокгольма... И чего не вытерпѣлъ я? О Боже, Боже праведный!... Когда

дошло сюда извѣстіе о Нарвской битвѣ, когда привезли сюда и генераловъ, и плѣнныхъ солдатъ нашихъ... Когда потомъ славный Царь нашъ по Русски расплатился за неудачу... Горе-то мы чувствовали здѣсь, на чужой землѣ, въ невольѣ, а неслыхали радостныхъ кликовъ, не дѣлили и торжества... Но, я виноватъ: забылъ, что говорю съ Шведкой... Право, я привыкъ считать тебя моею родною—вотъ и моему внуку Ванюшѣ теперь столько же лѣтъ... Охъ! хотъ бы на старости, хотъ бы передъ смертнымъ-то часомъ взглянуть мнѣ еще разъ на моихъ родныхъ, мою добрую старуху Прасковью, моего Сашу, моего Ванюшу....

МАРГАРИТА. Дастъ Богъ, ты увидишь ихъ—вѣдь не вѣкъ будутъ воевать...

Иголкинъ. Да, и мнѣ-то вѣдь не долго остается жить на бѣломъ свѣтѣ—сокрушаетъ ретивое тоска кручина—эхъ! не молодые годы, не такъ какъ прежде... Судьба ты моя, судьба горемышная! хотъ бы разочикъ поглядѣть мнѣ еще на святую Русь, хотъ бы разъ еще услышать службу Божию православную, хотъ бы во снѣ-то мнѣ приснились родимые берега Волховскіе и мать Св. Софія золотоглавая... Господи! твоя воля!... (*звонятъ въ колоколь*).

МАРГАРИТА. Ахъ! они опять идутъ—простите, г-нъ Иголкинъ, простите! Мнѣ и поговорить съ вами хорошенько не удалось—эти солдаты такіе грубіяны.... (*Убѣгаетъ*).

Иголкинъ (*задумывается*). Много времени протекло! Теперь въ сѣдомъ Иголкинъ не узнали бы прежняго молодца Иголкина ни друзья, ни родные, не узнали того, кто прежде на стѣну одинъ хаживалъ въ кумачныхъ бояхъ, и съ молоду не отставалъ за дружеской братиной, и заливался на звончатыхъ гусляхъ... Молодость, молодость! не такую старость обѣщала ты мнѣ—подрезали пташкѣ крылья чужая сторона, да неволя! Не ропщи, старикъ—Божій

судь, Божія судьба! Царь Государь воюеть за правное дѣло, за честь и счастье великой Русской земли. Не суетная слава заставила его взяться за мечъ, врученный ему Богомъ, да покоряеть сопостаты... Охъ! и на него-то батюшку, Царя православнаго, хоть бы разъ еще взглянуть, на орла высоколета, сокола златокрылаго... Помню я, какъ видѣлъ его, юнаго, когда былъ въ Москвѣ — чай теперь и онъ, родимый, состарѣлся... Велико дѣло править царствомъ, да какихъ еще бѣдъ не испыталъ ты, отецъ нашъ! И враги, и злодѣи, и море, и земля... Да, не поддайся никому—настоящій Русскій Царь!.. (звонятъ) Что у нихъ опять такое? Будто дѣло дѣлають! (Садится въ сторону, вынимаетъ маленькую книгу и читаетъ) Утѣшительныя словеса, святыя рѣчи!...

Христіанъ, Офицеръ и солдаты.

Офицеръ. Къ этой двери поставить двухъ часовыхъ! (ставитъ двухъ солдатъ на лѣво) Никого туда не пускать! Это что за челоувѣкъ?

Христіанъ. Русскій пѣвникъ.

Офицеръ. Что жъ поѣ тутъ шатается? Зачѣмъ не въ своей канурѣ?

Христіанъ. Онъ Русскій купецъ—старикъ, да и больной. Самъ г-нъ Коммендантъ его знаетъ, и позволилъ ему быть въ этой залѣ... Смирный такой! Въ самомъ началѣ войны захватили его вмѣстѣ съ другими, когда онъ пріѣхалъ за торговымъ дѣломъ въ Швецію, а послѣ побѣга Долгорукаго, посадили въ крѣпость, также вмѣстѣ съ другими...

Офицеръ. А! ну, чортъ съ нимъ! (Иголкину) Что у тебя за книга? Покажи! (Иголкинъ показываетъ молча книгу).

Офицеръ. А! ну, сиди, да читай! — на право! Маршь! (Уходитъ съ солдатами и Христіаномъ).

Иголкинъ (читаетъ). Два солдата.

1-й Солдатъ. Что, братъ-карадь?

2-й Солдатъ. А что?

1-й. Да, ничего. Тутъ, спасибо, хоть присѣсть можно, да отдохнуть. (садится).

2-й. Смотри, чтобы не зашелъ капраль!

1-й. Тогда и выпрямимся! Эхъ! всѣ косточки, право, болятъ, а чорта два — служи, служи, да въ награду развѣ пули себѣ жди... Хоть бы выпить чего нибудь...

2-й. Все же, карадь, наше дѣло выгоднѣе, нежели тѣхъ, кто съ Королемъ нашимъ бродилъ по заморскимъ землямъ...

1-й. За то тамъ раздолье-то какое? Куда пришли — все наше: и вино и гусь, и индѣйка и хозяйка...

2-й. Мнѣ удалось только однажды побывать на войнѣ, въ Норвегii. —

1-й. А я, карадь, такъ прошелъ таки землей и моремъ — понилъ, погулялъ, а непріятелей билъ, билъ — безъ счета... Особливо Русскихъ.... То-то, братъ, дрянъ-то? Ха, ха, ха!

2-й. Мужичье, ха, ха, ха!

1-й. Вѣдь только тѣмъ и берутъ они, что у нихъ города построены медяные, да холодъ такой, что слова мерзнуть, а что носы-то отмораживать — такъ это у нихъ ни по чемъ — то и дѣло!

2-й. Такъ стало ихъ и водить-то не за что? ха, ха, ха!

1-й. Что ихъ водить — ихъ гонять надобно лозами... Когда мы были подъ Полтавой, такъ и ружье въ руки не брали, а просто палками дрались, да орѣхами стрѣляли...

Иголкинъ (тихо). Досталось вамъ тамъ на орѣхи, хвастунъ!

2-й. Постой-ка, карадь: вѣдь подъ Полтавой-то, кажется, намъ не совсѣмъ-то удалось? — Да, ты развѣ тамъ былъ?

1-й. Гдѣ я не былъ! Что ты говоришь: не удалось? Мы ихъ на голову разбили, и пѣвниковъ на-

брали столько, что дюжину Рускихъ по грошу продавали Туркамъ...

Иголкинъ (*встаетъ*). Экой хвастливый враль! (*хочетъ идти*) Лучше уйди... Хоть и вранье, а все таки досадно что этому негодню нельзя рта зажать... Русская кровь такъ вотъ и закипаетъ!

1-й. Ихъ Король-то, али, какъ они называютъ, по своему, Царь...

Иголкинъ. Что онъ осмѣливается говорить о батюшкѣ Царь?

2-й. Я слышалъ, что онъ трусь...

1-й. Престественный! Изъ подъ Нарвы онъ опрометью бѣжалъ, какъ услышалъ о приходѣ нашего Короля...

Иголкинъ. Лжець подлый... Я невытерплю!

1-й. И вотъ видишь, что я тебѣ объ немъ скажу, что онъ, кромѣ того, что трусь, да еще...

Иголкинъ (*подходитъ къ нему*). Г-нъ служивый!

1-й. Ты что?

Иголкинъ. Я Рускій, а потому не могу слышать твоихъ непристойныхъ рѣчей о моемъ Государь — пожалуста перестань!

1-й. Ахъ! ты, старый чортъ! Да какъ ты мнѣ смѣешь приказывать?

Иголкинъ. Приказывать я не смѣю, а прошу тебя.

1-й. Плюю я на твои просьбы. Твой Царь воюетъ съ нашимъ Королемъ, а мы и бранить его не смѣмъ!

Иголкинъ. Не намъ съ тобой разбирать, за что и почему воюютъ между собой наши Государя, но порицать Помазанника Божія грѣхъ, и подданный, который терпѣливо споситъ оскорбительныя рѣчи о своемъ Государь — преступникъ!

1-й. Такъ ты и будь преступникомъ, а мнѣ не мѣшай — ха, ха, ха! — Я тебѣ скажу, что Царь-то твой...

Иголкинъ. Замолчи же — говорю я тебѣ! Ты клеветникъ, лжець!

1-й (*вскакивая*). Клеветникъ? Ахъ! борода пустая!..

Офицеръ (*идетъ по корридору*).

Иголкинъ. Г-нъ офицеръ, г-нъ офицеръ!

Офицеръ. Что тамъ такое?

Иголкинъ. Позвольте мнѣ принести вамъ жалобу на вашихъ солдатъ.

Офицеръ. Что они тебѣ дѣлаютъ?

Иголкинъ. Стоя здѣсь на часахъ, они ругаютъ насъ Рускихъ...

Офицеръ. Ну?

Иголкинъ. И осмѣливаются — поносить непристойными словами моего Государя!

Офицеръ. Только?

Иголкинъ. А развѣ этого мало? Вы благородный Шведъ—поставьте себя на моемъ мѣстѣ: еслибы кто осмѣлился непристойно говорить о вашемъ Король...

Офицеръ. Я тому отрубилъ бы носъ, и въ добавокъ обрубилъ бы уши. А ты какъ смѣлъ ввязываться?

Иголкинъ. Вы сами меня оправдываете.

Офицеръ. Я Шведъ и офицеръ —

Иголкинъ. Я Рускій, и чести моего надѣжи-Государя никому не отдамъ! Умру, а не уступлю!

Офицеръ. Ахъ! ты, старый бородачъ, болтунъ! Убирайся къ чорту — я тебя велю отпугивать фухтелями...

Иголкинъ. Бей меня, не шайди съединъ моихъ, но я не дозволю ни имъ, ни тебѣ самому ругаться надъ моимъ Царемъ!

Офицеръ. Замолчи, ты, съдая крыса! Ребята — вамъ будетъ на водку, какъ смѣнитесь. Спасибо, что усердны къ вашему Королю!

Солдаты. (*вытлупивши*) Благодаримъ, ваше благородіе.

(Офицеръ идетъ.)

Иголкинъ. *(останавливая его)* Г-нъ офицеръ! я васъ прошу покорно... Я буду жаловаться Комменданту...

Офицеръ. *(замахиваясь)* Прочь ты, Русская харя!

Иголкинъ. Браки меня — я плѣнникъ, а участь плѣнника горька и безответна; но ругательства на моего великаго Государя... *(Офицеръ смѣется и уходитъ — солдаты хохочутъ.)*

1-й солдатъ. *(садится)* Что взялъ, старый хрычъ? Вотъ теперь ужь съ позволенія его благородія, я скажу тебѣ...

Иголкинъ. *(горестно)* Уйду, уйду! Если онъ еще осмѣлится произнести одно слово... Да, что я могу сдѣлать... бѣдный плѣнникъ? Царь, Государь православный! прости меня—я ничего не могу сдѣлать... Но совесть моя теперь чиста! *(идетъ въ свою комнату)*

1-й. *(нарочно громко)* И вотъ еще, напримѣръ сказать, Царь этотъ, когда онъ затѣялъ войну, противъ всѣхъ условій, забывши, что онъ на колыняхъ стоялъ передъ Турецкимъ Визиремъ...

Иголкинъ. *(вишь себя)* Клеветникъ! Ругатель!... Если ты не замолчишь—я оторву тебѣ голову моими руками!

1-й. *(насмѣшливо)* Что? что? — Да, я и Царюто твоему...

Иголкинъ *(дрожа отъ ярости.)* Богъ, укрьпившій руки Сампсона на Филистимлянъ, и отрока Давида на Голиафа, укрьпи и благослови раба твоего—за Царя православнаго!

(Онъ бросается на солдатъ, выхватываетъ ружье у перваго солдата; тотъ падаетъ; второй устремляется на Иголкина; онъ колеть его штыкомъ, потомъ колеть перваго.)

2-й солдатъ *(падая)*. Ой, ой! помогите, помогите!

Иголкинъ. Тако, да погибнуть мыслящія злая!.. Господи! не вмѣни мнѣ во грѣхъ смерти ихъ!

1-й солдатъ. Помогите! *(Умираетъ)*

Офицеръ *(вбѣгая)*. Что это? Ахъ! чортъ побери! *(Убѣгаетъ, звонитъ въ корридоръ)*

Иголкинъ. Ругатели Царя моего наказаны!.. Ура, Иголкинъ!.. Теперь — Господи благодарю тебѣ! Теперь хоть испить чашу смертную, благословляя моего Государя православнаго!

(Ставитъ ружье и спокойно садится.)

Христіанъ, офицеръ, солдаты.

Офицеръ. Что это? Онъ убилъ обоихъ солдатъ? Ты убилъ ихъ?

Иголкинъ. Да.

Всѣ. Какъ? Ты?

Иголкинъ. Да, я убилъ ихъ, я, Русскій купецъ Иголкинъ — отмстилъ за честь моего Государя, и—се лежать глаголавшіе зло!

Офицеръ. Бѣгите поскорѣе къ Комменданту! Что ты сдѣлалъ, старый злодѣй?

Иголкинъ. Кто не сдѣлалъ бы этого на моемъ мѣстѣ, тотъ былъ бы — не Русскій, отступникъ чести и присяги своей, а отъ такихъ выродковъ заморскихъ, сохрани Господь Русь православную!

Христіанъ. Ахъ! да, я и... и... не опомнюсь—г-нъ Иголкинъ! вы убили двухъ солдатъ?

Офицеръ. Купчишка проклятый!

Иголкинъ. Суди — много ли же надобно было ихъ на одну руку Русскому солдату, если я, старый купчишка, управился голыми руками съ двумя вооруженными вашими солдатами...

Офицеръ. Схватите его! Что вы его боитесь?

Иголкинъ. Чего меня бояться! Теперь меня и ребенокъ одолеть... Ну, да хоть окуйте меня на всякій случай! *(солдаты окружаютъ его, уставивъ штыки.)*

Офицеръ. Не колите, не колите его! Поберегите его для суда и казни!

Коммандантъ. (*вбѣгал*) Боже мой! какое ужасное происшествіе!

Офицеръ. Честь имѣю донести Вашему Превосходительству, что этотъ Русскій пльнникъ злоумышленно умертвилъ двухъ солдатъ, стоявшихъ здѣсь на караулѣ.

Коммандантъ. Одинъ, безоружный, двухъ вооруженныхъ! Возможно ли?... Какъ? это ты, Иголкинъ! Я не вѣрю глазамъ моимъ!

Иголкинъ. Тамъ два трупа, Ваше Превосходительство!

Коммандантъ. Ты, человекъ старый, кроткій—ты убилъ двухъ солдатъ?

Иголкинъ. Богъ подкрѣпилъ руку мою!

Коммандантъ. На подлое убійство!

Иголкинъ. Нѣтъ! не на подлое убійство, а на то, чтобы отмстить за честь моего Государя!

Коммандантъ. Что это значитъ?

Иголкинъ. Видитъ Богъ, что въ сердце не было и нѣтъ ни малѣйшей злобы. Двое этихъ солдатъ осмѣлились ругать и поносить Царя моего; я угваривалъ ихъ перестать—они не слушали; я призвалъ, вотъ этого г-на офицера — онъ похвалилъ еще ихъ поступокъ; солдаты продолжали ругательства—я наказалъ ихъ—вырвалъ изъ рукъ ихъ оружіе, которое они недостойны были носить, и положилъ ихъ на мѣсть. Присяга и совесть, не гнѣвъ и не безумная ярость заставили меня умертвить ихъ. Если поступокъ мой считаете вы виновнымъ — жизнь моя въ вашихъ рукахъ! (*всѣ съ изумленіемъ*).

Коммандантъ. Г-нъ офицеръ!

Офицеръ. Онъ лжетъ... онъ мнѣ не говорилъ ничего... онъ пьянъ...

Иголкинъ. Жаль же, что и ты не попался мнѣ

подъ руку... Хорошо! Положимъ, что я тебѣ ничего не говорилъ...

Коммандантъ (*Офицеру*). Г-нъ поручикъ! отдайте вашу шпагу! Такіе безпорядки... Христіанъ!

Христіанъ. Помилуйте!...

Иголкинъ. Ваше Превосходительство! не дѣлайте никого изъ-за меня несчастными: никто не виновать—дѣло ясное: я убилъ ихъ и не запираюсь, и если вы почитаете меня достойнымъ казни—казните меня!

Коммандантъ. Оставьте насъ однихъ съ пльнникомъ... Идите, говорю я, и дожидаетесь тамъ моихъ приказаній. (*всѣ выходятъ*) Иголкинъ! я врагъ твой, но я понимаю высокія побужденія и всѣ обстоятельства твоего поступка. Ты убійца моихъ земляковъ, ты преступникъ, но—ты великій человекъ, ты герой! Дай мнѣ свою руку!

Иголкинъ. Не знаю, что вы находите геройскаго въ моемъ поступкѣ. Въ присягѣ моему Государю, я клялся защищать его святую главу и его священное имя отъ всякаго зла, и исполнилъ свою присягу.

Коммандантъ. Но ты погибъ! Тебя—казнить...

Иголкинъ. И это вы называете погибелью? Возьмите временную жизнь мою, но есть еще жизнь, и, если вы казните меня, тамъ ждетъ меня пальма страдальца за честь и величіе Помазанника Божія...

Коммандантъ. Но кто узнаетъ, кто оцѣнитъ твой поступокъ?

Иголкинъ. Не узнаютъ его люди, но его видитъ Богъ! А, можетъ быть, и добрые люди вспомнятъ Иголкина; можетъ быть, капнетъ слеза Русская въ память мою; можетъ быть, и надежда-Государь о томъ услышитъ... и изъ его очей покатится слеза жемчужная въ память бѣднаго Иголкина... «Онъ легъ за меня костью — не посрамилъ земли Русской въ пльну и въ заточеніи... О! за такую награду, кто,

кто не понесетъ ста жизней на жертву!.. Казните меня, рвите мое дряхлое тѣло на куски, бросьте псамъ на съденіе трупъ мой — по гласу Архангела воззовется персть моя передъ престолъ Божій, и Иголкинъ станетъ одесную Бога!... И за такого Царя, каковъ нашъ, не положить главы моей, за него побѣдоносца, спасителя, избранника Божія...

Коммендантъ. *(утирая слезу)* Стыдись, старикъ, ты плачешь... Послушай, г-нъ Иголкинъ — я могу спасти тебя. Притворись безумнымъ — мы скажемъ, что у тебя бѣлая горячка, что солдаты хотѣли связать тебя, и ты убилъ ихъ сопротивляясь...

Иголкинъ. Я унижу себя ложью передъ моею смертью? Видъ шутите, г-нъ Коммендантъ!

Коммендантъ. Но тогда ты останешься живъ.

Иголкинъ. Осужденный на имя безумца? А на что мнѣ тогда жизнь? Да, что вы такъ дорожите моею жизнью? Если совѣсть ваша не мирится съ закономъ—судите меня по совѣсти, а не то осуждайте забывши совѣсть—это уже не мое дѣло!

Коммендантъ. Но вообрази слѣдствія: Король строгъ и вспыльчивъ. Этотъ офицеръ, ветренный молодой человекъ, но онъ сынъ знатныхъ родителей — онъ пострадаетъ жестоко; тюремщикъ можетъ погибнуть — тебя разстрѣляютъ черезъ нѣсколько часовъ—я самъ... такіе беспорядки — Король не проститъ меня...

Иголкинъ. Васъ, офицера и тюремщика мнѣ жаль, да то ваше дѣло. Оправдывайте себя, лгите, а я не хочу. Ложь грѣхъ!

Коммендантъ. Упрямый старикъ!... Дай мнѣ позвать твою руку, хоть на ней Шведская кровь...
(Ходитъ въ нерешительности).

Иголкинъ. *(садится и вынимаетъ книгу)* «Больше сего люблю нѣсть, еже душу свою положить за други своя...

Коммендантъ. Эй! сюда!

Христіанъ и солдаты *(входятъ)*.

Коммендантъ. Оковать преступника *(налагаютъ цѣпи на Иголкина)*—но не оскорблять его и запереть въ его комнату—допросъ его произведется немедленно!—Иголкинъ! приготовься къ смерти...

(Иголкина уводятъ въ его комнату на право. Коммендантъ уходитъ съ солдатами).

Христіанъ *(одинъ)*. Ну! передрогло мое сердечушко, ажно и теперъ не опомнюсь! Онъ, такой смиренный, добрый, старый человекъ, и за что? Что онъ тутъ такое толковалъ? Хорошо, что еще г-нъ Коммендантъ самъ лично позволялъ ему свободу, а то этакъ—допусти его я... Ухъ! дрожь беретъ — пойду, выпью немножко... Ахъ! какой народъ эти Рускіе — точно медвѣди—этакъ онъ изковеркалъ ихъ!... Ну, диво ли, что Рускіе поколотили нашего Короля... Ай! ай! ай! *(Маргарита бѣгаетъ)*.

Христіанъ. *(вытлгивался)* Право, я ничего не говорилъ, ваше благородіе, ваше превосходительство, ничего не говорилъ!

Маргарита. Батюшка!

Христіанъ. Это ты? Тьфу, пропастъ—со страху ты показалась мнѣ коммендантомъ!

Маргарита. Живы ли вы? Что такое съдѣлалось?

Христіанъ. *(щупая себя)* Кажется, живъ, а ужъ больше ничего не спрашивай.

Маргарита. Во всей крѣпости такая сумятица—народъ бѣжитъ сюда — вельми запереть крѣпостныя ворота—говорятъ, ворвались Рускіе...

Христіанъ. Куда тебѣ — хуже! Иголкинъ, нашъ пріятель, этотъ добрый старичекъ надѣлалъ все эти проказы...

Маргарита. Иголкинъ! Гдѣ же онъ теперъ?

Христіанъ. Его оковали и посадили опять на прежнее мѣсто, пока разстрѣляютъ.

МАРГАРИТА. Его разстреляют? За что же, батюшка?

ХРИСТИАНЪ. Дура! слышишь: онъ заръзалъ двухъ коммандантовъ—тьфу, бишь! двухъ солдатъ...

МАРГАРИТА. Въ умъ ли вы, батюшка?

ХРИСТИАНЪ. Да, Богъ знаетъ, и до сихъ поръ не опомнюсь—пойду выпью... *(Уходитъ).*

(Становится темно).

МАРГАРИТА *(одна)*. Что онъ говоритъ? Иголкинъ, нашъ добрый старичекъ, другъ Густава—его разстреляютъ... онъ убитъ? Это наклевтали, нагали на него...

Густавъ *(вбѣгаетъ)*. Маргарита!

МАРГАРИТА. Густавъ, милый другъ! откуда ты? здоровъ ли ты?

Густавъ. Только что прѣхалъ, и тотчасъ прибѣжалъ къ тебѣ...

МАРГАРИТА. Ахъ! какъ я рада! Гдѣ ты былъ такъ долго!

Густавъ. Теперь не до того; милый другъ! Ради Бога, Маргарита—скажи, любишь ли ты меня?

МАРГАРИТА. Люблю ли я тебя?

Густавъ. Помоги же мнѣ, ради Бога! Ты слышала: Иголкинъ, благодѣтель мой, другъ отца моего, добрый, почтенный нашъ Иголкинъ...

МАРГАРИТА. Онъ убитъ солдата—его хотятъ разстрелять... Ахъ! какъ странно, Густавъ!

Густавъ. Я все слышалъ, все знаю—Иголкинъ... онъ не убійца... *(въ сторону)* Какъ растолковать ей? *(Маргаритѣ)* Если бы онъ и былъ виноватъ—его надобно спасти—ты мнѣ пособишь—только повидаться съ нимъ, поговорить...

МАРГАРИТА. Да, вѣдь говорятъ, что онъ...

Густавъ. Все это вздоръ, клевета—поспѣши поскорѣе—гдѣ онъ теперь? Надобно достать ключъ... Маргарита! ты не любишь меня...

МАРГАРИТА. Ахъ! очень люблю, да боюсь—если батюшка узнаетъ—если тебя схватятъ...

Густавъ. Никто не узнаетъ—пойдемъ... Посмотри, посмотри—вотъ и судьи идутъ!...

(Онъ и Маргарита прячутся въ уголокъ. Двое Судей и Секретарь слѣдуютъ за Христианомъ, который уже довольно пьянъ и несетъ фонарь. Солдаты, съ факелами, становятся у дверей тюрьмы Иголкина. Христианъ отпираетъ двери. Судьи и Секретарь входятъ въ тюрьму).

ХРИСТИАНЪ и солдаты.

ХРИСТИАНЪ. Ну, если появились эти черныя пятна—плохое дѣло, и когда они появились, такъ ужъ значить, что человѣку долго не жить—то есть, не долго жить, и то есть—пора отправляться въ дорогу—прошай, не поминай лихомъ! А я не виноватъ—вы сами, Ваше Превосходительство, приказали выпить—вы приказали—поди Христианъ, выпей—я и выпилъ, только для куражу, а дѣло не забываю. То есть, тутъ теперь, изволите видѣть—выпилъ...

(Маргарита и Густавъ между тѣмъ переговаривали знаками. Онъ выходитъ тихо и тихо въ корридоръ).

МАРГАРИТА *(Христиану)*. Батюшка! тамъ васъ ждутъ, спрашиваютъ.

ХРИСТИАНЪ. Кто спрашиваетъ?...

МАРГАРИТА. Да, кажется, г-нъ Коммандантъ!

(Слышенъ шумъ. Она прячется въ уголъ и тихо убѣгаетъ).

ХРИСТИАНЪ. *(бодро вытягиваясь)* Ваше Превосходительство!

Коммандантъ и баронъ Герцъ.

Герцъ. Мнѣ надобно рѣшительно поговорить съ

вами, баронъ. Въ какомъ положеніи дѣло этого Русскаго купца, который убилъ солдатъ?

Коммендантъ. Въ самомъ плохомъ, баронъ. Судьи теперь у него, для отобрания послѣднихъ свѣдѣній — вотъ и они...

(Судьи и Секретарь выходятъ)

Коммендантъ. Что говорить преступникъ?

Судья. Подтверждаетъ прежнія показанія, и показываетъ совершенную нераскаянность.

Коммендантъ. Идите въ судейскую. Я тотчасъ буду.

Герцъ. Прикажите всѣмъ удалиться, баронъ.

Коммендантъ. Кажется, между нами не можетъ быть тайны?

Герцъ. Прошу васъ!

Коммендантъ. Оставьте насъ! (всѣ уходятъ кромь Христиана) Пошелъ вонъ!

Христианъ. Не могу — не смѣю!

Коммендантъ. Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ (Христианъ пробирается въ корридоръ). Что вы хотѣли говорить мнѣ, баронъ?

Герцъ. Что вы хотите дѣлать съ преступникомъ?

Коммендантъ. Поступить по законамъ — его разстрѣляютъ немедленно, за нарушеніе порядка и дисциплины.

Герцъ. Я васъ прошу отсрочить казнь его.

Коммендантъ. Мнѣ отдано строжайшее королевское повелѣніе о соблюденіи порядка и дисциплины. Я не могу его нарушить.

Герцъ. Я прошу отсрочить казнь пльникова до полученія особеннаго королевскаго повелѣнія. Дѣло необыкновенное. Преступникъ не подлежитъ вашему суду; онъ не военный...

Коммендантъ. Я вамъ докажу, что *подлежитъ*. Ваше вмѣшательство въ дѣло только ускоритъ смерть его. И безъ того распоряженія ваши много отбили

уже власти у нашихъ военныхъ судей и государственныхъ чиновъ.

Герцъ. Несчастливая война довольно доказала, что не всегда можно слѣдовать советамъ людей военныхъ....

Коммендантъ. Лучше погибнуть всѣмъ, нежели заключать договоры постыдные!...

Герцъ. Оставимъ-те споры. Разсудите, баронъ, что смерть этого пльникова, какое бы ни было его преступленіе, раздражитъ Русскаго Царя... Вы знаете, что у насъ начались уже мирные переговоры, и мы должны избѣгать всѣхъ новыхъ поводовъ къ войнѣ...

Коммендантъ. Вы, а не Король, и не Швеція ведутъ эти переговоры...

Герцъ. Я действую съ воли Короля.

Коммендантъ. Котораго успѣли вы уговорить къ миру.

Герцъ. Упорство было бесполезно. И безъ того мнѣнія людей... вамъ подобныхъ — храбрыхъ, какъ шпага, но и...

Коммендантъ. И глупыхъ, какъ шпага? договорите баронъ!

Герцъ. Вы приняли на себя этотъ трудъ. Но, повторяю, оставимъ споры — послѣдствія оправдаютъ, кто былъ правъ...

Коммендантъ. Я исполняю долгъ мой. Поймете-ли вы, что по совѣсти, я оправдываю этого храбраго Русскаго купца — буду плакать, подписывая его приговоръ, но — законъ неумолимъ! Онъ будетъ разстрѣлянъ — и немедленно. Я долженъ сдѣлать это, даже для успокоенія народа, который шумитъ и тревожится. А политика, баронъ, не мое дѣло. Прощайте!

Герцъ. Я отправилъ уже курьера къ Королю, да его и безъ того ждали съ часу на часъ. Прошу васъ,

баронъ... Я ручаюсь вамъ, что Король не подтвердитъ вашего приговора.

Коммендантъ. Вы слишкомъ много надѣетесь на власть вашу надъ Королемъ.

Герцъ. *(въ сторону)* И эти люди владѣли прежде волею Короля! *(громко)* Дѣло остается на вашей ответственности!

Коммендантъ. Не на вашей, баронъ, не бойтесь, а я свою обязанность знаю!

Герцъ. Воля Короля...

Коммендантъ. Не вы ли тотъ сапогъ, который общалъ нашъ Король прислать для управления нами?

Герцъ. Вы забываетесь, баронъ! Вы забываете мое званіе...

Коммендантъ. Я обязанъ помнить только ¹⁹³ ~~долгъ~~ свой!

Герцъ. Хорошо, М. Г., поступайте, какъ вамъ угодно; вы отвѣчаете мнѣ за обиду и послѣдствія...

(Онъ уходитъ).

Коммендантъ *(одинъ)*. Краснобай! Золотой дипломать, съ шпилькой вмѣсто шпаги! Стану я слушаться твоихъ дипломатическихъ тонкостей — я, сослуживецъ Карла XI-го! Онъ хочетъ мириться съ Русскимъ Царемъ! Онъ боится гнѣва его — пожалуй, они и помирятся, а я не успѣю и порохоомъ подышать!... И безъ того, семнадцать лѣтъ идетъ война, а я сижу въ этой крѣпости, какъ баба, и умереть здѣсь, и пережить позоръ моей отчизны — видеть, какъ Рускіе въ глазахъ нашихъ жгутъ наши города, къ Стокгольму подходятъ, и Царь ихъ съ четырьмя флотами готовитъ высадку; и ужь мужикъ Русскій становится выше Шведскихъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ... Для чего не таковы стали вы, Шведы? Штейнбокъ, Левенгауптъ... Этотъ мужикъ, котораго и память исчезнетъ съ позоромъ — онъ выше васъ — онъ герой!... Если бы тотъ ди-

пломать за него не заступился... Болеться огорчить непріятеля... Иголкинъ умереть! *(уходитъ)*.

Густавъ и Маргарита *(входятъ осторожно)*.

Маргарита. Ахъ! слышала ли ты? Онъ не послушался даже министра!

Густавъ. Поспѣшимъ! Отецъ твой тамъ сидитъ и храпитъ... Возьми у него ключъ!

Маргарита *(подходитъ къ двери тюрьмы)*. Она е заперта!

Густавъ. Какое счастье! Они забыли запереть замокъ... Слава Богу! *(Отворяетъ дверь)* Онъ молится! Посмотри, и смотри, какъ светло, какъ оживлено лицо его!... О, смерть добродѣтельнаго прекраснѣй вечеръ прекраснаго дня!.. Но время дорого!... Г-нъ Иголкинъ!

Голосъ Иголкина. Кто зоветъ меня!

Густавъ. Это я, Густавъ!

Иголкинъ. *(выходитъ)* Добрый Густавъ! Какъ? Ты здѣсь? Давно ли? *(улыбаясь)* Ну, теперь Маргарита грустить перестанетъ!

Маргарита. Ты помнишь обо мнѣ въ такую страшную минуту!

Иголкинъ. Страшную минуту? Чѣмъ же она страшна такъ, дитя мое?

Маргарита. Вѣдь тебя ужь осудили на смерть!

Иголкинъ. Когда я родился, тогда еще былъ я на нее осужденъ. Осудили, говоришь ты? Да будь воля Божія! Благодарю Господа за то, что такой кончины онъ сподобляетъ меня!

Густавъ. Неужели тебѣ не жаль разстаться съ тѣмъ, что было тебѣ такъ мило и дорого...

Иголкинъ. Господь! благослови ихъ...

Густавъ. Я принесъ тебѣ добрую вѣсточку...

Иголкинъ. *(радостно)* Вѣсточку? Отъ нихъ?

Густавъ. Письмо, которое долго залежалось у нашего общаго пріятеля въ Ревель...

Иголкинъ. Подай, подай его! (*схватываетъ и читаетъ поспышно*)

«Милостивый государь дѣдушка! Симъ тебѣ, государю, кланяюсь до сырой земли, и прошу твоего заочнаго родительскаго благословенія. А мы тебя, государь дѣдушка, ждемъ — не дождемся, и надѣмся...» (*закрываетъ лицо руками*)

Не надѣйтесь — не дождаются вамъ меня, други мои, не дождаются — не видаться вамъ со мною, не видаться — до радостнаго свиданія — тамъ!...

Густавъ и Маргарита. Г-нъ Иголкинъ! Почтенный другъ нашъ!

Иголкинъ. Эхъ! слабость человѣческая... Согрѣшилъ я, окаянный! Когда полагалъ я, что все суетное мною уже забыто, когда приготовилъ себя молитвою къ великому переходу — сердце мое болитъ и разрывается! Летитъ душа моя не въ небо, а на землю она остается — у родныхъ она гоститъ, и витаетъ среди нихъ, какъ голубица пустынная... О! прискорбна, душа моя, прискорбна...

Густавъ. Мой другъ и благодѣтель! Ты можешь быть спасенъ!

Иголкинъ. Что ты говоришь? Спасенъ?

Густавъ. Я все припасъ къ твоему побѣгу. — Здѣсь на стѣнѣ виситъ веревочная лѣстница — внизу я приготовилъ лодку — тебя перевезутъ — оттуда ты переодѣнешься — я спрячу тебя у моихъ родныхъ, и найду случай переправить въ Данію... Ради Бога, согласись — дай мнѣ средство доказать тебѣ мою благодарность...

Маргарита. Пожалуста, г-нъ Иголкинъ!

Иголкинъ. Густавъ! за что ты любишь и благодаришь меня?

Густавъ. Ты... благодѣтель мой... Ты училъ меня добру...

Иголкинъ. Развѣ я училъ тебя когда нибудь хитрить, лгать и обманывать?... Ты не отвѣчаешь?...

Молодой человекъ! Развѣ не видишь ты, что побѣгъ отсюда невозможенъ?

Густавъ. Нѣтъ! можно, можно...

Иголкинъ. Благодарю тебя, благодарю, что принесъ мнѣ послѣднюю земную радость при дверяхъ гроба, но не стыдно ли тебѣ даже и то, что ты обманомъ прокрался ко мнѣ! Вы, вѣрно, наполнили старика Христіана?

Маргарита. Нѣтъ! онъ самъ подгулялъ, и спитъ теперь, вонъ тамъ!

Иголкинъ. Хорошо! Я убѣгу — а Маргарита, а отецъ ея? Вѣдь его казнятъ за мой побѣгъ?

Маргарита. Ахъ! Густавъ! Ты мнѣ не сказалъ!...

Иголкинъ. Не бойся, милая — я не убѣгу — я не посрамлю моего праваго дѣла, не покрою стыдомъ сѣдинъ моихъ, не обезславлю Русскаго имени — не заставлю другихъ проклипать меня...

Густавъ (*на колыняхъ*). Ты праведникъ! Благослови, благослови меня!

Иголкинъ. О! дай мнѣ въ лицѣ твоемъ обнять всѣхъ дѣтей моихъ, внуковъ моихъ, родныхъ моихъ... Юноша! слушай и исполни мой завѣтъ послѣдній: когда не будетъ меня, не устыдись коснуться моего обезславленнаго трупа — сними съ него этотъ мѣдный крестъ, который надѣли на меня при моемъ рожденіи, который былъ со мною во все время моего тяжкаго плѣна, которому буду я молиться въ минуту смерти моей, и на которомъ околѣдуютъ уста мои... сними его — отошли его на Русь-матушку, къ женѣ моей, къ дѣтямъ, къ внукамъ! Скажи имъ... а можетъ быть, ты и увидишь ихъ когда нибудь... скажи имъ... что тебѣ вверилъ я мое послѣднее имъ благословеніе — пусть не плачутъ они обо мнѣ — пусть только помануть меня по христіански — будутъ добрыми, боятся Бога, и — не жалуютъ живота за Царя и Отечество...

Густавъ и Маргарита. Ахъ! другъ нашъ! (обнимаютъ его).

Иголкинъ. Довольно! Прешло земное! Готовъ, Господи, готовъ! Готово сердце мое, готово, Боже!
(барабанный бой).

Густавъ и Маргарита съ ужасомъ вскрикиваютъ и бѣгутъ въ сторону. Иголкинъ спокойно идетъ въ тюрьму свою. Барабанный бой. Христіанъ вбѣгаетъ въ испугъ.

Христіанъ. Ай, ай, ай! да что это? гдѣ ключъ? Дверь не замкнута! Онъ ушелъ — пропала моя голова! (съ робостію заглядываетъ) Тутъ! Ахъ! какой почтенный, милый человекъ... Вотъ ужъ настоящий другъ!...

Коммендантъ, судьи, секретарь, солдаты (входятъ). Густавъ и Маргарита въ сторонѣ, на колыняхъ, молятся. Дверь тюрьмы отпираютъ. Иголкинъ выходитъ. Съ него снимаютъ цѣпи. Безмолвіе.

Коммендантъ (скрываетъ свое чувство). Не имѣешь ли ты чего завѣщать передъ смертію?

Иголкинъ. Боже! благослови мое отечество! Спаси Царя, покори подъ ноги его враги и сопостаты! Вотъ мое завѣщаніе! Ведите меня!

Онъ складываетъ руки на груди, молится и спокойно идетъ. Солдаты слѣдуютъ за нимъ.

Герцъ (вбѣгаетъ поспѣшно). Остановитесь, остановитесь! Онъ помилованъ! Писать приказа было некогда, но я клянусь вамъ моею честью — самъ Король скачетъ сюда!

Густавъ. (радостно) Помилованъ! Остановитесь, остановитесь! (вбѣгаетъ).

Коммендантъ. Его Величество жалуется самъ?
(барабанный бой).

Тѣже и Карлъ XII-й.

Карлъ. Гдѣ Русскій плевникъ?

(Иголкинъ возвращается. Его окружаютъ Густавъ, Маргарита и солдаты).

Карлъ (долго смотритъ на Иголкина). Ты поступилъ славно!

Иголкинъ. Я исполнилъ долгъ свой.

Карлъ. Я тебя прощаю.

Иголкинъ. Нѣтъ, Государь! Вы также исполняете только долгъ свой—прощаютъ преступниковъ, а я не преступникъ!

Карлъ. Bravo! Хороши мои, да и эти молодцы! Герцъ! смерти его я никогда бы себя не простилъ, но, вы, Коммендантъ, поступали, какъ следовало. Дайте руку! (смыется) Вы хотите драться? Вы вѣдете со мною — мы будемъ вмѣстѣ драться! А шпага перу не помѣха—дайте руку Герцу.

Коммендантъ. Государь!... Баронъ! простите меня! (Онъ обнимаетъ Герца).

Карлъ. Герцъ! ты отправляешься немедленно на Амандъ. Возьми съ собою этого старика; скажи брату моему Петру, что я посылаю ему дорогой подарокъ... Если у него есть въ запасъ еще нѣсколько такихъ стариковъ—мы кое-что успѣемъ сдѣлать вмѣстѣ!...

Иголкинъ. Ты хочешь мириться съ моимъ Государемъ? Ты мнѣ даешь свободу, Государь?

Карлъ. Слуга покорный! такого забіяку оставить въ Стокгольмѣ—ты еще перебьешь у меня дюжины двѣ солдатъ, а мнѣ они надобны противъ Датчанъ. Ведь они не всѣ такіе негодяи, какъ ты, которыхъ ты вычеркнулъ изъ списка. Съ братомъ Петромъ мы покажемъ, что Русскіе и Шведы стѣять другъ друга. Кланяйся ему, старикъ—дай руку—молодецкая, желѣзная рука!

Иголкинъ (улыбаясь). Русская рука, Ваше Величество, которая на себя охумы не положить...

Карлъ (смѣется). Братъ Петръ успѣлъ убедить меня въ этомъ—я не вѣрилъ прежде, и за увѣреніе заплатилъ не дешево.. Герцъ! ты придешь ко мнѣ—старикъ я приготовлю въ дорогу гостинецъ... Баронъ Аделькрейцъ! подемъ-те! (уходитъ).

Коммандантъ. Иголкинъ! дай обнять себя! Ты зайдешь проститься со мною! (Онъ обнимаетъ его и уходитъ за Королемъ).

Герцъ. Готовы ли вы въ путь, г-нъ Иголкинъ?

Иголкинъ. Готовъ ли я? (Густавъ и Маргарита бросаются въ его объятія) Видите ли, какъ я люблю васъ... Мнѣ отдали жизнь, честь, свободу—я вду на святую Русь, а мнѣ грустно разставаться съ вами!

Э П И Л О Г Ъ.

Площадь между Троицкою церковью, домикомъ Петра Великаго и крѣпостью. Сзади Невы. За нею строятся на нынѣшней Адмиралтейской сторонѣ. На площади веселится и ходитъ народъ. Слышна пѣсня:

Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабль спасилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ...

Двое купцовъ.

1-й. Мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! Давно ли изъ Москвы?

2-й. Только что вчера.

1-й. Ну, что новаго?

2-й. Москва вамъ кланяется. Живемъ по добру, по здорову. Что у васъ слышно, Петръ Петровичъ?

1-й. На Русской землѣ когда безъ радостей, слава-

те, Господи! Вотъ къ вамъ не дошли развѣ такія вѣсти, что батюшка нашъ, православный Государь воротился изъ чужихъ краевъ, и съ Матушкой Царицей?

2-й. Да, не отъ того ли у васъ въ Питеръ и народъ такъ гуляетъ?

1-й. Именно. Возвращеніе Царя праздникъ для Русскаго сердца. А особливо, вѣдь мы его, батюшку нашего, такъ долго не видали. Вздилъ онъ за нашимъ же счастьемъ, бесѣдовалъ тамъ съ иноземными владыками, какъ бы имъ все устроить на миръ и спокойствіе, да на благо народное...

2-й. Слышно было у насъ въ Москвѣ, что будто и съ Шведомъ у насъ скоро миръ будетъ?

1-й. Да, кажется, что такъ. Увидѣлъ Шведскій Король, что не подь силу ему бороться съ нашимъ великимъ Государемъ, и прислалъ своихъ министровъ. Начали было тутъ Шведы спорить, такъ Царь Государь и говоритъ: «Скажите имъ, что сильно-то спорить имъ не приходится — вѣдь я на конгрессъ-то 40,000 пословъ пришло, съ пушками, вмѣсто перьевъ...

2-й. Ай, да Царь Православный!

1-й. А слышалъ ли ты, что въ прошломъ году на Шведа ходили Англичане, Голландцы, Датчане, наши Рускіе—всѣ на корабляхъ, а надъ всеми четьрьмя флотами главой былъ нашъ Государь православный!

2-й. Дай ему Богъ здоровья! Объ немъ радостныхъ вѣстей и не переслушаешь. Да неужели здѣсь, на такой тѣсной площади, у васъ въ Питеръ главное гулянье бываетъ?

1-й. Тѣсна эта площадь, да Русскому разгулу на ней просторно: видишь ли вотъ бѣдный домикъ? Этотъ домикъ первоначально построилъ себя Царь Петръ Алексѣевичъ, какъ заложилъ Питеръ. Здѣсь онъ жилъ, здѣсь онъ трудился, здѣсь онъ

молился за свое царство православное, и теперь онъ часто здѣсь бываетъ, любитъся на народъ православный, а потому и любимое здѣсь гулянье народное.

2-й. Въ этомъ домикѣ жилъ онъ? Царь Россіи, великій, могущій, жилъ въ этомъ домикѣ, когда онъ могъ себѣ золотыя палаты построить? Поведи меня туда—дай мнѣ поклониться этому святому убежищу Царя великаго!...

1-й. Пстой, пстой! Вотъ раздается наша Русская пѣсня, родная... народъ хоровады повелъ!

2-й. Русская пѣсня! Эхъ! такъ отъ нея сердце и забилось!... (Толпа народа, мужчины, женщины, дѣти. Впереди запѣвало. Они останавливаются на срединѣ.)

ПѢСНЯ.

Засвѣтилась звѣзда самоцвѣтная
 Надъ Невой рѣкой, во небесыи.
 Чуть вѣще радость дивную —
 Прилетѣла къ намъ золотая вѣсть:
 Вернулись нашъ Православный Царь!
 Радость-солнце нашъ отецъ,
 Золотой на немъ вѣнецъ!
 Съ нимъ и матушка-Царица,
 Словно свѣтлая зарница!

ХОРОВОДЪ.

Заплетися, плетень, заплетися,
 Православный народъ веселися!
 Ты завейся, труба золотая,
 Веселись, веселись, Русь святая!
 Завернися, камка хрустятая,
 Загреми наша пѣсня родная!

ХОРЪ.

Слава Богу на небѣ, слава!
 Государю на сей землѣ слава!
 Государь нашъ, надежа, не старѣйся, слава!
 Его цвѣтное платье не носится, слава!
 Его добрые кони не вѣдятся, слава!
 Золотой казнь его счета нѣтъ, слава!
 Его воинство — громы небесные, слава!
 А любовь къ нему — океанъ море, слава!

2-й купецъ. Эхъ! утѣшили душку! Эй, молодцы! Да, посмотри-ка, посмотри, Петръ Петровичъ, что еще такое?

1-й. Не знаю, родимый! Купечество съ хлѣбомъ и солью, и офицерство, и солдатухи наши...

Купцы идутъ съ хлѣбомъ-солью. Преображенскій капитанъ и солдаты. Народъ обступаютъ ихъ.

Старшій купецъ (народу). Позвольте, добрые люди, очистите дорогу къ пристани. Царь-Государь вельмъ встрѣтитъ намъ почетнаго гостя, который плыветъ сюда съ чужой стороны и близко подплываетъ. (Народъ становится по сторонамъ).

1-й купецъ. Позволь, родимый, узнать: кого-же это вельмъ такъ привѣтствовать и встрѣчать Царь Петръ Алексѣевичъ? Не короля ли какого? Не спарала ли?

Старшій купецъ. Нѣтъ! Русскаго купца Иголкина, о которомъ ты, вѣрно, слыхалъ, какъ онъ, не жалья живота, бывши въ полону, отистилъ оскорбленіе великаго Царскаго имени!

1-й. Онъ возвращается на родину?

Старшій купецъ. Да, Король Шведскій одарилъ его за подвигъ дарами богатыми, и послалъ къ Царю съ грамоткой; говоритъ: «Вотъ тебѣ, Государь, подарокъ, лучше котораго и прислать нечего!» А Царь прочиталъ грамотку, вельмъ приготовить пиръ почетный, и ждетъ его, тамъ, во дворцѣ своемъ, хлѣба-соли кушать, съ хозяйшккой своей, съ министрами, съ воеводами, а намъ вельмъ встрѣтитъ здѣсь его и привѣтствовать...

Народъ. Ёдетъ, ёдетъ Иголкинъ! (Всѣ стремятся къ берегу).

1-й Купецъ. А, пріятель, что скажешь? Умѣсть ли за любовь и вѣрность награждать Русскій Царь?

2-й Купецъ. Эхъ, братъ! Плакать хочется, а говорить-то ужъ не въ могуту!

Лодка пристаёт къ берегу. Иголкинъ выходитъ изъ нея. Всѣ стоятъ почтительно.

Иголкинъ. Русь моя матушка! Да, не во снѣ ли ты мнѣ грезишься? Ты ли это, моя родимая сторонашка? Дай мнѣ обнять себя, дай прижать тебя къ ретивому! (Онъ падаетъ на землю и цѣлуетъ ее) Люди Русскіе! Здравствуйте, православные! Заговорите со мной Русскимъ языкомъ! Пусть услышу я отъ васъ рѣчь родную, привѣтную!

Старшій купецъ. Милости просимъ, добро пожаловать! Люди Русскіе тебя привѣтствуютъ, челомъ тебѣ бьютъ, хлѣбъ-соль подносятъ!

Капитанъ. Его Царское Величество поздравляетъ тебя съ прїездомъ, присылаетъ тебѣ кафтанъ золотнѣй, и проситъ тебя пожаловать къ нему на почетный пиръ!

(Иголкинъ хочетъ говорить и не можетъ).

Жена и внукъ Иголкина (бѣгутъ къ нему). Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Дѣдушка!

Иголкинъ прижимаетъ ихъ къ сердцу. Многие бросаются обнять его. Окруженный женою, внукомъ, народомъ, онъ выступаетъ впередъ и становится на колѣни.

Иголкинъ (едва можетъ говорить). Господи!... Услыши молитву мою: да будутъ внуки наши такъ любить Отечество и Царя Православнаго, какъ мы ихъ любимъ, и да будутъ Цари Русскіе подобны Царю Петру Алексѣевичу!

Общій кликъ: Ура! Ура!

Н. ПОЛЕВОЙ.

СВИДѢТЕЛЬ.

(Изъ записокъ путешественника).

...Я выскочилъ изъ коляски и цѣловалъ родную землю. Звонъ Русскаго православнаго колокола вывелъ меня изъ этого чувства самозабвенія, которое находить на душу при видѣ отчизны, особливо послѣ десятилѣтней съ нею разлуки. Невдалекъ, на пригоркѣ бѣлѣлись стѣны монастыря. Забывъ усталость, я бросился въ отворенныя врата храма, не съ холоднымъ любопытствомъ путника, но какъ младенецъ бросается въ объятія матери. Это испытали всѣ послѣ долгой разлуки съ родиною.

Всенощная отошла. Сквозь полукруглыя окна проходили длинныя, багровыя лучи заходящаго солнца, волновались въ облакахъ церковнаго оуміама, и рядами ложились на свѣтлую позолоту иконостаса—какъ долгая, горькая, взволнованная кровавыми страстями молитва, достигшая наконецъ Скиніи Завѣта души человѣческой. Свежій, вечерній воздухъ проникалъ въ растворенныя двери. Міряне начали выходить изъ церкви; за ними черною полосой потянулась монастырская братія. Я стоялъ неподвижно; опустѣлый храмъ мнѣ казался еще величественнѣе, еще благодатнѣе. Его видъ наводилъ тѣ мысли, которыя исчезаютъ среди толпы, въ жизни мятеж-

ной, которыхъ не можетъ уловить слово, но которыя такъ внятно говорятъ сердцу. Почти неслышанный шорохъ заставилъ меня замѣтить, что я не одинъ. Въ отдаленномъ углу, монахъ, лежалъ, распростертый на холодномъ помостѣ. Невольное любопытство заставило меня также остаться въ церкви. Наконецъ отшельникъ всталъ; лицо его освѣтилось лучами солнца.

Незнакомецъ, казалось, также узналъ меня. Мы сошлись ближе. «Ты ли это, Ростиславъ?»

— Ты ли это, Григорій? — и мы бросились другъ другу на шею. Я узналъ стараго товарища по службѣ, стараго товарища моего дѣтства.

«Что значить твое платье? Что значить твое блѣдное, изнѣвшее лицо? Ты ли это, удалой гусарь, украшеніе Петербургскихъ баловъ?»

Монахъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, вздохнулъ глубоко и повелъ меня въ свою келью. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда въ чужіе края, я отправился въ отпускъ къ роднымъ; въ семьѣ я нашелъ матушку, уже очень слабую и больную; моего младшаго брата я почти не узналъ: въ его возрастѣ человѣкъ такъ быстро перемѣняется, а я уже лѣтъ пять не видалъ его; теперь ему было около семнадцати лѣтъ; онъ былъ прекрасенъ собою и самаго милаго юношескаго характера. Матушка не хотѣла отпускать его; она его одного изъ всѣхъ дѣтей кормила сама, а ты знаешь, что это обстоятельство производитъ между матерью и дѣтьми какую-то таинственную, неразрывную, почти физическую связь, которая усиливаетъ въ высшей степени и безъ того горячее материнское чувство, и не проходитъ съ лѣтами. Вячеславъ совсѣмъ было рѣшился на желаніе матери. Но когда онъ увидѣлъ мой блистатель-

ный мундиръ, мои усы, наслышался моихъ разсказней о полковомъ, пріятельскомъ кругѣ, о театрѣ, о наслажденіяхъ Петербургской жизни, — онъ позабылъ просьбы матери, свои обѣщанія, и сталъ неотступно просить у нея позволенія вступить въ военную службу. Я присоединилъ къ его просьбамъ мои; я представилъ матушкѣ всѣ выгоды, которыя ему доставить этотъ родъ жизни; напоминалъ ей, что мы будемъ другъ другу подпорою; обѣщалъ быть при Вячеславѣ неотлучно, быть для него, не только братомъ, но отцомъ. Послѣ долгой борьбы, матушка однажды наединѣ подозвала меня къ своимъ кресламъ и сказала: «Я не могу больше противиться вашимъ просьбамъ. Я не хочу, чтобы дѣти мои могли когда либо обвинять меня въ томъ, что я помѣшала ихъ счастію въ жизни. Возьми Вячеслава съ собою, но, Ростиславъ, не радуйся моему согласію: ты не знаешь, какую отвѣтственность я на тебя налагаю; если бы я могла отъ кресель дойти до кареты, я поѣхала бы съ вами, но это было бы бесполезно; для меня, старухи, все равно 700 верстъ, или семь сажень — мнѣ за вами не угнаться; я была бы вамъ токмо помѣхою въ жизни, а ты знаешь, что я не принадлежу къ числу тѣхъ матерей, которыя, по какому-то эгоизму, любятъ держать дѣтей своихъ возлѣ себя на привязи, хотя и увѣрены, что имъ собою надобѣдаютъ. Теперь слушай: Вячеславъ дитя; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, не знаетъ ни людей, ни жизни, но ты, Ростиславъ, ты уже не ребенокъ: ты перешелъ это время страшнаго кризиса, когда въ головѣ человѣка нѣтъ ни одной собственной мысли, когда онъ не можетъ себя дать ни въ чемъ отчета, когда каждое слово, погромче другаго произнесенное, можетъ совратить его съ прямого пути. Ты естественно будешь имѣть сильное

влияніе надъ твоимъ братомъ; еще долго онъ будетъ думать твоею головою, чувствовать твоимъ сердцемъ, жить твоею жизнью. Береги себя, береги его. Я не приму отъ тебя никакихъ оправданій: что онъ сдѣлаетъ, въ томъ ты будешь виноватъ передо мною; въ твоихъ сношеніяхъ съ братомъ ты долженъ все предвидѣть; все предупредить, и въ его поступкахъ ты мнѣ дашь отвѣтъ, и въ сей и въ будущей жизни.» Эти слова до сихъ поръ звучатъ въ моемъ слухѣ. Матушка была растрогана—я также. Я въ душѣ былъ твердо убѣжденъ, что ея довѣренность ко мнѣ не напрасна, и далъ ей страшную клятву исполнить ея священный завѣтъ.

Срокъ моего отпуска приблизился; мы вырвались изъ объятій матушки. Вячеслава я уложилъ въ коляску почти безъ памяти; онъ плакалъ какъ ребенокъ.

«Я не буду описывать тебѣ первыхъ годовъ нашей Петербургской жизни. Я не могъ жаловаться на Вячеслава: онъ былъ не множко вѣтренъ, но зато сохранилъ всю дѣвственность души, столь рѣдкую нынѣ между молодыми людьми; бездѣлица его огорчала, бездѣлица его не веселила; онъ былъ весь наружу, говорилъ все, что ему ни приходило въ голову; въ веселую минуту прыгалъ по столамъ и стульямъ; въ грустный часъ не могъ удержаться отъ слезъ; иногда по цѣлымъ часамъ бѣгалъ по комнатамъ съ Боксеномъ, молодою лигавою собакою; я тогда говаривалъ, что они любили другъ друга по симпатіи характеровъ, ибо одинъ былъ такой же бѣшеный, какъ другая. Въ самомъ дѣлѣ, Боксень, неприступный даже для меня, позволялъ Вячеславу дѣлать съ собою все, что приходило въ его вѣтреную голову, и когда, бывало, они вмѣстѣ разыграются, надобно было имѣть все мое хладнокровіе, чтобы,

или не расхотаться, или не разсердиться не въ шутку; но признаюсь, мнѣ больше нравилось дѣтское простодушіе моего брата, нежели раннія расчетливость нѣкоторыхъ изъ его товарищей, которые, казалось, были дипломатами еще въ колыбели. Я познакомилъ его со многими домами; возилъ на балы; онъ танцевалъ усердно, съ полнымъ, искреннимъ удовольствіемъ; его веселый, открытый видъ не могъ не нравиться: дамы волочились за нимъ базъ всякаго милосердія, принимая его за настоящаго ребенка, и онъ, проказникъ, какъ говорится — *faisait le gros dos*. Я любовался, смотря на него какъ отецъ на свое дитя.

Наконецъ наступилъ давно нетерпѣливо ожидаемый день: Вячеславъ былъ произведенъ въ корнеты; изобразить его радости невозможно; незнакомый съ чиннымъ притворствомъ нынѣшней молодежи, онъ безпрестанно вертѣлся передъ зеркаломъ, то той, то другой стороною, чтобы лучше видѣть свои эполеты; потомъ, то бросался обнимать меня, то надѣвалъ трехугольную шляпу, то таскалъ Боксена за лапы. «Ты знаешь ли, Боксень,» говорилъ онъ, «что я теперь корнетъ? Понимаешь ли ты это? — Знаешь ли, что ты теперь будешь ходить по Невскому Проспекту со мною, съ господиномъ корнетомъ?»... И, казалось, Боксень понималъ его; по крайней мѣрѣ, махалъ хвостомъ, и отвѣчалъ на слова Вячеслава громкимъ лаемъ. Всѣ эти простыя происшествія нашей тогдашней жизни, всѣ слова Вячеслава такъ живы въ моей памяти. — Слеза скатилась съ рѣсницъ отшельника; онъ глубоко вздохнулъ, призадумался, вѣроятно, для того, чтобы собрать свои мысли, и наконецъ продолжалъ:

— У одного изъ нашихъ товарищей, Вецкаго, былъ старшій братъ, служившій въ статской службѣ. Я
Т. VII. — Отд. I.

очень любилъ его; онъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своему уму, но отъ роду я не видывалъ человѣка болѣе неловкаго: онъ былъ физически какой-то недоносокъ, и потому очень слабого здоровья. Онъ имѣлъ сознание своего физическаго безсилія, и потому не позволялъ себѣ никакого удалства, даже никакого гимнастическаго упражненія. Онъ ходилъ медленно, осматривая каждый шагъ свой; ѣздилъ верхомъ такъ, что кавалеристу нельзя было смотрѣть на него безъ смѣха, и когда молодежь гарцовала на горячихъ скакунахъ, онъ болзливо освѣдомлялся, какаа лошадь смирише, и тщательно осматривалъ, хорошо ли подтянута у ней подпруга. Къ тому же, онъ имѣлъ какой-то недостатокъ въ выговорѣ, который заставлялъ его говорить протяжно, почти заикаясь. Можешь себѣ представить дѣйствіе, которое онъ производилъ въ кругу молодыхъ, ловкихъ кавалеристовъ, полныхъ жизни и отваги, часто доходившей до безразсудства. Вецкій былъ хорошій товарищъ; его любили, но вслѣдъ почиталъ обязанностию трунить надъ нимъ, надъ его нѣжнымъ сложеніемъ, неразвязностью, надъ его осторожностью, которая часто походила на боязливость. Вецкій сносилъ всѣ эти насмѣшки съ величайшимъ хладнокровіемъ; иногда отдѣлывался умной шуткой, иногда самъ съ другими смѣялся надъ собою, но чаще не зналъ что отвѣчать на неожиданныя вылазки, ибо, казалось, и умственные его способности были такъ же неразвязны, какъ тѣлесныя. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ легко сбить съ толку, забросавъ ихъ словами, и которые, часто, никакъ въ первую минуту не найдутся. Но такое состояніе было непріятно Вецкому, хотя онъ и старался скрывать гнѣвъ свой подъ всегда спокойною, холодною наружностію; видно было, что онъ

употреблялъ всѣ усилія, чтобы не терять власти надъ собою, приговаривая съ улыбкою, что ему сердиться *нездорово*. Съ нѣкотораго времени, я замѣчалъ, что братъ мой больше всѣхъ трунить надъ Вецкимъ, но мы всѣ такъ уже привыкли смѣяться надъ нашимъ *фрагшикомъ*, такъ привыкли видѣть въ немъ забавное препровожденіе времени, что я не обращалъ на поведеніе моего брата особеннаго вниманія; оно всѣмъ намъ казалось такъ естественнымъ. Дѣло было въ томъ, какъ я послѣ узналъ, что Вячеславъ приревновалъ Вецкаго къ одной красавицѣ, которой, по странному капризу, больше нравился намъ неловкій чудакъ, нежели мой ловкій, прекрасный кавалеристъ.

Новые офицеры должны были, что говорится, *спрыснуть свои эполеты*; они разобрались днями, чтобы сперва пировать у одного, потомъ у другаго, но скорый выходъ полковъ изъ казармъ въ окрестности Петербурга заставилъ ихъ отложить свои пирушки до тѣхъ поръ, пока не перейдутъ совсѣмъ на лѣтнія квартиры. Наконецъ, наступили дни пирушекъ. Ты не можешь имѣть объ нихъ понятія; десять лѣтъ—цѣлый вѣкъ въ Россіи; миновалось время грубыхъ, необузданныхъ оргій, которыя ты еще помнишь; нынѣ молодые люди благоразумны даже за бутылкой вина; нынѣшнія оргіи—чинны, благородны; на нихъ можетъ присутствовать женщина не красяся, но несмотря на это, шампанское попрежнему производитъ на людей свое дѣйствіе, отъ него также поднимается кровь въ голову. Правда, нынѣ говорятъ уже не честь пить до того, чтобы свалиться подъ столъ, но по прежнему отъ вина человѣкъ становится веселѣе, быстрѣе, неожиданнѣе въ движеніяхъ, и по прежнему всѣ его чувства становятся живѣе; всякая мысль, иногда забытая въ глу-

бинѣ души въ трезвомъ состояніи, растеть подь поливкою шампанскаго, какъ подь микроскопомъ. Пирушка происходила въ небольшой деревенской избѣ; на шампанское не скупились; къ тому же пирушка была не первая, и головы всѣхъ, даже Вецкаго, были какъ говорится, на второмъ взводѣ. Вотъ ужь два часа за полночь. Мнѣ стало душно; я вышелъ изъ избы, пошелъ по деревнѣ; какъ теперь помню, ночь была холодная, свѣтлая; я съ наслажденіемъ впи-валъ въ себя свѣжій воздухъ, любовался видомъ деревни, которая уже начинала багровѣть отъ первыхъ лучей зари; все было тихо, но свѣтился лишь домикъ, въ которомъ была пирушка; въ окошкахъ мелькали тѣни; до меня доходили хохотъ и веселые крики молодежи. Вдругъ все стихнуло; при этой внезапной тишинѣ я невольно вздрогнулъ; сердце мое сильно забилося, будто я услышалъ страшную, недобрую вѣсть. Не отдавая себѣ отчета въ моихъ чувствахъ, я невольно удвоилъ шаги, возвращаясь къ избѣ. Когда я вошелъ въ нее, предчувствіе мое оправдалось: со мною въ дверяхъ встрѣтился Вецкій, съ шляпою въ рукахъ; онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но былъ блѣденъ, какъ полотно, и подь равнодушною улыбкой, тщетно хотѣлъ скрыть внутреннее волненіе.

Мнѣ тотчасъ рассказали, что случилось въ мое отсутствіе: пустая ребяческая шалость, но которая должна была окончиться кровью....

Молодые люди открыли окошко на дворъ; одинъ изъ нихъ вздумалъ выскочить изъ него, за нимъ другой, потомъ третій; кто падалъ, кто унибался, потому, что окно было довольно высоко. Общій смѣхъ, опасность возбудили въ молодежи странное самолюбіе: всѣмъ захотѣлось испытать, не сломитъ ли кто себѣ шеи при этомъ подвигѣ?

«Ну ты что же?» сказала братъ старшему Вецкому, съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не намѣренъ скакать — отвѣчалъ Вецкій холодно.

«Нѣтъ! ты непременно долженъ скакать.

— Я тебѣ сказалъ, что не хочу.

«Ты не хочешь скакать,» отвѣчалъ братъ, разгорченный виномъ,» потому что ты трусъ.

— Я не совѣтую тебѣ повторять этихъ словъ — сказалъ Вецкій.

Бѣдный братъ не помнилъ самъ, что говорилъ, что дѣлалъ.

«Не только повторю,» возразилъ онъ, подбоченившись, «но еще скажу Графинѣ М... (дама, за которою они оба волочились), скажу ей: вашъ нѣжный обожатель трусъ! Не угоднולי обѣ закладъ?»

Вецкій, не смотря на все свое хладнокровіе, вышелъ изъ себя; онъ сильно схватилъ брата за руку и проговорилъ: — Осмѣлся, сумасшедшій!

Ударъ перчаткой по лицу былъ ему отвѣтомъ.

—

Что тутъ оставалось дѣлать? Нѣкоторое время, я думалъ примирить противниковъ, но какъ? Заставить брата просить прощенія — невозможно: его самолюбіе было распалено офицерскимъ мундиромъ. Онъ самъ чувствовалъ, что поступилъ глупо, но начать свое поприще тѣмъ, что онъ называлъ подлостью, струсить, на это онъ не соглашался. Я самъ въ то время не могъ вообразить этого безъ ужаса. Мнѣ оставалось дѣйствовать на Вецкаго; я рассчитывалъ на его всегдашнюю робость, на всегдашнюю его осторожность и благоразуміе. Въ эту минуту эгоизма, мнѣ казалось, ничего не стоило

оставить этого человека под игомъ всеобщаго презрѣнiя, чтобы только спасти брата. Смиривъ свою гордость, я пошелъ къ нашему фразнику.

Когда я вошелъ въ его комнату, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и спокойно курилъ сигару. Его спокойствiе меня встревожило.

«Я хотѣлъ говорить» сказалъ я ему, «не съ вашимъ секундантомъ, но съ вами. Вы, какъ человекъ благоразумный, должны видѣть въ поступкѣ моего брата не иное что, какъ шалость мальчика, который не заслуживаетъ вашего вниманiя.»

Вецкiй посмотрѣлъ на меня съ удивленiемъ и улыбнулся.

— Вы повѣрите — сказалъ онъ — что я больше, нежели кто другой, жалю о поступкѣ вашего брата. Но, позвольте вамъ сказать: вы сами не думаете того что говорите; скажите сами, можно ли это оставить безъ вниманiя? —

Эти немногiя слова перемѣнили образъ моихъ мыслей о Вецкомъ. Я захотѣлъ тронуть чувствительность его сердца; я разсказалъ ему всѣ наши домашнiя обстоятельства — прощенiе съ матушкой, ея слова... Я не щадилъ Вячеслава, называлъ его безумнымъ, шалуномъ; я даже выговорилъ слово: *прощенiе*.

«Позвольте васъ спросить» сказалъ мнѣ Вецкiй, съ обыкновенною своею холодною улыбкой — «вы предлагаете мнѣ извиненiе отъ имени вашего брата, или отъ своего?»

Я смѣшался и не зналъ что ему отвѣчать. Онъ устремилъ на меня пронизательный взглядъ.

«Я очень понимаю ваше положенiе; я знаю, вашъ братъ не будетъ у меня просить прощенiя, и — ему нельзя у меня просить прощенiя. Я очень сожалю объ васъ, и даже объ немъ; я не бретѣръ

дуели не мое дѣло; мое правило въ жизни было всегда избѣгать повода къ нимъ, но» прибавилъ онъ съ силою, «никогда не отступать ни шагу назадъ, когда опасность неизбежна. Войдите въ мое положенiе: сколько разъ я отдѣлывался шутками отъ такихъ словъ вашего брата, за которыя другой имѣлъ бы уже десятка два дуелей? Я щадилъ его молодость, и признаюсь вамъ, щадилъ самого себя, ибо въ жизни и безъ того много неприятностей, да она же и коротка: зачѣмъ ею жертвовать по пустякамъ? Но здѣсь дѣло другаго рода. Подумайте сами, что будетъ со мною, если въ добавокъ къ общему мнѣнiю о моемъ излишнемъ благоразумiи, я и этотъ случай оставлю, какъ вы говорите, безъ вниманiя? Вы знаете предразсудки общества: я не найду мѣста на земномъ шарѣ; на меня будутъ показывать пальцами; мнѣ останется застрѣлиться, но это, согласитесь сами, было бы несогласно съ моимъ *благоразумiемъ*.»

Его слова были холодны, просты и насмѣшливы; по тогдашнимъ моимъ понятiямъ, я не могъ ихъ опровергнуть.

— Если такъ — вскричалъ я съ жаромъ — то вы, милостивый государь, будете имѣть дѣло со мною.

«Если это можетъ принести вамъ удовольствiе», отвѣчалъ Вецкiй, отряхавъ золу съ сигарки, «но не прежде, какъ мы окончимъ дѣло съ вашимъ братомъ. Впрочемъ, вы сами знаете, что и братъ вашъ, вѣроятно, не согласится на такую сдѣлку. Извините — мнѣ теперь надобно окончить нѣкоторыя письма.»

Съ сими словами, онъ холодно поклонился; я выбѣжалъ изъ комнаты съ отчаянiемъ въ сердцѣ.

Дома ожидалъ меня секундантъ Вецкаго. Онъ объявилъ мнѣ, что ему поручено не соглашаться ни на

какія миролюбныя предложенія, кромѣ одного, чтобы братъ мой согласился предъ всѣми офицерами полка принести извиненіе Вецкому. Не знаю, какъ нынѣ, но тогда такое условіе казалось совершенно невозможнымъ.

Оставалась одна послѣдняя надежда — Вецкій не умѣлъ стрѣлять. Я, по тогдашнимъ понятіямъ, былъ естественнымъ секундантомъ моего брата, я былъ всѣхъ ближе къ нему, и это казалось неминуемымъ долгомъ родства и дружбы. Придумывалъ всѣ средства, чтобы дать какой нибудь перевѣсъ моему брату, я предложилъ стрѣляться въ двадцати шагахъ, и выстрѣлившему остановиться у барьера. Я надѣялся на мѣткость моего брата. Секундантъ Вецкаго охотно принялъ мое предложеніе. Едва мы окончили эту кровавую сдѣлку, какъ вошелъ Вячеславъ. Боксенъ прыгалъ передъ нимъ съ радостнымъ лаемъ. Братъ старался показывать безопасность и спокойствіе, игралъ и прыгалъ съ собакою по прежнему, но я видѣлъ, что онъ былъ внутренно взволнованъ. Вѣроятно, юношѣ представилась жизнь во всей ея прелести; вѣроятно, ему не хотѣлось разстаться съ нею; я глядѣлъ на его свѣжее, красивое лицо, и сердце мое обливалося кровью. Въ эти немногіе часы, я постарѣлъ двадцатью годами.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на мѣстѣ. Мысль, что я привелъ брата подъ свинцовую пулю, отнимала у меня всѣ способности думать и дѣйствовать; тщетно хотѣлъ я показать хладнокровіе, требуемое въ такихъ случаяхъ — я не помнилъ самого себя; секундантъ Вецкаго исполнилъ мою должность. Наступила рѣшительная минута; я собралъ всѣ свои силы; осмотрѣлъ пистолетъ Вячеслава; они стали на мѣста. Вецкій былъ холоденъ, какъ ледь: едва замѣтная улыбка была видна на стиснутыхъ губахъ

его. Казалось; онъ стоялъ у камина на блестящемъ раутѣ. Взглянувъ на Вячеслава, я съ ужасомъ замѣтилъ, что рука его дрожала.

Данъ сигналъ. Противники стали медленно приближаться..... Видъ опасности заставилъ Вячеслава забыть всѣ мои совѣты—онъ выстрѣлилъ... Вецкій зашатался, но не упалъ; пуля разбила ему лѣвое плечо.

Скрывая свои страданія, онъ знакомъ пригласилъ Вячеслава приблизиться къ барьеру; братъ, съ невольнымъ, судорожнымъ движеніемъ, ему повиновался..

Въ эту минуту я оцѣпенѣлъ; меня облило холоднымъ потомъ; я видѣлъ, какъ медленно приближался Вецкій, какъ наводилъ онъ убійственный курокъ, видѣлъ спокойный, неумолимый взглядъ Вецкаго. Вотъ онъ уже въ двухъ шагахъ отъ брата; я вспомнилъ матушку, ея слова, мои обѣщанія, и пришелъ въ состояніе близкое къ сумасшествію; у меня потемнѣло въ глазахъ, я забылъ все: и честь, и совесть, и условія общества; я помнилъ только одно, что предъ моими глазами убиваютъ моего брата.... Я не вытерпѣлъ этой минуты, я бросился къ Вячеславу, обхватилъ его, заслонилъ собою и закричалъ Вецкому: «Стрѣляйте!»

Вецкій опустилъ курокъ. «Развѣ такія были условія дуэли?» сказалъ онъ, спокойно обращаясь къ своему секунданту.

Общій крикъ негодованія раздался между присутствовавшими; меня отгнали отъ брата... Раздался выстрѣлъ — Вячеславъ упалъ замертво!

Какъ разеказать что со мною произошло въ это время? Я вырвался отъ державшихъ меня, кинулся къ Вячеславу, и не помнилъ ничего, смотрѣлъ на его жестокія, предсмертныя муки; смотрѣлъ, какъ онъ судо-

рожно извивался въ нестерпимыхъ страданіяхъ, какъ глаза его закрылись навѣки!... Въ эту минуту Боксень, съ оборванною веревкой, прибѣжалъ на кровавое мѣсто, припалъ къ Вячеславу, вылъ и лизалъ его рану.

Этотъ видъ привелъ меня въ себя; я вскочилъ, схватился за пистолеть, но Вещкій, ослабѣвшій отъ раны, лежалъ уже безъ памяти на носилкахъ. Распаленный мщеніемъ, я было бросился къ страдальцу, я готовъ былъ растерзать его, но меня остановили.... Какъ будто сквозь сонъ, отдавались въ моихъ ушахъ упреки и осужденія моихъ сослуживцевъ.

—

Что тебѣ рассказывать далѣе? продолжалъ отшельникъ. Ты знаешь слѣдствія дуэли. Но казнь за преступленіе была для меня легка: моя казнь была въ моемъ сердцѣ. Жизнь для меня кончилась; я жаждалъ одного, или въ битвѣ съ врагами потерять мою ненужную жизнь, или похоронить себя заживо. Первой чести я не удостоился. Здѣсь, вдали отъ родины, незнаемый никѣмъ, я стараюсь плачемъ и рыданіемъ заглушить голосъ моего сердца. Но до сихъ поръ ночью будятъ меня страшныя видѣнія: мнѣ представляются Вячеславъ, облитый кровью... матушка, умирающая съ отчаянія... и въ ушахъ моихъ отдаются страшныя слова Писанія: *«Каинъ! гдѣ братъ твой?»*

К. В. О.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАНКАЗЪ, МЕЧТАТЕЛЬ.

Повесть Ал. Лаверна.

I.

Около года спустя послѣ смерти Людовика XIII-го, въ одно прекрасное утро, изъ Воланной Залы вышло нѣсколько господъ королевскихъ мушкетеровъ; ихъ было съ полдюжины, всѣ молодые, и по гордому, наглому виду ихъ, по усамъ, отчаянно длиннымъ и закрученнымъ, и по множеству лентъ и кружевъ въ одеждѣ ихъ нельзя было не узнать въ нихъ людей знатныхъ и придворныхъ. Небольшое общество ихъ, съ шумомъ и хохотомъ, вошло въ ближайшій ко дворцу погребокъ, и тамъ, съ ругательствами и бранью, спѣшили занять передній уголь, гдѣ на тотъ разъ мирно засѣдали какіе-то два честные мѣщанина. Но, видя съ кѣмъ имѣють дѣло, мѣщане спѣшили убѣжать изъ погребка:

Т. VII. — Отд. II.

— Par sambleu, господа — вскричалъ одинъ изъ щеголеватыхъ воробьевъ, бросаясь на скамейку — чудная игра воланъ, и, чортъ побери! что дѣлали наши благородные предки, когда не дрались, пока игра въ воланъ не была выдуманна!

«Mordieu!» грубо перервалъ рѣчь его товарищъ, сильно стуча эфесомъ длинной шпаги своею по столу — «я знаю вещь лучше и чудеснѣе, когда умираешь отъ жажды и жара — хорошій погребокъ, гдѣ вѣрятъ намъ въ долгъ... И — vive Dieu! вотъ этотъ погребокъ Золотаго Яблока заслуживаетъ почетное имя... Эй! вина, да самаго лучшаго!»

— Эй, эй! вина — повторили хоромъ всѣ другіе господчики, стуча такъ крѣпко по столу, что онъ, конечно, развалился бы, если бы не былъ сдѣланъ изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ.

Погребщикъ приближалъ, скрывая подъ улыбною кислую рожу, потому что онъ сообразилъ уже въ головѣ всѣразбитыя бутылки и стаканы, которыми, безъ всякаго вознагражденія, грозили ему подобные гости, и разсчитывалъ, сколько лишняго барыша необходимо будетъ ему вять съ мѣщанъ, чтобы вознаградить убытокъ отъ щеголеватыхъ посѣтителей.

«Où, sus, maître voleur!» вскричалъ одинъ изъ молодыхъ гостей, грубо ухвативши за руку погребщика, когда онъ уставлялъ столь довольно благоразумнымъ запасомъ пьяныхъ жидкостей — «слушай: намъ нѣтъ болѣе необходимости въ твоихъ услугахъ, и мы приказываемъ тебѣ стать за дверьми. Будь вывѣской, которая сказывала бы приходившимъ, что господа Королевскіе Мушкетеры открыли здѣсь свое заведеніе, и что никто не долженъ смѣть войти сюда, если не принадлежитъ къ такому знатному роду, какъ мы, и не можетъ ѣздить въ каретахъ Его Величества Короля!»

Хотя очень затрудненный тѣмъ, какъ ему разбирать въ посѣтителяхъ два назначенныя, непрѣмныя условія, погребщикъ не заставилъ повторять себѣ словъ два раза; онъ побѣждалъ стать за дверью, считая себѣ весьма счастливымъ, что тогда была хорошая погода, и что онъ недавно овдовѣлъ, ибо такимъ образомъ, ни его мозгъ, ни его лобъ, какъ тогда говаривали, не подвергались никакой опасности. Что касается до господъ Мушкетеровъ, они начали наливать вино въ стаканы, и такъ усердно наливали, что черезъ полчаса ни одинъ изъ нихъ, вѣрно, не устоялъ бы на ногахъ безъ произвольнаго движенія, если бы не попался между ними разсудительный человекъ, невалье де-Бель-Иль, и не вскричалъ, бросая стаканъ свой на полъ:

— Стой на первомъ взводѣ, господа! Развѣ вы забыли, что сегодня вечеромъ въ Луврѣ *медианокъ* и значило бы опечалить многихъ миленькихъ дамъ, если бы мы не въ состояніи были явиться на праздникъ. Что вы скажете?

«Умно разсужено, Бель-Иль!» вскричали всѣ собесѣдники. — Стой! —

И въ одно мгновеніе, пять стакановъ задребезжали обломками по полу. Роковой звонъ стекла достигъ до ушей погребщика, который прохаживался взадъ и впередъ, какъ часовой, передъ дверьми своего погреба. Несчастный затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, и едва могъ удержаться отъ нарушенія приказа не входить въ погребъ свой. Но онъ размышлялъ, что пусть ужъ лучше бьютъ у него посуду, только бы спина и ребры оставались у него цѣлы. И вооруженный хладнокровною рѣшительностью, съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ, что произойдетъ послѣ такой звонкой прелюдіи. Вдругъ услышалъ онъ внят-

но произносимымъ свое имя, и послушный призыву гостей, трепеща, явился передъ ними.

— Ну! — сказалъ Бель-Иль — неужели никто не приходилъ въ нашу бесѣду, съ тѣхъ поръ, какъ мы произвели тебя въ швейцары?

«Никто, никто, mon gentilhomme,» отвѣчалъ погребщикъ, бросая жалостные взоры на остатки стакановъ, разбросанные по полу. «Приходило и много гостей, да всѣ они были простые мѣщане.

— И ты ихъ посылалъ къ чорту? Хорошо!

Погребщикъ тяжело вздохнулъ.

— А никто не приходилъ изъ придворныхъ?

«Извините — подходилъ кто-то, вѣроятно, придворной, потому, что слуги называли его господиномъ маркизомъ. . .

— Для чего же ты не впустилъ его, butor?

«Но вы приказали мнѣ допускать только такихъ, кто имѣетъ право ѣздить въ королевскихъ экипажахъ.»

— Ну, такъ что жь, belitre?

«А онъ, кажется, не можетъ имѣть такого преимуществва.»

— Почему такъ, maugaud?

«Потому, что онъ походилъ болѣе на . . . на сумасшедшаго, чѣмъ на дворянина; шпага была у него на правой сторонѣ; одинъ чулокъ былъ красный, а другой черный. . .

— Посмотрите, что скотина прогналъ нашего чудака Бранказя? — вскричалъ одинъ изъ гостей. — Да, развѣ ты не знаешь, глупое животное, что это почетный кавалеръ Ея Величества Правительницы, и что онъ мечтатель?

«Мечтатель?» сказалъ съ изумленіемъ погребщикъ. «А что такое *лечтатель*, Мм. Гг.?

— Ну, человекъ, который спитъ на яву.

«Справедливо,» сказалъ погребщикъ — «ну, я такъ

и думалъ, потому, что подходя къ дверямъ, почтенный господинъ, кажется, хотѣлъ зайти совсѣмъ въ другое мѣсто, а не въ погребъ Золотаго Яблока. . .

— А почему ты такъ думаешь?

«Онъ былъ въ нортшезѣ, остановился шаговъ за двадцать, сошелъ, отослалъ слугъ своихъ назадъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, и спросилъ: много ли собралось уже народу? Я отвѣчалъ, что всего только шесть господъ Королевскихъ Мушкетеровъ. Тутъ посмотрѣлъ онъ на меня съ удивленіемъ, опять спросилъ: «Да, развѣ проповѣдь еще не начиналась?» и не дожидаясь моего отвѣта, повернулся ко мнѣ спиною, пошелъ, и говоритъ: «Я еще приду!»

— Безъ сомнѣнія — вскричали захохотавши Мушкетеры — это Бранказъ!

«Повѣрите, господа,» сказалъ Бель-Иль, «что онъ пошелъ погребъ Королевскою капеллой!»

— Какая досада, что глупецъ-то отказалъ ему! — Онъ потѣшилъ бы насъ своею разсѣянностью!

«Такъ за чѣмъ же стало?» вскричалъ одинъ изъ Мушкетеровъ, до того времени мало вѣшавшійся въ разговоры, и, казалось, болѣе занятой своими красивыми усиками. «Пошлемъ-те воротить его!»

И тотчасъ, не ожидая отвѣта товарищей, онъ далъ знакъ погребщику подойти, схватилъ его за руку и сказалъ — Слушай ты, болванъ! Ты могъ замѣтить, куда пошелъ тотъ господинъ въ разныхъ чулкахъ. Бѣги за нимъ, вороти его! Ты скажешь ему учтиво, что Виконтъ Сентъ-Андре свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе, и прислалъ сказать, что всѣ уже собрались, и только его ждутъ для начала проповѣди.

«Но если онъ не захочетъ идти, либо я не догоню его?»

— Тогда не смѣй сюда появляться, потому, что, foi de gentilhomme — я обрублю тебѣ уши! —

Проговоривши такъ, Сентъ-Андре всталъ, взявъ погребщика за плечи, проводилъ его до дверей, которыя тотъ, на всякій случай, оставилъ отворенными, и вытолкнулъ его на улицу. Потомъ спокойно возвратился онъ къ столу, гдѣ опять засѣлъ съ товарищами.

«Слушай, Викомтъ,» сказалъ ему Бель-Иль, качая головою, «смотри, какъ бы не пересолить шутки. Бранказъ, конечно, мечтатель, но въ жилахъ у него течетъ добрая дворянская кровь. Отъ твоей мистификаціи можетъ она вспыхнуть, и онъ можетъ потребовать отъ тебя расчета.

— Любопытень бы я былъ посмотреть, какъ-то онъ это сдѣлаетъ — отвѣчалъ смѣясь Сентъ-Андре — подрался бы съ нимъ, хоть для того, чтобы увидѣть, не будетъ ли онъ парировать квартой, когда на него выпадутъ терцой. Забавная была бы у насъ дуэль! Я выбилъ бы у него шпагу, и увѣрилъ его, что онъ у меня выбилъ...

«А въ самомъ дѣлѣ, господа,» сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, «у бѣднаго Маркиза разсѣянность переходитъ иногда немного за предѣлы вѣроятія!

— Немного! — вскричалъ Сентъ-Андре — ну, ты выбралъ скромное словечко — немного... ха, ха, ха! Да, развѣ не слышали вы, что недавно случилось съ нимъ въ отель де-Рамбулье?

«Опять какая нибудь глупость! Ты намъ расскажешь ее!

— Охотно, но предуведомляю напередъ, что она превосходить все, что вы слышали прежде. Неимоверно, но что правда — я свидѣтель — при мнѣ было!

«Ну, ну! говори, говори!

— Вообразите, что онъ выходитъ изъ своего портшеза, и чортъ знаетъ, что ему такое померещилось: видитъ нищаго, въ лохмотьяхъ, криваго, горбатаго;

тотъ просить милостыни, а нашъ чудакъ бросается къ нему на шею, обнимаетъ его, тащитъ его съ собой, не смотря на крикъ людей, и на то, что нищій почитаетъ его сумасшедшимъ, пугается... Нѣтъ! онъ вводитъ его въ залу, видитъ дѣвицу Данжанинъ, ведетъ новаго гостя прямо къ ней, и начинаетъ рекомендовать: «Сударыня! представляю вамъ добраго пріятеля, смертельно въ васъ влюбленнаго»... Разумѣется, всѣ хохочутъ, но нимаго не смѣшавшись, Маркизь продолжаетъ: «Онъ славно пишетъ стихи, и если позволите, вотъ собраніе его сонетовъ, которые мы прочтемъ, и я попрошу васъ дать имъ мѣстечко въ гирляндѣ Юліи»... Тутъ онъ вынимаетъ изъ кармана — угадайте, что такое? — И теперь хохочу, чуть только вспомню! бьюсь на это, на тысячу — вынимаетъ свою туфлю! —

Тутъ всѣ собесѣдники такъ захохотали, что окошки Золотаго Яблока зазвенѣли отъ ихъ хохота. Ухватясь за бока, они не могли сидѣть; каждый повалился, кто куда попалъ, на столъ, на скамью. Но когда первый порывъ веселости прошелъ, одинъ изъ хохотавшихъ болѣе другихъ, все еще смѣясь, позволилъ себѣ изъяснить нѣкоторое сомнѣніе.

— Свою туфлю! — сказалъ онъ, едва переводя духъ. — Ну, Викомтъ, это ужъ черезъ чуръ, мой милый: ты, просто, прибавляешь!

«По чести, нѣтъ,» отвѣчалъ Сентъ-Андре, гордясь успѣхомъ своего разсказа — «хочу быть повѣщенъ, если не правда, да вы еще не дождались развязки, verdict! Вотъ, нищій, думая, что Маркизь хотѣлъ надъ нимъ посмѣяться, взбѣсился. Онъ вырывается у него изъ рукъ. Бранказъ выходитъ изъ разсѣянности, видитъ уродъ, гонитъ его. Оба кричатъ — шумъ, хохотъ!... Мы разнимаемъ, шумимъ еще больше... Вышла такая сумятица, что никто не

могъ слушать бѣднаго Корнеля, который хотѣлъ намъ что-то читать, и принужденъ былъ отправить-ся домой съ своею рукописью. Что вы скажете, господа? Что до меня, я въ вѣкъ не забуду туфли Маркиза Бранказа...

— Ни я, ни я! — вскричали поочередно собесѣдники, продолжая хохотать.

«Ни я!» повторилъ кто-то въ углу, твердымъ, громкимъ голосомъ.

Мушкетеры всѣ оборотились, и съ удивленіемъ увидѣли въ темномъ углу погреба челоуѣка, лѣтъ 28-ми, или 30-ти, одѣтаго очень скромно, но по ряду его видно было, что онъ придворный. Челоуѣкъ этотъ всталъ, прямо подошелъ къ молодымъ насмѣшникамъ и низко имъ поклонился. Прежде нежели открылось его блѣдное, прекрасное, но задумчивое лицо, которое закрывала шляпа съ густыми черными перьями, всѣ Мушкетеры вскричали съ выраженіемъ невольнаго испуга:

«Это Маркизь Бранказъ!»

Ошибиться было нельзя, даже и по тому, что одна нога его была въ красномъ, другая въ черномъ чулкѣ.

— Да, Мм. Гг. — сказалъ Бранказъ — это я самъ лично къ вашимъ услугамъ, и охотно готовъ пошлѣться надъ моею туфлею. —

Всѣ собесѣдники, немного смущенные, молчали, и Маркизь продолжалъ съ выраженіемъ учтивой насмѣшки:

— Что же, Виконтъ? Неужели у васъ нечего болѣе рассказывать? Сдѣлайте милость, продолжайте. Вѣдь не хорошо злословить только... отсутствующихъ!

«Palsambleu!» вскричалъ Бель-Иль, «вотъ что называется славно говорить, и съ сей минуты можете вы

считать меня, Маркизь, совершенно преданнымъ вамъ челоуѣкомъ! Вы истинно умный и любезный челоуѣкъ, а мы молодые шалуны, которыхъ стѣдуетъ записать въ папки, не смотря на то, что мы брѣдемъ бороды. Но если хотите быть вполнѣ великодушны, удостойте насъ чести принять участіе въ нашей бесѣдѣ. Въ погребкѣ здѣсь есть нѣкое чудное Бургонское, которое можно бы съ похвалою отвѣдать и за Королевскимъ столомъ: вы не откажетесь, смѣю надѣяться, выпить по стакану его?»

Бранказъ подавъ руку ловкому Бель-Илю. Всѣ подвинулись и очистили ему за столомъ мѣсто, гдѣ онъ сѣлъ. Въ ту минуту вошелъ погребщикъ, задыхаясь отъ усталости, съ испуганной рожей, и объявилъ, что всѣ старанія его догнать и отыскать г-на Маркиза были бесполезны.

— Болванъ! — сказалъ ему Бель-Иль, дѣлая знаки, чтобы онъ замолчалъ — ты кетати воротился. Твоего стараго Бургонскаго и стакановъ? —

Погребщикъ бросился исполнить приказаніе, и только принесши вино и стаканы, онъ увидѣлъ новаго гостя, закричалъ отъ изумленія и заговорилъ:

«Ахъ! г-нъ Виконтъ Сентъ-Андре! Теперь не обрубите вы мнѣ ушей, не правда ли? Господинъ, котораго вы желали видѣть, находится съ вами!»

Бранказъ поглядѣлъ съ удивленіемъ.—Г-нъ Сентъ-Андре хотѣлъ меня видѣть? — сказалъ онъ — но позволено ли спросить, чѣмъ могу я оказать ему услугу?

Всѣ молчали.

— Я понимаю — сказалъ тогда Бранказъ, съ кроткою улыбкою — г-нъ Сентъ-Андре опасался, что вы не повѣрите его разсказу, и хотѣлъ представить вамъ личное мое свидѣтельство... Благодарю

вась, Викомтъ, и свидетельствую, что рассказъ вашъ справедливъ, но — не совсѣмъ...

«Ахъ!» вскричалъ Бель-Иль, стараясь замѣть рѣчь, и боясь вспылчивости Сентъ-Андре и хладнокровной насмѣшливости Бранказя, «расскажите лучше, г-нъ Бранказъ, какимъ волшебствомъ могли вы войти къ намъ, такъ, что мы и не замѣтили вашего прихода?»

— Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Сентъ-Андре, стараясь показать, что онъ не боится шутить и въ присутствіи Маркиза — кажется, вы, г-нъ Бранказъ, немало съ родни Маршалшъ Данкръ, а вѣдь ее сожгли за волшебство...

«Да, я горжусь родствомъ съ этой невинной жертвой людской злости», сказалъ Маркизь угрюмо. «Говоря откровенно, господа, я ошибся дверью, и зашелъ не туда, куда думалъ, но, повѣрьте, что я тотчасъ опомнился, и не понималъ только одного: не на шабашъ ли вѣдьмъ попалъ я?»

— Все дѣло въ томъ, что за четверть часа, если бы цѣлый полкъ вошелъ сюда съ трубами, такъ мы не замѣтили бы его за чертовскимъ шумомъ, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

«Оставьте пустые разговоры,» перервалъ рѣчь его Бель-Иль, наполнивъ стаканы виномъ. «Господа! здорье г-на Маркиза!»

Всѣ чокнулись и осушили разомъ.

«Теперь, господа,» вскричалъ одинъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ, «предлагаю другое, драгоценное здорье: A nos maîtresses!»

— Bravo, здорье ихъ! — закричали хоромъ другіе.

«Господа!» добродушно сказалъ Бранказъ, «я пью съ вами, хоть мнѣ, право, не за кого.

— Какъ? — воскликнулъ Бель-Иль — вы хотите

увѣрить насъ, что ни одна прекрасная дама не удостоивается васъ своею благосклонностью.

«Если бы такъ было, по несчастію, для чего мнѣ хвастать тѣмъ, чего нѣтъ?»

Всѣ другіе лукаво поглядѣли другъ на друга.

— Можетъ быть, вы сами не хотите никому предложить плаванія вмѣстѣ по рѣкѣ Нѣжности?

«Я боюсь отказа.

— Вы, г-нъ Бранказъ? Подите — вы платите намъ шуткой за шутку! Очень бы любопытенъ я былъ знать имя безчеловѣчной красавицы...

«Это моя тайна!

— Ну, какъ вамъ угодно! Что до меня касается, я не скрываю моихъ побѣдъ, хоть, на примѣръ, послѣдняя совсѣмъ неважна — просто, жена моего прокурора, г-жа Жорже, но прелестная блондинка, съ таліей нимфы и волосами богини... Здорье г-жи Жорже!

«Здорье г-жи Жорже!» общій крикъ.

— Я скажу вамъ, господа — заговорилъ другой — что я взлетѣлъ немного повыше Бель-Иля: сердце мое отдано совѣтницѣ, которая очень скучала, пока почтенный супругъ ея рѣшалъ тяжбы въ Большомъ Шателе. Какъ было не утѣшить г-жи Питу, чудесной брюнетки?

«Здорье г-жи Питу!» заревѣли опять всѣ шалуны.

Пока каждый изъ нихъ, безъ малѣйшей остановки, объявлялъ такимъ образомъ имя своей красавицы и рассказывалъ о своей любви, Бранказъ смотрѣлъ на всѣхъ съ изумленіемъ, и послѣ каждого хвастовства, сопровождаемаго хохотомъ, болелъ, не упадетъ ли громъ небесный на безсовѣстныхъ насмѣшниковъ? Но небо, часть котораго можно было видѣть въ большое окно, оставалось свѣтло, безъ

тучь, и только головы Мушкетеровъ очевидно потемнѣлись. Довольно вѣроятно было, что если всѣ члены собранія станутъ продолжать рассказы о своихъ побѣдахъ, мнимыхъ или дѣйствительныхъ, то ни одинъ изъ нихъ вскорѣ не будетъ въ состояніи явиться передъ своею дамою до будущаго утра. Каждый рассказъ сопровождался стаканами, но неожиданное происшествіе положило предѣлъ и бесѣдѣ и стаканамъ.

— Parbleu, господа! — вскричалъ Виконтъ Сентъ-Андре — вы совсѣмъ обмѣщанились! Что за имена: Жорже, Питу! Кто слыхалъ ихъ отъ порядочныхъ людей?.. Фи! Я стыжусь за васъ.

«Что жъ дѣлать?» отвѣчалъ Бель-Иль. «Во всемъ виновата проклятая Марака Скюдери. Она испортила всѣхъ нашихъ дамъ своими романами. Теперь завоеваніе сердца знатной дамы тянется длиннѣе осады и завоеванія Трои... Да, чего... Ты самъ это испытываешь, даромъ что играешь передъ нами какого-то гордаго Амадиса Гальскаго, и посмѣиваешься надъ мѣщанками...»

— Я? А что бы такое испытывалъ я?

«Пошелъ, хвостунъ! Развѣ не всѣ мы знаемъ твою глупую страсть къ прелестной графинѣ Дисиньи? Что ты прикидываешься скромницей? Всѣ знаютъ, что ты вздыхаешь по ней полныхъ шесть мѣсяцовъ, а не удостоился еще ни малѣйшаго знака благосклонности...»

— Ты думаешь?

«Не думаю, а навѣрно знаю, и скажу тебѣ, что лучше же, мой милый, братъ скорымъ приступомъ маленькіе городки и деревеньки, чѣмъ томиться въ нескончаемой осадѣ какого нибудь большаго города. Не правда ли, господа?»

Такая апофегма имѣла успѣхъ чрезвычайный, и

заслужила всеобщее одобреніе. Только Бранказъ ничего не сказалъ, и когда произнесли имя графини Дисиньи, можно было замѣтить, что онъ содрогнулся и легкій румянецъ оживилъ лицо его. Вскорѣ всѣ другіе товарищи Бель-Иля подкрѣпили его мнѣніе и начали осыпать Виконта насмѣшками. Весьма естественно отчаяваться за другихъ въ томъ, чего самъ получить не надѣешься, и всегда есть какое-то злое наслаженіе смѣяться надъ тѣмъ, кому при успѣхѣ позавидуешь.

— Parbleu, мой милый Виконтъ! — вскричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, одушевленный сею послѣднею мыслью. — Если ты обѣщаль своимъ кредиторамъ поправиться такою богатою свадьбою — мнѣ жаль бѣдняковъ: они прождутъ долго! Бѣдный Пардейланъ обѣщаль точно то же своимъ, и съ досады, что не могъ исполнить обѣщанія, пошелъ въ Мальтійскіе Рыцари. Пейреладъ, правда, ничего не обѣщаль, но за то любилъ Графиню, какъ сумасшедшій, и прострѣлил себѣ черепъ, призывая имя жестокой. А они оба стоили тебя...»

«Ну, мои милые!» отвѣчалъ Сентъ-Андре, сидя верхомъ на скамейкѣ, и покачиваясь съ довольною улыбкою, «божусь вамъ, что я не пойду въ Мальтійскіе Рыцари, какъ Пардейланъ, и не прострѣлю себѣ черепа, какъ Пейреладъ...»

— Смотрите, какъ нашъ Сентъ-Андре поговариваетъ — сказалъ одинъ изъ Мушкетеровъ. — О! я увѣренъ, что у него большія надежды! Я начинаю вѣрить, что Графиня Дисиньи обѣщала ему какую нибудь особенную, великую милость: можетъ быть поцѣловать ея перчатку, когда онъ будетъ постоянно вздыхать ровно три года и три дня!

«Не поклялась ли она ему,» вскричалъ другой, «удостоить любовь его отвѣтомъ въ тотъ счастливый

день, когда нашего Короля объявят совершенно-лѣтнимъ? Тогда будетъ въ усикахъ твоихъ довольно сѣдыхъ волосовъ, мой бѣдный Сентъ-Андре, и иному изъ насъ придется сидѣть дома съ подагрой, да что за дѣло? Какъ бы ни идти въ обходъ, только бы дойти. Ужъ не девизъ ли это на твоемъ гербѣ?

— Можетъ быть! — ворчалъ про себя Сентъ-Андре, кусая губы.

«Бьюсь о сотнѣ пистолей,» сказала третій, любовникъ совѣтницы Питу, «что Сентъ-Андре, желая искупить всѣ свои прежніе грѣхи по любовнымъ дѣламъ, даль обѣтъ подражать нашему покойному Королю Людовику XIII-му — любить, какъ онъ любилъ...»

При сихъ словахъ всѣ захохотали, кромѣ Бранказа и Бель-Иля, который всталъ, уже довольно пьяный, и чтобы придать болѣе твердости ногамъ и словамъ своимъ, оперся обѣ столъ рукой.

— Parbleu, господа! — вскричалъ онъ громовымъ голосомъ — надобно этому кончиться! Стыдъ и поношеніе для королевскихъ мушкетеровъ, что одинъ изъ нихъ сдѣлался игрушкою кокетки, которая смѣется надъ нимъ, какъ уже смѣялась надъ столькими другими, и я во все не вижу, что вы смѣшнаго находите въ этомъ глупомъ похожденіи? Слушай, Викомтъ — я другъ тебѣ, но, par la mort dieu, клянусь тебѣ, что если ты станешь продолжать твою роль Кира и расточать бесполезныя нѣжности Графинѣ — я съ тобой никогда говорить не буду!

Тутъ Викомтъ бодро поднялся съ своего мѣста, и съ презрѣніемъ посмотрѣвши на всѣхъ, сказалъ хладнокровно:

— Господа! если не ошибаюсь, мы пили здоровье любовницы каждаго, но за здоровье моей еще не выпили. Теперь мой чередъ. — Бель-Иль! налей мнѣ

стаканъ, вровень съ краями... Господа! здоровье Графини Дисиньи? —

При такомъ имени, громко произнесенномъ Викомтомъ, загремѣло ура! Мушкетеры всѣ вскочили и закричали:

«Вздоръ, вздоръ! Намъ надобны доказательства! Слышишь — доказательства!»

Бранказъ оставался неподвиженъ и былъ блѣденъ, какъ смерть.

— Доказательства? — отвѣчалъ съ торжественнымъ видомъ Сентъ-Андре — пейте — доказательства будутъ!

«Когда, когда?»

Викомтъ подумалъ немного, и потомъ ударилъ себя по лбу кулакомъ, какъ будто выбивая оттуда счастливую мысль.

— Завтра же — сказалъ онъ — завтра, Господа! приглашаю всѣхъ присутствующихъ утромъ ко мнѣ завтракать!

«Подумай хорошенько!» вскричалъ Бель-Иль. — «Я недоувѣрчивъ — мнѣ надобны доказательства убѣдительныя!»

— Ты ихъ получишь!

«Я не повѣрю, если онъ представитъ письма!» вскричалъ другой.

— Письма?... Можетъ быть, ты увидишь чтонибудь поубѣдительнѣе — сказала Викомтъ.

«О! я тебя понимаю!» вскричалъ Бель-Иль, весело ударивши его по плечу. «И если ты это сдѣлаешь — провозгласи тебя Королемъ всѣхъ красавицъ!»

— И я — сказалъ Бранказъ, подымаясь въ свой чередъ изъ-за стола — но вмѣстѣ съ тѣмъ я объявляю — продолжалъ онъ, приближаясь къ Викомту — что Викомтъ Сентъ-Андре доказательства не представитъ, и что онъ безстыдный лжець и хвастунъ!

«Г-нъ Бранказъ! Вы постараетесь доказать слова ваши?» сказалъ хладнокровно Викомтъ, принимаясь за шпагу.

— Да, М. Г., и немедленно!... Господа! киньте жребій, кому быть моимъ секундантомъ. —

Говоря сии слова, Бранказъ обнажилъ шпагу свою; губы его дрожали; какъ будто судороги дергали все его члены, и горящіе глаза его хотѣли выпыхнуть. Въ такомъ состояніи трудно было узнать въ немъ прежняго скромнаго, благоразумнаго человѣка, который за полчаса ранѣе такъ великодушно отдавалъ себя на жертву насмѣшкамъ молодыхъ шалуновъ. Оскорбленный Викомтъ считалъ обязанностію подражать своему противнику. Все предвѣщало, что погребъ Золотаго Яблока превратится въ мѣсто кровавой битвы, но Бель-Иль бросился между двумя врагами.

«Нѣтъ, господа, этому не бывать!» сказалъ онъ. «Сентъ-Андре обѣщаль намъ представить доказательства въ томъ, что намъ говорилъ, и мы не потерпимъ, чтобы дуэль состоялась, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія. Вамъ будетъ еще время зарѣзать другъ друга завтра, если только будетъ вамъ угодно. Теперь, господа, такъ уже поздно, что мы едва успѣемъ воротиться домой, переодѣться и явиться на придворный праздникъ.

— Онъ правду говоритъ! — вскричали другіе.

— Онъ всегда бываетъ уменъ, когда выпьетъ! До завтра, до завтра!

Какъ будто не слыша, что говорили другіе, Бранказъ смотрѣлъ на своего соперника, грозно ожидая его рѣшенія, готовый драться и ждать. Но видя, что Викомтъ вложилъ шпагу въ ножны, онъ почелъ обязанностію слѣдовать его примѣру. Потомъ онъ

приблизился къ нему, и сказалъ ему съ учтивымъ хладнокровіемъ —

«Г-нъ Викомтъ! я буду имѣть честь дожидаться васъ завтра, въ десять часовъ утра!»

— Очень радъ!... Въ такомъ случаѣ, извините, господа, что я назначу завтракъ нѣсколько поранѣе — въ восемь часовъ ровно... Г-нъ Маркизь торопится ѣхать поскорѣе въ дорогу... Да, кстати, г-нъ Маркизь, неудобно ли вамъ записать — вы бываете такъ забывчивы!...

«Будьте спокойны, Викомтъ, — отвѣчала Бранказъ, улыбаясь — я бываю забывчивъ только съ моими друзьями!...

II.

Если вѣрить современнымъ запискамъ (а чему же вѣрить, если не имъ, и почему имъ не вѣрить?), Графиня Дисиньи была очаровательная молодая дама. Брюнетка, съ бѣлыми зубками, съ маленькою ножкой, съ таліей нимфы (какъ тогда говаривали), она присоединяла, при полномъ собраніи всѣхъ тѣлесныхъ красотъ, къ преимуществамъ красоты и любезности, огромное состояніе и одну изъ знатнѣйшихъ родословныхъ. Кроме того, она была еще такъ умна, что съ полною побѣдою поддерживала самый остроумный разговоръ Рамбульетской отели. Наконецъ, вдова въ двадцать лѣтъ, послѣ стараго мужа, который, какъ говорили, прожилъ съ ней года два, но былъ только по названію ея мужемъ, родня самымъ знатнѣйшимъ людямъ королевства, графиня Дисиньи, по всему этому, была цѣлью всѣхъ самыхъ высокихъ и знаменитыхъ жениховъ при Дворѣ Королевы Анны Австрійской. Потому, когда послѣ описаннаго нами событія въ погребу Золотаго Яблока, увидѣли ее на придворномъ медіанокъ,

тамъ, гдѣ прошла она, слышенъ былъ, какъ всегда, единогласный хоръ восклицаній, одобрительнаго шопота и вздоховъ ея чудесной красотѣ. Шевалье Бель-Иль, взглявшій на проходящихъ при входѣ въ первую залу, очарованный взглядомъ черныхъ глазъ ея, не могъ вытерпѣть, и видя, что Графиня идетъ одна, бросился предложить ей руку, чтобы провести се на ея мѣсто. Когда воротился онъ потомъ опять звать на проходившихъ, можно было замѣтить, что и его холодное сердце расшевелилось, и онъ, остановясь безмолвный, глубоко вздохнулъ, забывъ, что вокругъ него толпа народа и проговорилъ въ слухъ:

«Какой счастливецъ этотъ шалунъ, Сентъ-Андре!»

На его восклицаніе оборотился къ нему, стоявшій подлѣ него, какой-то придворный:

— Вы смотрите Сентъ-Андре, и мнѣ его надобно бы видѣть. Странно, что онъ до сихъ поръ не является, когда графиня Дисиньи уже съ четверть часа здѣсь!

«Въ самомъ дѣлѣ?» сказалъ Бель-Иль, устремляя на своего собесѣдника удивленный взоръ.

— Впрочемъ — прибавилъ тотъ, какъ будто говоря съ самимъ собою — чему дивиться, когда въ положеніи Сентъ-Андре надобно сдѣлать кой-какія приготовленія, написать письма, и прочее, и прочее... Кто можетъ предвидѣть слѣдствія. —

Слыша всѣ его слова, Бель-Иль усталъ на своего собесѣдника изумленные глаза, какъ будто спрашивал: неужели ему все уже извѣстно?

— Да, развѣ... вы... знаете? — спросилъ онъ, заикаясь.

«Да, кто жъ этого не знаетъ? И въ городѣ, и при дворѣ только и разговоры».

— Они очень глупы — бормоталъ Бель-Иль — если

занимаются такими пустяками. Слава Богу, мы живемъ уже не во времена Кардинала, когда о какомъ нибудь тычкѣ шпагой перешептывались по двѣ недѣли! —

Послѣ такого, немного горлачаго замѣчанія, Бель-Иль отвернулся, какъ будто показывая, что хочетъ перервать непріятный разговоръ. Тутъ одинъ изъ знакомыхъ подошелъ къ нему.

— Здравствуй, шевалье! — сказалъ онъ Бель-Илю.

— Ну! слышалъ новость?

«Что такое?»

— Eh! palsambleu! о дуели Сентъ-Андре съ Бранказомъ!

«Убирайся»... проворчалъ сквозь зубы Бель-Иль. Но знакомый не замѣчалъ его досады и продолжалъ болтовню.

— Бѣдняжка! Выходить на бой съ красивымъ Сентъ-Андре, и за кого? за угрюмую Диану? До сихъ поръ я считалъ его только разсѣяннымъ, мечтателемъ, а теперь вижу, что онъ — гораздо хуже что нибудь...

«Что жъ такое?»

— Дуракъ, мой милый, дуракъ, котораго надобно связать и обливать холодной водой! Смотри — вонъ онъ — видишь ли? Устремилъ глаза на свою красавицу и не мигнетъ! Ну, право, онъ немного помѣшался...

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ вечеръ Бранкасъ не подходилъ на себя. Его физіогномія, обыкновенно важная и спокойная, была одушевлена чѣмъ-то необыкновеннымъ, и невиданный дотолъ огонь горѣлъ въ глазахъ его. Было для него что-то торжественное въ его свиданіи, послѣднемъ, можетъ быть, среди придворнаго праздника, съ женщиною, которую любилъ

онъ до безумія, никогда не смѣя сказать ей о томъ. Если дуэль казалась почти шуткой такому вѣтреннику, какъ Сентъ-Андре, не тѣмъ была она для Бранказа. «Завтра, можетъ быть,» говорилъ онъ самъ себѣ, «домъ Бранказа опустѣетъ навѣки, а она, она пройдетъ равнодушно мимо него, не зная, не думая, что за нее умеръ я!» — Какъ ни терзательна была такая мысль для Бранказа, но она не казалась ему еще самою тягостною; другая, самая грустная, смѣшивалась съ нею — ревность, подозрѣніе, отъ которыхъ сердце его обливалось кровью! Онъ осмѣлился хвастать благосклонностью Графини. Неужели безстыдное хвастовство можетъ дойти до такой степени? Неужели это милое, прелестное созданіе можетъ отдаться такому негодію? Скромность, добродѣтели могутъ сдѣлаться добычею шалостей, распутства? Но онъ хотѣлъ представить доказательства... Доказательства? Великій Боже! если... И здѣсь была настоящая причина тяжкаго состоянія Бранказа; все остальное для него ничего не значило. Жизнь, столь прекрасная, въ тридцать лѣтъ, жизнь благородная, безъ малѣйшаго пятна, въ которой прошедшее и настоящее являлись со всеми выгодами, какія всегда даютъ огромное состояніе и знатный родъ, и будущее съ его золотыми посулами на счастье — все исчезало въ глазахъ Бранказа, и одна мысль, какъ уродливое привидѣніе, душила его: если Графиня виновна? Онъ не требовалъ, чтобы она любила его, но только не люби она никого другаго! Не рѣдки примѣры подобныхъ страстей въ иныхъ характерахъ, которые, по излишней робости, создаютъ себѣ какое-то особенное, отрицательное счастье, и всею душою привязываются къ тѣни, ими самими созданной. Бѣдные мечтатели! Если отнять у нихъ безумную мечту ихъ, можетъ быть, они сдѣ-

лаются несчастіе тѣхъ, у кого отнимаютъ существовать...

Съ сердцемъ, истерзаннымъ ледовитою пыткой, Бранказъ стоялъ, прислонясь къ одной изъ колоннъ залы, и хотѣлъ прочесть въ физиогноміи графини, какое было въ тотъ вечеръ состояніе души ея? Но, удаленный отъ нея всемъ пространствомъ залы, когда притомъ между ними безпрестанно проходили тысячи разнообразныхъ фигуръ и группъ, безпрестанно скрывавшихъ отъ его взоровъ предметъ его обожанія, Бранказъ никакъ не могъ ничего разгадать и рассмотреть. Долго не рѣшался онъ, и наконецъ осмѣлился подойти къ Графинѣ. — Приближаясь, онъ замѣтилъ, что Графиня смѣется; у него отлегло отъ сердца: какъ бы ни лукава, какъ бы ни притворщица была женщина, но нельзя, когда она знаетъ, что любовникъ ея идетъ на смерть, нельзя ей смѣяться! Вдругъ онъ опять нахмурился: ему пришло въ голову, что Сентъ-Андре долженъ былъ скрывать отъ нея дуэль свою, и еще болѣе причину дуэли... Чѣтъ! Бранказъ не могъ противиться обольщенію — еще разъ поговорить съ ней, еще разъ слышать голосъ ея... Голосъ ея такъ сладостенъ, упоителенъ... Онъ едва могъ начать разговоръ, отъ сильнаго внутренняго движенія...

— Графиня... вы, кажется, сегодня такъ веселы... — сказалъ онъ, послѣ почтительнаго, неловкаго поклона.

«Вы не ошиблись: у меня есть причина смѣяться, и, безъ сомнѣнія, вы сами станете смѣяться, если узнаете, что со мной сдѣлалось...»

— Я готовъ слѣдовать вашему примѣру, если только удостоюсь вашей довѣренности...

«Кого же выбрать достойнѣе вѣст?»

— По крайней мѣрѣ, болѣе преданнаго...

«Право?» сказала Графиня, обращая на Маркиза взоръ, въ половину испытующій, въ половину благосклонный.

— Ахъ! если бы я могъ доказать вамъ...

Никогда, можетъ быть, робкій Бранказъ не говорилъ такъ ясно и выразительно... Прелестная вдова обратила на него пронизательные взоры, но на сей разъ, въ нихъ всего болѣе видно было изумленіе.

«Не знаю,» сказала она, «до какой степени преданность... Да, не обыкновенныя ли это ваши мечты?... Хорошо, однакожъ — вы пособите мнѣ разгадать, кто бы такой былъ авторъ забавнаго посланія, которое я сей часъ получила. Такая загадка — судите сами!

Говоря такъ, Графиня подала небольшую бумажку, сложенную въ видѣ письма. Бранказъ схватилъ ее поспѣшно.

«Для чего вы читаете про себя?» сказала Графиня. — «Читайте въ слухъ, и пусть всѣ знаютъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь — мнѣ скрывать нечего!»

Въ выраженіи, какое Графиня придавала словамъ своимъ, было что-то горделивое, что удивительно шло къ ней, но, какъ замѣтно было, оскорбило многихъ другихъ. Бранказъ развернулъ бумажку и прочиталъ въ слухъ:

С т а н с ы

2-ясть Графиня Дисинья.

Немилосердая Діана
 Не видитъ вздоховъ, слезъ моихъ;
 Холодной мудростью вничанна,
 По волю милаго тирана,
 Амура, презираетъ ихъ.
 Немилосердая Діана!
 Ты въ свой чередъ найдешь тирана,
 Терзаній мстителя моихъ...

Здѣсь Бранказъ остановился, и устремилъ на Графиню взоръ, совершенно согласный съ послѣднимъ, прочитаннымъ стихомъ, но въ него вмѣшивалось выраженіе счастья и благодарности, вмѣстѣ съ желаніемъ разгадать ее. Нашелся неожиданный случай пояснить жестокое сомнѣніе, раздиравшее его сердце, и встрѣтивъ взоръ прекрасныхъ черныхъ глазъ Графини, приглашавшій его продолжать чтеніе, онъ готовъ былъ упасть передъ него на колѣни и вскричать: «Ты невинна!» Наскоро прочелъ онъ остальные строфы, писанныя въ одномъ тонѣ съ первою, и при послѣдней Графиня захотела такъ громко и искренно, что невольно засмѣялись съ нею другія, и уголь Луврской галлерей, гдѣ происходило чтеніе стиховъ, обратилъ на себя изумленные взоры многихъ.

— Ну! — спросила графиня — не скажете ли вы мнѣ, г-нъ Бранказъ, кто этотъ прекрасный Эндиміонъ, котораго заставляютъ Фебею опасаться? Да, смѣйтесь же съ нами! Безъ того, мы подумаемъ, что Эндиміонъ вы!

И смѣхъ начался снова. Славный случай представлялся для Бранказа отмстить дерзкому сопернику. На минуту задумался онъ, и хотѣлъ было бросить имя Сентъ-Андре на добычу общей насмѣлки. Но искушеніе было преодолено, и кротость и великодушіе тотчасъ преодолѣли его, и заставили отвергнуть такую мысль. Впрочемъ, должно прибавить, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ увѣрился въ безстыдномъ хвастовствѣ Сентъ-Андре, вся несправедливость въ его сердцѣ погасла. Графиня, отъ которой не могло укрыться его смѣненіе, вдругъ спросила его въ полголоса:

«Не старайтесь обмануть меня, г-нъ Бранказъ; вижу, что вы краснѣете. Въ стансахъ есть какаянибудь тайна, которую вы знаете — слышите ли, вы

знаете? Скажите мнѣ имя моего побѣдителя; онъ, вѣрно, кто нибудь изъ вашихъ знакомыхъ. Говорите же, я жду — будьте откровенны.

Положеніе становилось затруднительно; никакое мечтаніе, никакая забывчивость не шли на помощь Бранказа, когда онъ могли быть ему такъ полезны. Не знаемъ, какъ выпутался бы онъ изъ своего затрудненія, если бы, по счастью его, скрипки Королевскаго оркестра, стоявшія на другомъ концѣ галереи, не заиграли прелюдіи. При такомъ знакъ веселья, Графиня содрогнулась, и вдругъ перемѣнила разговоръ:

«Вотъ прелестная пьеса изъ балета!» сказала она. — «Что вы скажете объ ней, Маркизь? Я въ восторгѣ, только что услышу ее.

— Въ самомъ дѣлѣ, она прекрасна — отвѣчалъ Бранказъ, устремляя на Графиню взоръ, выражавшій всю любовь его — и если бы я былъ сколько нибудь сносный танцоръ, можетъ быть, я осмѣлился бы требовать самой драгоценной для меня милости — явиться съ вами въ кадрили... Но, вѣроятно, вы уже приглашены...

«Напротивъ,» сказала Графиня, съ милою улыбкою, «и я охотно принимаю приглашеніе ваше...

Трудно было выразить восхищеніе Бранказа при сихъ словахъ. Большая цѣнь ордена Св. Михаила не причинила бы ему болѣе радости. Растроганный, восхищенный, онъ обводилъ кругомъ торжествующіе взоры, когда насмѣшливый голосъ, раздавшійся невдалекѣ отъ него, заставилъ его невольно оборотить голову: то былъ голосъ Сентъ-Андре. Молодой щеголь только что явился въ залъ, гдѣ его красивый видъ и изысканная, богатая одежда обратили на него вниманіе всѣхъ. Къ изумленію Бранказа, Графиня вдругъ сдѣлалась разсѣянна, едва ста-

ла отвѣчать на слова его, и еще хуже было, когда Сентъ-Андре подошелъ къ ней, съ тѣмъ смѣшеніемъ грубости и приторнаго волокитства, которое составляло тогда тонъ щеголя въ обхожденіи съ дамой. Онъ поцѣловалъ руку Графини и заговорилъ, какъ самый интересный Фебусъ Рамбулетской отели.

— Вы очень опоздали сегодня, Викомтъ. Почти отчаявались уже видѣть васъ на сегодняшнемъ мѣдианокѣ.

«Какая клевета! Мнѣ не быть, если я могъ увидѣть здѣсь ваши прелестные глаза?»

Графиня улыбнулась, а Викомтъ продолжалъ съ небрежнымъ выраженіемъ:

«Я не оставляю безъ порядочнаго исправленія моихъ *сприныхъ*, продержавшихъ меня такъ долго передъ *соствитниками прелестей*, занятымъ несносными заботами о моемъ туалетѣ. Эти пачкуны были причиной моего поздняго прихода.

«Бѣдняжки! Я прошу за нихъ прощенія!»

И Бранказъ не видалъ уже болѣе ни одного взгляда Графини. Только черезъ нѣкоторое время, счастливый соперникъ удостоилъ его небрежнаго поклона, какъ будто нечаянно замѣтивши. Бранказъ хотѣлъ также показать ему невнимательность, но растерялся совершенно. Была еще для него минута наслажденія, когда Сентъ-Андре сталъ просить Графиню танцовать съ нимъ, и она отвѣчала, что его предупредили. Видя досаду, какая изобразилась на лицѣ щеголеватаго Мушкетера, когда онъ узналъ имя предпочтеннаго, Бранказъ былъ почти отмищенъ. Но радость его продолжалась недолго. Ловкій Сентъ-Андре завладелъ вниманіемъ Графини, былъ остроуменъ, догадливъ, и красивая одежда его, казалось, такъ очаровала Графиню, что Бранказъ, съ досадою, почелъ за лучшее удалиться на время,

не желая прерывать разговора, самого занимательного и щеголеватого. Печально ушел онъ, и скрывая свое поражение и скорбь сердечную, вышелъ изъ залы въ ближнюю галерею, гдѣ почти никого не было. Здѣсь остановился онъ у раствореннаго окна, оперся на балконъ, и углубленный въ мрачную задумчивость, въ разсѣяніи смотрѣлъ на звѣздное небо. Оно представляло ему тогда зрѣлище, довольно согласное съ состояніемъ его сердца. На небосклонѣ, къ западу, черныя тучи угрожали обхватить блѣдный, печальный мѣсяцъ, который, съ его мерцающими, дрожащими лучами, чуть видѣнъ былъ, и едва освѣщала невѣрнымъ свѣтомъ великолѣпный ландшафтъ, какой въ то время представляли берега Сены около Лувра. Такое зрѣлище, исполненное величія и прелести, всегда увлекло бы Бранказа, но теперь былъ онъ въ одномъ изъ тѣхъ мгновеній, когда для людей, всего менѣе доступныхъ забывчивости, исчезаетъ внѣшній міръ, и смѣняется міромъ моральнымъ, и когда два начала нашей природы, столь тѣсно связанные между собою, духъ и вещество, какъ будто сливаются въ одно, уноси насъ въ міръ мысли и думы.

И впрочемъ, кто же въ положеніи нашего мечтателя не увлекся бы въ задумчивость и забывчивость? Женщина, за которую, черезъ нѣсколько часовъ, можетъ быть, онъ долженъ будетъ погибнуть, та, которая всегда казалась ему такою чистою, идеальною женщиною—была чудовище лицемѣрства! Она любила Сентъ-Андре — въ томъ не оставалось сомнѣнія... Сочинитель стансовъ, вѣроятно, бѣднякъ, презрѣнный, подобно Бранказу, нашелъ вѣрное средство мстить безчеловѣчной, поступала умнѣе Бранказа, и между тѣмъ — великій Боже! — съ какимъ равнодушіемъ Графиня слушала чтеніе стиховъ! Какъ

добродушно умѣла она смѣяться напоминанію объ осторожности—злая обманщица! Долго размышлявши о неистощимомъ лукавствѣ женщинъ, и перебравши въ головѣ своей множество мыслей на одну и ту же тему, какъ музыкантъ перебираетъ сотни вариаций на одну задачу, Бранказъ вдругъ перемѣнилъ идею — ничего не можетъ быть измѣнчивѣе логики людей влюбленныхъ — онъ вдругъ спросилъ самого себя: «Но однакожь, какое право имѣю я жаловаться на нее? Потому, что она отличается изъ всѣхъ Сентъ-Андре, надобно ли было ей у меня спрашиваться? Какое ей дѣло до моей любви? Если она не можетъ меня любить? Виновата ли она, что Сентъ-Андре, при обольстительной наружности, развратный негодяй, и не часто ли встрѣчаемъ, что любовь закрываетъ глаза гибельною повязкою самой умной и добродѣтельной женщинъ?.. Закрываетъ, но — здѣсь я сорву ее!... Да, прежде нежели мы будемъ драться на смерть съ Сентъ-Андре — я пойду къ ней, скажу ей, что человекъ, ею любимый, подлый хвастунъ, безславящій ея имя; что онъ достоинъ быть наказанъ, какъ человекъ, позорящій имя Французскаго дворянина, и — что я взялъ на себя наказаніе его!»

И забывшись въ своихъ мечтаніяхъ, въ сильномъ волненіи, Бранказъ колотилъ кулакомъ въ балконъ, когда смѣшенный шумъ какой-то, и имя его, произносимое нѣсколькими голосами, достигли до его слуха.

«Г-нъ Бранказъ, г-нъ Бранказъ! Гдѣ маркизъ Бранказъ?» говорили люди, перебѣгавшіе по залѣ. «Въ Королевинѣ кадрили не достаетъ его въ парѣ! Королева разгѣвана — она видѣ себя! Проклятый мечтатель! Такое неслыханное нарушеніе этикета!»

Всѣ сіи страшныя слова падали на Бранказа, какъ

громовые удары. Король, Королева, Дворъ, этикетъ — что ему было до нихъ! Но Графиня его ждетъ... Графиня ждетъ!... И при такой мысли, онъ чувствуетъ, что смертельный холодъ разливаеся по его жиламъ. Какъ сумасшедшій бѣжитъ онъ, задыхается, толкаетъ, сшибаетъ съ ногъ... И вотъ онъ подлѣ Королевиной кадрили, и — первый предметъ, поразившій его, былъ Виконтъ Сентъ-Андре, съ торжествомъ ведущій графиню Дисиньи, и она улыбается ему ласково и весело... Бранказъ видѣлъ, что ему нечего было тутъ дѣлать; съ мертвымъ хладнокровіемъ стоялъ онъ, и переносилъ насмѣшливые взгляды, со всѣхъ сторонъ на него бросаемые. Когда кончилась кадриль, долгомъ почелъ онъ однакожь подойти къ Графинѣ и пробормотать нѣсколько извиненій. Лицо ея пылало отъ досады. Едва отвѣчала она ему. Ведя ее торжественно къ ея мѣсту, Виконтъ громко сказалъ, съ насмѣшливымъ, обыкновеннымъ своимъ видомъ:

«Ахъ! Графиня! вы не должны сердиться на разсѣянность г-на Маркиза — она не новость! Развѣ вы не знаете, что Маркизь бываетъ забывчивъ только съ своими друзьями.

— Стало быть, Маркизу угодно и меня считать въ числѣ ихъ? Такой чести я не ожидала!

Страдая жестоко, Бранказъ слышалъ все, и сказалъ только хладнокровно Сентъ-Андре:

«Ахъ, Виконтъ! вы становитесь адвокатомъ за такого человѣка, который совсѣмъ не просилъ васъ о томъ! Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за услугу особеннымъ образомъ... Тутъ поклонился онъ къ Сентъ-Андре, и тихо прибавилъ: «Завтра, завтра, г-нъ Виконтъ... Время покажется мнѣ очень долго въ ожиданіи!»

Сентъ-Андре низко поклонился ему, и съ насмѣш-

кою сказалъ: «Не хотите ли провести его въ пріятной бесѣдѣ Графини?» — Отвѣту Бранказа не было мѣста. Пажъ въ ливреѣ Королевы подошелъ къ нему и тихонько дернулъ его за рукавъ.

— М. Г., не угодно ли вамъ пожаловать за мной? — сказалъ пажъ. — Здѣсь кто-то желаетъ имѣть честь поговорить съ вами.

Бранказъ молча послѣдовалъ за пажемъ. Они прошли черезъ нѣсколько залъ до отдаленной комнаты, гдѣ находился Герцогъ Виллеруа, капитанъ гвардейцовъ.

— Г-нъ Маркизь! извините, — сказалъ ему Валлеруа — можетъ быть, я отвлекъ васъ отъ какого нибудь пріятнаго общества, но я исполняю повелѣніе Королевы. Благоволите узнать ея волю.

Говоря такъ, онъ взялъ со стола пакетъ, запечатанный большою королевскою печатью краснаго воска, и подаль его Бранказу. Не безъ невольнаго трепета, Бранказъ разорвалъ пакетъ, и нашелъ въ немъ приказъ слѣдующаго содержанія:

«Маркизь де-Бранказъ увольняется отъ должности нашего почетнаго кавалера, и имѣетъ немедленно отправиться въ свои помѣстья. Мы извѣстимъ его, когда намъ угодно будетъ назначить возвращеніе его къ должности.

Приказъ подписанъ былъ Королевою собственноручно. Онъ выпалъ изъ дрожащихъ рукъ Бранказа, и съ изумленіемъ смотрѣлъ Бранказъ на Виллеруа.

— Но, г-нъ Герцогъ, надѣюсь, вы изъясните мнѣ, что такое это значитъ?

«Мнѣ кажется,» отвѣчалъ Виллеруа, «будто это походить на немилость.»

— Но, г-нъ Герцогъ, чѣмъ я заслужилъ... Моя преданность къ Королю и его августѣйшей родительницѣ всѣмъ извѣстна... Напрасно ищу причины въ моихъ поступкахъ; не нахожу вины, которая

заслуживала такое строгое наказаніе... Тутъ, вѣрно, недоразумѣніе, ошибка... Позвольте мнѣ — я иду къ Королевѣ, просить объ отмѣненіи приказа, который не можетъ ко мнѣ относиться...

«Эго невозможно, г-нъ Маркизь. Приказъ относится именно къ вамъ, могу васъ въ томъ увѣрить. Королева сама изволила быть здѣсь, продиктовала приказъ и собственноручно подписала его, какъ вы видите.

— Вѣроятно, ложное донесеніе...

«Можетъ быть, но Ея Величество чрезвычайно на васъ разгнѣвана.

— Ничего не постигаю! Но гдѣ же теперь Королева?

«Она удалилась въ свои комнаты съ Его Величествомъ, Королемъ.

— Мнѣ дозволенъ входъ въ комнаты Ея Величества. Я бѣгу броситься къ ногамъ ея!

«Данъ приказъ не допускать васъ до личнаго объясненія.

При такомъ роковомъ извѣстіи, Бранказъ упалъ въ кресла, со всѣмъ уничтоженный. Герцогъ продолжалъ:

— Полноте, г-нъ Маркизь, отъ чего тутъ приходите въ отчаяніе! Разумѣется, неприятно похоронить себя заживо, лѣтъ за полтора отъ Двора, можетъ быть на нѣсколько лѣтъ. Но не умирать же отъ этого? Не угодно ли вамъ немедленно отправиться домой? Для дорожныхъ сборовъ позволено вамъ пробывать въ Парижѣ два часа. По прошествіи такого времени, къ вамъ явится одинъ изъ гвардейскихъ поручиковъ, и будетъ имѣть честь сопроводить васъ въ дорогъ.

«Два часа! Только два часа!» вскричалъ Бранказъ, вскакивая съ кресель и большими шагами ходя по

маленькой комнатѣ, гдѣ происходила вся сцена. — «Но мнѣ невозможно уѣхать черезъ два часа — я не могу, не могу... Г-нъ Герцогъ! сдѣлайте милость, сжадитесь надо мною: мнѣ крайняя надобность быть свободнымъ до десяти часовъ утра, только до десяти часовъ! Примите на себя ответственность въ такой отсрочкѣ, и вы обяжете меня несказанно...

— Я въ отчаяніи, г-нъ Маркизь, что долженъ отказать въ вашей просьбѣ, но я имѣю строжайшее повелѣніе Ея Величества.

«Боже мой! Это гнусная измѣна! Если бы вы знали...

— Я все знаю, М. Г. — сказалъ угрюмо Вилле-руа. — Дѣло идетъ о дуели!

«Да, г-нъ Герцогъ, да, я ничего скрывать не буду: мнѣ надобно драться на дуели, которой отложить никакъ невозможно! Вы сами дворянинъ, и знаете, что велятъ законы чести.

— Законы чести обязываютъ насъ также повиноваться волѣ Короля. И неужели вы хотите, чтобы супруга Людовика XIII-го потерпѣла нарушеніе воли его, едва только прахъ августѣйшаго супруга ея сокрыли въ могилѣ? И кому же позволить нарушить ихъ? Почетному кавалеру Ея Величества! Королевѣ донесено было о вызовѣ, который сегодня утромъ сдѣлали вы викомту Сентъ-Андре, и чтобы сберечь голову вашу отъ плахи, за нарушеніе закона о поединкахъ, имѣющаго полную силу, Ея Величество всемилостивѣйше благоволила наказать васъ временнымъ изгнаніемъ. Вотъ вамъ, въ немногихъ словахъ, изъясненіе всего, г-нъ Маркизь. Вы принудили меня все рассказать вамъ. Теперь, намъ болѣе говорить нечего — извините: должность моя призываетъ меня къ Королевѣ. Что прикажете мнѣ сказать Ея Величеству?

«Благоволите донести», отвѣчалъ Бранказъ, прерывающимся голосомъ, «что я повинуюсь.»

Но едва только Герцогъ оставилъ его одного, тма мыслей, одна другой тяжелѣе, терзательнѣе, наполнила голову Бранказа. «Какъ?» думалъ онъ — «называютъ милостью повелѣніе, которое обезславитъ меня въ глазахъ всѣхъ? Кто запретитъ людямъ говорить, что самъ я выпросилъ приказъ объ моей ссылкѣ? Кто оправдаетъ меня передъ свѣтомъ? А между тѣмъ, Сентъ-Андре будетъ спокойно наслаждаться своимъ торжествомъ, и Графиня Дисинья будетъ его жертвою — и повѣритъ, что я струенль... О нѣтъ! лучше голову на плаху, нежели жизнь съ такимъ безславіемъ! У меня остается еще два часа — этого слишкомъ много, для того, чтобы кончить дѣло, а зарѣзать другъ друга можемъ мы и при свѣтѣ факеловъ!.. Такъ, такъ! И черезъ два часа — пусть что хотѣтъ, то и дѣлаютъ со мною, или — съ моимъ трупомъ...»

Увлеченный такою мыслью, Бранказъ поспѣшно вырвалъ листочикъ изъ своей записной книжки, и написалъ на немъ слѣдующія строки:

«Приказъ Королевы, объявленный мнѣ, заставляетъ меня оставить черезъ два часа Парижъ, не определяя времени, когда долженъ я возвратиться. Въ такой крайности, покорнѣйше прошу васъ, г-нъ Виконтъ, пожаловать ко мнѣ немедленно. Я жду васъ, для окончанія извѣстнаго вамъ дѣла.»

Сложивъ свою записку, Бранказъ спѣшить идти изъ комнаты, надѣясь встрѣтить какого нибудь пажа, когорый могъ бы передать ее по адресу. Но какъ былъ онъ изумленъ, когда въ самыхъ дверяхъ увидѣлъ двухъ ординарцевъ! Они учтиво подхватили его подъ руки.

— Что вамъ угодно, господа? — спрашивалъ Бранказъ.

«Не вы ли, г-нъ маркизь Бранказъ?» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ вопросомъ.

— Я, господа, къ вашимъ услугамъ.

«Хорошо, г-нъ Маркизь, извольте же идти впереди насъ. Намъ велѣно проводить васъ до кареты.»

— Очень благодаренъ, господа — сказалъ Бранказъ, встревоженный такою предосторожностью: — но не могу ли я надѣяться отъ васъ небольшой услуги? Вотъ... отдать эту записку... одному изъ друзей моихъ... виконту Сентъ-Андре. —

Ординарцы значительно перемигнулись между собою; потомъ одинъ изъ нихъ подозвалъ къ себѣ пажа, и когда Бранказъ отдалъ ему записку, съ просьбою передать по адресу, и немедленно, ординарецъ шепнулъ тихонько пажу: «Немедленно Герцогу Виллеруа.»

Но какъ ни тихо были сказаны сіи слова, они не ускользнули отъ слуха Бранказа, и онъ готовъ былъ броситься за пажемъ. Но черезъ мигъ размышленія, надвинувъ на глаза шляпу, побѣжалъ онъ, съ громкимъ проклятіемъ, къ выходу дворца. Ординарцы едва успѣвали слѣдовать за нимъ, но вѣрные исполненію приказа, не отстали отъ него, пока онъ не бросился съ отчаніемъ въ подвезенный экипажъ, и лакеи не закричали: «Домой!»

Въ это мгновеніе, мѣсяцъ скрылся за облака; черная туча задвинула все небо, и дождь полился, какъ изъ ведра.

III.

Было уже около часа послѣ полуночи, когда карета виконта Сентъ-Андре подъѣхала къ его отелю. Дождь лилъ ливнемъ, и ночь была самая мрачная и черная, одна изъ тѣхъ ночей, которыя такъ нравятся романистамъ и сказочникамъ, и когда къ бурѣ

и волненію стихій должны непременно присовокупляться бури и волненія страстей, и самыя удивительныя и страшныя похождения, совсѣмъ неприличныя для хорошей мѣсячной ночи. Швейцаръ почтительно отворилъ двери, приблизился къ тому, кто вышелъ изъ кареты, и сказалъ ему тихо, какъ будто съ какимъ-то таинственнымъ видомъ:

«Приказанія монсеньора исполнены.»

Но пріѣхавшій господинъ, къ которому относились слова, казалось, худо слушалъ ихъ, и дурная ли погода, или что нибудь другое разстроило его нервы, только онъ казался очень сердить. Завернутый въ широкое шелковое манто, надвинувъ на глаза шляпу съ перьями, онъ поспѣшно взбѣжалъ по лестницѣ, прошелъ очень скоро пустую переднюю, гдѣ былъ однакожь зажженъ огонь, и достигнувъ спальни, гдѣ входъ его разбудилъ лакея, дремавшего передъ каминомъ, онъ знакомъ велѣлъ идти вонъ этому лѣнвицу, который, зѣвая, хотѣлъ было приниматься за раздѣванье своего барина. Когда слуга вышелъ, вошедшій въ домъ Сентъ-Андре господинъ бросился на софу и глубоко вздохнулъ.

Мы не называемъ викомтомъ Сентъ-Андре чловека, пріѣхавшаго въ его каретѣ въ его домъ, и мы правы въ томъ, потому, что сей пріѣхавшій былъ ни кто другой, какъ маркизь Бранказъ. Но похищеніе правъ владѣтеля надъ каретою и домомъ соперника произошло безъ всякой хитрости и безъ всякаго замысла со стороны Бранказа. Случилось, что случается безпрестанно съ людьми, гораздо менѣе его разсѣянными. Принужденный такъ скоро, почти насильно оставить Лувръ, среди неизбежнаго смятенія при большихъ сѣздахъ каретъ, плохой тогдашней полиціи, и проливномъ дождѣ и темнотѣ, онъ сѣлъ въ карету своего соперника. Такая ошиб-

ка удивить еще менѣе, когда мы скажемъ, что по особенной причинѣ, которую читатель скоро узнаетъ, викомтъ Сентъ-Андре приказалъ подъѣзжать каретѣ своей, если кликнуть экипажъ. Исполняя приказаніе, слуги Викомта немедленно подали его карету, и когда увидѣли господина одинакаго росту съ ихъ господиномъ, то, будучи не въ состояніи при темнотѣ различить лица его, когда этотъ господинъ сѣлъ въ карету, не думая, почему такъ рано Викомтъ оставляетъ балъ, едва только онъ начался, они захлопнули дверцы и поскакали. Можно повѣрить, что самъ Бранказъ, и безъ разсѣянности своей, при жестокомъ волненіи, въ какомъ онъ находился, могъ не замѣтить ошибки, и его могли вывозить по всему Парижу, такъ, что онъ и не подумалъ бы о томъ, куда везутъ его. Мы видѣли, какъ вошелъ онъ въ отель Сентъ-Андре, и здѣсь кстати прибавить, что тутъ изъ всѣхъ разсѣяностей, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, какія приписывали Маркизу, разсѣянность была самая простительная. Вспомните, что въ то время, когда происходило описываемое нами событіе, жилища самыхъ знатныхъ людей строились весьма похоже одно на другое, какъ по внутреннему расположенію комнатъ, такъ и по убранству ихъ. Въ семъ отношеніи наблюдались постоянное однообразіе и какое-то уравненіе, простиравшіяся на всѣ частныя подробности, что и теперь еще можно замѣтить, какъ оставшіяся рѣдкости, какъ выдохшіяся ароматы, въ старинныхъ отеляхъ Маре. Вообще, кто посѣтилъ одинъ изъ такихъ отелей, тотъ видѣлъ ихъ всѣ. Такъ характерно было однообразіе искусства, ихъ воздвигавшаго, во все теченіе XVII-го вѣка, такъ одинаковы были ихъ формы и подробности. Помѣщеніе швейцара, расположеніе залъ и домашнихъ комнатъ, даже меблировка одни и тѣ же; лѣ-

стница известной вышины и ширины, да если бы счесть даже плиты на мостовой во дворъ, то почти вездѣ оказалось бы ихъ одно и то же число. Послѣ всего надобно ли удивляться ошибкѣ Бранказа, и тому, что онъ ея не замѣтилъ, когда онъ былъ при томъ разсѣянъ и печаленъ?

Не прошло и четверти часа — на улицѣ слышались пронзительные крики и раздавался стукъ оружія. Во все это время Бранказъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, и перебиралъ въ умѣ своемъ происшествія минувшаго вечера. Смятеніе на улицѣ вывело его изъ задумчивости. Известно, какъ перѣдки бывали тогда ночныя нападенія на Парижскихъ улицахъ; послѣ известныхъ часовъ ночи, жители не смѣли выходить изъ домовъ своихъ. Услышавши шумъ и стукъ оружія, Бранказъ отворилъ окно, и какъ ни велика была темнота, онъ замѣтилъ недалеко, почти подъ окнами отели, карету, окруженную вооруженными людьми. Тотчасъ, не думая о числѣ негодяевъ, слушаясь только своей смѣлости, Бранказъ поспѣшно схватилъ свою шпагу, быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ, и хотѣлъ приказать швейцару отворить дверь. Но къ удивленію, швейцара не было, а дверь была не заперта. Во всякомъ другомъ случаѣ, оба обстоятельства могли возбудить его подозрѣнія, но теперь онъ едва замѣтилъ ихъ, бросился съ крикомъ на разбойниковъ, или на тѣхъ, кого могъ почитать такими, рубилъ, кололъ направо и налево, и оказалъ такую храбрость, что бездѣльники всѣ разбѣжались и Маркизь остался побѣдителемъ. Грабители ударились бѣжать; карета покакала во весь опоръ, а наградою Бранказа осталась какал-то женщина. Она лежала безъ чувствъ на рукахъ его.

Бранказъ спѣшилъ отнести въ отель драгоценную

добычу. Онъ самъ осторожно заперъ теперь двери съ лѣстницы, и положилъ безчувственную красавицу на софу, которую придвинулъ къ огню. Успокоясь нѣсколько, онъ началъ думать, что необходимо надобно послать за лекаремъ, потому, что о женскихъ обморокахъ самъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Потому схватилъ онъ поспѣшно большой серебряный звонокъ, лежавшій на столѣ, зазвонилъ имъ изъ всей силы, и видя, что никто изъ людей его не приходитъ, началъ звать ихъ всѣхъ по именамъ, большими шагами ходя по комнатѣ, и крича въ двери и окошко:

— Эй, Дюбуа! Эй, Лабри, Каскаре! вставайте, негодяи! Гдѣ вы запропастились? Давайте соли, уксусу! Бѣгите за лекаремъ! Я всѣхъ васъ прогоню, если вы замѣшкаете!

Но какъ ни кричалъ и ни сердился онъ, въ отели будто всѣ умерли. Совершенная тишина и безмолвіе царствовали повсюду, словно въ тѣхъ очарованныхъ чертогахъ волшебницъ, гдѣ жила Спящая Красавица.

— Вѣрно, мошенники, не ждали меня такъ скоро, и всѣ ушли пѣлнствовать въ погребокъ!... Неправимый народъ, какъ хорошо ни обходишь съ ними. Но я раздѣлаюсь... Однакожъ, эта бѣдная женщина — я и забылъ объ ней... Ахъ, Боже мой, Боже мой! вотъ странное положеніе!... Надобно однакожъ помочь ей...

Такъ говоря самъ съ собою, Бранказъ съ тайнымъ чувствомъ любопытства смотрѣлъ на неизвѣстное ему существо, которое безъ чувствъ лежало на софѣ. Широкое манто изъ чернаго бархата, съ капюномъ, наброшеннымъ на голову, совершенно закрывало формы тѣла и черты лица незнакомки.

Незнакомки! Да, не была ли она знакома мечтателю?

— Посмотримъ — думалъ онъ, и тихонокъ приблизившись, осторожно поднялъ онъ краешекъ капшона. — Посмотримъ, кто бы это была такая? По богатому манто можно подумать, что она придворная дама, возвращавшаяся съ медіанок... Подбородокъ очень красивъ... Какой миленькій ротикъ. —

Больше ничего онъ не сказалъ. Съ крикомъ отчаянія упалъ онъ на колѣни: въ незнакомкѣ онъ узналъ Графиню Дисиньи!

Радость освѣтила потомъ лицо его, пока онъ упивался восторгомъ, разсматривая прелестное личико, которому блѣдность придавала еще болѣе неописанной, трогательной какой-то красоты — и вся прежняя страсть закипѣла въ сердцѣ бѣднаго Бранказя, и еще сильнѣе, еще болѣе, нежели когда нибудь прежде!... Онъ одинъ, одинъ съ нею, когда думалъ, что она навѣки для него потеряна?.. Счастье было такъ велико, такъ неожиданно. Онъ спрашивалъ самъ себя: долженъ ли онъ ему вѣрить? Или то былъ какой нибудь обманчивый сонъ?

— Боже мой! — воскликнулъ онъ, сжимая руки — если это сонъ, пусть я не пробуждаюсь!

Между тѣмъ Графиня тяжело вздохнула. Скоро легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ, и она легонько пошевелила руками. Бранказъ трепеталъ теперь того мгновенія, когда прекрасные глаза, уже ожившіе подъ длинными рѣсницами, раскроются вполне, и заблестаютъ ихъ обыкновеннымъ огнемъ, когда очаровательный ротикъ раскроется. Онъ воображалъ уже себѣ ужасъ свой, если въ глазахъ увидитъ холодность, и изъ ротика услышитъ онъ слова равнодушія — можетъ быть, даже презрѣнія, ненависти! И потому, когда Графиня, вышедшая изъ своего безпамятства, обводила кругомъ изумленные

взоры и слабымъ голосомъ сказала: «Гдѣ я?» — Бранказъ не могъ промолвить ни одного слова.

Безмолвно стоялъ онъ на колѣняхъ, и закрылъ лицо руками, будто преступникъ, трепещущій страшнаго приговора. Не получая отвѣта, слыша только подлѣ себя тяжелое дыханіе, съ ужасомъ съѣла Графиня на софу, и потомъ, стараясь собрать свои мысли и воспоминанія, снова вскричала она, но на сей разъ съ большимъ выраженіемъ:

— Гдѣ я? Скажите, умоляю васъ, гдѣ я? Кто здѣсь со мною?

«Графиня»... едва могъ выговорить Бранказъ, не смѣя поднять глазъ и робѣя, какъ дитя — «вы у меня»...

— У васъ? Но кто вы? Что такое со мною было?

«Я маркизь Бранказъ, имѣвшій счастье спасти васъ отъ рукъ злодѣевъ, осмѣлившихся остановить вашу карету....»

— Г-нъ Бранказъ... Мою карету.. Ахъ! да теперь я все вспоминаю... Но, что вы дѣлаете, г-нъ Маркизь! Вставьте, встаньте... Простите меня: я такъ растроена, что еще и не поблагодарила васъ»...

Бранказъ, конечно, еще болѣе Графини разстроенный, искалъ отвѣта и не находилъ его; голосъ его замиралъ на губахъ, такъ, что онъ не могъ выговорить ни одного слова. Нѣсколько мгновений продолжалось молчаніе, и сердце Бранказя билось столь сильно, будто хотѣло выскочить изъ груди. Наконецъ, онъ осмѣлился поднять на Графиню глаза, и какъ изумился онъ, когда увидѣлъ, что далекая отъ хладнокровія и презрѣнія, она глядѣла на него съ какимъ-то чувствомъ, протягивала къ нему руку съ улыбкою. Но она поспѣшно отдернула свою руку, и Бранказъ, разочарованный снова, почтительно отступилъ, не постигая причины столь внезапнаго движенія.

— Вы озябли, кажется, Графиня? Не угодно ли вамъ сѣсть ближе къ огню...

Стараясь усилить огонь въ каминѣ, онъ началъ поправлять дрова, въ немъ горѣвшія. Графиня встала, и заговорила съ выраженіемъ чувства:

«Г-нъ Маркизь! мнѣ нельзя здѣсь болѣе оставаться. Я чувствую себя теперь весьма хорошо, и мнѣ остается только благодарить васъ за услугу, которой я никогда не забуду... Прикажите позвать моихъ служителей.

— Графиня! я никакъ не могу исполнить вашего приказанія — отвѣчалъ Бранказъ, со всевозможною вѣжливостью.

«Не можете?» И ужасъ вдругъ изобразился на прекрасномъ личикѣ гостя.

— Не знаю: разбойники ли прогнали прежде вашихъ людей, или они почли меня ихъ атаманомъ, но они бѣжали вмѣстѣ съ другими, и вашъ экипажъ ускакалъ поспѣшно.

«Что вы говорите? Но это ужасно! Оставьте меня... Подлые трусы!.. Боже мой! что же мнѣ дѣлать? Что со мною будетъ? Если происшествіе разнесется по городу — я погибла!»

И говоря такъ, Графиня была въ жестокомъ волненіи: она горько заплакала. Слезы женскія заразительны. Бранказъ готовъ былъ плакать съ нею, особливо потому, что всѣ мечтатели люди самые чувствительные — ссылаюсь для примѣра на добряка Лафонтена, который плакивалъ, какъ дитя...

«Ободритесь, Графиня, разувѣрьтесь,» началъ говорить Бранказъ. «Никто не видалъ, какъ вы вошли сюда, клянусь вамъ въ томъ, и честь ваша не можетъ пострадать. Если вы позволите, на разсвѣтъ я пошлю нанять карету, и васъ безопасно доставятъ въ вашъ отель. Увѣрю васъ честью

дворянина, что никто не услышитъ отъ меня ни одного слова!

— Вѣрю вамъ, г-нъ Бранказъ, вѣрю. Вы благородный человѣкъ, и не захотите воспользоваться несчастіемъ женщины, нечаяннымъ, несчастнымъ случаемъ, но ради Бога, позвольте мнѣ поскорѣ вѣхать...

Бранказъ успѣлъ уже одуматься, быть спокойнѣе и ему казалось, что онъ въ правѣ показаться оскорбленнымъ словами Графини. Роли мгновенно перемѣнились.

— Графиня! вы не довѣряете мнѣ? — сказала онъ. — Вы боитесь, что я нарушу священныя права гостепріимства. Ахъ! продолжите еще на нѣсколько минутъ наше свиданіе — я такъ счастливъ теперь — не разрушайте моего счастья! Пусть эти минуты будутъ единственною наградою за услугу, которую далъ мнѣ случай оказать вамъ! Я не опасный человѣкъ... я.. не викомтъ Сентъ-Андре!..

«Г-нъ Бранказъ»... перервала рѣчь его Графиня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Позвольте мнѣ говорить! Знаю, что есть при Французскомъ Дворѣ человѣкъ, который, чтобы я не дѣлалъ, всегда превзойдетъ меня, заставитъ уступить ему, если дѣло идетъ о балетъ, карусели, обо всемъ томъ, гдѣ надобны роскошь и щегольство, модное платье, ловкость. И все я прощаю ему! Но если онъ похищаетъ у меня нѣжный взглядъ, милую улыбку, за которые готовъ я заплатить всю мою жизнь — этого я не прощу ему, не уступлю ему никогда, и всегда буду у него оспаривать, если вы позволите, а вы позволите мнѣ: я читаю въ глазахъ вашихъ, что вы его не любите! Вы не любите его, Графиня? Вы не можете любить его — не должны!..

И все было высказано Бранказомъ такъ краснорѣчиво, такъ пламенно, что изумленная Графиня не находила словъ для отвѣта. Она спрашивала сама у

себя: «Тотъ ли былъ передъ нею человекъ, который на придворныхъ праздникахъ являлся такимъ неловкимъ, такимъ разсѣяннымъ, такимъ робкимъ, и прослылъ между всеми страннымъ мечтателемъ?» Впрочемъ, Бранказъ понялъ отчасти ея мысли, и видя, что она молчитъ, сказалъ печально:

— Будьте откровенны со мною... Моя разсѣянность нынѣшнимъ вечеромъ, и это глупое приключеніе на балѣ... Ахъ! я былъ страшно виноватъ передъ вами — знаю, и на колѣняхъ умоляю о прощеніи, если такъ должно умолять васъ...

«Заслужите его сперва — исправьтесь отъ страннаго недостатка вашего характера,» сказала Графиня съ милою улыбкою, «а потомъ — мы увидимъ...»

— Исправиться? Но средства...

«Всего легче — если вы хотите *что нибудь* доказать мнѣ...

— Хочу ли я?.. Но, Боже мой!... отказаться отъ моихъ забывчивыхъ мечтаній — пусть они дѣлаютъ меня страшнымъ въ глазахъ людей, да они жизнь моя, они мое блаженство... Не отнимайте ихъ у меня, и чѣмъ наградить за нихъ существованіе? Они создаютъ вокругъ меня міръ обольщеній, міръ безмолвія и забывчивости, гдѣ нѣтъ для меня ни прошедшаго, ни настоящаго, и гдѣ будущее улыбается мнѣ весело, безоблачно, какъ чистое небо! Тамъ нѣтъ докучливыхъ.. Нѣтъ никого, и хоть толпа бѣгаетъ, толкается вокругъ меня — я не вижу, не слышу ея — я глухъ и слѣпъ! Тамъ не слышно злыхъ навѣтовъ, которые черезъ слухъ мой передаютъ моему сердцу сѣмена ненависти; нѣтъ друзей, которые оскорбляютъ меня вѣроломствомъ... И — все ли сказать вамъ, Графиня?.. Все, все! Тамъ нѣтъ у меня соперниковъ, нѣтъ раздѣленія... я люблю, я любимъ!... Нѣтъ! оставьте лучше меня вѣчно мечтать...

«Но,» сказала Графиня, краснѣя стыдливо, «если бы вамъ общали въ дѣйствительномъ мірѣ то, о чемъ вы мечтаете?»

— Общали...

Едва выговорила она, будто забывшись, тайну свою, какъ сама испугалась своей нескромности и закрыла лицо руками. И въ ту же минуту послышался стукъ кареты, которая остановилась у дверей на улицу. Потомъ слышенъ былъ сильный стукъ въ дверь. Бранказъ затрепеталъ.

— Это, навѣрно, пріѣхалъ мой экипажъ: люди мои ищутъ меня... Слышите — опять стучать!

Но можно было замѣтить, что то стучать не слуги. Кто-то смѣло, сильною рукою билъ въ двери. Встревоженный Бранказъ подбѣжалъ къ окну и отворилъ его. Дождь шумѣлъ по прежнему, и къ его однообразному шуму присоединился звонъ часовъ на ближней башнѣ. Ударило два часа.

— Два часа! Уже два часа! — вскричалъ Бранказъ въ отчаяніи.

«Что такое? Что съ вами сдѣлалось? — спрашивала Графиня, испуганная страшнымъ безпокойствомъ, какое замѣтила въ словахъ Бранказа.»

— Что сдѣлалось со мной?... Ахъ! я долженъ оставить васъ, немедленно оставить — за мной пріѣхали — я не ошибаюсь! Это стучится гвардейскій поручикъ... Бѣдный мечтатель!... я все забылъ, и — какое ужасное пробужденіе!

Но едва кончилъ онъ слова свои, какъ послышалось, что тяжелую дверь отворяютъ. Потомъ слышно было, что швейцаръ съ досадою спрашиваетъ: «кто тамъ?»

— Бездѣльникъ! развѣ ты не узнаешь меня? — отвѣчалъ съ бѣшенствомъ другой голосъ — я вижу Сентъ-Андре!

При его имени, Графиня содрогнулась от ужаса, и бросилась въ противоположную входу, отворенную дверь. Она очутилась въ корридоръ, и въ темнотѣ, оцупью шла впередъ, готовая, въ случаѣ преслѣдованія, бѣжать, скрыться куда попало. Что касается до Бранказа, изумленный, онъ не зналъ еще, что ему дѣлать, хладнокровно ли ждать докучнаго посѣтителя, который явился разрушить самыя счастливыя минуты его жизни, или слѣдовать за Графинею и успокоить ее, когда дверь комнаты съ шумомъ растворилась, и грубо вошелъ щеголеватый Виконтъ. Онъ клялъ все, ночь, дождь, людей, себя, и ругался, какъ слѣдовало удалому Мушкетеру того времени, потому, что въ первую минуту прихода своего, онъ почиталъ себя безъ свидѣтелей. Но вдругъ, казалось, какал-то нечаянная мысль мелькнула въ его головѣ.

«Ну, къ чорту!» сказалъ онъ — «бездѣльники хорошо исполняютъ мой приказъ — они всѣ, какъ будто издохли! Дѣло обдѣлается очень ловко, а я было думалъ, что уже опоздаю освободить красавицу изъ рукъ разбойниковъ . . .»

И онъ утеръ себѣ лицо, поглядѣлся въ зеркало, поправилъ усы свои и засмѣялся. И какъ изумился онъ, когда въ зеркалѣ мелькнуло ему въ углу комнаты блѣдное, задумчивое лицо Бранказа, смотрѣвшее на него, казалось, съ какимъ-то удивленіемъ! Виконтъ поспѣшно повернулся.

«Вы ли это, Маркизь?» сказалъ онъ, подходя къ нему и почтительно кланяясь. «Вотъ еще чортъ принесъ гостя!» вѣрчалъ Виконтъ сквозь зубы, «зачѣмъ явился онъ ко мнѣ, ночью? И какъ онъ попалъ сюда?»

Бранказъ раскланялся также очень учтиво, и точ-

но также говорилъ про себя: «Что ему вздумалось явиться ко мнѣ такъ поздно?»

— Къ вашимъ услугамъ, г-нъ Виконтъ!

Тутъ слѣдовало молчаніе, послѣ котораго оба смотрѣли другъ на друга, какъ два человѣка, взаимно ожидающіе, тотъ, что этотъ, а этотъ, что тотъ начнетъ говорить. Наконецъ, Бранказъ терявшій терпѣніе, но столь вѣжливый, что не давалъ того замѣтить, началъ говорить:

— Г-нъ Виконтъ, не угодно ли вамъ садиться?

«Вотъ хорошо!» думалъ Сентъ-Андре, «онъ займичаетъ въ моемъ домѣ! Да, посмотримъ, что онъ заговоритъ.»

Опять молчаніе. Вдругъ Бранказъ ударилъ себя въ лобъ, какъ человѣкъ, который вспомнилъ о чемъ-то.

«Ахъ! да, г-нъ Виконтъ!» вскричалъ онъ, «конечно, вамъ отдали мою записку. Герцогъ Виллерау очень любезный человѣкъ, и я ему чрезвычайно обязанъ.»

Тутъ онъ задумался, не зная, что говорить далѣе. Дѣло въ томъ состояло, что теперь ему вовсе не хотѣлось драться, и онъ очень порадовался бы, узнавши, что записка его не была отдана Сентъ-Андре.

Виконтъ смотрѣлъ на Бранказа съ изумленнымъ видомъ.

«Какую записку, г-нъ Маркизь?» спросилъ онъ. «Я, право, ничего не понимаю, и отъ васъ никакой записки не получалъ.»

— Ну, такъ зачѣмъ онъ изволилъ ко мнѣ явиться? — спрашивалъ у самого себя Бранказъ. — Она касалась того дѣла, которое надобно намъ рѣшить завтра . . . Вы помните? — сказалъ онъ Виконту.

«Разумѣется,» отвѣчалъ Виконтъ, «объ этомъ и го-

ворить нечего.» — «Проклятый мечтатель (думалъ онъ) полагаетъ, что другія такъ же забывчивы, какъ онъ — да только бы убрался поскорѣе!»

— Онъ, вѣрно, раздумалъ хорошенько о своей дерзости — говорилъ про себя Бранказъ — и прѣхалъ предложить мнѣ мировую, но ложный стыдъ мѣшаетъ ему начать говорить. Онъ не знаетъ, что я сердечно радъ мириться, только бы онъ ушелъ отсюда поскорѣе. — Бѣдная Графиня теперь должна быть въ отчаяніи — начну самъ! — Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ слова два, три, г-нъ Виконтъ...

«Къ вашимъ услугамъ»... — «И онъ тотчасъ уѣдетъ послѣ того» — думалъ Сентъ-Андре.

— Что вы думаете о нашей дуели?

«Но, г-нъ Маркизь... я могъ бы сдѣлать вамъ точную такой же вопросъ.

— А я отвѣчалъ бы вамъ, что съ моей стороны вовсе нѣтъ охоты драться, и если только вамъ угодно, мы можемъ отложить ее — даже, я готовъ извиниться передъ вами въ томъ, что было оскорбительнаго въ моихъ словахъ — только одно условіе!

«Какое?»

— Вы съ своей стороны скажете, что у васъ нѣтъ доказательствъ, которыя вы обѣщали представить. Тѣмъ легче вамъ согласиться, что — признайтесь откровенно — представить ихъ было бы вамъ довольно трудно...

«Но, но... хотѣлъ говорить Сентъ-Андре. Тутъ вдали послышался стукъ кареты. Виконтъ поблѣднѣлъ и завертелся на своемъ мѣстѣ. Въ сію минуту, онъ охотно согласился бы на все, чего ни потребовалъ Бранказъ, только избавиться бы отъ своего гостя. Но стукъ кареты замолкъ вдали, и Сентъ-Андре оправился.

— Послушайте, любезный Виконтъ — сказалъ Бранказъ — онъ радъ былъ на что угодно, желая только избавиться какъ нибудь отъ Сентъ-Андре, и трепеща при мысли, что съ минуты на минуту надобно ждать появленія гвардейскаго поручика. Я рѣшительно увѣренъ въ невозможности вашей представить доказательства, даже если вы представите... Я готовъ просить у васъ прощенія...

«И если я ихъ представлю?»

— Я признаю себя виноватымъ!

«Вашу руку, Маркизь! Дѣло кончено — обнимемъ, какъ друзья!»

Оба бросились обнимать одинъ другаго, и тѣмъ искреннѣе, что оба взаимно послали другъ друга къ чорту, и въ мирѣ своемъ видѣли средство избавиться одинъ отъ другаго. Петерпѣливо желая поспѣшить окончаніемъ пріятной бесѣды, Бранказъ хотѣлъ ускорить минуту отъѣзда Виконта, и долгомъ почелъ сказать:

— Вѣроятно, вамъ пора ужъ и отдохнуть, любезный Виконтъ — не позволите ли пожелать вамъ доброй ночи?

«Очень благодаренъ, любезный Маркизь! Признаюсь вамъ, мнѣ смертельно хочется спать...

— И мнѣ также — я едва сижу отъ усталости...

«О, повѣрьте, что я и не думаю васъ удерживать! Прощайте!»

—Прощайте, прощайте!

«Да, кой чортъ?» думалъ Сентъ-Андре, «это ужъ ни на что не похоже! Онъ и не думаетъ ѣхать!» — «Г-нъ Бранказъ,» сказалъ онъ громко, едва скрывая свое нетерпѣніе, «вы видите, что я жду вашего отъѣзда...

— Что такое? — спросилъ Бранказъ хладнокровно. — Вы меня удивляете! Какъ такъ? Вы ждете мо-

его отъезда? Напротивъ, я жду, когда вы оставите меня...

«Какъ: оставите?»

— Мнѣ кажется, дѣло очень понятно.

«Ахъ! Боже мой!» вскричалъ Викомтъ, «и въ самомъ дѣлѣ, я начинаю понимать... Да, невозможно! Почему же однакожь... Ужь не думаетъ ли онъ, что онъ у себя дома?... Такая разсѣянность стоила бы Рамбулетскаго туфля...

И Сентъ-Андре захохоталъ, такъ, что не могъ устоять на ногахъ и повалился въ кресла.

— Что это значитъ? — спрашивалъ Бранказъ. — Чему вы смѣетесь?

«Извините меня, любезный Маркизь,» отвѣчалъ Викомтъ, вставая съ кресель, и едва будучи въ состояніи сказать нѣсколько связныхъ словъ отъ смѣха.— Но гдѣ вы теперь думаете быть?

— Какъ: гдѣ думаю быть? Разумѣется у себя дома!

«Что за вздоръ! Вы въ моемъ домѣ, Маркизь! Осмотритесь хорошенько — это мои комнаты — взгляните на обои, на портреты моихъ предковъ: вотъ мой отецъ, вотъ дѣдъ мой, маршалъ Сентъ-Андре...

— Возможно ли? — вскричалъ горестно Бранказъ, оглядываясь кругомъ. — Или я съ ума сошелъ?

«Со всѣмъ нѣтъ, но, какъ обыкновенно, вы замечались — вотъ вся разгадка! Теперь я все понимаю. Выходя изъ Лувра, я не могъ доискаться моей кареты, а въ ней уѣхали вы. Превосходное происшествіе! Да, оно превосходитъ всѣ ваши прежнія проказы... Ха, ха, ха!... Честное слово, г-нъ Бранказъ! я никому не скажу и все останется между нами, но — вы позволите мнѣ похохотать немножко здѣсь... ха, ха, ха!»

И Викомтъ опять упалъ въ кресла, задыхаясь отъ

смѣха. Смѣхъ его отзывался въ сердцѣ Бранказа ударами кинжала; онъ понималъ теперь, что онъ не могъ оставаться въ чужомъ домѣ, гдѣ сдѣлался нечаянно временнымъ хозяиномъ. А между тѣмъ, любовь, честь, долгъ — все, все дѣлало для него священной обязанностью — не оставлять здѣсь Графини Дисиньи, и еще болѣе — не открывать сопернику тайны, что она здѣсь, въ его домѣ. Онъ готовъ былъ умереть, но только спасти ее! — И самая странная мысль пришла ему въ голову...

— Хорошо, г-нъ Викомтъ — сказалъ онъ — смѣйтесь, какъ вамъ угодно, рассказывайте, кому угодно о моей разсѣянности, но — позвольте мнѣ на сей разъ воспользоваться ея правами. Это вашъ домъ? Согласенъ, но хозяинъ въ немъ я — я не пойду отсюда, нехочу идти, и — вы можете дѣлать все, что вамъ угодно!

Онъ спокойно сѣлъ къ камину.

«Что вы хотите дѣлать, г-нъ Маркизь?» спросилъ Сентъ-Андре, приближаясь къ нему.

— Жду, когда вы перестанете смѣяться.

«Хорошо. Я пересталъ.»

— Ну, такъ позвольте мнѣ проводить васъ, и пожелать вамъ спокойной ночи.

Бранказъ взялъ свѣчу и указывалъ Викомту на двери.

«Вы шутите!» вскричалъ Викомтъ.

— Ни мало. Мнѣ хочется спать — я остаюсь здѣсь, а вы можете идти, куда вамъ угодно. Я дома.

«Такая шутка...» вскричалъ Сентъ-Андре, но онъ постарался скрыть свою досаду. «Во всякое другое время, ваше упрямство показалось бы мнѣ оригинально, и я первый смѣялся бы вмѣстѣ съ вами, но... но, позвольте мнѣ сказать, что теперь вовсе

не до шуток: я прошу вас удалиться, и — поверьте, что я не терплю мистификаций!

— Да, я и не думаю шутить, Викомтъ. Я остаюсь здѣсь безъ шутокъ.

«Это слишкомъ, М. Г.! Вы заставите меня....»

— Дѣлайте все, что вамъ угодно.

Съ бѣшенствомъ схватилъ Сентъ-Андре звонокъ. Но Бранказъ не думалъ пугаться, знал, что на звонокъ никто не явится. Онъ спокойно обратился къ Викомту.

— Неужели вы хотите *моимъ* людямъ велѣть меня вытолкать? Васъ никто не послушается — вы напрасно звоните.

«Чортъ побори!» вскричалъ Сентъ-Андре, прибавляя къ тому еще множество ругательствъ. «Я саму виноватъ — я забылъ, что имъ строго запрещено появляться, чтобы здѣсь не случилось... Чортъ возьми! Проклятая глухость! Вы заплатите мнѣ дорого, г-нъ Бранказъ! Я выкину васъ въ окошко.

— Или я васъ.

Сентъ-Андре чувствовалъ неловкость борьбы. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, выходилъ изъ себя. Бранказъ сидѣлъ спокойно.

— Я предлагаю вамъ драться, драться на смерть! — вскричалъ Викомтъ, подбѣгая къ Бранказу.

«Завтра, какъ вамъ угодно,» отвѣчалъ Бранказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сегодня, сейчасъ, не сходи съ мѣста!

«Вы съ ума сошли, Викомтъ! Какъ же намъ теперь драться однимъ, безъ свидѣтелей — вы обезславите честь Французскаго Дворянина. Полноте, любезный Викомтъ! Гнѣвъ вашъ напрасенъ — успокойтесь: я не сойду съ мѣста, и мы оба имѣемъ надобность въ отдыхѣ, а особенно вы, я думаю,

очень устали — вы такъ много танцовали... Завтра, М. Г., я жду васъ, и готовъ раздѣляться, какъ вамъ угодно!

— Я не знаю, что мнѣ мѣшаетъ... — Но, Боже мой! — вскричалъ Сентъ-Андре — если карета поѣдетъ въ сію минуту... все потеряно!.. Хорошо — я выйду отсюда!...

Сентъ-Андре подошелъ къ Бранказу, и едва могъ говорить, задыхаясь отъ бѣшенства:

— Я иду, г-нъ Маркизь, но я возвращусь немедленно, и приведу съ собою дозоръ, который захватитъ васъ, какъ вора... Слышите ли, г-нъ Бранказъ? Вы меня принуждаете...

«Дѣлайте, что хотите.»

Викомтъ бросился изъ комнаты.

«Прощайте, Викомтъ! Спокойной ночи!» кричалъ ему въ слѣдъ Бранказъ.

И замкнувши поспѣшно дверь, въ которую вышелъ Сентъ-Андре, онъ побѣжалъ въ ту дверь, куда ушла Графиня Десинья.

IV.

Пока между викомтомъ Сентъ-Андре и маркизомъ Бранказомъ происходило замѣчательное свиданіе, главныя черты котораго старались мы передать, вотъ что было въ другихъ мѣстахъ отеля. Когда приходъ Викомта заставилъ Графиню такъ поспѣшно убѣжать, нѣсколько времени бродила она въ потѣмахъ, оцупью, по длиннымъ корридорамъ, которые ужасъ заставлялъ ее пробѣгать, хотя она и сама не знала, куда идетъ. Такимъ образомъ достигла она до отдаленной части дома, гдѣ казалось, оканчивались корридоры. Тамъ, сквозь щели довольно плохо сбитой двери, она увидѣла свѣтъ. Боясь, чтобы дверь вдругъ не отворилась, и чтобы какойнибудь слу-

житель не увидалъ ея, она хотѣла уже обратиться назадъ, тѣмъ болѣе, что за дверью слышался шумный говоръ многихъ голосовъ, но къ удивленію своему, она замѣтила, что среди шума произносятся ея имя. Изъ любопытства, при всемъ своемъ испугѣ, или по тайному какому нибудь предчувствію, она не могла противиться желанію остановиться и послушать. Какое ужасное открытіе! Какая страшная тайна раскрылись передъ нею!. Сквозь дверныя щели, она разглядѣла шестерыхъ, или семерыхъ служителей. Всѣ они сидѣли за столомъ, съ стаканами въ рукахъ, которые какой-то странно одѣтый чело­вѣкъ, съ лицомъ, вымараннымъ сажею, наполнялъ виномъ, говоря каждому изъ пьяныхъ собесѣдниковъ:

— Тобой, Ганри, я очень доволен! — Тебѣ тройную порцію, что ты такъ ловко остановилъ лошадей. Ты также молодецъ, Франсуа — а тебѣ, Лавердюръ, стоило бы дать чистой, пречистой водицы, вмѣсто вина, за то, что ты первый побѣждалъ, и всѣ за тобой побѣжали. Будто ты не зналъ, что баринъ бросится на насъ со своей шпагой, и что все это шутка? Вѣдь хорошо еще, что она скоро упала въ обморокъ, а то все дѣло къ чорту! Чего ты испугался, дуралей!»

При сихъ ужасныхъ словахъ, смертельный холодъ пробѣжалъ по тѣлу Графини, и она едва не упала въ обморокъ. Такъ все это ночное нападеніе и неожиданная помощь были выдумка, подлый обманъ, сътъ расставленная ея легковѣрною, и съ какою же цѣлью, Боже великій! Стансы, которые вчера передали ей, были предостереженіемъ друга. И какъ ни о чемъ она не догадалась, когда Бранказъ читалъ ихъ съ такимъ явнымъ смущеніемъ? — Ахъ! теперь въ стихахъ нѣтъ ничего загадочнаго! И онъ могъ ослѣ-

пить ее притворствомъ... И какою цѣною узнаеть она всю низость души его!

Такъ, кого называли Лавердюромъ, не замедлилъ отвѣтомъ.

— Да — сказалъ онъ, — посмотрѣлъ бы я васъ на моемъ мѣстѣ, г-нъ Лорренъ, когда баринъ бросился на насъ съ своей шпагой! Шутка — говорите вы — покорнѣйше благодарю — плохая шутка, онъ видно забылъ что шутить, и колотъ такъ, что иной и не въ шутку такъ не колотъ! Бѣдный Пуанъ лежитъ теперь въ постель... Нѣтъ! Я впередъ отказываюсь играть такіа комедія. — Хорошо барамъ: онъ теперь тамъ съ своей красавицей, я мнѣ-то что изъ этого? Я напился въ конюхн, а не въ разбойники ночные — долго ли поссориться...

«Лавердюръ!» вскричалъ чело­вѣкъ, вымаранный сажею — «ты скотина и ничего не понимаешь! — Я тебѣ вѣло прогнать!

— Г-нъ Лорренъ — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ — тамъ опять звонятъ на пропалу! Слышите?

«Ну, это не наше дѣло!» — вскричалъ третій: — «намъ платить, чтобы мы молчали... И онъ громко захохоталъ.

— И разумѣется! — прибавилъ вымазанный сажею чело­вѣкъ, котораго называли г-мъ Лорреномъ, и который отправлялъ великую должность камердинера Викомтова, — разумѣется! Барину ужъ не въ первый разъ шалить! Не наше дѣло... Ну! миръ — за здоровье прекрасной Графини Дисиньи!...

Все слышала до сихъ поръ Графиня; далѣе она боялась даже слушать, и задыхаясь, сама не зная что дѣлаетъ, куда идетъ, снова начала она бродить по корридорамъ. Тутъ явился Бранказъ передъ нею, съ самыми сладостными надеждами въ сердцѣ, по—

онъ испугался даже, когда въ углу одного темнаго корридора неожиданно увидѣлъ ее. Глядя на Графиню, при мерцаніи догаравшей свѣчи, онъ ужаснулся внезапной перемѣны, какал видна была во всѣхъ чертахъ лица прекрасной плѣнницы — невольно двинулся онъ назадъ, почтительно поклонился, но не могъ выговорить ни слова. Съ гордымъ величіемъ, котораго никогда не подозрѣвалъ въ ней Бранказъ, Графиня повелительно указала впередъ, какъ будто приказывая идти. Молча повиновался онъ. Графиня шла за нимъ, не говоря ни одного слова. Такъ пришли они въ ту комнату, гдѣ такимъ восторгомъ началась для Бранказа завязка комедіи, грозившей теперь превратиться въ странную драму: такъ ужасно горда, молчалива, угрюма была Графиня, и такъ униженъ, трепещущъ былъ Маркизь. Смотри на нихъ, можно было подумать, что она спасла его изъ рукъ разбойниковъ. День начиналъ свѣтлѣть сквозь Дамасскія занавѣсы оконъ. Бранказъ поставилъ на столъ канделябру, которую держалъ въ рукахъ, а Графиня подошла къ двери, которая вела на лѣстницу. Она старалась отворить ее, но напрасно. Мы видѣли, что Бранказъ заперъ ее на замокъ. Тутъ собралъ Графиня всѣ силы свои, и оборотясь къ Маркизу, начала говорить съ видомъ совершеннаго спокойствія — но тяжело вздымавшаяся грудь ея показывала, каково было это спокойствіе....

— М. Г. — сказала она — ночь почти прошла. Неужели и на день должна я остаться вашею плѣнницей?

«Графиня! я васъ не понимаю,» отвѣчалъ Бранказъ, съ изумленіемъ видя ея поступки, слыша ея слова. — Вы совершенно свободны, теперь и прежде, какъ всегда!

— Хорошо, М. Г. — И такъ во имя священныхъ

законовъ гостепріимства, которые вы безчестно нарушаете, я прошу васъ немедленно отворить мнѣ двери вашей отели — я приказываю вамъ, какъ оскорбленная женщина, которая умѣетъ оцѣнить и помнить обиды!

Какъ она измѣнилась! Это не была уже та молодая, слабая женщина, которая падаетъ въ обморокъ при одномъ взглядѣ на разбойниковъ, окружившихъ ея карету. Въ ней видна была теперь достойная наслѣдница тѣхъ гордыхъ вонителей, чьи портреты украшали стѣны въ замкѣ Дисиньи, чья кровь текла въ ея жилахъ.

— Но, Графиня! — съ трепетомъ отвѣчала Бранказъ, — день едва начался....

«Нѣтъ нужды — отворите дверь!

— Но я не успѣлъ еще нанять кареты.

«Я пойду пѣшкомъ!

— Пѣшкомъ? Подумайте, Графиня: вамъ идти, и въ этомъ нарядѣ — такъ рано, по грязи — дождь шелъ всю ночь....

«Если бы мнѣ должно было умереть дорогою, я не хочу здѣсь оставаться!

Всѣ душевныя усилія надобно было собрать Графинѣ, чтобы перенести въ теченіе четверти часа тяжесть роли, ей вовсе несвойственной, и едва произнесла она послѣднія слова, какъ всѣ силы ее оставили, и она залилась слезами. Такъ создана женщина: готовая вызваться на борьбу, она никогда ее не выдерживаетъ. Кажется, что единственное назначеніе, гдѣ можетъ она показать упорство — любовь. Здѣсь она непобѣдима! Здѣсь она ни кому не уступить. Растроганный состояніемъ, въ какомъ видѣлъ Графиню, Бранказъ осмѣлился приблизиться къ ней.

— Ради Бога! — сказалъ онъ — что съ вами сдѣлалось? Вы плачете? — Голосъ его выражалъ

всю нѣжность любви, и невольно дошелъ онъ до сердца Графини. Она не могла не высказать тайны, удручавшей ее. Рѣшась противопоставить совершенное невниманіе и презрѣніе ко всему, что могъ бы сказать ей Бранказъ, она говорила однакожь ему голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Ахъ! г-нъ Бранказъ! это ужасно — это постыдно! Искать такимъ образомъ моего безславія — погубить меня!... Но, скажите, за что, за что? Что я вамъ сдѣлала?

Бранказъ, вовсе ничего не звавшій о безславномъ замыслѣ Виконта, былъ изумленъ обвиненіемъ, какое такъ неожиданно падало на него.

«Графиня...» — говорилъ онъ — «объясните — я не понимаю...»

— И я вѣрила словамъ о любви его? Я обвиняла себя, что до сихъ поръ не постигала его благороднаго, великодушнаго характера! — Я рѣшалась, можетъ быть... Нѣтъ, нѣтъ! избави Богъ! Безславіемъ женщины купить на нее право... Какой поступокъ для благороднаго человѣка! Благодарю васъ, Маркизь, теперь я безопасна — я знаю васъ, не боюсь васъ болѣе — презираю! И если я хочу бѣжать одна, пѣшкомъ, ночью, черезъ цѣлый Парижъ, то по тому только, что присутствіе ваше мнѣ несносно, что я хочу навсегда отъ него избавиться!...

Тутъ пришло въ голову Бранказу, что Графиня слышала, можетъ быть, часть разговора его съ Виконтомъ, не поняла, подозрѣваетъ его въ хитрости, въ участіи... Но какъ начать объясненіе и что объяснить? Онъ бросился къ ногамъ ея, и почти со слезами говорилъ ей:

— Успокойтесь, Графиня, ради Бога, успокойтесь! Я могу казаться виновнымъ, но я невиноватъ... Моя разсѣянность, моя мечтательность...

«Оставьте меня, не подходите ко мнѣ!» вскричала Графиня, съ выраженіемъ сильнаго гнѣва — «Такъ это называете вы разсѣянностью? Такое отвратительное злодѣйство? Подкупить слугъ, похитить женщину...»

— Какъ? Что такое? Клянусь вамъ...

«Перестаньте оправдываться — я все знаю — я не вѣрю вамъ, не хочу вѣрять! Вы мечтатель? Вы никогда имъ не были...»

— Но, выслушайте...

«Да, никогда, никогда! Вы прикрывали маскою свое ужасное поведеніе — насмѣшки, оскорбленіе, развратъ...»

— Какъ? Вы можете думать?

«Не думаю, но все знаю, всего ожидаю отъ васъ — я бѣгу, и запрещаю вамъ показываться мнѣ на глаза...»

Графиня бросилась къ двери, съ усиліемъ отперла замокъ, и спѣшила идти.

— Графиня! — вскричалъ Бранказъ, въ отчаяніи, удерживая ее, — ради Бога, выслушайте — позвольте мнѣ...

«Оставьте меня, оставьте, М. Г.» — отвѣчала Графиня, вырываясь отъ него. «Вы мнѣ ужасны!»

И тутъ, на улицѣ раздался страшный стукъ экипажей, послышались голоса, смѣшанные съ звуками музыкальныхъ инструментовъ. Графиня перешла уже за порогъ и невольно остановилась. Она бросилась къ окну, подняла одну изъ занавѣсъ, робко взглянула на улицу, и — что она увидѣла?..

Вся улица была полна каретъ и портшезовъ, и изъ дверецъ каждаго экипажа, какъ Медузины головы, видны были знакомыя лица: то были молодые шалуны, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства, любовью которыхъ пренебрегла Графиня

Десиньи. Все они были одеты щегольски, потому, что явились съ придворнаго медіанока, и лицо каждаго изображало насмѣшку, при общемъ хохотѣ и шумѣ. Несчастная красавица закрыла лицо руками въ отчаяніи, и обратилась къ Бранказу, который стоялъ, ничего не понимая.

— Вижу, г-нъ Маркизь, что вы были правы, стараясь задерживать меня! — сказала она съ горькою улыбкою. — Вы приготовили мнѣ провожатыхъ изъ лучшаго Французскаго дворянства, боясь, чтобы опять не напали на меня простолюдины, ночные разбойники... Благодарю васъ!

Пока она говорила, заиграла веселая музыка, и кто-то запѣлъ на улицѣ, такъ, что можно было ясно различить каждое слово куплетовъ, на голосъ известной пѣсни:

Немилосердая Діана
 Не видитъ вздоховъ, слезъ моихъ;
 Холодной мудростью выгнаша,
 По волю милаго тирана,
 Амура, презираетъ ихъ.
 Немилосердая Діана!
 Нашла ль ты въ свой чередъ тирана,
 Терзаній мстителю моихъ?

По окончаніи каждаго куплета, его повторяли хоромъ, а потомъ играла музыка, при хохотѣ и громкихъ рукоплесканіяхъ.

— Превосходно! — сказала Графиня. — Я не знала, что вы приготовили мнѣ даже и серенаду! Это верхъ учтивости и щегольства, Маркизь!..

Бранказъ уже ничего не отвѣчалъ. Окаменѣлый, оглушенный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, онъ и самъ почти ничего не понималъ. Но, вдругъ, новое событіе явилось запутать еще болѣе его странное положеніе. Въ двери отеля стучали сильною рукою, и громкій голосъ кричалъ съ улицы:

«Отворите, во имя Короля!»

Голосъ былъ виконта Сентъ-Андре. Блѣдный, разстроенный, забрызганный грязью, сопровождаемый многими полицейскими, онъ ворвался въ комнату, гдѣ были Маркизь и Графиня. Едва Графиня увидѣла его, какъ бросилась къ нему.

«Ахъ! г-нъ Виконтъ!» вскричала она, не давши времени ему опомниться, какъ я рада вашему приходу! Спасите меня — я предаю себя вашему великодушному покровительству!»

Сентъ-Андре отшатнулся отъ нея, и смотрѣлъ на нее дикими глазами.

«Да, г-нъ Виконтъ,» продолжала Графиня, «у васъ, благороднаго потомка знатной фамиліи, прошу я защиты противъ челоуѣка, недостойнаго имени Французскаго дворянина, челоуѣка, который безславіемъ моимъ хотѣлъ меня заставить отдать ему руку — переодѣлъ слугъ своихъ разбойниками, притворно защитилъ меня отъ ихъ нападенія, и потомъ призвалъ своихъ товарищей»..

Только сіи послѣднія слова вывели Бранказа изъ безчувствія, въ какомъ онъ находился. Онъ понялъ все, устремилъ на недостойнаго соперника своего горящій взоръ, гдѣ въ одно время выражались удивленіе, негодованіе, презрѣніе... Но въ ту же минуту, въ комнату шумно вошли все Мушкетеры, бывшіе вчера въ погребѣ Золотаго Яблока. Шевалье Бель-Иль шелъ впереди всѣхъ, и за нимъ слѣдовало еще много другихъ шалуновъ.

— Что это, любезнѣйшій другъ, виконтъ Сентъ-Андре! — кричалъ Бель-Иль. — Это ни на что не походить! Что же ты оставляешь насъ, какъ воробѣевъ, мокнуть и забнуть передъ дверьми твоей отели? Мы пришли торжествовать твою побѣду...

«Отель Сентъ-Андре! Его побѣду!» бормотала про себя Графиня Десиньи. — Ахъ! Графиня, извините,

— говорилъ Бель-Иль, — а я было не замѣтилъ васъ — Извините, извините! Честь имѣю рекомендо- ваться вамъ покорнѣйшимъ слугою. . .

«Вивать!» прибавилъ онъ, наклоняясь къ Виком- ту. «Славно, Викомтъ! Поздравляю тебя побѣдите- лемъ всѣхъ красавицъ — закладъ выигранъ, хоть предпріятіе стоило безголоватаго человѣка. Вивать, милый другъ!»

Слова были сказаны въ полголоса, но Графиня слышала ихъ. Сентъ-Андре желалъ бы въ эту ми- нуту провалиться на сто футовъ подъ землю, или сбросить туда всѣхъ своихъ шалуновъ - товарищей. Спасенія не могло быть. Туча, грозившая Бранказу, теперь готова была страшно упасть на его голову. Но, по неожиданной игрѣ случая, на помощь Ви- комту явился неожиданный союзникъ, и дѣло вдругъ перемѣнилось видъ. Союзникъ этотъ былъ Герцогъ Шарость, гвардейскій поручикъ. Среди всеобщаго смятенія, онъ вбѣжалъ въ комнату безъ доклада, бросился прямо къ Бранказу, и началъ ему гово- рить, чуть не задыхаясь отъ усталости:

«Ну! я нашелъ васъ наконецъ. . . г-нъ Маркизь. . . Заставили вы меня побѣгать. . . Да, теперь вы отъ меня не увернетесь. . . Пять часовъ рыскаю я по милости вашей по Парижу, но, вы напрасно ду- мали укрыться отъ правосудія Его Величества Ко- роля. Во имя Его, и Ея Величества, Матери-Коро- левы, Правительницы, прошу васъ немедленно по- жаловать въ карету, которая дожидается васъ у вхо- да, и немедленно повезетъ васъ, подъ добрымъ прикрытіемъ, въ ваши помѣстья. Надѣюсь, г-нъ Маркизь, что вы не допустите меня употребить си- лу для исполненія Королевской воли!

— Господинъ Герцогъ! я къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Бранказъ.

Онъ приблизился къ Викомту Сентъ-Андре, и ска- залъ ему:

— Передаю въ полное ваше распоряженіе отель, гдѣ. . . — и тутъ взоръ его обратился къ Графинѣ, сидѣвшей въ углу комнаты, въ мрачномъ безмол- вѣи — гдѣ, простите мнѣ, Графиня! нѣсколько ми- нуть казалось мнѣ, что и для меня есть на землѣ счастье. . .

— Я мечталъ! — прибавилъ онъ, послѣ мгновен- ной остановки.

— Г-нъ Викомтъ! побѣда на вашей сторонѣ, по какъ ни лестно торжество побѣдителя, повѣрьте, что на нашемъ мѣстѣ быть — я не согласился бы ни за какія въ мірѣ награды. . .

Еще разъ взглянулъ онъ на Графиню. Она сидѣла, безмолвнал, облокотясь рукой на столикъ, какъ будто не чувствуя, не понимая, что говорятъ и дѣлаютъ вокругъ нея. Тяжко вздохнулъ Бранказъ, крѣпко по- жалъ руку Сентъ-Андре, и сказалъ ему въ полголоса:

«Моя ссылка не будетъ вѣчною, и мы — увидимся! Поспѣшно вышелъ онъ послѣ того, послѣдуемый Шаростомъ.

Тутъ, какъ будто ожила графиня Десиньи. Она поспѣшно пробѣжала по комнатамъ, отворила окно, и весело закричала на улицу:

— Г-нъ Бранказъ!

При звукахъ милаго голоса, уже готовый сѣсть въ карету, Бранказъ обернулся. Слезы были на глазахъ его. Можетъ быть — послѣднюю укоризну долженъ былъ онъ услышать изъ устъ той, кото- рую такъ безжалостно вырывала у него судьба. . . Но каковъ же былъ восторгъ его, когда самымъ пѣжнымъ голосомъ Графиня говорила ему громко:

— Опять ваша милая разсыпанность! Вы забы- ваете здѣсь вашу жену. . .

«Его жену!» вскричали все, бывшие в комнате.

Бранказъ не отвѣчалъ, не могъ ничего отвѣчать. Съ выраженіемъ восторга, блаженства, онъ протянулъ только руки къ ангелу, который улыбался ему изъ окна.

Черезъ нѣсколько минутъ, счастливецъ цѣловалъ руку очаровательной подруги, сидѣвшей подлѣ него въ каретѣ, и забывалъ, что онъ ѣдетъ въ изгнаніе... Когда бывалъ онъ такъ счастливъ въ блестящей жизни Дворской...

Черезъ двѣ недѣли, Парижъ и Дворъ заговорили о свадьбѣ маркиза де-Бранказъ и графини Десиньи. Королева, которой рассказали все подробности страшныхъ приключеній Маркиза и Графини, хохотала отъ души, хоть никогда не бывала веселаго нрава. Она немедленно послала Бранказу позволеніе воротиться ко Двору. Бранказъ явился веселый, счастливый, и ужъ не мечтатель болѣе. Какія мечты могли сравниться съ существеннымъ его счастьемъ!

Дуэль, которая условлена была между Бранказомъ и Сентъ-Андре, не состоялась, и вотъ почему: вы помните, что изъ числа вздыхателей, отвергнутыхъ графиней Десиньи, одинъ, щеголь Пардейланъ, вступилъ въ Мальтійское Рыцарство, а другой, шалунишка Пейреладъ, застрѣлился. Осмѣянный всеми, не смѣя никуда явиться, изгнанный отъ Двора, Сентъ-Андре, смѣявшійся надъ своими товарищами, сдѣлалъ еще хуже ихъ — онъ скрывается въ Латрапскій монастырь. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили. Достоверно одно, что онъ пропалъ, и объ немъ никогда и ничего не слыхали. Слѣдовательно, Бранказу стрѣляться было не съ кѣмъ, да и тѣмъ лучше.

Съ Франц. И. ВЕНИГНА.

=

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ОСНОВНЫЯ ПРАВИЛА КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ, ПЕРВОПЧАЛЬНО УТВЕРЖДЕННЫЯ КОНФУЦІЕМЪ, И ПРИНЯТЫЯ КИТАЙСКИМИ УЧЕНЫМИ.

(Статья О. Іакина).

Давно уже Европейцы жалуются, что при чтеніи историческихъ книгъ, переводимыхъ съ Китайскаго языка, они чувствуютъ скуку, и даже отвращеніе отъ чтенія. Такую жалобу нахожу основательною, и чувство скуки отнюдь не приписываю причудливости Европейскаго вкуса.

Китайцы представляютъ исторію зеркаломъ, отражающимъ тѣнь событій, происходившихъ въ какой либо странѣ. Сія событія извлекаются изъ государственныхъ современныхъ бумагъ, въ которыхъ, въ отношеніи къ дѣйствовавшимъ лицамъ наблюдается особенный тонъ выраженій, соотвѣтственно образу ихъ дѣйствій. Сей тонъ переливается въ самую Исторію, и производилъ собою (для насъ Европейцевъ,

Т. VII. — Од. III.

а не для Китайцев) шероховатость въ слогѣ, дѣлаетъ ее скучною. Но не должно забывать, что сей самый тонъ составляетъ существенное качество Китайской Исторіи, ибо онъ даетъ нѣкоторымъ словамъ такое значеніе, которое изображаетъ самый характеръ событій. Измѣните тонъ сей, и тогда каждое перемѣненное слово должны будете замѣнить *объясненіемъ*, разрывающимъ единство повѣствованія, а безъ сихъ объясненій, событія теряютъ существенную часть исторической своей истины, потому что правительствомъ утверждено употреблять *известныя слова* для событій, *вослѣдовавшихъ* на основаніи общихъ законовъ, и другія слова для подобныхъ же событій, *вослѣдовавшихъ* отъ случайныхъ, или предосудительныхъ причинъ. Сей тонъ, въ первомъ случаѣ, называется *историческимъ положеніемъ*, а во второмъ *измѣненіемъ историческаго положенія*.

Кхунь-фу-цзы, жившій во времена великихъ безпорядковъ въ Китаѣ, первый употребилъ особенный способъ историческаго писанія для усмиренія мятежныхъ вассаловъ и вельможъ. Въ его краткой лѣтописи, подъ названіемъ: *Чунь-цзо*, что значитъ *Весна и Осень*, по увѣренію ученыхъ Китайцевъ, одно въ похвалу сказанное слово блистательнѣе всякаго пышнаго наряда, одно въ порицаніе сказанное слово колче всякаго остраго оружія. Примѣръ сего славнаго мудреца одобренъ былъ всѣми учеными, потомъ утвержденъ правительствомъ. На семь основаній, въ послѣдствіи постановлены были разныя *положенія*, характеризующія Китайскую Исторію. Большую часть таковыхъ положеній можно видѣть въ знаменитой Исторіи *Тхунь-цзянь гань-лу*, сочиненной ученымъ Чжу-си. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Положеніе о единодержавіи.

Соединеніе имперіи въ цѣлое политическое тѣло есть *единодержавіе*. При утвержденіи единодержавія годы писаны большими знаками; въ продолженіе царствующаго колѣна такимъ же образомъ писано, хотя бы владѣніе раздроблено было на части. Если же не было единодержавія, то годы писаны въ примѣчаніи малыми знаками; даже и при единодержавіи, если государь былъ не отъ прямой линіи, или женская особа царствовала, годы также писаны малыми знаками.

2. Положеніе о государяхъ.

При восшествіи государей (*Ди вань*) на престолѣ, въ продолженіе первыхъ шести колѣнь династіи *Чжэу* писано: *сынъ такой-то постановленъ*; *младшій братъ такой-то постановленъ*, и всегда именованъ *Великимъ Княземъ*. Съ династіи *Хань*, при первоначальномъ полученіи престола, написано: *вступилъ на Императорскій престолъ*; при возстановленіи сего дома написано такимъ же образомъ; въ продолженіе же сего колѣна всегда писано: *вступилъ на престолъ*. Если же въ продолженіе колѣна гдѣ либо написано: *наслѣдовалъ престолъ*, или *постановленъ*, то сіе есть знакъ *измѣненнаго положенія*, но всѣ вообще именованы *Императорами*. При сдачѣ престола писано: *сдалъ престолъ*. Если же гдѣ не написано *сдалъ престолъ*, а только: *Наслѣдникъ вступилъ на престолъ* (т. е. при жизни государя), то сіе есть знакъ *измѣненнаго положенія*.

Примѣчаніе. Каждое *измѣненное положеніе* имѣетъ свою причину, которую можно видѣть въ самомъ описаніи происшествія. Измѣненіе положенія происходитъ отъ предосудительныхъ причинъ.

При кончинѣ государей писано: *преставился* (*былъ*). Если гдѣ написано: *скончался* (*цзу*), то сіе

есть, знакъ измѣннаго положенія. При династїи Чжэу не было писано: погребень. Уже со временъ династїи Хань начали писать: погребень на таколь-то кладбищъ. Если погибь насильственной смертію, то писано: умерщвлена (ши). Если же гдѣ написано: скоропостижно преставился въ таколь-то мѣсть, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

3. Положеніе о государыняхъ.

При династїяхъ Чжэу и Цинь не было писано о постановленіи государынь. При западной династїи Хань писано: такую-то супругу, или классную наложницу, по фамиліи такую-то, постановилъ Императрицею *. Если же гдѣ написано: постановилъ Императрицею по фамиліи такую-то, или постановилъ догъ такого-то Императрицею, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія. Со времени государя Хэу - Чжэу (воцарившагося въ 225 по Р. Х.) до династїи Суй, писано только: постановилъ Императрицею по фамиліи такую-то. При династїи Тхань пакки писано: постановилъ супругу, или классную наложницу, по фамиліи такую-то, Императрицею, но всегда именованы Императрицами. При вступленіи сына на престолъ именованы вдовствующими Императрицами; при вступленіи же внука на престолъ, вдовствующею Императрицею бабкою.

О преставленіи государынь при династїяхъ Чжэу и Цинь не писано; уже при западной династїи Хань начали писать: преставилась. Отъ Гуань - ши и ниже писаны по фамиліямъ. Если фамилія не упомянута, или написано: скончалась, то знакъ измѣннаго положенія. О погребеніи при династїяхъ Чжэу, Цинь и западной Хань не писано. Если же гдѣ написано: погребена, то знакъ измѣннаго положенія.

* Постановленіе государыни въ нашемъ смыслѣ есть коронованіе законной супруги.

При династїяхъ восточной Хань, Цзинь, Суй и Тхань писано: погребли такую-то Императрицу. О мѣсть погребенія не упоминали. Если же гдѣ упомянуто о мѣсть, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія. Если была умерщвлена, то писали: умерщвлена. Если же гдѣ написано: убита, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

4. Положеніе объ Императорскихъ Наслѣдникахъ.

О постановленіи Императорскаго Наслѣдника * при династїи Чжэу не писано; начали сіе писать при династїи Цинь. Со временъ династїи Хань писано: постановилъ сына такого-то Императорскимъ Наслѣдникомъ. Въ продолженіе колѣна писали: Великій Наслѣдникъ такой-то вступилъ на престолъ. Если же имя упомянуто, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

5. Положеніе на разноцарствіе.

Во времена разноцарствія при династїи Чжэу, пока Сынь Неба (Великій Князь) сидѣлъ на престолѣ, при первоначальномъ полученіи царства писано: сдѣланъ удѣльнымъ княземъ; въ продолженіе же колѣна писали: постановленъ, но всегда именованы по достоинству. Со времени притязанія Великокняжескаго титула всегда именованы Владѣтелями. О кончинѣ писано: скончался. Жены именованы были супругою, матери матерью владѣтеля, сыновья Великими Наслѣдниками. Когда же перестали признавать Сына Неба, то въ семи царствахъ писано: В. Князь; о кончинѣ писано: успокоился (хунь); жены именованы Государынями, матери вдовствующими Государынями. Уже съ династїи Цао-Вэй, при первоначальномъ

* Хотя при первыхъ трехъ династїяхъ Ся, Шань и Чжэу, государи именовались Великими Князьями, но Великій Князь и Императоръ существенно имѣли одинаковое достоинство, и посему въ титулованіи наследниковъ на Китайскомъ языкѣ нѣтъ отличія.

полученіи царства писаны *Императорами*; въ продолженіе же колѣна писано: *постановленъ*, и всегда именованы *Государями*. Пока продолжалось единодержавіе, о кончинѣ писано: *скончался*. Когда пресѣклось единодержавіе, то о кончинѣ писано: *умеръ*. Жены именованы *Государынями*, матери вдовствующими *Государынями*, сыновья *В. Наслѣдниками*. Во времена разноцарствія нигдѣ не писано о погребеніи. Если же писано о погребеніи, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія.

Если были умерщвлены, то написано: *умерщвленъ*; если же написано: *убитъ*, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія. О постановленіи Государынь и Великихъ Наслѣдниковъ, во времена разноцарствія, не всегда писано.

По притязаніи меньшаго княжества, всегда именованы *по достоинству*; о кончинѣ же ихъ писано: *скончался*; жены именованы *супругами*. По притязаніи Императорскаго титула, всегда именованы *Государями*; по кончинѣ писано: *успокоился*. Жены именованы *Государынями*, сыновья *сынами*, а иногда *Великими Наслѣдниками*. О погребеніи ихъ не писано; если же были умерщвлены, то писано: *умерщвленъ*.

6. *Положеніе о высшихъ чинахъ, или вельможахъ.*

Опредѣленіе и увольненіе министровъ неопустительно писано. При династіи *Цинь* писано: *уволень*. Съ династіи *Хань* начали писать: *отставленъ*, а иногда *уволень*. При Императорѣ *Чень-ди* начали писать: *съ грамотою уволень*. Съ династіи *Тхань*, министровъ отставляли съ переводомъ къ другимъ должностямъ. О мудрыхъ писали: *отставленъ съ переводомъ къ такой-то должности*; въ противномъ же случаѣ писали только: *отставленъ*.

О кончинѣ ихъ вообще писано: *скончался*. При обѣихъ династіяхъ *Хань* за честь вмѣняли при кон-

цѣ писать: *должность, достоинство и прозваніе*. Не означить прозванія считалось укоризною, и не выказать *должности и достоинства* служило порицаніемъ. Отъ династіи *Хань* въ *Шу* до династіи *Цзинь* вообще писано и прозваніе. Если не писано прозванія, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія; не выказать же *должности и достоинства* считалось порицательнымъ выраженіемъ. При династіяхъ *Сунь*, *Вэй* и *Чень* вообще упоминали о должностяхъ, но записывали только мудрыхъ. Хотя вельможи самозванцы иногда записаны безъ должности, но сіе не служитъ къ ихъ порицанію. При династіяхъ *Суй* и *Тхань* въ честь вмѣнялось писать *должности и достоинства*; иногда писали даже *и имя по смерти*. Не упомянуть же о *должностяхъ и достоинствахъ* считалось порицательнымъ выраженіемъ.

При каждомъ увольненіи отъ должности, если писано: *такой-то уволень*, или *заслуживаетъ увольненіе*, то означало, что онъ найденъ виновнымъ и по суду уволень. Если же писали: *уволить такого-то отъ должности, уволить такого-то по окончаніи суда, призвалъ такого-то уволеннаго* (освобожденнаго) *послѣ суда*, сіе означало безвинность.

При исключеніи изъ списковъ, если писали: *исключить такого-то изъ списковъ*, то сіе означаетъ безвинность; если писано: *такой-то исключенъ изъ списковъ*, то сіе означаетъ, что онъ виноватъ.

7. *Положеніе объ арміяхъ.*

При каждомъ началіи войны, если она имѣетъ *имя* (т. е. выказаны законныя причины), то говорится: *воевать, усмирять оружіемъ*; если же война не имѣетъ имени, то писано: *напасть, ударить, атаковать, или осадить*; если легкое нападеніе, то писано: *внезапно напасть*.

При каждомъ бунтѣ писано: *поднялъ бунтъ, вос-*

противился власти Государя, напалъ на дворецъ. Если же гдѣ писано: *поднялъ оружіе, вооружилъ войска, войска возстали*, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія.

При каждомъ бунтѣ, если то чиновники, народъ, или дикіе, живущіе въ Китаѣ, или возведенные Китайскимъ Дворомъ, или прежде покорившіеся Китаю, то писано: *услмирить*, или *укротить оружіемъ*; въ противномъ случаѣ писано только: *ударить*.

При каждомъ вѣншнемъ безпокойствѣ отъ разбойниковъ и матежниковъ, писано: *грабятъ, взять*; противъ нихъ писано только: *ударить*. Если же преступленіе чрезмѣрно, то писано: *укротить оружіемъ*. О безпокойствіяхъ извнѣ не писано. Если при чрезвычайномъ грабительствѣ писано: *воевать*, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія.

При каждой осадѣ, или завоеваніи, требовавшимъ многихъ усилій, писано: *приступомиъ взять, побѣдитъ*. Если безъ трудностей, то писано: *завоевали, вступили*, а *обложитъ* писано только при столицахъ и важныхъ городахъ.

8. Положеніе о казни и предаваніи смерти.

При каждой казни смерти, если есть вина, писано: *казнилъ, усмирилъ оружіемъ*; если пѣтъ вины, то писано: *предалъ смерти (убилъ)*; если же при винѣ писано: *предалъ смерти*, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія. Но если кто по винѣ не заслуживалъ смерти, то писано: *отсѣкъ голову*. О самоубійцахъ писано: *самъ себя убилъ*. Если же кто самъ себя убилъ по притѣвленію, то писано: *предалъ смерти*. Если кто по притѣвленію самъ себя убилъ, а сказано *казненъ*, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія.

При каждомъ заточеніи въ тюрьму, если написа-

но: *посадилаъ такого-то въ тюрьму, вытребовавъ такого-то посадилаъ въ тюрьму*, то сіе не означаетъ вины. Если же написано: *такой-то посаженъ въ тюрьму*, сіе означаетъ виновность.

Примѣчаніе. Тоже самое значитъ: *отдать подъ судъ*.

Если кто отрѣшенъ по винѣ, то писано: *такой-то отрѣшенъ*; если же не имѣлъ вины, то писано: *отрѣшилъ такого-то*.

Если кто сосланъ по винѣ, писано: *такой-то сосланъ, такой-то отрѣшенъ и сосланъ, такой-то уволенъ и сосланъ*. Если безвинно, то писано: *сослалъ такого-то, отрѣшилъ такого-то, сослалъ и уволилъ такого-то, сослалъ и понизилъ такого-то*.

При каждомъ объясненіи, если писано: *оказавшійся виновнымъ*, то сіе означаетъ настоящую вину; если писано: *по винѣ*, то означаетъ прошедшую вину.

9. Положеніе о посыщеніяхъ и путешествіяхъ государя.

При каждомъ возліаніи въ университетъ, или шествіи въ храмъ философа Кхунъ-Цзы, писано: *явилъся*. Если писано: *шествовалъ*, то знакъ измѣненнаго положенія.

Вездѣ, гдѣ писано: *путешествовалъ, пѣдилъ на зѣриную охоту, прогуливалъся*, есть осужденіе. Если не осужденіе, то сіе есть знакъ измѣненнаго положенія.

При каждомъ уклоненіи отъ непріятели, если оно медленно, писано: *вошелъ*; если поспѣшно, то писано: *бѣжалъ*.

10. Различныя положенія.

Владѣтели самозванцы всегда называются *по имени*. Владѣтели въ разноцарствіи, по кончинѣ, называются *по имени*; лишившіеся владѣній *по имени*.

ни же. Если кромѣ сего называны *именемъ*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

О вельможахъ, оставлявшихъ должность для траура, не писано; если же гдѣ писано, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

Если о чиновникѣ написано: *паки возстановленъ*, то сіе есть знакъ осужденія; если написано: *не въ осужденіе*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

При опредѣленіи сильнаго вельможи къ должности писано: *самъ*; если же по указу владѣтеля, и притомъ не написано: *самъ*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

При кончинѣ каждаго чиновника, умершаго за справедливость, то есть при защищеніи престола, писано: *умеръ*; если же скончался отъ болѣзни и написано: *умеръ*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія. Объ умершихъ на сраженіи писано: *умеръ*. Объ умершихъ въ тюрьмѣ писано: *умеръ*; о разбойникахъ и мятежникахъ писано: *умеръ*; если исключая сихъ случаевъ писано: *умеръ*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

Если посланникъ выполнилъ препорученія должнымъ образомъ, то писано его *илия*; если заслуживалъ болѣе, то выказана *должность* его. Если, кромѣ сего случая, названъ по *имени*, или выказана *должность* его, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

При каждомъ постановленіи владѣтеля заграничныхъ земель писано: *постановленъ*. О смерти ихъ писано: *умеръ*. Если писано: *скончался*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія. Если убитъ, то писано: *убитъ*. Если же написано: *умерщвленъ*, то сіе есть знакъ измѣннаго положенія.

Въ отношеніи къ текстамъ, или содержаніямъ лѣтописи, хоти *Чжу Цзы*, въ своемъ предисловіи, раздѣляетъ *положенія* на

правильныя и *измѣненныя*, но надобно знать, что и правильныя и измѣненныя положенія сами еще подраздѣляются на *правильныя* и *измѣненныя*. Къ правильнымъ положеніямъ относятся начало и конецъ, возрастаніе и паденіе, неблагопріятныя предзнаменованія и перевороты, постановленія и война, казни и помилованіе, опредѣленіе и исключеніе. Измѣненное положеніе есть, когда съ намѣреніемъ внесено что либо такое, что хотя по содержанію не принадлежитъ къ общимъ положеніямъ, но можетъ служить примѣромъ къ поощренію въ добръ и урокомъ къ удержанію отъ пороковъ.

Образъ такого историческаго писанія принятъ ученымъ *Чжу-си*, сочинителемъ лѣтописи Гань-му, въ подражаніе лѣтописи Чунь-цю, сочиненной философомъ Кхунь-цзы. Находится по предмету сему замѣчанія другихъ ученыхъ, и притомъ болѣе распространенныя, но для насъ и сего довольно.

=

АФОНСКАЯ ГОРА. *

Вторникъ, 27/8. — Афонская гора. Прекрасная, тихая ночь и сѣверный вѣтеръ благопріятствовали нашему плаванію по Мармарному морю. На слѣдующій день послѣ нашего отъѣзда изъ Константинополя, мы уже находились въ Дарданельскомъ проливѣ, и останавливались, то противъ одного, то противъ другаго мѣстечка, для высадки пассажировъ, или принятія новыхъ. Въ полдень прибыли мы къ Азіятскому замку Дарданелль, и вышли на берегъ. Имѣя письмо къ Русскому консулу Тимони, я пошелъ отыскивать его жилище. Мѣстечко должно быть очень значительно, какъ для торговли, такъ равно и въ политическомъ отношеніи, и потому находятся здѣсь консулы всѣхъ націй. Ихъ жилища отличаются отъ прочихъ выставленными на нихъ флагами. Въ послѣдній пожаръ, домъ нашего консула сгорѣлъ, но теперь отстраивается новый, на самомъ берегу моря. Мы остановились здѣсь на столько времени, сколько нужно было для закупки провизіи и найма лодки. Въ городѣ

* Мы уже говорили о путешествіи В. П. Давыдова, которое, въ нынѣшнемъ году, вѣроятно, будетъ издано, и составитъ украшеніе нашей литературы, какъ по великолѣпному изданію, такъ и по важности содержанія своего. Съ особеннымъ удовольствіемъ, съѣвшимъ предварительно познакомить читателей съ сочиненіемъ почтеннаго нашего соотечественника. *Р. С. О.*

свирѣпствуетъ чума; жители его не очень гостепріимны, а намъ время дорого; по такимъ тремъ причинамъ, я былъ очень радъ, когда небольшая, открытая лодка, съ семью матросами, частью Греками, частью Турками, была готова, и мы ввѣрились на ней волнамъ, не имѣя другой провизіи, кромѣ жаренаго козла, разныхъ копченыхъ вещей, которыя могли бы служить въ случаѣ голода, и нѣсколькихъ бутылокъ портера, которыя до сихъ поръ служатъ къ возобновленію чудеснымъ образомъ нашихъ умственныхъ и тѣлесныхъ силъ. Если бы даже пираты заблагоразсудили напасть на насъ, мы были бы самою легкою для нихъ добычею, но мы совершили наше плаваніе благополучно и чрезвычайно скоро. Попутный вѣтеръ дулъ во все время, и пролетѣвъ ночью мимо острововъ *Имброса*, а утромъ между *Делиносомъ* и *Салотраки*, мы пристали сегодня къ берегу *Святой Горы*, употребивъ только двадцать три часа на плаваніе изъ Дарданелль.

Гора, круго поднимающаяся съ моря, вся покрыта зеленью. Длинная монастырская ограда, напоминая немного живописные Итальянскіе монастыри, представляется взору пловца еще за нѣсколько времени до его прибытія къ берегу. Лодка наша вошла въ небольшую, укрѣпленную пристань, окруженную съ моря скалами, между коими давно уже выстроены домики, съ зубчатыми стѣнами, для караульныхъ. Встрѣтивъ на берегу монаха, понимающаго по Русски, я послалъ его впередъ съ своимъ фирманомъ, извѣстить о моемъ прибытіи и попросить позволенія посѣтить монастырь.

Черезъ четверть часа прислали намъ самый гостепріимный отвѣтъ, и двухъ муловъ, для перевоза нашихъ вещей съ лодки въ монастырь.

Нѣсколько старшихъ монаховъ ждали насъ на возвышенности у воротъ монастыря, и провели внутрь ограды. Мы прошли чрезъ трое воротъ, и вступили на дворъ, прекрасный своими строеніями и зеленью. Посреди его двѣ церкви, и при нихъ два тысячелѣтнихъ кипариса, посаженныхъ основателемъ монастыря. Два Турецкіе фонтана и сады съ цвѣтами и фруктами занимаютъ остальное мѣсто. Стороны двора заняты корридорами; подъ сводами и надъ ними, кельи монаховъ, а между ними находится множество деревянныхъ пристроекъ, полуразрушенныхъ лѣстницъ и черепичныхъ крышъ разной высоты. Все это покрыто мохомъ, или вьющимися по стѣнамъ виноградными лозами. Зала, устроенная для трапезы, и за нею башня, служащая укрѣпленіемъ и тюрьмою, закрываютъ дворъ со стороны горы. Такая пестрота дѣлается еще живописнѣе отъ массы горы, которая возвышается круто сзади, образуя такимъ образомъ задній фонъ картины. Насъ повели въ *архонъ-дарлыкъ*, прекрасную комнату, устроенную въ Турецкомъ вкусѣ, и предназначенную единственно для пріема гостей. Низкіе диваны, расположенные по тремъ сторонамъ комнаты, служатъ днемъ для сидѣнья, а ночью являются постелями. Изъ оконъ со стороны моря открывается видъ на покрытый масличными и другими деревьями берегъ, и на острова Архипелага. Потолокъ комнаты украшенъ изображеніями Богородицы и Ангеловъ, но Греки дали намъ замѣтить, что глаза у нихъ были выколоты во время нападенія Турковъ, нѣсколько лѣтъ тому, на Аѳонскую гору. Монахи приготовили намъ постный, но весьма хорошій обѣдъ; старшіе изъ нихъ окружали насъ, и изъявляли удовольствіе, что видятъ насъ у себя въ гостяхъ. Призывъ къ молитвѣ совершает-

ся здѣсь обыкновенно не посредствомъ колокола, но удареніемъ по доскѣ палкою, съ которою монахъ обходитъ весь дворъ. Намъ объяснили сей обычай, когда пришла пора идти къ вечерни. Соборная церковь, гдѣ совершалась служба, построена, какъ снаружи, такъ и внутри, въ Византійскомъ вкусѣ; форма ея очень красива и легка, особенно рисунокъ купола. Вся внутренность расписана предметами изъ Священнаго Писанія, или исторіи Аѳонской горы. Люстра, висящая посреди церкви, напоминаетъ лампы въ Софійскомъ соборѣ, и образуетъ кругъ, равный самому куполу; но въ святой Софіи лампы привязаны къ ниткамъ, а здѣсь большое мѣдное кольцо, украшенное двуглавыми орлами, и разными другими украшеніями, и равное объемомъ своимъ величинѣ купола, служитъ для поддержанія люстръ, или, какъ Греки называютъ ихъ, *хоросовъ*. Такіе хоросы составляютъ, повидимому, принадлежность Византійской архитектуры, и несравненно приличнѣе нашихъ люстръ, которыя невольно напоминаютъ гостинныя, и притомъ нерѣдко не соответствуютъ вовсе своею формою характеру храма. По обѣимъ сторонамъ церкви сдѣланы, по обычаю Греческому, деревянныя мѣста (*stalles*), гдѣ можно стоять, опираясь на руки. Мнѣ отвели мѣсто возлѣ старшаго монаха, и служба началась и продолжалась почти въ совершенной тишинѣ. Возлѣ меня можно было видѣть двѣ, или три головы, въ родѣ патріархальныхъ, опускающіяся на грудь; далѣе рядъ черныхъ клобуковъ и рясъ терялся въ тѣни церкви; одна лампада надъ царскими вратами озаряла все собраніе сомнительнымъ лучемъ. По окончаніи службы, архимандритъ и старшіе монахи провели меня обратно въ *архонъ-дарлыкъ*, и рассказали мнѣ о своихъ обрядахъ и стро-

гости жизни, которую ведутъ. Пища ихъ самая простая во всякое время года, а въ постные дни довольствуются они только однимъ хлѣбомъ съ водою. Нѣкоторые носятъ подъ платьемъ вериги, и всячески умерщвляютъ свою плоть. Женщинамъ возбранено житье, не только внѣ монастыря, но и на всей Святой Горѣ, и такимъ образомъ продолжается исполняться уже много столѣтій чудо, поразившее намѣстниковъ Римскихъ Императоровъ на Востокъ, писавшихъ своему государю, что у христіанъ существуютъ по цѣлымъ столѣтіямъ общества, между тѣмъ, какъ въ нихъ никто не рождается, и они дополняются только посредствомъ раскаянія прочихъ частей свѣта.

Сколько монаховъ живетъ на Афонской горѣ, о томъ не сдѣлано еще исчисленія, но по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ должно быть ихъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ, слѣдовательно, болѣе нежели сколько находится монашествующихъ во всей Россійской имперіи. Монастырь лавры былъ учрежденъ Императоромъ Никифоромъ Фокою, и въ немъ живетъ не болѣе ста монаховъ, но подчиненныхъ, или приписанныхъ къ нему около трехъ сотъ, и они живутъ на разныхъ частяхъ горы, въ принадлежащихъ къ монастырю домахъ и хуторахъ. Въ семь чиселъ, большую часть составляютъ Греки. Болгары, Молдаване и Волоховы не болѣе тридцати человѣкъ. Разговоръ мой съ монахами прекратился, когда всѣ приготовления къ нашему ночлегу были кончены, и они пожелали мнѣ доброй ночи, удививъ меня простотою и учтивостію своего обращенія.

Пріятно, особенно при такомъ путешествіи, какое совершаю теперь я, расположиться спать подъ сѣнью монастырскою, не потому только, что мы здѣсь получаемъ покровъ, особенно драгоцѣнный по-

слѣ ночи, проведенной на открытомъ морѣ, но и по самому святому характеру мѣста. Можетъ быть, въ числѣ обитателей его есть и заблудившіеся люди; можетъ быть, есть и такіе, которые изъ временныхъ выгодъ пришли въ здѣшнюю обитель, не пожертвовавъ ни чѣмъ свѣту, который они покинули изъ празднилюбія, или стараясь укрыться отъ руки правосудія. Но это не измѣняетъ характера обители, которая была сооружена съ намѣреніемъ благочестивымъ, и должна исполнять понынѣ намѣреніе ея основателей. Такое чувство само по себѣ возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ благоговѣніе къ монастырю, но оно еще привлекаетельнѣе по красотѣ мѣсть, которыя его окружаютъ, какъ почти убожища иноковъ. Мнѣ случилось слышать замѣчаніе, что большая часть столицъ Европейскихъ расположена на самыхъ невыгодныхъ мѣстахъ. Точно также можно замѣтить, что почти всѣ монастыри находятся въ самыхъ прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ, какія только можно выбрать въ каждомъ краѣ. Окружающая природа не можетъ занимать людей, которые находятся въ безпрестанномъ сообщеніи другъ съ другомъ, и заняты дѣлами, забавами, или заботами; напротивъ того, живописная природа сохраняетъ всѣ права свои надъ человекомъ, едва только предался онъ уединенію, или усовершенствованію самого себя.

Среда, 28/9. — Только что встали мы сегодня поутру, какъ старшины монастыря пришли къ намъ, съ привѣтствіемъ, и предложили приложиться къ мощамъ, хранящимся въ монастырѣ. Я пошелъ съ старшинами въ соборную церковь, и ждалъ противъ царскихъ дверей, пока дѣлалось приготовленіе, чтобы намъ показать драгоцѣнные раки и сосуды, гдѣ хранятся мощи. Въ числѣ ихъ особенно замѣча-

тельные: довольно большой кусокъ *Животворящаго Креста*, часть локтя Иоанна Златоуста, часть главы святаго Апостола Андрея Первозваннаго и глава святаго Василія Великаго. Потомъ показали мнѣ богатѣйшее Евангеліе, на Русскомъ языкѣ, подаренное Государынею Екатериною II-ю, и Греческое Евангеліе, подаренное Петромъ I-мъ. Осмотрѣвъ съ удивленіемъ рѣдкую и богатѣйшую утварь, которая сама по себѣ заслуживала бы подробное описаніе, я попросилъ монаховъ провести меня въ ихъ библіотеку, и получивъ отвѣтъ, что у нихъ нѣтъ библіотеки, не переставалъ настаивать на своемъ, потому, что замѣтилъ сегодня поутру и вчера, что многіе разбитыя окна въ кельяхъ задѣланы были пергаментами. «Если у васъ нѣтъ библіотеки,» сказалъ я, «то проводите меня, по крайней мѣрѣ, въ то мѣсто, откуда берете вы пергаментъ, которымъ заклеиваете разбитыя окна.» Невозможно было дѣлать никакого возраженія на такую скромную просьбу, и монахи провели меня въ комнату, родъ кладовой, гдѣ увидѣлъ я, если не ошибаюсь, болѣе тысячи книгъ, расположенныхъ на полкахъ, но въ весьма плохомъ порядкѣ. Библіотекаръ, котораго прочіе называли *εὐδοκί μωσαῖος*, т. е. *ученнѣйшій, почетнѣйшій*, показалъ мнѣ рукописный каталогъ, но ни онъ, ни я не могли отыскать книгъ по каталогу, а нѣкоторыхъ изъ найденныхъ на лицо книгъ въ каталогъ не находилось. Привести книгохранилище въ нѣкоторый порядокъ надобно было бы немало времени. Пробывъ въ немъ цѣлое утро, пока головная боль не принудила меня бросить безплодный трудъ, я видѣлъ много печатныхъ классическихъ авторовъ, особенно на Греческомъ языкѣ, въ томъ числѣ Аристотелевы творенія, съ комментаріями схоластикомъ, сочиненія церковныхъ отцовъ и

Византійскихъ историковъ, въ огромномъ Византійскомъ форматѣ. Мнѣ попадались посреди хаоса рукописныя Евангелія, Посланія и Дѣянія Апостоловъ и даже классическіе авторы. Часть книгъ составляютъ рукописи, на пергаментѣ и на бумагѣ, но онѣ ужасно попортились отъ червей и сырости. Въ иныхъ по нѣскольку листовъ слѣпились вмѣстѣ, и ни какъ нельзя раздѣлить ихъ. Въ разныхъ путешествіяхъ читалъ я, что много рукописей было перевезено съ Святой Горы въ Венецію, Парижъ, Вѣну и другія мѣста, и что цѣлые корабли бывали нагружаемы ими. Состояніе лаврской библіотеки заставляетъ вѣрить такимъ извѣстіямъ, потому, что она, кажется, вся составлена изъ остатковъ, но и въ остаткахъ, по моему мнѣнію, должно быть еще много драгоценнаго. Открытіе здѣсь рѣдкостей составило бы предметъ, достойный трудолюбія Европейскихъ путешественниковъ, которыми изобилуютъ Востокъ. Можно сказать, что онъ нынѣ служитъ цѣлью походовъ, въ родѣ Крестовыхъ. Жители Запада толпами отправляются сюда, правда, не съ оружіемъ, какъ нѣкогда, а съ твердымъ намѣреніемъ обогащать себя сокровищами, которыя представляетъ Востокъ въ отношеніи торговли и наукъ. Но желательно, чтобы духъ изысканія сдѣлался нѣсколько благороднѣе того, который проникъ въ предѣлы Святой Горы; я замѣтилъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ, что миниатюрныя украшенія выдраны изъ нихъ, вѣроятно, бывшими здѣсь путешественниками. Такой, истинно-варварскій поступокъ доставляетъ его вишюнику родъ игрушки, безъ исторической важности, между тѣмъ, какъ прекрасныя рукописи тѣмъ изувѣчиваются. Вышедъ изъ библіотеки, гдѣ монахи въ особенности распространялись о драгоценности богословскихъ сочиненій въ ихъ библіотекахъ, ко-

торую за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ хотѣли отъ меня скрыть, я пошелъ взглянуть на ихъ трапезу, или мѣсто, гдѣ они собираются обѣдать. Это темная, обширная зала, съ мраморными столами. Монахи садятся за столы по старшинству; имъ не дозволяется говорить за обѣдомъ, потому, что одинъ изъ нихъ читаетъ имъ какую нибудь книгу Священнаго Писанія.

Четыре-угольная башня на концѣ двора имѣетъ гораздо болѣе важности, нежели сколько я полагалъ при первомъ взглядѣ. Посредствомъ наружной лѣстницы взошелъ я въ нее, и увидѣлъ въ ней совершенно темное мѣсто, имѣющее нѣсколько сажени глубины. Съ ужасомъ узналъ я, что монахи повергаютъ сюда преступниковъ изъ среды себя, и самыхъ законныхъ оставляютъ здѣсь дней по десяти безъ хлѣба и воды, увѣрившись впрочемъ предварительно, что они въ состояніи выдержать столь продолжительный голодъ. Мнѣ сказывали, что еще никогда не случалось вытаскивать отсюда преступника мертвымъ. Его спускаютъ внизъ по веревкѣ, но такъ, какъ онъ по окончаніи наказанія не имѣетъ болѣе силы прицѣпиться къ ней, когда его хотятъ освободить, то спускается къ нему монахъ съ фонаремъ, привязать его и вытащить на открытый воздухъ.

Другую черту, не менѣе характеризующую здѣшніе обычаи, представляетъ огромное скопище человѣческихъ костей. Когда монахъ умираетъ, братія хоронятъ его, но по истеченіи извѣстнаго срока, снова вырываютъ истлѣвшіе останки его, и складываютъ кости въ большой подвалъ, который посѣщаютъ время отъ времени. Это мѣсто, наполненное черепами и костями, служитъ и на другое употребленіе: когда кто либо изъ монаховъ, подозрѣваемый въ

какомъ нибудь преступленіи, не сознается въ винѣ своей, его посылаютъ на нѣсколько дней на жительство къ мертвецамъ; часто случается, что не имѣя ни чего другаго передъ глазами, кромѣ костей, мрачной картины человѣческаго ничтожества, преступникъ сознается въ истинѣ. Обличеннымъ предписывается, смотря по степени вины, или клянутся извѣстное число разъ костямъ, или, за преступленія болѣе тяжкія, брать ихъ къ себѣ въ келью, для того, чтобы имѣть безпрестанно передъ своими глазами.

Прекрасный день кончилъ я прогулкою къ сосѣднему хутору, принадлежащему одному изъ лаврскихъ монаховъ; онъ окруженъ масличными и кипарисными деревьями, и весь покрытъ виноградомъ, вѣтви котораго обвились вокругъ дома и перевѣшиваются съ одного дерева на другое.

Пятница, 30-го. — Всѣ дни рылся я въ бібліотекѣ, и разговаривалъ съ монахами на счетъ управленія монастырей на Святой Горѣ, и въ огромныхъ имѣніяхъ, которыми они до сихъ поръ пользуются. Сколько могу судить по словамъ ихъ, они почти независимы отъ Константинопольскаго Патріарха, и имѣютъ родъ союзнаго правленія, которое сосредоточивается въ мѣстечкѣ Кареѣ. Представители каждаго монастыря, которыхъ всѣхъ болѣе двадцати, собираются тамъ и составляютъ родъ сейма, для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Однакожъ между всѣми монастырями, *пять*, и въ томъ числѣ лавра, имѣютъ старшинство надъ другими, и представляю одно изъ нихъ, по очереди, ввѣрлетел на годъ главное управленіе дѣлами Святой Горы. Онъ представляетъ ее во всѣхъ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Турками. Лаврскій монахъ занимаетъ теперь это важное и почетное мѣсто. Греческая революція причинила не малыя потери здѣшнимъ монастырямъ, и

особенно лаврскому; монахи рассказывали мнѣ, что по восшествіи Короля Оттона на престолъ Греческій, разныя имѣнія ихъ въ Моревъ, Негропонтъ и другихъ Греческихъ земляхъ, стояція милліоновъ, были отобраны у нихъ. Но въ Турціи имѣнія остались за ними, именно, на островѣ Критѣ, гдѣ они имѣютъ одинъ *метохъ*, или хуторъ, въ Адрианополь, гдѣ находится принадлежащая имъ церковь, въ Валахін, и на самой Святой Горѣ. Притомъ, они посылаютъ во всѣ стороны для собиранія милостыни, а потому должно полагать, что имѣютъ весьма порядочный доходъ, но до какой суммы именно доходъ простирается, я не могъ узнать. Гораздо охотнѣе говорятъ они о своихъ потеряхъ, нежели объ имѣніяхъ, которыми еще владѣютъ.

Исслѣдованія мои въ библиотекъ, какъ ни были неудовлетворительны, не остались однакожъ совершенно тщетны; я нашелъ въ ней, между прочимъ, слѣдующія книги, которыхъ не выказываю вовсе самыми важными, но привожу только потому, что онѣ попались мнѣ подъ руку въ числѣ многихъ, которыхъ вовсе не могъ, или не успѣлъ я разобрать.

Дѣянія седьмаго собора, въ царствованіе благочестивой Императрицы Ирины, невесты Константина Копронима (рукопись на бумагѣ.)

Дѣянія царскія, въ 14-ти книгахъ (напечатанныя въ Парижѣ, 1647 года, въ семи частяхъ, въ листъ.)

Лѣтопись отъ Тролицкой войны до взятія Константинополя (рукопись въ одной части, въ 4^о).

Объясненіе таинственныхъ обстоятельствъ рожденія и смерти Аристотеля (рукопись, переписанная на бумагѣ Лемносскимъ монахомъ Каллиникомъ, въ одномъ томѣ, въ 4^о).

Объясненіе священныхъ и божественныхъ каноновъ святѣйшихъ и почитнѣйшихъ Апостоловъ, священ-

ныхъ, соборныхъ, равно какъ мѣстныхъ и частныхъ синодовъ, и дѣянія святыхъ церковныхъ отцовъ. (Прекраснѣйшая рукопись, переписанная, въ 1565 году, монахомъ Іоанномъ Малаксо, на полупергаментѣ, одна часть, въ листъ).

Хронологическая таблица (въ стихахъ), написанная Константиномъ изъ Манассы (переписанная въ 1737 году, одна часть, въ 4^о).

Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, съ предисловіемъ Мартына Лютера — тексты Греческій, Латинскіе, старыи и новый, и Нѣмецкій.

Извлеченіе изъ Омира и Пиндара; послѣднія съ комментаріями Ѳомы Магистра, Махопула и Макутла; тѣ и другіе съ надстрочнымъ объясненіемъ въ прозѣ, на Греческомъ языкѣ. Греческаго заглавія я не могъ переписать; рукопись въ малую четвертку, на бумагѣ.

Евангеліе, на Греческомъ языкѣ. (Рукопись на пергаментѣ; когда написана не означено, но, судя по почерку, въ XI-мъ, или XII-мъ вѣкѣ).

Евангеліе, на Греческомъ языкѣ, прекрасно переписанное на пергаментѣ, съ живописными изображеніями Евангелистовъ (по почерку можно отнести его къ XI му, или XII-му вѣку).

Дѣянія и Посланія Апостоловъ, по Гречески, вполне, въ томъ порядкѣ, какого держится церковь, съ изображеніемъ Евангелистовъ (на пергаментѣ; по курсивному письму можно полагать, что писано въ XII-мъ столѣтіи; въ переплетѣ, съ изгладившимся Русскимъ письмомъ).

Толкованіе на жизнь Аристотеля, по Гречески (вмѣсто надписи служатъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ имя Симплиція). Писано курсивомъ, вѣроятно, въ XII-мъ столѣтіи, но весьма повреждено отъ червей.

Лѣтопись всемірная преосвященнаго Димитрія, Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, отъ начала міробытія до Рождества Христова, сочиненная. (Рукопись Русская, 1758 года, на бумагѣ, въ листъ.)

Послѣднія пять книгъ попросилъ я старшинъ монастырскихъ уступить мнѣ. Они отказали сперва наотрѣзъ, но на слѣдующій день пришли въ мое жилище, и объявили торжественно, отъ имени всѣхъ братій, что книги уступаются мнѣ, въ память пребыванія моего въ лаврѣ, и что мнѣ предлагаютъ оставить имъ памятникъ на возобновленіе разваливашагося кіоска, пожертвованіемъ суммы. По полученіи потребной суммы, книги были мнѣ выданы.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ЖИВОПИСИ, ВАЯНІЯ, ЗОДЧЕСТВА И МУЗЫКИ.

(Изъ *Амделя Вендта.* *)

Въ то время, когда Испанцы продолжали еще трудиться надъ украшеніемъ церквей иконами, Реформація положила въ XVI-мъ вѣкѣ предѣлъ духовной живописи въ Германіи, а разрушительная тридцатилѣтняя война воспрепятствовала успѣхамъ свѣтской. Въ Италіи видимъ мы, съ половины XVII-го столѣтія, постепенный упадокъ живописи; сила терлась тамъ въ увеличеніи и страсти къ рѣзкимъ противоположностямъ, а грація въ украшенности и слабости. Въ Голландіи историческій родъ мало по малу уступилъ мѣсто другимъ родамъ: батальному, ландшафтному, и проч. — Въ сіе-то время явился пре-

* Съ удовольствіемъ можемъ извѣстить, что сочиненіе Вендта, одного изъ замѣчательныхъ современныхъ мыслителей Германскихъ, о *главныхъ періодахъ Изличныхъ Искусствъ* (*Ueber die Hauptperioden der schönen Kunst, oder die Kunst im Laufe der Weltgeschichte*), изъ котораго взять предлагаемый здѣсь отрывокъ, вполне переводится на Русскій языкъ. Намъ кажется, что появленіе подобныхъ книгъ, гдѣ идетъ соединяется съ фактами, теорія съ практикою, особенно можетъ быть полезно для насъ въ настоящее время. Не будемъ вѣрять ни кому безусловно, но люди, подобные Вендту, заставляютъ насъ размышлять, а это уже выгода неоцѣнимая. Главные недостатки Вендтова воззрѣнія — односторонность системы и излишество Германизма, но тѣмъ не менше нельзя отказать ему въ глубинѣ идей и знаніи дѣла. *Р. С. О.*

образователь вкуса въ исторической живописи *Ант. Рафаэль Менесъ* (род. въ Богеміи 1728, ум. 1779), изучавшій въ Италіи античныя произведенія и величайшія творенія золотого вѣка Итальянской живописи. Будучи многосторонно образованъ, и подобно Аннибалу Караччу, большой эклектикъ, онъ предлагалъ подражать формѣ антика, соединивъ ее съ превосходствомъ живописи Рафаэла, Тиціана и Корреджіо, и подъ вліяніемъ сихъ образцовъ произвелъ самъ отлично исполненныя творенія. Въ то же время, восторженный другъ его, *Винкельманъ* позналъ и объяснилъ красоту антика, и принялъ въ духовное владѣніе открытіе его въ Италіи. При его восторгѣ и тогдашнемъ состояніи изученія Древностей было, конечно, естественно и простиительно, что онъ, почитая антикъ высочайшимъ произведеніемъ искусства, возвысилъ подражаніе ему до одинаковой степени съ подражаніемъ природѣ, и поставилъ *правиломъ*. Отъ такого ученія произошли: представленіе объ *идеаль*, какъ *противоположиломъ природѣ*, и ложная мысль, будто *идеаль* и *антикъ* однозначности. Идеаль, о которомъ говорили, былъ ни что иное, какъ образецъ формы, составленный при созерцаніи Древности, и именно Римской. Впрочемъ, образцу сему, какъ всеобщему типу, недоставало *особенности* вида и *характера*. Притомъ забывали, что какъ идеаль Древнихъ произошелъ отъ историческаго образованія, такъ и новѣйшее искусство, подобно всякому времени и всякому народному характеру, образуетъ идею особеннымъ образомъ, и извлекаетъ изъ нея свойственную ей форму. Съ тѣмъ вмѣстѣ предполагается въ стремленіи къ подражанію Древнему, что античность ни что иное, какъ *наружная форма*, которую можно возложить, какъ одежду. Форму, такъ сказать, сняли съ поверхности,

не размысливши, что въ Древнихъ произведеніяхъ обиталъ особенный духъ, котораго нельзя было уловить *подражаніемъ наружному виду*, и который даже необходимо долженъ былъ остаться до нѣкоторой степени чуждымъ новѣйшихъ понятій и жизни. Такому образу воззрѣнія содѣйствовали, конечно, какъ ничтожность и слабость искусства *того времени*, противъ которыхъ являлось величіе древняго, такъ и упадокъ *національной и религіозной* жизни, ибо возрастающее равнодушіе ко всему положительному въ Религіи, много тому споспѣшествовало, что предметы для исторической живописи заимствовались преимущественно изъ языческаго міа и древней исторіи, и что съ образцовъ давно-исчезнущаго міра боговъ, которымъ уже не поклонялись, и которые уже не возбуждали живаго восторга, а составляли скорѣе предметъ наслажденія для ученыхъ, и такъ называемыхъ, образованныхъ, помещались блѣдные списки въ галереяхъ и княжескихъ палатахъ. Но искусство, не развивающееся изъ внутренней потребности времени и живаго духа народа, не иное что, какъ пустая личина, игра праздною фантазіи. Потому-то и произнесенныя упомянутыми мужами сужденія лишены наконецъ художества всякаго стили, и сдѣлали ихъ безхарактерною игрою формъ. Думали, что можно создавать художественныя произведенія *по правиламъ*, и рѣдко бывали исключенія, подобныя изобрѣтательному духу *В. Тицвейна*, который свободно предался, какъ природѣ, такъ и вліянію Древнихъ.

Пустота формъ должнаствовала быть вскорѣ замѣченною. Наступало новое время. Великій переворотъ и движеніе народовъ начались во Франціи. Тамъ, знаменитый *Давидъ* (ученикъ *Віена*, ум. 1825) глава новѣйшихъ Французскихъ живописцовъ, обра-

тиль живопись отъ пустой украшенности и блѣдности къ изученію природы. Событія революціи и блестящіе подвиги Наполеона, одушевлявшіе его, требовали другаго образа представленія. Онъ нашель сей образъ, и сообщилъ свое стремленіе къ разительному и блестящему сценическому движенію, котораго требовали предметы, вмѣстѣ съ высочайшею правильностію и опредѣленностію рисунка, своей многочисленной школь, въ которой отличился *Жераръ* (род. 1770 г.), какъ историческій и портретный живописецъ (прославившійся картиною *Вступленіе Генриха IV-го въ Парижъ*). Италія была въ послѣднее время болѣе сборнымъ мѣстомъ иностранныхъ художниковъ, нежели родиною вновь процвѣтающей школы. Самый Римлянинъ *Калуцчини* принадлежитъ къ Французской школь.

Въ Германіи, образованный классъ, тѣмъ болѣе безсильный для сопротивленія непріятелю, чѣмъ слабѣе была политическая связь народа, потому съ большимъ стремленіемъ обратился къ *прошедшему*, и самое даже процвѣтаніе Германской Поэзіи какъ скоро она является *народною*, указываетъ на корень народности. Такое стремленіе является наиболѣе въ сочиненіяхъ *Ваккенродера*, *Така* и *Фр. Шлегеля*; оно преимущественно овладѣло пребывавшими въ Римѣ Германскими художниками, которые съ изумленіемъ узнали произведенія Итальянскихъ мастеровъ древнѣйшаго времени съ которыми имѣли одинакое направленіе, и которыми до тѣхъ поръ пренебрегали. Къ сему присоединилось собраніе и возстановленіе почти утраченныхъ мастерскихъ твореній, древняго Германскаго искусства, процвѣтавшаго на Рейнѣ, произведенное восторженною дѣятельностію *Фр. Шлегеля* и *Буассере*, что послужило сильнымъ побужденіемъ подражать образцамъ Среднихъ Вѣковъ.

Произведенія сіи скоро распространились въ спискахъ. Такимъ же образомъ, и вновь возникшее изученіе Нѣмецкаго языка и Исторіи Германской обращало къ Среднимъ Вѣкамъ и искусству ихъ. *Письма Нибелунговъ*, и другія сокровища древней Германской Поэзіи, сдѣлались снова извѣстны Германцамъ, и распространились болѣе нежели когда-либо. Накопецъ и просвѣщеніе вѣка, непріязненное всему положительному въ Религіи, породило глубочайшую потребность, къ которой строгій религіозный духъ Среднихъ Вѣковъ былъ ближе, нежели всѣ, до пошлости изношенныя формы отдаленнѣйшаго языческаго міра. Въ Германіи возникъ христіанскій патристическій духъ, стремившійся пролиться и въ художествѣ, и находившій пищу въ произведеніяхъ Среднихъ Вѣковъ Германіи. Но при рвеніи къ возновленію искусства, естественнымъ образомъ вкрались заблужденія. Не смотря на требованія глаза, подражали даже недостаткамъ древнихъ произведеній, тощимъ формамъ, пренебреженной перспективѣ, думалъ достигнуть тѣмъ драгоценной простоты прежняго времени, и совершенныя формы замѣнили несовершенными. Думали, что можно возстановить древнее искусство и удовлетворить современной потребности изображеніемъ во многихъ отношеніяхъ мечтательныхъ Среднихъ Вѣковъ, подражаніемъ грубымъ представленіямъ древне-Католическаго благочестія, которыя не могутъ быть важны для художника нашего времени. Но не обращая вниманія на такія мимолетныя заблужденія и мечтанія, видимъ, что глубочайшее изученіе отечественныхъ древностей, какъ средство къ развитію образованія, произвело въ Германіи благороднѣйшія явленія настоящаго времени, и о семъ стремленіи, конечно, можно то же сказать, что сказалъ *Гёте*,

сначала объявивший себя его *противником*: «Дух его былъ не безъ содержанія, и онъ произвелъ тѣ чудеса 1813 г., которымъ радовалась вся Германія. Религіозные и отечественные предметы были обрабатываемы чаще и съ свободнѣйшимъ духомъ. Представителями сего стремленія заслуживаютъ быть названы: *Петръ фонъ Корнелиусъ*, изъ Дюссельдорфа, уже оказавшій себя сильнѣмъ Германскимъ дарованіемъ въ своихъ рисункахъ къ Фаусту и Нибелунгамъ; *Овербекъ* изъ Любека; *Генр. Гессъ*, изъ Дюссельдорфа, и *Юл. Шноррь*, изъ Лейпцига — мастера, коихъ искусство уважали самые Итальянцы. Со времени возмужанія Германскаго народа и сверженія чужеземнаго владычества, народная жизнь содѣлалась въ Германіи многостороннѣе, и распространился національный образъ мыслей, безъ коего художество не можетъ преуспѣвать. Новая школа живописи разлилась изъ Рима на сѣверъ и югъ Германіи, и приняла различныя направленія. Уразумѣли, что нельзя создать художества однимъ подражаніемъ *природѣ*, или *древнимъ мастерамъ*, но что для того необходима обработка въ духѣ народа; что во власти нынѣшняго художника вся *природа* и *исторія*, и что онъ долженъ постигать *каждыйъ слѣкъ* по характеру его, но съ высшимъ сознаніемъ *своегоъ слѣка*. Въ такомъ духѣ дѣйствовали въ Мюнхенѣ Корнелиусъ и Юл. Шноррь, которые, отъ изученія древнѣйшихъ мастеровъ, возвратились къ Микель Анджело и Рафаэлю, и произвели дивныя фрески въ духѣ древней и романтической Поэзіи, тогда какъ Генр. Гессъ и другіе занимались большею частію христіанскими, религіозными предметами. Отъ эпическихъ и драматическихъ усилій сихъ мастеровъ отличается лирическимъ направленіемъ школа *Вильг. Фридр. Шадова*, къ которой принадлежатъ *Карль Лессингъ*, *Зонъ*, и

Гюбнеръ, въ Дюссельдорфѣ. Задача сей школы клонится преимущественно къ тому, чтобы изображать отдѣльныя, нѣжнѣйшія состоянія души, не подражая чужому, но слѣдуя собственному чувству и наблюденію. Въмѣстѣ съ такими усиліями исторической живописи возвысился и *ландшафтъ*, и въ немъ, какъ равно въ возобновленномъ (Вагенбауеромъ) *особенномъ родѣ* (genre), является изученіе природы, то болѣе исторически-педѣлимимъ и постигающимъ природу болѣе по климатическому характеру оной (у *Кателла*, *Коха*, *Родена*, *Далля*, *Штейнкопфа*), то придастъ самой природѣ аллегорическое значеніе въ произведеніяхъ мрачнаго *Фридриха*. Остроумные очерки (*М. Ретица*) и арабески состязаются съ поэтомъ, и сопровождаютъ его мысли, какъ звуки струннаго инструмента вторятъ пѣнію. Хотя мы и не можемъ еще назвать настоящаго времени періодомъ оригинальнаго художества, но надѣемся однакоже, что оно образуетъ переходъ къ нему.

Ученый Винкельманъ и живописецъ Менгсъ, о которыхъ мы уже говорили, и искусный возобновитель *Барт. Каваспичи*, въ Римѣ, указали въ послѣдней половинѣ XVIII-го столѣтія путь къ достиженію истиннаго изящества въ Валліи, очистивъ вкусъ восторженнымъ изученіемъ Древности. *Антоній Канова* (род. въ 1757, ум. въ 1822 г.) первый слѣдовалъ съ успѣхомъ по сему пути, откинувъ окрестности моды, безвкусныя Французскіе наряды и парики, и возвратился отъ преувеличенія и украшенности къ природѣ и прелести, хотя и не могъ совершенно освободиться отъ направленія къ живописному. Его нѣжная обработка мрамора дѣлаетъ его по преимуществу ваятелемъ прелести (*Геба*, *Амуръ* и *Психелы Магдалина*, и проч.); менѣе удавались ему изображенія великихъ героическихъ предметовъ. *Канова*

началь эпоху изгнаниемъ того, что препятствовало свободному стремленію къ идеалу, а Датчанинъ *Алб. Торвальдсенъ* (род. 1772 г.) есть герой, завоевавшій въ семь вѣкъ золотое руно (*Язонъ* былъ его первымъ великимъ произведеніемъ) Исполненный творческой силы и изученія памятниковъ Древности (Торвальдсенъ образовался въ Римѣ), гениальный художникъ частію глубоко воспринималъ мнѣшескіе образы, частію обрабатывалъ христіанскіе предметы, по религіозному смыслу новѣйшаго времени, и не нарушилъ въ первыхъ древняго стила, а въ послѣднихъ требованій чистаго Ваянія. Доказательствами его самобытнаго и чистаго воспріятія Древности служатъ *Язонъ* и *Марсъ*, *Адонисъ*, *Меркурій*, а равно *Грація* и *Музы*, а изъ прекрасныхъ и богатыхъ рельефовъ: *вступленіе Александра Великаго въ Вавилонъ*. О пластической обработкѣ христіанскихъ предметовъ свидѣтельствуютъ великія произведенія, созданныя имъ для новой соборной церкви въ Копенгагенѣ: большой образъ І. Х., вступавшаго въ среду своихъ учениковъ, съ возгласомъ: *Миръ вамъ!* въ которомъ *Торвальдсенъ* истинно приблизился къ типамъ Древности; образа великихъ Пророковъ, двѣнадцати Апостоловъ; барельефы: Крещеніе; Тайная Вечера, Іоаннъ проповѣдующій въ пустынь, Христосъ, несущій крестъ. Торвальдсенъ былъ первый значительный художникъ, отважившійся произвестъ послѣ Мик. Анджело образъ Христа (произведеніе Итальянскаго великаго художника находится въ церкви S. Maria della Minerva.) Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, художникъ соединилъ *чисто человѣческой* характеръ и нравственное значеніе предметомъ съ формами, существующими въ художественномъ преданіи, и такимъ образомъ былъ творцемъ самыхъ высокихъ произведеній, какія только можетъ создать

Ваяніе, не клонясь къ живописному выраженію. Знаатоки утверждаютъ, что Торвальдсенъ дѣйствуетъ болѣе величественнымъ и умнымъ сочиненіемъ, нежели тщательнымъ исполненіемъ, болѣе вліяніемъ цѣлаго, нежели обработкою отдѣльныхъ частей, въ чемъ Канова превосходитъ его, и что свойственно тѣмъ предметамъ, которыми онъ занимался. Известно, что Торвальдсенъ производитъ болѣею частію только *модели*, а *исполненіе* предоставляетъ своимъ ученикамъ. Очерки его, твореній представили Мори, Рипенгаузенъ и Ладе. Въ аллегоріи (*День и Ночь*, *Надежда*, и проч.) соединяетъ онъ опредѣленность формы съ поэтическимъ значеніемъ. Такія же достоинства имѣетъ и памятникъ его Пію VII-му.

Успѣхи Ваянія въ новѣйшее время доказываются также произведеніями отличныхъ Германскихъ художниковъ, каковъ *Даннекеръ*, въ Стутгардѣ. Въ мраморной статуѣ, находящейся въ Царскомъ Селѣ, изобразилъ онъ Христа, какъ примирителя, и оказалъ себя умнымъ художникомъ въ Аріаднѣ, везомой леопардами, и въ Амурѣ. За Даннекеромъ слѣдуютъ Берлинскіе скульпторы: *Шадовъ*, *Фридрихъ Тикъ*, *Вихманнъ*, и особенно *Христ. Раухъ*, образовавшійся въ Римѣ, подъ вліяніемъ Кановы и Торвальдсена, и, какъ истый Германецъ, производящій изъ бронзы и мрамора пластическіе портреты, съ чистымъ воспріятіемъ природы и истинно поэтическою характеристикою. Его статуи Блюхера, Шарнгорста и Бюлова суть памятники, воздвигнутые художникомъ Прусской народной славы и себя самому; въ нихъ, и въ барельефахъ, украшающихъ статую Блюхера въ Берлинѣ, употреблена съ удивительною ловкостію новѣйшая военная одежда для произведенія художественнаго впечатлѣнія. Въ послѣднее время усовершенствовалося и литье изъ чугу.

Т. VII. — Отд. III.

гуна; оно подаетъ отрадные надежды въ пользу Ваянія, хотя и должно признаться, что Ваяніе въ новѣйшее время достигло лишь до возобновленія Древности, совершеннаго съ умомъ и вкусомъ.

Что касается до Зодчества, то оно приняло болѣе счастливое направленіе въ Италіи, преимущественно по открытіи Геркулана и Помпей, въ началѣ XVIII-го столѣтія. Дѣйствіе его оказалось уже на дворцѣ Казерта, который построилъ *Луджи Ванвители*, и за которымъ слѣдовали потомъ повсюду въ Европѣ многія произведенія лучшаго стиля. Еще далѣе повело глубочайшее изученіе Греческихъ Древностей. Прекрасное зодчество Древнихъ отыскано въ истинномъ его отечествѣ, Греціи и Сициліи, и остатки чистыхъ произведеній сдѣлались предметомъ изученія, чему наиболѣе способствовали усилія Англичанъ *Стюарта*, *Ресетта*, *Додвелля*, и другихъ ученыхъ путешественниковъ, сообщавшихъ публикѣ измѣренія, описанія и точныя изображенія древнихъ памятниковъ. Сюда должно присовокупить и обширнѣйшее знаніе и сравненіе произведеній Зодчества, сдѣлавшееся возможнымъ, съ одной стороны, при оживившемся изученіи Востока и Египетскихъ Древностей, съ другой стороны, пробудившееся (особенно въ Германіи) любовью къ величественнымъ памятникамъ Среднихъ Вѣковъ. Потому дѣятельность изящнаго Зодчества въ настоящее время, когда истощились всѣ существенныя формы сего художества, кажется заключающеюся въ гениальномъ соединеніи и примѣненіи ихъ къ потребностямъ періода свободнѣйшей обработки и свойству каждой задачи. Отрадные опыты такого употребленія представили *Денионъ* и *Го* въ Парижѣ, изобрѣтательный *Шинкель* въ Берлинѣ (въ построенныхъ имъ Королевскомъ Музеѣ и Театрѣ), *Кленце* въ Мюнхенѣ (во многихъ

великолѣпныхъ зданіяхъ, которыми украсили свою столицу, любящій искусство, Баварскій Король Людовикъ), и другіе отличные зодчіе въ Вѣнѣ, Кассель, Карльсруе (Вейнбреннеръ) и Брауншвейгѣ (Оттмеръ). Такимъ образомъ *Гейдельгофъ*, въ Нюрнбергѣ, и другіе, много содѣйствовали возстановленію церквей Среднихъ Вѣковъ, столько потерпѣвшихъ отъ безвкусія XVII-го и XVIII-го столѣтій. Но, къ сожалѣнію, много лицемѣрія и безхарактерности, соединенныхъ съ стремленіемъ къ модѣ и великолѣпію, является въ зданіяхъ новѣйшаго времени, и играетъ старыми и новыми формами, хотя не какому искусству столько, какъ Зодчеству, не прилично изреченіе: *прекрасное есть истинное*.

Сравнивъ между собою трехъ величайшихъ представителей, начавшагося въ прошедшемъ столѣтіи въ Германіи, періода свободнаго стиля въ Музыкѣ, *Гайдена*, *Моцарта* и *Бетховена*, находимъ у Гайдена болѣе спокойствія и достоинства, нежели у Гайдена болѣе огня и смѣлости, нежели спокойствія и достоинства, а Моцартова возвышенная ясность соединяетъ въ себѣ то и другое. Гайдена можно сравнить съ Гёте, по преобладающему у него эпическому представленію; Моцартъ, лирическою своею страстью, гдѣ дышетъ меланхолія, сходствуетъ съ Шиллеромъ, а Бетховень, по его всеобъемлющему юмору, сходенъ съ Жанъ-Полемъ, а въ отношеніи къ драматической природѣ съ Шекспиромъ.

Бетховень возвелъ *симфонію*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чистую инструментальную музыку и оркестръ, на такую высоту, которой и донынѣ иностранцы удивляются. Величіе его утратило Германскихъ композиторовъ, которые не трудились болѣе въ семь ро-

дѣ. Только немногія дарованія, каковы: *Рисъ*, ученикъ Бетховена, *Ролберги* (слѣдовавшіе въ своихъ сочиненіяхъ *Гайденовой* квартетной музыкѣ), *Шпоръ* и *Феска*, стремились выразить въ сей формѣ свой особенный характеръ, средствами, заимствованными у предшественниковъ. Отчасти концерты, даваемые виртуозами, отчасти же усиливающаяся склонность къ оперѣ, все болѣе и болѣе вытѣснили симфонію, и замѣняли ее *концертною увертюрою*, блестящею почти съ такими же средствами, но въ меньшемъ объемѣ. Бетховенъ поднялъ на высочайшую степень и *квартетную музыку*, по части которой также произвелъ много прекраснаго Французъ *Жоржъ Онслоуъ* (род. въ 1784 г., ум. въ 1850-мъ,) образовавшійся Нѣмецкою музыкою. *Инструментальному со-ло* Бетховенъ придавъ болѣе силы и содержанія. Отличныя виртуозы и знатоки своихъ инструментовъ (каковы *Мошелесъ*, *Калькбреннеръ*, К. М. Ф. *Веберъ*), не всегда искали своей славы въ пустыхъ пассажахъ, но соединяли характеръ съ *эффектомъ*, и находили вездѣ новыя формы для своихъ произведеній. Такимъ же образомъ дѣйствовали многіе мастера и для другихъ инструментовъ, хотя нѣкоторые старались выудить изъ инструментовъ своихъ эффекты ложными задачами и неестественными трудностями, и обратить на себя вниманіе принужденною искусственностію. Съ другой стороны, произведенный Бетховеномъ въ Музыкѣ переворотъ былъ, подобно политическому, причиною напряженія силъ и броженія. Утомленная усиліями фантазія, недовольная обыкновеннымъ, съ упадкомъ оригинальности, предалась *стремленію* къ оригинальному и острому, которое старалась уловить, гдѣ бы то ни было; приученная къ полнотѣ звуковъ, она не довольствовалась простою инструментальною: темпы все

ускорялись, и употребленіе искусственныхъ средствъ сдѣлалось чрезмѣрно. Последнее обстоятельство было, по необходимости, особенно вредно *пѣнію*, которое должно было бороться съ оркестромъ, когда, съ другой стороны, увлекаемое фокусами виртуозовъ, занимавшихся инструментальною музыкою, стремилось къ свободному движенію, и искало мелодіи, исчезавшей отъ преобладанія гармоніи. Въ новѣйшихъ Французскихъ операхъ, разговорное пѣніе болѣе покрывалось оркестромъ, но въ большей части Нѣмецкихъ, со времени Моцарта и Винтера, мелодія, опредѣляемая переменами гармоній, часто становилась суха и неестественна. Во Франціи также чувствуема была потребность новой мелодіи для пѣнія въ массѣ, какъ и въ Германіи, гдѣ недостатокъ новѣйшихъ произведеній пополнялся Французскими операми Керубини, Спонтини, и другихъ. Сей потребности противосталъ Итальянецъ *Джисакило Россини* (род. 1792 г.), который, слѣдуя сначала Перу, умѣлъ возвысить прелесть Итальянскаго искусственнаго пѣнія обиліемъ свѣжихъ, въ высочайшей степени пріятныхъ и нѣжныхъ мелодій, богатѣею гармоніею и новыми инструментальными эффектами. Сія свойства сдѣлали его любимцемъ высшей публики всѣхъ частей свѣта. Сколь великъ гений его, не смотря на пренебреженіе къ ученію и стили, можно преимущественно судить по тому, что въ своихъ послѣднихъ операхъ (и именно въ *Вильгельмъ Тель*) пожертвовалъ онъ требованію драматическаго хода даже своими аріями и игривыми каватинами, и могъ возбудить вниманіе самыхъ знатоковъ собраніемъ, такъ называемыхъ, *pièces d'ensemble* большаго значенія, хотя и не былъ въ состояніи выдержать развиваемые характеры, и достигнуть удовлетворительнаго единства въ цѣломъ.

Вскорѣ послѣ появленія Россіи возникла борьба между Германскою и ново-Итальянскою музыкою. *Южная Германія* обратилась сначала болѣе къ пріятной манерѣ Россіи, когда сѣверная, сохраняя наслѣдіе великихъ творцовъ, сильнѣйшимъ образомъ противилась неосновательности, поверхностной характеристикѣ и владычеству чувственного благозвучія въ Музыкѣ. Впрочемъ, и тамъ не могли избѣгнуть вліянія мелодій, и ограничили владычество ея областью Оперы, принявъ только впечатлѣніе ея особеннымъ образомъ. При семъ случаѣ отличилось въ новѣйшее время великое дарованіе, снова утвердившее надолго права Нѣмецкой Оперы. Это дарованіе — *Карль-Маріа фонъ Веберъ* (род. въ 1785-мъ, ум. въ 1826 г.), художникъ Германскаго образованія того времени, преимущественно по тому, что съ ученымъ сознаніемъ слѣдовали направленію, какое принялъ Моцартъ въ своихъ великихъ Операхъ, то есть, направленію къ музыкально-драматической характеристикѣ. Собственно полетъ Вебера начался вмѣстѣ съ полетомъ, принятымъ Нѣмецкимъ языкомъ, послѣ его долгаго угнетенія властію Наполеона. Тогда явился онъ, какъ воодушевляющій народный пѣвецъ. Такъ началъ онъ и свое драматическое поприще *народнымъ* произведеніемъ, и сообщивъ сему роду новость, огонь и сильную отличительность, утвердилъ свою славу, распространившаюся изъ Германіи по всемъ образованнымъ странамъ. Отъ народной простой жизни, на которую духъ эла имѣетъ сильнѣе вліяніе (*Волшебный Стрѣлокъ*), возвысился онъ къ рыцарскому романтизму (*Эйрианта*), а отсюда вознесся въ свѣтлый міръ чудесъ, который осуществилъ эфирными звуками и новосозданною манерою. Драматическая характеристика Вебера клонится къ тому, чтобы посредствомъ соеди-

ненныхъ элементовъ музыкальнаго искусства слѣдовать за каждымъ явленіемъ характера лицъ, дѣйствующихъ въ Оперѣ, въ ихъ отдѣльныхъ положеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ представленію тѣхъ характеровъ въ національной формѣ. При семъ можно замѣтить, что въ послѣднюю эпоху Музыки является стремленіе и возможность переноситься чувствомъ въ отдаленныя времена и чуждыя страны, что можетъ быть, состоитъ въ связи съ глубочайшею дѣятельностію историческаго смысла, и тѣмъ многостороннимъ сообщеніемъ, которое существуетъ нынѣ между народами. Въ римической и говорящей мелодіи, которая впрочемъ становится иногда угловатою отъ того, что избѣгаетъ обыкновеннаго и стремится къ значительному, Веберъ приближается къ манерѣ Французскихъ композиторовъ (особенно Керубини), но онъ употребляетъ для сей характеристики еще болѣе свойства инструментовъ, указанныя Бетховеномъ, и чрезъ соединеніе ихъ производитъ новыя дѣйствія. Заботясь о драматическомъ ходѣ, онъ, подобно сему художнику, сколько возможно избѣгаетъ повтореній, но его фразы часто прерываются: имъ недостаетъ внутренняго гармоническаго образованія, отъ того, что Веберъ создаетъ безпрестанно новыя мотивы. Не смотря на все, онъ болѣе приблизился къ цѣли Нѣмецкой Оперы, состоящей въ совершенномъ соединеніи драматической Поэзіи и Музыки, сливающихся въ высочайшую характеристику, хотя искусственнѣйшая изъ всѣхъ, собственная, непрерываемая разговоромъ Опера и составляетъ для него предметъ второстепенный. *Спотини*, съ которымъ Веберъ имѣетъ общимъ ближайшую связь съ Поэзіею, стремленіе къ драматической истинѣ и характерному воспріятію, даже національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эф-

фактъ — стремится, хотя и другимъ путемъ, къ сей же цѣли.

Въ то время, когда расточитель мелодіи Россини находить подражателей, не только между своими соотечественниками, но когда и Нѣмецкіе компонисты стараются къ нему приблизиться (*Мейербергъ*), во Франціи, послѣдователь его *Оберъ*, соединивъ его манеру съ тономъ Французскихъ романсовъ острыми гармоническими оборотами и великолѣпнымъ шумомъ, употребляетъ все для того, чтобы самымъ интереснымъ и блестящимъ образомъ занять глаза и уши соединеніемъ всѣхъ сценическихъ хитростей. Другіе Германцы, принявшіе за образецъ пылкое стремленіе Вебера, стараются предпочтительно изображать ужасную дикость и пустоту, и потрясать притупленные нервы толпы самыми рѣзкими противоположностями ощущеній, какъ будто каждое ощущеніе само въ себѣ имѣетъ уже право проявляться въ искусствѣ. Совершенное соединеніе Пюзизы съ Музыкою въ Оперѣ удастся, по нашему мнѣнію, тогда только, когда изъ настоящаго броженія возникнетъ великій гений, съ просвѣтленнымъ чувствомъ, и употребить доселѣ извѣстныя средства характеристики для новаго выраженія чисто-человѣческихъ положеній, не стремясь односторонно за эффектомъ и умомъ, не оглушая шумомъ, рѣзкими модуляціями и блестящимъ излишествомъ.

Что касается до *концертной музыки*, то она такъ преобразована упомянутыми явленіями. Virtuозы, со времени усиленія манеры Россини, стали покоряться началу бѣглой занимательности и перемѣны, которому сей герой случая обязанъ былъ такимъ успѣхомъ, и старались, сколько возможно, соединить его съ блестящею искусственною ловкостью,

въ чемъ гениальный *Паганини* доселѣ остается непобѣдимымъ и возбуждаетъ удивленіе. Далѣе объясняется тѣмъ преобладаніе болѣе мѣлкихъ родовъ (концертино, рондо, каприччіо) надъ тѣми, которые требуютъ высокихъ мыслей, равно какъ и большаго искусства и постоянства въ отдѣлкѣ (концертъ и соната), и безконечныя варіаціи (*Герцъ, Черни*) на темы Россини и Обера, наконецъ множество кисло-сладкихъ попури. Съ другой стороны, пресыщеніе одурляющими штукаами виртуозовъ, великолѣпнымъ шумомъ и изысканною оригинальнію возбуждало вновь потребность простоты и утраченнаго выраженія, и перевело музыку изъ шумныхъ концертныхъ залъ въ дома, въ кругъ бесѣды. Отсюда происходятъ споспѣшествующія диалектантзму *переложенія* (арражировки), совокупленіе однородныхъ инструментовъ (многихъ фортепіано), усовершенствованіе сочиненія пѣсень, и любовь къ народному пѣнію, начавшаяся въ Германіи съ пробужденіемъ сознавшей народности, устроеніе народныхъ хоровъ и распространеніе застольныхъ пѣсень. Но съ пробужденіемъ религіознаго и историческаго духа, вниманіе и любовь обратились къ музыкальной Древности, и въ особенности къ произведеніямъ древнѣйшей Итальянской и Германской Музыки, что побудило хорошихъ компонистовъ посвятить большую рачительность ораторіи, находящейся между церковною и театральною Музыкою (каковы, слѣдующіе по пути Гайдена и Генделя, *Ф. Шнейдеръ* и *Б. Клейнъ*). Впрочемъ, не было времени, въ которое столь различныя народы находились бы въ такомъ близкомъ художественномъ сношеніи, какъ въ новѣйшее время, посредствомъ Музыки. Музыка содѣлалась *общимъ языкомъ всѣхъ народовъ*. Въмѣстѣ съ усовершенствованіемъ Музыки, по всѣмъ направле-

ніямъ и во всѣхъ родахъ, содѣлалась возможною безпристрастная оцѣнка, и изученіе и теорія Музыки достигли высочайшей степени.

Не излишнимъ почитаемъ присовокупить здѣсь нѣсколько замѣчаній о положеніи Художества въ жизни Человѣчества, и соединить указанія, находящіяся при разсмотрѣніи отдѣльныхъ художествъ, въ *общій выводъ*, который можно примѣнить и къ ближайшей къ намъ будущности.

Болѣе всего отличается въ новѣйшее время отношеніе художества къ *наукамъ*. Высшее развитіе сознанія посредствомъ науки необходимо должно было произвести и на *художество* особенное дѣйствіе. Такое дѣйствіе видимъ мы отчасти въ великомъ значеніи, которое приобрѣла *дидактика*, въ особенности со времени Реформацій; уже тогда споръ релігіозныхъ партій обнаруживался сатирами. Глубже вникла она въ лирическую Поэзію, гдѣ богатство мыслей соединяется съ сильнымъ чувствомъ, какъ у *Шиллера*; высочайшее же свое значеніе получило сіе направленіе въ повѣсти, гдѣ поэтической духъ есть въ то же время и философскій, ясно обозрѣвающій отношенія настоящаго. Но въ простую прозу вкрался дидактизмъ, когда подъ наружною формою Поэзіи хотѣли преподавать ограниченныя истины и знанія, какъ то дѣлается въ обыкновенной дидактической поэмѣ.

Далѣе, богатство распространеннаго знанія и науки, представляющее художеству предметы, имѣло то дѣйствіе, что художество часто обращалось непостоянно и равнодушно въ различныя стороны, что даже острога и юморъ обременялись чрезмѣру богатымъ предметомъ (напр. въ твореніяхъ остроум-

наго *Жанъ-Поля*), и что художественное произведеніе вообще долженствовало лишиться той непритворности и простоты, которыя имѣло прежде. Мы видимъ, что въ прежнія времена, художникъ не избиралъ предмета для своего произведенія, но такъ сказать *исполнялся* имъ; содержаніе его творенія было его *внутреннее содержаніе*; онъ чувствовалъ неукротимую *потребность передать то въ видимыхъ образахъ, что находилось въ его душѣ*, и слитность съ предметомъ проявлялась въ *уверренности* и *одушевленіи*, съ коими одолевалъ онъ препятствія, представлявшіяся изображенію извнѣ. Приобрѣсть вповсюду непритворность, сей восторгъ — невозможно; принять возрѣніе на жизнь, свойственное пройденной степени образованія, которой значеніе уже исчезло для знанія, обрабатывать переработанный уже предметъ — будетъ ограниченіе, которое можетъ ввести только къ формализму и мертвой манерности, или къ тому несчастному «возобновленію», которое *произвольно* придаетъ древнему новый образъ мыслей и форму выраженія. Непосредственную почву художества составляетъ *настоящее*, и только посредствомъ настоящаго возрѣнія на міръ, которое въ то же время должно быть *собственнымъ* возрѣніемъ художника, можетъ онъ обнять чуждое и постигнуть его. Но точка, до которой возвышаемся мы въ настоящемъ, требуетъ объятія прошедшаго по внутреннему его значенію, и вообще представленія историческаго, какъ оно является въ цѣломъ, и въ отношеніи къ современному челоѣчеству, а равнымъ образомъ и выраженія глубочайшаго смысла явленій неизчерпаемой природы, и особеннаго отношенія ихъ къ настоящему существованію челоѣка. Посему-то задача искусства въ ближайшей будущности, кажется, будетъ состоять въ томъ,

чтобы съ восторгомъ представлять настоящими, и свободно сочетать образы *Истории* и *Природы*, какъ они являются человѣческому духу въ свѣтъ идеи, или высочайшаго сознанія міра и самого себя. Признаки такого направленія — ибо всякая будущность прорастаетъ изъ настоящаго — уже являются въ усиливающемся стремленіи обнять самыя различныя времена и народы по ихъ особенному характеру, съ точки развитаго сознанія, и не только подражать природѣ въ отдѣльныхъ явленіяхъ, но, напротивъ, понимать ея особенности, по ихъ общему значенію и отношенію къ высшей человѣческой жизни. Поэтому искусство не можетъ ограничиваться въ своихъ задачахъ какимъ нибудь уже бывшимъ временемъ (Древностию, Средними Вѣками) — глубочайшее знаніе и болѣе свободныя сношенія народовъ открыли существующій міръ, и оригинальный взглядъ художника долженъ опредѣлить сущность предмета, къ которому влечетъ его потребность народа, ибо самый предметъ неисчерпаемъ. Конечно, художественное расположеніе должно притомъ оставаться неизмѣннымъ себѣ, и дѣйствовать, не смотря на препятствія, поставляемыя ему знаніемъ, должно быть тѣмъ живѣе, а дарованіе, которое, не смотря на болѣе распространеніе познанія природы и человѣческой жизни, свободно и отличительно обрабатываетъ данное, должно являться тѣмъ большимъ. Если даже и способность владѣнія художественными *формами* создается общемо, то первоначально производящій духъ именно тѣмъ рѣже и находится цвѣтущимъ во время владычества науки. Съ симъ вмѣстѣ встречаемъ мы, нѣкоторымъ образомъ основательный, но ни въ какомъ случаѣ не доказывающій *безусловнаго паденія искусства*, упрекъ, будто механическая часть искусства возвы-

силась до нестерпимой высоты и отдѣлилась отъ духа и чувства. Но именно, тѣмъ болѣе *виртуозъ* проявляется и художественная *ловкость* ищетъ вытѣснить самое *художество*, тѣмъ выше стоитъ истинный художникъ, и тѣмъ скорѣе безпристрастный зритель узнаетъ его по истинному достоинству. Хотя нелѣпый *дилеттантизмъ*, т. е. поверхностная забава искусствомъ, льстящая тщеславію и хвастовству, и стремится къ виртуозности, хотя лицемѣрная страсть къ модѣ, болтающая о наслажденіи искусствомъ, употребляетъ его во зло, какъ простое средство препровожденія времени, и дѣлаетъ изъ него игру безсмысленнаго, чувственнаго наслажденія, хотя пустое, холодное знаніе вооружается историческими свѣдѣніями о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, но все исчезаетъ при появленіи оригинальнаго духа; къ нему невольно обращаются сердца, и въ томъ, что онъ представляетъ своему времени, находятъ удовлетвореніе и выраженіе требованія вѣка и ихъ собственной потребности. Въ такихъ геніяхъ человечество не будетъ имѣть недостатка. *Художество* не можетъ погибнуть, доколѣ существуетъ *человѣкъ*, и пока неисчерпаемо возрѣніе на міръ.

Но должно допустить, что не каждый вѣкъ равно благопріятенъ для искусства. Намъ предстоитъ здѣсь взвѣсить нѣкоторыя главныя обстоятельства, по которымъ мы узнаемъ стѣсненное положеніе искусства въ *наше время*. Препятствіе, по видимому представляющееся нынѣшнему искусству, есть отношеніе его къ критикѣ, которая именно симъ отношеніемъ обуславливается, какъ знаніе. Искусство народа переходитъ въ критику, и погибаетъ въ ней, ибо съ усовершенствованіемъ науки наступаетъ *познаніе искусства*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *критика*,

которая, по своему истинному значению, есть наукообразное сознание существующаго въ искусствѣ. Она основываетъ свое требованіе на связи даннаго съ развивающеюся въ духѣ и жизни народа идеею прекраснаго, и не можетъ быть совершенно чуждою никакому образованному человѣку, принимающему участіе въ искусствѣ, какъ скоро распространилась словесность. Въ наше время, критика коснулась, какъ творящаго, такъ и наслаждающагося творимымъ духа. Отъ того послѣдній часто бываетъ лишень истиннаго наслажденія, совершеннаго увлеченія, исполненнаго довѣрія, а первый заблуждается и встрѣчаетъ препятствія при свободномъ развитіи своего дарованія. Но развѣ такова истинная критика? Есть, конечно, ложная критика, потому, что сильное броженіе всегда образуетъ осадку. Таково надмѣнное хуленіе дарованій, бездушное понятіе произведеній, бессмысленное указаніе дороги, которою искусству должно слѣдовать, холодная страсть къ порицанію и владычество пустыхъ формулъ. Такой призракъ критики толпа часто смѣшиваетъ съ истинною критикою. Но дѣйствительно ли велико то дарованіе, которое симъ призракомъ увлекается въ заблужденія? Истинное дарованіе избѣгаетъ односторонняго разсужденія и односторонняго объема, которые вредятъ искусству. Только то произведеніе искусства можетъ быть уничтожено критикою, которое составлено изъ несвойственныхъ элементовъ. Истинная наука, отъ коей происходитъ и искусство, допускаетъ его существовать самостоятельно подлѣ себя; наука есть свѣтлѣйшій день, искусство освѣщенная ночь; ночь уступаетъ дню, но день опять разрѣшается ночью въ жизни человѣка, періодически измѣняющейся, и сія ночь выводитъ предъ свѣтлымъ духомъ прекрасныя ви-

дѣнія человѣческой жизни. Между тѣмъ, мы сознаемъся, что призракъ и истина сближаются въ человѣческой жизни, и что одностороннее направленіе умничанья можетъ охватить цѣлое столѣтіе, если недостаетъ гениевъ - производителей, а это относится прямо къ настоящему нашему времени.

Другое препятствіе составило въ послѣднее время направленіе толпы къ чувственно - сложному, къ пышности и искусственному блеску. Оно доставило Оперѣ преобладаніе даже надъ простою важностію Трагедіи, а низкому фарсу надъ сотканною изъ тончайшей прои Комедіею; оно содѣлало декорационную живопись главнымъ предметомъ интереса и удивленія на сценѣ, такъ, что лица почти исчезали, или, по крайней мѣрѣ, лишались своего существеннаго значенія предъ живописно-исполненными и съ помощію механики безпрестанно измѣняющимися декорациями. Таково было направленіе новѣйшаго *сценическаго искусства*, которое, не предоставляя ничего воображенію зрителей, поступало съ ними, какъ съ бессмысленными, страдательными существами, которымъ щекотало чувства, служа только для провозженія праздныхъ часовъ. По раздраженію должно было усиливаться, чтобы успѣвать дѣйствовать на притупленныя чувства; шумъ, убивающій музыку, долженъ былъ становиться все диче и бурнѣе, искусственность все нелѣпѣе и нелѣпѣе, для того, чтобы простота и истина могли быть опять узнаны всеми. Хотя Поэзія, въ своихъ эпическихъ и лирическихъ произведеніяхъ, и кажется болѣе свободною отъ такого вреднаго вліянія, обращаясь болѣе къ тихому уединенному читателю, но мы должны признать, что страсть къ занимательности и мода имѣютъ на нее не менѣе гибельное влія-

ніе, которому служить съ готовностію охота къ писанью, ищущая одобреній. Но намъ, не для чего далье преслѣдовать такія грубыя заблужденія. Въ наше время распространилось нѣчто, гораздо опаснѣйшее, овладѣвшее даже и лучшими дарованіями нашего времени, и его можно назвать *эстетическою страстью*, или *обоготвореніемъ художества*. Въ искусствѣ, какъ и во всемъ, самое высочайшее и благороднѣйшее не только лишается своей жизни и истиннаго значенія, но и на себя, и на все другое дѣйствуетъ разрушительно, если только уничтоживъ живую связь свою съ цѣлымъ, въ которомъ находится, будетъ оно стремиться овладѣть всѣмъ прочимъ. Истинное направленіе къ искусству есть необходимое направленіе образованной жизни, но оно есть и цвѣтъ духовнаго развитія и существенное его украшеніе; въ него вникаетъ жизнь, но не разрѣшается въ немъ. И потому ложна мысль: образовать жизнь *по художеству*. Энтузіазмъ, поставляющій художество *единственною* цѣлью человѣческаго существованія, ведетъ къ удаленію отъ дѣйствительности, къ безумному обоготворенію художества, превращающему его въ тунейное растеніе, которое лишаетъ жизнь самостоятельности, а характеръ силы, тогда, какъ истинное художество, хотя и не праздное препровожденіе времени, однакоже за всѣмъ тѣмъ есть благородная игра свободнаго духа, и занятіе достойное, въ которомъ должны выражаться истинное содержаніе и сила жизни. По несчастію, и отличные умы питали между Германцами, словомъ и дѣломъ, пагубную, ложную мысль, и свою художественную точку зрѣнія хотѣли сдѣлать общою и возвышеннѣйшею; занимаясь *представленіемъ*, забывали о *содержаніи* того, что условливалось представленіемъ. Такое эстетическое заблужде-

ніе ослабило нравственное обсуживаніе, и содѣлало владычествующею несчастную иронию, которая должна имѣть силу все разрушать, уничтожая высочайшіе выводы сужденія, и съ тѣмъ вмѣстѣ не оставляя ничего, кромѣ эгоистической личности, имѣющей въ самой пустотѣ своей противорѣчіе, и не могущей между тѣмъ избѣгнуть влеченія къ содержанію. Такое заблужденіе клонится уже къ своему упадку, и, конечно, не устоитъ противъ напора распространяющагося міроваго духа. Прошло то время, когда театры и романы составляли единственное наслажденіе, такъ называемой, высшей публики. Не только общественная жизнь вездѣ появляется и возбуждаетъ къ содѣйствію, но и великія сплетенія и соприкосновенія народовъ требуютъ сильныхъ, дѣятельныхъ характеровъ. Что Наука признала въ отношеніи народовъ истиннымъ, то *должна* привести въ дѣйствіе твердая воля, однакоже со смиреннымъ признаніемъ высшей власти, которая невидимо соединяетъ судьбы человѣчества въ одно цѣлое. Духъ такого великаго стремленія проникаетъ и въ художество, и имъ-то совершится его возрожденіе.

Обращаясь къ пройденному донынѣ Художествомъ пути, обозримъ содержаніе трехъ главныхъ его періодовъ. Художество отдѣляется въ первые отъ Природы на *Востокъ*, и стремится изобразить, въ безмѣрномъ и безобразномъ видѣ, идеаль, еще не имѣющій мѣры и формы, которыя духъ только еще предугадываетъ. Въ *древнемъ* (классическомъ) Художествѣ, духъ, творя, нисходитъ въ видимое, стремится проявить человѣчскій идеаль въ человѣчскомъ образѣ; одушевленная форма и образъ составляютъ предметъ сего стремленія. Если тогда духъ получилъ вещественный образъ, то въ *новѣйшемъ*,

или *Германскою* художествѣ, образъ одухотворлется, искусство вновь переступаетъ границы формы въ *пространствѣ*, и ищетъ духа въ *измѣненіи* временнаго. Природа есть почва всякаго искусства; одушевленная *форма* — средство его; *духъ* — цѣль. . . .

Съ *Пльмци*. А. Л. и Н. Л.

=

ОБИТАТЕЛИ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ *.

Угалеццы.

Мысль св. Или можно принять за границу жительства приморскихъ Колоній, къ сѣверо-западу. Далѣе къ западу обитаютъ *Угалеццы*, поколѣніе малолюдное, въ косемъ считается 38 семействъ. Знамою они живутъ въ бухточкѣ, восточнѣе острова *Калкъ*, а къ лѣту переходятъ къ восточному устью р. *Мльдной*, для рыбныхъ промысловъ. Земля, занимаемая ими, поотдалъ морскаго берега, изобилуетъ рѣчными бобрами болѣе окрестностей Якутата; они добываютъ въ годъ отъ 5-ти до 7-ми сотъ снѣхъ животныхъ, и для продажи шкуръ ихъ привѣзжаютъ на батахъ (подобныхъ Колошенскимъ) въ Константиновскій редутъ, къ вѣдомству коего они и причислены. Народъ сей миролюбивъ и покоренъ; живетъ въ бревенчатыхъ сараяхъ надъ землею, въ конхъ по сторонамъ отдѣлены для каждаго семейства особыя мѣста, а по срединѣ разводятъ огонь для всѣхъ вообще; отъ 2 до 6 родныхъ между собою семействъ, занимаютъ такимъ образомъ одинъ сарай. Понятіями, повѣрьями и образомъ жизни Угалеццы сходствуютъ

* Обязанностью почитаемъ благодарить за сообщеніе сей статьи, содержащей въ себѣ драгоцѣнныя, на мѣстѣ собранныя свѣдѣнія, знаменитаго мореплавателя нашего, Барона Ф. П. Врангеля. Р. С. О.

съ Колошами, съ коими (Якутатскими) и перероднились; языкъ ихъ, хотя и разнствуесть отъ Колошенскаго, однакожь происходитъ отъ одного корня, и оба сии народа суть два различныя поколѣнія одного племени. Смѣжные съ ними Якутатскіе Колоши и жители Мѣдной Рѣки называютъ ихъ тѣмъ именемъ, подѣ коимъ они въ колоніяхъ извѣстны.

Мѣдновскіе.

Небольшое сіе поколѣніе, въ коемъ нынѣ считается до 60 семействъ, обитаетъ по берегамъ рѣки *Атты* и называетъ себя *Атнахтляне*. Они миролюбивы, живутъ въ согласіи со всѣми сосѣдними поколѣніями, и имѣють торговля связи съ Чугачами, Угаленцами, Колошами, Кольчанами, Кенайцами. У всѣхъ сихъ народовъ страна Мѣдновская славилась прежде (съ прихода сюда Европейцевъ) мѣдью, въ ней находимой; туземцы выковывали изъ сего металла топоры, ножи, нагрудники, для себя и въ продажу Угаленцамъ, Колошамъ и другимъ сосѣдямъ. И теперь они единственные кузнецы, умѣющіе ковать желѣзо, получаемое ими отъ Рускихъ; ни Колоши, ни другіе народы въ колоніяхъ, не знаютъ сего искусства. Атнахтляне называютъ Рускихъ: *Кетхетили*, отъ *кети*, желѣзо.

Главное занятіе *Мѣдновскихъ* составляетъ охота за дикими оленями. Весною, когда льды на рѣкахъ и озерахъ еще крѣпки, заганивають они табуны являющихся тогда оленей, въ нарочно поставленные изъ жердей загоны, наподобіе лежащей Римской цифры 4, кося отверстие иногда на 10 верстъ простирается. Когда звѣри войдутъ въ самый уголъ загона и начнутъ тѣсниться, тогда дикари колютъ ихъ. Другая поковка оленей случается осенью, на обратномъ переходѣ оленей къ мѣстамъ, гдѣ они прово-

дятъ зиму; ихъ заганивають въ озера, и на лодочкахъ въ водѣ закалываютъ. На удачномъ промыслѣ оленей основано самое существованіе народа: олень доставляетъ ему и одежду и пищу; рыба не доходитъ до жительства Мѣдновскихъ въ такомъ изобиліи, чтобы они могли запастись ея на цѣлую зиму, и отъ того случается, что послѣ неудачныхъ оленьихъ поволокъ, народъ подвергается ужасному голоду и цѣлыя семейства умирають. Такъ, въ 1828 году, при подобномъ несчастіи, болѣе 100 человекъ взрослыхъ и дѣтей содѣлались жертвами голодной смерти. Для собственной одежды и на продажу, Мѣдновскіе добываютъ также лосей, котормъ къ нимъ забѣгаютъ, тарбагановъ, еврашекъ, лисицъ и черныхъ медвѣдей, но рѣчныхъ бобровъ они не быють, хотя и водится сіе животное въ ихъ странѣ. Величайшимъ богатствомъ почитаютъ они бисерь; зажиточнѣйшіе собирають его сколько могутъ, закапываютъ въ землю и передають, какъ сокровище, наследникамъ, котормъ стараются умножить его.

Подобно Угаленцамъ, принадлежа къ одному племени съ Колошами, Мѣдновскіе сходствуютъ съ ними въ повѣрьяхъ, обрядахъ, и въ языкѣ сохранились слова, указующія на общій корень. Приведу нѣкоторыя:

	по-Мѣдновски.	по-Угаленски.	по-Колошенски.
Небо	Я-ать	Я-а	— — —
Ночь	Тогче	— — —	Тать.
Ледъ	Тѣтѣнь	Тѣтець	Тыкъ.
Камень	Тцешъ	Тца	Тѣ те.
Женщина	Шаатъ	— — —	Шаавыть.
Лисица	Накатце	Накатце	Накаце.
Орель	Тыкулякъ	Тычоккалакъ	— —
Огонь	Ткхонъ	— — —	Хкганъ.
Кровь	Тель	Тедмъ	— —
Жиръ	Хъ хя	Хъ хе	— —
Иди сюда	А-ны	А-анчія	Аку.

Въ языкѣ Атнахтянъ горланнныя слоги Колошъ не замѣтны, и часто встрѣчаемое окончаніе *тль* въ словахъ Колошенскихъ, замѣнено у Мѣдновскихъ гласными буквами *лй* и *е*; вообще языкъ ихъ легокъ и звучнѣе Колошенскаго нарѣчія.

Мѣдновскіе раздѣляютъ годъ на 15 мѣсяцевъ, которыхъ не называютъ особенными именами, а считаютъ: *первый*, *второй*, и такъ далѣе, 10 мѣсяцевъ зимнихъ и осеннихъ, да 5 весеннихъ и лѣтнихъ. Жажиточныя имѣли у себя *калговъ*, рабовъ, которыхъ покупали отъ *Кольчанъ*, однакожь они не приносили ихъ въ жертву умершимъ старшинамъ, какъ то дѣлаютъ Кольчане и Колоши. Впрочемъ, подобно симъ послѣднимъ, они сожигаютъ трупы, собравши кости завертываютъ въ чистыя, недержанныя ровдуги (выдѣланныя безъ шерети оленья кожи), и въ ящикъ хранятъ ихъ на столбѣ, или на деревѣ. Поминки умершихъ родственниковъ празднуютъся каждагодно. Атнахтяне, подобно Колошамъ и прочимъ поколѣніямъ сего племени, приписываютъ созданіе земли и человека, ворону, который похищалъ гдѣ-то стихів, одну за другою. Сказаніе о могучей птицѣ, сотворившей вселенную, украшенное поэтическими вымыслами у *Книстено*, *Читисейанъ*, и другихъ дикарей восточныхъ рагинъ Сѣверной Америки, превратилось на западномъ берегу въ простую сказку о воронѣ. О всеобщемъ потопѣ не сохранилось здѣсь никакого преданія.

Кольчане или Гальцане.

Поколѣнія, занявшія сѣверныя и восточныя рѣки и рѣчки, въ Атнау впадающія, и тѣ, кои живутъ еще далѣе за хребтами, называются Мѣдновскими *Кольчане*, что означаетъ: *хуже люди*. Они различаютъ ближнихъ отъ дальнихъ Кольчанъ; съ первыми тор-

гуются, получая лосья шкуры, рысей, рѣчныхъ бобровъ, а дальнихъ знаютъ только по слухамъ. Ближніе Кольчане посѣщаютъ нерѣдко и нашу *Мѣдновскую одиночку*, для продажи рѣчныхъ бобровъ и другихъ звѣриныхъ шкуръ, спускаясь внизъ по теченію рѣчекъ на лодочкахъ, обтянутыхъ сырыми оленьими шкурами, шерстью внутрь, куда нагружаютъ все промыслы, пріобрѣтенныя лѣтомъ у хребтовъ и на озерахъ. Приплывъ къ одиночкѣ, лодочки разбираются, оленья шкуры выдѣлываются въ мѣха, или ровдуги, на продажу, а сами дикари возвращаются пѣшкомъ домой, съ полученнымъ бисеромъ и табакомъ.

Разныя поколѣнія Кольчанъ враждуютъ между собою; дальнихъ описываютъ весьма свирѣпыми, и называютъ, что они устрѣбляютъ человеческое мясо для утоленія голода при недостаткахъ. Ближніе принадлежатъ къ одному племени съ Мѣдновскими и Кенайцами, и хотя говорятъ другимъ нарѣчіемъ, однакожь другъ друга понимаютъ.

Кенайцы называютъ ихъ *Гальцане*, то есть, *гости*; также тѣ поколѣнія, которыя бродятъ въ верховьяхъ рѣкъ, текущихъ въ Берингово море, извѣстны имъ подъ тѣмъ же именемъ. Они сходятся съ тѣми и другими Гальцанами во время оленьихъ промысловъ, въ пеходѣ лѣта, за хребтами, на озерахъ, и вымываютъ у Мѣдновскихъ Гальцанъ лосинныя кожи, а отъ другихъ получаютъ соболей и рѣчныхъ бобровъ. Самое ближнее къ сѣвернымъ Кенайцамъ жилище сихъ послѣднихъ Гальцанъ называется *Титлогатъ*, откуда въ 40 дней, черезъ хребты, они приходятъ къ озеру *Кинтыбень*, для оленьей поклки, а къ сему озеру, для свиданія и торговли съ Титлогатскими дикарями, приходятъ Кенайцы, промысливающіе оленей на озерѣ *Хтубень*, лежащемъ въ 6-ти дневныхъ пе-

реходахъ южнее Кнытыбена; отъ озера же Хгубень до сѣвернаго угла Кенайскаго залива, разстояніе 14 переходовъ. Мѣдновскихъ Гольцанъ самое ближнее жилие къ Кенайцамъ называется *Нутатльгатъ*, и отсюда жители приходятъ иногда къ озеру Хгубень для торга съ Кенайцами, достигая его въ 10 дней самаго скорого хода чрезъ хребты. Отъ Нутатльгатскихъ Гольцанъ Кенайцы получаютъ иногда Англійской работы ружья, мѣдныя деньги и корольки, не Русскаго привоза, сказывала, что вещи сіи переходятъ къ нимъ чрезъ третьи руки, отъ народа, торгующаго съ людьми, живущими въ крѣпости *. За дальними Гальцанами, въ воображеніи Кенайцевъ, живутъ народы съ хвостами.

Кенайцы.

Они называютъ самихъ себя: *Тнайна*, отъ *Тнай*, то есть, *человѣкъ*, а Кадьякцамъ извѣстны подъ названіемъ *Кина-юмъ*, что принято и Рускими. — Народъ сей, въ числѣ 460 семействъ, обитающій по берегамъ и въ окрестностяхъ *Кенайскаго* залива (*Sook's Inlet*), и около озеръ *Илльины* и *Кызжахъ*, принадлежитъ къ тому же коренному племени, какъ и Гальцане, Кольчане, Атнахтяне и Колоши. Въ томъ свидетельствуетъ, не токмо сходство, сохранившееся въ нѣкоторыхъ словахъ лзыковъ сихъ народовъ (которое, правда, въ языкѣ Колошъ едва уже становится замѣтнымъ и почти исчезло), и не токмо одинаковость въ ихъ повѣрьяхъ и обрядахъ, но мнѣніе сіе наиболѣе подтверждается общимъ раздѣленіемъ на два главные поколѣнія, подраздѣленные на роды,

* Сообразивъ сбивчивыя свѣдѣнія о странѣ, въ которой мнимал сія крѣпость находится, дѣлается вѣроятнымъ, что Англійскія издѣлія и ружья передаются отъ *Чальхатскихъ* (*Lynn's Canal*) Колошъ, которые получаютъ ихъ отъ торгующихъ въ проливахъ Американцевъ Сосѣдственныхъ Штатовъ. *Вр.*

извѣстные подъ различными именами. Кенасць *вороньяго* рода принимается, какъ родственникъ, Гальцаномъ, Мѣдновскимъ, Угаленцомъ, или Колошею того же рода, или того же поколѣнія, хотя бы онъ и не понималъ разговора другаго. Общихъ отличительныхъ знаковъ, для познанія, къ какому роду принадлежатъ они, кажется, не существуетъ, и простое о томъ объявленіе принимается всегда дикарями съ полною вѣрою.

По преданіямъ Кенайцевъ, воронъ сотворилъ изъ различныхъ веществъ двухъ женщинъ, изъ коихъ каждая сдѣлалась родоначальницею особаго поколѣнія. Одно изъ сихъ поколѣній произошло отъ 6 родовъ одной, а другое поколѣніе отъ 5 родовъ другой женщины. Имена первыхъ шести родовъ суть: *Какхія* отъ крика ворона, *Кали* отъ рыбьяго хвоста, *Тлахтана* отъ травляной цыновки, *Монтохтана* отъ задняго угла въ избѣ, *Чихеи* отъ краски, и *Нухиши*, упавшій съ неба. Вторые пять родовъ называются: *Тулхина*, отъ охоты купаться въ холодной водѣ, когда она осенью уже начинаетъ замерзать, *Катлуктана*, охотницы навизывать бисеръ, *Шуулахтана*, обманщики, подобно ворону, который при сотвореніи земли и людей безпрестанно сихъ послѣднихъ обманывалъ, *Нухихеи* и *Цальтана*, отъ горы около озера *Скиллахъ* (близъ вершины р. *Коктну*). По древнему постановленію, мужчины поколѣнія шести родовъ не могутъ жениться въ тѣхъ же родахъ, а должны выбирать своихъ женъ въ другомъ поколѣніи, такъ, что всегда должно избрать жену въ поколѣніи *пріятелей*, а не въ поколѣніи *своихъ* (родственникововъ). Дѣти причисляются къ тому роду и поколѣнію, къ которому принадлежитъ мать. Постановленіе сіе въ настоящее время не строго соблюдается, и дозволено жениться въ своемъ родѣ; однакожь старики при-

писываютъ сему кровосмѣшенію великую смертность, постигшую Кенайцевъ. Ближайшимъ наследникомъ почитается дитя, рожденное отъ сестры, а сынъ наследуетъ весьма малую часть отъ отца, потому, что еще при жизни родителя выбралъ свою долю пищею и одеждою.

Обряды сватовства весьма просты. Женихъ рано утромъ является въ домъ отца избранной имъ невесты, и не говоря ни слова, топить баню, таскаетъ воду, добываетъ пищу, что продолжается, пока не спросятъ его: кто онъ такой и для чего такъ трудится? Тогда объявляетъ онъ о своемъ желаніи, и будучи обнаженъ, остается цѣлый годъ въ домѣ работникомъ. По истеченіи года, отецъ невесты отдаетъ жениху соразмѣрную плату за его прислугу, и дикарь уводитъ запросто молодую жену въ свою барабору. Свадебныхъ обрядовъ ни какихъ не бываетъ. Зажиточные имѣютъ по три и по четыре жены. Жена, хотя и трудолюбивѣйшая работница въ семействѣ, но не рабыня своего мужа; она имѣетъ право возвратиться въ домъ отца своего, и мужъ долженъ въ такомъ случаѣ вернуть и плату, полученную имъ за работу при сватовствѣ. Жена полная владѣтельница принадлежащихъ ей, или приобретаемыхъ ею вещей, и нерѣдко мужъ покупаетъ ихъ у жены; когда же у него женъ болѣе одной, то каждая имѣетъ свое отдѣльное хозяйство, ненрикосновенное для остальныхъ женъ, или членовъ семейства.

Умершаго оплакиваетъ цѣлое поколѣніе. Собираются къ ближайшему родственнику покойнаго, садятся вокругъ огня и воютъ; родственникъ, хозяинъ бараборы, надѣваетъ лучшее свое платье и головной уборъ изъ орлиныхъ перьевъ, продѣваетъ сквовъ носовой хрищъ орлиное перо, и съ вычерненнымъ лицомъ является передъ собраніемъ *плакать*. Держа въ

обѣихъ рукахъ побрякушки, сдѣланныя довольно красиво изъ топорковыхъ носковъ, запѣваетъ онъ надгробную пѣсню, голосомъ твердымъ, гремя побрякушками, и дѣлая всею тѣломъ, а особенно одною ногою, сильныя движенія, топая въ землю, но не сходя съ мѣста. Онъ воспоминаетъ славные подвиги покойнаго; слово его принимается за текстъ стиху, составляемому экспромтомъ всею собраніемъ, которое хоромъ поетъ его, ударяя въ бубень, и по окончаніи каждаго стиха плачетъ громко въ одинъ голосъ, между тѣмъ, какъ хозяинъ наклоняется тѣломъ впередъ, опускаетъ голову на грудь, и отдыхаетъ отъ сильнаго напряженія, пока почувствуетъ себя опять въ состояніи продолжать *плаканіе*. Обрядъ сей есть изображеніе глубокой печали грубаго неизвѣннаго дикаря, жителя Сѣвера, одареннаго чувствомъ сильнымъ, продолжительнымъ, безпритворнымъ. Приведу содержаніе одной, слышанной мною пѣсни:

Ближайшій родственникъ.

«Онъ лучший былъ промышленникъ!»

Хоръ, родное поколѣніе.

«Онъ всею смѣлѣй гонялся за бѣлугами;
«Никогда не возвращался домой безъ добычи;
«Пойдетъ ли на хребты за оленями,
«Стрѣла его летала прямо въ сердце звѣря;
«Встрѣтитъ ли медвѣдя въ лѣсу,
«Не упускалъ онъ ни черпаго, ни бурога!»

Ближайшій родственникъ.

«Былъ щедръ и веселилъ другихъ!»

Хоръ.

«Всегда дѣлился онъ промыслами.
«Что добудетъ, въ море ли, на хребтахъ ли,
«Онъ все раздастъ и бѣднымъ помогаетъ;
«Когда работалъ съ своими вмѣстѣ,
«Онъ пѣсни пѣлъ, плясалъ и веселился!»

Послѣ пѣнія, хозяинъ раздастъ платье и прочее имущество умершаго между родственниками его, принявшими участіе при плаканіи. Лучшіе пріятели покойнаго, изъ другаго поколѣнія, приходятъ безъ зову къ сему обряду, и дарятъ разными звѣринными шкурами ближайшаго родственника, но не поютъ и не плачутъ. Тотчасъ послѣ смерти, они сожигаютъ тѣло умершаго, и собранныя кости хоронятъ въ землю, не допуская ни кого изъ роднаго поколѣнія упредить исполненіе сего обряда. Ближайшій родственникъ покойнаго старается въ теченіе цѣлаго года, или болѣе, добыть сколько ему возможно оленьихъ шкуръ, ровдугъ и звѣринныхъ кожъ, и тогда празднуетъ поминки о покойникѣ, — *дѣлаетъ игрушку*. Онъ сзываетъ *своихъ*, и тѣхъ *пріятелей*, которые схоронили кости, угощаетъ пріятелей до пресыщенія, одариваетъ ихъ за прежнее приношеніе и за труды погребенія, расточая свое имущество, въ чемъ ставятъ величайшую славу и стараются превзойти другъ друга; родственники пляшутъ, поютъ печальныя пѣсни, и стараются заслужить одобреніе отъ гостей-пріятелей. Имя покойника не должно произносить болѣе предъ ближайшимъ родственникомъ, и сей перемѣняетъ также свое имя, которымъ звалъ его покойникъ при жизни. Кто осмѣлится нарушить первое условіе и выговорить имя умершаго, того вызываетъ родственникъ на бой, если виноватый принадлежитъ къ поколѣнію пріятелей, и онъ долженъ откупиться подарками; между своими же подобныя взысканія не соблюдаются, а довольствуются одними выговорами. Бѣднякъ не рѣдко вводитъ богатаго пріятеля въ искушеніе, и сей, замѣтя замыслы другаго, не медлитъ назвать покойника по имени, дабы съ хвастливою щедростію утѣшить пробудившуюся печаль и гнѣвъ бѣдняка.

Кенайцы употребляютъ разные способы для правленія разстроеннаго состоянія. Напримѣръ, бѣднякъ выжидаетъ, пока зимою озерко, у котораго поселился, не промерзнетъ до дна, такъ, что въ окрестностяхъ не случится воды; тогда онъ сзываетъ богатыхъ пріятелей другаго поколѣнія на *игрушку*, и подбиваетъ ихъ разталымъ снѣгомъ. Родственники его между тѣмъ замѣчаютъ насмѣшливыя гримасы пріятелей, и подслушавъ ихъ рѣчи, сказываютъ о томъ хозяину, который тотчасъ выбѣгаетъ изъ бараборы, надѣваетъ свое лучшее платье, вооружается лукомъ со стрѣлою, и въ бѣшеномъ видѣ являясь передъ гостями, вызываетъ дерзновеннаго, осмѣливаго надъ нимъ насмѣхаться; онъ втыкаетъ стрѣлу себѣ въ щеку, губу, или лядвею, въ удостовѣреніе, что предпочитаетъ смерть поношенію своего имени. Присутствовавшіе, разумѣется, предвидѣли подобное представленіе; богатъ-насмѣшникъ объявляетъ себя готовымъ заплатитъ раненому, и тѣмъ вполне удовлетворяетъ оскорбленнаго честолюбца и хитраго спекулянта, подобныя которому, можетъ быть, найдутся и въ другихъ странахъ.

Игрушки, то есть, пляски, пѣнія, угощеніе и подарки, дѣлаются по разнымъ поводамъ. Отъ тяжелой болѣзни исцѣлившійся дѣлаетъ игрушку для тѣхъ, кто показывалъ сожалѣніе о больномъ, приходилъ къ нему въ жило и плакалъ, заботился о немъ, приносилъ лучшую пищу и лечилъ его. Кто въ состояніи при игрушкахъ расточительностью наиболѣе удивитъ единоземцевъ своихъ, тотъ пользуется и наибольшимъ уваженіемъ въ своемъ жилѣ и въ цѣломъ поколѣніи; прочіе внимаютъ его совѣтамъ и ни въ чемъ ему не прекословятъ. Таково начало *тоѣства*, или, лучше сказать, уваженіе къ нему;

власть старшины (*кышка*) не основана на родословной, хотя большею частию переходят къ наследнику; она притомъ условна, и всякъ воленъ признать старшину, или переселиться въ другое жило, куда ему заблагоразсудится, а также жить отдѣльно отъ всѣхъ.

Между двумя поколѣніями сего народа, замѣтно шекотливое соревнованіе, даже въ самыхъ бездѣлкахъ. Смертоубійство, или обида, нанесенныя *своимъ*, отомщаются обиженнымъ лицомъ, или ближайшимъ его родственникомъ, убійствомъ же, или побоями, безъ всякаго въ томъ участія стороннихъ людей; но когда подобный случай коснулся *пріятеля* другаго поколѣнія, тогда всѣ роды его готовы защитить честь обиженнаго семейства, и въ важныхъ случаяхъ возжигались междоусобныя войны, которыя однакожь стараются скорѣе угасить, и плѣнныхъ никогда не употребляютъ въ невольники, а возвращаютъ за плату. До занятія страны сей Россіянами, оба поколѣнія соединенно ходили войною на Кадьякцевъ, и должны были отбивать нападенія сихъ послѣднихъ; плѣнники были обрацаемы въ невольники, почему Кенайцы и называютъ природныхъ жителей Кадьяка: *Ульга*, отъ *ульгага*, то есть, *невольникъ*. Нынѣ брани прекратились; несогласія между семействами, или поколѣніями, передаются на рѣшеніе управляющаго Николаевскимъ редутомъ, который старается кончить каждое дѣло миролюбиво.

Кенайцы роста средняго, сложены стройны, окладомъ лица и цвѣтомъ тѣла обнаруживаютъ прямое Американское происхожденіе; многіе имѣютъ высокій ростъ, однакожь я не видалъ въ другомъ народѣ въ колоніяхъ столько горбатыхъ, какъ здѣсь. Права они веселаго; каждую работу сопровождаютъ пѣніемъ, и по окончаніи ея въ пляскѣ отдыхаютъ.

Зимнія ихъ хижины подобны Угаленскимъ и Мѣдновскимъ: обширный, высокій, бревенчатый сарай, съ очагами въ срединѣ, раздѣленный по сторонамъ на столько отдѣленій, сколько родныхъ семействъ, расположилось жить вмѣстѣ, и съ двумя, или болѣе банями на концахъ, въ коихъ проводятъ большую часть зимы. Бани сіи похожи на Алеутскіе *жупаны*, но не такъ просторны и свѣтлы; онѣ болѣе уподобляются берлогамъ медвѣжьимъ, завалены со всѣхъ сторонъ землею, такъ, что оставляется со стороны сарая только круглое отверстіе, чрезъ которое чело-вѣкъ съ трудомъ влѣзаетъ; нагрѣваются онѣ раскаленными камнями.

Упомянувъ выше о нѣкоторыхъ обрядахъ Кенайцевъ, замѣчу здѣсь, что по ученію шамановъ (*лькыш*), и Кенайскій народъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ворону, который находилъ особенное удовольствіе безпрестанно обманывать свое созданіе — чело-вѣка. По смерти люди продолжаютъ жить внутри земли, гдѣ не темно, не свѣтло, и гдѣ ведутъ жизнь, подобную жизни оставшихся надъ землею, съ тою разностию, что тамъ спать, когда здѣсь бодрствуютъ, и на оборотъ.

Думать должно, что Кенайцы пришли къ мѣстамъ, нынѣ ими занимаемымъ, изъ-за хребтовъ. Это народъ горный, бродячій, сдѣлавшійся въ послѣдствіи приморскимъ и полуосѣдлымъ: употребляемые ими нѣкогда на рѣкахъ и озерахъ челноки изъ березовой коры, остались и теперь при нихъ, а *лаптакалы* (выдѣланныя кожи морскихъ животныхъ) обтянутыя байдарки и байдары переняты, вѣроятно, у Кадьякцевъ, или Чугачъ, съ коими Кенайцы далеко не могутъ равняться въ искусствѣ и смѣлости байдарочнаго плаванія. Любимѣйшимъ занятіемъ ихъ осталась звѣриная ловля въ лѣсахъ, за хребтами.

При устьяхъ рѣчекъ, или на берегу самаго залива, на струѣ прилива и отлива, расположены лѣтники Кенайцевъ для рыбной ловли. Чавыча, красная, горбуша, голецъ, кижучъ, и пр. проходятъ въ величайшемъ множествѣ изъ моря въ заливъ, и во всѣ рѣчки и ручья, съ весны до осени. Употребляемый дикарями способъ ловить рыбу, идущую всегда противъ теченія, крайне простъ: изъ кореньевъ, наподобіе невода сплетенныя корзины привязаны къ длиннымъ шестамъ, на коихъ онѣ опускаются въ воду, и вынимаются, какъ скоро въ нихъ зайдетъ нѣсколько рыбъ; такимъ *чертанисемъ* рыбы изъ воды занимаются старики и дѣти. Для большаго удобства ставятъ поперегъ струи теченія, на нѣсколько сажень, родъ перилъ на козлахъ, кои во время густаго хода рыбы, усянны бываютъ рыбаками, вооруженными *сакали*, на длинныхъ шестахъ. Женщины вялятъ *юколу*, готовятъ икру, собираютъ ягоды, сарану, и вывариваютъ жиръ изъ маленькой рыбки, называемой здѣсь *сакъ*, или изъ бѣлугъ (*Delphinus leucas*), добываемыхъ лучшими промышленниками слѣдующимъ образомъ: на мелководныхъ мѣстахъ вблизи береговъ: на струяхъ теченія, куда бѣлуги приходятъ гонясь за рыбами, вбиты столбы, на коихъ садятся промышленники и сторожатъ рыбу; коль скоро она довольно приблизится, то со столба бросаетъ Кенасъ стрѣлу, или, лучше сказать, копьцо стрѣлки, воткнутое въ шесть, $1\frac{1}{2}$ сажени длиною, и привязанное къ ремню, сажень 10 длины, съ надутымъ пузыремъ на концѣ; бѣлуга, съ возниженною стрѣлкою, быстро уплываетъ, а пузырь на водѣ показываетъ мѣсто животнаго, за которымъ въ готовой байдаркѣ промышленникъ тотчасъ пускается въ погоню, и поймавъ шесть, освободившись отъ стрѣлки, вкладываетъ аспидные нос-

ки, колетъ бѣлугу еще нѣсколько разъ, и наконецъ пробуксировываетъ мертвую къ берегу. Киты хотя и заходятъ въ заливъ, но Кенайцами не промышленяются, а когда выброситъ кита на берегъ, то они пользуются мясомъ и жиромъ его. Сія занятія прекращаются въ Іюль; въ началѣ Августа всѣ, кромѣ слабыхъ и хворыхъ, уходятъ на хребты горъ, подышать горнымъ воздухомъ древней родины, поговятыся за лѣсными звѣрьми и повидаться съ Гальцанами. Отправляются съ дѣтьми и женами, которые добываютъ тарбагановъ и еврашекъ, между тѣмъ, какъ мужчины гоняются за оленями. Живущіе около средней и южной части Кенайскаго залива уходятъ на ближнія горы, гдѣ, вмѣсто оленей, промышленяютъ горныхъ барановъ. Сѣверные же Кенайцы, изъ жилъ *Кьюку* и р. *Сушитны*, предпринимаютъ гораздо дальнѣйшій путь; отъ самаго сѣвернаго угла залива идутъ они къ сѣверо-востоку, слѣдуя падами между горъ, и достигаютъ въ 7 дней скорого, или въ 10-ть обыкновеннаго хода, высокаго горнаго хребта, гдѣ оставляютъ женъ, дѣтей и посредственныхъ промышленниковъ, а лучшіе переходятъ чрезъ хребетъ, и въ 7 дней достигаютъ до небольшого озера *Хтубень*, лежащаго на лѣсной равнинѣ между горъ, близъ верховья р. *Сушитны*. Здѣсь водится великое множество оленей, которые тамъ и зимуютъ. Промышленники выгоняютъ ихъ табунами изъ лѣсовъ въ озеро и колютъ на водѣ, плавая въ челнокахъ изъ берестовой коры. Сюда приходятъ и *Атнахтляне* (Мѣдновскіе), отъ озера *Мантъльбана*, въ 14 дней; также Мѣдновскіе Гальцане чрезъ хребты, въ 10 дней самаго скорого пути, для свиданія и торговли съ западными Гальцанами, Кенайцы проходятъ еще далье 6 дней, до озера, гдѣ ихъ встрѣчаютъ. Всѣ сія народы имѣютъ рѣшительную

склонность мѣняться произведеніями своими, и съ утонченностью знатоковъ избираютъ и оцѣниваютъ вещи лучшей доброты. Такъ, напримѣръ, иглы дикобраза, употребляемыя для вышиванія узоровъ на *камлеляхъ*, почитаются лучшими привозимыя съ р. Атны, и особенно уважаются выкрашенные въ красный цвѣтъ; Мѣдновскіе употребляютъ на то клюкву, а Кенайцы бруснику. Кончивъ промыселъ, въ исходѣ Сентября, или въ Октябрѣ, спускаются въ лодкахъ, обтянутыхъ оленьими, невыдѣланными шкурами, внизъ по быстрому теченію р. Сушитны, и въ 4 дня приплываютъ въ Кенайскій заливъ; оставленные же у хребта семейства возвращаются домой прежнимъ путемъ. Отъ трудовъ, переносимыхъ на сихъ переходахъ и промыслахъ, возвращаются они съ хребтовъ домой изнуренные и тощіе. Однакожь, если не настали еще сильные морозы, то спѣшатъ упромыслить въ окрестностяхъ своихъ жилъ рѣчныхъ бобровъ, и уже съ наступленіемъ зимы предаются увеселеніямъ и отдыху, празднуютъ *игрушки*, расточаютъ плоды лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ своихъ, и подь конецъ претерпѣваютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но весна и свѣжій привалъ рыбы избавляютъ ихъ отъ продолжительной голодовки. Вотъ образъ жизни, которому слѣдовать есть величайшее блаженство туземцовъ, а измѣнить древнему обычаю отцовъ своихъ, почитается у нихъ первымъ шагомъ въ бездну злополучій.

Чугачи и Кадыякцы.

Первые суть пришельцы съ острова Кадыяка, прогнанные въ междоусобныя брани къ мѣстамъ, нынѣ ими занимаемымъ, по берегамъ *Чугачкаго* залива (Prince William's Sound) и къ западу до самаго входа въ Кенайскій заливъ. Они принадлежатъ безспорно

къ одному племени съ Кадыякцами, говорятъ тѣмъ же языкомъ, сходятствуютъ въ повѣрьяхъ и образѣ жизни, и разнятся отъ вышеописаннаго племени Американцевъ въ двухъ главныхъ статьяхъ: происходятъ не отъ вороны, а отъ собаки, и не разделены на два главныхъ поколѣнія, отличающія племя, къ коему принадлежатъ Колоши, Угаленцы, Мѣдновскіе, Кольчане, Гальчане, и Кенайцы. Сверхъ того Чугачи и Кадыякцы суть народы исключительно приморскіе; на своихъ *байдаркахъ*, обтянутыхъ лафтакими, объявляютъ они непримиримую войну всемъ морскимъ животнымъ, быють сіучей, нерпъ, китовъ, морскихъ бобровъ, одѣваются не въ оленьи кожи, какъ прочіе народы сего края, а шьютъ свои *парки* изъ птичьихъ шкуръ, и камлеи изъ кишокъ и горлъ морскихъ и земноводныхъ животныхъ. По преданіямъ пришли они отъ сѣвера, гдѣ по всему берегу, отъ губы Бристоль до Берингова пролива, находятъ и подиесь своихъ единоземцовъ.

Въ настоящее время Чугачи, Кадыякцы и жители всей Алеутской гряды, отъ долгаго сношенія съ Россіянами, измѣнились въ обычаяхъ и утратили преданія народныя, почему и не представляю здѣсь описанія сего народа, коего первобытное состояніе подробно описано Гг. Сарычевымъ, Давыдовымъ и Лангсдорфомъ. Ограничусь замѣчаніемъ, что Чугачи и Кадыякцы перемѣшались съ другими Американскими народами, коихъ женъ брали въ плѣнь; отъ того, и подь вліяніемъ умѣреннаго климата, въ наружномъ видѣ гораздо болѣе походятъ на горныхъ Американцевъ, чѣмъ на Эскимосовъ сѣвера. Чугачи называютъ себя *Чугачикъ*; ихъ теперь считается около 100 семействъ.

Инюлюхлюаты.

На р. *Хулитивъ*, въ верховьяхъ Кусоквима и

Квикпака, обитаетъ племя, известное въ Александровскомъ и Михайловскомъ редукахъ подъ названіемъ *Инкюлюхлюатовъ*. Ихъ описываютъ весьма похожими на Колошь, какъ въ наружномъ видѣ, такъ и правами и обычаями. Г. Васильевъ говоритъ о Хулитновскихъ Инкюлюхлюатахъ слѣдующее: «Для пляски, они осыпаютъ себя лебяжьимъ пухомъ и все тѣло раскрашиваютъ въ красный цвѣтъ; пѣсни и пляски ихъ очень много сходствуютъ съ Колошенскими; плясуны, подобно Колошамъ, имѣютъ въ рукахъ копыя, или ножи, коими вертятъ надъ головами, и дѣлаютъ примѣръ сраженія, безпрестанно произнося: *ха! ха!* и *оголь! голъ!* Оружіе дикарей состоитъ изъ стрѣлъ, луковъ, копій и кинжаловъ; копыцы у стрѣлокъ сдѣланы изъ желѣза и красной мѣди; первое получаютъ они отъ Кенайцевъ, а послѣднюю отъ *Тутновъ*. Парки, штаны и зимніе торбасы носятъ изъ бобровыхъ и выхухольихъ шкуръ, камлейки же изъ рыбьей шкуры, преимущественно чавычьею. Домашняя посуда деревянныя чашки, глиняныя, узкіе горшки. Дома ихъ рубятся изъ бревенъ, на подобіе Русскихъ, но весьма низки, и многіе обложены дерномъ, у нѣкоторыхъ же настоящія Колошенскія барабары, съ круглымъ напередѣ отверстіемъ вмѣсто дверей; байдарокъ не имѣютъ, а употребляютъ лодочки, вмѣщающія не болѣе двухъ человѣкъ, и столь легкія, что онѣ могутъ быть носимы одною рукою, куда угодно. Инкюлюхлюаты воинственны и храбры: не болѣе 100 человѣкъ, живущихъ на р. Хулитнѣ, нимало не страшатся многочисленности Кускоквимцевъ.

Слѣдующія, собранныя Г. Васильевымъ, слова языка Инкюлюхлюатовъ также указываютъ на сходство сего племени съ Кенайцами, Мѣдновскими и Колошамъ. Кенайцы называютъ Гальцами тѣхъ изъ нихъ,

кои живутъ въ верховьяхъ р. Квиклока, а Хулитновскихъ именуютъ *Тутнами*, наравнѣ съ *Килтенцами* и *Агалагглотами*, обитателями около рѣкъ и озеръ *Нушаакскихъ*, хотя сіи послѣдніе и принадлежатъ къ племени, совершенно различному отъ Инкюлюхлюатовъ.

Слова Инкюлюхлюатскія.

(Съ рѣки Хулитны).

Бобръ	Нулкъ.	Человѣкъ . . .	Тышни.
Выхухоль . .	Вычинной.	Торговаться . .	Кпыкхати.
Лисица	Соголёкой,	Пріятель	Хутайситапюкъ.
	Накостай		
Соболь	Кыцгари.	Гдѣ товарищъ?	Хтуай валѣхтокъ?
Медвѣдь . . .	Секгожа.	Игла	Тыликхони.
Волкъ	Ныкугна.	Рѣка	Туч-чгала.
Топорь	Цыналахъ.	Селеніе	Кха-яхъ.
Котель	Исюкъ.	Юрта	Яхъ.
Табакъ	Кытупъ.	Хорошо	Нышьчинпъ.
Рыба	Холячки.	Худо	Чдуатакъ.

Далѣе, Инкюлюхлюатовъ Квикпакскихъ, внутри земли обитаютъ *Чыикаты*, о коихъ идетъ молва, что они имѣютъ природный хвостъ, и обросли, какъ звѣри, шерстью. Квикпакскіе Инкюлюхлюаты сообщаются съ низовыми жителями чрезъ посредство *Магалиотовъ*, племени, сходнаго съ *Инкалитами*.

Инкалиты.

Такъ называются народы, обитающіе по рѣкамъ Квикпака, Кускоквима, и по другимъ, въ нихъ впадающимъ, и составляющимъ среднее звѣно между прибрежными и горными жителями. Глазуновъ дѣлаетъ слѣдующее описаніе Инкалитовъ: «Они говорятъ языкомъ совершенно различнымъ отъ прибрежнаго, который есть языкъ Кадыакскихъ Алеутовъ; нарѣчіе Инкалитовъ есть смѣсь языковъ Кенайцевъ, Кадыаковъ, Уналашкинцовъ и Мѣдновскихъ. Это народъ

крупный, смуглый; волосы имѣють грубые, черные губы прорѣзаны, и въ прорѣзахъ вставлены камешки и корольки; женщины имѣють чистыя лица, и лишь по подбородку проведены двѣ синія узенькія черты; ихъ длинныя волосы заплетаются въ косы по обѣимъ сторонамъ, и изукрашены разноцвѣтнымъ бисеромъ; мужчины же до кожи выбривають головы, посредствомъ остраго камня. Одежда мужчинъ почти вся сшита изъ кожъ рѣчныхъ бобровъ, какъ то: парки, штаны, шапки, рукавицы, торбасы, и самыя одѣяла и постели, а въ мокрая погоды надевають они камни и верхнія торбасы изъ рыбьихъ кожъ; парки для женщинъ шьются изъ собольихъ, выхухольихъ и заячьихъ мѣховъ. Домашняя посуда деревянная, гнутая, весьма чистой работы, и выкрашенная разноцвѣтною глиною въ красный, зеленый и голубой цвѣта; для варенія пици употребляютъ глиняные пережженные горшки. Лѣтомъ плавають по рѣчкамъ и озерамъ въ берестяныхъ челнокахъ, очень хорошей работы, а зимою ѣздятъ на нартахъ, запряженныхъ собаками. По рѣкѣ Квикпаку главное ихъ селеніе, и смѣжное съ народами, говорящими прибрежнымъ языкомъ, называется *Анцлуктакпакъ*; здѣсь считается до 700 жителей; *Анциглоты* и *Магиллоты* суть также Инкалиты.

Народы, говорящіе общимъ языкомъ прибрежныхъ жителей, весьма сходнымъ съ **КАДЬЯКСКИМЪ.**

Аголеглоты, на устьяхъ рѣкъ *Нушагака* и *Пакнекъ*, числомъ около 500 душъ; *Кілтенцы*, или *Кілтайглоты*, по рѣкамъ *Нушагаку* и *Ильсанку*, около 400 душъ; *Кускоквилцы* по р. *Кускоквиму*, и другимъ рѣкамъ, въ сію впадающимъ; и около озеръ, лежащихъ южнѣе р. *Кускоквима*, числомъ, по мнѣ-

нію Г. Васильева, до 7000 душъ; *Квихнакцы*, со всеми ихъ подраздѣленіями на *Маглотовъ* (на р. *Кыжунакъ*), *Аеульмлотовъ* (на р. *Квихлювакъ*), *Паштульмлотовъ* (на р. *Паштуль*); *Тагиллоты* (около Михайловскаго редута), *Малилоты* (близъ береговъ губы *Шактулахъ*, или *Шактоль*), *Акльмлоты* (въ заливъ *Головина*), *Чнаглоты* (къ сѣверу отъ *Паштульмлотовъ*, и къ западу до мыса *Родней*), *Кухинаглоты* (на р. *Кухиналь*); всѣ сіи народы говорятъ однимъ языкомъ, и принадлежать къ одному племени, которое простирается и дагѣе къ сѣверу вдоль береговъ Америки, по замѣчанію капитана *Бичи*, до широты 71° 24'. *Бичи* полагаетъ южною границею на западныхъ берегахъ Америки поколѣнія, называемаго имъ *Западными Эскимосами*, широту 60° 34'. И въ языкѣ, чертахъ лица и обычаяхъ, находитъ онъ тѣсную связь сего поколѣнія съ *Восточными Эскимосами* залива *Гудзона*, *Гренландіи*, *Иглюлика*, и вообще сѣверныхъ приморскихъ береговъ Америки. Не менѣе того замѣтилъ онъ сходство западныхъ Эскимосовъ съ *Чукчами*, отъ коихъ и полагаетъ ихъ происшедшими. Кукъ думалъ видѣть въ *Чугачахъ* и *Алеутахъ* острова *Уналашки* отрасли Эскимосовъ *Гренландіи*. Жители *Кадьяка* говорятъ почти однимъ языкомъ съ *Чугачами* и обитателями приморскаго берега между бухтой *Бристоль* и заливомъ *Нортонна*. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ языкъ Эскимосовъ у *Берингова Пролива*, и вдоль береговъ Америки къ югу, до *Чугачъ*, и къ востоку до *Гренландіи* и по всей *Алеутской* грядѣ и *Кадьяку*. Однакоже, выкая основательнѣе въ составъ нарѣчій сихъ, сродныхъ между собою народовъ, и слычая ихъ обычаи, повѣрья и облики лицъ, открываемъ разительныя различія. Именно, островитяне *Алеутской* гряды во многомъ разнятся

отъ Кадьякцовъ и Чугачъ, хотя въ языкахъ сихъ народовъ и встрѣчаются слова, похожія между собою, но такихъ словъ мало. Уналашкинецъ вовсе не понимаетъ Кадьякца; въ названіяхъ предметовъ, такъ сказать, неразлучныхъ въ понятіяхъ о существованіи Эскимосовъ, не видимъ ни малѣйшаго, даже весьма отдаленнаго сходства:

Эскимосы Берингова Пролива.	Кадьякцы.	Эскимосы Иглолака.	Унашкинцы.
Небо. Кейль-якъ.	Кильякъ.	Кейлукъ.	Ишкхъ.
Море. Тарри-уке.	Тагъ-сокъ.		Алягукхъ.
Ледь.	Чигу.	Сикку.	Кдакхъ.

Тоже въ названіяхъ чиселъ:

1. Адоувить-шунгъ-пиль. Альхлюкъ. Атоу-сейтъ. Атакханъ.
2. Миль-лей-теунгъ-петъ. Мальюкъ. Мадлерокъ. Алакхъ.
3. Пинаге-сокъ. Пиньяютъ. Пингауке. Каннувъ.
4. Тсе-тум-мать Чтаманъ . . Ситтамать . Сичинъ.
5. Та-лима Талыманъ . Тедима . . Чангъ.

Съ перваго взгляда на островитянина Алеутской гряды видишь въ немъ происхожденіе Азіатское, Монгольское, или Манджурское, и бывшіе въ Нижне-Архангельскѣ Японцы, съ разбитаго на Сандвичевыхъ островахъ судна, напоминали собою жителей Уналашки. Напротивъ того, Кадьякцы ближе подходятъ къ Американскимъ племенамъ, и въ наружномъ видѣ вовсе не сходятся съ Эскимосами, или съ Азіатскими народами. Вѣроятно, они смѣшались съ Американскими племенами, и сохранивъ языкъ, утратили типъ образованія Азіа въ тѣлосложеніи и обликъ лица. По преданіямъ народнымъ, Кадьякцы, Чугачи, Кускоквимцы, и прочіе, имъ сопредѣльные народы, пришли отъ сѣвера къ мѣстамъ, нынѣ ими занимаемымъ, Уналашкинцы же отъ запада. Если причислить всѣ сіи народы къ одному коренному племени Эскимосовъ, то, основываясь на различіи

въ нарѣчіяхъ, наружномъ видѣ и преданіяхъ ихъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующее раздѣленіе:

Эскимосовъ Берингова Пролива, и обитающихъ по всему протяженію сѣверныхъ береговъ Америки до Гренландіи, назовемъ *Сѣверными*. Эскимосовъ, обитающихъ южнѣе Пролива Берингова (начиная около мыса Родней) до полуострова Аляски, на островѣ Кадьякѣ и въ Чугацкомъ заливѣ, назовемъ *Южными*, а островитянъ Алеутской гряды — *Западными*. *Сѣверные Эскимосы*, и въ особенности восточная отрасль оныхъ, занимая самую холодную и бѣдную страну и живя отдѣльными, малочисленными обществами, остались на самой низкой степени умственнаго развитія; *Южные*, обладая странною уже не безлѣсною, въ которой водятся не одни песцы и волки, но и рѣчные бобры и выдры, столкнувшись съ горными поколѣніями, кои спускались къ приморскимъ берегамъ, приобрѣли множество новыхъ понятій и смѣшались съ другими народами; *Западные*, пришедъ съ другой стороны свѣта, и при общемъ движеніи Эскимосскаго племени къ востоку не коснувшись полярныхъ странъ, представляютъ наименьше сходства съ другими отраслями; ихъ умственные способности и душевныя качества содѣлываютъ весьма способными къ принятію просвѣщенія, гораздо болѣе Кадьякцовъ.

Почтенный и трудолюбивый священникъ *Іоаннъ Вендлинговъ*, изучивъ языкъ и характеръ Уналашкинскихъ Алеутовъ, составилъ грамматику и словарь, которые, вѣроятно, будутъ изданы въ свѣтъ *. Отецъ *Іоаннъ* доставитъ публикѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія о семъ народѣ, почему я здѣсь говорю о немъ не буду. Сѣверные Эскимосы извѣстны по описаніямъ Крапца, Парри, Росса, Бичи, и другихъ; Кадьякцы

* Катихизисъ на языкъ Уналашкинскихъ Алеутовъ уже напечатанъ.

описаны Давыдовымъ, Лисянскимъ и Лангсдорфомъ. Остается пополнить сія свѣдѣнія извѣстіями о Кускоквимцахъ, Квиллолкахъ, обитателяхъ заливовъ Бристоль и Портонъ. Ограничусь описаніемъ Кускоквимцовъ, съ которыми познакомился Г. Васильевъ; изъ его журнала почерпнута мною большая часть свѣдѣній о семъ народѣ.

Кускоквимцы.

Направленія водныхъ истоковъ, составляющихъ систему рѣки Кускоквима, въ странѣ, по которой сія рѣка протекаетъ, становятся намъ извѣстны отъ устья рѣки Хулитны, внизъ по теченію до моря; вершины ея еще не были посѣщаемы. Г. Васильевъ описываетъ мѣстоположеніе, отъ устья р. Хулитны до впаденія р. *Маналлктулн*, весьма пріятнымъ; берега образуютъ не высокія горы, обросшія густыми лѣсами лиственницы, ели, тополя и березы, а холмы испещрены травами и цвѣтами. Далѣе же къ устью, рѣка Кускоквимъ протекаетъ по низменной, болотистой равнинѣ, которая далѣе 80 миль отъ устья рѣки становится вовсе неплодородною, состоя изъ жидкаго, наноснаго ила, на коемъ, кромѣ жесткой травы и низкихъ кустарниковъ ничего не произрастаетъ. Съ прекращеніемъ лѣсовъ прекращаются и жилища рѣчныхъ бобровъ. Лѣса обитаемы черными медвѣдями, Американскими собаками (родъ куніць), выхуолями и лисицами, которія зимою забѣгаютъ и къ приморскимъ мѣстамъ; дикіе олени водятся въ значительномъ множествѣ. Рѣка изобильна рыбою различныхъ родовъ, и морская бѣлуга заходитъ въ нее на большое разстояніе. На всемъ пространствѣ своего теченія, р. Кускоквимъ не имѣетъ пороговъ и судоходна для гребныхъ судовъ, а хотя устье ея и забросано лѣсами, но въ высокія воды оно отъ нихъ очищает-

ся; обыкновенное возвышеніе водъ бываетъ до 11 футовъ выше низкаго ихъ стоянія. Въ осыпяхъ песочныхъ яровъ, образующихъ мѣстами берега рѣки, или ручьевъ, въ первую впадающихъ, находятъ клыки мамонтовъ; по мнѣнію дикихъ, это были большой величины олени, которые въ древнія времена приходили отъ востока, но нынѣ никогда уже болѣе не появляются, потому, что какой-то великій чародѣй, жившій на вершинѣ р. Квикпака, умирая, съ досады уморилъ и всѣхъ тѣхъ большихъ оленей, до одного; однакоже другіе говорятъ, что мамонты ревутъ еще и донныѣ подъ землею, откуда выходятъ только на одну ночь въ году. Озера, лежащія на равнинахъ и въ долинахъ, изобилуютъ рыбою.

Въ сей-то странѣ, заключенной между теченіями рѣкъ Нушагака, Ильгаяка, Хулитны и Кускоквима, до морскаго берега, обитаютъ *Кускоквимцы*, и наибольшая населенность ихъ сосредоточилась на берегахъ сей послѣдней рѣки, къ западу отъ впаденія въ нее рѣки *Анигакъ*. Г. Васильевъ полагаетъ сихъ дикарей не менѣе 7000 душъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ. Ихъ называютъ также *Кушкукхвакъ-лютали*, отъ *Кушкукхвакъ*, означающаго то же, что *Кускоквимъ*.

Аголеглюты и *Кітайглюты*, или *Кіятенцы*, ни въ чемъ не различествуютъ отъ Кускоквимцовъ, и послѣдніе считаются однимъ съ ними народомъ. Аголеглюты и Кускоквимцы раздѣлены враждою, бывшею причиною изгнанія первыхъ отъ мѣсть родины, съ береговъ рѣки Кускоквима. Настоящее имя присвоено ими отъ одного селенія *Аголегма*, въ которомъ они жили во время осады; наконецъ одна часть удалась на островъ *Пушиковъ*, а другая къ устью Нушагака, гдѣ, подъ покровительствомъ начальника Александровскаго редута, содѣлалась осѣд-

лою, не опасаясь болѣе набѣговъ Кускоквимцовъ; однакоже въ пѣсняхъ оплакиваютъ и поныпѣ древною свою родину. Аголемюты въ свою очередь вытѣснили природныхъ обитателей устья Нушагала, которые переселились на восточную половину полуострова Аляски, и извѣстны намъ теперь подъ названіями *Съверповскихъ* и *Угаиенцовъ*.

Кускоквимцовъ нельзя назвать ни кочующимъ, ни бродячимъ народомъ. Зимю съѣзжаются они всегда въ постоянныя селенія, расположенныя на берегу рѣки; лѣтомъ же расходятся для запаса пищи по разнымъ мѣстамъ. Ихъ привязанность къ мѣстамъ жительства предковъ весьма сильна, и участки земли, въ коихъ производили они промыслы и охотничали звѣрей, почитаются родовой принадлежностью.

Въ каждомъ селеніи находится одно общественное зданіе, *кожимъ*, величиною соответствующее населенію жи́ла, коего мужчины всѣ должны помѣщаться въ немъ; для сего вокругъ стѣнъ разставлены скамьи въ нѣсколько ярусовъ, по срединѣ очагъ, а свѣтъ входитъ изъ верхняго отверстія надъ очагомъ. Кожимы, какъ и частныя хижины, строятся изъ бревенъ, бываютъ углублены въ землю, и со всѣхъ сторонъ завалены землею. Въ общественномъ кожимѣ собирается народъ цѣлаго селенія, для совѣщанія о важныхъ происшествіяхъ, войнѣ и мирѣ, народныхъ празднествахъ, и т. п.; въ обыкновенное же время, онъ служитъ общимъ жилищемъ всѣхъ мужчинъ селенія, кромѣ стариковъ и дѣтей. Этотъ обычай весьма замѣчательнъ, и въ связи съ дневными занятіями Кускоквимцовъ и другихъ поколѣній одного съ ними происхожденія. По закатѣ солнца, всѣ ложатся спать, взрослые мужчины въ кожимѣ, а женщины, дѣти, старики, хворые и шаманы въ

юртахъ своихъ. Рано утромъ, до восхода солнца, зажигаетъ жировыя плашки въ юртахъ мальчикъ, нарочно для сего приставленный; жены тотчасъ встаютъ и принимаются готовить пищу мужьямъ и роднымъ: толочъ ягоды и мѣшать ихъ съ жиромъ, кровью (олени) и вареною травой особаго рода. Шаманъ надѣваетъ платья свои, беретъ бубень, и съ помощникомъ своимъ уходитъ въ кожимъ, гдѣ мужчины, уже одѣтые, готовы принять ихъ. Начинается шаманство — богослуженіе сего народа. По совершеніи обряда, жены приносятъ пищу мужьямъ и родственникамъ въ кожимъ; послѣ ихъ ѣдятъ въ своихъ юртахъ прочіе члены семейства, и насытившись, отправляются всѣ, дѣвки и дѣти въ поле для сбора дровъ, которыя должны быть припасены на цѣлый день для кожима и каждой юрты, еще до разсвѣта. Когда разсвѣтаетъ, мужчины отправляются на промыселъ, кто куда хочетъ, въ байдаркахъ, зимою на нартахъ съ собаками, а иной остается дома. Возвратившись домой, промышленникъ выходитъ изъ байдарка, или изъ нарты не заботясь прибрать ихъ, и прямо уходитъ въ кожимъ, гдѣ садится у огня; жена, сестра, или мать уноситъ привезенную добычу, распрягаютъ нарту, относятъ байдарку и спѣшатъ накормить пріѣхавшаго и просушить его платье. Должно замѣтить, что женатые мужчины посѣщаютъ женъ своихъ ночью, не раньше того, когда въ кожимѣ всѣ заснутъ; тогда они выходятъ тихонько, и возвращаются въ кожимъ, пока прочіе не встали. Луки, стрѣлы, копья, ножи и вообще всѣ оружія мужчинъ висятъ по стѣнамъ кожима.

Народныя увеселенія, *игрушки*, даются въ кожимѣ. Съ наступленіемъ зимнихъ морозовъ, по окончаніи промысловъ, въ каждомъ селеніи дается *годовалая игрушка*, непременно въ каждомъ году. Для

сего праздника приготовленія биваютъ немалыя, ибо цѣль его — народная выставка промысловъ и знаменитости каждаго, отъ мала до велика, и это, льстя честолюбію, напругаетъ общую дѣятельность. Мать семейства собираетъ тщательно всѣхъ птичекъ, пташекъ, мышенокъ, и т. п., застрѣленныхъ, или пойманныхъ ея малолѣтними сыновьями въ теченіе цѣлаго года, дѣлаетъ изъ нихъ чучелы, нанизываетъ ихъ на нитки, и по срединѣ привязываетъ къ шнуру вырѣзанную изъ дерева птичку, съ распущенными крыльями; такой приборъ подвѣшивается въ кожимѣ, и подѣ деревянною птицей на полу зажигается жировая плочка; всѣхъ нитей и плочекъ собирается весьма большое число. На очагѣ среди кожима горитъ костеръ сухихъ дровъ, когда мужчины и женщины собрались и разсѣлись на скамьяхъ по старшинству, выступаетъ на средину одинъ изъ лучшихъ промышленниковъ; къ нему пристають всѣ его родственники, становятся съ нимъ рядомъ, и начинается пляска, подѣ звуки бубновъ и пѣсней, раздающихся въ собраніи. Кончивъ, плясуны возвращаются на свои мѣста; мужчина-промышленникъ раздаетъ между присутствующимъ плоды своихъ трудовъ, дая каждаго чѣмъ нибудь, лоскуткомъ звѣриной шкуры, или лафтака, цѣлою одеждою, съѣтными припасами, украшеніемъ, и пр., надѣлая преимущественно стариковъ, старухъ и немущихъ; количествомъ и добротою разданныхъ вещей измѣряется удалство и богатство промышленника, а числомъ родственниковъ, становившихся съ нимъ рядомъ при пляскѣ, знаменитость его. По раздачѣ подарковъ, жена ставитъ въ огромныхъ посудилахъ различныя ѣтва предѣ собраніемъ, въ доказательство завасливости въ хозяйствѣ, и угощаетъ гостей съ возможнымъ усердіемъ. Потомъ насту-

паетъ очередь другому, третьему, и вообще всѣ, одинъ за другимъ, являются на сценѣ. Иногда случается, что промышленникъ, не женатый и лишившийся ближнихъ родственниковъ, выступая на средину, остается одинокимъ, но природное чувство сихъ дикарей таково, что никогда не оставляютъ его долго посмѣшищемъ въ семь положеніи, и обыкновенно отыскивается какая либо старуха, или и нѣсколько, которыя вспомя дальнее родство съ мужчиной, становятся къ нему, и тѣмъ объявляютъ что готовы ему помогать, пока онъ одинокъ. Разумѣется, что такая игрушка въ большихъ селеніяхъ должна продолжаться много дней; также замѣтно, что какъ ни похвальна первоначальная цѣль сего обряда, однакоже люди вездѣ одинаковы, и Кускоквимцы на народныхъ пришествяхъ расточаютъ имущества и запасы свои изъ хвастливости такъ, что подѣ конецъ зимы терпятъ голодъ. Но *голодовка* не безславитъ ихъ, а щедрое угощеніе становится на высокую степень общественного уваженія, и тщеславію дикаря покарается расчетливость его въ предохраненіи себя отъ недостатковъ.

Кромѣ народныхъ игрушекъ биваютъ и частныя, по разнообразнымъ поводамъ. Напримѣръ, въ чуждомъ селеніи умертвили у кого нибудь ближняго родственника, неправнаго промышленника; мститель созываетъ въ кожимѣ всѣхъ мужчинъ своего жила, и изъ другихъ сосѣднихъ селеній, одариваетъ каждаго какою либо вещью, угощаетъ ихъ, и потомъ открываетъ имъ объ обидѣ, нанесенной его роду, приглашая соединенно съ нимъ отметить. Тотчасъ закипаетъ война, которая прекращается убійствомъ одного чловѣка того рода, къ которому принадлежитъ зачинщикъ ссоры. Конечно, не всегда мсть остается въ сихъ границахъ, и за одного па-

даеть нерѣдко нѣсколько человѣкъ; въ такихъ случаяхъ война становится иногда наследственною между двухъ родовъ, и кончится иногда изгнаніемъ цѣлаго поколѣнія изъ мѣстъ, имъ занимаемыхъ. Замѣчательно, что дикари никогда не убиваютъ стариковъ и дѣтей; женщины уводятъ въ неволю, а прочихъ плѣнниковъ предають смерти, и кровью ихъ мажутъ лица своихъ дѣтей, для того, какъ говорятъ, чтобы они не страшились умирать. Колоши, какъ извѣстно, обращаютъ плѣнниковъ въ невольники, и при примиреніяхъ съ другими поколѣніями *аминатятся*; Кускоквимцамъ чужды сіи обряды.

Къ совѣщаніямъ не допускаются женщины въ кожимъ, да и въ празднествахъ народныхъ тѣ только женщины могутъ присутствовать, которыя были когда либо всенародно введены въ него. Этотъ обрядъ введенія женщины въ кожимъ исполняется послѣ потери ея дѣвственности, хотя бы она и не была еще замужемъ. Ближній родственникъ съзываетъ народъ, даритъ присутствующихъ, угощаетъ ихъ, и потомъ представляетъ родственницу свою. При семъ случаѣ подносятъ жертву шаману, состоящую изъ бисера, табаку и лучшаго платья, что все передается имъ духамъ, волю коихъ приписывается рожденіе удалыхъ бойцовъ въ народѣ. Шаманъ объявляетъ, что по обязанности своей, или по особенной благосклонности къ родителямъ дѣвушки, лишилъ ея дѣвственности, и она была бы недостойна предстать предъ собраніемъ, если бы отдала свою первую любовь не шаману. Пляски и пѣсни, относящіяся къ предмету праздника, кончаютъ обрядъ. Разумѣется, бѣдныя дѣвки навсегда бываютъ исключены изъ кожимныхъ собраній, потому, что не были введены въ сіе святилище.

Каждый Кускоквимецъ, добывъ животное, остав-

ляеть у себя какой либо знакъ въ память: или нарисуетъ это животное на лукъ своемъ, или (обыкновеннѣе) выбивъ у него одинъ зубъ, составляетъ наконецъ изъ большаго числа зубовъ убитыхъ оленей поясъ, который надѣваетъ въ собраніяхъ, не мало гордясь такимъ знакомъ отличія.

Кускоквимцы страстные охотники до бань, и зимою парятся ежедневно по 3 и 4 раза — одни въ кожимъ, другіе въ малыхъ баняхъ, особенно пристроенныхъ къ каждой юртѣ, гдѣ нагрѣвается воздухъ раскаленными камнями. Тайны никто не передаетъ своему другу въ другомъ мѣстѣ и иначе, какъ запершись съ нимъ наединѣ въ банѣ, и облившись потомъ отъ жестокаго жара. Если отецъ имѣетъ неудовольствіе на взрослога сына, то онъ, не сказавъ виновному ни слова, приглашаетъ близкаго своего пріятеля къ себѣ въ баню, и тутъ, открывая ему свою скорбь, проситъ сказать сыну, чтобы поправился и что отецъ на него гнѣвается.

Кускоквимцы мѣряютъ разстоянія числомъ ночей, проведенныхъ на переходѣ, или переездѣ его. Они не ошибаются во временахъ года, и всегда вѣрно опредѣляютъ день равноденствія, или солнцестоянія; распознаютъ даже нѣкоторыя созвѣздія и планеты: Большую Медвѣдицу называютъ *Тунтунюкъ* — Олень, Оріона *Миссгюшкитъ* — восходящій, Плеядъ *Кавлагатъ* — лисьи норы, Алдебарана *Азъгукъ*, Венеру *Улохтугалъ* — убійца лисицъ и зайцовъ, Сиріуса *Агъахлякъ* — изобиліе звѣрей. Годъ составляютъ изъ 12 мѣсяцовъ, начиная съ Сентября, подъ слѣдующими названіями:

Сентябрь *Нулигунъ* — самцы скопляютъ матокъ, Октябрь *Кангулиъ* — иней; Ноябрь *Кангуа гугихъ* — шуга; Декабрь и Январь *Игалюльхъ* — время великихъ морозовъ; Февраль *Кыттыхгакъ* — куро-

патки начинают пестрѣть; Мартъ *Тывававакъ* и *Клосвакъ* — предвѣстникъ птицъ; Апрельъ *Якулы, гикъ* — появляются перелетныя птицы; Майъ *Кулльватъ*, *Игальситъ* — олени плодятся; Июньъ *Тагьякватъ* и *Гальватъ* — чавыча появляется; Июльъ *Ныкытъ*, *Шактъ Игальватъ* — красная рыба приходитъ; Августъ *Амагайгуиъ* — олени рога снимаютъ.

Кусковимцы, говоря вообще, средняго роста, стройны, проворны, и часто сильны; тѣло у нихъ, большею частью, смуглое, но много и такихъ, кои близкою тѣла превосходятъ Европейца; волосы черные, у иныхъ русые и даже рыжіе. Мужчины красивѣе женщинъ; они прорѣзываютъ себѣ нижнюю губу, и вставляютъ въ отверстіе корольки, кости, или камешки; носовой хрящъ также бываетъ пронятъ. Обыкновенныя болѣзни ихъ: ломъ въ костяхъ, грудная боль и чирьи. Шаманы и старухи знаютъ много различныхъ средствъ леченія. Между многими лечебными веществами, въ большомъ уваженіи у нихъ то масляное вещество, которое находится у рѣчнаго бобра, въ двухъ меньшихъ пузырькахъ, около задняго прохода; имъ лечатъ ревматизмы, колотья, кровохарканіе, грудную боль; въ послѣднемъ случаѣ жарятъ сіи пузырьки на огнѣ и употребляютъ внутрь, съѣдая по парѣ за каждый пріемъ.

Ограничиваюсь сими замѣчаніями. Преданія, повѣрья и понятія религіозныя обитателей той страны намъ еще столь поверхностно извѣстны, что невозможно сказать чего либо положительнаго о столь важномъ и любопытномъ предметѣ. Описанія одежды, утвари домашней и оружія не включаю, потому, что вещи сіи суть общи всѣмъ дикимъ племенамъ сѣвера и не представляютъ ничего замѣчательнаго.

=

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія Александра Пушкина. Томы I, II и III.
Спб. въ 8, 1838 года.

(Статья К. А. Фарнгагена ф. Элизе).

Немного времени прошло еще съ тѣхъ поръ, какъ ранняя, несчастная смерть Русскаго поэта Александра Пушкина возбудила сожалѣніе, которое чувствовали къ нему, какъ къ человѣку, постигнутому судьбою, даже и тѣ, которые не въ состояніи были оценить его поэтическаго достоинства. При семъ случаѣ убѣдились, что Пушкинъ былъ поэтъ истинный. Конечно, восторженныя похвалы его соотечественниковъ, единогласное признаніе ими таланта его, и глубокое чувство, съ которымъ всѣ званія народа встрѣтили его произведенія, могутъ служить неоспоримымъ тому доказательствомъ. Кто бы долженъ былъ изъ насъ, Нѣмцовъ, (во всякомъ случаѣ надлежитъ намъ прежде всѣхъ упомянуть о себѣ)

рассмотреть явление, прославившее чудомъ въ той области сѣвернаго неба, которая была для нашего взора покрыта непроницаемымъ мракомъ, къ которой даже едва осмѣливались мы обращать свой взоръ? Мы славимся ревностною любовію къ языкамъ всѣхъ народовъ, самымъ древнимъ, непонятнымъ и отдаленнымъ, и даже излишнимъ знаніемъ ихъ; мы не привыкли пренебрегать никакимъ предметомъ, способнымъ быть обнятымъ и обработаннымъ — и до сихъ поръ ничего не сдѣлали въ отношеніи къ живущимъ столь близко, столь соприкосновеннымъ съ нами, и вообще чрезвычайно важнымъ Славянамъ. Усилія Шлецера, пытавшагося указать намъ источники Русской Исторіи, съ давняго времени остаются отрывкомъ. Хотя мы и не переставали снабжать Россію полезнѣйшими, дѣйствующими и образовательными силами, подвизающимися тамъ съ признанною пользою и славою, но у себя мы обращали слишкомъ мало вниманія на *Русскій языкъ* и *Русскую Словесность*, почти вовсе не занимались ими. Это должно тѣмъ болѣе бросаться въ глаза, что именно въ повѣйшее время, окончивъ по-братски борьбу за общее освобожденіе и одержавъ общую побѣду, народы должны были сблизиться, и могущество и вліяніе Россіи получало и для насъ все большее и большее значеніе.

Здѣсь не мѣсто разсматривать причины, почему мы, будучи въ такихъ тѣсныхъ связяхъ по Исторіи и положенію, за всѣмъ тѣмъ почти совершенно отвращались отъ нашихъ восточныхъ соседей, и тотчасъ по заключеніи мира вновь стремились къ Западу, откуда столь долго терзали горе и притѣсненія, и откуда еще каждую минуту можетъ угрожать намъ самый опасный врагъ? Мы ограничиваемся фактомъ, и соглашаемся, что настроенія и направленія народовъ не могли бы являться столь могущественными и все проникающими, если бы не оправдывались ес-

тественнымъ образомъ обстоятельствами времени; однакоже мы не распространяемъ сего до такой степени, чтобы за измѣняющимися обстоятельствами не признавать постоянныхъ условій, и спокойный наблюдатель всегда будетъ сожалѣть, видя пренебреженіе отношеній, на которыя величественно указываетъ природа и Исторія, тѣми самими, которыхъ призваніе и судьба неизбежно должны принимать въ ихъ участіе.

Последнее несомнѣнно касается, по нашему мнѣнію, Нѣмцовъ. Россія безостановочно идетъ къ развитію; уже нынѣ много исполнскаго въ сѣмъ развитіи, но измѣрять его во всемъ объемъ не отважится самый смѣлый предсказатель. Мы убѣждены, что развитіе сіе коснется во многомъ нашей Германской жизни, и условитъ ее, и что оба народа будутъ имѣть много общаго и дѣятельнѣйшее взаимное дѣйствіе. Какое бы ни было то, что мы должны вмѣстѣ создать, пережить и переработать, но во всякомъ случаѣ необходимо ближе познакомиться, понять другъ друга. То, что до сихъ поръ Рускіе сдѣлали въ сѣмъ отношеніи — значительно, полезно, и во всякомъ случаѣ достойно признательности. Мы же съ своей стороны далеко отстали. Мы даже почти весь питаемъ предразсудокъ, что Русскій языкъ грубый и необработанный, и Русская Словесность, едва возникающая, и болѣею частію подражающая иностраннымъ образцамъ, можетъ представить намъ мало достойнаго труда, который для того должно употребить.

Но именно со времени той борьбы, которую мы вмѣстѣ выдержали, и которая возбудила въ Россіи всю народную силу и вызвала ее, сначала для участія въ опасности, а потомъ въ побѣдѣ и славѣ, послѣ столькихъ подвиговъ храбрости, произошло изъ великаго общаго чувства стремленіе къ духовному образованію. Рускіе стали уважать себя, какъ на-

родъ, и вмѣсто того, чтобы скрывать свою народность и отрекаться отъ нея, какъ то было прежде, они смѣло ее выставили, и потому приняли новый полетъ, который превзошелъ все ожиданія, и блистательнымъ образомъ доказалъ, что народъ, такъ же какъ и отдѣльный человекъ, можетъ одностороннюю силу легко обратить и на другіе предметы, и такимъ образомъ достигнуть успѣха. Но мы, или не знали о семъ духовномъ стремленіи, или не вѣрили ему. Нѣкоторые имена достигали до насъ, но мы тѣмъ охотнѣе отказывались отъ ближайшаго съ ними знакомства, чѣмъ болѣе намъ хвастали, что вмѣстѣ съ тѣмъ красовалось въ Русской Литературѣ много нашего; послѣдняго довольно было у насъ самихъ, и потому мы не хотѣли отыскивать его въ чуждомъ языкѣ. Переводы Жуковского изъ Шиллера, Гёте, Уланда, заслужившіе похвалы счастливымъ выраженіемъ, должны мы были предоставить собственному достоинству ихъ, подобно его оригинальнымъ произведеніямъ. Намъ изумило извѣстіе, что Гётева Елена, о которой мы сами долго удерживались говорить, тотчасъ же нашла въ Москвѣ основательнаго Русскаго цѣнителя въ лицѣ Шевырева, и мы должны были въ такомъ достопримѣчательномъ явленіи видеть оказанную намъ честь, и сблизиться съ произведеніями Русскихъ. Хотя и были опыты переводовъ Русскихъ оригинальныхъ сочиненій, — рѣдко лучшихъ и достойнѣйшихъ, — но они не имѣли успѣха, и оставались болѣею частію неизвѣстными.

При такихъ обстоятельствахъ явилась въ прошломъ году (1837-мъ), изданная Гейнрихомъ Кенигомъ (Heinrich König), книга: *Litterarische Bilder aus Russland* (Картины Русской Литературы), и представила глазамъ нашимъ въ первый разъ богатство Русской Словесности. Сія превосходная книга, сообразная времени, почерпнутая изъ многоразличныхъ источни-

ковъ, болѣею же частію изъ достовѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Мельгуновымъ, представила обзоръ дотоле неизвѣстныхъ намъ авторовъ и сочиненій, которыхъ множество и разнообразіе привело въ изумленіе. Книга возбудила общее вниманіе и участіе, но не удовлетворила имъ вполне. Мы нашли въ ней много именъ, живыхъ, свѣжія извѣстія, важныя, многое поясненіе намеки, но знаніе литературныхъ произведеній отъ того не распространилось. Самый языкъ составляетъ уже непроницаемую преграду. Изъ переводовъ, хотя и есть много превосходныхъ, каковы напримѣръ, труды г-жи Павловой, урожденной фонъ Еиницъ, Карла фонъ-деръ Борга, П. фонъ Гетце и Роберта Липперта, — но ихъ недостаточно; въ другихъ случаяхъ та же самая публика, которой посвящены переводы, считаетъ въ средѣ своей большое число знатоковъ подлинниковъ, что для переводовъ образуетъ дополняющее, возвышающее обстоятельство, котораго Русскому языку у насъ еще недостаетъ.

Посему здѣсь является задача изученія Русскаго языка, и хотя трудностей такого предпріятія никакъ не лзя считать маловажными, однакоже едва ли найдется какое либо ученіе благодарнѣе. Присемъ должны мы отказаться отъ многихъ предразсудковъ. Русскій языкъ, безъ сомнѣнія, богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ Славянскихъ, смѣло можетъ состязаться съ образованнѣйшими языками современной Европы. Богатствомъ словъ превосходить онъ Романскіе, богатствомъ формъ Германскіе языки, и въ обоихъ отношеніяхъ способенъ къ развитію, коего границъ еще невозможно опредѣлить. Пыльшій Нѣмецкій языкъ лишень своихъ первобытныхъ сокровищъ, которые существуютъ охладѣло, и которыхъ мы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, не можемъ соединить съ нимъ; новѣйшій же Русскій языкъ, напротивъ того, состоитъ еще въ

леніе кажется намъ весьма ограничивающимъ. Мы встрѣчаемъ у Пушкина подобное тому, что находимъ у Лорда Байрона. Его поэзія кажется часто подражаніемъ, не будучи таковою: она происходитъ изъ собственнаго духа, даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не всегда бываетъ отличительна. Подобно океану, въ который каждая страна катитъ свои воды, запасъ образовъ, накопившійся въ продолженіе вѣковъ, есть общее достояніе, которымъ каждый можетъ пользоваться, изъ котораго можно присвоивать себѣ то, что пригодно, или нравится. Твореніе Шекспира и Гёте, голосъ Байрона, стремленія Виктора Гюго, однимъ словомъ, все богатство литературныхъ созданій перешло уже въ общую поэтическую атмосферу и въ ней разрышилось; мы вдыхаемъ его, какъ свободный элементъ жизни, и, будучи такимъ, оно дѣлается матеріею и составною частію новыхъ твореній, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не лзя называть подражательными, потому, что въ нихъ замѣтенъ тотъ же переходъ. Одинъ духъ рысаетъ въ такихъ случаяхъ, кого должно признать свободнымъ повелителемъ и кого рабскимъ подражателемъ? Вопросъ: «откуда изль это поэтъ?» уже Гёте основательно разобралъ по многимъ поводамъ; мы теперь при случаѣ на него и ссылаемся.

Что Пушкинъ самостоятельный поэтъ, то непосредственно слѣдуетъ изъ производимаго имъ впечатлѣнія. Пусть онъ принимаетъ формы и избираетъ пути, существовавшіе до него, но жизнь, которую онъ создаетъ, совершенно новая. Если онъ намъ часто напоминаетъ собою Байрона, Шиллера, даже Виланда, и ихъ предшественниковъ, Шекспира и Аріоста, то изъ сего болѣе слѣдуетъ, съ кѣмъ мы можемъ его сравнивать, нежели отъ кого должны его производить. Байрону онъ современенъ, даже можно сказать Шиллеру, потому, что вѣщныя обстоятельства жизни въ существѣ своемъ съ тѣхъ поръ не

измѣнились. Самый внутренній міръ, заключающійся въ душѣ Пушкина, возвышается, по большей части, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя мы замѣчаемъ у сихъ поэтовъ: у него видна та же противоположность и борьба Поэзіи съ дѣйствительностію, та же скука и исполненная сомнѣнія досада, та же тоска объ утраченномъ, или недостижимомъ счастьи, та же разорванность и величественная преданность, которыя преимущественно являются у Байрона. Но отъ него отличается Пушкинъ существенно уже тѣмъ, что онъ тотчасъ же противопоставляетъ упомянутымъ качествамъ, совершенно противную онимъ, свѣжую веселость, которая освѣщаетъ его Поэзію, подобно яркому солнечному лучу, и при неприятныхъ происшествіяхъ и отчаяніи чувствъ, сохраняетъ утѣшеніе и надежду. Въ семъ направленіи къ веселости, добру и силѣ, которое укрѣпляетъ сердце и возбуждаетъ духъ, можно его сравнить съ Гёте. Истинное поэтическое призваніе основано собственно на томъ, что Поэзія есть радость и утѣшеніе, и только для того снисходитъ ко всемъ скорбямъ и страданіямъ. Воодушевляющую, живительную силу Пушкина можетъ испытать всякій, кто имъ занимается. Онъ столько же приверженъ къ комическому и шуткѣ, какъ и къ трагическому и страстному, но преобладаетъ у него прони, и до такой степени, что онъ часто достигаетъ въ высочайшемъ смыслѣ гумора. Его веселость всегда составляетъ основное настроеніе, которому прочія настроенія служатъ тѣнями. Выраженіе его также выказываетъ такой характеръ: вездѣ быстра краткость, свѣжія, сжатая картины, яркія блестящія ума, рѣзкіе обороты. У рѣдкаго поэта встрѣчается меньше слѣдовъ изысканности, отступленій къ любви, бесполезныхъ распространеній; его естественность довольствуется самымъ простымъ словомъ, быстро схватываетъ и оставляетъ каждый предметъ; его пылкое воображеніе, исполненное искренности и ве-

личія, его, то нѣжная, то ѣдкая острота, все соединяется къ тому, чтобы произвести пріятное, благотворное впечатлѣніе на читателя, всегда заинтересованнаго и всегда свободнаго, никогда не терзаемаго.

На Русскаго все дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что охватываетъ въ то же время его національное существо, и возбуждаетъ въ немъ всю жизнь отечества и народности. Творенія Пушкина исполнены Россіи во всехъ отношеніяхъ и видахъ, и мы должны ближе рассмотреть, что означаетъ и какая выгода происходитъ отъ того для Русскаго поэта? Каждый поэтъ, не теряющійся въ идеальныхъ общностяхъ, болѣе или менѣе высказываетъ свою родину и народъ, и потому свойства сихъ послѣднихъ всегда очень важны. Но опредѣленный такимъ образомъ кругъ почти всегда довольно стѣсняется, и представляетъ, болѣею частію, только что нибудь односторонно равное, Сѣверное, Южное, образованное, даже принятое и условленное.

Если Байронъ могъ избѣгнуть сего стѣсненія, присоединя къ Англійскому Испанское, Германское, Итальянское и Греческое, то онъ богатѣйшую поэзію свою долженъ былъ почерпнуть въ путешествіяхъ, и если Гёте, кромѣ Германскаго, умѣлъ достигнуть еще Богемскаго, а въ позднѣйшее время даже и Восточнаго, то сіе удалось ему только при посредствѣ условій жизни и силы духа. Но Пушкину разнообразіе отдаленнаго по пространству и различнаго по духу, естественно представляется въ его національномъ кругѣ. Ему все одинаково извѣстно, Югъ и Сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древность и современность; изображая разнороднѣйшее, изображаетъ онъ тѣмъ отечественное. Такимъ образомъ величіе и могущество, объемъ и содержаніе государства дѣйствуютъ на него благотвѣтельно, и мы видимъ, въ сколь тѣсномъ отношеніи находится его поэзія съ государствомъ: тѣ же самыя, внутреннія,

основныя причины, которыя придаютъ могущество, государству придаютъ и его поэзіи. Пушкинъ по мѣрѣ силъ своихъ выставилъ сію выгоду, и далъ ей цѣну. Но его изображенію противоположнѣйшихъ положеній чувствительно, что они принадлежать ему въ равной степени, что онъ на всѣ ихъ имѣетъ равное право; они его собственныя, Русскія. Мы можемъ примѣнить его слова и сказать, что

Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая...

въ мѣрѣ древняго сельскаго обычая и въ ежедневной модной жизни, въ чертогахъ и подъ налаткою Цыганъ, вездѣ онъ на свсей почвѣ, вездѣ принимается его поэзія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ доводитъ богатый мѣръ сей во всемъ его объемѣ до поэтическаго воззрѣнія.

Обстоятельства жизни поэта и его ранняя смерть достаточно извѣстны по вѣншимъ очеркамъ, изъ которыхъ главнѣйшихъ касается и сочиненіе Кенига. Нельзя не узнать по его наружности, равно какъ по жару крови его, происхожденія отъ дочери Негра Ганнибала, который при Петрѣ Великомъ достигъ генеральскаго чина, и онъ самъ то признавалъ. Странничество, которому подвергала его неоднократно судьба, было конечно полезно для его поэзіи; онъ такимъ образомъ узналъ народы и страны отечества, которыхъ иначе, вѣроятно, не увидалъ бы, и которыхъ все обиліе онъ успѣшно облекъ въ поэтическія формы. Блестательный оборотъ получила его жизнь, когда Императоръ Николай внезапно поревѣлъ вызвать его изъ отдаленной деревни въ Москву, поощрялъ къ новымъ произведеніямъ, и общалъ впередъ быть единственнѣйшимъ его цензоромъ. Съ равнымъ великодушіемъ принялъ Императоръ и послѣ несчастной смерти Пушкина на Себя издержки по изданію его сочиненій, за которыя богатый сборъ

предоставленъ щедрою попечительною въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ поэта.

Три полновѣсные (ansehnliche) тома этого новаго изданія, предпринятаго друзьями поэта, и именно Жуковскимъ, лежатъ теперь передъ нами. Расположеніе представляло нѣкоторыя затрудненія, потому, что нельзя было слѣдовать хронологическому порядку, а по родамъ было невозможно опредѣлительно разобрать сочиненій. Нашли удобное средство: два важнѣйшія произведенія, Евгенія Овьгина и Бориса Годунова, помѣстили въ самомъ началѣ, и за ними расположили прочія стихотворенія, соблюдая по возможности однородность. Жаль однакоже, что не означено время сочиненія каждой отдѣльной пьесы, потому, что важно уметь различить предшествовавшее отъ послѣдовавшаго. Такимъ же точно образомъ недостаетъ для насъ, а безъ сомнѣнія и для многихъ Русскихъ, тамъ и сямъ замѣчаній, которыя иногда однимъ словомъ сообщаютъ необходимую ясность. Самъ Пушкинъ присовокупилъ ко многимъ своимъ поэмамъ такія объясненія, которыя и при семъ изданіи припечатаны, но не прибавлено новыхъ замѣчаній издателей, не смотря на часто встрѣчающійся къ тому поводъ. Впрочемъ, все можетъ быть еще пополнено въ послѣднемъ томѣ, къ которому, можетъ быть, приобщатся и нѣкоторыя поясненія обо всемъ изданіи. Такого поясненія мы, по справедливости, ожидали уже въ предисловіи.

Затѣмъ обращаемся мы къ ближайшему разсмотрѣнію содержанія. Въ первомъ томѣ заключаются, какъ мы уже замѣтили, два величайшія и знаменитѣйшія произведенія Пушкина, за которыми слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ драматическихъ сценъ. Мы постараемся опредѣлить важнѣйшія творенія достойными очерками.

Евгеній Овьгинъ, романъ въ стихахъ. Сія поэма, которой содержаніе заимствовано изъ современной дѣйстви-

тельности, а форма изъ взгляда на романтическіе образцы, и которой высокій поэтической духъ придалъ содержаніе и украшеніе, удостоилась живѣйшаго приѣма, всеобщаго распространенія, какъ зеркало Русской жизни, и едва ли найдется какой либо уголокъ обширной имперіи, куда не проникъ бы Овьгинъ, гдѣ не представлялся бы онъ ежедневной жизни, какъ книга изреченій и намековъ. Такой успѣхъ въ народѣ, не купленный униженіемъ, но скорѣе достигнутый возвышенностью, уже доказываетъ поэта, силу, которая является критическому взгляду въ высочайшей самостоятельности. Мы, по истинѣ, не умѣемъ привести сравненія другой поэмы изъ извѣстнаго уже литературнаго круга. Тотъ, кто упомянулъ бы о Байроновомъ Чайльдъ Гарольдѣ, обнаружилъ бы такую же поверхность, какъ тотъ, кто по поводу Германа и Доротея Гете, упомянулъ бы о Фоссовой Луизѣ. При изображеніи сего обыкновеннаго происшествія раздѣлились значеніе и направленіе, и поэтъ паритъ высоко надъ своимъ предметомъ, который онъ, то почти выпускаетъ, какъ праздную игру, то, какъ высокую важность, болѣзненно прижимаетъ къ своему сердцу. Мы признаемся даже, что при желаніи сопутствовать въ отдѣльныя настроенія, которыя здѣсь преобладаютъ, и при великой удовлетворительности доставленной намъ цѣлымъ, не можемъ однакоже проникнуть до истиннаго основнаго настроенія, которымъ поэтъ былъ доведенъ до своего предмета. Въ немъ есть для насъ, извнѣ приступающихъ, что-то неполно и растворяющееся, но что можетъ быть менѣе поражаетъ соотечественниковъ поэта, по причинѣ пребыванія въ мірѣ его. Пеструю смѣсь веселости и грусти, ироніи и растроганности, народности и идеальнаго въ картинѣ, нельзя объяснить себѣ иначе, какъ только тѣмъ, что предъ нами Русское произведеніе, и именно, произведеніе Пушкина.

Содержаніе вкратцѣ слѣдующее: Евгенийъ Онегинъ, въ которомъ представляются обыкновенное назначеніе жизни, способности, мысли и приключенія молодяго, богатаго, Русскаго дворянина, котораго мы видимъ въ Петербургѣ, ведущимъ роскошную и пустую, свѣтскую жизнь, долженъ, по случаю смерти своего дяди, пробыть нѣкоторое время въ деревнѣ. Будучи довольно умнымъ и благомыслящимъ, но совершенно прозаическимъ человекомъ, живымъ выраженіемъ того, что представляетъ именно современность, сдружается онъ однакоже охотно съ молодымъ сосѣдомъ, Владиміромъ Ленскимъ, который только что возвратился изъ Германіи, мечтателемъ, поэтомъ. При помощи его знакомится онъ съ семействомъ Ларинныхъ, изображеніе котораго вводитъ насъ во внутренность Русскаго образа жизни, и во всѣхъ отношеніяхъ пріятно набрасываетъ отличительныя черты. Двѣ прекрасныя и милыя сестры, Ольга и Татьяна, представляются въ ихъ умственномъ и душевномъ различіи. Первая уже невѣста Ленскаго, вторая влюбляется въ Онегина. Въ невинности и силѣ своего чувства, пишетъ она ему объясненіе въ любви, исполненное нѣжной прелести и юношесвенной теплоты, письмо, которое, какъ намъ сказывали, всюду напечатлѣлось въ памяти молодыхъ людей—и не удивительно. Но Онегинъ столь холоденъ и честенъ, что отвѣчаетъ на него разумными наставленіями. Къ несчастію, своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ возбуждаетъ онъ ревность Ленскаго; пламя усиливается; происходитъ дуэль и Ленскій застрѣленъ. Бѣдствіе сіе причинило большое горе, но склонность Татьяны отъ того не ослабла. Онегинъ бѣжитъ родины и отправляется путешествовать. Путешествія его должныствовали быть подробно разсказаны и включены въ поэму, но Пушкинъ отказался потомъ отъ сего намѣренія, и только нѣкоторые отрывки присоединены теперь въ видѣ при-

бавленія. Потомъ провожаемъ мы фамилію Ларинныхъ, у которыхъ на домашнихъ праздникахъ видѣли все сосѣдство въ полномъ блескѣ ихъ провинціального образованія, въ высшія общества Москвы, которыя характеристически изображены по свойству своему. Татьяна, замужество которой было цѣлью сей повѣдки, возбуждаетъ къ себѣ склонность какого-то генерала, и дѣлается его супругою. Когда, послѣ долгаго времени, Онегинъ снова является въ Петербургъ, то блистательная, прекрасная дама возбуждаетъ его вниманіе, и вскорѣ онъ узнаетъ въ знатной княгинѣ, отличающейся высокимъ и свободнымъ свѣтскимъ образованіемъ, простую, мечтательную, деревенскую дѣвушку Татьяну. Равнодушный дотошъ, онъ воспламеняется сильнѣйшею страстью, домогается благосклонности, которою некогда презрѣлъ, пишетъ къ ней самъ пламенно. Но долго и тщетно ждалъ онъ отвѣта, и наконецъ полученный имъ разрушаетъ навсегда его надежды. Татьяна признается со всею откровенностію прежнихъ лѣтъ, что склонность ея не измѣнилась, но въ то же время объявляетъ она твердое намѣреніе непоколебимо соблюдать съ добродѣтельною вѣрностію принятія ею на себя обязанности.

Исторія проста и связь не слишкомъ строга. Но какое богатство фантазій и гумора придалъ поэтъ отдельнымъ изображеніямъ, не можемъ мы представить взору читателя, не растерявшись сами въ отдѣльностяхъ и не отваживаясь просто на переводы. Быстрота, сжатость его изображеній, иронія и эпиграмма, къ которымъ они всегда клонятся, отменно приличествуютъ такого рода предметамъ, которые уже сами по себѣ ведутъ къ отступленіямъ. Изображеніе природы, въ особенности, отличаются простотою и ясностію; весенній вѣтерокъ, зимняя ночь; сельская тишина представляются намъ непосредственно немногими краткими чертами; поэтъ называетъ только предметы, и представляетъ такимъ обра-

зомъ прелестнѣйшую картину. Обрисовка лицъ, ихъ внѣшняго явленія и внутренняго существа, также рѣзка и сильна; всѣ образы въ высочайшей степени наглядны, но въ особенности характеръ Татьяны, собственное изобрѣтеніе поэта, отъменно мило, и выдержанъ самымъ счастливымъ образомъ. Другей, Онегина и Ленскаго, можно бы, подобно братьямъ Фульть и Вальтъ у Жанъ Поля Рихтера, принять за разложеніе самого поэта, который изобразилъ двойственность своего внутренняго міра, двойнымъ, живымъ образомъ. Разказа о поединкѣ, котораго обстоятельство почти буквально сбылись надъ самимъ Пушкинымъ, нельзя въ семъ отношеніи читать безъ ужаса. Предчувствіе, трогательность, внушаемая поэту взоромъ на его собственную жизнь и судьбу, является также во многихъ другихъ мѣстахъ. Кроме того, никакой читатель сей удивительной поэмы не можетъ не признать въ творцѣ ея благороднаго и честнаго человека, хотя и обуреваемого пылкими страстями, и часто заблуждающагося, но чувствительнаго и стремящагося ко всему доброму.

Мы должны еще замѣтить, что цѣлое, раздѣленное на восемь книгъ, содержитъ въ себѣ почти четыреста стиховъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ четырнадцати ямбическихъ, восьми и девяти — сложныхъ рифмованныхъ стиховъ. Кажется, что Пушкинъ особенно любилъ четырехъ-стопный ямб; онъ владелъ имъ съ пріятною легкостью. Большая часть слѣдующихъ за тѣмъ обширнѣйшихъ поэмъ писаны также симъ развѣромъ, который особенно свойственъ быстрому, и въ то же время чувствительному разказу, и не далеко отъ драматическаго стиха.

Борисъ Годуновъ. Пушкинъ не придавъ сей драматической поэмѣ нарицательнаго имени, не раздѣляя ея на дѣйствія, и собравъ сцены безъ прерыванія; мѣсто дѣйствія безпрестанно измѣняется, а время его обнимаетъ нѣсколько лѣтъ. Хотя всѣ сцѣ

внѣшности, изъ которыхъ только первую можно почесть необыкновенною, и оставили самого поэта въ сомнѣніи, можетъ ли его произведеніе почесться трагедіею, однакоже онъ не могутъ удержать насъ отъ названія его симъ именемъ. Единство дѣйствія оказывается вездѣ, и соединяетъ всѣ части въ одно цѣлое; расположеніе, ходъ и развитіе чисто драматическіе, и самое дѣйствіе имѣетъ тотъ же характеръ. Даже внѣшній объемъ приближается къ обыкновеннымъ пяти актамъ, и въ случаѣ нужды, не трудно бы раздѣлить ихъ для сцены. Произведеніе Русскаго поэта имѣетъ право на тѣ же, самыя свободныя формы, которыя присвоены историческимъ драмамъ Шекспира, Гетцу фонъ Берлингену и Эгмонту Гёте, къ которымъ оно и безъ того столь близко по духу и содержанію. Мы выразительно упоминаемъ о семъ драматическомъ свойствѣ потому, что приговоръ, произносимый не прямо, отъ того обыкновенно почитается почти неосновательнымъ; не признавать поэмы Пушкина драмою потому, что самъ онъ не называлъ ее такъ, было бы тоже, что отрицать превосходство Гёте во владѣніи Нѣмецкимъ языкомъ, потому, что онъ думалъ, будто не достигъ его. Такого рода скромность всегда опасна; люди слишкомъ охотно вѣрятъ болѣе словамъ, нежели дѣлу.

Предметъ драмы заимствованъ изъ Русской Исторіи. — Это одинъ изъ самыхъ смутныхъ, самыхъ несчастныхъ періодовъ — появленіе Лжедмитрія. Впрочемъ, не онъ герой трагедіи, какъ въ твореніи Шиллера: самое заглавіе уже называетъ Бориса Годунова, который воссѣдалъ въ то время на Русскомъ престолѣ. По смерти Царя Іоанна Грознаго, старшій сынъ его, Феодоръ, наследовалъ власть, которая пала совершенно въ руки его министра, Бориса Годунова, женившаго Царя на сестрѣ своей. Димитрій, младшій сынъ Іоанна Грознаго, былъ отправленъ для

воспитанія въ монастырь, находившійся въ небольшомъ городѣ Угличѣ, и будучи восьми лѣтъ отъ роду, лишень тамъ жизни убійцами, которые, какъ разнеслась сначала въ тайнѣ молва, и какъ потомъ утверждали единогласно, дѣйствовали по повелѣнію Бориса. По четырнадцати-лѣтнемъ царствованіи умеръ Феодоръ; единственная его дочь предшествовала ему, и на упразднившійся престолъ вступилъ Борисъ Годуновъ, сначала хотя и отказывавшійся, но единственно для того, чтобы бояре и народъ тѣмъ настоятельнѣе его упрашивали.

Первая сцена, между Князьями Шуйскимъ и Воротыньскимъ, показываетъ намъ еще сомнительное положеніе дѣлъ, разстроенность государства, желаніе народа, отказъ Годунова, который, по словамъ Шуйскаго, не искренный; иначе ему не для чего было умерщвлять Дмитрія. Самъ Шуйскій по смерти Царевича былъ посланъ отъ двора въ Угличъ, и узналъ тамъ такія обстоятельства, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія о родѣ смерти и виновникѣ ея, но истинны не возможно было открыть, ни тогда, ни нынѣ. Князья не утаиваютъ ненависти своей къ Борису, и собственныхъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Между тѣмъ народъ буйно требуетъ рѣшенія, и Борисъ наконецъ принимаетъ вѣнецъ; Патріархъ и Бояре присягаютъ ему; между прочими находятся Воротыньскій и Шуйскій; послѣдній уже отрицаетъ то, что незадолго говорилъ. Это введеніе, немногими, сильными чертами, ставитъ насъ въ среду событій, обрисовываетъ характеры лицъ и подаетъ надежду на богатое развитіе. Драматическое изложеніе превосходно, и по справедливости можетъ стать на ряду съ превосходнымъ изложеніемъ Лессинговой Минны фонъ Барнгельмъ; оно сжато и ясно, богато и сильно.

Слуста пять лѣтъ, открывается другое зрѣлище, въ Чудовъ Монастырь, въ Москвѣ. Старый монахъ

Пимень пишетъ при ночной лампадѣ, въ келліи, лѣтопись своего времени; возль него спитъ молодой послушникъ Григорій Отрепьевъ, и видитъ чудный сонъ о величїи и униженїи, который, пробудившись, рассказываетъ. Пимень успокоиваетъ его, превозноситъ тишину монастыря, и груститъ о томъ, что на престолѣ сидитъ убійца. Юный Григорій съ жадностію слушаетъ разсказъ о всѣхъ обстоятельствахъ смерти Дмитрія въ Угличѣ, гдѣ Пимень въ то время жилъ. Кажется несомнѣнно, что Борисъ Годуновъ приказалъ умертвить Царевича; несчастному было бы теперь девятнадцать лѣтъ, именно столько же, какъ Григорію, въ умѣ котораго уже родилась мысль, развиваемая въ послѣдующемъ. Сія сцена также ведена мастерски, съ характеристическою истиною, съ удивительною силою.

Григорій бѣжитъ изъ монастыря, и оставляетъ бумагу, на которой онъ написалъ, что будетъ Царемъ на Москвѣ; за бѣглецомъ послана погоня. Но его спасаетъ, въ ту самую минуту, когда уже онъ казался погибшимъ, присутствіе духа и неустрашимость, которыя онъ счастливо оказываетъ въ самомъ началѣ своего дерзкаго предпрїятія. Онъ достигаетъ Польши; прїобрѣтаетъ тамъ приверженцовъ, и готовится вторгнуться въ Россію. При дворѣ Царя, Шуйскій получаетъ сію вѣсть отъ Аонасія Пушкина, которому сообщилъ ее племянникъ его, Гаврило Пушкинъ, изъ Кракова. Сїи предки поэта непрозавольно сіюда введены: они историческія лица, являющіяся въ своемъ истинномъ образѣ. О сей важной новости совѣщаются, и мнѣніе Бояръ оказывается непрїязненнымъ Царю. Сей послѣдній — грозный и жестокой, когда трепещетъ за вѣнецъ — впрочемъ умный и способный монархъ, съ успѣхомъ печется о государствѣ, и желаетъ также изъ своего сына, Феодора, образоватъ достойнаго наследника. Въ то время, когда Феодоръ объясняетъ ему карту Русскаго

царства, получает онъ отъ Шуйскаго извѣстiе о появленiи мнимаго Димитрія и вооруженiи его въ Польшу. Его душа въ смятенiи; онъ повелѣваетъ бдительно охранять Польскую границу, и жалуется на свою преступную совѣсть и тягостную участь властителей.

Лжедимитрій собираетъ уже около себя нѣсколько Рускихъ: Гаврило Пушкинъ и юный Князь Курбскiй перешли къ нему, но главная его подпора — Поляки, которымъ онъ обѣщаетъ ввести въ Россiю Католическую вѣру. Прекрасная Марина, дочь воеводы Мнишка, должна раздѣлить съ нимъ престолъ. Сцена тайнаго свиданiя, на которое она соглашается, ведена превосходно. Въ сей сценѣ Пушкинъ сравнялся съ величайшими поэтами. Она почерпнута изъ чистѣйшаго и глубочайшаго источника: отважный искатель приключенiй, которому въ присутствiи вельможъ и народа удается разыгрываемая имъ роль, свыше ожиданiй добровольно признается любовницею въ обманъ, и хочетъ, чтобы она въ немъ любила того, кто онъ действительно есть. Но истинная его любовь не находитъ отвѣта. Марина соглашается на обманъ и цѣною полагаетъ престолъ. Новое побужденiе достигнуть его! Вся сцена исполнена сильной страсти, истиннаго самоотверженiя и гордаго честолюбiя.

За симъ происшествiя быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Лжедимитрій вступаетъ въ Россiю, предводительствуя войскомъ. Борисъ Годуновъ держитъ совѣтъ. Патрiархъ въ сильной рѣчи предлагаетъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву чудотворныя мощи Димитрія, и тѣмъ убѣдить народъ, что онъ не можетъ быть живъ. На сiе возражаетъ Шуйскiй, что народнаго волненiя не должно увеличивать такою торжественностью, и хочетъ съ своей стороны клятвенно подтвердить, что онъ, будучи самъ въ Угличѣ, видѣлъ тамъ трупъ Царевича. Все увели-

чиваетъ только безпокойство Царя, который однакоже не забываетъ необходимыхъ военныхъ распоряженiй.

Дѣйствительно, полководцы Годунова разбиваютъ войска Лжедимитрія, не смотря на личную его храбрость, но побѣда въ полѣ уже ничего не значитъ; народъ измѣняетъ, города отворяютъ ворота, войска переходятъ къ новому государю.

Мучимый угрызениями совѣсти и сраженный вѣшными обстоятельствомъ, Царь заболѣлъ, и предчувствуя свою кончину, пожелалъ говорить наединѣ съ сыномъ. Онъ не скрываетъ отъ него, что достигъ вѣнца преступленiемъ; увѣряетъ, что передаетъ сыну только престолъ, а не грѣхъ; что наследникъ его вступаетъ на царство по праву, и долженъ защищать его противъ Самозванца. Нѣжнѣйшая отеческая забота и мудрая политика слышатся въ прощанiи, въ которомъ Годуновъ отрекается отъ вѣнца. Юный Феодоръ провозглашается Царемъ; бояре присягаютъ ему и Борисъ умираетъ.

Побѣда Самозванца рѣшается переходомъ воеводы Басманова, предводительствующаго войсками Феодора, и соблазненнаго Гавриломъ Пушкинымъ, которые привѣтствiемъ своимъ къ гражданамъ Москвы на народиой площади склоняютъ и народъ провозгласить Димитрія Царемъ. Дѣти Годунова — юный, сверженный Царь Феодоръ и сестра его, Ксенiя, показываются у рѣшетки темницы; народъ не удерживается отъ нѣкотораго состраданiя, которое не избавляетъ ихъ однакоже отъ смерти. Четыре боярина входятъ въ темницу; слышенъ крикъ; потомъ выходитъ бояринъ Масальскiй, объявляетъ, что плѣнники отравили себя ядомъ, и вызываетъ народъ поддержать задранный крикъ Царю Димитрiю Иоанновичу — народъ безмолвствуетъ.

Такъ оканчивается драма величественнымъ впечатлѣнiемъ, которое соединяетъ въ себя значенiе про-

исшествия и даетъ предчувствовать кару за новое преступленіе. Поэтъ раскрылъ предъ нашими глазами великую судьбу. Борисъ, способный и достойный царствовать, достигаетъ злодѣйствомъ престола, отъ котораго безсильное право должно было отказаться. Тщетно надѣется онъ обратить свои заслуги въ право, и оставить любимому сыну благопріобрѣтеннымъ наслѣдствомъ то, что похитилъ злодѣйски; изъ самаго преступленія развивается месть, и его свергаетъ не право, но новый обманъ, который онъ ясно понимаетъ; ложнаго вида законности достаточно для того, чтобы разрушить власть похитителя. Въ Исторіи встрѣчаются также примѣры преступленій, иначе наказываемыхъ, или наши глаза не въ состояніи слѣдовать за путями ея возмездія, часто слишкомъ продолжительнаго, но когда намъ представляется подобный случай, то стоитъ только схватить въ немъ трагическое. Катастрофа Бориса Годунова, которую поэтъ съ полнымъ правомъ продолжаетъ еще послѣ смерти его, до гибели дѣтей, сплетается сама собою съ судьбою Акедимирія. Но изъ сихъ, столь тѣсно связанныхъ, трагическихъ матерій, первая, безъ сомнѣнія, беретъ перевѣсъ, какъ опредѣленною, такъ и богатствомъ, и выборъ Пушкина свидѣтельствуетъ о глубокомъ и счастливымъ чувствѣ, которое кромѣ того еще столь сильно и богато, что могло и второе лицо надѣлать достоинствомъ и прелестью.

Расположеніе предмета по сценамъ и разговоръ должно по справедливости назвать мастерскими. Поэтъ вѣрно держался Исторіи, что ему однакоже не препятствовало не выпускать изъ вида своей драматической задачи. Произведеніе его имѣетъ большіе Историческіе пропуски, но Драматическихъ не имѣетъ; все слѣдуетъ въ строгомъ порядкѣ; противоположности, происходящія изъ самаго предмета, безъ всякой искусственности, представляютъ выгоднѣйшее

разнообразіе, а участіе и напряженіе сопровождаютъ одно и то же дѣйствіе до конца. Обрисовка характеровъ вѣрна и разнообразна; съ первымъ появленіемъ, съ первыми словами лицъ черты ихъ прочно установлены; властитель, бояре, духовенство, народъ, всѣ являются въ своемъ истинномъ различіи; поэтъ точно такъ же твердо понимаетъ многообразный народъ, какъ Царя и Патриарха, Католическаго монаха, какъ Греческаго, честолюбивую Польшку, какъ кроткую царскую дочь; какъ геройскій духъ и государственная мудрость, такъ и пламенная любовь и святая красота высказываютъ у него свое существо. Такая многосторонность, находящая свойственное каждому отдѣльному образу, есть истинный признакъ драматическаго поэта, что равнымъ образомъ доказываютъ и не многія мѣлкія средства, помощію которыхъ онъ достигаетъ своихъ цѣлей. Въ этомъ Пушкинъ не подражаемъ. Все у него сжато и остро, сильно и быстро; нѣтъ ничего излишняго или растянутаго; никогда не передается онъ заманчивымъ отступленіямъ, которыя столь часто вкрадываются въ драматическія поэмы, и въ которыхъ думаютъ оправдаться, называя ихъ лирическими. Десяти и одиннадцати-сложный ямбическій стихъ, управляемый съ большою твердостью, не прерывается лирическими строфами; только тамъ и сямъ, гдѣ говорить народъ, употребилъ поэтъ простую прозу.

Для Русскихъ трагедія Пушкина имѣетъ особенное достоинство: она въ высочайшемъ смыслѣ національна. Хотя въ ней встрѣчаются въ истинномъ своемъ видѣ и другіе народы, по мѣрѣ ихъ отношеній, въ особенности упоминается вездѣ съ честью о Нѣмцахъ, но дѣло Россіи обращаетъ безусловно къ себѣ все участіе, и самый иностранецъ чувствуетъ сердце Рускаго въ каждой сценѣ, въ каждой строкѣ. Удивительно, и жаль, что при столь счастливымъ соединеніи превосходныхъ дарованій, Пушкинъ оста-

вилъ только одну сію драму, а не написалъ цѣлаго ряда ихъ, потому, что истинный драматическій талантъ по природѣ своей плодотворитъ, и обыкновенно производитъ много и легко. Если бы онъ долѣе прожилъ, то, можетъ быть, написалъ бы болѣе въ семь родъ. Впрочемъ, и условія извѣстныхъ отношеній времени и образованія могли быть причиною, что поэтъ, избѣгая излишняго ограниченія, охотнѣе перемилъ свою драматическую силу въ свободнѣйшіе роды Поэзіи.

Драматическія сцены. Сцена изъ Фауста доказываетъ, что Пушкинъ питалъ и сей великій предметъ въ своей поэтической душѣ, а по представленному отрывку можемъ мы заключить, что онъ могъ бы продолжать работу не безуспѣшно. *Пиръ во время чумы* есть чудесное произведеніе, подражаніе Англійскому поэту Вильсону; достоинство его состоитъ въ легкости и чистотѣ выраженія. Двѣ сцены, *Моцартъ и Сальери*, касаются извѣстнаго преданія о заказѣ Реквіема и мнимомъ отравленіи Моцарта, приписываемомъ зависти Сальери. Драматизировка свѣжа, жива и коротка. *Скупой рыцарь*, три сцены изъ Англійской драмы Ченстона, которую Пушкинъ намѣревался вполне перевести на Русскій языкъ.

Второй томъ содержитъ повѣствовательныя поэмы, весьма различнаго значенія и характера. То волшебство составляетъ основу, то преданіе и Исторія, то свойственное повѣсти происшествіе, созданное изъ воззрѣній и впечатлѣній, которыя поэтъ собралъ въ странствованіяхъ своихъ по Европѣ и Азіи, гдѣ онъ проникалъ до Турецкихъ владѣній. Мы представляемъ о нихъ произведеніяхъ подробнѣйшій отчетъ.

Русланъ и Людмила, богатѣйшая сказка, въ шести пѣсняхъ, и первая большая поэма, надъ которою Пушкинъ испыталъ свои силы. Кенигъ говоритъ, что произведеніе это создано въ духѣ Аріоста,

и въ слѣдствіе занятій поэта Итальянскимъ языкомъ, хотя совершенно народно, и въ духѣ времени богатырей; но мы, хотя и не можемъ собственно отвергать того, однакожь желали бы знать, до какой степени мнѣніе, будто сія поэма есть плодъ занятій Итальянскимъ языкомъ, основано на опредѣленныхъ историческихъ извѣстіяхъ? И если оно было основано только изъ сравнительнаго обзора, то мы не приняли бы его въ соображеніе, но обратили бы, напротивъ, большее вниманіе на присовокупленное замѣчаніе, что поэтъ избралъ для сказки почвою область Русскаго преданія и Русской старины. Кроме того, поэма въ высочайшей степени отличается прелестью разсказа и возрастающею занимательностію; свѣжесть и краткость выраженія здѣсь весьма у мѣста. Въ томъ Пушкинъ никогда себя не измѣняетъ: можно даже сказать, что его преднамѣренныя замедленія спѣшать, а обходы быстро ведутъ къ цѣли. Не смотря на то однакоже, сказкѣ недостаетъ высшаго содержанія; она ограничивается однимъ фантастическимъ, и при всемъ достоинствѣ, которое имѣетъ въ семь отношеніи, должны мы сознаться, что поэтъ является въ ней не въ полной своей силѣ.

Кавказскій Пльщикъ. Поэтъ переноситъ насъ къ одному изъ непокоренныхъ народовъ Кавказа. Черкесы праздно сидятъ при лунномъ свѣтѣ передъ своими саклями, и разговариваютъ о прежнихъ битвахъ, о своихъ коняхъ и оружій, о пабѣгахъ и любовныхъ приключеніяхъ. Является Черкесъ, влача на арканѣ лѣвнаго Русскаго. Утомленный, падаетъ сей послѣдній замертво посреди двоякой толпы. Очнувшись послѣ долгаго времени, видитъ онъ себя въ цѣвяхъ, окруженнаго высокими скалами. Съ горестію вспоминаетъ онъ о томъ мѣрѣ, который оставилъ, въ которомъ нашель только обманъ; онъ хотѣлъ избавиться отъ него, и увидѣлъ себя дѣйствительно об-

ременнымъ оковами. Въ тишинѣ ночной, въ то время, когда онъ пасетъ стада, посящаетъ его втайнѣ Черкешенка и утѣшаетъ его; мужчины также оказываютъ благородному юношѣ некоторое участіе. Описывается жизнь Черкесовъ, ихъ воинственная отвага, ихъ дикіе нравы и кровавыя игры. Черкешенка признается Рускому въ любви, умоляетъ его позабыть о родинѣ, промѣнять родину на ея сердце. Но онъ не можетъ отвѣчать на любовь; въ его груди, гдѣ другой образъ живетъ еще въ воспоминаніи, нѣтъ любовнаго пламени: въ ней могла пылать только высочайшая и чистѣйшая любовь. Въ печали и томленіи проходить горестныя дни и ночи; бранный стукъ и пѣніе дѣвъ возбуждаютъ пылника; онъ бы хотѣлъ бѣжать, но нѣтъ никакой надежды. Черкешенка, жертвуя собою для исполненія желанія любовника, способствуетъ побѣгу его, приноситъ пилу и кинжалъ — оковы падаютъ; она провожаетъ его къ рѣкѣ, за которою онъ будетъ въ безопасности. Въ слезахъ прощанія и горячихъ объятіяхъ пробуждается страсть и въ юношѣ; онъ уговариваетъ любовницу разделить съ нимъ побѣгъ и дальнѣйшую судьбу его жизни. Она отказывается; юноша переплываетъ черезъ рѣку, но, не достигнувъ еще противоположнаго берега, слышитъ паденіе чего-то въ воду — сплываетъ въ отчаяніи далѣе, и съ разсвѣтомъ достигаетъ Русскихъ передовыхъ постовъ.

Такой простой повѣсти придаетъ высокое достоинство оболочка. Мѣстность и нравы представлены въ живыхъ чертахъ, не съ холодною наблюдательностію, но съ возбужденною страстію въ совершающемся дѣйствіи. Цѣлое представляется въ дикой мрачности. Разговоры Черкешенки съ юношею исполнены трогательной искренности. Заключеніе, къ которому стремиться съ боязливою поспѣшностію, является нашимъ чувствамъ какъ истинное избавленіе, въ которомъ и павшая жертва имѣетъ участіе.

Бахчисарайскій Фонтанъ. Пребываніе поэта въ Крыму доставило ему случай заняться тамошними мѣстностію и преданіемъ. Бахчисарай былъ столицею прежнихъ Крымскихъ Хановъ, которые распространяли свои измѣнчивыя набѣги часто далеко въ глубь Россіи и Польши. Въ одномъ набѣгѣ на Польшу Ханъ Гирей похитилъ прекрасную княжескую дочь, и привезъ въ свой гаремъ; впрочемъ тщетно старался онъ склонить ее ко взаимности. Прежняя его любовница, Черкешенка Зарема, видя себя покинутою, вознегодовала на мнимую соперницу, и, движима мщеніемъ, умертвила ее. Горестный Ханъ, въ воспоминаніе о невинно умерщвленной, выстроилъ въ уединенномъ мѣстѣ своего сада фонтанъ, названный Фонтаномъ Слезъ, при тихомъ журчаніи котораго онъ задумывался о своей любезной. Разказу даютъ много прелести пѣсни и нравы Татаръ, описаніе гарема, и въ особенности превосходное изображеніе женской красоты и истинная любовь, дышавшая въ цѣломъ.

Братья разбойники. На Волгѣ расположилась шайка разбойниковъ; описывается пестрый составъ ея. Вниманіе обращено на новаго пришлеца, рассказывающаго свою исторію. Два брата, отъ самой юности бѣдные и безутѣшные, хотѣли силою достигнуть лучшей участи, грабили, убивали и вели веселую жизнь въ лѣсахъ; наконецъ, они были пойманы и закованы въ цѣпи. Младшій братъ, нежизне и слабѣе, заболѣлъ, и ужасныя видѣнія помутили умъ его. Старшій, мертвый для всякаго другаго человѣческаго чувства, питалъ нежизнѣющую любовь къ брату. Больной выздорѣвалъ при его попеченіяхъ, и оба начали думать о своемъ освобожденіи. Смѣлая рѣшительность и храброе исполненіе предпріятія доставили имъ успѣхъ. Они снова пустились въ любимыя лѣса, но чрезъ нѣсколько времени меньшей слезъ снова и умеръ. Съ тѣхъ поръ лѣса опостылѣли оставше-

муся, и душа его умерла. Только старость щадить онъ иногда, вспоминая притомъ о братъ, и трогательномъ раскаяніи въ смерти старика, которое тотъ высказывалъ въ бреду горячки. При сихъ словахъ онъ самъ проливаетъ слезы. Но другіе упрекаютъ его въ томъ, и въ буйномъ веселіи не хотятъ думать о мертвыхъ. Вино льется и они предаются дикому веселью.— Поэтъ заключаетъ тѣмъ, что въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть, которая пробудится въ свое время. Сія простыя слова показываютъ закоренѣлость толпы, по виду торжествующей, но въ самомъ дѣлѣ побѣжденной; одинъ приведенный ужасный примѣръ относится ко всемъ. Такимъ образомъ картина, при всемъ обиліи таланта казавшаяся безъ идеи, возносится симъ единственнымъ проблескомъ нравственного духа на высочайшую степень поэтической красоты.

Цыганы. Бессарабскія степи составляютъ сцену сей поэмы, которая, подобно молиленосной тучѣ, дико и страшно переносится въ ужасную мѣстность. Цыганка Земфира, возвращаясь съ ночной прогулки, приводитъ къ шатру своего стараго отца юношу, отринутаго образованнымъ свѣтомъ и ищущаго пріюта у бездомныхъ, полудикихъ племенъ. Дѣвушка избираетъ его въ мужья; онъ становится Цыганомъ и называется Алеко. Отвратительность и прелесть грубой свободы не освѣщается, ни однимъ лучемъ остальнаго міра; только о всегдашнемъ варварствѣ жителей той страны свидѣтельствуетъ дивный отголосокъ давняго времени Римлянъ. Необузданность нравовъ является въ волненіи страстей. Земфира скучаетъ мужемъ; молодой Цыганъ во всей силѣ юности синкиваетъ ея любовь. Въ пѣсни, исполненной лютаго пламени, является и усиливается страсть; это возжигаетъ бѣшенство Алеко, и ревность не даетъ ему покоя. Онъ крадется ночью за ушедшею отъ него женою, находитъ ее въ объятіяхъ молодаго Цыгана,

и закалываетъ обоихъ. Умирая, Земфира радуется своей любви. Прибѣгаетъ старикъ отецъ и весь Цыганы. Алеко не подвергается наказанію, но не можетъ долге съ ними оставаться; его отсылаютъ обратно въ тотъ свѣтъ, который онъ оставилъ, и котораго притязаній и предразсудковъ онъ не можетъ забыть. Цыганы поднимаются и откочевываютъ. — Поэма эта есть одна изъ сильнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ созданій Пушкина; она, безъ сомнѣнія, основана на какомъ нибудь дѣйствительномъ происшествіи, даже кажется вѣроятнымъ предположеніе, что подъ именемъ Цыгана Алеко поэтъ хотѣлъ намекнуть на самого себя. Обработка цѣлаго превосходна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она становится совершенно драматическою. Съ каждою строкою усиливается дѣйствіе; происшествіе прорисовывается подобно грозной бурѣ, и оставляетъ за собою ночь и безмолвіе.

Графъ Нулинъ. По устарѣвшей довольно манерѣ, названіе сей поэмы должно было означать пустоту героя. Приключеніе, гдѣ онъ является пристыженъ, рассказываетъ въ прелестныхъ стихахъ, съ сатирической веселостію. Соблазнительную, а съ тѣмъ вмѣстѣ и хитрую матерію, поэтъ представилъ съ комической граціею. Особенную прелесть имѣетъ поэма, безъ сомнѣнія, для тѣхъ, которые могутъ слѣдовать за намеками ея на опредѣленную дѣйствительность.

Полтава. Поэма въ трехъ пѣсняхъ; основа историческая, расположеніе прекрасное, исполненіе зрѣлое, слогъ совершенный. Малороссійскій вельможа Кочубей, одинъ изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ во всей странѣ, не переноситъ оскорбленія, нанесеннаго ему дочерью. Прекрасная Марія, руки которой искали благороднѣйшіе и достойнѣйшіе юноши, вдалась въ обманъ стараго, хитраго Мазепы, Гетмана Малороссійскихъ Казаковъ, и бѣжала съ нимъ изъ родительскаго дома. Оскорбленіе состояло въ лукавствѣ и побѣгѣ, потому, что Марія сдѣлалась

законною женою Мазепы; она обладала полнымъ до-
вѣріемъ отца, и если посядвшій хитрецъ пока-
зался ей любезнымъ, то при его званіи, славѣ и
богатствѣ, открытое сватовство не встрѣтило бы
препятствій. Сии же самыя обстоятельства подвину-
ли отца не обнаруживать ненависти, и согласиться,
по наружности, на примиреніе. Но Мазепа скучалъ
зависимостью отъ Россіи, и возымѣлъ дерзкое намѣре-
ніе образовать изъ Украйны самостоятельное государ-
ство. Для приведенія умысла въ исполненіе, онъ ну-
ждался въ помощи Шведовъ, и его обѣщанія скло-
нили Карла XII-го прибыть съ войскомъ въ отда-
ленную страну. Между тѣмъ Мазепа испытывалъ
умы своихъ одноплеменниковъ, и столько обнару-
жилъ своему тестю, что тотъ не могъ усомниться въ
преднамеряемой измѣнѣ. Кочубей, желавшій остать-
ся вѣрнымъ Царю и отмстить Мазепѣ, уведомилъ
Петра Великаго о томъ, что дѣлалось. Но Царь, по-
лагаясь на вѣрность Мазепы, почелъ доносъ клевет-
ною, и предоставилъ обвиненному наказать клевет-
ника. Мазепа снова убеждается въ любви своей су-
пруги, и когда она уверяетъ, что привязана къ
нему болѣе, нежели къ родителямъ, то его ничто бо-
лѣе не удерживаетъ; онъ приказываетъ отрубить те-
стю голову. Марія, до тѣхъ поръ ничего не знав-
шая и внезапно испуганная матерью, прибѣгаетъ
слишкомъ поздно на мѣсто казни, которая уже со-
вершилась; она сходитъ съ ума и скрывается. На-
чатое дѣло между тѣмъ продолжалось; съ прибли-
женіемъ Шведовъ, Мазепа объявилъ, что отлагается
отъ Царя, и соединился съ Карломъ XII-мъ. По воз-
станіи было не общее, и Мазепа не могъ собрать
для своего новаго союзника такой силы, какую обѣ-
щаль. Битва Полтавская уничтожаетъ все предпріа-
тіе. Мазепа принужденъ раздѣлится съ раненымъ
Шведскимъ Королемъ самое бѣдственное бѣгство.
Вблизи Дибра останавливаются они не надолго у ху-

тора, въ которомъ Мазепа узнаетъ бывшее жилище
Кочубея и Маріи, которая сама ему является и раз-
рываетъ его сердце выраженіемъ своей любви и сво-
имъ безуміемъ. Но время спѣшитъ. Король зоветъ,
и Мазепа бѣжитъ съ нимъ, навсегда удаляясь отъ
родины.

Исторія и преданіе здѣсь счастливо смѣшаны; ге-
рой и главныя событія представлены въ ихъ исто-
рической истинѣ; воинскія дѣла въ живой наглядно-
сти. Но удивительнѣе всего веденъ характеръ Ма-
ріи, упорство и сила ея склонности, ея твердая на-
стойчивость, и потомъ вновь могущественно пробудив-
вшаяся дочерняя любовь, дѣтское отчаяніе. И въ
сей поэмѣ изображеніе главныхъ положеній подхо-
дитъ къ драматическому. Пушкинъ неоднократно до-
казываетъ, сколь способенъ онъ къ сему роду. Опи-
саніе казни Кочубея мучительно по сухой подробно-
сти, но имѣетъ высокое поэтическое дѣйствіе. При-
нуждены будучи медленно подвигаться при ней,
мы ожидаемъ, что сіе медленіе и для поспѣшно-
сти спасенія не будетъ слишкомъ коротко. Многія
отдѣльныя черты величайшей красоты; поэма чрез-
вычайно богата новыми оборотами, изумительными
эпизодами, исполненными жизни картинами.

Наконецъ поэтъ обращаетъ взоръ, по прошествіи
ста лѣтъ, на сцену тогдашнихъ событій. Въ вы-
сокой славѣ сіяетъ память Петра Великаго. Король
Карлъ также не забытъ. Тщетно спрашиваютъ о
могилѣ Мазепы, но съ честію возвышаются гробни-
цы Кочубея и его товарища Искры, которыхъ вѣр-
ность узнана слишкомъ поздно. О дочери молчитъ
преданіе: слѣпой Украинскій бандуристъ, брячущій
о Гетманъ, едва упоминаетъ мимоходомъ о преступ-
ной его дочери. Такъ умѣлъ поэтъ вывести насъ изъ
глубины ночи въ область дня, и простымъ эхомъ
дѣлній указать высшее правосудіе, которое такимъ
образомъ становится предметомъ истинной Поэзіи.

Домикъ въ Коломнѣ. Наскучивъ писать безпрестанно четырехъ-стопными ямбами, что все умбуютъ, поэтъ избираетъ на сей разъ высшій размѣръ, трудныя октавы, въ которыхъ весьма искусно подражаетъ Итальянцамъ. Въ сорока великолѣпныхъ стансахъ рассказываетъ онъ забавное приключеніе, случившееся въ нисшемъ кругѣ.

Анджело. Итальянскій рассказъ, въ трехъ отдѣленіяхъ, писанный Александрійскими стихами. Этотъ предметъ уже часто былъ обрабатываемъ драматически, и Пушкинъ мѣстами переходитъ совершенно въ драму. Александрійскій стихъ можетъ по справедливости назваться жесткимъ, но у Пушкина и въ немъ виднѣн даръ поэта.

Полный блескъ и богатство поэта является во множествѣ *мѣлкихъ*, особенно *лирическихъ стихотвореній*, которыя составляютъ содержаніе *третьяго тома*. Здѣсь Пушкинъ въ свойственной ему сферѣ, имѣетъ неоспоримое могущество; здѣсь сверкаютъ ярчайшія искры пламени, наполняющаго глубину его души. Эти ощущенія суть выраженіе измѣнчивой судьбы, грусть и томленіе вѣрнаго сердца, бодрость и надежда сильной души; въ нихъ дышитъ самъ поэтъ, а съ нимъ вмѣстѣ и соотчичи и современники, которыхъ внутренность онъ открываетъ, и сокровеннѣйшія струны груди напрягаетъ и заставляетъ звучать. Волшебствомъ его выраженія успокоиваются волненія, мрачно и бользненно борющіяся во внутренности, и радостно являются на свѣтъ. Какъ глубоко и могущественно коснулся Пушкинъ сердца своего народа, можно видѣть уже изъ того, что пѣсни его проникли всюду въ Россію, съ восторгомъ поются и восхваляются, и, дѣйствительно, не только удовлетворяютъ всему распространяемому въ народѣ лирическому требованію, но и возвышаютъ его, умножаютъ поэтическимъ сокровищемъ, котораго расточеніе пораждастъ лишь новое богатство.

Прежде всего должны мы замѣтить разнообразіе, въ какомъ является здѣсь поэтъ. Отъ упоеннаго димѣрамба, высокой оды и меланхолической элегии до простѣйшаго звука пѣсни, отъ дружественнаго посланія до колкой эпиграммы, отъ пророческаго образа, заимствованнаго съ Востока, до новѣйшей пѣсни, посвященной случаю и минутѣ, соединяются здѣсь все формы. Свободнѣйшія движенія стиха и рѣмы смѣняются строжайшимъ образованіемъ строфъ; ямбы и дактили трохеями; рядомъ съ прелестными, легкими формами пѣсенъ тѣснятся прекрасныя стансы, счастливо отдѣленные сонеты и тяжело ступающіе Александрійскіе стихи. Не менѣе разнообразно и содержаніе. Возвышенность творенія, обиліе природы, чувство любви и томленія, величіе отечества, обольщенія жизни, горестъ лишенія и отчаянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшеніе дружбы и Музъ, свобода мысли и радость насмѣшки, все сіи предметы и направленія проявляются въ душѣ поэта и переходятъ въ отрадные, примиряющіе образы.

Его великое воззрѣніе на природу служить основаніемъ всему; оно проявляется во всѣхъ ощущеніяхъ, и придаетъ имъ постоянство и выраженіе. Чудесныя строфы «къ Морю» представляютъ взорамъ нашимъ все великолѣпіе сей свободной стихіи, съ которою соединяется одушевленіе и томленіе; намекаютъ на гробницу Наполеона и пѣсни Байрона, котораго образъ сильно изображается въ мысли о морѣ, и наполняютъ насъ тоскою поэта, долженствующаго оставить любимый берегъ. Его жалоба о разлукѣ, объ одиночествѣ, его воспомнанія объ обольщеніяхъ и потеряхъ, его наблюденія во время поѣздокъ, при случайныхъ приключеніяхъ — все смѣшивается съ картинами природы; и запоздалый листъ, и заунывный скрипъ мороза является здѣсь съ опоясаннымъ облаками Кавказомъ и зеленымъ моремъ степей.

Человѣческой судьбѣ, которой неудовлетворительность и грусть безпрестанно напоминаетъ поэту участь его собственной жизни, сочувствуетъ онъ съ самозабвеніемъ, и чувства сего не возможно выразить болѣзненное и вѣрное, какъ оно выражено въ элегій на прекрасную смерть поэта Андрея Шенье. Пѣсни, посвященные друзьямъ, исполнены дружеской искренности, теплыхъ воспоминаній и смѣлой увѣренности; вообще въ нихъ сильно проявляется дружба, самая даже любовь уступаетъ ей, по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ выраженіи. Страсть по видимому извлечена изъ лирическихъ пѣснь и перенесена въ сущность большихъ поэмъ. Въ несравненной пѣсни «Талисманъ» ревность утратила всю грубость свою въ очаровательномъ благозвучіи, исполняющемъ сіи строфы, музыкальныя уже по однимъ словамъ, и могущія вступить въ состязаніе со стихами южныхъ языковъ. Въмѣсто борьбы и несчастія любви, видимъ мы даже удовлетвореніе и счастье ея, высказанныя въ превосходномъ сонетѣ «Мадонна,» въ которомъ поэтъ признается, что обладаетъ тѣмъ, чего желалъ. Несчастныя препятствія, враждовавшія въ послѣдствіи извнѣ съ симъ чистымъ счастьемъ, содѣлываютъ тѣмъ трогательнѣе отзывъ его о супругѣ.

Но меланхолія и неудовольствія, которыхъ поэтъ не можетъ за всѣмъ тѣмъ избѣгать въ большей части отношеній къ свѣту и людямъ, превращаются иногда въ острую ѣдкость, злобу и гордость. Сонетъ, въ которомъ онъ обращается къ самому себѣ, есть выраженіе свободнѣйшей самостоятельности, высочайшаго достоинства, смѣлаго презрѣнія.

«Поэтъ! не дорожи любовію пародной!
Восторженныхъ похвалъ пройдемъ минутный шумъ;
Услышишь смѣхъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.»

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ себя свободный умъ;
Усовершенствуй плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плачь на алтарь, гдѣ твой окозъ горитъ,
И въ детской радости колеблетъ твой треножникъ!

Множество мѣстъ въ сочиненіяхъ свидѣтельствуютъ, что сіе чувство было истиннымъ, постояннымъ чувствомъ Пушкина; то же самое доказываетъ и цѣлая жизнь его, бывшая всегда выраженіемъ смѣлой, свободной и непокорной его души.

Такимъ же образомъ и взглядъ его на современные общественныя отношенія, всегда достойный и благородный, былъ многообъемлющъ, исполненъ зрѣлой наблюдательности, пріятной теплоты, всеобщаго благоволенія, и высокой страсти къ преуспѣванію и славы отечества. Его стихотвореніе на смерть Наполеона есть одно изъ самыхъ высокихъ и полныхъ содержанія, которыя только были посвящены сему предмету, воспѣтому поэтами всѣхъ народовъ. Онъ представляетъ величіе навнаго героя величественными чертами, называя его раззорителемъ, не понимавшимъ свободы и народовъ, и не узнавшимъ Русскихъ, въ то же время не позволяеть ни малѣйшаго порицанія противъ него, величественно искупившаго свои заблужденія, и наконецъ возглашаетъ ему славу и честь, какъ вызвавшему Русскій народъ къ высшему развитію, и изъ мрака заточеній завѣщавшему миру вѣчную свободу. Еще значительнѣе и достойнѣе замѣчанія два стихотворенія Пушкина, относящіяся по времени послѣдней Польской войны. Поэтъ не обращаетъ здѣсь вниманія на вопросъ о существованіи отдельнаго племени, и выставляетъ напротивъ того вопросъ объ общемъ существованіи Славянскихъ на-

родовъ. Здѣсь онъ вполне Рускій, пылающій за отечество, воспѣвающій побѣду, требующій покорности, въ исполненіе вѣлннн высочайшаго Промысла, для общаго процвѣтанія чести. Вся его ненависть падаетъ на иностранныхъ подстрекателей, которымъ сія распря Славянъ чужда и не понятна, и которыхъ забывчивую надмѣнность, онъ снова вызываетъ явиться на снѣжныхъ и ледяныхъ поляхъ, гдѣ уже прежде потерпѣли они ужаснѣйшую гибель. Поэтъ истинный всегда принадлежитъ отечеству, и если его сограждане сражаются и проливаютъ свою кровь, то онъ долженъ имъ во всякомъ случаѣ желать побѣды и славы. Впрочемъ, образъ желаній можетъ его достаточно обезопасить противъ подозрѣнія, будто онъ отказался отъ общихъ человѣческихъ мыслей и чувствованій. Онъ въ правѣ жертвовать мгновенію, какъ бы оно ни представлялось, всѣмъ что оно можетъ только принять; все, что мгновеніе принимаетъ, равно какъ и то, что опому не прилично, служить для представленія точной истины. Должно сказать объ упомянутыхъ стихотвореніяхъ вообще, что въ поэтическомъ отношеніи, они принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ, какія только написалъ Пушкинъ. Они несутся въ высокой страсти, пламенномъ выраженіи и величественныхъ, отчасти дикихъ и странныхъ образахъ, и непреодолимо увлекаютъ участіе и склонность.

Если національные гимны могутъ покорить себѣ много сердецъ въ Германіи, то пѣсни Пушкина способны сдѣлать такое завоеваніе въ пользу Рускихъ. Третья пѣснь, заключающая сей рядъ, «Пиръ Петра Великаго,» должна всѣ сердца привязать поэту, который говоритъ здѣсь съ высокою какъ отечественною, такъ и человеколюбивою цѣлью, въ смыслъ прощенія и примиренія, и для сей цѣли умѣетъ представить трогательную и могущественную картину, въ видѣ быстрой, веселой пѣсни. Нигдѣ благороднѣйшая мысль не соединялась счастливѣе съ высо-

кимъ даромъ Музъ: этой одной пѣсни достаточно для доказательства того, что Русская Поэзія смѣло можетъ явиться рядомъ со всякою другою, на высочайшей ступени.

Мы должны, судя по увѣренію, ожидать еще трехъ томовъ, въ которыхъ будетъ заключаться множество *разныхъ стихотвореній*; кромѣ того *разказы въ прозѣ*, изъ которыхъ особенно славятся *Станціонный смотритель* и *Капитанская дочка*; далѣе *Исторія Пугачевского бунта*, и, можетъ быть, еще другіе историческіе отрывки. До какой степени можно воспользоваться предварительными трудами Пушкина для *Исторіи Петра Великаго*, которую онъ предпринялъ въ послѣдніе годы своей жизни, то можно будетъ опредѣлить только въ послѣдствіи.

Биографія Пушкина, которая представила бы откровенно и искренно всѣ его отношенія и его судьбу, была бы богатый подарокъ, заслуживающій благодарности, но въ настоящее время трудно ожидать такой. Впрочемъ, пусть его соотечественники вмѣсто того собираютъ и предварительно издаютъ матеріалы для будущаго употребленія. Воспоминаніе о протекшей жизни всегда дорого и важно для городовыхъ народовъ, и мы видимъ что тѣ, которые преимущественно заслуживали сіе названіе, старались передавать потомству, не только подвиги политическіе и военные, но также литературныя происшествія и мирную частную жизнь.

(Изъ Берлинскихъ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik.)

=

Л Ы Т О П И С Ь

Русскихъ Журналовъ за 1839 годъ.

Нынешній годъ, кажется, долженъ составить эпоху въ льтописяхъ Русской Журналистики; онъ долженъ быть замѣчательнѣе, достопамятнѣе, и на то есть у насъ многия примѣты.

Первая примѣта — полно шалить, полно вести эфемерную жизнь! Русскіе Журналы хотятъ тяжелого и положительнаго въ вѣкъ положительный. Русскіе Журналы отрекаются отъ летучаго своего существованія. По счастливому примѣру «Библіотеки для Чтенія», они дѣлаются *книжками*, обвѣщаютъ быть важными, поучительными, укладываются въ непремѣнныя кѣточки систематическаго раздѣленія статей. Теперь не думай уже какойнибудь журналистъ переходить въ книжкахъ своихъ отъ легкаго къ забавному, пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Странная программа гладить на него, какъ судьба неумолима: дайте намъ *книгу*, дайте *толстую книгу*; дайте въ ней непременно стиховъ и прозы; извольте *кончить повѣсть* въ одной книжкѣ; пожалуйте непременно *пугать и искусство, земледѣлія и промышленности* (или хотъ *промышленности*), *критику* непременно, безъ *библиографіи* не смѣйте появляться, а безъ *Слѣси* избави васъ Богъ и подумать явиться! *Слѣси, слѣси* болѣе, Мм. Гг., *слѣсь* символъ Русскаго Журнала, какъ прежде бывали необходимаго принадлежностью ихъ — *поды*. Теперь мода не на моды, а на толщину, на промышленность и науки, ва земледѣіе, если не благовоише, за то волеизволеніе — да, замѣтите еще въ заключеніе, чтобы книжка непременно выходила въ назначенный *день и часъ!* Что за дѣло, что такое будетъ въ вашей кни-

гѣ, что она не позволитъ иному читателю недѣлю припяться за нее, страха ради ея толстаго величія! Пусть только она выйдетъ, пусть только она лежитъ на столѣ подписчика, пусть онъ хоть любитъ ея нестрою оберткою и выбираетъ, что ему спачама читать? Учиться ли въ наукахъ и искусствахъ, горевать ли въ стихахъ, плакать ли въ прозѣ, дивиться ли въ критикѣ? Все это дѣло уже не издателя, который можетъ сказать любезной публикѣ: «Вѣдь ты сама хотѣла, любезный Жоржъ Данденъ! Вѣдь ты сама хотѣла!»

Впрочемъ, условіе, чтобы книжки выходили во время, дѣло хорошее, и Русскіе Журналы начали 1839 годъ, въ семь отношеній, подъ счастливыми предзнаменованіями: ровно *въ 1-й день Января* вышла 1-я книжка *Современника*; за него не замедлил 1-й № *Литературныхъ Прибавленій*, а потомъ предстала *Библіотека для Чтенія*, въ новой оберткѣ, съ атласомъ инфузорій, съ старыми шутками, съ предложеніемъ разыгрывать моды въ лоттерей, и съ проч. и съ прочимъ, о чемъ поговоримъ послѣ. Рядомъ съ нею стала *первая* книжка *Отечественныхъ Записокъ*, и такая толстая, что *Библіотека* показалась передъ ней, *какъ шитье — испитое, желтое, худощавое*. И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего *пожелтѣть*, взглянувши на первый номеръ Отечественныхъ Записокъ —

О ужась! толщиной онъ съ Пронтера казался!

На первый случай, стало быть, послѣ исправнаго выхода, *толщина* сдѣлалась нынѣ отличіемъ Русскихъ Журналовъ? *Тридцать* листовъ! *Сорокъ два* листа!... Теперь ждемъ еще изъ Москвы *Наблюдателя*, говорятъ, листовъ въ *пятидесятъ*... Онъ не хочетъ уступать Петербургскимъ собратіямъ; онъ также толстѣетъ съ новымъ годомъ, какъ будго думается, что увиди толстую книгу, каждый читатель воскликнетъ невольно:

Тѣту, братецъ! сколько тутъ ума!..

Слѣсь Отечества, и устарѣлый, и запоздалый, искренно признается, что онъ уступаетъ своимъ юнымъ товарищамъ, по Русской поговоркѣ, *и книжи и колокола*. И нельзя иначе! Вѣлкому свое время, и старое должно уступать юному, разочарованное въ мечтахъ — полною надеждою и мечтаній. Слѣсь Отечества такъ отсталъ отъ современности, что *тол-*

щины книжекъ не признаеть даже признакомъ совершенства, и если бы можно было заранѣе предвидѣть общее *утолщенье* Русской Журналистики, онъ отказался бы отъ мѣсячнаго выхода, и началъ выходить въ тоненькихъ книжкахъ, въ недѣлю, въ двѣ недѣли разъ, только бы показать хоть въ томъ примѣрѣ какойнибудь самобытности. О *imitatores...* (читай далѣе у Горация) О подражаніе, подражаніе! когда ты, проклятое, отстанешь отъ нашей Литературы, нашихъ журналовъ, нашихъ романовъ, нашихъ стихотвореній! О вы, желающіе добра Русской Литературѣ! молитесь, братіе, молитесь усердно:

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья...

подражанія во всемъ, которое губило и губить нашу Литературу!

Но что дѣлается, видно тому должно дѣлаться. Оставимъ наши грустныя думы, и примемся за Русскую Журналистику 1859 года.

Мы сказали, что мода прилагать *Моды* нынѣ уже не считается непременною принадлежностью Русскихъ Журналовъ, но Русскія читательницы могутъ однакожь утѣшиться въ отсутствіи такой важной журнальной статьи. Владычество Модѣ въ Русской журналистикѣ не прекратилось: съ новаго года явился даже отдѣльный, особенный журналъ, посвященный *только Модальнѣ*. Его издаетъ дама — первое мѣсто дамамъ — и мы начнемъ уведомленіемъ о новомъ Модномъ журналѣ, или журналѣ Модѣ, который выходитъ въ Петербургѣ съ 1-го Января, подъ названіемъ Листка для светскихъ людей. Онъ порхнулъ легкимъ мотылькомъ между важными и толстыми Русскими журналами, явился маленькимъ листочкомъ, въ розовой обверточкѣ, съ милою шуткою, съ красивыми картинками модѣ. Мы готовы были спросить у него:

Откуда ты, зѣбра житель,
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебѣ занесъ
Въ сію забвенную обитель?
Увы! денницы милой свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ,
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ!

Но *Листокъ* такъ мило увѣряетъ насъ, что «все, что нынѣ выходитъ въ Петербургѣ по части модѣ, издается весьма определенно, и составляетъ только прибавленіе къ Литературѣ;» далѣе, что «журналъ Модѣ, издаваемый самымъ опытнымъ литераторомъ и ученымъ человекомъ, не можетъ удовлетворить вполнѣ требованій, когда Моды составляютъ не *существенную принадлежность* журнала, а только *роскошное прибавленіе* къ другимъ предметамъ», и наконецъ, что предметомъ Листка будутъ только — *Моды, Моды и Моды*, а полнота предмета, частое появленіе, изящество изданія и — важное обстоятельство! — дешевизна цѣны, будутъ условіями, *sine qua non*. Слова *Листки* подтвердились на дѣлѣ: мы видѣли два нумера его, полюбовались хорошепкими картинками, полнотою извѣстій, подивились дешевизнѣ (за *шестьдесятъ* картинокъ, съ описаніями и лѣтописями модѣ — 30 рублей, съ пересылкой 35 рублей!), и чего не начтали мы въ духѣ листочкахъ *Листка*! Повѣрьте, что мы готовы теперь преподавать вамъ цѣлую лекцію о мапильяхъ, чепчикахъ, ботинкахъ, фишо, мапто, бурну, токахъ, береткахъ, и проч. и проч. Мы спѣшимъ послѣ сего рекомендовать *Листокъ* читательницамъ, тѣмъ болѣе, что и редакторъ его дама. Здѣсь, кетати сказать, что издательница *Листка* продолжаетъ издавать начатой ею въ прошедшемъ году *Журналъ шитья и вышиванья* — *La Brodeuse de St. Pétersbourg*. Мы перебрали весь нумера его за прошедшій годъ, и вѣрнемъ Русской пословицѣ: *всякое дѣло мастера боится!* Никакъ не могли мы прежде вообразить, что *шитье* и *вышиванье* составляютъ цѣлую науку, съ своими терминами, открытіями, новостями, великими произведеніями, и проч. и проч. — И въ *шитье* и *вышиваньи* есть свои гени, есть свои права, обычаи, моды. Да, право, это прелюбопытно! На нынѣшній годъ издательница прибавила еще число рисунковъ, и *первой нумеръ* ея изумляетъ богатствомъ очерковъ, швейныхъ идей, вышивальныхъ извѣстій, красотой изданія, и притомъ опять — дешевизною: за 72 рисунка — 30 рублей, 35 рублей съ пересылкой...

И такъ, по части модѣ, *шитья* и *вышиванья*, Русская журналистика показываетъ большіе успѣхи. Кромѣ изданія отдѣльныхъ журналовъ по сей части, при *Библиотецкѣ для Чтенія* продолжаютъ Моды, и картинки ихъ выписываются

прямо изъ Парижа. При *Литтературныхъ Прибавленіяхъ* прилагаются даже какія-то куколки, на которыя будутъ потомъ раздаваться гравированныя, бумажныя вырѣзки. Каждый подписчикъ на Л. П. можетъ одѣвать и раздѣвать свою куколку. Мы сами испытали такое занятіе, и оно намъ очень понравилось — повѣрьте, превесело... Ахъ! да, и не лучше ли *играть въ куклы*, нежели... нежели, напримеръ, писать плохіе стихи, или играть совѣстью?... Вотъ *играть въ вистъ* — дѣло совсѣмъ другое. *Вистовать* на бѣломъ свѣтѣ всего лучше, всего надежнѣе... Но, мы забыли, что хотѣли говорить не о куклахъ, и не объ вистѣ, а объ Русскихъ журналахъ 1859 года, изъ которыхъ мы уже видѣли *Современника*, *Отечественныя Записки*, *Библ. для Чтенія* и *Литтер. Прибавленія*.

Съ *Современникомъ* встрѣтились мы, какъ съ старымъ, добрымъ знакомымъ. Планъ его, объемъ, видъ — все прежнее, но скажемъ откровенно, что *первая* книжка его на нынѣшній годъ оправдываетъ надежды на многое хорошее. Она начата прекрасно написанною, занимательною статью (А. К. Грота): *Знакомство съ Рунбергомъ*. Кажется, что эта статья отрывокъ изъ Путешествія г-на Грота по Финляндіи; въ такомъ случаѣ, нетерпѣливо желаемъ видѣть поскорѣе все Путешествіе его вполне. Авторъ, знакомый съ Шведскимъ языкомъ, говоритъ намъ столько поваго и любопытнаго о Литтературѣ Шведской, столь мало намъ извѣстной, такъ мастерски передаетъ намъ въ переводахъ отрывки изъ нея, и такъ мило, умно рассказываетъ, что статья его украсила бы лучшій Евронейскій журналъ. Сильныя, самобытныя красоты Шведской поэзіи заставляють насъ жалѣть, что давно никто не брался знакомить насъ съ ними. *Рунбергъ*, знакомство съ которымъ описываетъ г-нъ Гротъ, человекъ весьма замѣчательный: его можно назвать Борисомъ Шведской поэзіи. Смирно живеть онъ въ Борго, маленькомъ городкѣ Финляндскомъ, и среди дикихъ скалъ родины находить вдохновительныя думы, которыя выражаетъ въ прелестныхъ звукахъ. — Что говоримъ мы о статьѣ г-на Грота, того не скажемъ о статьѣ г-на Невьдомекага: *Отрывки изъ Исторіи партизановъ Пиренейскаго Полуострова* — наборъ словъ, гдѣ есть все — и Андалузія, и Алгамбра, и Никвизиція, и Ма-

вры, и Гвадалквивиръ, и романсы, только пѣть того, что обѣщаетъ заглавіе статьи. Но за нее награждаетъ статья: *Картина Бразиліи* (В. С. П. — на), составленная изъ многихъ источниковъ, яркая, живая, дающая о Бразиліи идею лучше иной Географіи и Статистики, гдѣ подробно нечислены жители каждаго мѣстечка Бразильскаго, хоть имъ и въ самой Бразиліи счета не знаютъ. Далѣе замѣтимъ двѣ прекрасныя статьи: В. И. Луганскаго (*Два разсказа*) и Князя В. Ѳ. Одоевского (*Городъ безъ илечи*). Въ первой трогательное, простое, увлекательное изображеніе изъ современныхъ событій на Волыни; она напомнила намъ лучшія созданія г-на Луганскаго, дарованіе котораго несомнительно, и тогда только не правится намъ, когда онъ позволяетъ себѣ какой-то принужденный, натянутый, мнимо-Русскій родъ сочиненій. Какъ онъ хорошъ въ *Двухъ разсказахъ*! Какъ неподражаемо хороши его Ванда, его сумасшедшая Юзефа! — Въ статьѣ Князя Одоевского заключена глубокая мысль, и вотъ одно изъ доказательствъ, что идея излщная сама по себѣ не требуетъ ни мишуры, ни шумихи вышней, и что философская мысль можетъ быть не чужда поэзіи. — *Отрывки изъ Дневника* (К. Ѳ.) — старая мысль изъ Вашингтона-Ирвинга, но она вся на трехъ страничкахъ — Богъ съ ней! — Но вотъ повѣсть почтеннаго Грицка Основьяненка, переведенная съ Малороссійскаго: *Праздникъ мертвецовъ*. Мы съ жадностью бросились бы читать произведеніе того, кто пересказалъ намъ такъ очаровательно исторію *Маруси*, если бы не знали уже «Праздника Мертвецовъ» прежде, въ Малороссійскомъ подлинникѣ. Читатели помнятъ, что говорили мы о *Марусѣ*, помнятъ, какую совершенную справедливость отдавали мы дарованію ея почтеннаго автора. Будемъ же искренны: мы удивляемся, какъ могъ *Авторъ Маруси* написать такую повѣсть, какъ Праздникъ Мертвецовъ, и какъ почтенный издатель Современника помѣстять ее въ своемъ журналѣ! Мы едва въ состояніи были дочитать ее до па стр. 157... Если правда, что и *Евѣй иногда облюбуется стихомъ*, видно и умный человекъ можетъ написать вздоръ, но не все надобно *печатать*, что *пишеть* даже и умный человекъ. Впрочемъ, Праздникъ Мертвецовъ достаточно искушается въ Современникѣ статьями, которыя мы выше нечислили. — О *критическомъ* отдѣленіи Современника, мы не скажемъ ничего. Тутъ помѣще-

на статейка Газлига о Шекспиръ, и пѣскольکو библиографическихких замѣчаній самого Издателя о новыхъ Русскихъ книгахъ. Противъ замѣчаній его мы спорить не станемъ. Всякій судить по своему, и право сужденія предоставляется каждому въ литературныхъ и художественныхъ предметахъ свободное. Если только оно не употребляется вовсе несправедливо, и если нѣтъ опасности, что оно произведетъ направленія ложныя, пусть все говорятъ, что кому угодно. Вниманіе наше обратилось особенно на маленькую статейку: *Переводы Русскихъ сочиненій на Нѣмецкій языкъ*. Мы нашли тутъ извѣстіе, что извѣстная книга Кенига: *Literarische Bilder aus Russland* переводится на Французскій языкъ; что Фарнгагена статья о Пушкинѣ произвела сильное впечатленіе въ Берлинѣ («наравнѣ съ современными политическими вопросами занимала пѣскольکو дней весь Берлинъ»); что на Нѣмецкій языкъ переводятъ повѣсти Князя В. О. Одоевскаго и поэмы Пушкина, и что вникъ Гёте пишетъ оперу изъ поэмы Пушкина *Цыгань*. Последнему извѣстію порадуемся. Что касается до книги Кенига — жаль, что съ пѣсколькими справедливыми извѣстіями, она распространитъ по Европѣ и множество ложныхъ извѣстій и мнѣній, передастъ иностранцамъ голоса партій литературныхъ, а не настоящую картину Русской Литтературы. Такова всегдашняя бѣда наша: объ насъ либо молчать, либо говорить небывлицы! Что касается до статьи Фарнгагена о Пушкинѣ, мы удивляемся, чѣмъ могла она обратить на себя вниманіе Германцевъ? Мы помѣстили переводъ ея въ сей книжкѣ Сына Отечества, какъ предметъ для насъ любопытный, но читатели наши сами могутъ видѣть, что не смотря на Нѣмецкую манеру выражаться, статья Фарнгагена показываетъ самую неверную, самую превратную критику, односторонній взглядъ на Пушкина, и — рѣшительное незнааніе Русской Литтературы и Русской Исторіи. Не споримъ, что самъ г-нъ Фарнгагенъ знаетъ по Русски, по явню, что онъ пишетъ подъ диктовку тѣхъ же людей, которые диктовали Кенигу его книгу. Мы передаемъ нашимъ читателямъ статью г-на Фарнгагена, какъ доказательство нашего личнаго безпристрастія, и какъ образецъ унадка современной критики и философіи въ Германіи. Грустно читать Менцелей и Фарнгагеновъ послѣ Лессинговъ и Шегелей, такъ, какъ грустно смотрѣть, кто теперь въ Гер-

маніи послѣдники Гёте, Шиллеровъ, Шеллингъ и Нибуровъ!.. Но обо всемъ этомъ поговоримъ когда нибудь послѣ и подробнѣе... Обращаясь опять къ Современнику, замѣтимъ, что отдѣлы стихотвореній содержатъ въ себѣ *одинадцать* пьесъ, и что въ числѣ ихъ напечатана превосходная сцена изъ *Бориса Годунова*, та самая, гдѣ народъ толкуетъ и шумитъ, пока патріархъ и болре уговариваютъ Годунова принять вѣнецъ. Сцену сію можно причислить къ Шекспировскимъ, къ такимъ, гдѣ дарованіе Пушкина горитъ ярко и самоцвѣтно.

Грустно думать, что скоро, можетъ быть, истощится запасъ всѣхъ оставшихся послѣ Пушкина стихотвореній, и тогда — что будетъ наша современная Поэзія! Перечитывая, перебирая современные собранія стихотвореній, альманахи, журналы, невольно ужасается странной пустоты мыслей, безобразія формъ, щегольства словами и пустозвонной гладкости нашихъ современныхъ стихотвореній Русскихъ. Какое безмысліе, какое незнааніе языка, какое пошлое однообразіе предметовъ...

Но, перейдемъ покамѣстъ къ *прозѣ*, и отдавши совершенную справедливость *Современнику*, усердно поблагодаривъ его за *первую книжку*, обратимся къ новому, любопытному явленію Русской журналистики — *Отечественнымъ Запискамъ*.

Надобно признаться, что даже и «Библиотека для Чтенія» не была въ свое время двинута въ читающей свѣтъ съ такимъ шумомъ, съ какимъ двинуты въ него *Отечественныя Записки*. Огромная, всеобъемлющая программа; имена *сто двадцати семи* сотрудниковъ, начная отъ Д. М. Велланскаго до С. Т. Аксакова, съ И. А. Крылова и В. А. Жуковскаго до М. Н. Макарова, и Мирзы-Джафара Топчибашева, съ Е. А. Баратынскаго до Ю. И. Венелнна, М. П. Погодина, М. П. Сорокина, А. А. Чужбинскаго, и проч. и проч.; даже *особенная контора* для подписки на сей журналъ; извѣщеніе *о значительныхъ денежныхъ капиталахъ для прикрытія издержекъ*, и потомъ — *сорокъ два листа* большаго формата въ первой книжкѣ... Помилуйте, да это какое-то литературное *господство русское* на Русскую журналистику, что-то такое исполненное, диковишное!

Вопросъ: исполняетъ ли обѣщанія первая книжка О. З.? Даетъ ли надежды на будущее? Рѣшайте сами!

Она начинается *Современною Хроникою Россіи*, гдѣ, послѣ огромнаго и великолѣпнаго вступленія, слѣдуютъ краткія, сухія выписки изъ Сенатскихъ Ведомостей прошлаго года, изъ Журнала Мин. Народн. Просв., изъ Журнала Мин. Внутреннихъ Дѣлъ, и рѣчь заключается извѣстіемъ о произведеніяхъ нашихъ художниковъ и декораціяхъ Большаго Театра. Мало встрѣтите статей, столь неудачно составленныхъ! Если составители ея хотѣли изобразить намъ картину *современнаго состоянія великаго нашего отечества*, то въ сильныхъ, широкихъ, общихъ чертахъ, надобно было составить ее; необходимы были при томъ обширныя сравненія и неизбѣжны основныя выводы. Здѣсь, напротивъ, обозривалъ тонетъ въ мелочахъ и подробностяхъ, утомляетъ вниманіе, и между тѣмъ ни одна мысль, ни одинъ выводъ не освѣщаютъ словъ его, не заставляютъ читателя остановиться и подумать. — Тотъ же недостатокъ въ статьѣ *О Философіи* (Э. И. Губера) — опять *великолѣпное* вступленіе, и переборъ подробностей, которыя давно всякому извѣстны, при недостаткѣ рѣзкихъ характерныхъ чертъ. Журналъ не учебная книжка. Кто хочетъ *утѣся* Философію, или Исторію по журналу, для того надобно издавать не журналъ, а систематическій учебникъ. Статья г-на Губера слишкомъ недостаточна для тѣхъ, кто вовсе незнакомъ съ Философіею, и не представляетъ ничего новаго тѣмъ, кто читалъ, хоть Галичеву, или Теннеманову учебную книжку. Общія, основныя черты, самостоятельныя образы воззрѣній, самобытность системъ, новизна идей — вотъ обязанность очерковъ журнальныхъ, которыми по временамъ перерывается нестрота журнальныхъ извѣстій, какъ будто для того, чтобы дать возможность читателю остановиться и систематически осмотрѣться. — Отдѣленіе *Наукъ* въ О. З. представляетъ далѣе небольшую статью Н. А. Жеребцова о *Кадистрѣ*, грамоту Князя Василія Шуйскаго, и весьма дѣльную, но не журнальную статью почтеннаго и трудолюбиваго изыскателя Русскихъ Древностей, И. П. Сахарова, о формѣ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами. Отдѣленіе *Наукъ* кончается — събѣдустъ *Славянство*. Издатели выписываютъ изъ какого-то альбома небольшіе стихи Пушкина и пѣсенку Дельвига, но мы благодарны имъ болѣе за отрывокъ изъ поэмы Гр. Е. П. Р—й, за стихи А. В. Кольцова, и особенно за *Душу*, М. Ю. Лер-

мантова. Послѣдняя прекрасна. Давно не слышали мы такого звучнаго стиха, не слышали отъ Русскихъ поэтовъ такой свѣжей мысли!

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее, иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно. . .

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайной,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ. . .

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ, ни мысли плодovitой,
Ни гениемъ начатаго труда;
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ. . .

За такіе стихи, мы простимъ даже стихамъ В. И. Туманскаго, *Отрады недуга*, гдѣ поэтъ увѣряетъ, что самое блаженное состояніе:

Забывъ поклоны, сплетни, давку,
И даже модныхъ дамъ соборъ,
Какъ нектаръ, пить грудную травку,
И думать сердца дать просторъ. . .

Отдѣленіе *Прозы* въ О. З. очень небогато. *Пять страницъ* составляютъ *отрывокъ изъ романа*, начатаго Марлинскимъ, и найденнаго послѣ смерти автора въ его бумагахъ. Редакторъ замѣчаетъ, что «кромѣ этого отрывка, ничего не осталось изъ сего неизвѣстнаго романа, котораго планъ и содержаніе должны остаться такимъ образомъ тайною для всѣхъ и навсегда.» Мы просимъ извиненія: большой отрывокъ изъ этого романа, и именно начало его, было помѣщено въ Телеграфѣ, помнителъ, въ 1834 году. — *Исторія двухъ паломъ* (Графа В. А. С—ба) умный, милый разсказъ, гдѣ видны мысль и чувство. Но — вотъ, кажется, и все. Намъ не хотѣлось бы говорить о повѣсти Князя В. Ф. Одоевскаго: *Княжна Зизи*. Она принадлежитъ къ неудачнымъ

произведеніямъ нашего умнаго, почтеннаго литератора. Такой родъ повѣстей и не его родъ. Мы любимъ Князя Одоевскаго въ его мечтательныхъ созданіяхъ, въ его Концертъ Бетговена, Твореніяхъ Пирапези, Городъ безъ имени, въ тѣхъ, гдѣ онъ такъ поэтически развиваетъ какую нибудь философскую идею; практическая жизнь, гуморъ, «пестрая сказка» прозаической жизни не его стихія. — Не лзя не сказать нѣсколькихъ словъ о повѣсти Сервантеса, *Сила крови*, которою заключается отдѣленіе Прозы въ О. З. Повѣсть эту уже читали мы по Русски, лтъ сорокъ тому, въ *Пріятели и полезномъ препровожденіи времени*; потомъ въ *Повѣстяхъ и басняхъ Мейспера*, изд. Подшиваловымъ (М. 1802 года, кн. VII), и наконецъ въ *Повѣстяхъ Сервантеса*, изд. О. Кабритомъ (М. 1805 г. часть III). Для чего же было заставлять Русскихъ читателей читать ее въ *четвертый* разъ? Для того, что она *переведена съ Испанскаго* — скажутъ намъ. А позвольте спросить: на *какой языкъ* она переведена? Неужели на *Русскій*? Неужели по Русски такъ пишутъ: «Не думая ни о какомъ несчастіи, которое бы могло съ ними случиться, но такъ какъ бѣда, по большей части, приходитъ неожиданно, съ ними случилось такое происшествіе, которое разстроило ихъ прогулку, и имъ стало на нѣсколько лтъ о немъ поплакать... Родится злой мысли, сообщить ее другимъ, рѣшится похитить Леокадію и похитить—было двѣлою одной минуты... Пусть это листъ, гдѣ я теперь, какъ ково бы оно ни было, будетъ навсегда могилою моею чести; лучше безчестіе, если оно никому неизвѣстно, нежели честь, которая основана только на мнѣніи людей», и проч. и проч. Если насъ станутъ дарить переводами съ Испанскаго, мы готовы вовсе отказаться отъ Испанскихъ повѣстей! — Пропустимъ отдѣленіе: *Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще*. Тутъ опять вступленіе *великопѣное*, о дѣлѣ говорится мало, и послѣ изъясненія механизма желѣзныхъ дорогъ, (какъ будто мы его не знаемъ!), намъ говорятъ, какъ о повости, о Жаккардовыхъ машинкахъ, и послѣ лекціи о томъ, что такое Домоводство, предлагаютъ подробный трактатъ — о *трофеяхъ*, общаая еще говорить о «семь важномъ предметъ, со всею подробностью», въ слѣдующихъ книжкахъ. — Переходимъ къ критическому отдѣлу Отеч. Зап. — Оно дѣлится на три отдѣленія: *Художества*,

Критика, Библиографія. Каждое представляетъ опять по великопѣному вступленію, каждое сбивается потомъ въ мѣлочн и дробь, въ каждомъ опять не достаетъ общихъ взглядовъ, высшей критики—того именно, что составляетъ цѣнность критическихъ статей журнала, въ чемъ ощущается такая потребность въ настоящемъ состояніи нашего образованія и просвѣщенія, и при столькихъ великихъ вопросахъ, рождающихся изъ современнаго быта и просвѣщенія Европейскаго. У насъ есть практика, нѣтъ теорій; есть анализъ — нѣтъ синтеза. Пересказывая подробно, что сдѣлано нами Русскіе художники, что издали и напечатали наши Русскіе литераторы въ прошломъ году, упоминая притомъ кое о чѣмъ, что сдѣлано и издано въ Германіи, Франціи, Англій, хвали друзей, браня недруговъ нашихъ, достигнемъ ли мы высшаго назначенія Критики — направлять современное образованіе, указывать ему цѣль, быть совѣтникомъ литератора и художника? Скажутъ, что мы требуемъ отъ О. З. того, чего не дѣлаетъ ни одинъ Русскій журналъ. Но все они трудятся по силамъ, какъ кто смыслить и умѣетъ, все они издаются частно, въ одеѣ руки, такъ сказать, а О. З. провозглашены намъ были чѣмъ-то великимъ — общимъ; ознаменованы почетными именами ста двадцати семи человекъ; объявляли намъ требованія Космографическія, Энциклопедическія, Макрокосмическія. Онѣ не отказываются и теперь отъ своего высшаго назначенія, говорятъ, что «ли одинъ Русскій журналъ не удовлетворяетъ ихъ». — «Въ противномъ случаѣ, мы не начали бы издавать *Отечественныя Записки*» говорятъ намъ Редакторы (Отд. VII. стр. 60). Программа гордо объявляла намъ, что «О. З. будутъ составлены изъ трудовъ почти всехъ Русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ имена публички привыкли встрѣчать при сочиненіяхъ, дѣлающихъ честь Русской образованности.»

При такихъ обещаніяхъ, мы будемъ строги въ нашихъ требованіяхъ, и скажемъ, что все критическія отдѣленія О. З., представляя нѣсколько любопытныхъ подробностей, представляютъ въ то же время какія-то *резотры кое-чего*, съ прибавленіемъ по мѣстамъ замѣтокъ, что *то-то* не нравится критику, а *это* ему нравится. Тутъ выходитъ старая нѣсня: «Сидору нравится то, что написалъ Пахомъ, потому что, Пахомъ пріятель Сидору, а не нравится, что писалъ Терепній,

потому, что Терентій съ Сидоромъ компаніи не водить и ему не благоприятствуетъ». Явное пристрастіе всѣхъ родовъ составляетъ особенно рѣзкую черту въ критикѣ О. З. — Ихъ художественный критикъ стоитъ на колышкахъ передъ каждымъ эскизомъ какого нибудь Пахома, или Терентья, и просто ругаетъ какого нибудь Штейбена, увѣряя, что Штейбенъ *исдоушившійся ученикъ*. Безъ негодованія не лзя читать статьи О. З. о превосходной картинѣ Штейбена, *Наполеонъ подъ Ватерлоо*, которою любовались мы еще такъ недавно.—Такъ Д. Ю. Струйскій, въ статьѣ: *О современноиъ состоиіи Музыки въ Европѣ*, топчетъ въ грязь Россіи и восхищается Мейерберомъ. О боги! и Д. Ю. Струйскій (сi-devant *Трилингии*) рѣшается для насъ судьбу Европейской Музыки, и П. П. К—ій (котораго мы уважаемъ за дарованіе, но который, какъ критикъ и знатокъ *Художествъ*, еще ни чѣмъ не доказалъ своего авторитета) дѣлается представителемъ сужденій нашихъ о Художествахъ! Но, видно, что О. З. хотятъ насъ приучить къ новостямъ диковиннымъ. Такъ Французскую современную Литтературу просто объявляютъ намъ онѣ *лазаретною*. Такъ однимъ словомъ осуждаютъ онѣ, въ статьѣ объ Англійской Литтературѣ, превосходныя *Обозрѣнія* Англійскія. — Хотите ли мѣлкихъ доказательствъ на слова наши? Прочтите обзоріи Русской Литтературы за 1838 годъ, гдѣ вы найдете г-дѣ *Струйскаго* и *Гребенку* въ числѣ лучшихъ романистовъ и поэтовъ нашихъ; *Ледяной Доли*, г-на Лажечникова, на высотѣ славы, а *Искусителя*, г-на Загоскина, чуть не на ряду съ «Проклятымъ мѣстомъ», г-на Воскресенскаго; жестокое осужденіе падаетъ на Курсъ Франкера (N. V. изданный Смирдинымъ) и воздаются похвалы какой-то математической брошюркѣ г-на кандидата Сомова; Доменикино, Куколынка, объявляютъ только *разобрать*, увѣряя, что въ немъ есть *два, три листа удачливъ*, а между тѣмъ не забываютъ даже какой нибудь повѣсти, напечатанной въ *Литтературныхъ Прибавленіяхъ* и плохія книги, изданныя И. И. Давыдовымъ и М. П. Погодинымъ, превозносятся выше лѣса столчаго...

Чуть было не забыли мы сказать, что предметомъ *критики* въ О. З. избранъ *Гаустъ Гёте*, и что эта статья особенно любопытна, какъ образецъ искусства — говорить много, запявъ *два листа львѣлкой печати*, и — не сказать ничего!

Въ заключеніе книжки слѣдуетъ четыре листа *Слѣси*. Обпей говорить не стоитъ.

«И неужели все и только?» — Да. — «И неужели все это составило *сорокъ два листа?*» — Да, да, Мм. Гг. — Мы сами дивимся, по точно такъ — по вѣрному счету—42 листа печатныхъ, а все, что на тѣхъ листахъ помѣщено, мы исчислили вамъ подробно. Если вы потребуете отъ насъ теперь *рѣшенія* о достоинствѣ первой книжки О. З., то, во первыхъ, Мм. Гг., по одной книжкѣ судить нельзя — дайте время, дайте выйдти другимъ книжкамъ; вторыхъ, мы не судьи, посліку насъ, какъ журналистовъ, могутъ подозрѣвать въ пристрастіи. «Будемъ ждать суда не отъ журналистовъ, а отъ просвѣщенной публики,» говорятъ О. З.—Прежде суда публики, мы желали бы однакожь знать мнѣніе многихъ изъ тѣхъ, чьи *имена* находимъ въ *программѣ*, и ни въ какомъ случаѣ не хотимъ мы теперь рѣшать дѣла. — Мы пересказали, что нашли въ О. З., сказали откровенно, что *имѣи* въ ихъ правителѣ, что *не правится*, и мнѣніе наше, какъ мнѣніе частное, кладемъ въ общую урну, гдѣ балотируется и рѣшается жребій О. З., повторяя въ заключеніе эпитафій, поставленный на заглавномъ листѣ ихъ: *Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.* — Правда, совершенная правда — *beatae plane aures!*..

Въ языкъ Отеч. Записокъ перенли всѣ забавныя грамматическія нововведенія А. А. Краевскаго — «Петербургскій» слитіе предлоговъ съ именами, и страшное наводненіе *это, этихъ*. Мы нашли даже *этакой*, вмѣсто *такой*. *Которыхъ* и *чтобы* удивительное обиліе...

==

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ ЗА 1838 и 1839-й ГОДЫ.

1. Памятная книжка на 1839 годъ. Спб. въ Военн. тип. 1838 г., въ 16, 327 стр.

Не смотря на пышное усовершенствованіе типографическаго искусства, у насъ, въ Россіи, *Паллтиную книжку* можно почестъ образцомъ красиваго печатанія, при благородной простотѣ ея шрифтовъ и щегольскомъ расположеніи. Приложенные при ней *восемь* миниатюрныхъ видовъ превосходно вырѣзаны на стали. Расположеніе ея прежнее, какъ и въ прошлые годы.

2. Новороссійскій Календарь на 1839 годъ, издаваемый при Ришельевскомъ Лицеѣ. Одесса, въ Городск. тип. 1838 г., въ 12, 270 стр.

Одесса живое доказательство, что теорія должна слушаться практики, когда дѣло идетъ не объ однихъ только умозрѣніяхъ; что нельзя назначить мѣста городу по ландкартѣ, а назначаютъ его жизнь и потребности общественныя, и что не на большихъ дорогахъ строятся большіе города, а большія дороги проводятся отъ большихъ городовъ. Тамъ, гдѣ въ 1795 году стояла бѣдная крѣпость Гаджибей, тамъ въ 1838 году находится городъ съ 8,480 домами, съ 45,000 (а съ предметами до 70,000) жителей, съ 11-ю церквами Православными, съ Лицеємъ, съ театромъ, со всею роскошью Европейскихъ городовъ, съ торговлею, которая оборачиваетъ въ годъ по одной навигаціи *пятьдесятъ миллионозъ* рублей. Одессу можно назвать *столицею* Новороссійскаго края, и такой городъ имѣетъ потребность въ разныхъ облегчительныхъ средствахъ общественныхъ сообщеній; тамъ издаются газеты, печатается *Календарь*, гдѣ собраны все пужныя мѣстныя свѣдѣнія, адреса, разстоянія городовъ, списки чиновниковъ, росписанія

нія почтовыхъ дней, ярмарокъ, и проч. — Но издатели Календаря присовокупляютъ статьи, любопытныя и не для живущихъ только въ Одессѣ. Таковы статьи Историческія, Статистическія, важныя для насъ тѣмъ, что на нихъ можемъ мы положиться, ибо онѣ собраны на мѣстѣ. Таковы описанія городовъ Новороссійскихъ и Одессы, исчисленія учащихъ и учащихся, таблицы торговли, каботажна, статьи о климатѣ Одесскомъ, и Сакскихъ целебныхъ грязяхъ, о *Караимсахъ* (остаткѣ древнихъ Иудеевъ, которые вѣрують только Ветхому Завету, отвергають Талмудъ, одѣваются и говорятъ по Татарски, и живутъ въ Крыму, гдѣ ихъ считается больше 4000 душъ, и гдѣ у нихъ учрежденъ *синагогъ*). Съ любопытствомъ увидѣли мы при Новороссійскомъ Календарѣ объявленіе объ изданіи *Одесскаго Альманаха*, въ которомъ участвуютъ многіе извѣстные наши литераторы, и гдѣ будутъ приложены гравир. на стали картинки. Благотворительная цѣль руководствуетъ Издателей: весь доходъ отъ Альманаха обращается ими въ пользу бѣдныхъ учениковъ Одесскаго Учебнаго Округа. Тѣмъ лучше, если съ удовольствіемъ можно соединить и *доброе дѣло*.

3. Библиотека *Коммерческихъ Знаній*. Отдѣленіе I и II. *Товаровѣдѣніе и Коммерческая Статистика*. Томъ I, книжки 1 и 2. Спб. въ тип. Е. Фишера, 1839 года, въ 8.

Почтенные Издатели исполнили свое обѣщаніе — начали печатаніе своей *Библиотеки*, и просмотрѣвъ теперь *два* вышедшія книжки, прибавимъ, что они исполняютъ обѣщаніе свое вполне, во всехъ отношеніяхъ. *Библиотека* является превосходною, какъ по части редакціи, такъ и самаго изданія, даже въ его типографическомъ отношеніи. Соображая цѣну: 25 *рублей* (съ пересылкою 30 *рублей*), для подписавшихся по 1-е Февраля, за 12-ть книжекъ, которыя выйдутъ въ теченіе 1839 года, и составятъ *три тома*, каждый отъ 500 до 700 страницъ; соображая труды и расходы редакціи, и не только оиритное, но даже щегольское изданіе (для чего, распорядитель по изданію, г-нъ Фишеръ, приобрѣлъ нарочно покупкою собственную типографію, бывшую прежде г-на Воейкова, и умножилъ ее богатыми шрифтами словолитни Ревильона), мы рѣшительно сознаемъ, что почтенные Издатели Библиотеки прежде всего поставляють цѣлью общественную

пользу, а потомъ уже выгоды за трудъ. И выгоды, конечно, не замедлятъ, ибо мы знаемъ, съ какою любознательностью стремятся нынѣ читатели, для которыхъ предназначается Библиотека, приобретать полезныя для нихъ свѣдѣнія. Сущностью содержанія, планомъ, свѣжестью и полнотою статей, она безспорно удовлетворитъ самую взыскательную критику. Купецъ, промышленникъ, заводчикъ, фабрикантъ, сельскій хозяинъ (не говоря уже о географѣ, статистикѣ, и вообще каждомъ образованномъ чловѣкѣ) найдутъ въ ней богатый запасъ свѣдѣній, а рассмотрѣвъ внимательно *планъ* и *сущность статей*, мы вѣримъ, что въ *десяти томахъ* Библиотека заключитъ удовлетворительную полноту статей; соображая же способы редакціи, убѣждаемся, что она исправно совершитъ предпріятіе свое въ *три года*.

Мы уже говорили о программѣ Библиотеки, и надѣясь еще много разъ обращаться къ сему полезному изданію, объяснимъ здѣсь только, самымъ краткимъ образомъ, *планъ ея*, и скажемъ о вышедшихъ двухъ книжкахъ.

Издатели дѣлятъ всю Библиотеку на двѣ половины: *предметы и мѣста торговли* (товаровѣдѣніе и статистика торговая) и *уставы и теорія торговли*. Вторая половина (гдѣ должны быть всѣ постановленія и законы торговли, системы разныхъ торговъ и бухгалтеріи) будетъ выдана въ послѣдствіи, а нынѣ издается *первая половина*.

Въ ней соединяются, какъ мы сказали, *предметы* и *мѣста* торговли. Въ слѣдствіе сего входитъ сюда все, что составляетъ *товаръ* и *знаніе товаровъ* (*Waarenkunde*, товаровѣдѣніе), и описаніе государствъ, земель, городовъ, рѣкъ, морей, словомъ — *мѣстъ*, гдѣ производится торговля. Описанія государствъ представляютъ общія собирательныя изслѣдованія о торговлѣ каждаго государства; описанія городовъ суть указанія главныхъ точекъ торговыхъ; описанія водъ суть изслѣдованія объ нихъ, какъ мѣстахъ произведеній, сообщеній и торговыхъ пристанищъ. — Изслѣдованія о товарахъ ведутъ къ изясненіямъ *основныхъ предметовъ* каждаго торговаго и промышленнаго производства, изъ чего сама собою развивается *техника* ихъ.

Строгая система руководствуетъ Издателей Библиотеки при разборѣ относительной важности каждаго предмета. Столь же строгая, скупая отчетливость видна въ словахъ при описаніяхъ.

Ссылки одной статьи на другую, собирательныя, такъ сказать, статьи, и *Указатель*, гдѣ поместится полный слово-толкователь всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, съ ссылками въ нужныхъ случаяхъ на статьи Библиотеки — вотъ отличительныя черты, конми поясняются *полнота* и *систематика* изданія, которое можно причислить къ самымъ благотельнымъ предпріятіямъ въ наше время. Уже много разъ случалось намъ говорить въ журналѣ нашемъ, что *практика*, факты именно, *факты* и практика, теперь намъ дороже всего, ибо при настоящемъ образованіи нашемъ, мы вообще мало, очень мало знаемъ! Библиотека Коммерческихъ Знаній передаетъ намъ того и другаго обширный запасъ, и передаетъ его производительному званію общества, гдѣ то и другое всего необходимѣе. Неловко, если въ Литтературѣ толкуютъ ошибочно по незнанію дѣла, по ужъ вовсе никуда не годится толковать ошибочно о Торговлѣ, потому, что въ знаніи фактовъ и вѣрности ихъ тутъ главная задача.

Въ двухъ книжкахъ Б. К. З. помѣщены слѣдующія статьи: «Австрійская Имперія, Александрія, Амстердамъ, Антверпенъ, Арханг. губернія и Архангельскъ, Астрах. губернія и Астрахань», и «Алмазь, Анисъ». — Въ первой статьѣ находимъ полную, *кампмерскую географію и статистику* Австрійской Имперіи; въ семи слѣдующихъ все, что только нужно знать купцу и промышленнику о мѣстности Александрии, Амстердама, Астрахани, и проч.; въ двухъ остальныхъ видимъ естественныиспытательное и техническое описаніе предметовъ.

Съ петербургскимъ ждемъ 3 и 4-й книжечкы. Въ нихъ будутъ статьи: *Барань, Береза, Бобръ, и Балтійское Море, Берлинъ, Бессарабская Область, Бордо, Бразилія*. Но особенное вниманіе должна обратить на себя статья: *Британскіе Острова*, гдѣ увидимъ мы картину торговли и промышленности Англійской, увидимъ изображеніе Великобританіи, «бриллианта, оправленного Океаномъ», этого дивнаго явленія нашихъ временъ, и будемъ имѣть случай и поговорить и подумать.

Издатели Б. К. З. суть г-да *Фишеръ* и *Небольсинъ*, первый главный распорядитель по изданію, другой главный редакторъ (извѣстный изданіемъ *Коммерческой Газеты*). Ихъ труды удостоились уже лестнаго вниманія почтеннаго Правительства: г-да Министры Финансовъ, Государственныхъ

Имущество и Внутреннихъ Дѣлъ предоставили имъ пользоваться всѣми свѣдѣніями, какія только находятся въ сихъ министерствахъ, касательно статистики, торговли и промышленности Россіи.

Должно еще замѣтить, что каждая статья Б. К. З. имѣетъ отдѣльное означеніе страницъ; слѣдовательно, каждый читатель можетъ потомъ переилеять статьи въ книги, какъ почитать для себя удобнѣе. Рѣдкіе издатели книгъ заботятся такъ о своихъ читателейъ, какъ заботятся объ нихъ Издатель Б. К. З. — Читающей публики грѣшно быть противъ нихъ неблагодарными.

4. Военная Библиотека, и проч., издаваемая, подъ руководствомъ генерала барона Н. В. Медема и О. И. Сенковского, И. И. Глазуновымъ на 1838 годъ. Томъ II. *Войны Среднихъ Вѣковъ. Обзорніе Исторіи Военнаго Искусства. Сог. Брандта.* Переводъ К. Г. Ш. Л. А. Штюрмера. Спб. въ тип. И. Глазунова, 1838 г. въ 8, 373 стр.

О первомъ томѣ В. Б., по новому ея плану, мы имѣли честь докладывать нашимъ читателямъ (С. О. 1838, кн. XI, отд. IV, стр. 70—75). Не угодно ли полюбоваться *вторымъ* томомъ, гдѣ найдете весьма плохую компиляцію Нѣмецкую, плохо переведенную на Русскій языкъ. — О. И. Сенковский увѣряетъ, что твореніе Брандта, «по повости *своего* предмета, основательности познаній автора, превосходной критикѣ источниковъ, занимательности подробностей, ясному, живому и заманчивому изложенію». . . Ну, чтобы вы думали? — *представляетъ всю увлекательность историческаго романа!* — Признаться, если ученую историческую книгу хвалить такъ, то — «не поздоровится ей отъ *такихъ* похвалъ!» — Но О. И. Сенковский очень добродушно прибавляетъ: «Тѣ, *которые* читаютъ неподражаемые романы В. Скотта, *должны бы,* по мнѣнію нашему, прежде всего прочесть Исторію Военнаго дѣла (?), Брандта. Да, и тѣ, *которые* пишутъ для насъ романы, заимствуя сюжетъ изъ отечественной или другой старины, очень хорошо сдѣлали бы, если бы напередъ познакомились съ *его* сочиненіемъ (то есть, сочиненіемъ Брандта — рѣчь не красно клеится — извините, какова есть!). — По нашему мнѣнію, вотъ самая лучшая оцѣнка книги Брандта. Читайте ее, г-да Русскіе Историческіе Романисты,

читайте ее, читатели романовъ В. Скотта, и увольте отъ чтенія ея людей военныхъ! — Г-нъ Сенковский увѣряетъ, что Русскій переводъ книги Брандта *«дѣлаетъ честь перу»* переводчиковъ. — Этакой похвалы, мы ужь вовсе не понимаемъ! — «Честь перу?»... Чтобы это такое: *честь перу?* Нѣтъ! не понимаемъ, воля ваша! Впрочемъ, есть Нѣмецкая поговорка, *die Leute glauben gar zu gern den Worten mehr, als der Sache.* А въ искренности *словъ* О. И. Сенковского и сомнѣваться нечего: опъ самъ *главный Редакторъ Военной Библиотеки*, какъ видно изъ ея заглавія. Какъ же ему не хвалить ея?

5. Сборникъ *Князя Оболенскаго.* Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института, 1838 г. въ 8, 382 стр.

«Издавая мой Историческій Сборникъ», говоритъ почтенный Издатель, «съ чистымъ желаніемъ добра и ревностно быть, по мѣрѣ силъ, полезнымъ Отечеству, имѣю единственною цѣлью: сохранить отъ гибели драгоценныя Историческія памятники, передать ихъ ученому свѣту, и тѣмъ дать новое побужденіе каждому Рускому гордиться, что опъ Русскій.»

Прекрасная цѣль, и ее достигаетъ Издатель, исполняя свое предпріятіе превосходно, какъ по выбору предметовъ, такъ и по тщательной, ученой обработкѣ ихъ. Имя князя М. А. Оболенскаго, заступившаго нынѣ мѣсто извѣстнаго археографа нашего, К. Ѳ. Калайдовича, при Комисіи печатанія госуд. грамотъ въ Москвѣ, ужь извѣстно ученой публикѣ по изданной имъ *Супрасльской Липтониси.* Можемъ многого надѣяться отъ сего почтеннаго, трудолюбиваго ревнителя Отечественныхъ Древностей, еще въ юныхъ лѣтахъ, при всѣхъ средствахъ науки и независимаго положенія своего въ обществѣ, посвящающаго время и трудъ преданіямъ Русской Старины.

Изданный нынѣ Княземъ Оболенскимъ *Сборникъ* оправдываетъ наши надежды. Подъ симъ именемъ, Издатель намѣренъ печатать драгоценныя акты, которые безъ того надолго могли бы оставаться неизвѣстными публикѣ. Исчисляемъ здѣсь, что помѣщено въ первомъ, вышедшемъ нынѣ отдѣленіи, или книгѣ Сборника:

1. *Книга Посольская Великаго Княжества Литовскаго.* Тутъ особенно драгоценна, бывшая неизвѣстною доннынъ,

переписка Спгизмунда съ Менгли-Гиреемъ и Мегметъ-Аминемъ.

2. *Отвѣты Литовскихъ пословъ Московскимъ Думнымъ Болрамъ.* Возраженія умнаго Гонсевскаго противъ упрековъ Болрекихъ, въ 1608 году, и дополненія къ тому Казимирскаго и Хоткевича, въ 1615 году — драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи Годунова и Самозванцевъ!

3. *Слѣдственное дѣло Максима Грека.* Оно известно уже изъ актовъ, изд. Археографическою Коммиссіею. Къ нему служить дополненіемъ —

4. Огрывокъ слѣдственного дѣла о неплѣди В. К. Соломоніи Юрьевны.

5. *Дневникъ Литовскихъ пословъ, Сбаржскаго и Шилковича,* прѣзжавшихъ въ Москву къ Иоанну, въ 1556 году.

6. Розыскъ о побѣдѣ изъ Москвы Князя Рязанскаго, 1521 года. Здѣсь дополняется исторія сего несчастнаго бѣглеца подробностями, донынѣ неизвѣстными для насъ.

7. *Грамата Царя Бориса.* Чрезвычайно драгоценный актъ, въ существованіи коего сомнѣвался Карамзинъ, важное дополненіе къ исторіи Бориса и Отрепьева, бывшее донынѣ извѣстнымъ только по выпискамъ Когновичскаго и Нарушевича.

8. *Наказъ Спгизмунда III-го* Санегъ, Варшицкому и Пельgrimовскому, отиравленнымъ въ Москву для поздравленія, Годунова, въ 1600 году (на Польскомъ языкѣ).

9. Грамата *Тушинскаго Саможаница* къ Смольянамъ, любопытная по ея подробнымъ извѣстіямъ о современности.

10. Посольское донесеніе Льва Буховецкаго, о посольствѣ его къ Иоанну Грозному, въ 1576 году.

Такимъ образомъ, въ первой книгѣ приобретаемъ мы уже столько новаго и любопытнаго, что долгомъ почитаемъ просить Издателя отъ лица всѣхъ знатоковъ — продолжать его трудъ, и конечно, наградою его будетъ оцѣнка пользы сего труда отъ всѣхъ, кто знаетъ и можетъ дать ему цѣну, а особенно зная затрудненія, съ какими подобныя предпріятія сопряжены бывають.

6. Биографія *Иосифа Добровскаго,* сочиненная Ф. Палацкимъ. Съ Нѣм. пер. А. Царскій. Москва, въ тип. А. Семена, 1838 г., въ 8, 70 стр.

Имя Аббата Добровскаго, род. въ 1753 году, умерш. въ 1829 году, и посвятившаго всю долговременную жизнь свою изслѣдованіямъ объ исторіи и письменности Славянскихъ народовъ, достойно памяти. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ, возбуждавшихъ умственную дѣятельность Славянскихъ племенъ, отдѣленныхъ отъ главнаго своего корня, и не смотря на парадоксы и ошибки, труды его всегда останутся въ почетъ у занимающихся исторіею, географіею, языками Славянъ. — Жизнь человека, подобнаго Добровскому, вся въ его книгахъ, но любопытны и подробности такой жизни, скромной, тихой, проведенной среди трудовъ кабинетныхъ. Палацкій землякъ Добровскаго, собралъ также всѣ бібліографическія подробности объ его сочиненіяхъ; онъ важны для знатоковъ. Мы съ удовольствіемъ увидѣли имя переводчика: онъ сынъ того почтеннаго Московскаго гражданина, И. Н. Царскаго, который столь извѣстенъ своимъ собраніемъ бібліографическихъ рѣдкостей Русской Старины и любовью своею къ Отечественнымъ Древностямъ. Желаемъ, чтобы въ сынъ явился намъ достойный наследникъ любознательной охоты почтеннаго родителя.

7. Изслѣдованіе о *Прогрессивъ, Штаба Черноморскаго Флота и Портвъ Астрополи въ Кнорре.* Николаевъ, въ тип. Гидр. Черном. Дено, 1838 г. въ 4, 43 стр.

Въ 1837 году издана была, полковникомъ Корпуса Корабельныхъ Инженеровъ, г-мъ Поповымъ, брошюрка о *Прогрессивъ,* кривой линіи, употребляемой въ кораблестроеніи. Г-нъ Кнорре подвергаетъ критическому обозрѣнію сочиненіе г-на Попова, важное по многимъ отношеніямъ, какъ оныя достигнуть наибольшей точности въ теоріи кораблестроенія.

8. О развитіи *Изящнаго въ Искусствахъ, и особенно въ Словесности.* Разсужденіе, написанное на степень Доктора Философскаго факультета *Михаиломъ Розбергомъ,* испр. должность О. Н. Русскаго языка, и проч. — Дерптъ, въ тип. в.сл. Лидфорса, 1838 г. въ 8, 65 стр.

Есть вѣчные законы Изящнаго, какъ есть вѣчные законы Благата и Истиннаго. Но они всегда останутся проблеммою для человека. И если въ школьнѣ вѣковъ, человекъ нынѣ узналъ ихъ болѣе, нежели зналъ прежде, знаніе его все таки

остается только наведеніемъ, а не полнымъ знаніемъ. Умозрѣніе только одна сторона человѣческаго вѣдѣнія. Безъ *практическихъ приложений*, мы никакъ не сладимъ съ нашими умозрѣніями, и кто не только не думаетъ о нихъ приложительныхъ, но даже считаетъ ихъ для себя дѣломъ постороннимъ, тотъ скажетъ нѣсколько частныхъ истинъ, но никогда не восполнитъ ихъ удовлетворительно.

Германская Эстетика, безспорно, оказала величайшія заслуги наукъ Изящнаго, но недостатокъ ея именно въ односторонности умозрительнаго воззрѣнія. Г-нъ Розбергъ, ученикъ и послѣдователь Германской повѣйшей Философіи, говорить много прекраснаго, хоть и давно известнаго. Что же слыдуется изъ того? Содержаніе его диссертацийъ выражаетъ эпитафію, взятый имъ изъ Гегеля: *Die Philosophie der Kunst bemüht sich nicht um Vorschriften für die Künstler, sondern sie hat auszumachen, was das Schöne überhaupt ist und wie es sich im Vorhandenen, in Kunstwerken gezeigt hat, ohne dergleichen Regeln geben zu wollen.* Очень хорошо, да мы и не требуемъ правилъ и предписаній для Художества, но однакожь постигли ль вы, Мм. Гг., «Изящное вообще, какъ оно намъ представляется?» — Сомнительно. Мы знаемъ нѣчто, темно понимаемъ болѣе, предполагаемъ остальное. Впрочемъ, всякое усиліе къ достиженію истины есть уже добро, даже самое *желаніе знать истину*, въ какомъ бы видѣ оно намъ ни явилось. Время отдѣлать участки нашихъ заблужденій, а съмя небеснаго отблеска истины никогда не погибнетъ. Здѣсь оправдываются слова Вильмена, приводимыя г-мъ Розбергомъ: «Въ Искусствахъ, какъ въ жизни, есть вѣчная истина и переходящія формы... Истина есть то, что касается глубины сердца человѣческаго; остальное одежда, измѣняющаяся съ временами и по прихоти обычая. Заблужденія восторженныя состоятъ въ страсти ихъ къ нѣкоторымъ изъ сихъ измѣняемыхъ и второстепенныхъ формъ, и въ томъ, что они берутъ сіи формы за самую сущность»...

9. Совершенствованіе человека въ истинѣ. Соч. П. Д. Маркелова. Книжка I. Спб. въ тип. А. Плюшара, 1839 г. въ 12, 32 стр.

Вотъ небольшое сочиненіе, которое прочитали мы съ сердечнымъ наслажденіемъ. Это капля воды на иссыхающее отъ

жажды сердце человѣческое. Почтенный авторъ бесѣдуетъ въ духъ кроткаго друга, а не строгаго догматика. Желаемъ, чтобы поскорѣ явились послѣдующія книжки его сочиненія. Пусть вспомнить онъ, что и на голосъ вопіявшаго въ пустынѣ все таки приходили, хоть немногіе избранные...

10. Палестина, и ливта, освященныя ученіемъ и страданіемъ Апостоловъ. Сорокъ восемь живописныхъ видовъ, по рисункамъ Гардинга, Турне и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Пер. съ Франц. Н. Бобылева. Четыре части. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, XVI, 126, 130, 56 и 59 стр.

Одно изъ *живописныхъ* описаній, какія нынѣ выходятъ въ такомъ изобиліи во Франціи, Англии, Германіи. Основаніе составляютъ тутъ картинки, а впрочемъ и описанія *пошлилуются* иногда очень ловко, умно, а главное легко и понятно для большаго числа читателей. Таково описаніе Палестины, переведенное г-мъ Бобылевымъ, и изданное въ Москвѣ г-мъ Логшиновымъ. Серднится не за что, если переводъ — могъ быть лучше, и если картинки Парижскія замѣнены литографією, которая, тоже, могла бы быть лучше? Нѣтъ, мы поблагодаримъ, напротивъ, и переводчика и издателя, ибо они издали книгу для чтенія публики невзыскательной, а между тѣмъ любящей читать, и въ книгѣ ихъ приобретающей чтеніе назидательное и полезное. Въ легкомъ, пріятномъ очеркѣ изображаются имъ здѣсь Иерусалимъ, всѣ замѣчательныя мѣста Палестины, часть Египта, Архипелага, и въ заключеніе Римскій Форумъ и Колизей, какъ достопамятныя мѣста страданій первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Жаль, что переводчикъ не присовокупилъ дополненій изъ путешествій нашихъ соотечественниковъ, г-дъ Муравьева и Норова. Такъ, напримѣръ, онъ могъ замѣнить недостаточное извѣстіе о мечети Омаровой (ч. I, стр. 63 и слѣд.), куда прещается входить христіанамъ, прекраснымъ ея описаніемъ г-на Норова, который свободно осматрѣлъ сіе славное мѣсто, гдѣ нѣкогда возвышался храмъ Соломоновъ.

11. Карманный указатель города С. Петербурга, съ планомъ. Manuel portatif de St. Pétersbourg. Спб. въ тип. К. Края, 1839 г. въ 16, 53 стр.

Миніатюрный, но отлично хорошо и отчетливо сдѣланный

при жизни автора безъ его имени, и наконецъ отрывки изъ частной его переписки. Последнее кажется намъ особенно пужно потому, что многіе невѣгласы винятъ Марлинскаго въ изкаженномъ остроуміи, принужденной игрѣ словъ, и если нѣтъ ставить ему все это въ вину, за то другіе мыслятъ, что такъ надобно писать, можно писать, и въ слѣдствіе того стараются подражать кипучему слогу Марлинскаго. И тѣ и другіе ошибаются. Марлинскій не могъ иначе писать, и потому слогъ его былъ хорошъ и оригиналенъ, какъ слогъ Жанъ-Поля, который будетъ уродливъ для всякаго другаго, потому, что будетъ поддѣльный. Неподдѣльность выраженія Марлинскаго можетъ доказать только частная его переписка, измѣненіе сердца, безъ всякихъ приготовленій, безъ всякой подготовки, простая рѣчь, какою всегда говорилъ онъ, но равно, какъ его печатныя повѣсти и рассказы, цвѣтистая, пестрая, остроумная, насмѣшливая, страстная, трогательная. Не боясь упрека въ классицизмъ, повторимъ слова Бюффона: *le style c'est l'homme*, и для самобытнаго слога надобно быть самобытнымъ человѣкомъ. Вотъ почему, мы подосадовали на издателей сочиненій Марлинскаго, что они помѣстили теперь въ его сочиненія Мулла-Нура и другія статьи, бывшія въ *Библиотекѣ для чтенія*, такъ, какъ они были въ ней напечатаны. Жаль и очень жаль! Греть, Булгаринъ, Полевой, все, кто печаталъ при жизни Марлинскаго его статьи, печатали ихъ въ точности. Не такъ поступалъ О. И. Сенковский; онъ *переправлялъ* ихъ, убавлялъ, прибавлялъ отъ себя. Известно, какой *знатокъ* Русскаго языка О. И. Сенковский и каковы его *поправки!*.... Вотъ вамъ маленькій примѣръ. Въ одномъ изъ Кавказскихъ Очерковъ, въ Б. для Ч. помѣщенныхъ, читатели увидѣли слово: *видонись*, и внизу примѣчаніе отъ имени Марлинскаго, что онъ предлагаетъ замѣнять видонисью слова: *пейзажъ, ландшафтъ*. Нельзя было не изумиться! Марлинскій любилъ повенкое слово, наравнѣ съ краснымъ словомъ, но, какъ знатокъ Русскаго языка, не могъ онъ составить слова совершенно противъ логики его. Дѣло ясно: слогъ *пись*, присовокупляемый въ концѣ словъ (*руко-пись, живо-пись, скоро-пись, под-пись, над-пись*), показываетъ *произведеніе*, а не *предметъ* писанія. Но развѣ ландшафтъ, пейзажъ Алазанской долины кто нибудь *написалъ, списалъ*? И даже для выраженія ландшафта, какъ произведенія художества, *ви-*

донись негодилась, ибо тогда пришлось бы намъ говорить: *видо-писная живопись, видо-писный живо-писецъ!* Одинъ изъ знакомыхъ писалъ обо всемъ этомъ къ Марлинскому, и получилъ въ отвѣтъ горькую жалобу, что О. И. Сенковский позволяеть себѣ нестерпимое самовластіе въ статьяхъ его, и что видониси никогда онъ и не думалъ выдумывать, а стояло у него слово: *красивѣе*, которое хотя и правильно, но отъ котораго однакожъ онъ теперь отказывается по неблагозвучію его. Къ досадѣ всѣхъ уважающихъ дарованіе Марлинскаго въ собраніи его сочиненій (ч. X, стр. 199), несчастная *видонись* осталась. Остались и измѣненія О. И. Сенковского въ другихъ статьяхъ. Нельзя ли какъ нибудь теперь пособить горю? Приложить хоть варианты, свѣривши тексты съ рукописями Марлинскаго? — Если даже и не спорить, что переправки О. И. были превосходны, но мы не О. И. хотимъ читать, а Марлинскаго, и тѣмъ болѣе, что теперь, изъ мѣгилы, онъ уже не заступится за свои литературныя права, священныя не менѣе всякихъ другихъ правъ. Здѣсь, кстати сказать, что Марлинскій жаловался особенно на видониси и переправки въ повѣсти его: *Мулла-Нуръ*, одномъ изъ прекраснѣйшихъ его созданій. —

Портретъ Марлинскаго, приложенный къ вышепримѣннымъ частямъ его сочиненій, превосходенъ. Онъ гравированъ въ Англіи, на стали.

Но Марлинскій и его сочиненія уже *происдѣше* — обратимся къ *настоящелу*, и вотъ кстати новый альманахъ. Припомнимъ, что альманахи началъ у насъ на Руси Марлинскій. Ушли ль они впередъ? Отсталиль теперь? —

14. Утренняя Заря. *Альманахъ на 1859 годъ*. Изданный В. Владиславлевымъ. СПб. въ тип. Е. Фишера, 1859 года, въ 12, 384 и II стр. съ картинками.

Въ числѣ вопросовъ, волновавшихъ Русскую литературу въ послѣдніе годы, былъ вопросъ и объ альманахахъ. Мы помнимъ, когда вышелъ *первый* Русскій альманахъ, т. е. альманахъ въ *новѣйшемъ значеніи* сего слова, какъ *сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ*, въ красивомъ изданіи, съ картинками, въ маленькомъ форматѣ, почему онъ можетъ годится для подарка и сюрприза въ новѣйшій годъ и на святкахъ. Это было *событіе* литературное. Къ рожденію альманаха сошлось все, что было тогда знаменитаго въ Русской литера-
Т. VII. — Отд. IV. 58 1/2

турь: Дмитріевъ, Жуковскій, Пушкинъ, Грибовъдовъ, Булгаринъ, Гречь, и проч. и проч. — Альманахъ начался обзорнѣемъ; за обзорнѣе началась война; журналы загрѣбли; публика разхватила альманахъ. И въ самомъ дѣлѣ, первые альманахи наши можно было назвать образчиками лучшаго изъ современной Русской Словесности. Но, съ легкой руки первыхъ издателей, посыпались, дождемъ полились альманахи, и въ нѣсколько лѣтъ превратились въ пошлую спекуляцію, упали въ мнѣніи публики, и — исчезли, какъ рой мухъ, отравленныхъ тяжкимъ мухоморомъ — скукою читателей. Нѣсколько лѣтъ прошло, что объ альманахахъ и поминна не было. Большую смѣлость надобно было напомнить опять объ альманахахъ. Но въ прошломъ году, г-нъ Владиславлевъ не побоялся упадшей альманачной славы, и его опытъ былъ удаченъ; альманахъ его былъ пріятною новостью, знакомою незнакомою. Издатель рѣшился и на 1839 годъ продолжить свой опытъ. Но онъ поступилъ, какъ искусный тактикъ: не вѣря, чтобы альманахъ въ наше время могъ быть литературною диковинкою, какъ бывалъ прежде, онъ ввелъ его въ Европейскую колею альманаховъ. Въ Англии и Германіи выходитъ каждый годъ множество альманаховъ, но они цѣнятся только, какъ литературныя сюрпризы, назначаются вмѣсто мебели для салоновъ и гостиныхъ, гдѣ прельщаютъ своего паружною прелестью и прекрасными картинками. Литература въ нихъ тоже что переплетъ, рамка, въ которую вставлены картинки. Г-нъ Владиславлевъ сдѣлалъ для своей *Утренней Зари* все, что только можно сдѣлать для изящества альманаха въ Россіи. Онъ не жалѣлъ расходовъ на гравированіе картинокъ въ Англии, бумагу, печать. Заглавная вышетка, гдѣ изображенъ памятникъ Петра Великаго, освѣщаемый восходящимъ солнцемъ, очаровательно хороша, по пѣжности гравировки. Превосходенъ также ландшафтъ, съ Штериберговой картины — Крепцатикъ Кіевскій. Отлично сдѣлана гравюра съ группы Амуръ и Венера, которую производитъ воспитанникъ нашей Академіи, г-нъ Рамазановъ. Но маленькій *chef d'oeuvre* гравированія — гравюра съ известной картины г-на Бруни, *Спаситель, молящійся въ вертоградѣ*, или, какъ ее иначе называютъ, *моленіе о гниль*. Глубокая тѣнь фона и мастерское освѣщеніе лѣвой стороны картины дали всю возможность гравюру поцеголить свѣто-тѣнью, въ чемъ едва ли не состоитъ все достоинство и самаго ориги-

нала. — Мы увѣрены, что если г-нъ Владиславлевъ и на будущій годъ рѣшится издать альманахъ, то онъ введетъ у насъ въ моду альманахи, какъ новую роскошь художественно-литературную, тѣмъ болѣе, что онъ также добросовѣстно прилагаетъ стараніе и объ *литературной части* своего альманаха. Но хвала часть художественную, объ литературную сказать ли тоже самое? Хотѣлось бы, страхъ какъ хотѣлось бы, но — *не могли*, какъ говоритъ М. П. Погодинъ въ *Маршъ Посадницъ* — простите, насъ, добрый, милый, уважаемый нами Издатель Утренней Зари! Вы сдѣлали все, что могли: открыли роскошный пріютъ Русскимъ поэтамъ и прозаикамъ, пригласили ихъ, и если они не хотѣли сдѣлать всего, что могли, или и старались, но ничего не могли сдѣлать болѣе того, что сдѣлали — вы совсѣмъ виноваты. — Впрочемъ, при пѣніишемъ нашемъ *безремлянн* на стихи и прозу, читатели ни сколько не въ правѣ жаловаться на *Утреннего Зарю*. Пушкина, Грибовъдова, Марлинскаго нѣтъ; Жуковскій, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ если и пишутъ, такъ не печатаютъ; Загоскинъ пишетъ романы; Булгаринъ составляетъ журнальную мозаику; тотъ умеръ, другой уѣхалъ, третій вовсе не пишетъ, четвертый спалъ съ голоса, пятому недосугъ... Будемъ же довольны тѣмъ, что есть...

Вотъ, на примѣръ, въ *Утренней Зарѣ*, мы нашли прекрасный переводъ Гетева Прометей, и отрывки изъ его же Фаста (А. Н. Струговщикова). Далѣе, въ прозѣ, веселую повесть самаго Издателя (*Синьоръ Маскитаціо*); письмо Русскаго Инвалида, о которомъ упомянуть, значить похвалить; гуморическую статейку о правахъ, А. В. Никитенки (*Маленькіе великіе люди*). Наконецъ, если не *альманачныя*, за то *любопытныя* статьи И. П. Сахарова (*Русское учебное общество XVIII столѣтія*), Казака Луганскаго (*Разсказъ выходяща изъ Хивы*), Н. И. Надеждина (*Народная поэзія у Зырянъ* — совершенно новый для насъ предметъ). Довольно для прозы альманаха; цѣны вещи по времени и сравненію. — Въ стихахъ, мы замѣтили пьесы Э. И. Губера, А. И. Подолнискаго, Н. В. Кукольника, А. В. Кольцова. — Остальную прозу почти не — хоть балластомъ — туда сложите четыре остальныхъ повѣсти, всѣ Мечтанія, Идилліи, Сны, Цвѣты, Соловьевъ, Поэзію, Поэта, Музы, Праздники сердца, Двѣ ночи, Двѣ красоты, и проч., и проч. — Нельзя же безъ балласта!

15. Басурманъ. *Сочиненіе И. Лажечникова*. Четыре ча-

сти. Москва, въ тип. Авг. Семена и Ник. Степанова, 1838 года, въ 12, XXVI, 247, 246, 274 и 286 стр.

Кажется, нѣтъ благороднѣе и выше того назначенія Критикъ, когда она возвышаетъ свой голосъ противъ мнѣнія — не *общаго* — тогда она ошибается, и ее наказываетъ общее негодованіе и презрѣніе, но — мнѣнія пристрастныхъ, своекорыстныхъ людей, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, составляютъ какую нибудь шумливую партію, и хотѣть выдвинуть на высоту что нибудь недостойное высоты. Надобно вспомнить, что толпа иногда увлекается воплями и кликами, и въ слѣдствіе того, вопль партіи можетъ имѣть вредное вліяніе на умы, языкъ, вкусъ людей неопытныхъ. Читатель — просто, видя пельность чего нибудь, молчать; читатель — критикъ молчать не долженъ.

Потому, мы хотимъ поподробнѣе поговорить о сочиненіяхъ г-на Лажечникова, и особливо о новомъ его сочиненіи: *Басурманъ*.

Мы никогда не отвергали безспорнаго дарованія автора; оно есть у него, и иди онъ своею скромною дорогою, заботясь объ усовершенствованіи своего дарованія размышленіемъ и наукою, онъ могъ бы занять почетное мѣсто между Русскими романистами. Говоря о *Ледномъ Долгѣ* (С. О. 1838 г. кн. IX, отд. IV, стр. 69), мы сказали, что напротивъ, авторъ избралъ путь превратный. Мы желали, чтобы онъ оставилъ его. Но *Басурманъ* доказываетъ, что авторъ увѣрился уже въ безспорномъ излществѣ своихъ созданій, въ истинѣ своихъ идей, и здѣсь надобно, чтобы критика, не просто *указала*, но *доказала* его ошибки и заблужденія.

Басурманъ, повторяемъ, показываетъ убѣжденіе автора въ превратномъ пути его: ложномъ изображеніи челоука, естественномъ изображеніи страстей, красотѣ запутанныхъ подробностей, и особливо въ какомъ-то мрачномъ, насмѣшливомъ и ложномъ изображеніи отечественной Исторіи, изъ коей авторъ беретъ предметы для романовъ своихъ, а также въ странномъ складѣ языка, что вѣроятно, кажется ему *оригинальностью*, а между тѣмъ представляетъ совершенное уродство. Г-нъ Лажечниковъ выдумалъ даже въ *Басурманѣ* какое-то особенное правописаніе, совершенно противное всемъ основаніямъ языка Русскаго.

Должно ли выводить автора изъ его заблужденій? Должно, но, мы увѣрены, судя по *манеру* и *тону* г-на Лажечникова

что его уже не убѣдите. Здѣсь критика пужна для другихъ. Но непостижимому пристрастію (а если мы и знаемъ причину его, то она здѣсь дѣло совершенно постороннее), одни изъ критиковъ нашихъ молчатъ, а другіе падаютъ съ похвалъ *Басурману*. «Отечественныя Записки» торжественно объявили, что они только что получили Басурмана, «*напали или наслаждались*» и дадутъ отчетъ въ этомъ *глубокомысленномъ и высокохудожественномъ произведеніи*. Можно судить, каковъ будетъ отчетъ, по статьѣ въ 3-мъ № Литературныхъ Прибавленій. Этой статьи нельзя читать безъ негодованія! Пусть бы критикъ хвалилъ *Басурмана*, но онъ сравниваетъ его съ прекраснымъ новымъ произведеніемъ М. Н. Загоскина, и съ насмѣшкой унижаетъ *Искушителя*, а о Басурманѣ рѣшаетъ, что онъ *выше всѣхъ романовъ Русскихъ, и можетъ стать на ряду съ лучшими Европейскими романами*. — Да, скажутъ намъ, и Отечественныя Записки и Литературныя Прибавленія издаются однимъ и тѣмъ же челоукомъ, у котораго г-нъ Лажечниковъ сотрудникъ — ища все роса fa! — Хорошо: загляните въ Б. для Ч., и вы узнаете, что по мнѣнію О. И. Сенковского, «Басурманъ превосходный историческій романъ, одинъ изъ занимательнѣйшихъ, какой только случилось встрѣчать въ новѣйшей литературѣ» — О. И. забываетъ даже для Басурмана свою ненависть къ историческимъ романамъ, которыхъ не терпитъ онъ, паравиъ съ Германскою Философією. О. И. увѣрять, *критиковать*, а *не хвалить* просто г-на Лажечникова могутъ только «*медведи*, которые живутъ въ литературѣ, вскормленные *тракомъ* и *зловредными парами*, *цѣпляются негнѣстыми ногтями за таланты*, *душатъ*, *пожиратъ все прекрасное*», и составляютъ на Руси «*литературное мясничество*, чуждое всякаго *благородства*, враговъ всякому таланту», мясничества, которое «*жадными къ корысти руками старается зарызать на Руси все дарованія*, чтобы *торговать ихъ мясомъ*, надѣясь притомъ, что когда ихъ не станетъ, *мясникъ будетъ слыть художникомъ*... «И между тѣмъ, какъ толпа поняла, оцѣнила, вывѣчала г-на Лажечникова своею любовью, и торжественно несла на плечахъ «*своихъ это прекрасное дарованіе*, медведи (все это слова «г-на Сенковского») *карабкались съ ревомъ на него*, запуская «*ли въ него* (въ дарованіе г-на Лажечникова) *свою лапу*, и «*старались стацитъ на земь, чтобы высосать кровь*...

Великій Боже! и это критика? и это слогъ, приличный сужденію объ изящномъ литературномъ созданіи? Не знаемъ, кого называть медвѣдемъ почтенный О. И., на кого мѣтить оны, но, не боясь ничего, мы идемъ прямо страху въ глаза, принимаемъ названіе медвѣдя на себя. Избави насъ Богъ быть въ числѣ той толпы, которая носитъ на плечахъ своихъ дарованіе г-на Лажечникова — пѣтъ! ужъ лучше быть медвѣдемъ, и въ качествѣ медвѣдя, мы честь имѣемъ свидѣтельствовать Басурману наше глубокое почтеніе — до свиданія!

Ахъ! Мм. Гг., признаться, немало веселаго и утѣшительнаго представляетъ Русская современная литература для взрослыхъ! Посмотримъ: пѣтъ ли чего утѣшительнаго въ литературѣ для дѣтей...

16. Волшебныя сказки для дѣтей, передѣланныя съ Французскаго. Четыре части. Печатано и издано А. Плюшаромъ. Спб. въ тип. А. Плюшара, 1859 г., въ 16, 161, 191, 204, 176 стр.

17. Разсказы старушки, изд. Александрю Ишмловую. Ч. I. Спб. въ тип. Штаба Отд. Корп. ви. стражи, 1859 г., въ 16, 350 стр.

18. Крещенскій вечеръ. Дѣтскія сказки. Переводъ Марьи Бахтуринной. Спб. въ тип. И. Глазунова и К., 1838 г. въ 12, 136 стр.

19. Чтеніе для дѣтей въ часы досуга. Спб. въ тип. Гуттенб., 1838 г. въ 12, 114 стр.

20. Дѣтскій Альбомъ на 1859 годъ. Сост. А. Поповымъ. Спб. въ тип. III-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярн, 1859 г., въ 16, 209 стр.

21. Розовый букетъ, составленный изъ лучшихъ цвѣтовъ Русской поэзіи. Золотой подарокъ для дѣтей. Спб. въ тип. Слхарова, 1859 г. въ 32 д.

А что вы думаете? Въ самомъ дѣлѣ, мы отдохнули за дѣтскою литературою: шесть книжечекъ, такихъ хорошенькихъ и миленькихъ, что мы поздравляемъ маленькихъ Русскихъ читателей съ богатою добычею.

Волшебныя Сказки истинная прелесть. Содержаніе ихъ давно извѣстно; оны старыя знакомыя: Котъ въ сапогахъ, Красная Шапочка, Мальчикъ съ пальчикъ, Спящая Красавица и проч. и проч. — Кто не восхищался ими въ дѣтствѣ?

Сколько поколѣній перечитали ихъ, съ 1697 года, когда Перольтъ вѣдалъ ихъ, не думая что сказочки переживутъ его академическія рѣчи, а братъ его обезсмертитъ себя Луврскою колоннадою, переставши морить людей микстурами? Сколько было ихъ изданій, переводовъ, и какъ забыть, что Наполеонъ сердился въ юности за то, что его прозвали котомъ въ сапогахъ, когда оны падель офицерскій мундиръ, и явился съ огромными ботфортами на тоненькихъ своихъ ножкахъ? Но изданіе г-на Плюшара имѣетъ всю цѣну новости: оны поручилъ искусному переводчику снова перевести Сказки и припорочить ихъ къ Русскому манеру разсказа. Переводчикъ хорошо исполнилъ свое дѣло; сказочки получили какую-то особенную физиогномію, а издатель украсилъ ихъ множествомъ превосходныхъ и замысловатыхъ политнажей, съ Парижскаго новаго изданія оригинала. Мы не знаемъ лучше подарка дѣтямъ, какъ Волшебныя Сказки, изд. г-мъ Плюшаромъ.

Но если будете покупать ихъ для дѣтей, возьмите и Разсказы старушки, г-жи Ишиновой, Крещенскій вечерокъ, г-жи Бахтуринной, и Чтеніе для дѣтей въ часы досуга. Это здоровые конфеты, отъ которыхъ не испортиется ни вкусъ, ни умъ дѣтей, и которые приучаютъ ихъ къ хорошему слогу, умному разсказу, нравственному чувству. — За урядъ съ другими довольно хороши и Дѣтскій Альбомъ, г-на Попова — только слогъ въ немъ... Охъ! слогъ тяжеловатъ... Но не бойтесь за слогъ Розоваго Букета. Васъ можетъ испугать странное названіе: «Розовый букетъ — лучшіе цвѣты поэзіи — золотой подарокъ»... Извините: издатель хотѣлъ пощеголать названіемъ! Розовой Букетъ, просто на просто, 25-тъ басень Дмитріева, Крылова, Хемницера, напечатанныхъ въ самый крошечный форматъ, съ крошечною картиночкой къ каждой баснѣ, и прибавимъ, всѣ картинки прекрасно гравированы и хорошо раскрашены. Дѣти забуются Розовымъ букетомъ, а между тѣмъ прочтутъ 25-тъ хорошенькихъ басень — это стоитъ чего нибудь...

Намъ пришло на мысль, смотря на «Волшебныя Сказки», г-на Плюшара: что если бы кто также искусно поддѣлалъ подъ дѣтскій вкусъ наши Русскія народныя сказки: Ивана Дурачка, Гусли-Самогуды, Жаръ-Птицу, Илью Муромца, Семь Семіоновъ, и проч., и къ такой поддѣлкѣ пашелся бы ловкій издатель, который украсилъ бы ихъ красивыми политнажа-

ми? По нашему мнѣнію, вотъ былъ бы дорогой подарокъ дѣтѣмъ! Какъ хотите, а Котъ въ сапогахъ все таки намъ чужой, и наши дѣти болѣе къ сердцу прилипли бы Иванушку Дурачка, да и познакомились бы въ немъ съ Русскимъ сказочнымъ гуморомъ, котораго въ настоящемъ его видѣ, согмнитесь, передать дѣтямъ нельзя... Наша сказка иногда черезъ чуръ шутлива, и шутка ея не всегда годится для дѣтей... Право, о такомъ изданіи для дѣтей Русскихъ Сказокъ стоило бы подумать. Успѣхъ будетъ несомнѣннѣе, если только принятъ за дѣло умбючи.

По крайней мѣрѣ, взглядъ на неисчисленныя нами здѣсь дѣтскія книжки наполняетъ сердце наше какою-то радостною надеждою, что съ 1-го Января 1859 года, дѣтская литература окажетъ на Руси успѣхи необыкновенныя; что плохія дѣтскія книжечки исчезнутъ; что такое улучшеніе перейдетъ и къ литературѣ взрослыхъ, и... Позвольте, позвольте однакожь.... Что это за книжечка забыта нами на столѣ нашемъ? Поэма, комедія, водевилъ, философическое разсужденіе? Нѣтъ! Что-то опять *дѣтское*... Прочитаемъ:

22. Новыя дѣтскія поздравленія, въ стихахъ, съ праздни-ками. Подарокъ дѣтямъ и родителямъ къ наступающему 1859 году, на дни рожденія, именины, Рождество Христово, Новый Годъ и Свѣтлое Воскресенье. Изданіе Л. Жебелева. Спб. въ тип. Губ. Правленія, 1858 г. въ 12, 70 стр.

Вотъ и конецъ нашему восторгу! Нѣтъ! *плохія книжки для дѣтей* не переведутся и въ 1859 году. Впрочемъ, добрый знакъ! *Новыя дѣтскія поздравленія* (не *Проздравленія ли?*) заставили насъ смѣяться — презабавныя поздравленія, и еще съ какими вариантами! Видите: ихъ всего *семьдесятъ*. Ну, а какъ праздничковъ и случаевъ къ поздравленію можетъ быть гораздо больше, то авторъ и показываетъ, какъ перемѣнять его 17-ть поздравленій, и какъ умножать число ихъ по волю. Напримѣръ:

Сегодня, папенька мой *милый*...

Тотъ же стихъ, если говорится матери:

Сегодня, маменька, другъ *милый*

У васъ день, вашихъ именинъ,

Позвольте-жь, чтобъ вашъ сынъ счастливый,

Еще малютка, и одишь....

А если дѣтей не одинъ:

Я, Митя, маленькій вашъ сынъ —

«Или просто,» говорить вариантъ —

Я добрый, маленькій вашъ сынъ...

А если будетъ говорить дѣвочка:

Позвольте, чтобъ въ сей день счастливой,

Въ году, который лишь одинъ...

Если стихи писалъ учитель (съ *печатниго?* Мудрено что-то!), говори:

Стихи *учитель* написалъ...

Если не учитель писалъ, то читай:

Хотя стихи *не я* писалъ...

Такъ 16-я пьеса можетъ годиться, и для Нового года, и для Пасхи и для Рождества: стоитъ только перемѣнить третій стихъ:

Годъ блеснулъ поворожденный,

Васъ пришелъ поздравить я...

такъ:

Съ Пасхою, въ сей день священный...

или такъ:

Съ Рождествомъ, въ сей день священный,

а два послѣдніе стиха читать:

Съ Новымъ годомъ поздравляю,

Счастья, радостей желаю —

или

Съ Свѣтлой Пасхой поздравляю,

Счастья, *и проч.*

или

Съ Рождествомъ васъ поздравляю,

Счастья, *и проч.*

Вообще въ пьески блещутъ поэзією. но ни одна не поправилась намъ такъ, какъ поздравленіе съ крестными:

Васъ, маменька, съ сыномъ я поздравляю,

Сынъ братцомъ *повеселилъ* мнѣ...

Впрочемъ, главный недостатокъ книжечки — *embarras de choix*, въ какое повергаетъ она читателя. И то не дурно, и это хорошо, и вниманіе утомляется хорошимъ, и — честь и хвала г-ну Жебелеву! Мы *поздравляемъ* его съ изданными имъ поздравленіями!...

23. Пріѣздъ жениха, или *святоточный вечеръ въ купеческой долѣ*. Водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Москва, въ типогр. И. Смирнова, 1858 г., въ 12, 60 стр.

Презабавная штука: вся завязка въ томъ, что купецъ какой-то отдаетъ дочь за секретаря, ждетъ его, готовится угощать. Женихъ прѣзжаетъ, съѣзжаются гости, поютъ, пляшутъ, подпиваютъ, одинъ поетъ пѣтухомъ, другіе пляшутъ въ присядку, и — дѣлу конецъ.

Петербургскіе и Петербургскіе критики жестоко папали на этотъ водевиль, даже и на Москву, по поводу этого водевиля!

Москва, вишь, виновата,

зачемъ слушаетъ она такіе водевили, зачемъ то, зачемъ то? Но, во первыхъ, Мм. Гг., развѣ въ Петербургѣ не даютъ *Филатки и Мирошки*, *Повѣдки въ Парголово*, *Десяти сотъ тысячъ золотыхъ*, *Провинціального Театра*? И можетъ быть, у меня дурной вкусъ, но я охотнѣе смотрю на фарсы и арлекинады нашего Григорьева 2-го, нежели на *Долю Аспеновъ*, на *Последній дуэль въ Испаніи*, хоть они сочиненія В. Скотта и Кальдерона, и хоть ихъ хвалятъ въ какомъ нибудь журналѣ, уверяя, что и мы должны ихъ хвалить. — Вотъ торыхъ, почему, говорятъ, въ *Привѣдь жемчуга*, одно изъ дѣйствующихъ лицъ поетъ *пѣтухомъ*? Да, почему же ему не пѣть пѣтухомъ? Лучше ли было бы еслибы онъ запѣлъ *куруцую*? Ну, ему хотѣлось пѣть, онъ поетъ — и только. И позвольте спросить, почему не позволите вы въ водевиль пропѣть пѣтухомъ, а сами смотрите и хохочете, когда въ *Хитанъ* является на сцену пѣтухъ, ходитъ, кланяется, вальсируетъ, тащуетъ, и ни чей взыскательный вкусъ не оскорбляется пѣтушинымъ хождениемъ и вальсированьемъ?

Мы уже говорили о *Репертуарѣ Русскаго Театра*, который издаетъ г-нъ Песочкій. *Первая книжка* его вышла. Въ ней помѣщены, извѣстная драма: *Закладываній долги*, соч. Ауфенберга, переводъ П. Г. Ободовскаго, и водевиль *Отцаъ какихъ лило*, гдѣ такъ мило играютъ Сосницкій и Аспенкова. Изданіе прекрасное. — Во 2-й книжкѣ будетъ помѣщена новая драма Н. А. Полеваго: *Смерть или гость*! и ноты на кадрили изъ Хитаны. — Въ слѣдующей книжкѣ С. О. поговоримъ подробнѣе о *Репертуарѣ*, который предварительно рекомендуемъ читателямъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СОБЫТІЙ

1858 года.

Годъ совершился — страница *лѣтописи* человѣчества перевернулась, и навѣки закрылась отъ взоровъ людскихъ. Только для Исторіи остались замѣтки добра и зла, радостей и горестей, тревожившихъ сердца людей. Милльоны прѣшли съ лица земли; милльоны явились на немъ вновь. Кипящій океанъ жизни и страстей прокатился одною волною, для того, чтобы изъ-за нея подняться новымъ валомъ, за которымъ открывается безконечное будущее, такъ, какъ вдали за минувшимъ годомъ видно необозримое прошедшее, и все слито предъ очами нашими въ вѣчность и судьбы Божіи.

Т. VII. — Отд. V.

Судь Исторіи для настоящаго еще не наступили. *Одинъ годъ* время столь малое, что мы не можемъ ни видѣть, ни вывести какихъ либо слѣдствій. Кто знаетъ, что довершилъ, что началъ сей минувшій годъ? Но представляя во все время теченія его, постепенно, извѣстїи о всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событіяхъ во всѣхъ частяхъ Свѣта, въ нашей *Лѣтописи событій*, здѣсь хотимъ мы въ краткомъ очеркѣ изобразить для читателей нашихъ совокупность важнѣйшихъ изъ нихъ, означить главнѣйшія историческія черты прошлаго 1838 года, оставляя уже все подробности. Память и воображеніе человѣческія требуютъ такихъ остановокъ для того, чтобы представить себѣ въ систематическомъ порядкѣ происшествія, столь быстро протекающія въ настоящемъ времени. Посвятимъ начало нашей *Лѣтописи событій за 1839 годъ* минувшему, *воспоминая* о прошедшемъ годѣ.

Возблагодаримъ прежде всего Бога, что и 1838 *годъ* можемъ мы прибавить къ числу тѣхъ лѣтъ всеобщаго мира, которыми означается въ жизни народовъ уже цѣлая *четверть* столѣтія, время съ 1815 года. Бури войны и тревоги смятеній свирѣпствуютъ, правда, и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Свѣта, но не грозою всемірною являются онѣ, а частными событіями, и — утѣшительная мысль! — повсюду надъ жребіемъ народовъ блюдутъ избранники Провидѣнія, Монархи и Властители, предупреждая бѣдствія народовъ, предоставляя суду Божию рѣшать тамъ, гдѣ недостаточно мудрости человѣческой.

Много утѣшительнаго, напротивъ, представляетъ намъ зрѣлище современнаго намъ міра въ жизни народовъ. Дружественныя свиданія Монарховъ, ихъ

путешествія и свиданія для блага подданныхъ, ихъ совѣщанія и мѣры къ поддержанію спокойствія и взаимныхъ польвъ, и улаждающія душу зрѣлища привѣта любви народной, заступили нынѣ мѣсто позорища браней, заступили тѣ времена, когда съ одного конца Европы на другой двигались воинственныя ополченія, и столицы Европейскія слышали только громы браней, и покрывались пепломъ и развалинами, и въ самыхъ мирныхъ договорахъ съяснились сѣмяна новой вражды.

И самое утѣшительное зрѣлище среди всѣхъ народовъ являло, особливо намъ, благословенное отечество наше — Россія.

Хранимая Богомъ, правимая мудрымъ Монархомъ, она наслаждалась миромъ, спокойствіемъ и всеми благодатными плодами ихъ, преуспѣвая въ промышленности, торговлѣ, просвѣщеніи и образованіи, укрѣпляясь на благочестіи, благонравіи и любви къ Царю свосму — семь красугольномъ камени, *иже и врата адовы не одолѣютъ*. — Совершивъ въ 1837 году путешествіе по Россіи, даже до отдаленныхъ хребтовъ Арарата, Государь Императоръ въ прошедшемъ году совершилъ путешествіе за границу, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и Августѣйшимъ Наслѣдникомъ Своимъ, которому мудрый Родитель предназначилъ обозрѣть сперва области Своего царства, а потомъ видѣть и чужеземные народы и страны. Высокіе Гости обрадовали посѣщеніемъ Своимъ престарѣлаго Короля Пруссаго, а къ семейному празднику свиданія Дочери съ Отцомъ, Дѣда съ Внуками, присоединилось присутствие многихъ Вѣчанныхъ Особъ, и, конечно, среди семейныхъ ширвъ и праздниковъ, рѣшались Монарха-

ми Европы и судьбы народовъ, къ благу ими ведомыхъ. Царь Русскій проводилъ потомъ Наслѣдника Своего въ Швецію, и неожиданно обрадовалъ посѣщеніемъ Шведскаго Короля. Юня 3-го, Онъ былъ уже въ Петергофъ, а въ половинѣ Юня въ Варшавѣ, и снова за границую, посѣтивъ Саксонію и Баварію (гдѣ пребывала Императрица). Снова въ Пруссіи съѣхались Высокіе Путешественники, куда прибылъ и Наслѣдникъ, посѣтивъ Данію, Ганноверъ, и проведя нѣсколько времени въ Эмсѣ, для возстановленія своего здоровья. Здѣсь, разставшись съ родителями, юный Цесаревичъ направилъ путь въ Италію, черезъ Лейпцигъ и Мюнхенъ, и посѣтивъ Верону, Миланъ, Венецію, Флоренцію, 4-го Декабря прибылъ въ Римъ, гдѣ проведегъ зиму. Между тѣмъ, Августѣйшіе Родители его обрадовали возвращеніемъ Своихъ подданныхъ, и новая радость семейная осчастливила Царя Русскаго: Октября 17-го прибылъ къ намъ юный Герцогъ Лейхтенбергскій. Царь Русскій показалъ его сперва древней столицѣ Своей, Москвѣ, и назвалъ *пятьми сыномъ* Своимъ. Послѣ привѣта Москвы, Декабря 4-го, совершилось обрученіе Великой Княжны Маріи Николаевны, и юный женихъ Ея отбылъ въ Баварію, чтобы потомъ навсегда возвратиться въ Русскую землю, быть Русскимъ и сыномъ Русскаго Царя. Среди столь счастливыхъ событій, время Русскаго Монарха протекало въ непрерывныхъ заботахъ о благѣ подданныхъ, и если бы надобно было нечислять событій въ Россіи, то они показали бы только попеченіе Государя объ Его подданныхъ, и видимое благословеніе Божіе на Русское Царство. Прекращеніе чумы въ Одессѣ; учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ; составленіе разныхъ полезныхъ обществъ (судоходства по Днѣпру, третьяго

Страховаго, снабженія Петербурга водою, и проч.); прибавка жалованья войску и гражданскимъ чиновникамъ; открытіе великолѣпнаго зданія Петербургскаго Университета; удобнѣйшее распредѣленіе мѣстныхъ управленій (открытіе уѣздовъ *Грайворонскаго* и *Ялтинскаго*); изданіе новыхъ законовъ и учреждений; почетъ заслугъ всякаго рода (юбилей пятидесятилѣтій Крылова, Буша, Клингенберга); воздвиженіе великолѣпныхъ зданій и памятниковъ (памятники Потемкину въ Херсонѣ, Сушанину въ Костромѣ, Кутузову и Барклаю въ Петербургѣ, Храмъ Спасителя въ Москвѣ, Исакиевскій Соборъ въ Петербургѣ, триумфальныя ворота Петербургскія) — вотъ событія въ Россіи, и да продолжится на многіе грядущіе годы такая мирная лѣтопись наша; да будетъ долго, долго такъ хранима Русская земля на трехъ основахъ ея благоденствія — Православіи, Самодержавіи и Народности! — Какъ нѣкогда Петру Великому, по строгому обсуживаніи, за 25-ти-лѣтнюю службу Отечеству, Дума военнаго ордена Св. Георгія поднесла Государю Императору крестъ ордена сего; но какой вѣнецъ не готова поднести Ему счастливая Имъ Россія!

Англія начала прошедшій годъ въ шумныхъ преніяхъ парламентскихъ, гдѣ оппозиція, и среди нея Брумъ и Оконнель, сражались противъ Министровъ. Смятенія въ Канадѣ, только что подавленныя оружіемъ; реформы въ уставахъ и законахъ; дѣла въ Индіи, Испаніи, Бельгій, подавали къ тому поводъ. Но Министры выдержали грозный натискъ противниковъ. Лордъ Дургамъ былъ посланъ въ Канаду (24 Апрѣля), какъ примиритель междоусобій. Вся Англія радостно окружила тронъ юной Королевы при ея великолѣпномъ коронованіи (28-го Ию-

ня), гдѣ были знаменитые представители всѣхъ Европейскихъ Государей и сынъ Короля Французскаго. Августа 16-го закрыты Парламенты. Посѣщеніе Англіи Королемъ и Королевою Бельгійскими; споры партій; собранія Оранжевистовъ и Католиковъ; отъѣздъ Королевы-матери для поправленія разстроеннаго здоровья; конференція Бельгійская, — были частными событіями, когда Канада снова обратила общее вниманіе. Лордъ Дургамъ, не согласившійся въ мѣрахъ съ Министерствомъ, возвратился въ Англію, а послѣ отъѣзда его Канада вспыхнула снова. Но Министерство оказало твердость въ прежнихъ мѣрахъ, не смѣшило открытіемъ Парламентовъ, и предоставило все обыкновенному теченію дѣлъ, усиливъ только дѣятельность по войску и флоту, прекративъ собранія возмутителей общественнаго порядка, посредствуя въ несогласіяхъ Мексики съ Франціею, надѣясь на нейтралитетъ Соединенныхъ Штатовъ, не уважая крика противниковъ, военною рукою задушая бунтъ въ Канадѣ, и охраняя безопасность Индіи и торговли съ Китаемъ (отправленіе Майтланда въ Кантонъ), распространяя колоніи (трактатъ съ Гавайцами, занятіе Фалклендскихъ острововъ, споры о Новой Зеландіи, новые уставы для Австраліи, занятіе Адена въ Аравіи, споры за владѣнія на Сенегалѣ). Королева провела нѣсколько времени въ Виндзоръ, а потомъ переехала въ Брейтонъ. — Герцогъ Кембриджскій (какъ полагаютъ женихъ ея) отправился путешествовать, и посѣтилъ Португалію, Марокко и Гибралтаръ.

Франція представила также въ началѣ года споры оппозицій противъ Министровъ, которые, не смотря на краснорѣчіе противниковъ, успѣли выдержать бой. Любопытные вопросы рождались по поводу, тор-

говли сахаромъ, проекта пониженія процентовъ и желѣзныхъ дорогъ. Закрытія 21-го Іюня, Палаты открыты вновь 17-го Декабря. Кажется, что теперь оппозиція хочетъ дѣйствовать дружице. Странный союзъ соединилъ оппозицію Гизо, Тьера, Одилона Барро, Дювержье де-Горана, и уже выборы Президента и Вице-Президентовъ Палаты, составленіе комисіи адреса и пренія по поводу его, показали начало споровъ рѣшительныхъ, при всей умѣренности Министровъ. — Между тѣмъ важными событіями были для Франціи: прекращеніе несогласій съ Папою; очищеніе Анконы Французами; укрѣпленіе власти Французовъ въ Алжирѣ; окончаніе споровъ о вознагражденіяхъ экспедиціею въ Ганги; блокада, и наконецъ военныя дѣйствія противъ Буэнос-Айреса, и особенно блокада и начало военныхъ дѣйствій противъ Мексики. — Процессы Гюбера и Рабана; преслѣдованіе судомъ дерзкихъ журналистовъ; распущеніе національной гвардіи въ Мецѣ; жалобы колоній Французскихъ на стѣснительные тарифы; посѣщеніе Тулона Англійскою эскадрою; назначеніе Маршала Жерара начальникомъ Парижской національной гвардіи; процессы Наполеоновыхъ наследниковъ съ правительствомъ; судъ часового, застрѣливаго какого-то челоука, пробирававшегося ночью въ Тюльери — были частныя событія. Важнѣе ихъ оказался процессъ Лети, издателя оскорбительной брошюрки о предпріятіяхъ Людовика Бонапарте, въ слѣдствіе чего произошли объявленія со Швейцаріею, и едва не началась война. — Король, обрадованный рожденіемъ внука, Графа Парижскаго (24-го Августа), былъ опечаленъ болѣзнію дочери, Герцогини Виртембергской (она и скончалась уже въ 1839 году). — Сынъ Короля, Герцогъ Жуанвильскій, совершилъ путешествіе на Сенегалъ и въ

Америку, и потомъ принялъ участіе въ экспедиціи Мексиканской.

Нидерландія наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ, и твердая надеждою на правоту дѣла, мудрость Короля и защиту Союзниковъ, не тревожилась конференціею, которая оканчивала споръ ея съ Бельгіею въ Лондонѣ. — Въ собраніе Штатовъ, открытое 15-го Октября, Король ввелъ совершеннолѣтняго внука своего. Штаты завялись потому устройствомъ дѣлъ для блага народнаго (осушеніе Гарлемскаго озера, каналъ въ Гагу отъ моря, Нидерландскій Банкъ). Внукъ Короля, Принцъ Генрихъ, возвратился благополучно изъ отдаленнаго своего путешествія въ Батавію и Индію. Наслѣдный Принцъ и супруга его совершили путешествіе въ Германію, для свиданія съ Монархомъ Россіи и Королемъ Прусскимъ.

Бельгія находилась, напротивъ, въ тревожномъ состояніи при засѣданіяхъ Лондонской конференціи, хотя Франція рѣшительно отказалась поддерживать упорство ея въ удержаніи спорныхъ областей. Король и Королева Бельгійскіе посѣщали Англію и Францію. — Палаты Брюссельскія открылись вновь Ноября 14-го, и имъ представлено было множество проэктовъ. Между тѣмъ, при усиленной промышленности Бельгій, *ажіотажъ* и *спекуляціи торговли* угрожаютъ благосостоянію общества. Страшный примѣръ гибели показали затрудненія Бельгійскаго Банка.

Германія видѣла торжественное собраніе Государей въ Берлинѣ, и потомъ въ Мюнхенѣ. — Заботы о счастіи подвластныхъ и общемъ благоденствіи государствъ ознаменовали здѣсь прошлый годъ (споръ

Бельгій съ Нидерландами, установленіе новой монетной системы Нѣмецкой, споръ Франціи съ Швейцаріею, новыя постановленія Ганноверскаго королевства, и проч.) — Путешествіе Австрійскаго Императора въ Италію и коронованіе его въ Миланѣ; несогласія Австріи съ полудикими Черногорцами; повѣдка Саксонскаго Короля въ Далмацію; путешествіе Принца Максимилиана Баварскаго на Востокъ; рожденіе Принцессы въ Пруссіи; кончина родителя Короля Саксонскаго, *Принца Максимилиана* (Января 5-го), Виртембергскаго Принца *Гейнриха* (28-го Юля), и Князя Гогенцоллернъ-Гехингенскаго *Фридриха* (12-го Сентября) — были частныя событія въ Германіи.

Данія и Швеція наслаждались миромъ и тишиною. Посѣщеніе Стокгольма Императоромъ Россійскимъ и Наслѣдникомъ Его были важнѣйшимъ событіемъ въ Швеціи, такъ какъ пребываніе нашего Царевича въ Копенгагенѣ главнымъ событіемъ въ Даніи. Король Шведскій отправился въ Норвегію (Ноября 30-го) для открытія засѣданій тамошняго стортинга.

Швейцарія представляла множество частныхъ споровъ одного кантона съ другимъ, но спокойствіе не было нарушено. Общій голосъ Швейцаріи послышался при упорствѣ Тургаускаго кантона защищать жившаго въ ней Людовика Бонапарте, когда Франція потребовала высылки его, какъ опаснаго для спокойствія сей державы человека. Добровольное удаленіе Людовика утишило военную бурю, уже готовую загрѣмѣть, и разжигаемую ошибочнымъ понятіемъ Швейцаровъ объ ихъ народной чести.

Италія представляла зрѣлище утѣшительное,

Прибытіе Императора Австрійскаго въ Миланъ, коронованіе его *жельзною короною* Италіи, пребываніе, ознаменованное милостями, благодареніями и любовью народною, укрѣпили союзъ верхней Италіи съ Австріею. — Попеченія Папы о порядкѣ; выходъ Французовъ изъ Анконы и Австрійскихъ войскъ изъ Романіи; пребываніе Короля Обѣихъ Сицилій въ Палермо, и заботливость его объ устройствѣ сей одичалой страны; новыя учрежденія судебной части въ Сардиніи; прибытіе Русскаго Царевича въ Римъ, Англійской Королевы въ Неаполь; отъѣздъ Савойскаго Принца въ путешествіе кругомъ свѣта — таковы были частныя событія въ Италіи, куда на зиму съѣхалось нынѣ множество высокихъ и знаменитыхъ посѣтителей.

Но съ какою горестью, напротивъ, взоръ наблюдателя обращается на Пиренейскій полуостровъ! Спокойствіе Португаліи, правда, нарушалось только шайками гверильсовъ, когорыи, во имя Донъ Мигуэля, рыскали въ гористыхъ областяхъ Алгарвіи, и Провидѣніе избавило Португалію въ прошломъ году отъ двухъ самыхъ отчаянныхъ наездниковъ: *Релешидо* попался въ плѣнъ и былъ разстрѣлянъ; *Важоанъ* погибъ въ битвѣ. Но сотни другихъ возмутителей остались; тайныя общества и несогласія партіи раздражаютъ королевство. Правительство не имѣетъ ни денегъ, ни войскъ; правосудіе погибло; торговля и промышленность разрушились, когда формы правленія даютъ притомъ средство буйнымъ негодямъ шумѣть въ ничтожныхъ собраніяхъ Кортесовъ. Напрасно Королева издала новыя государственныя постановленія, объявляла прощеніе, успѣла образовать министерство и оказывала кротость и милосердіе. Декабря 9-го снова открылись безнокойныя за-

сѣданія Кортесовъ. Въ день Праздника Божія, чернь едва не растерзала министра Карвальо; принуждены были распусить Національную гвардію. — Недостатокъ финансовъ дошелъ до того, что Королева принуждена была заложить свои брилльянты для прикрытія дворскихъ расходовъ.

Но крайней мѣрѣ, утомленная бѣдствіями, безсильная, малолюдная Португалія хочетъ мира; народъ не подкрѣпляетъ покушеній Мигуэлистовъ, болѣе похожихъ на разбойническія дѣйствія, и государство не дѣлится враждою соперниковъ, ищущихъ трона. Народъ присягнулъ сыну Королевы, и радовался рожденію втораго Принца (31 Октября). Но въ Испаніи, многолюдной, обильной благами природы, населенной сильнымъ, пламеннымъ народомъ при всѣхъ бѣдствіяхъ Португаліи, не видно конца сматеніямъ, и прошлый годъ ни сколько не рѣшилъ спора за престолъ между Донъ Карлосомъ и малолѣтнго его племянницею. Съ обѣихъ сторонъ равно стоятъ и сражаются члены королевской фамиліи, вельможи, войско, города, и — кроваво рѣшается споръ, съ ожесточеніемъ убійствъ, грабежей, возмездія кровью за кровь, тяжкими контрибуціями и ненавистью партій. Донъ Карлосъ владѣетъ Испаніею по берега Эбро; осталаяя Испанія борется съ нимъ. Важнѣйшими событіями войны Испанской были: неудачное нападеніе Карлистовъ на Сарагоссу, разбитіе ихъ подъ Пеньясерродою и взятіе сего города, и взаимно неудачное нападеніе Христиносовъ на Морелью и разбитіе ихъ подъ Маэльєю. Такимъ образомъ остановлено было впаденіе Карлистовъ за Эбро, но отраженъ и переходъ Христиносовъ съ другой стороны рѣки. Несогласія Эспартеро съ Министрами кончилисъ новыми почестями, новою усилен-

ною властію сего гордаго полководца Королевы, особливо послѣ возмущеній въ Валенціи и Мадридѣ, мгновеннаго возвышенія и паденія Нарваеза, неудачи Орао, союза Эспартеро съ Але, Клеонартомъ и новымъ Министерствомъ (Декабря 10-го). — Странное возстаніе Муньягорри, въ тылу Донъ Карлоса; прибытіе Астурийскаго Принца, сына его, въ Испанію; бракъ Дона Карлоса съ Принцессою Бенрскою; отбытіе инфанта Дона Франциска и пребываніе его во Франціи; страшный недостатокъ финансовъ; споры партій въ Палатахъ; ненависть мѣстная; частныя смутенія въ разныхъ мѣстахъ — суть дополнителныя черты Испанскихъ событій.

Но, на другомъ краю Европы, Эллинскомъ полуостровѣ, видимъ зрѣлище совершенно противнаго. Здѣсь юный Король Греціи болѣе и болѣе приобретаетъ любовь обитателей своего новаго государства, заботится объ устройствѣ столицы и городовъ, создаетъ силы военныя, флотъ, общественное образованіе, судилища и дороги. Замѣна бывшихъ министровъ новыми, Греками; правильные наборы войскъ; новое раздѣленіе областей; экономія въ финансахъ; укрощеніе свирѣпыхъ клеветовъ; уничтоженіе разбоевъ — таковы были предметы попеченій правительства. Путешествіе Короля по государству; путешествіе Королевы въ Германію; мирное прибытіе торговыхъ Турецкихъ кораблей въ Аонны, составили здѣсь частныя событія.

Но когда Греція возраждается изъ вѣковыхъ развалинъ, прежняя владычица ея, Имперія Оттоманская возобновляется въ силахъ своихъ, и потерю Греческихъ и Сирийскихъ областей своихъ, какъ будто хочетъ вознаградить развитіемъ внутренняго благосостоянія, уступая Мусульманскій фанатизмъ свой

Европейскому образованію. Войско и флотъ Турціи снова созданы уже неутомимымъ Махмутымъ, и никогда еще дѣятельность его не являлась въ столь многостороннихъ заботахъ и такой внутренней реформѣ. Послы во Францію, Австрію, Пруссію, Англію; поддержаніе мира съ Египтомъ; скрѣпленіе законами и порядкомъ остальныхъ частей Турціи, не препятствовали Султану въ разнообразныхъ, коренныхъ нововведеніяхъ и измѣненіяхъ, каковы были: учрежденіе государственнаго совѣта, уничтоженіе откуповъ по управленію областей Пашами, уничтоженіе судебнаго мздоимства, опредѣленіе постоянного жалованья чиновникамъ, свобода вѣръ, уравненіе христіанъ предъ закономъ, измѣненіе тарифовъ, отмена подарковъ правительству, упрощеніе прежнихъ костюмовъ, изгнаніе роскоши. Карантинны охраняютъ нынѣ Турцію отъ чумы; въ Царѣградѣ заведены совѣтъ сельскаго хозяйства, училище Французскаго языка, заводится театръ, устроиваются телеграфы; молодые Турки учатся во Франціи и Англіи. — Къ числу высшихъ дѣлъ принадлежали: усмиреніе мятежныхъ Курдовъ; военное охраненіе Турціи отъ движеній Египтянъ; назначеніе новаго правителя въ Триполь. — Султанъ огорченъ былъ смертью малолѣтнаго сына и дочери, супруги Саидъ-Паши.

Не менѣе дѣятельны были заботы его грознаго противника, правителя Египетскаго. Торговля, путь черезъ Суецъ, флотъ, войско, золотыя рудники въ Сеннаарѣ, торговля съ Дарфуromъ, сношенія съ Европою занимали его, и между тѣмъ, Ибрагимъ-Паша укротилъ сильное и опасное возстаніе Друзовъ Ливанскихъ, и войско двинулось для покоренія Аравійской области Неджъ, послѣ чего власть Еги-

петскаго Паша распространится отъ Чернаго Моря до Персидскаго Залива. Октября 17-го престарѣлый Паша самъ отправился въ Сеннаартъ, гдѣ виды его простираются на новыя завоеванія.

Дабы объять политическое положеніе *Средней и Южной Азии*, надобно обратиться къ Индіи, гдѣ владычество Англичанъ составляетъ центръ всѣхъ дѣйствій. Трудно рѣшить здѣсь вопросъ объ Англо-Индійскихъ земляхъ, и политикѣ, какую наблюдаютъ тамъ Англичане, а также и то, приносятъ ли имъ болѣе вреда или пользы образъ дѣйствій ихъ въ Индіи? По крайней мѣрѣ, непрерывно распространяя власть свою, съ одной стороны Англичане раздвигаются въ Аравію, гдѣ пріобрѣли они владѣніе Аденомъ и островомъ Сокоторою. Съ другой стороны, Англія вступила въ союзъ съ хитрымъ, корыстолюбивымъ *Ренджитъ-Сингломъ*, и, подъ видомъ возвращенія престола законному наследнику, соединенно съ нимъ двинула войско на Кабуль. Признанія Китайскаго правительства заставили ее послать военную защиту въ Кантонъ.—Бирманія, грозившая новою войною, искала мира послѣ перемѣны въ ней владычества, котораго низвергъ дерзкій возмутитель, союзомъ съ Англіею прикрывая свое хищеніе.—Непауль грозитъ Англіи войною, но опасность здѣсь ничтожна. Гораздо страшнѣе былъ голодъ, опустошавшій Индію, и слѣдовавшій затѣмъ болѣзни и гибель множества жителей. — На восточномъ Индо-Китайскомъ полуостровѣ по прежнему прозябали *Сіамъ* и *Анальская Имперія* (Кохинхина), гдѣ, преданный Китаю, ученый Мингъ-Мингъ объявилъ жестокое гоненіе христіанству. Китай остается также неподвиженъ и недоступенъ Европѣ по прежнему, и если несогласія въ Кантонѣ, казалось, разрывали по-

слѣднія связи его съ Европейцами, стѣсняя ихъ нестерпимою монополіею, за то Европейцы успѣваютъ въ другихъ мѣстахъ своимъ вліяніемъ на Китай, при многочисленныхъ переселеніяхъ Китайцевъ въ Малезію, и при распространеніи торговли опиумомъ, сдѣлавшимся народною необходимостью въ Китаѣ. Политика Англичанъ здѣсь не дремлетъ и обладая соседнимъ къ Китаю *Ассамомъ*, гдѣ Англичане нашли средство замѣнить необходимый Европейцамъ чай, отсюда Англичане дѣйствуютъ на Китай.—Торговля сношенія Россіи съ Китайцами на Кяхтѣ продолжались своимъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Если причислять *Малезію* къ Азіи, то намъ должно упомянуть объ усиленіи Англійской торговли въ Сингапурѣ; старшіи Англичанъ завести колоніи въ Борнео; покореніи Нидерландской власти возмутителей Суматры и заведеніи Нидерландскихъ колоній въ Новой Гвиней.—*Филиппинскіе острова* остаются вѣрны Королевѣ Испанской, и возбуждаютъ жадность Европейскихъ прожектеровъ, которые видятъ гибнущими втуи природныя богатства сего обширнаго архипелага, и думаютъ, что крайность, въ какой находится теперь Испанія, передастъ имъ монополію на обладаніе остатками колоній Испанскихъ.

Африка представляла на сѣверѣ событія въ Варварійскихъ областяхъ: *Триполъ*, гдѣ Султанъ смѣнилъ корыстолюбиваго Пашу; *Тунисъ*, гдѣ свирѣпый владыка ссорился съ Европейцами, и въ *Алжирѣ*, гдѣ теперь рѣшительно укрѣпилась власть Французовъ, учреждено епископство, производится дѣятельная заселенія Европейцевъ, жители привыкаютъ къ владычеству Франціи, и Французы, покореніемъ Кон-

стантины, занятіемъ Стора и Малата, проложеніемъ дорогъ и умною политикою, положили твердое основаніе власти своей. — *Абдъ-эль-Кадеръ* устремился на усиленіе себя покореніемъ внутреннихъ областей, и испыталъ неудачу при долговременной осадѣ Айнь-Майдеха. Любопытно наблюдать дѣйствія сего замѣчательнаго Араба, который успѣлъ удержаться среди всѣхъ неудачъ стѣсняемый врагами, гибѣтмый силою Европейцевъ. — По *Сенегалу* и *Куоррь* (мнимому Нигеру) вдвигаются Европейцы съ торговлею своею внутрь Африки, и съ юга распространяють владѣнія отъ *Мыса Доброй Надежды*, гдѣ свирѣпныя орды *Кафровъ* жестоко сражаются съ Англійскими колонистами. — На *Золотомъ Берегу* Европейцевъ встревожила погибель Губернатора Голландской колоніи въ Эльминѣ. — Царица *Мадагаскара* повелѣла изгнать всѣхъ Европейцевъ изъ своего Говасскаго царства, и строго воспретила христіанство.

Переходя за Атлантическій Океанъ, мы обращаемъ прежде всего вниманіе на самое достопамятное событіе — волненіе Канады. Здѣсь вопросъ весьма понятенъ. Колоніальная система Англии, монополія, различіе происхожденій и вѣръ, ибо Канада населена многочисленными Французами и Католиками, были издавна источникомъ жалобъ и смятеній, подавшихъ наконецъ поводъ къ возстанію, когда не только примѣръ, но и дѣятельное участіе Сѣверо-Американцевъ подавали Канадцамъ смѣллыя надежды, вовлекая Англію въ затруднительную заморскую войну. Первые начала возстанія были усмирены оружіемъ. Дургамъ явился въ Канадѣ посредникомъ, и его мыслию былъ планъ федеративнаго союза всѣхъ *Англійскихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній*, нынѣ управляемыхъ столь разнообразно. Но Англія хотѣла по справедливости покор-

ности безъ условій, и съ удаленіемъ Дургамъ загорѣлось въ Канадѣ снова кровавое междоусобіе. Бунтовщики были опять разбиты, но конца смятеніямъ, при волненіяхъ страстей, вмѣшательствъ дерзкихъ, отчаянныхъ головъ, отважныхъ корсаровъ и бѣглецовъ изъ Европы, а также затрудненіи вести правильную войну, и помощи, какую, противъ воли правительства, оказываютъ Канадѣ соседніе жители Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, предвидѣть еще невозможно. — Соединенные Штаты объявили строжайшій нейтралитетъ. Имъ довольно дѣла у себя. Еще не изгладилась слѣды гибельнаго торговаго перелома, и борьба партій, *торговой*, и, такъ сказать, *аристократической*, продолжается упорно. — Англія согласна притомъ кончить давній споръ о границахъ, чрезвычайно перепутанный, особливо на сѣверо-восточныхъ берегахъ Америки, гдѣ изнутри раздвинуты владѣнія Штатовъ, а съ береговъ назначены владѣнія Англичанъ, такъ, что торговля Американцевъ не находитъ выхода въ Тихій Океанъ. — Участъ Техаса, кажется, рѣшена, и онъ долженъ поступить въ союзъ Сѣверо-Американскій, отторгнувшись отъ Мексиканскаго союза. Англія уже признала его самостоятельность. Штаты, раздвигаясь въ глубь Америки, уничтожаютъ послѣдніе остатки дикихъ туземцевъ. Въ прошломъ году губили еще свирѣпыя бѣльзи, и приведенныя въ отчаяніе стѣсненіемъ въ дикихъ пустыняхъ своихъ, дикари начали послѣднюю, отчаянную битву, которая особливо жестоко горѣла на предѣлахъ Флориды.

Мексика тѣмъ менѣе могла думать о покореніи Техаса (хотя съ начала года и видѣла успѣхи въ войнѣ съ сею новою республикою), что и другая область Мексиканская, *Талпико*, оказала сопротив-

леніе власти конгресса Мексиканскаго, когда Президентъ Бустаменте не имѣлъ притомъ ни денегъ, ни войскъ, и когда потомъ началась блокада Вера-Круса Французами. Казалось, дѣло здѣсь должно было кончиться скорымъ миромъ, но упрямство Президента Мексики и рѣшительность Франціи, которая наконецъ усилила свою блокадную эскадру, повели къ другой развязкѣ. Теперь уже извѣстно, что Французы овладѣли крѣпостью Сень-Жанъ д'Уллоа и Вера-Крусомъ, не уважая поздняго посредничества Англіи, которая отправила было эскадру въ Мексиканскій заливъ. Слѣдствія могутъ довести до совершеннаго измѣненія порядка дѣлъ въ Мексики и большихъ переворотовъ.

Гаити искупила прочную независимость въ прошедшемъ году договоромъ съ Франціею, и платежемъ огромныхъ суммъ. Спокойствіе нарушено было здѣсь потомъ покушеніемъ на жизнь Эпжинака, въ которомъ Гаитяне видятъ наследника умному Президенту Бойе.

Вся Южная Америка представляла картину безконечныхъ смятеній. Федеральные союзы *Центральной Америки*, *Перу-Болливійскій*, *Аргентинскій*, почти расторглись. — Бунтовщикъ Каррера овладѣлъ Гватемалою; бунтовщикъ Орегосо овладѣлъ Лимою и изгналъ Саита-Круса. Здѣсь воспользовались смятеніемъ Чилийцы, и, возобновивъ войну съ Перу, успѣли захватить Каллао и Лиму. — Такъ блокада Буэнос-Айреса (съ 28-го Марта), за неудовлетвореніе Президентомъ Розасомъ требованій Франціи, возвысила могущество бунтовщика Рибейры. Въ Сентябрь, начавши военныя дѣйствія, Французы овладѣли островомъ Мартинь-Гарція, ключемъ Ла-Платы,

и передали его Рибейръ. Непостижимо, какъ здѣсь, такъ и въ Мексикѣ, упорство правителей въ спорахъ съ Франціею, когда у нихъ не было никакихъ средствъ бороться, когда притомъ окружали ихъ сильные враги внутренніе. И тамъ и здѣсь слѣдствіемъ могутъ быть коренныя реформы едва установившагося порядка правительственнаго. — *Бразилія* страдала также междоусобіями. Области Бахія и Ріо-Гранде противились открыто власти Бразильскаго Императора, и не смотря на разбитіе Бахійскихъ возмутителей, при неуспѣхахъ въ Ріо-Гранде, при упадкѣ торговли, недостаткахъ финансовъ, образованія, порядка, войскъ, флота, Бразилія представляла плачевную картину государственнаго неустройства.

Обращая взоры на *Океанію*, съ любопытствомъ видимъ новое *царство Гавайское*, на архипелагѣ, гдѣ за сорокъ лѣтъ жили еще дикіе люди. Преобладаніе Англійскаго образованія и силы Англіиской уничтожаетъ здѣсь торговлю и колонизаціи другихъ Европейцевъ. — Въ *Австраліи* колоніи Англичанъ являютъ примѣръ необыкновеннаго развитія. Новыя права Ботани-Бейскимъ переселенцамъ, вѣроятно, еще болѣе усилятъ преуспѣваніе общественной дѣятельности тамъ, гдѣ нѣкогда Англія опредѣляла только мѣсто ссылки преступникамъ. — Географическія открытія купы *острововъ Антсона* и подполюсныхъ земель Дюмонъ-Дюрвилемъ, можно причислить къ событіямъ Океаніи, какъ равно и объявленіе *Фалклендскихъ острововъ* владѣніемъ Англіискимъ, съ предположеніемъ колонизаціи ихъ. — Усиленіе Европейцевъ въ *Новой Зеландіи*, и особенно поселеніе тамъ Француза Тьерри, когда страна сія можетъ доставить большія выгоды торговлѣ, заставили Англію думать о при-

соединеніи ее также къ Англійскимъ колоніямъ. Предположено было представить докладъ объ ней Парламенту, но важнѣйшія дѣла остановили сей вопросъ.

Таковы главныя отличительныя историческія событія, которыя можно замѣтить въ прошедшемъ 1838-мъ году. Рядъ ихъ разнообразенъ, любопытенъ, и можетъ подать поводъ ко многимъ и обширнымъ размышленіямъ. Мы только исчислили ихъ, въ нашемъ качествѣ современныхъ лѣтописателей, не мудрствуя лукаво, и стараясь единственно о томъ, чтобы изображеніемъ общности происшествій 1838 года привести въ большую ясность для читателей нашихъ извѣстія, какія помѣщались въ *Лѣтописи событій* нашего журнала, и тѣмъ приготовить къ лучшему уразумѣнію Лѣтописи нашей, которую, еще съ большею подробностью, намѣрены мы продолжать въ наступающемъ 1839 году.

Исчислимъ здѣсь нѣсколько замѣчательныхъ явленій и случаевъ, которые, входя или не входя въ составъ великихъ событій, поражали въ прошломъ году своею необыкновенностью, новостью, или странностью. Таковы были, напримѣръ: прибытіе на слѣдника Удскаго Набаба въ Англію — онъ явился требовать суда, и принесть жалобу Королевы Англійской на несправедливость ея правителей въ Индіи, можетъ быть, принужденныхъ такъ дѣйствовать въ слѣдствіе принятой системы политики. — Не менѣе любопытны были: прибытіе въ Англію посла отъ Маскатскаго Султана; посылка Персидскаго посла въ Англію; пріездъ въ Парижъ посла отъ Абдъ-эль-Кадера; пребываніе въ Римѣ и свиданіе съ Папою Турецкаго посла; явленіе Турецкихъ пословъ въ Берлинъ и Парижъ. — Назначеніе Папою Пріора въ Малатійскій орденъ, и смерть Гроссмейстера Там-

пліеровъ во Франціи, напомнили намъ, что существуетъ еще тѣнь *Рыцарскихъ Орденовъ*, сего, нѣкогда достопамятнаго двигателя въ Среднихъ Вѣкахъ. — Странная женщина, племянница Питтова, Леди Стангопъ напомнила объ себѣ и пребываніи своемъ на развалинахъ Пальмиры споромъ своимъ съ Англійскимъ Министерствомъ. Наконецъ Японія, кажется, становится доступною для Европейцевъ. По крайней мѣрѣ, въ прошломъ году были и торговали въ ней, какъ увѣряютъ, Американцы и Португальцы. — Полиньякъ, столь достопамятный министръ Карла X-го, мирно поселился въ Баваріи, когда потомки Бурбоновъ живутъ между тѣмъ въ Австрійскихъ земляхъ. Юсіфъ Наполеонъ посѣщалъ Англію; Иеронимъ Наполеонъ былъ въ Баваріи.

Къ неистощимой лѣтописи безумія челоуѣческаго должно присовокупить появленіе и смерть въ прошломъ году фанатика *Куртенея* въ Англии, и другаго фанатика *Перреирьы*, который хотѣлъ отыскать какое-то несмыханное царство въ лѣсахъ Бразиліи.

Окончимъ обзоръ наше еще нѣсколькими дополнительными подробностями.

Начало прошедшаго года ознаменовано было жестокою зимою (Зундъ и Цареградская гавань замерзли; снѣга и морозы были въ Италиіи и Португаліи; во Франціи и Швейцаріи замерзли люди по дорогамъ и на улицахъ) и множествомъ снѣговъ (въ Англии отъ снѣговъ прерывались даже сообщенія; во Франціи заваливало имъ дома), слѣдствіемъ чего было зимою большое число значительныхъ пожаровъ, а потомъ весною наводненій; и то и другое сопровождалось во многихъ мѣстахъ раззореніями, гибелью людей, великолѣпныхъ зданій и капиталовъ. Декабря 17-го 1837 года погибъ въ пламени Зимній

Дворецъ Россійскаго Императора. Потомъ сгорѣли: биржа въ Лондонѣ (11-го Января), Итальянскій театръ и Водевильный театръ въ Парижѣ; дворецъ Герцога Виртембергскаго въ Готѣ (26-го Января); загарался Лондонскій Темпль, и множество пожаровъ было повсюду (въ Царѣградѣ, Лионѣ, Бордо, Гентѣ, и проч.). — Потомъ, въ теченіе 1838 года, въ Гагѣ сгорѣлъ дворецъ королевскій (Мая 17-го); въ Даніи замокъ Кильскій (Марта 16-го); въ Америкѣ выгорѣлъ Чарльс-Тоунъ, въ Швеціи городокъ Вексё, въ Россіи сгорѣли города Сызрань, Нерехта и Петропавловскъ. — Разлитіемъ Дуная разорены были обширный городъ Пестъ въ Венгріи. — Жестокія бури свирѣпствовали въ прошломъ году: на Черномъ Морѣ, близъ Абхазіи (Мая 30-го), причѣмъ ураганъ былъ неслыханный; въ Тасманіи опустошило страшнымъ ураганомъ городъ Лезею, и изъ нѣдръ моря выдвинулся островъ; осенью покрыты были обломками кораблей берега Сѣвернаго Моря и Ламанша. Къ необыкновеннымъ явленіямъ принадлежатъ: землетрясеніе въ южной Европѣ (особенно въ Молдавіи); изверженія Везувія, и потомъ Этны (съ 2-го Августа); обвалы земли въ Сардиніи и Сициліи; снѣгъ въ Юнѣ мѣсяцъ на берегахъ Неккара; снѣга и морозы — въ Батавіи, а между тѣмъ теплая погода зимою въ Норвегіи, и проч. — Знаменитые древніе соборы въ Эрфуртѣ и Неверѣ разрушились отъ ветхости. — Комета Энке явилась по предсказанію астрономовъ, но слава Богу, въ наше время, она уже не предметъ ужаса, но только повѣрка математическихъ выводовъ для познанія хода свѣтилъ небесныхъ, и взоръ человѣческой, открывала тайны бесконечно-малыхъ въ изумительныхъ изслѣдованіяхъ инфузорій Эренберга, въ то же время открываетъ тайны бесконечно-великаго въ новыхъ изслѣдовані-

яхъ о двойныхъ звѣздахъ Гершеля и Струве, что даетъ совершенно новыя идеи о видимомъ нами звѣздномъ небѣ, среди коего движется нашъ земной шаръ—малая пылинка среди громадъ, по сравненію, но гдѣ, и въ природѣ и въ жизни, впечатлѣна яркими словами одна мысль повсюду: «*Все благо, все добро, въ Твоемъ созданіи, Творецъ непостижимый!*»

Среди нѣсколькихъ милліоновъ людей, перешедшихъ за предѣлы гроба въ минувшемъ году, было нѣсколько достопамятныхъ дѣятелей, нѣкогда участвовавшихъ въ волненіяхъ политики и въ буряхъ битвъ. Вспомнимъ здѣсь о славномъ *Талейранѣ*. Прежде и послѣ него скончались министры: Англійскій *Графъ Эльдонъ*, Баварскій *Графъ Монжель*, Прусскій *Бейне*, Греческій *Графъ Рудгардтъ*.—Баварскій герой, Фельдмаршалъ *Князь Вреде*; соперникъ Боллвара, *Морилю*; сподвижникъ Наполеона *Графъ Лобавъ*; нашъ храбрый генералъ *Бистроль* и генералъ *Постицъ*; товарищъ Гофера, *Теймлеръ*, также кончили земное существованіе. Изъ числа государственныхъ саповниковъ Россіи скончались: *Графъ Н. Н. Новосильцовъ*, *К. К. Родобиникинъ*, *Князь Д. П. Лобановъ-Ростовскій*, *К. А. Наръишкинъ*, *Митрополитъ Иосафатъ Булгакъ*, и послѣдній въ родѣ Задунайскаго, *Графъ С. П. Румянцева*. Другими жертвами гроба были: генералъ *Лагартъ* и Баронъ *Дю-Пюже* (нѣкогда участвовавшіе въ воспитаніи владыкъ Россіи); искусный инженеръ генералъ *Базенъ*; генералъ *Гаксо* (покоритель Антверпена), перъ Франціи *Герцогъ Шуазель*, докторъ *Антонмарки* (послѣдній врачъ Наполеона), *Графиня Браницкая*, *Герцогиня Брольо* (дочь г-жи Сталь), *Герцогиня Абрантесъ* (нѣкогда супруга знаменитаго маршала Наполеонова— умершая въ госпиталѣ). Науки и ученіе понесли утраты въ кончинѣ

ориенталиста *Барона С. Де-Саси*, хинезиста *Маршмана*, медика *Бруссе* (преобразователя Медицины), *Иосифа Ланкастера* (основателя Ланкастерской системы ученія), историковъ *Пелица*, *Вахлера*, *Пукевилля*, путешественника *Кайлме* (перваго Европейца, прошедшаго до Томбукту), естествоиспытателя *Геддело*, поэта и путешественника *Шалиссо*; писателей *Алори-Дювалля* и *Графа Монлозье*, писательницы *Шоппенгауеръ* (друга Гёте), механика *Мельцелля* (изобрѣтателя метронома), ваятеля Шведскаго *Гете*, Вѣнскаго гравера *Лейгльда*, Голландскаго живописца *Шотелля*. — Россія лишилась археолога *Келера*, статистика *Германа*, ваятеля *Орловскаго*, литераторовъ *Князя С. А. Ширинскаго-Шихматова*, ученаго *Кронеберга*, *Ө. Ө. Коккошкина*, *В. А. Ушакова*, Малороссійскаго поэта *Котляревскаго*, *К. Т. Хлбнникова* (сочинителя-купца самоучки, одного изъ Директоровъ нашей Американской Компаніи). — Въ Азіи умеръ старый преемникъ Великаго Могола, умерла мать Сіамскаго Царя, а въ Америкѣ скончался *Черный Соколъ*, славный предводитель дикарей Сѣверо-Американскихъ, типъ Могикана Куперова, какъ будто нарочно въ то время, когда гибнуть послѣдніе остатки первобытныхъ жителей Сѣверной Америки, и мѣсто ихъ заступаетъ Европейецъ, узнавшій въ прошедшемъ году вполнѣ крайній предѣлъ *Американскаго материка на Сѣверь*.

=

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Рѣчь, въ память Князя К. М. Талейрана, произнесенная во Французской Палатѣ Перовъ, Барономъ Барантомъ, Іюня 8-го, 1838 года *.

Мм. Гг. — Исполняя нынѣ долгъ признательности къ знаменитому другу, воспоминаніе котораго будетъ мнѣ всегда драгоценно, принимаю на себя великую обязанность. Увѣренъ, что не буду соответствовать ожиданію вашему, не удовлетворю и самого себя. Жизнь великаго государственнаго чловѣка, утраченнаго нами, составила бы политическую исторію Европы за послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ. Разсказъ и сужденіе о дѣлахъ его нераздѣльны отъ событій эпохи, которая всегда будетъ повѣстью времени грядущихъ — величайшая, самая разнообразная эпоха въ лѣтописяхъ народовъ образованныхъ. Наше поколѣніе не достигло еще времени суда обей: мы ея современники. Мѣсто ея во всеобщей исторіи назначать когда ея послѣдствія разоблачатся.

Не буду и разсказывать событій: они всѣмъ вѣдомы, и довольно напомнить ихъ. Всякая гласность дана была уча-

* Въ прошедшемъ году С. О. помѣстили мы Рѣчь Талейрана въ память его товарища, замѣчательнаго дипломата. Вотъ Рѣчь, которою почтилъ память самого Талейрана одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ современниковъ, великій современный Историкъ Французскій. Р. С. О.

ство, какое принималъ въ нихъ Князь Талейранъ. Его политическая и частная жизнь были преданы общему изслѣдованію и преніямъ партій; клевета и злоба удѣлены были ему, удѣлены еще болѣе одобренія и похвалы. Имъ его, столь значительное въ высшей сферѣ общества и политики, было въ то же время добычею простолуднискихъ пересудовъ, и приобрѣло извѣстность простонародную — невѣжественный, смѣшенный отголосокъ истинной славы.

И между тѣмъ, не знаю, ошибаюсь ли я, даже и устраля всякія сужденія Исторіи, предоставленныя потомству, даже и оставя безполезный рассказъ о событіяхъ, гдѣ всегда участвовалъ Князь Талейранъ, можно показать его такимъ, какимъ не знала его публика, дать разъясненнымъ и часто противорѣчившимъ чертамъ физиогноміи, какую ему приписывали, то живое единство, которое въ одно время было такъ дѣятельно и очаровательно.

Лѣта и положеніе мои сдѣлали меня чуждымъ почти всему его поприщу государственнаго человѣка. Когда онъ началъ мнѣ показывать лестныя пріязнь и довѣренность, у него не было другой власти кромѣ той, которой никогда не могли отнять у него: его характеръ и его умъ, вотъ что зналъ я всего болѣе, и вотъ чѣмъ старался я изъяснить себѣ ролю, какую исполнилъ онъ на сценѣ міра. Многие изъ васъ, Мн. Гг., столько его жъ болѣе меня знали Князя Талейрана; многие имѣли съ нимъ сношенія по должностямъ и дѣламъ. Ваше свидѣтельство дополнитъ то, что могу я сказать не точно, или не вполне.

Карль Маврицій де-Талейранъ Перигоръ родился въ 1754 году, и происходилъ отъ Графовъ Перигорскихъ, говорившихъ Гюю Капету: «кто сдѣлалъ тебя Королемъ?» Рожденіе призвало его къ военной службѣ, но случайное событие сдѣлало его къ ней неспособнымъ, и онъ получилъ отъ своего семейства другое назначеніе. Тогда было такое дѣло обыкновеннымъ. Званіе, какое дали ему, было, особенно для людей равныхъ ему по роду, не призваніемъ, но готовымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Онъ могъ признавать съ нѣкоторымъ внутреннимъ отвращеніемъ, сколь наклоности его были несогласны съ его обязанностями, но отказать принять ихъ означало бы дѣло странной независимости въ общественномъ устройствѣ той эпохи. Какъ многие другіе, онъ оставилъ

свои мнѣнія и свое поведеніе въ противорѣчій съ обязанностями, которые духъ времени не поучалъ уже почитать священными. Многие думали объ нихъ не болѣе его. Онъ особенно отличался умомъ живымъ, легкимъ, острымъ, колкимъ въ бесѣдѣ, исполненнымъ прелести въ близкихъ сношеніяхъ, смѣлымъ и яснымъ въ важныхъ дѣлахъ. Успѣхи его были блестящи и быстры. Какъ другіе отличные люди, онъ выражалъ собою характеръ времени. Вкусъ къ литературѣ, связанъ съ литераторами, общеніе всѣмъ, что было хорошо сказано или написано; жадность ко всеобщимъ выводамъ, какая развивалась отъ ученія теологическаго, изучаемаго ревностно; потребность заниматься администраціею, финансами, политическою экономіею, все смѣшивалось съ особенною дѣятельностью въ привычкахъ общества, которому правилъ онъ болѣе всякаго другаго, съ занятіями, какія давало ему его поприще, гдѣ умѣлъ онъ показаться полезнымъ и способнымъ къ дѣламъ.

Настала Революція. Онъ встрѣтилъ ее со всею твердостью своего сужденія и обширною дальновидностью. Многие другіе окрестъ него, ничего не предвидя, старались подрыть и разрушить древнюю монархію, и потомъ ужасались, видя ея развалины. Талейранъ зналъ что дѣлать, и шель далѣе. Его участокъ въ трудахъ и вліяніи на Законодательное Собраніе былъ огроменъ, и съ тѣхъ поръ сталъ онъ на мѣсто между политическими людьми перваго разряда, съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ значителенъ, не только по дѣламъ, въ коихъ участвовалъ, по рѣчамъ, которыя произносилъ, но и по тому, что онъ думалъ, по своему сужденію о дѣлахъ и людяхъ — съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ авторитетомъ, по праву своему — человѣка съ необыкновеннымъ умомъ.

Его виды объ общественномъ воспитаніи, и нѣсколько рѣчей его о финансахъ, были особенно замѣчены. Раздвѣляя величайшую ошибку, учиненную Законодательнымъ Собраніемъ, ошибку, столь мало достойную просвѣщенія сего знаменитаго собранія, уступившаго безъ довольнаго размышленія мѣлочнымъ раздорамъ и слѣпому предубѣжденію, Талейранъ игралъ важную ролю въ несчастномъ опытѣ Церкви, утвержденной на гражданскомъ законѣ, независимо отъ вѣрованія. Можетъ быть, нѣкогда любопытныя записки, предназначенныя для сѣдующаго за нами поколѣнія, скажутъ,

какія мысли довели Талейрана до такого рѣшенія. Но повѣримъ, что въ отношеніи политики, какъ равно въ отношеніи долга своего, онъ иначе судилъ послѣ пятидесяти лѣтъ опыта.

Послѣ Законодательнаго Собранія, Талейранъ былъ управляющимъ въ Парижскомъ департаментѣ. Но не первымъ ударомъ могло совершиться дѣло переворота. Время было еще далеко отъ возсозданія и не кончилось разрушенія. Если что могло предохранить его отъ него самого, придать ему духъ умеренности и скромности, то, конечно, поддержаніе вишняго мира. Такъ думалъ Талейранъ, и отправился въ Лондонъ въ одно время съ Шовелевымъ. Но отъ чьего имени могъ онъ говорить? Какой власти ручательство могъ представить? Онъ возвратился во Францію при наступленіи 2-го Сентября. Благодаря ловкому хладнокровію, которое не тревожило никакая опасность, онъ могъ воротиться въ Англию, но на сей разъ уже бѣглецомъ.

Все удаляло его отъ какого либо сближенія съ эмиграціею. Онъ путешествовалъ по Америкѣ съ нѣсколькими друзьями, подобно ему привязанными къ независимости своихъ мнѣній. Герцогъ Ланкуръ былъ однимъ изъ товарищей его странствованія.

Изгнаніе было тяжело Талейрану; оно осталось однимъ изъ горькихъ воспоминаній его жизни. Больше нежели кому нибудь другому, Франція была необходима его уму, вполне Французскому. Ему подобны были разнообразное движеніе идей, возбужденіе бесѣды, подвижное сочувствіе, свобода отношеній въ обществѣ, все, чего приходило у насъ искать чужестранцы, и чего никогда не забываемъ мы у нихъ.

Въ 1796 году, кровавый періодъ Революціи кончился; покусились на опытъ республиканскихъ постановленій. Друзья Талейрана, жадные видѣть его, зная, чего стоило ему удаленіе отъ отечества, убѣдили Шенье предложить объ его возвратѣ. Онъ поспѣшно явился, твердо рѣшась не оставлять больше земли Французской, которой ему не доставало, нетерпѣливо желая посвятить свою дѣятельность на службу своей страны.

Прежде возвращенія своего, онъ былъ наименованъ членомъ Института. Тамъ прежде его приняла, и вы приня-

ните, что такъ недавно еще хотѣлъ онъ возобновить о томъ воспоминаніе. Такимъ образомъ нашелъ онъ себя среди литературныхъ и философическихъ отношеній, которыя ни въ какомъ положеніи потомъ не изглаживались у него. Но наука не могла удовлетворять его потребности дѣйствовать, и, прибавимъ къ тому, его честолюбія. Его положеніе въ свѣтъ, его роля въ первые годы переворота, слабость здоровья его даже, дѣлавшая для него невозможнымъ ходъ жизни обихованной, все предписывало ему, такъ сказать, необходимость высшаго положенія, болѣе значительнаго существованія; оно было ему естественно; онъ и другіе изумились бы, если бы было иначе.

Воля Барраса возвела его въ министры Директоріи. Не было большою странностью въ то время видѣть знатнаго господина, манеры котораго были отличны и изящны, которому не правилось все простомодническое, все, въ чемъ не было вкуса и мѣры, помѣщеннаго среди правовъ, ознаменованныхъ болѣе грубымъ безпорядкомъ переворота, нежели суровостью республиканскою. Здѣсь Талейранъ видѣлъ себя столь же далекимъ отъ Пуританской угрюмости Американцевъ, какъ и отъ легкой прелести Французскаго общества. Но, если онъ не могъ первенствовать своимъ обхожденіемъ, которое между тѣмъ всегда давало ему нѣкоторое преимущество, за то ему оставалась власть достоинства и политическаго смысла.

Во всякую эпоху, но въ такихъ обстоятельствахъ особенно, предположить себя систему исключительную и неизмѣняемую, задать себя программу поведенія, отъ которой потомъ не удалиться, не означало бы дѣйствій чловѣка умнаго, даже и изъ числа тѣхъ, кому приписываютъ умъ. Характеръ и умъ чловѣка государственнаго могутъ имѣть другое, болѣе обширное единство. Онъ можетъ быть похожъ на самого себя въ различныхъ положеніяхъ. Любовь къ отечеству, и ко всему, что можетъ придать ему честь и благосостояніе, врожденный вкусъ къ просвѣщенію и успѣхамъ образованія, херпимость различныхъ мнѣній, неизмѣнное удаленіе отъ преслѣдованій и пассій; дѣятельное сочувствіе къ независимости новлій, безъ особеннаго предпочтенія той или другой формы ихъ; терпѣніе, умѣющее ожидать, не впадая въ равнодушіе; отвращеніе отъ преувеличенія и по-

спѣшности — такова была общность качествъ, составлявшихъ характеръ политической жизни Талейрана. Онъ показывалъ ихъ въ Республикѣ и въ Монархіи, при Диктаторѣ и при власти постановлений. Онъ служилъ землѣ своей при всѣхъ правительствахъ, слѣдовавшихъ въ ней одно за другимъ, пока они удерживались далеко отъ обольщеній и излишествъ, пока онъ могъ надѣяться, что разумъ можетъ вразумлять ихъ; если они переставали его слушать, дѣла удалялись отъ него, или онъ удалялся отъ дѣлъ. Онъ оставилъ ихъ, когда они оставили путь спасительный; для Франціи и для самого себя отказался онъ слѣдовать за правителями при склонѣ въ бездну.

По предвѣдѣнію, или увлекаемый высокимъ отличіемъ отъ другихъ, когда правленіе Директоріи показывало уже очевидные признаки безсилія существовать далѣе, Талейранъ близко сошелся съ генераломъ Бонапарте. Побѣдитель Италіи возвратился въ Францію, подписавши миръ Кампо-Формійскій; онъ не думалъ еще, что время ему положить руку на власть. Тогда составилъ онъ для Востока обширныя предпріятія, коимъ Египетская экспедиція была только первымъ началомъ. Талейранъ былъ повѣреннымъ его мыслей, столь исполненныхъ въ то время, столь непонятныхъ въ наше. Больше нежели вообще предполагали доступный обольщеніямъ воображенія своего, Талейранъ долженъ былъ занять свою роль въ сей эпопее; не предвидя разрушенія флота нашего подъ Абукиромъ, онъ полагалъ отправиться въ Царьградъ, гдѣ можетъ быть сождалъ бы завоевателя, который оттуда, какъ говорилъ онъ потомъ, взялъ бы Европу съ обратной стороны.

Жребій рѣшилъ иначе, хотя Наполеону предоставлены были не менѣе чудесныя дѣла. Когда воротился онъ во Францію, Талейранъ готовъ былъ помогать ему своими совѣтами и своею смѣлостью рѣшеній. Онъ находился въ первомъ ряду людей просвѣщенныхъ и друзей отчизны, принявшихъ усердно знаменитаго избавителя, который хотѣлъ исторгнуть Францію изъ безначалія и сохранить отъ разрушенія.

Даже оставя побѣды, громъ которыхъ всегда будетъ пемуолкаемъ, тогда была одна изъ прекрасныхъ эпохъ нашей исторіи. Возстановленіе общественаго порядка, низпровергнутое общество, снова занимающее основанія, на коихъ

потомъ оно утвердилось; гениальный человѣкъ, быстро, крепко, торжественно исполняющій мысль и волю народа, съ ужасомъ и отвращеніемъ отказавшагося отъ безпорядка: таково было величественное зрѣлище Консульскаго правленія.

Никакое другое положеніе не соотвѣтствовало лучше наклонностямъ и достоинствамъ Талейрана. Никогда его совѣты не могли быть такъ кстати, никогда его познаніе людей, дѣлъ и свѣта не должноствовало быть болѣе полезно. Для внутреннихъ дѣлъ у него были преданія общества, мирно устроеннаго, духа іерархическаго, приличія правотъ, составляющаго болѣе нежели украшеніе власти. Въ сношеніяхъ вѣнскихъ, онъ передавалъ требовательной и иногда суровой волѣ побѣдителя совѣты разборчивости и умѣренности: принадлежа къ аристократіи Европейской, окружающей властителей и служащей имъ, онъ проникалъ ихъ предпріятія и надежды; среди всей воинской славы, какою блистала Франція, онъ напоминалъ, что у насъ были и опять могутъ быть другаго рода отличія.

Между тѣмъ, все возвеличивалось подъ десницею Наполеона. Побѣдивъ Европу, онъ начиналъ располагать ею. Быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, когда дѣло идетъ о властителяхъ, которые должны или не должны царствовать — было положеніе высокое. Талейранъ утвердился на немъ, какъ будто никогда не имѣлъ другаго; онъ наслаждался имъ хладнокровно, почти равнодушно, и безъ сильныхъ движеній видѣлъ, какъ все, что было тогда сильнаго и могущаго въ Европѣ, искало его, имѣло надобность въ его благосклонности, или его совѣтахъ. Привыкли видѣть его во главѣ всѣхъ великихъ дѣлъ; вспоминали, что онъ предвидѣлъ; вѣрили тому, что онъ объявлялъ. Наполеонъ былъ властитель политики — Талейранъ прорицатель ея.

Онъ одинъ, или почти одинъ, казалось, имѣлъ существованіе самобытное, не происходившее отъ могущества Императора. Понимали важность его, устранивъ власть, какую оно ему передавало. Независимость ума его много значила въ такомъ положеніи. Его удивленіе не доходило до очарованія восторга; онъ судилъ объ ошибкахъ, предвидѣлъ опасности, и многое могло поражать его разумъ, или его вкусъ. Основа мнѣнія его всегда оставалась противоположно всему, что показывало излишекъ; всемірная монархія казалась ему мечтою, и преслѣдованіе сей мечты страшною иг-

рою случайностей для Франціи. Упоеніе успѣхами дѣлало власть переходящею за предѣлы, и онъ боялся увидѣть Европу идущею попытнымъ ходомъ по пути образованія. Въ Талейранъ оставались отпечатки XVIII-го вѣка и Законодательнаго Собранія, безирегистранно проявившіяся въ дѣлахъ его.

И потому случилось, что на высотѣ побѣдъ своихъ, послѣ Тильзитскаго мира, предавшаго Западную Европу полному произволу Наполеона, и когда такая, достигнутая имъ цѣль, казалась ему только началомъ дальнѣйшаго, онъ отклонился отъ своего министра. Талейранъ остался великимъ совѣтникомъ Имперіи, владѣтельнымъ Княземъ Беневентскимъ, и часто призываемый на совѣтъ, иногда ласкаемый, иногда содержимый въ родѣ немилости, онъ не унижилъ своего положенія. Средоточіе людей умныхъ, повѣренныхъ осужденій и тревогъ людей мудрыхъ, занимая досуги свои составленіемъ записокъ и воспоминаемъ о прошедшемъ, онъ велъ жизнь приличную, скромную, уважаемую всеми.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и предвѣщанія умѣренности и здраваго смысла нечаянно осуществились. Угнетенная безъ мѣры, Европа ринулась на Францію, со всею силою и могуществомъ народнаго убѣжденія, которыми нѣкогда начались наши торжества. При такомъ бѣдствіи, Талейранъ былъ призванъ къ великому совѣщанію, въ какомъ когда либо участвовалъ человекъ, могущество коего составляло только его умъ. Казалось, онъ, какъ равный, переговориваетъ съ побѣдоносными властителями, предводителями милльонъ войска. Европа хотѣла знать его мнѣніе о томъ, что предписывала ей мудрость сдѣлать изъ нея побѣды.

Онъ думалъ, что ни что не могло такъ уменьшитъ и прикрыть нашихъ несчастій, какъ возвращеніе прежней династіи. Такимъ образомъ, правительство Франціи казалось болѣе перемѣненнымъ отъ внутренняго переворота, нежели низвергнутымъ извнѣ. Европа вооружалась для истребленія ложнаго начала, а не для завоеваній. Не ея побѣдительная воля предписывала намъ властителя: Людовикъ XVIII-й принадлежалъ Франціи. Сохранившееся мнѣніе, если не сильное, по крайней мѣрѣ, еще живое, призывало его и провозглашало права его. Можно было представить обыты Франціи благоприятными его возвращенію. Во всемъ болѣе было видимости, нежели дѣйствительности, но видимость значила много. Соображая тогдашнее по-

ложеніе, люди разсудительные и безпристрастные не сыщутъ другаго, возможнаго тогда разрѣшенія.

Что до внутреннихъ дѣлъ, Талейранъ предполагалъ возвращеніе къ идеямъ независимымъ и ручательству хартии необходимыми, вмѣсто безмѣрной власти, заблужденіе которой столь жестоко узнала Франція. И здѣсь ошибки, безъ сомнѣній, не замедлили оказаться. Такъ всегда бываетъ: нѣсколько обольщенія необходимо въ подобныхъ обстоятельствахъ, дабы принять великое рѣшеніе, внушить бодрость, придать силу и дѣятельность. Умы и характеры обыкновенные смущаются, ужасаются, трепещутъ ответственности, влчаться въ першительности и падаютъ. Талейранъ видѣлъ цѣль твердымъ окомъ, и убѣдилъ другихъ съ удивительною твердостью. Таково было свойство его политическаго гениа: вѣрный взглядъ на слѣдствія и беззаботность о затрудненіяхъ подробностей.

Остерегаясь утвердить воплѣ законность правъ Людовика XVIII-го на прошедшемъ, тѣмъ не менѣе, онъ поилъ, какія выгоды доставитъ такое основаніе въ сношеніяхъ нашихъ съ Европою. Здѣсь мы уравнивались съ другими, избѣгали положенія побѣжденныхъ, находили основу для переговоровъ. Потому, однимъ изъ самыхъ блистательныхъ мновеній принца Талейранава былъ Вѣскій Конгрессъ. Среди побѣдителей, представитель Франціи явился съ неизмѣлемымъ авторитетомъ, въ первомъ, почетномъ ряду, уважительно внимаемый властителями, почтительно министрами. Его опытность въ обширныхъ дѣлахъ, его спокойное, вѣжливое обхожденіе, его рѣчь, столь остроумная и скупая на слова, поставили его высоко въ дипломатіи Европейской.

Переговоры Вѣскаго Конгресса, политическое мѣсто, гдѣ Талейранъ ставилъ Францію, разрушились событіями: высадка въ Кантъ и чудесное возвращеніе Наполеона поколебали и измѣнили все положеніе. Второе вступленіе союзниковъ въ Парижъ, не было подобно первому; распоряженія были другія; нельзя было обольщаться опредѣленіемъ судьбы и судьбы при звукахъ оружія.

Талейранъ вступилъ во Францію съ Людовикомъ XVIII-мъ. Уроки 1814 года не пропали для людей просвѣщенныхъ. Правительство сознавало сдѣланныя имъ ошибки, и рѣшалось избѣгать ихъ. Оно приняло за основаніе хартию. Министерство, прочное, избранное мнѣніемъ и ответственное, ибо дѣй-

ствовало самобытно, учредилось подъ председательствомъ Талейрана. Въ мѣры соображались съ законами разума и монархii. Выборы вызывали общее мнѣше. Наслѣдство перовъ, ручательство прочности и независимости, живо отвергнутое партией прежняго управленія, было достигнуто Королемъ, но не безъ труда. Все располагалось къ искреннему правленію дѣль.

Но обстоятельства не могли поддержать Талейрана въ его власти. Акты, которымъ споспѣшествовалъ онъ на Вѣскомъ Конгрессѣ, самые успѣхи, какіе онъ тамъ пріобрѣлъ, не оставляли ему возможности быть негодиторомъ при договорахъ 1815 года. Съ другой стороны, выборы были произведены подъ вліаніемъ мнѣшій, которые ободряли наши потери, и которое являлось теперь горло и гордо. Сражаться съ противодѣйствіемъ, столь живымъ, было невозможно. Положеніе Талейрана ставило его, болѣе, нежели кого либо другаго, цѣлью противодѣйствующихъ страстей. Онъ пересталъ быть министромъ.

Все время Возстановленія протекло такъ, что Талейранъ не вступалъ въ дѣла. Но его положеніе не было униженнымъ. Съ титуломъ высшаго Дворскаго сановника, уважаемый болѣе, нежели находящійся въ милости у Людовика XVIII-го и Карла X-го, онъ всегда сказывалъ имъ монархическое почтеніе, и ту важную преданность, которая придаетъ почетъ и возвышаетъ обязанности служащаго и подданнаго. Чуждый совѣтамъ, но не дѣламъ общественнымъ, куда безпрерывно устремлялось его живое участіе, онъ видѣлъ, что его согласія искали въ партіи. У него просили ободренія и совѣта. Его одобреніе было сильнымъ союзникомъ; его осужденіе рождало безпокойство. Таковъ, каковъ былъ онъ, не могъ онъ принадлежать ни къ какой парламентской партіи, и смотря по временнымъ обстоятельствамъ, по собственному впечатлѣнію, переходилъ онъ къ критикѣ и похвалѣ, неизмѣнимо противный всему, что было преувеличено. Въ важныхъ случаяхъ, мы видали его всходящимъ на трибуну перовъ. Вы помните, какъ онъ былъ выслушиваемъ, и какъ рѣчь была почти событіемъ.

Но то, что составляло важность его, было не столько участіе, какое принималъ онъ въ движеніи политическомъ, сколько положеніе, до косяго, отъ происшествія къ происшествію,

достигъ онъ, и гдѣ укрѣпился. Удивлялись, что въ наше время, въ нашемъ разсыпанномъ обществѣ, среди всеобщаго и завистливаго уравненія, могъ онъ пріобрѣсть себѣ высшее существованіе, признанное и принятое публично. Поставленный среди аристократіи прежней Франціи, которую Возстановленіе возсоздало несовершенно, представитель величія Имперіи и славныхъ воспоминаній нашей современной исторіи, властвуя умомъ надъ обществомъ, его окружавшимъ, любимый съ ревностною преданностію друзьями, привыкшими къ прелести его короткаго обращенія, искомымъ знаменитыми чужестранцами, какъ великая развалина прошедшаго и блескъ времени настоящаго, получалъ иногда свидѣтельства признательности властителей, ему одолженныхъ своею почестію — вотъ какимъ являлся намъ Талейранъ, Мм. Гг., и никогда уже не увидимъ мы ничего подобнаго. Повторяютъ, что онъ былъ послѣдній изъ знатныхъ господъ Франціи, но въ немъ лучше можно было замѣтить совсѣмъ не то: самому себѣ былъ онъ должець болѣе, нежели своему положенію въ свѣтѣ.

Правители эпохи Возстановленія съ столь давняго уже времени удалили отъ своей доверенности Талейрана, что онъ не могъ даже передать имъ увѣдомленія, которое отвратило бы ихъ отъ рѣшеній, приведшихъ къ неизбежному паденію. Но властитель, призванный на ихъ мѣсто, не пренебрегъ государственнымъ человекомъ, которому имѣлъ обычай съ столькихъ лѣтъ довѣряться, и который оказывалъ ему почтительную привязанность. Здѣсь не было мѣста сомнѣнію. Талейранъ былъ такъ уменъ, и столько любилъ отечество, что не могъ отказаться отъ счастливаго случая упрочить пользы отъ прешедшихъ событій. Онъ снова хотѣлъ приняться за труды, послѣ сорока лѣтъ опыта, съ практическою мудростію, тяжелыми уроками доставившеюся Франціи. Когда увидѣли Талейрана, обратившаго еще полныя и свѣжія силы свои къ дѣлу государственному, каждый радовался тому.

Съ привычною вѣрностію своего взгляда, онъ тотчасъ увидѣлъ, что сохраненіе мира извѣе было необходимо для поддержанія мира внутренняго, и что тревоги и усншія, неразлучныя слѣдствія военнаго положенія, поколеблютъ духъ общественный, приведуть къ борьбѣ партій, гдѣ погибнуть въ одно время порядокъ и независимость. Онъ понималъ также,

что союзъ Франціи съ Англіею былъ вѣрнымъ средствомъ сохранить миръ Европы.

Въ 1792 году, онъ имѣлъ тѣ же виды и покушался на тѣ же намѣренія. Но тогда оставилъ онъ во Франціи смѣтеніе, и — не было въ ней правительства. На сей разъ, онъ могъ унести съ собою лучшія надежды. Вотъ что писалъ онъ послѣ успѣха: «Достоверно, что высокой мудрости Короля и его великимъ способностямъ надобно приписать послѣдствія, столь удовлетворительныя. Не отношу себя ни какой другой заслуги, кромѣ той, что прежде всѣхъ угадалъ я глубокую мысль Короля, и возвестили ее тѣмъ, которые потомъ увѣрились въ истиннѣ словъ моихъ.»

Талейранъ отправился въ Лондонъ, и былъ тамъ встрѣченъ со всеми восторгами и съ общественнымъ любопытствомъ, свойственнымъ Англіи. Тамъ имѣлъ онъ знаменитыхъ друзей, отыскалъ государственныхъ людей, съ которыми не однажды имѣлъ переговоры, и могъ быть увѣреннымъ, что его выслушаютъ. Старый авторитетъ его превышалъ всѣ доказательства, извлекаемыя изъ очевиднаго положенія необходимой политики и необходимой довѣренности. Но предстояли и великія опасности и затрудненія, придававшія большія сомнѣнія умамъ, которыя больше видятъ случайность событій, нежели основаніе дѣлъ. Бельгія, Италия, шумные вопли, какими оглушали новое правительство — въ другое время было отъ чего загорѣться продолжительной, ужасной войнѣ. Но являть, что всѣ только опасаются и хотятъ быть разувѣренными — такова была заслуга нашего негодія. Въ немъ узнали тотъ умъ, который отвергаетъ и презираетъ приточныя обстоятельства, когда основаніе ясно обозначено.

Четыре года протекли въ исполненіи столь прекрасной обязанности. Истиннымъ счастьемъ въ жизни Талейрана было то, что при концѣ своего, столь дѣятельнаго, столь различнаго поприща, онъ могъ освятить свои послѣдніе дни полнымъ совершеніемъ негодія, самой полезной его отечеству, самой свободной отъ всякаго лукавства политики, самой спасительной для человѣчества и, для полнаго удовлетворенія, самой сообразной съ идеями, какія всегда читалъ онъ о равновѣсіи Европы.

Онъ чувствовалъ всю цѣну такого счастья. Когда трудъ его казался ему полнымъ, миръ упроченнымъ, внутренне

спокойствіе Франціи окончательно предохраненнымъ, еще полный дѣятельности и участія въ дѣлахъ, онъ хотѣлъ укрыть извѣстность свою подъ благородною защитою своего послѣдняго успѣха. Сочувствуя еще всѣ силы свои, онъ писалъ къ Королю слѣдующія замѣчательныя слова: «Моя старость, болѣзнь, ея слѣдствіе, покой, какого она требуютъ, идеи, какія она внушаетъ, показываютъ мой поступокъ весьма простымъ, вполне оправдываютъ его, дѣлаютъ его моею обязанностью.» Такъ отказался онъ отъ посольства въ Англію, дабы успокоить послѣдніе дни своей глубокой старости въ жизни частной, если только такое названіе прилично его жизни. Его рѣдкое благоразуміе, вѣрность его рѣшительности блестяще явились въ семъ послѣднемъ случаѣ.

Съ тѣхъ поръ, немногіе дни, какія были ему предоставлены, протекали среди его семейства и его друзей. Умъ его былъ всегда тотъ же; впечатлѣнія живы, подвижны, юны; онъ принималъ участіе во всемъ настоящемъ и утѣшался воспоминаніями о прошедшемъ. Никогда бесѣда его не была болѣе пріятна, болѣе увлекательна. Самыя лѣта его, мысль, что скоро можемъ потерять его, прибавляли какое-то особенное движеніе къ прелести его слова. Любезная пріязненность его, вкусъ, какой онъ показывалъ тѣмъ, кого любилъ, не отзывались страданіями старости. Политическія несправедливости, предразсудки партій, были почти утишены и безмолвны вокругъ него. Ничто въ ежедневномъ ходѣ событій не было ему чуждо, но онъ былъ только просвѣщенный зритель всего. Августѣйшая пріязнь была его наградою и удовлетвореніемъ.

Между тѣмъ, наблюдая его ближе, можно было замѣтить, что во глубинѣ души его были, какъ онъ самъ говаривалъ, другія помысленія, болѣе важныя; онъ былъ человекъ ума столь важнаго, сужденія столь твердаго, что тихая, ничего не предвидящая жизнь не могла довольствовать его на краю гроба. Кто всегда хотѣлъ отдавать себѣ дѣйствительный и вѣрный отчетъ о положеніяхъ политическихъ, тотъ не могъ избѣгнуть отъ необходимости думать о себѣ самомъ. Но, по его обыкновенію, мысль, которая наиболѣе его занимала, всегда была тою мыслию, о которой онъ говорилъ менѣе. Слово тревожить, а онъ любилъ рѣшаться въ тишинѣ. Какъ въ жизни политической не хотѣлъ онъ пережить самого себя

такъ всего болѣе желалъ онъ кончить жизнь въ полнотѣ разума и воли.

Такой внутренней трудъ становился настоятельнѣе. Уже столь большою, что возбуждалъ безпокойство друзей, и, можетъ быть, собственное свое, онъ рѣшился проститься съ публикою, когорая столько имъ занималась. Онъ явился въ Институтъ, и многіе изъ насъ могутъ припомнить, сколько тогдашнее собраніе имѣло торжественнаго и трогательнаго. Съ того дня, мысленіе его сдѣлалось болѣе дѣятельно и мало давало ему отдыха. Крѣпкій разумъ его взвѣшивалъ высшіе вопросы. Могуція размышленія, принадлежавшія еще жизни, соединялись съ размышленіями, принадлежавшими смерти. Прежнія впечатлѣнія, воспоминанія дѣтства, связи семейственныя дѣйствовали на чувства столько же, сколько размышленіе на умъ.

Таково было положеніе души его, когда постигла его болѣзнь внезапная и тяжелая. Вскорѣ исчезла вся надежда сохранить его. Онъ не хотѣлъ обольщаться и заставилъ сказать себѣ истину. Мужество его въ страданіяхъ было неизмѣнимо; присутствіе ума полное; кротость не оставляла его ни на одно мгновеніе, и спокойствіе умственное, какимъ любилъ онъ ограждать себя, не возмущалось. Въ такомъ-то расположеніи, безъ торопливости, безъ слабости, безъ угодливости кому либо, онъ достигнулъ рѣшенія, которое издавна приближалъ онъ къ себѣ съ каждымъ днемъ. Онъ хотѣлъ умереть христіанно.

Почти въ сіи-то послѣдніи минуты, Король, уступая внушенію прежней дружбы, почтилъ смертный одръ его своимъ посѣщеніемъ. Талейранъ нашелъ еще силы свидѣтельствовать свою почтительную признательность.

Но въ конечное мновеніе, когда по древнему девизу Перигоровъ вѣтъ «Короля кромѣ Бога» (Re que Dieu), образно рѣшенію, имъ принятому, онъ былъ окруженъ угѣшеніями религіи. Они распространили сладость свою на мужественное спокойствіе, какое оставляли еще страданія и быстрое расслабленіе. Онъ кончилъ жизнь среди плачущаго и молящагося семейства.

Такъ совершилась продолжительная жизнь, замѣчательная при своемъ окончаніи не менѣе, какъ и при началѣ. Такъ исчезъ человекъ, занимавшій столь обширное мѣсто, не толь-

ко въ политикѣ и обществѣ, но и въ участіи публики, чело-вѣкъ, на котораго непрерывно обращены были взоры и любопытство. Онъ оставилъ пустоту, если не на поприщѣ дѣлъ, съ коего уже удалился, по крайней мѣрѣ, въ области высо-кихъ воззрѣній и искусныхъ совѣтовъ; ничего болѣе не могли потерять люди, бывшіе приближенными къ нему, и чув-ствовавшіе себя непрерывно увлекаемыми кротостью его обхожденія и богатствомъ его идей и воспоминаній.

И нигдѣ столько, какъ въ собраніи нашемъ, Мм. Гг., не долженствовали мы почтить память его. Онъ помогалъ установленію нынѣшнихъ государственныхъ уставовъ нашихъ, и никому не оказывалъ столько сочувствія, какъ Палатъ Перовъ. Потому ли, что онъ былъ долженъ своимъ блескомъ и авторитетомъ общественнымъ отличіямъ, или что онъ получилъ ихъ среди блеска и опыта въ государственныхъ дѣлахъ, онъ призванъ былъ занимать мѣсто въ первомъ ряду нашемъ, и всегда былъ горделивъ и доволенъ такимъ положеніемъ и такою наградою.

=

Нынѣшніе Министры Европейскихъ государствъ, къ 1-му Января 1839 года.

Россія. Военный Министръ, *Графъ А. И. Чернышевъ*; Морской (Начальникъ Морскаго Штаба) *Князь А. С. Меншиковъ*; Императорскаго Двора, *Князь П. М. Волконскій*; Почтъ (Главнач. надъ Почт. Департ.) *Князь А. Н. Голицынъ*; Иностранныхъ Дѣлъ *Графъ К. В. Нессельроде*; Путей Сообщенія и публичныхъ зданій (Главнуправляющій) *Графъ К. Ѡ. Голь*; Финансовъ, *Графъ Е. Ф. Канкринъ*; Государственный Контролеръ, *А. Э. Хитрово*; Государствен-ныхъ Имуществъ, *Ш. Д. Киселевъ*; Народнаго Просвѣщенія *С. С. Уваровъ*; Внутреннихъ Дѣлъ, *Д. П. Блудовъ*; Юстиціи, *Д. В. Дашковъ*; Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, *Князь И. В. Васильковъ*; Главнокомандующій дѣйствующею арміею, *Князь И. Ѡ. Варшавскій*, *Графъ Паскевичъ-Эриванскій*.

Дипломатическій Корпусъ при Россійскомъ Дворѣ. Послы: Австрійскій, *Графъ Фикельмонъ*; Англійскій, *Мар-*

кнзъ Клапркардъ; Французскій, Баронъ Барантъ; Чрезвычайные Посланники и Полномочные Министры: Баварскій, Графъ Лерхенфельдъ; Виртембергскій, Кнзъ Гогенлоге-Кирхбергъ; Датскій, Графъ Вломъ; Обвяхъ Сицилій, Кнзъ Бутера; Нидерландскій, Гр. Шиммельпешингъ; Прусскій, Г. Либерманъ; Сардинскій, Графъ Россн; Соед. Америк. Штатовъ, Г. Далласъ; Шведскій и Норвежскій, Баронъ Пальмиерна; Повѣренный въ дѣлахъ, Саксонскій, Г. Зеббахъ.

Австрія. Министры: Кнзъ Клеменсъ ф. Меттернихъ; Фельдмаршалъ, Графъ ф. Беллигардъ; Графъ ф. Коловратъ-Либштейнскій; Графъ Надашдъ; Кнзъ Миске ф. Мадларъ-Честве-Мудларъ.

Англія. Кабинетъ Министровъ: Вискоунтъ Мельбурнъ, первый Лордъ Казначейства и первый Министръ; Спрингъ-Рейсъ, Канцлеръ Казначейства; Лордъ Коттенгамъ, Лордъ-Канцлеръ; Маркизь Ландесдоунъ, През. Тайнаго Совѣта; Вискоунтъ Донканнонъ, Лордъ Хранитель Печати; Лордъ Россель, Внутр. дѣль; Вискоунтъ Пальмерстонъ, Иностр. дѣль; Лордъ Гленельгъ, Колоній; Графъ Мишо, первый Лордъ Адмиралтейства; Сиръ Дж. Гобгоузь, Президентъ Палаты Конгроя; Сиръ Паулетъ Томсонъ, През. Коммерч. Палаты; Лордъ Голландъ, Канцлеръ Ланкастерскаго Герц.; Вискоунтъ Говикъ, Военный Секретарь.

Франція. Графъ Моле, Иностр. дѣль и Президентъ Министерства; Бартъ, Вел. Хранитель печати и Министръ Юстиціи; Де-Розамель, Морской и Колоній; Графъ Монтаме, Внутр. дѣль; Мартенъ (du Nord) торговли и публ. зданій; Сальванди, Нар. Просвѣщ.; Лакавъ-Лалланъ, Финансовъ.

Пруссія. Министры: ф. Штейнъ-Альтенштейнъ, Дух. дѣль, просвѣщенія и медицинск. дѣль; Кнзъ Сайнъ-Виттенштейнъ, Королевск. дома; Графъ ф. Вилхъ-Лоттуль, Казначейства; ф. Кампцъ, Юстиціи; Мюлеръ, Юстиціи; ф. Роховъ, внутр. дѣль и полиціи; ф. Инглеръ, Ген.-Почтмейстеръ; ф. Ладенбергъ, лѣсовъ; Ротеръ, През. Комм. пог. догловъ; Графъ ф. Аувенслебенъ, Финансовъ; ф. Вертеръ, Иностр. дѣль; ф. Раухъ, Военный.

Нидерланды. Баронъ Ферстолькъ фанъ-Селенъ, Иностр. дѣль; фанъ-Маанскъ, Юстиціи; Беемартсъ ф. Блокландъ, Финансовъ; Баронъ де-Кокъ, Внутр. дѣль; Баронъ ф. Доорнъ,

Статсъ-Секретарь; Баронъ ф. деръ-Бошъ, Колоній; Баронъ ф. Палландъ ф. Кеппель, Дух. дѣль; Баронъ ф. Пелмхъ, Католич. дух. дѣль.

Швеція и Норвегія. Графъ ф. Розенбладъ, Юстиціи; Баронъ Штиернелдъ, Иностр. дѣль; Ст.-Секретарь Асфъ-Гриенъ, Военный; ф. Данквардтъ, Внутр. дѣль; ф. Штогманнъ, Финансовъ и Торговли; ф. Гартмансдорфъ, Дух. дѣль и Просвѣщенія.

Данія. ф. Местингъ, Гос. Канцлеръ; Графъ О. ф. Молтке, През. Шл. Голшт. Лауенб. Канц.; ф. Штеманнъ, Юстиціи; ф. Ранцау-Брейтбургъ, Оберъ-Шт.; Графъ А. ф. Молтке, Финансовъ; ф. Крабъ-Каризинъ, Иностр. дѣль.

Испанія. Эваристъ Персъ де Кастро, През. Министровъ; Алъ, Военный; Писарро, Финансовъ, Чаконъ, Морской, Галлиасера, Внутр. дѣль; Арасола, Юстиціи.

Португалія. Висконде Са да Бандейра, Им. и Военный; Д. Фернандо Косльо, Внутр. дѣль; Д. Дуарте Лейтао, Юстиціи и Дух. дѣль; Баронъ ф. Болфилизъ, Морской и колоній; Антоній де Карвальо, Финансовъ.

Греція. Зографосъ, Королевскаго дома и Иностр. дѣль; Спаниолисъ, Финансовъ; Гларакисъ, Внутр. и Дух. дѣль; Паикосъ, Юстиціи; Графъ Ф. Шляхъ, Военный; Крицисъ, Морской.

Турція. Рагуфъ-Паши, первый Мин. и Мин. Внутр. дѣль; Мехи-Заде-Ассиль-Эфенди, Муфтий; Мегмедъ-Саидъ-Паши, Сераскиръ (Генералссимусъ); Мустафа-Решидъ-Паши, Иностранныхъ дѣль; Мегмедъ-Хозрефъ-Паши, През. Палаты Правосудія; Дафудъ-Паши, первый През. Совѣта Порты; Абдуль-Рамавъ Нафизъ Паши, Финансовъ; Мегмедъ-Гасибъ Паши, Вел. Казначей.

Бельгія. Шевалье де Тё де-Мейландъ, Внутр. и Вѣшн. дѣль; Антонъ Эрнстъ, Юстиціи; Баронъ ф. Гуартъ, Финансовъ; Вилльмаръ, Военный; Ж. Б. Ноттольъ, публичн. зданій.

Германскій Союзъ. Послы на Сеймъ: Австрійскій, Графъ ф. Мюнхъ-Беллингаузенъ (Президентъ); Прусскій, ф. Шелеръ; Баварскій, Ари. ф. Мнгъ; Саксонскій, Баронъ ф. Мантсфельдъ; Ганноверскій, Баронъ ф. Штраденгеймъ; Виртембергскій, Баронъ ф. Троттъ; Баденскій, ф. Душъ; Гессенскій, Рнсъ ф. Шейршлюссъ; В. Г. Гессенскаго, Бат. VII. — Одд. VI.

ропъ Ф. Грубенъ; *Голштемскій*, баронъ Ф. Пехлингъ; Люксембургскій Графъ Гемрикуртъ Ф. Грюппе; *Саксонскій*, Графъ Ф. Бейстъ; *Нассаускій*, Ф. Рентгенъ; *Мекленбургскій*, Ф. Шахъ; *Ольденб.*, *Ангальтск.* и *Шварцбургскій*, Ф. Ботъ; отъ *Гогенцоллерна*, *Алштемшиейна*, *Рейсса*, *Липпе*, *Валдека*, Леонгардъ; отъ *Любека*, Курциусъ; *Франкфурта*, Ф. Мейеръ; *Бремена*, Шмидтъ; *Галбурга*, Сивекингъ.

Швейцарія. Президентъ Сейма *Г. Конъ*, отъ Люцернскаго Кантона.

Соедин. Северо-Америк. Штатовъ. Президентъ *Мартиъ ванъ-Буренъ*.

Мексика. Президентъ *Бустамянте*.

=

Состояніе флотовъ главнѣйшихъ Европейскихъ и другихъ государствъ.

Данія. 6 лин. кораблей, 6 фрегатовъ, 5 корветтъ, 6 бригавъ, 3 шхуны, 3 катера, 58 канонерск. шлюпокъ, 6 ботовъ, 3 мортирныя шлюпки. Пушекъ на всѣхъ 1063.

Швеція. 12 лин. кораблей, 7 фрегатовъ, 15 бригавъ, 13 шхунъ и галеръ, 500 канонерск. шлюпокъ. Пушекъ на всѣхъ 1966.

Египетъ. 9 лин. кораблей, 6 фрегатовъ, 5 корветтъ, 7 бригавъ, 1 катеръ, 2 парохода.

Турція. 7 лин. кораблей, 11 фрегатовъ, 7 корветтъ, 2 брига, 8 катеровъ, 1 шхуна, 6 канон. шхунъ, 2 парохода.

Нидерландія. 8 лин. кораблей, 18 фрегатовъ, 17 корветтъ, 15 бригавъ, 4 шхуны, 1 учебный корабль, 4 парохода, 3 транспорта, 10 бомбардъ, 94 канон. шлюпокъ. Пушекъ на всѣхъ 2660.

Греція. 2 корветта, 2 парохода, 3 брига, 8 шхунъ, 3 катера, 11 канон. шлюпокъ, 3 габары, 1 боть. Пушекъ на всѣхъ 147.

Испанія. 3 лин. корабли, 5 фрегатовъ, 4 корветта, 8 бригантинъ, 2 бригантины-шхуны, 5 шхунъ, 8 канонерск. шлюпокъ, 2 парохода. Пушекъ на всѣхъ 804.

Португалія. 1 лин. корабль, 5 фрегата, 5 корветтъ, 5 бригавъ, 7 шхунъ, 7 флотовъ, 4 *correios (courtiers)*, 4 яхты, 3 канон. шлюпки, 2 парохода. Пушекъ на всѣхъ до 400.

Сардинія. 6 фрегатовъ, 1 корветтъ, 2 брига, 1 катеръ, 4 шхуны, 12 бомбард. гальотовъ, 1 пароходъ. На всѣхъ пушекъ 402.

Объ Сициліи. 1 лин. корабль, 4 фрегата, 2 корветта, 3 брига, 2 шхуны, 2 пакетбота, 2 бомбарды, 20 кан. шлюпокъ, 16 фелукъ, 5 парохода, 80 барокъ, понтоновъ, ботовъ и транспортвъ. Пушекъ на всѣхъ 502.

Соед. Штаты. 12 лин. кораблей, 10 фрегатовъ, 16 корветтъ, 4 брига, 7 шхунъ, 1 габара, 1 пароходъ. Пушекъ на всѣхъ 2060.

Объ *Английскомъ* флотѣ не упомянуто въ журналѣ, изъ котораго заимствуемъ мы наше извѣстіе (*Annales mar. et coloniales*), но сказано только, что войско Английское, въ 1838 году, состояло изъ 109,027, и бюджетъ его составлялъ 4.324,352 ф. ст., а на флотъ Английскомъ было 25,165 матросовъ и 9000 морскихъ солдатъ; бюджетъ флота составлялъ 4.596,024 ф. ст.

=

Перемѣны Английскаго и Французскаго Министерствъ. Въ *Preussische St. Zeitung* помѣщена слѣдующая любопытная параллель о перемѣнахъ Английскаго и Французскаго Министерствъ:

Въ теченіе *восемидесяти лѣтъ*, въ Англій были первыми Министрами: Лордъ Чатамъ, съ 1757-го по 1762 годъ, а послѣ него: до 1763 года Графъ Бюгъ, до 1765-го Гренвилъ, до 1766-го Маркизь Буккингамъ, до 1770-го Герцогъ Крафтонъ, до 1782-го Лордъ Нотъ, въ томъ же году Маркизь Роккингамъ, и до 1783-го Лордъ Сельбурнъ, а въ 1783-мъ году Герцогъ Порландъ, и потомъ Питтъ до 1801 года. Съ 1801-го по 1804, Аддингтонъ (Лордъ Сидмутъ), а съ 1804-го по 1806-й Питтъ снова; послѣ него, до 1807-го Лордъ Гренвилъ, до 1810-го Герцогъ Порландъ, до 1812-го Персеваль, до 1827 Лордъ Ливерпуль; въ 1827 году Кашингъ, и послѣ него Лордъ Годеричъ (Графъ Рипонъ) до 1828-го; тогда избранъ Герцогъ Веллингтонъ и былъ до 1830 года; потомъ Графъ Грей до 1834-го; въ тотъ же годъ Лордъ Мельбурнъ и Сиръ Робертъ Шиль до 1835-го, когда поступилъ снова Лордъ Мельбурнъ. Всего было 23 перемѣны.

Въ теченіе *восьми лѣтъ*, съ 1830 года, во Франціи были

первыми *Министрами*, послѣ Июльскихъ переворотовъ: *Лафиттѣ*, съ 2-го Ноября 1830 г. по 15-е Марта 1831 г. — 134 дней; *Казимиръ Перрье*, до 27 Апрѣля 1832 года—409 дней; *Маршалъ Султъ* по 18-е Июля 1834 года—644 дня; *Маршалъ Жераръ* до 27-го Октября, 1834 года — 99 дней; *Герцогъ Бассано*, до 18-го Ноября 1834 года—8 дней; *Маршалъ Мортъе*, до 28-го Февраля, 1835 года—100 дней; *Герцогъ Бролио*, до 22-го Февраля, 1836 года—345 дней; *Тьеръ*, до 6-го Сентября 1836 года—197 дней; *Графъ Моле*, съ того времени до нынѣ, включая частную перемену Министерствъ, 15-го Апрѣля 1837 года. Всего было *девять* перемень перваго министра, а съ ними перешло черезъ министерства всѣхъ министерствъ — 72 человѣка!

Памятникъ Г. И. ШЕЛИХОВА. Знаменитый мореплаватель нашъ, *Григорій Ивановичъ Шелиховъ* погребенъ въ Иркутскѣ, въ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, находящемся за Ангарагою, въ особомъ предметѣ города. Надгробный памятникъ его состоитъ изъ мраморной пирамиды, съ бронзовымъ портретомъ и приличными изображеніями. П. И. Виноградскій, по просьбѣ нашей, сообщилъ намъ списокъ надписей, находящихся на четырехъ сторонахъ пирамиды. Вотъ онъ:

1. «Здѣсь, въ ожиданіи пришествія Христова, погребено тѣло, по прозванію Шелехова, по дѣліямъ бездѣльнаго, по промыслу гражданина, по замысламъ мужа почтеннаго, разума обширнаго и твердаго, ибо въ царствованіе Екатерины Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійской, Государыни славной и великой, расширившей Свою Имперію побѣдами враговъ Ея на Западъ и на Полудни, онъ отважными своими морскими путешествіями на Востокъ, нашелъ, покоришь и присвокупилъ державѣ Ея, не только острова Кяхтакъ, Афогакъ и многіе другіе, но и самую матерую землю Америки, простираясь къ сѣверо-востоку, завелъ въ нихъ домостроительство, и испрося Архимандрита съ братією и кнѣземъ, провозгласилъ въ грубомъ народѣ, неслыханнымъ неужествои попрашномъ, невѣдомое тамъ имя Божіе, и во имя Святыхъ, Живоначальныхъ Троицы насадилъ православную Христіанскую Вѣру, въ лѣто 1794-е. — Христе Спасителю!

причти его къ лику благовѣстниковъ, возжегшихъ на землѣ свѣтъ Твой предъ челоуѣки!

Гавриль Державинъ.

2. «Григорій Ивановичъ Шелиховъ, Рымскій Именитый Гражданинъ, родился года 1748, вступилъ въ супружество года 1775, началъ торговлю свою въ областяхъ Сибири въ 1775 годѣ, морскія путешествія совершилъ въ 1783, 1784 и 1785 годахъ, скончался 1795 года, Июля 20 дня.

Колумбъ здѣсь Россій погребенъ!
Преилъ моря, открылъ страны безвѣстны,
И зря, что все на свѣтъ глѣтъ,
Направилъ парусъ свой
Во океанъ небесный,
Искать сокровищъ горныхъ, не земныхъ,
Сокровище благихъ!
Его Ты душу, Боже, упокой!

Гавриль Державинъ.

3. Какъ царства падали къ столамъ Екатерины,
Россъ Шелеховъ, безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ,
Притекъ въ Америку чрезъ бурныя пучины,
И нову область ей и Богу покоришь.

Незабывай, потомокъ,
Что Россъ твой предокъ былъ и па Востокъ громокъ!

Дѣйств. Стат. Совѣтъ. Изв. Дмитрійевъ.

4. Поставила сіе надгробіе, въ память почтенному и добродѣтельному супругу, горестная вдова, съ пролитіемъ горячихъ слезъ и съ сокрушеннымъ воздыханіемъ ко Господу.

На подножкіи памятника изсѣчено, что онъ поставленъ въ 1800 году, и стоилъ *всего на все* 11,760 рублей.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вотъ любопытныя новости изъ Петербурга, помѣщенныя въ одномъ Парижскомъ журналѣ! *Кто-то* (подъ статью означено имя — вѣроятно, псевдонимъ: *Comte Alexandre Waldynski*) описываетъ, какъ давали у насъ *Хитану*. Все описаніе сочинено въ родѣ какого-то гимна г-жѣ Тальони: «Могу ли холодными словами передать невообразимое совершенство, котораго она умѣла достигнуть, легкость, которой

позавидовала бы ласточка, скромную и вмѣстѣ сладострастную прелесть, неизлечимую гибкость, чудесную ловкость ея? Какъ перечислить неисчислимыя сокровища поэзіи, разсѣяныя г-жею Таліони въ *Хитанъ*, съ роскошью могучей владительницы (avec une profusion toute royale)? Какъ противиться желанію сказать, какой источникъ совершенно новыхъ наслажденій заставила меня пить она, очаровательница? Нѣтъ! Если буду жить еще тысячу лѣтъ, то не забуду вечера 5-го Декабря; въ самый часъ смерти моей вспомню эти божественныя *позы*, эти изящныя *аттитоды*, эти сладостныя *балансы* между небомъ и землей, эти ножки Аталанты, быстройшия птичьихъ крыльевъ.»... Но Comte W. могъ восхищаться, какъ ему угодно, зачѣмъ только пишетъ онъ слѣдующее: что съ утра 5-го Декабря, кареты стояли у театра, и народъ до того тѣсился цѣлый день на площади кругомъ, что весь снѣгъ прегрѣтился въ кашу; что такое собраніе продолжалось вокругъ театра съ утра до вечера, и когда двери въ театрѣ отворились, народъ кинулся, и подѣ театральнѣй кассы задавили мальчика, а брата его задавили потомъ въ дверяхъ четвертой галлерей; что оба сина несчастные были дѣти купца изъ Гостиннаго двора (d'un marchand de Gaslinai-Dwor); что постановка балета на сцену стоила 200,000 рублей; что въ десять представленій, «каждый разъ» сборъ былъ по 50,209 рублей, и поелику и за тѣмъ билетовъ никакъ добиться не мѣла, то не возможно предвидѣть, гдѣ остановится столь чудесный, неслыханный успѣхъ, и наконецъ что при первомъ представленіи публика заставляла г-жу Таліони повторять каждое на, благодарила ее *изступленными аплодисманами*, *походившими на бичество*; что въ антрактахъ вызывали г-жу Таліони и забрасывали ее вѣнками и букетами! Послѣ всѣхъ такихъ извѣстій, вѣрьте газетнымъ новостямъ!

Спѣшимъ оправдать Виктора Гюго: по точнѣйшему изслѣдованію оказывается, что онъ грѣшенъ только въ сочиненіи плохой трагедіи, но не въ кражѣ сюжета ея. Бульверъ точно написалъ трагедію: *Лионская барыня* (The Lady of Lyons), и въ ней, такъ же, какъ въ *Рюи-Блазъ*, оскорбленный любовникъ выдаетъ простолюдина за знатнаго барина и женитъ

его на гордой красавицѣ. Но тѣмъ и оканчивается все сходство. Защитники В. Гюго вычисляютъ множество романовъ, драмъ и водевилей, гдѣ завязка состояла въ такомъ же точно обманѣ. Но исторія съ Бульверовой трагедіей вышла презабавная! Похитивши славу великаго романиста, онъ вздумалъ гнаться за славой драматика, написалъ трагедію: *Герцогиня де-ла-Валлеръ*, и трагедія хлопнулась. Онъ написалъ *Лионскую барыню*. Но, ни игра Макриди, ни подготовка, ни что не спасло второй трагедіи. Бульверъ имѣлъ неосторожность разсердиться: напечаталъ свою трагедію, и въ предисловіи увѣряетъ, что политическіе враги его, завидуя ему, какъ члену парламента, постарались уронить пьесу. Тутъ насмѣшники перебрали всѣ акты Парламента, и доказали автору, что до сихъ поръ даже ни одного слова его несмысливали въ преніяхъ Парламента, и что безъ предисловія къ «Лионской барыни» никто и не догадывался, что г-нъ Бульверъ составляетъ важное политическое лицо. Трагедію разобрали, что называется, по косточкамъ, и доказали, что въ ней самой заключается причина неуспѣха. Въ самомъ дѣлѣ, мало можно встрѣтить что нибудь нелѣпѣе «Лионской барыни». Это какая-то вздорная мелодрама, гдѣ напутаны всевозможныя несообразности. Признаемся, мы давно бросили чтеніе романовъ Бульвера, и никакъ не постигаемъ, что могло быть причиной успѣха его, даже какъ романиста? . .

Многіе считали сказкой рассказы Швейцаровъ о томъ, что Альпійскіе орлы, какъ-то: *орелъ императорскій* (Falso imperialis), *орелъ королевскій* (F. fulvus), и особенно, такъ называемый, *бородатый коршунъ* (Gypocetus barbatus), или какъ Нѣмцы называютъ его, *овегій коршунъ* (Laemmergeyer), уносятъ иногда дѣтей. Нынѣшнимъ лѣтомъ достовѣрность разсказовъ подтвердилась несчастнымъ событіемъ. Юня 18-го двѣ дѣвочки, Марія Делексъ, 5-ти лѣтъ, и Марія Ломбардъ, 3-хъ лѣтъ, играли подлѣ горной деревни въ Алесскихъ утесахъ (въ кантонѣ Валезскомъ). Орелъ, величнны ужасной, спустился съ облаковъ, схватилъ Марію Ломбардъ, и унесъ ее. Подруга ея закричала, сбѣжалась люди, пошли по утесамъ, открыли гнѣздо орла, и въ немъ нашли множество костей козлиныхъ и овечьихъ; по утесамъ находили башмачки, чулочки бѣдной Маріи. Наконецъ, Августа 13-го, сыскали и

трупъ ея на самомъ высочайшемъ утѣсѣ; платье несчастной было изтерзано, и вся она исклевана, обезображена...

Старушка Дебордъ - Вальморъ издала еще собраніе стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Ranvres fleurs*. Въ нихъ есть много милаго, есть голосъ сердца, и, сквозь блѣстки и лишніи фигуры піитики, прорываются неподдѣльные чувства.—Сень-Бѣвъ также готовитъ собраніе стихотвореній. Любопытно, что тутъ будутъ переводы съ Нѣмецкаго и Шведскаго. Вотъ сонетъ, подражаніе Стагнеліусу, Шведскому поэту, умершему въ 1823 году. Кажется, что Мармье возбудилъ въ соотечественникахъ своихъ желаніе знакомиться ближе съ Шведскою поэзіею.

Alle stelle

Данте.

Et je songe au passé, peut-être à l'avenir,
Peut-être au bonheur même en sa vague promesse,
Au bonheur que promet un reste de la jeunesse,
Et qu'un coeur pardonné peut encore obtenir.

Pardonne-lui, Seigneur, et le daigne benir;
Retiens sa force errante, ou force sa faiblesse,
Pour qu'en toute saison ton souffle égale ne laisse
Ni desir insensé, ni trop cher souvenir.

Qu'il se reprenne à vivre, en espoir de la vie;
Que sans plus s'enchaîner, il trouve qui l'appuie,
Qui lui rapprenne à voir ce qu'il s'est trop voilé;

Pour que monte toujours, même dans la tourmente,
Même sous le soleil, dans la saison clémente,
Mon regard pur, fidele au seul pôle étoilé!

Господа подагрики! радуйтесь. На вашу болѣзнь сыскалось вѣрное лекарство: одинъ Парижскій врачъ открылъ, что *полотерство* предохраняетъ отъ подагры, уничтожаетъ ее и возвращаетъ ногамъ здоровье. Потому, онъ заставляетъ подагриковъ тереть паркетъ, и успѣхъ лекарства оказывается изумительный. Страшно! Кажется, мы видимъ столько людей, которые неутомимо трутъ и лошчатъ паркетъ, а между тѣмъ страдаютъ подагрою...

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПИТЕРЪ-БАСЪ.

Въ Голландіи мѣсечко ешь Сардамъ,
Иль Саандамъ, зовише какъ угодно;
Тамъ уголь ешь, знакомый Рускимъ — намъ,
Онъ дорегъ.... ешь объ немъ преданіе народно...
Слыхали ль вы, что въ спарь бывало шамъ?
Я расскажу... Ахъ! какъ бы превосходно
Вамъ Пушкинъ могъ преданье разказать!
Но гдѣ же онъ? Гдѣ Пушкина намъ взять? —

Любя его прекрасныя оклавы,
Хочу я въ нихъ рассказъ представить мой,
Царя Пешра дѣянъ и забавы;
Угнѣшишь васъ бывалою шаршиной...
Люблю себя, о память Руской славы!
Люблю мое опечеснво душой,
И льпъ былыхъ великое сказанье!
Послушайте жъ мое повѣшшованье.

Разнесся слухъ, что Русскихъ ждуть послать,
 Что Русскій Царь самъ будетъ межъ послами;
 Весь Амстердамъ встрѣчать его готовъ,
 Черезъ десять дней увидишь съ гостями,
 А между тѣмъ съ Сардамскихъ береговъ,
 Уже виднѣ ботъ, лешнѣ подѣ парусами;
 Тамъ семь гребцовъ, и мощный кормчій ихъ,
 Спѣшатъ къ землѣ при плескѣ волнъ съдыхъ.

Но вопъ рыбакъ плывесть, да попявая,
 Онъ чинитъ събъ; вдругъ окликъ слышитъ онъ:
 «Здорово, Кисень!» — Себѣ не доверяя,
 Глядишь рыбакъ и мыслишь видѣшь сонъ:
 Знакомцы шумъ, но изъ чужаго края,
 А встрѣтились среди Нѣмецкихъ волнъ.
 Онъ въ кузницахъ былъ въ Русн опдаленной,
 Видалъ Царя на приспани восной,

И узнаесть... Забилося сердце въ немъ,
 А голова онъ радосни кружился;
 Данъ знакъ молчанъ паншвеннымъ гребцомъ
 И Кисень молчитъ; языкъ не шевелился,
 Хотя бъ желалъ онъ вымолвить о шомъ,
 Какъ удивленъ — и какъ не удивнѣлся,
 Когда онъ плылъ лишь рыбу добывающъ,
 А привелось ему Царя встрѣчать!

То Русскій Царь, Азовскій Побѣдншель,
 То чудный Пешръ средъ Зюдеръ-зейскихъ водъ;
 Онъ, будущій Россіи Просвѣщенщель,
 Оставилъ тронъ, чибовъ свой вознеси народъ,
 Слѣднщ на прудъ, безмернщ нашъ учинщель,
 Отбросилъ скинщръ для плонщичьнихъ работъ —
 Чшо онъ въковъ не слыхвали прежде —
 И кроенщ въ мащросекской онъ одеждѣ.

Все дивно въ немъ: спанъ, поспупъ, блескъ въ глазахъ,
 Осанка — всемъ онъ спунщниковъ опличенъ!
 Въ немъ въ прошонщ скрывается Монархъ,
 Въ величн — ко всемъ прудамъ привыченъ;

Изъ бота онъ, съ веревкою въ рукахъ,
 Выходнщ; взоръ на даль неограниченъ:
 Слѣднщ суда на зыби синнщхъ водъ,
 И въ думъ онъ ужъ спронщ цѣлый флотъ.

На Рускаго бѣгутъ смошрщщ полнами;
 Нежданнщ гостъ онъ въ Кисновомъ дому.
 Тѣсенекъ домъ и заннщ весь жильцами,
 Гдѣжъ опдохнущ проспорнщ ему?
 Тутъ комнатка была съ двумя окнами,
 Жила вдова ешарушка по найму;
 Гостъ снащ проснщщ, и выгода сманшла:
 Свой уголокъ ешарушка уснушила.

Счастливецъ Кисень — какъ будно самъ царемъ!
 Развѣлъ лицомъ, и ходнщ чнщнщ, гладкой,
 А говорнщ со всеми онъ загадкой,
 Танщшвеннымъ, пеленымъ языкомъ;
 Кому кнвшщ, кому мнщнщ украдкой,
 И памъкнущ ешарасщ о шомъ,
 Кшо гостъ его — боясь пушнщ въ огласку.
 Смѣющщ всѣ, и былъ идентъ за сказку.

Не вѣрнщ Сардамскнмъ землякамъ,
 Чибовъ Русскій Царь въ избушкѣ поселился;
 Глядищ, а Царь идентъ на рынокъ самъ,
 Самъ дровъ принесть; самъ съ шопоромъ прудился,
 Самъ печь шопилъ, и ешрнчалъ онъ, а памъ
 Подѣ вечерокъ работашъ вновь пушнлся.
 Кшобъ нщ былъ онъ, а было бы гдѣ спашъ —
 Самъ сколонщ дубовую крованщ.

Пословица недаромъ говорнщся:

«У всякаго жильца порядокъ свой.»

И Пешръ-жилецъ ешнщнщ распоряднщся:

Тощасъ убралъ по своему покой.

Гдѣ былъ сундукъ, къ окну спанокъ пѣснщся;

Гдѣ кошъ мурчалъ, лежанщ комнщ съ шрубой;

А гдѣ въ очкахъ ешарушка шерсть сучила,

Тамъ спругъ, шила и цыркуль подѣ шила.

Пригодно все радивому жильцу;
 Стругашь, пилишь, черпишь, шочишь принялся;
 Кушилъ себѣ онъ плашье, и къ лицу,
 Голландцамъ онъ Сардамцомъ показался.
 Но, знашь, еще досугъ былъ удалцу:
 Въ поденьники на верфи записался —
 Рабошашь — съ него не сводяшь глазъ.
 Онъ *Мастерь Петръ*, онъ прослылъ *Питерь-Басъ*.

Кшо вразумишь Сардамцевъ удивленныхъ?
 Кшо скажешъ цѣль намтрений Пешра:
 Доспигнушь тайнь искусства сокровенныхъ,
 Ошкрышь во всемъ пшочники добра,
 Образованъ Россіянь просвѣщенныхъ
 Въ поляхъ войны, въ моряхъ, въ дѣлахъ Двора,
 Извѣдашь шрудъ различныхъ сослоаний,
 Пересельдишь все нужды разныхъ званий?

А Киспъ шепшалъ въ слухъ земляковъ своихъ,
 Чшо Пшперъ-Басъ не шо, чѣмъ имъ казался;
 Однакожъ Киспъ не разувѣрилъ ихъ,
 И думаютъ, чшо бѣдный помѣшался.
 А Пшперъ-Басъ хозяйекъ молодыхъ
 Друзей его, заѣзжихъ въ Русь, собрался
 Самъ навѣстишь; ихъ посмошрѣшь жишье,
 И вошь пришелъ въ домъ плотника Мешье.

Въ Воронежѣ Мешье шрудолобивый
 Былъ еъ плотникахъ; жена его ждала;
 Явивешъ она хозяйкой бережливой,
 Однакоже радушна, весела.
 Въ передничкѣ и въ кофшочкѣ красивой
 Пришла гешю, кофе поднесла;
 Точъ въ шочъ сняша съ ней куколка, и даже
 До сей поры хранишся въ Эрмишажѣ.

Пуешлся гешъ въ привѣшныя слова:
 «Твой мастеръ мужъ! На славу онъ рабошникъ!»
 «Просиль узнашь: здоровалъ шы, жива,
 «Врналъ ему?» — О, шы шунишь ошощикъ!

Не одного ль ты съ мужемъ мастерешва? —
 А Пешр въ опвѣшъ: «Да, да! Я шакже плотникъ!»
 И правду онъ женѣ Мешье сказалъ:
 Русь перешроишь мастеръ замышлялъ!

Но, вошь пришла шуть разными пушями
 Сардамцамъ вѣшъ: «Царь Русскій шочно шамъ!»
 Тогда вдругъ Киспъ ешалъ правъ предъ земляками
 И въ радости захопоналъ Сардамъ.
 Народъ бѣжнишь смошрѣшь Царя шолнами,
 Но Пшперъ-Басъ пуешлся въ Амшпердамъ....
 А Кисповъ домъ съ шѣхъ поръ досель хранишся —
 Въ Сардамъ Цари приходяшь поклонишся.

ЗАВИСТНИКАМЪ РОССІИ.

=

Русскій Царь премудръ — державой
 Бодро правишь сполько лѣтъ;
 Предъ Своей громадной славой
 Онъ дрожашъ засшавиль свѣтъ.
 Онъ могучъ: одно лишь слово —
 Вешауишь вмгѣ лѣса шшыковъ,
 И какъ разъ Россію снова
 Замосняшь кошымъ враговъ.
 Онъ любимъ — къ Его прешолу
 Милліоны жизнь несутъ;
 Чью бы ни было крамолу,
 Будно вихоръ, размешуишь.
 Онъ богашъ — за горы злана
 Хощъ Европу шорговашъ;
 Пуешъ горяшь Его паланы —
 Онъ пошроишь ихъ ошашъ!
 Голодь спрашенъ чшо ль? — Ни мало!
 Прокормишь гешовъ Онъ васъ,
 Хощъ хлѣбъ-солъ Его, бывало,
 Пропадала и не разъ.

Флошь ли вражий чпо ль? — Пустое!
 Онъ васъ славно угоешншь,
 И, шупя, все дно морское
 Кораблями замешншь...
 Чпоожь вамъ надо? Ваши крики
 Ужь ни чупь не спрашншь намъ,
 И у Русскаго Владыки
 Ешь на все онъшншь вамъ! —

СТРОМИЛОВЪ.

20 Ноября 1838.
 Москва.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

=

I.

Я въшь ужасную, въшь грозную узнала:
 Здѣсь въ городъ шолкуютъ о войнѣ.....
 И покъ *его* изъ первыхъ будешъ въ полѣ,
 Въ бою, въ опасешн... и за него шогда,
 Несчасная, должна я шрепешашъ...

И шакъ, судьба наша въ своемъ ожешшоченн,
 Чпо для меня разлуки грозной мало —
 И шпрахъ мучншельный прибавншь хочешъ къ ней!
 О Боже! смлуйся! — не дай, не дай мль сбншься,
 Тѣмъ полкамъ, шѣмъ рѣчамъ, смущающнмъ меня!
 Удвой, умножь шнокрашъ мой шпраданаъ,
 Но гнѣвъ Свой разрази лншь надъ моеи главой —
 Спаси *его*, храни *его*, Весельный!
 Не приведи бояшься за *него*!.....

II.

Когда наспанешъ день за роднну сразншься,
 День славы, день борьбы, день месшн роковой,
 Когда во всѣхъ сердцахъ онъвага загорншься
 И все умы вскнпншь военное мечной,

Когда въ красивый спрой все наши соберушься,
 Знамена Рускн побѣдою почнншь,
 Когда въ родныхъ шпеняхъ повсюдо раздадушься
 Обншь грозные: *погнбнть*, нль *сгубнть*!
 Тогда въ вошншевешный нарядъ онъ облачншься,
 Тогда карашель-мечъ въ рукѣ его сверкнеть,
 Решнвый, борзый конь съ ннмъ гордо въ бой помчншься,
 Србренншый шарфъ на немъ, какъ молнѣ, блешешъ.
 Въ глазахъ его зажжешся огонь небесный,
 Огнь славолюбн, геройства, чувешвъ свяшншь.
 Всею душу выкажешъ взоръ грозный, но прелешпный:
 Онъ будешъ шпрахъ врагамъ, шпмфромъ для своихъ.

Онъ смѣло поведешъ дружнну удалую;
 Онъ клянву дашъ себя не пощадншь
 За дѣло правое, за чешъ, за Русь свяшую,
 И поленншь впередъ, *погнбнть*, нль *сгубнть*!
 А я, сокрытая въ моемъ уеднненьн,
 Безнльная опасешн съ ннмъ дѣлншь,
 Томная шоской безумнаго волненьн,
 Я буду слезы, шпрахъ и груешъ свою шаншь.

Въ борьбѣ съ ончаянемъ, въ перзаняхъ безпокойства,
 Я буду за него всечасно шрепешашъ,
 И въ немощн душевнаго разешройства
 Груешншь, надѣлншься, крушншься, ождашь.
 Я буду дни счншашъ, разешшывашъ мгновеньн,
 Я буду въешн ждашъ, ждашъ шшромъ, въ часъ ночной,
 И, шнслнчн смершей переносн мученьн,
 Вездѣ его искапъ желаньемъ и шоской.

Или, во храмъ свяшой войдя съ шолпой холодной,
 Сре, въ равкдушнхъ лицъ печальна и мрачна,
 Порывамъ горешн предамся я свободно,
 Ннкъмъ невндна, въ мольбу углублена.

Но шамъ, но даже шамъ, вдругъ образъ незабвенный,
 Нежданный, явшнсь межъ алпаремъ и мшой,
 И я забуду храмъ, мольбу, обрядъ священншый,
 И за него во прахъ пошпкнну головой.

Когда жь богашые побѣдами и славой,
 Сподвижники опшизны дорогой
 Вернуся въ градъ родной полною величавой,
 При кликахъ радости общеспвенной, живой.

И между ними, онъ вдругъ явился предъ спроемъ,
 Весь порохомъ покрышь, съ разрубленнымъ мечемъ,
 На полѣ бившъ прославленный героемъ,
 Окрещенный и спалью и огнемъ.

И имя милое мовою разнесися,
 И загремишь ему хвала со свѣхъ споронъ,
 Хвала сошничей..... О! какъ тогда забьешя
 Въ немъ сердце радосшью—какъ счастлишь будешя онъ!..

И я услышу все, всѣмъ буду наслаждашяся;
 Гордяся въ шайнѣ имъ, дѣля восшоргъ его —
 Я буду медленно блаженешвомъ ушивашяся,
 Имъ ялюбуюся..... и — скроюся опъ него...

Ш.

О, бѣлый крешъ — Георгія знакъ чудный,
 Любимый крешъ опшаги молодой,
 Награда лучшая за подвигъ многшрудный!
 Грудь милаго украсишься ль шобой?...

Придешь ли шы благословешной данью
 На сердце, полное думъ жаркихъ и огня,
 И спарый воинъ, брашской дланью,
 Вручишь ли юношъ удалому шебя?...

О, бѣлый крешъ! когда шебя увижу
 На немъ, на избранномъ моеи живой мечшы,
 Я гордосшь женскую предъ храбросшью унику,
 Воздамъ ему досшойныя хвалы!

Я образу Георгія Свяшаго
 Пожершвую любимый свой парядъ —
 Надъ нимъ, среди вѣнца злашаго,
 Мои алмазы загоряшь!...

ГР. Е. Р.

ЧЕРНОМОРСКАЯ НОЧЬ.

(Н. М. Соковнину.)

==

Я взять въ помощь и гальанизмъ, и свѣтъ, и эонръ,
 чтобы прояснить себъ сколько нибудь непонятное
 священіе, и все напрасно.

С. Куторга.

Теплошою южной вѣшъ
 Надъ поверхноспью морской;
 Безвъшпильное, шемнѣшъ
 Небо, въ шучахъ, надо мной.
 Спшшь вода подъ дивнымъ лоскомъ;
 Съ думой къ ней склонишя взоръ;
 Перелешнымъ опшголоскомъ
 Восшь вѣшерь изъ-за горъ;
 Мѣрно, влагу разсѣкая,
 Машешъ веслами челнокъ —
 Слѣдъ змѣшпый зажигаю,
 Онъ несешя одинокъ.

Вдругъ изъ шучь, порывомъ сильнымъ,
 Вѣшерь бурный набѣжалъ,
 Съ челнокомъ моимъ безшльнымъ
 Черноморець зашгралъ;
 Но какъ крылья чайки бѣлой,
 Парусъ въ воздухъ полешпль —
 За кормою валъ дебелой
 Гнашяся, робкій, не пошмѣль;
 Волны, свѣшлыми спруями
 Вешавъ, какъ вишязи, кругомъ
 Преклонишя головами
 Подъ власшшешельнымъ рулемъ.
 И надмѣшносши спроншшвой
 Сына бѣднаго земли,
 Полны гордосши кичливой
 Дѣши моря не шесели:

Загорѣлись, закипѣли
 Съ гнѣвнымъ ропотомъ онѣ,
 Засверкали, полетѣли
 Пескы, брызги.... все въ огнѣ!...
 Мнился: звѣздная порфира
 Бурей съ неба сорвана —
 Раменамъ земнаго міра
 Въ украшеніе ошдана.....

Кто жь такую бездну свѣта
 Моремъ *сертыль* смѣлъ назвать —
 Спихъ великаго поэта,
 Бога на землѣ печать?
 Полно жизнениости дикой,
 Безъ живаго существа,
 Море мрачно и велико,
 Какъ Библейскія слова...
 Въ обаянн непоняномъ,
 Мнѣ казалось, я прочелъ,
 Въ морѣ грозномъ, необьянномъ,
 Твой, природа, швой глаголь...
 Много въ шѣхъ набѣвахъ шумныхъ
 Тайныхъ мыслей я позналъ,
 И рѣчей глубокодумныхъ
 Въ блескахъ моря прочпшалъ...

Буря смолкла — мракъ разсыянь:
 Небо чпено и свѣтло;
 Воздухъ свѣжеснью обвянь,
 Зыбь на морѣ развело.
 Снова книгою закрышой
 Для очей оно лежишь;
 Въ немъ, какъ въ харшн забышой,
 Буквы сшерлись — смыслъ молчишь...
 Только памяни скрижали,
 Вею шревогу ночи шой
 Унесли и удержали
 Непзгладимой шпрокой.
 И, въ мечпаньяхъ, какъ комеша,
 Предо мною шногда,

Свѣтомъ фосфорнымъ одѣта,
 Волнѣ проходишь череда.
 И кишишь ума ошвага,
 Огнѣ чудеснаго огня....
 Огнедышущая влага
 Свѣтшишь мыслью для меня!...

Н. ФЕРМОРЪ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ КАТСОВОЙ ПОЭМЫ

NOUWELIJK (БРАКЪ).*

=

I.

ПОРА ЛЮБИТЬ.

Волненіе спранные во мнѣ:
 Дрожу — чего? сама не знаю!
 То вспыхну вдругъ и вся въ огнѣ —
 Невольно сердцемъ замираю,
 И безъ движенія усную,
 И безъ причины я шоскую,
 И безъ досады негодую;
 Хожу, сажусь, оняшь вешаю;
 Безъ цѣли бѣгаю, рѣзвлюся;
 То вдругъ заплачу, засмѣюся,
 То быстрой серной понесуся,
 То вдругъ, съ печалью на челѣ —
 Я камнемъ приросну къ землѣ.
 Безъ мыслей въ думу погружаюсь,
 Безсонная — въ пошель бросаюсь....
 Гублю я молодоснъ свою,
 Сама себя не узнаю:
 Какъ обьяенишь болѣзнь мою?

* Изъ нешпечатанной монографіи Іакова Катса.

II.

БУМАЖНЫЙ ЗМЪЙ.

Лени, крылатый змѣй, несись,
 Вывивайся въ облачную высь,
 Покуда дѣшекая рука
 Не дернешь пивоего снурка!
 Свободой пользуясь своей,
 Теперь — шы выше всѣхъ людей:
 Взвился онъ нихъ въ подвѣздный кругъ;
 Надмѣнно, съ сѣвера на югъ
 Раскинулъ свой широкій хвостъ,
 Небесныхъ сферъ мишушный гостъ!
 Но лопнешь снуръ и *чудо-змей* —
 Бумаги лешть, игра въшпрровъ,
 Забава жалкая дыщей —
 Низвержень съ высей... въ грязный ровъ!

Такъ иногда судьбы рукой
 Гордецъ, внесенный надъ шолой,
 Алкаешъ почесшей вѣнца.
 Его желаньямъ нѣтъ конца,
 Предѣловъ нѣтъ его мечтамъ:
 Онъ мыслишь равенъ бышь богамъ.
 Но лопнешь снуръ, и полубогъ —
 Игра въшпрровъ и смѣхъ людей —
 Пошкнешъ, какъ бумажный змѣй
 И ляжешъ въ прахъ у дѣшекъ ногъ!

Съ Голландскаго, П. КОРСАКОВЪ.

З И М А.

=

Пусть воспорженная лира
 Вдохновишельныхъ пѣвцовъ
 Славишь небо Кашемира,
 Обласъ солнца и цвѣшовъ,

Пусть безъ умолку надъ розой
 Тамъ горюешъ соловей —
 Вьюга, сумракъ и морозы
 Сыну Сѣвера милѣй!

Дружелюбно Русь встрѣчаешъ
 Грозныхъ полночи гостей,
 И широко разшилаешъ
 Снѣжный саванъ средь полей.
 Опъ приюпа Камчадала,
 До Украинскихъ садовъ —
 Все бѣлешъ, все объяло
 Морю дѣшевныхъ снѣговъ!

Заповѣданныя шкани!
 Сколько намъ на бѣлизнѣ
 Ихъ оспавлено преданій
 О родимой споронѣ!
 Бодро праѣдовъ дружины
 По сугробамъ въ бой шекли;
 Много зыбкя равнины
 Вражей силы погребли!

Вопъ пришлося оянь, давно ли,
 Къ намъ гостямъ идши безъ зва?
 Славный пиръ былъ! По неволѣ
 Смѣлымъ памятна Москва.
 Угощали чѣмъ богаты...
 Но ошцы, да мирно спяшь —
 Бородинскіе расканы
 Сыновей не приманяшь....

Весель Рускій. Какъ въ немъ много
 Свѣжихъ чувешъ, когда зимой
 Мчишия позднюю дорогой
 Онъ на тройкѣ удадой!...
 Прочъ изъ думы спрахъ и нѣга!
 Звѣрь ли, недругъ на пуши —
 Мимо, мимо! Только снѣга
 Вихоръ вѣнся позади....

Не щцй окресшь, гдѣ поле,
 Доль, иль боръ глухой лизипъ:
 Снѣгъ и небо! Око болѣ
 Ничего не разглядипъ...
 Все — глухая безконечность,
 Все — шапншвенная мгла;
 Будшо власшь какая въ вѣчность
 Вдругъ себя перенесла....

Гдѣ же онъ? Куда направилъ
 Свой полешъ, чей звучный гласъ
 Зиму такъ бывало славилъ,
 Русскимъ чувствомъ грѣя насъ?
 Въ комъ могучій духъ крушился,
 Какъ суровая мяшель....
 Ншпъ его! Угомонился,
 Слегъ на вѣчную пошелъ!

Бури сердца заглушили
 Звукъ пѣсенъ удалыхъ.
 Чудны пѣни, звучны были...
 Кто не вслушивался въ нихъ?
 Свѣжихъ думъ и жизни полны,
 Изъ кипучей глубины
 Разливался, какъ волны,
 По концамъ родной страны!

И могущесловомъ ихъ гласа,
 Онъ будилъ, какъ ураганъ,
 Выси грозныя Кавказа
 И шаптры спешныхъ Цыганъ...
 И погибъ... Но про него ли
 Произнесъ холодный свѣшъ
 Долженъ просно: «Общей долѣ
 Покорился нашъ поэтъ!...»

Общей? Нѣшъ! Пѣвецъ Полшавы
 Въ покольняхъ не умрешъ;
 На скрижаляхъ Русской славы
 Мѣшо славное займешъ.

Року злобному въ возмездѣ,
 Бардъ народный живъ всегда,
 Какъ блестящее созвѣздѣ,
 Неба яркая звезда...

И. ГОГНИЕВЪ.

СТРАДАЛЕЦЪ.

Есть спрадалецъ добровольной,
 И нѣшъ равнаго ему:
 Все что тяжко, все что больно,
 Полный грузъ шоски юдольной,
 Все на долю одному!
 Онъ избралъ себѣ спраданья
 И, фанашкѣ, онъ пдешъ,
 Кресипъ тяжелый соспраданья
 Онъ безропшно несешъ;
 Онъ шаипъ свое мученье,
 И, безмолвень, одинокъ,
 Не кланешъ онъ грозный рокъ,
 Полный вѣры въ Провидѣнье!
 Но въ душѣ спрадаешъ онъ —
 И спрадаешъ онъ ужасно!
 Лишь порою слабый спонъ,
 Какъ бы арфы тихій звонъ,
 О судьбѣ его несчастной
 Повѣешъ мрачную гласипъ,
 Но спрадалецъ все молчипъ!

Для другихъ ешъ упованье,
 Скорби чудная заря,
 Но спрадалцу лишь спраданье
 Въ чашѣ горькой быннѣ.
 Онъ печалью существуетъ,
 Онъ печали обреченъ,
 Онъ младенческихъ велещъ
 Онъ лишь горемъ торжеспиуешъ,

Горемъ только онъ живешь,
Горемъ дышишь — съ нимъ умрешь.

Блага жизни презирая,
Жизнь въ себѣ онъ зашамль,
Не утрапивъ, замирая,
Полноны душевныхъ силъ.
Сспраши онъ сердцемъ понимаетъ,
Сспраши онъ не презираешь,
Но въ ней бѣдный видишь шорть —
И далекъ души восшорть!
И бесспрашннй, одинокой,
Мраченъ, грушенъ и суровъ,
Онъ хранишь въ себѣ глубоко
То, чему нтъ въ мѣрѣ словъ.

Но, когда, порой, въ часъ ночи,
Заблещашъ слезою очи,
И одинъ, въ тиши ночной,
Съ думой шайной, сокровенной,
Только Богомъ оцѣненной
Подъ броней ледяной,
Онъ предшанешъ, полный шраха,
Сыномъ немощи и праха,
И предъ образомъ святымъ,
Передъ образомъ Мадоны,
Со шенанешемъ глухимъ
Молишь скорой обороны,
Онъ мечшаннй и онъ грешъ,
И онъ шайныхъ, жгучихъ слезъ —
Кшо, шогда, душою холодной
Несчашливца упрекнешъ,
И надъ спрасню безопрадной,
Неошпунной, безнощадной,
Кшо невольню не вздохнешъ?

Д. СУШКОВЪ.

1838.

П Р О З А.

Р А Д О Й.

ПОВѢСТЬ.

Вскорѣ послѣ покоренія Варны, прѣхаль я въ эту крѣпость. Жители, Турки, еще не выбирались изъ нея по условію; они еще, собираясь въ дорогу, продавали свое движимое и недвижимое имущество Грекамъ, Армянамъ и Рускимъ. На площадкѣ давка, толкучій рынокъ — дешевизна, соблазнъ ужасный: Турецкія шали, Персидскіе ковры, чубуки жасминные и черешневые въ сажень, роскошные литарные мунштуки, Арабскіе кони, бархатныя сѣдла, шитыя золотомъ, пистолеты и ятаганы, одежда Восточная и утварь... Какъ не купить чего нибудь Турецкаго на память Варны и не вывезть въ Россію?—Что стоить шаль? *Кэтъ пара?* — *Алты-юзь-лева.*—Шесть сотъ левовъ Турецка шаль! Шесть сотъ левовъ составятъ только двадцать червонцевъ, а у меня ихъ полный карманъ!... Давай!... — Что стоить конь? — *Бинъ лева.* — Тысячу левовъ Арабскій

Т. VII. — Олд. I.

конь! Бѣлый, какъ снѣгъ, шерсть, какъ атласъ, сморщить орломъ, крутится вихремъ, мчится стрѣлой! Давай!... Греческая женская фермезъ, на горностаѣ! *Кѣтъ пара?*—*Юзь лева.* — *Сто левовъ?*... *Давай!*...

Въ день, въ два, Турки увидѣли, что у насъ нѣтъ левовъ, а есть только червонцы, и что эти *червенца*, тридцатилевники, для насъ дешевле шелухи, выбиваемой на монетномъ дворѣ Его Султанскаго Величества. И вотъ на другой же день о левахъ и рѣчи нѣтъ. *Кѣтъ-пара?*—*Ики червенца, он-червенца, юзь-червенца*; ни одинъ разумный *османлы* про левы и слышать не хочетъ.

Съ досадою въ душѣ, что не удалось купить прекрасной розовой шали за *бинъ-лева* — потому, что ея цѣна, въ честь щедрыхъ побѣдителей, превратилась вдругъ въ *ики-юзь-червенца* — я отправился прогуливаться верхомъ на Арабскомъ жеребцѣ, котораго удалось мнѣ купить у Тегирь-Паши на левы.

Насмотрѣвшись вдоволь на Черное Море, и не замѣтивъ въ немъ ничего чернаго, я заѣхалъ въ Арсеналь, гдѣ свалено было оружiе всего Турецкаго гарнизона, защищавшаго Варну..... Тутъ были горы сабель, ятагановъ, ружей, пистолеговъ, и можно было ходить по этимъ горамъ, какъ по нгламъ желѣзнаго ёжа, колоть и рѣзать себѣ руки и ноги, и выбирать что угодно, на Турецкую голову и на украшенiе стѣнъ, надъ ложемъ почiющихъ отъ трудовъ героявъ. Выбравъ съ десятокъ ятагановъ *Анадолы*, паръ пять пистолеговъ и ружей *Шешене* и *Дели-Орманъ*, да съ дюжину сабель — *Килиъ*, подобныхъ новорожденной лунѣ, я отправилъ свой трофейный арсеналь на квартиру, и пустилъ плясать коня вдоль торговой узенькой улицы. Гордо несся конь мой, согнувъ въ крутую дугу вью и кивая головою; пунцовыя шелковыя кисти разсыпав-

лись на всѣ стороны надъ благополучными знаками лба его; душа такъ и радовалась добротѣ коня!

Остановился подлѣ лавки, гдѣ жгли *кафэ*, мололи его въ прахъ и сыпали, какъ муку, въ закромы въ родѣ яслей, я велѣлъ отвѣсить себѣ *биръ-ока*. *Базарганъ* отвѣсилъ одно *око*, вынулъ изъ ящика свертокъ бумаги, оторвалъ листъ, свернулъ воронкой!... Ба, ба, ба! Писано по Русски!... «Отдай мнѣ это!» Турокъ покачалъ головою и сказалъ: *юкъ!* «Пожалуста отдай!» — *Юкъ, юкъ!* Ну, возьми *пара: кѣтъ пара?*—*Элли червенца!*—За свертокъ обверточной бумаги пятьдесятъ червонцевъ! «Ахъ, ты *биръ-адамъ* проклятый!» У меня волосы стали дыбомъ, но любопытство... и можно ли жалѣть денегъ за Русскую рукопись, найденную въ Варнѣ, въ рукахъ *Базаргана?* «Возьми *биръ червенца.*» — *Юкъ! Элли червенца!* — Что дѣлать! Онъ, злодѣй, всю Русскую рукопись скорѣй употребить на обертки, чѣмъ уступить хоть одну пару изъ пятидесяти червонцевъ. Вздохнувъ, я отсчиталъ пятьдесятъ червонцевъ, схватилъ свернутую тетрадь и кафэ, завернутый въ отодранный листъ, поскакалъ домой!...

И вотъ, посреди бывшаго гарема, съ рѣзными потолкомъ и стѣнами, съ рѣшетчатыми окнами, раскинулся я на коврѣ спокойствiя, какъ *Улема* съ *Китабомъ* въ рукахъ, съ чубукомъ въ зубахъ, и сталъ читать рукопись безъ заглавiя и безъ начала.

«Хмъ!» сказала я самъ себѣ, «что это? Бывое это, или просто сочиненiе какого нибудь Русскаго повѣствователя, попавшагося въ плѣнъ къ Туркамъ, со всѣмъ व्यокомъ повѣстей и романовъ?..»

Въ продолженiе кампанiи, деньщикъ мой часто покушался употребить эту тетрадь безъ заглавiя точно такъ же, какъ *Базарганъ*, но я отстаивалъ ее, и просилъ убѣдительно, чтобы онъ не смѣлъ ни са-

поговъ, ни эполетовъ, ни даже аксельбанта завертывать въ листы свертка синей, исписанной бумаги.

— Да что имъ сдѣлается? — повторялъ онъ мнѣ всегда съ сердцемъ. — Во что жъ я заверну?

— Вотъ тебѣ на обвертки — говоримъ я, бросал ему десять бумаги.

За бѣлую чистую бумагу, деньщикъ мой ужасно какъ былъ золъ на свертокъ синей бумаги, и при укладкѣ вещей во въочные чемоданы, съ презрѣніемъ всегда выкидывалъ его и нехотя укладывалъ снова.

— Бѣдная повѣсть неизвѣтнаго сочинителя! — думалъ я, возвратясь въ Россію — отстоитъ ли тебя судьба отъ употребленій на обвертки, когда ты будешь напечатана?

—

. . . . — колъни, и другой старался напроказить, чтобы стать на колъни подлѣ товарища; въ классѣ и за столомъ рядомъ, сочинять стихи: *Ура! вакація пришла!* — Вместе...

II.

Мемнонтъ познакомилъ меня съ отцомъ, съ матерью и со всею своею роднею. Когда я увидѣлъ въ первый разъ его двоюродную сестру, Елену — прощай, восторженная любовь къ наукамъ! Напрасно повторили мнѣ, что «науки юношу питають, отраду въ старости даютъ.» — При Еленѣ я стыдился названія ученика, и думалъ только о военномъ мундирѣ: какое наслажденіе явиться передъ ней въ колетѣ, грѣмя саблей и шпорами! Но едва возвращался домой — поэзія обурежала душу, стихи лились потоками... Черные, огненные глаза, темнорусые локоны, коралловыя уста, ланиты, перси, и зависть къ тому

праху, который попираетъ она, и ревность къ тому корсету, который такъ крѣпко сжимаетъ ее.... и

Какъ звѣзды по небу, разсыпано по тебѣ
Милліоны страстныхъ поцѣлуевъ!

Соловей не воспѣвалъ на столько голосовъ своей любимицы розы. — Въ то время слово: *поэтъ*, много значило въ понятіяхъ женщинъ: поэтъ былъ въ глазахъ ихъ воплощенными чувствами пламенной и достойной любви, безкорыстнымъ жрецомъ добра. Тогда говорили всѣ другъ другу: «Смотрите, смотрите, вотъ поэтъ!» — «Неужели?» разкосилось шопотомъ въ толпѣ — и все смотрѣло благоговѣнно на поэта, и думало: это не просто человѣкъ; это человѣкъ, который пишетъ стихи! И все ожидало: вотъ, вотъ посыплются изъ устъ его риѣмы!

Когда Елена узнала отъ Мемнона, что и я поэтъ, «Напишите на меня сатиру,» сказала она мнѣ, подавая перо и розовый листокъ бумаги. Я зардѣлся зарей, присѣлъ, задумался и написалъ:

Желалъ бы я на васъ сатиру написать,
Но даже выдумать не въ силахъ укорины:
Я могъ бы васъ капризно назвать,
Да, вы какъ Ангель и капризны.

Елена прочитала и взглянула на меня такъ нѣжно, такъ уповательно, что отъ полноты блаженства, сердце какъ будто всплыло во мнѣ, стѣснило, заняло дыханіе, и я стоялъ подлѣ Елены, какъ безпамятный, не слышалъ, что она говорила мнѣ, не видѣлъ, какъ она отошла отъ меня.

Эта минута совершенно помутила во мнѣ всѣ чувства; я ходилъ, какъ потерянный, съ какимъ-то убѣжденіемъ, что Елена любитъ меня. Я сторожилъ ее взоры, прислушивался къ задумчивости — Елена вздыхала!... Мнѣ хотѣлось сказать ей: я васъ люблю! —

Только и думалъ я, какимъ бы образомъ сказать ей эти три слова, но никакъ не придумалъ: то не ловко, то нельзя, то не кстати. Часто я давалъ себѣ клятву: «Сегодня ни слова не скажу Еленѣ, кроме «я васъ люблю, Елена!» и всегда измѣнялъ клятвѣ досаднымъ вопросомъ: «Какъ ваше здоровье?» Начинала ли она говорить со мною — я торопился отвѣчать; кровь бросалась въ лицо, языкъ нѣмѣлъ. Молчала ли Елена — я не смѣлъ прервать ея молчанія: «Можетъ быть, она думаетъ въ это время обо мнѣ!»

Чувства свои однакожь заботливо тайлъ я отъ Мемнона. Можно ли сказать брату о любви къ его сестрѣ? думалъ я, и при немъ старался быть, какъ можно равнодушнѣе съ Еленой. Къ счастью, замѣчая мою разсѣянность и задумчивость, онъ не допрашивалъ меня о причинѣ, и говорилъ только: «Ты, я вижу, рожденъ поэтомъ.»

Въ напрасныхъ покушеніяхъ сказать Еленѣ: «я васъ люблю!» прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Въ одно воскресенье, я пробылъ почти цѣлый день съ Мемнономъ у дяди его; со вздохомъ взялъ уже шляпу, взглянулъ на Елену грустнымъ взоромъ, шаркнулъ, не ловко повернулся уже къ дверямъ — вдругъ она остановила меня словами: «Вотъ вамъ на память моя работа,» и подала мнѣ прекрасный бумажникъ, на которомъ была вышита бесѣдка, и посреди ея жертвенникъ съ пламенемъ.

Помню, что я бросился къ рукѣ Елены, но что сказалъ, какъ вышелъ изъ комнаты, пріѣхалъ ли домой, или пришелъ пѣшкомъ — ничего не помню.

Горячо расцѣловалъ я подарокъ Елены, бережно уложилъ его въ шкатулку, заперъ, снова вынулъ, еще разъ поцѣловалъ, снова спряталъ... Мнѣ хотѣлось сказать кому нибудь: какъ я счастливъ! —

Встрѣтить кого нибудь, кто бы спросилъ меня: чему ты такъ радуешься? И я пошелъ, самъ не зная куда, и вдругъ мнѣ стало страшно: что, если кто нибудь украдетъ шкатулку мою! — Бѣгомъ пустился я назадъ, запыхавшись прибѣжалъ въ свою комнату, бросился къ шкатулкѣ, вынулъ изъ нея мое сокровище, расцѣловалъ, положилъ въ карманъ, пошелъ опять, и дорбгой, почти на каждомъ шагу, оцупывалъ, тутъ ли мой бумажникъ? — Поздно уже было, когда я очнулся, и замѣтилъ, что стою противъ дома съ закрытыми ставнями. Елена уже спитъ! подумалъ я, и медленно пошелъ домой. Ложась въ постелю, я положилъ подарокъ Елены въ изголовье... задумался о ней... Едва сонъ начнетъ оковывать чувства — вдругъ мысль: тутъ ли онъ?... спугнетъ сонъ, и рука тянется подъ подушку. Такъ прошла вся ночь, такъ прошла вся недѣля. Нетерпѣливо ждалъ я воскресенья; наконецъ оно настало, и я отправился къ Мемнону, чтобы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ домъ его дяди.

— Ихъ уже нѣтъ въ Москвѣ — сказалъ Мемнонъ. — Они уѣхали въ деревню — продолжалъ онъ, не замѣчая впечатлѣнія, которое произвели на меня его слова.

Скрывая внутреннее волненіе отъ Мемнона, я присѣлъ къ фортепіано, и въ первый разъ почувствовалъ, какъ музыка необходима для сердца, убитого горемъ; въ первый разъ сталъ я фантазировать и высказывать жалобы души звуками. Флегматикъ Мемнонъ не понималъ моихъ звуковъ.

— Полно, братецъ, бряцать — сказалъ онъ. Я вскочилъ, ушелъ отъ него, и опомнился надъ листомъ бумаги, на которомъ написано было: *На разлуку.*

Голова моя лежала на лѣвой рукѣ; въ правой держалъ я перо; слезы катились по лицу.

— Да, ты, я вижу, поэт! — сказала мнѣ однажды и отецъ, замѣчая мою разсѣянность и задумчивость. — Жаль! я думалъ, что изъ тебя выйдетъ чтонибудь порядочное! —

III.

Мысль — скорѣе прославить себя и явиться достойнымъ любви Елены, преслѣдовала меня; отецъ не противился желанію моему служить въ военной службѣ; меня опредѣлили въ корпусъ, расположенный въ Московской губерніи, но я перепросился въ Кавказскій корпусъ — и полетѣлъ на поприще своей славы.

Нѣсколько экспедицій въ горы были счастливы для меня; любовь сильнѣе честолюбія жаждетъ офицерскаго чина; вскорѣ я получилъ его. Еще чинъ поручика — думалъ я — и мнѣ нестыдно будетъ сказать Еленѣ: я васъ люблю!

Но другой чинъ не такъ легко достался мнѣ: я былъ взятъ въ плѣнъ Черкесами; цѣлый годъ пробылъ въ неволѣ у уздени Алмагюко, и умеръ бы въ неволѣ, еслибы добрая Мазза, дочь его, не спасла меня. Съ помощію ея, я бѣжалъ, но былъ раненъ въ догонку, пулею въ плечо. Къ счастью, казачій постъ былъ близокъ и меня привезли въ Тифлисъ. Едва вышелъ я изъ опаснаго положенія, какъ всталъ съ постели и мнѣ подвязали руку чернымъ платкомъ. Черный платокъ какъ будто оживилъ меня; гордо взглянулъ я на себя въ зеркало. — Еслибы видѣла меня теперь Елена! О, скорѣе въ отпускъ для излеченія ранъ! — Я боялся, чтобы рана моя не зажила совершенно до пріѣзда въ Москву.

Разумѣется, получивъ отпускъ, я не медлил ни минуты, и не смотря на совѣтъ медика до-

ждаться весны, поскакалъ по мартовскому ухабистому пути.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ все перемѣнилось, кромѣ моего сердца. Я могъ попасть въ плѣнъ, но моего сердца не плѣнила черноокая, пламенная Черкешенка: я былъ тотъ неблагодарный *Кавказскій Пльниикъ*, который даже не оглянулся на бѣдную Маззу, когда воздухъ свободы обвѣялъ его, и надежда видѣть Елену оживила душу.

По пріѣздѣ въ Москву, я засталъ Мемнона уже хозяиномъ дома, владѣльцомъ, помѣщикомъ.

— Тебѣ остается только жениться — сказалъ я ему.

«Это одно мое желаніе — отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ же стало дѣло? Мало ли въ Москвѣ невѣстъ! Выбирай любую: ты богатъ, молодъ, хорошишь собою.

«Не выбирать хочу я... а встрѣтить ее. Я не вѣрю ни сравненіямъ, ни испытаніямъ; сердце и разумъ могутъ быть обмануты; только одно не обманетъ: голосъ души, при неожиданной встрѣчѣ. Душа говоритъ, душа скажетъ: вотъ она, вотъ та, для которой создано твое сердце!

— Ты правъ, Мемнонь! Я испыталъ уже такой голосъ души — вскричалъ я невольно.

«Не въ ущельяхъ ли Кавказа? Не въ саклѣ ли во время плѣна? Бѣдный! мнѣ жаль тебя, но, вѣрно, свобода милѣй взаимной любви Черкешенки: ты бѣжалъ отъ своего счастья...

— О, нѣтъ, Мемнонь! Мое счастье здѣсь, можетъ быть, въ Москвѣ! — сказалъ я со вздохомъ, и признался Мемнону, что люблю его сестру, что время не изгладило моей любви къ Еленѣ, что моя любовь къ ней будетъ первою и послѣднею въ жизни.

«И ты скрывалъ свои чувства отъ друга и брата! — сказалъ Мемнонъ съ упрекомъ.

— Другъ и братъ! — повторялъ я, обнимая его.

Елены не было въ Москвѣ, но, по словамъ Мемнона, она должна была скоро прѣхать.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, я изнывалъ отъ ожиданія и отъ боязни, что долженъ буду явиться Еленѣ безъ повязки, безъ явнаго признака моихъ подвиговъ подъ стопами Кавказа.

Я жилъ у Мемнона, и мы по десяти разъ въ день посылали въ домъ его дяди, узнать: прѣехали ль?

Нѣтъ и нѣтъ!

— Прѣехали! — произнесъ наконецъ неожиданно вошедшій слуга. Еслибы сонному вскрикнули надъ ухомъ: пожаръ! онъ не такъ бы испугался, какъ испугался я, когда раздалось въ дверяхъ слово: *прѣехали!*

На другой же день Мемнонъ отпавился съ визитомъ одинъ, и вскорѣ возвратился. — Я просилъ позволенія представить своего постольца — сказалъ онъ мнѣ. — Сестрѣ ужасно какъ хотѣлось знать, кто этотъ постоялецъ, но я утанлъ, чтобы удивить и обрадовать ее твоимъ неожиданнымъ появленіемъ. —

Страшна была для меня минута готовности ѣхать; я медлилъ — Мемнонъ торопилъ меня.

Можно быть лучше всѣхъ, но еслибы ктонибудь сказалъ мнѣ, что можно быть лучше самой себя, то я бы смѣялся надъ тѣмъ. Красота четырнадцатилѣтней Елены врѣзалась въ моей памяти; я такъ привыкъ въ продолженіе трехъ лѣтъ любить ее, и вѣрить, что ничего не можетъ быть совершеннѣе ея, и вдругъ я долженъ былъ разочароваться, измѣнить ей для Елены восемнадцатилѣтней.

— Вы ранены! — вскричала она, узнавъ меня и взглянувъ на подвязанную руку.

«И какъ опасно раненъ! — замѣтилъ Мемнонъ, улыбаясь.

Участіе Елены и встрѣча были такъ обольстительны!

Внимательно разспрашивала она меня обо всемъ, что случилось со мною послѣ отъѣзда изъ Москвы. — Сохранили ли вы мою память? — спросила она между прочимъ.

Можно ли было не ласкать себя надеждой, и не торопиться дать отдыхъ сердцу въ сладкой задумчивости?... Для перваго шага къ счастью слишкомъ было довольно; я хотѣлъ унести съ собою всю полноту впечатлѣній, всталъ, раскланялся, взглянулъ на Мемнона, но онъ съ улыбкой далъ мнѣ знакъ, что останется. Я понялъ этотъ знакъ — и сладостное чувство, наполнявшее меня, вдругъ исчезло: оно замѣнилось страхомъ. Я бросилъ на Мемнона умоляющій взоръ, чтобы онъ помедлилъ рѣшать мою судьбу, но Мемнонъ не понялъ меня; я уѣхалъ. Какъ мученикъ собственныхъ чувствъ, ждалъ я возвращенія Мемнона. Когда онъ вошелъ, я вскочилъ съ дивана изъ тучи дыму, которымъ обдавалъ себя, не замѣчая того, взглянулъ, и — сердце замерло.

— Говори, Мемнонъ, убей меня! — вскричалъ я, схвативъ его за обѣ руки. — Говори! — повторилъ я съ отчаяніемъ, замѣтивъ, что онъ медлитъ, обдумывая, что ему сказать.

«Успѣха еще нѣтъ, но надежда не потеряна — отвѣчалъ онъ, обнимая меня. — Я говорилъ съ теткой своей: ты ей нравишься, она желала бы...

— О, довольно! Не продолжай!.... Я понимаю: Елена не любитъ меня!

«Напротивъ — сказалъ Мемнонъ сурово — еслибы это зависѣло только отъ Елены...

— Празду ли ты говоришь, Мемнонъ?

«Для всему преграда. Онъ, не заботясь ни о согласіи жены, ни о сердцѣ дочери, выбралъ зятя по своему вкусу и нраву...

Еслибы можно было высказать, какаѧ ненависть вдругъ вспыхнула во мнѣ къ неизвѣстному суженому Елены...

«Кто онъ такой? Говори скорѣе! — вскричалъ я изступленнымъ голосомъ. Но Мемнонь скрылъ отъ меня его имя.

— Мнѣ не сказали, кто онъ такой — отвѣчалъ онъ — но тетка увѣрена, что это все передѣляется. Скоро они ѣдутъ обратно въ деревню, и я съ ними... Не теряй надежды! —

Его слова только увеличили мою безнадежность. «Нѣтъ,» думалъ я, «Мемнонь шадить мое самолюбіе; меня отвергли, мнѣ отказали въ рукѣ Елены! Я не могу уже показаться въ домѣ!»

Напрасно Мемнонь обнадеживалъ меня; я молчалъ на всѣ его слова, и какой-то внутренней ропотъ на судьбу мучилъ меня; я изнемогалъ. Боль сердца отозвалась въ ранѣ. Докторъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на воды за границу. Мемнонь тоже совѣтовалъ мнѣ, и я рѣшился ѣхать. Другъ не шадилъ обольщенной сердца, чтобы успокоить меня.

— Сестра кланяется тебѣ — говорилъ онъ, прощаясь со мною. — Она не могла скрыть грусти своей, какъ я замѣтилъ; она желаетъ скорого твоего возвращенія; а мать еѧ поручила сказать тебѣ, чтобы ты не терялъ надежды, если любишь Елену. —

«Не слова ли это, внушающія опасную надежду? Не значить ли это: кинься въ пучину — можетъ быть счастье выброситъ тебя на берега рая?» думалъ я, смотря пристально въ глаза Мемнону.

IV.

Мемнонь увѣхалъ, и я отправился, оживленный нѣсколько обнадеживаніями друга, и увѣренностью, что я любимъ. Мемнонь обѣщалъ увѣдомлять меня объ Еленѣ.

Не описываю моихъ *путевыхъ впечатлѣній*: мои впечатлѣнія были пераздѣльны съ Еленой. Въ Дрезденской галлерей, смотря на Роксану Рафаеля, я сравнивалъ ее съ красотою Елены, и видѣлъ всѣ недостатки дочери Ирода.

Но, чтобы вполнѣ блаженствовать въ мечтаніяхъ любви, надобно ѣхать по Рейну, надобно видѣть истоки его. Въ таинственныхъ нѣдрахъ зараждаются они, какъ взаимныя чувства юноши и дѣвы, торопятся, ропшутъ на всѣ препятствія, пробиваются сквозь нихъ, и падаютъ въ объятія другъ друга, чтобы течь вмѣстѣ, неразлучно, посреди роскошныхъ, или дикихъ береговъ жизни.

Смотря на отдаленныя вершины Альповъ, вспомнилъ я *Горную дорогу* нашего златоуста поэта:

Четыре потока оттуда шумятъ —
 Не зрѣли ихъ выхода оцп.
 Стремятся они на востокъ, на закатъ,
 Стремятся къ полудню, къ полночи;
 Раждаются вмѣстѣ, родясь разстаются,
 Бьгуть безъ возврата и въ вѣкъ не сольются.

И въ вѣкъ не сольются! — долго повторялъ я. Непрístupныя скалы, окруженныя садами и увѣчанныя развалинами древнихъ рыцарскихъ замковъ, какъ лики Діаны Эфесской, отвлекли душу мою отъ одной печальной мысли къ другой. Теперь и прежде! *Теперь* тѣло развязно, свободно, а духъ въ оковахъ; *прежде* — тѣло было оковано въ латы, а духъ былъ свободенъ; легко дышалось на непрístupныхъ верхахъ горъ и скалъ, надъ волнами, надъ пропа-

стлми, среди лѣсовъ и виноградниковъ, за гранитными бойницами, за подъемными мостами, подъ сводами великолѣпныхъ, добровольныхъ темницъ, среди таинственности и чудесъ предрасудка, неразлучно съ мечемъ, виномъ, любовью и неутоми-мою жаждою къ славѣ.—Минстрель пѣлъ *Сирвентасть Рилотъ*:

Кто мнѣ впуститъ благозвучную пѣснь,
Кто воскреситъ, оживитъ мою память,
И свитокъ прошедшаго въ ней разовьетъ?
Кто раздѣлитъ мои мрачныя мысли
И дивные звуки изъ струнъ воззоветъ,
Какъ голосъ отъ сна встающей природы?
Ахъ! есть на землѣ, есть одно существо!
Его свѣтлый взоръ, какъ небесное солнце,
Туманы и мракъ съ отдаленья сорветъ
И свитокъ время предъ мной разовьетъ!—

На берегу быстрого Неккара, впадающаго въ Рейнъ, среди садовъ, мнѣ слышалась эта пѣснь Минстреля; я смотрѣлъ на заросшую дорогу, которая извивалась къ величественнымъ стѣнамъ замка... и забывался...

Вотъ... рыцари стекаются со всѣхъ сторонъ... знамена ихъ плещутъ въ воздухъ; оруженосцы отягчены щитами, раскрашенными девизами чести, любви и славы; на оружіе сыплются лучи солнца, дробятся радужными цвѣтами... Кривой рогъ зазвучалъ... На вѣстовой башнѣ, съ развѣвающимся флагомъ въ облакахъ, приветливо отвѣчаютъ гостямъ тѣми же звуками; цѣпи подъемнаго моста загремѣли, кольца желѣзныхъ воротъбрякнули, скрипнули засовы и веревки... Герольды повѣщаютъ пріѣзжихъ... Гордые кони стучатъ тяжкими копытами по дубовому помосту... Пажы сбѣгаютъ съ крыльца, встрѣчаютъ гостей...

На просторномъ дворѣ устроены павильоны во-

кругъ поприща; драгоценные Восточные ковры свѣсились черезъ перилы... Судейская ложа украшена оружіемъ, гербами, девизами, и знамена плещутъ надъ нею...

Судьи Джюджедуры заняли мѣста; серебряные власы ихъ рассыпаются по пурпурнымъ мантиямъ юношескими кудрями... Рѣчи старцевъ звучны, какъ кованое оружіе во время боя, важны, какъ голосъ вопрошаемаго оракула...

И вотъ... она... божество, вѣнчающее побѣду... появилась, какъ солнце среди алмазныхъ, изумрудныхъ, яхонтовыхъ лучей... Трубы грянули, герольды засуетились, рядятъ чинъ всему, оглашаютъ законы поединковъ: «Любовь красота, слава мужеству, хвала побѣдителямъ! Насталъ часъ храбрыхъ; оружіе ихъ омоется потомъ и кровью!»

Герольдъ умолкъ, подалъ знакъ; раздался хоръ Минстрелей, сопровождаемый цитрами, бандурами и кастаньетами Югларовъ:

Рыцари! вскиньте взоры на ограду,
Гдѣ возсѣдаетъ Джюджедуровъ рядъ,
Гдѣ дамы-сердца мужеству въ награду,
Бантами чести грудь пріоспяты!

Въ комъ изнеможеть къ бою духъ врожденный,
Сердце остынетъ, сила измѣнитъ,
Взглядъ животворный двѣ несравненной,
Душу пробудитъ, сердце воскреситъ!

Новый звукъ трубъ. Начинается поле.

Ряды рыцарей, въ роскошныхъ броняхъ, сопровождаемые щитоносцами, приближаются къ рогаткѣ, на коняхъ покрытыхъ латами; ѣдутъ медленно, съ важностію; забрали опущены. Подлѣ нихъ, на парадныхъ коняхъ, ѣдутъ дамы-сердца; онѣ ведутъ горделивыхъ своихъ невольниковъ на цѣпочкахъ, свитыхъ изъ лентъ и цвѣтовъ. Проѣхавъ барьеръ, онѣ развѣ-

зываютъ оковы кавалерамъ сердцеъ своихъ, и потому продолжаютъ путь къ помостамъ, разбрасывая по поприщу цвѣты, шарфы, узлы изъ лентъ, бра-слеты, сплетенныя изъ собственныхъ ихъ волосъ, перья съ головы... Рыцари подбираютъ дары съ земли, осыпаютъ ихъ поцѣлуями, и готовятся заслужить оружіемъ званіе рыцаря - сердца, шарфъ и девизъ своей дамы.

Рыцари становятся строемъ на двухъ оконечно-стяхъ поприща, ждутъ сигнала, прислушиваются къ словамъ Джюждедур, который повторяетъ законъ турнира: «Рыцари! да не поранить никто изъ васъ коня противника своего; мѣта копыю лицо и грудь; мечъ рубить, но не колетъ. Поднятому или разби-тому забралу — пощада!»

Джюждедуръ ударилъ три раза въ ладони; сигналъ къ общему бою раздался. Пришпоренные кони ринулись съ мѣстъ; земля дрогнула; два строя всадни-ковъ, приклонивъ голову, оставивъ копья впередъ; налетѣли другъ на друга... Казалось, что посреди по-прища разразилась громовая туча, разсыпалась искра-ми и трескомъ; взвилась пыль... Двѣ противныя сто-роны, то столкнулись, то разступятся.

Но общій бой прерванъ сигналомъ — строи разъ-ѣзжаются. Теперь одинъ на одинъ — по вызову. Вскипѣла во мнѣ жажда побѣды... Я пришпорилъ коня, перелетѣлъ черезъ ограду... Кто на меня? Вы-зываю! Нѣтъ созданія въ природѣ лучше Елены! Пой, Минстрель! слава Елену!

Минстрель запѣлъ лей Еленѣ, вмѣсто вызова:

Кто въ изступленіи, въ восторгъ сердца,
Елены не выдавъ, осмѣлится промолвить,
Что видѣлъ божество любви и красоты,
Кноть хмѣля принялъ тотъ за гроздь пурпурный,
И жадную луну за пламенное солнце.
Славнецъ! я изцѣлю тебя отъ сляпоты!

Неизвѣстный рыцарь, въ черной бронѣ, безъ гер-бовъ, безъ шарфа дамы - сердца и безъ девиза, вы-ѣхалъ на средину поприща... Это противникъ, со-перникъ мой — суженый Елены!

Злобно взглянулъ онъ на меня, я на него; разъ-ѣхались, повернули — сигналъ поданъ... Вотъ онъ! Брызнули искры изъ стальной брони... А! вотъ онъ! Подо мной суженый Елены! Моли о пощады!..

«Коня убилъ! Преступникъ закона!» раздалось во-кругъ... Стрѣлы со всѣхъ сторонъ готовы были по-разить меня, но знамя пощады распростерлось на-до мною, и герольдъ повѣстилъ, что конь противни-ка моего убитъ по неосторожности.

Меня ведутъ къ вѣнчающей побѣду... это Елена!.. Я преклонилъ коленно... Громкій хоръ запѣлъ славу, а Елена увѣчала меня.... подала руку, и мы по-шли, сопровождаемые хоромъ, Джюждедурами и ры-царями. Въ просторной залѣ сѣли мы за круглый столъ. Передо мной поставили жаренаго павлина, ко-торого, по обычаю, побѣдитель долженъ былъ рас-пластать на сто частей; потомъ поднесли огромный бокалъ въковаго Гейльдельберга. Я поднялъ бокаль... «За здравіе Елены!» хотѣлъ сказать я... Гдѣжь она? Нѣтъ ея? О, на сто частей разорвалось мое сердце, когда я взглянулъ вокругъ себя... Мрачный замокъ Гейльдельбергъ, разгромленный самимъ небомъ, воз-дымался на горѣ, какъ на островѣ, посреди моря ту-мана; по чешуйчатому небу разливался свѣтъ луны; я лежалъ подъ деревомъ, на берегу Неккара, смочен-ный холодной росой ночи...

V.

Я пріѣхалъ въ Эмсъ; началъ курсъ леченія. Вдругъ письмо... Рука Мемнона! И только двѣ строчки —
Т. VII. — Отд. I.

только, но сколько блаженства почерпнулъ я въ нихъ! Какъ онъ были краснорѣчивы! какъ исполнены дружбы!

«Прѣзжай,» писалъ онъ — «Елена будетъ твоею; всѣ препятствія устранены.»

Можно представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ я летѣть въ Россію, но, предполагая ѣхать обратно, по общанію брату, чрезъ Бессарабію, гдѣ онъ въ то время находился, я не могъ переменить намѣренія, и сверхъ того я хотѣлъ видѣть Дунай и взглянуть на Букарестъ, гдѣ былъ съ отцомъ своимъ во время войны въ 1810 году. Кажется, сама судьба влекла меня по этому пути, чтобы развязать повѣсть моей жизни.

Изъ Эмса прѣѣхалъ я въ Вѣну, потомъ въ Буду, и оттуда, на небольшомъ купеческомъ суднѣ, отправившемся въ Галацъ, рѣшился пуститься по Дунаю.

Ни сколько не заботясь о современныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я совершенно не зналъ, что дѣлается на берегахъ Дуная. Я думалъ только объ Еленѣ; наслаждаясь природой, слушалъ по вечерамъ заунывную пѣсню матроса, и проѣхавъ такимъ образомъ до Галаца, я былъ бы принужденъ сдѣлать около четырехъ сотъ верстъ лишнихъ, чтобы попасть въ Букарестъ. Къ счастью, хозяинъ корабля спросилъ меня: куда я ѣду? и сказалъ, что я могу выйти на берегъ при Журжинской переправѣ, и проѣхать въ Букарестъ прямымъ путемъ. Это былъ подарокъ для разсѣяннаго. На лодкѣ переѣхалъ я въ Слободзею, и тамъ, нанявъ *погту*, отправился въ столицу Валахій. Никто не спрашивалъ меня: кто л? откуда? куда ѣду, и есть ли у меня какойнибудь видъ?

Подѣзжая къ Букаресту, вечеромъ, вдругъ уви-

дѣли мы, на самой дорогѣ, сквозь деревья, разто-женный огонь, и вокругъ него толпу людей. Шумъ и пѣсни раздавались по лѣсу.

Суруджи пріостановилъ лошадей, со страхомъ про-изнесъ: *Чи есть?*

— Это вѣрно таборъ Цыганскій?

«Нуй, нуй *Боерь!*» — повторялъ онъ, продолжалъ медленно подвигаться впередъ.

Едва проѣхали мы заворотъ дороги, толпа вполне открылась передъ нами; надъ огнемъ, на козлахъ, висѣлъ котелокъ, а вокругъ него лежали и ходили вооруженные люди, въ мантахъ, въ скуфьяхъ, въ кушмахъ, въ чалмахъ, въ Албанской одеждѣ; страшныя, смуглыя лица ихъ, съ отвислыми усами, казались отъ блеска огня раскаленными.

— *Талгарь, талгарь!* Разбойники! — проговорилъ суруджи, съ ужасомъ остановивъ лошадей. — Недобре, недобре! — прошепталъ онъ еще, и готовъ уже былъ свернуть съ дороги въ лѣсъ, но стукъ и дребезгъ каруцы и топотъ лошадей обратили на себя вниманіе толпы. Нѣсколько человекъ вскочило на коней, и мы были окружены какими-то чудовищами, вооруженными съ головы до ногъ.

— *Стэ!* — закричали они, заскакавъ впередъ; я выхватилъ пистолетъ.

«Русскій офицеръ!» крикнулъ мой слуга, вообразивъ, что спрашиваютъ: кто?

— *Офицеръ Русскъ?* — повторилъ одинъ изъ наѣз-никовъ — *Хэ! Мой!* * *капитанъ Пендедека!*

И онъ поскакалъ къ толпѣ, между тѣмъ, какъ двое стояли спокойно передъ лошадьми, а прочіе разѣз-жались вокругъ каруцы.

Поздно было требовать пути однимъ выстрѣломъ у цѣлой толпы вооруженныхъ; я полагалъ, что

* Восклицаніе: *мой!* тоже что *ей!*

явится ктонибудь знающій по-Русски для разспросовъ, но вдругъ тучный всадникъ, похожій на атамана шайки, подлетѣлъ на лихомъ конѣ и закричалъ мнѣ:

— *Офицеръ!*

« Да! — отвѣчалъ я.

— *Хайды! мерже ла Калантени!* — прокомандовалъ онъ, безъ дальнихъ разспросовъ.

Суруджи приударилъ по лошадямъ; меня повезли, вся толпа поскакала въ слѣдъ за мною, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ я увидѣлъ новыя толпы вооруженнаго сброда, вокругъ огней близъ селенія. Мнѣ казалось, что меня везутъ на шабашъ нечистой силы.

Со всѣхъ сторонъ раздавались дикіе голоса, которые пѣли:

Ипсиланти фетмаршалъ,

Дука маре инаралъ!

Поль-поль-поль-полерани-поль!

Каруца моя и провожатые остановились подлѣ освѣщеннаго боярскаго дома.

Тутъ только узналъ я, что меня привезли въ селеніе Калантени, главную квартиру Ипсиланти, предводителя Этеристовъ.

— *Фетмаршалу а касъ?* Дома Фельдмаршалъ? спросилъ капитанъ Пендедека, котораго я принялъ за атамана разбойничьей шайки.

« Хэ! *Ипсиланти Содусъ ку тота Армія ла Тырговешти; нула Эфоръ Дука а касъ!* » отвѣчали двое Арнаутовъ, стоявшихъ на крыльцѣ, подлѣ входа въ сѣни, съ саблями наголо.

Я понялъ смыслъ сказанныхъ словъ: «Ипсиланти со всей арміей удалился въ Тырговешти, и въ селеніе Калантени только эфоръ Дука.» Его-то вели-

чали Этеристы въ пѣсни своей, *Маре Инаралъ*, великій генералъ.

Меня ввели въ домъ. Въ передней комнатѣ, подлѣ дверей, завѣшенныхъ краснымъ сукномъ, стояла толпа Арнаутовъ, въ роскошной своей одеждѣ; они заняты были продуваніемъ, *накладываніемъ* и раскуркой трубокъ.

Въ слѣдъ за капитаномъ Пендедекой вошелъ я въ комнату, гдѣ на диванъ, свернувъ подъ себя ноги, сидѣлъ Дука, эфоръ Этеріи. *Антерія*, изъ шелковой съ золотыми полосками ткани, распахнулась на полы; красныя, широкія шаровары переливались поднею какъ полями; все туловище его было обвернуто Турецкою шалью, за которою заткнуты были: на толстой золотой цѣпи *часорникъ*, съ огромною связкою печатей, и *басманъ*;* на головѣ была скуфья изъ шелковой матеріи, обшита *булазеей*. Передъ нимъ стоялъ ломберный столъ, а въ жирной рукѣ его утонула колода картъ; онъ металъ *фараонъ*; нѣсколько бояръ, въ сѣрыхъ смушковыхъ кочулахъ, сидѣли вокругъ стола, пыхтѣли дымомъ и гнули *углы* на пэ и *транспортъ*.

— *Чи есть?* — спросилъ Дука.

Не ожидалъ объясненій Пендедеки, я подошелъ къ Эфору, сказалъ по-Французски, что я Русскій путешественникъ, и что на дорогѣ къ Букаресту остановленъ его Арнаутами....

Я хотѣлъ высказать свое неудовольствіе за это насиліе, и просить, чтобы онъ приказалъ проводить меня въ Букарестъ, или изъ круга расположенія Этеристовъ, но онъ не далъ мнѣ кончить рѣчи, обратился къ своимъ собесѣдникамъ, сказалъ имъ что-то по-Гречески, и они вышли изъ комнаты. Потомъ, приглашая меня сѣсть на диванъ, хлопнулъ

* Платокъ.

три раза въ ладоши; явились два Арнаута, одинъ съ *трубкой*, другой съ *дульгемолю* * и съ кружкой воды на поднось. Я не отказался отъ Азіятскаго обычнаго предложенія — усладить горестъ свою, прохладить сердце и питаться дымомъ надежды.

Когда мы остались одни, Дука таинственно спросилъ меня:

«Позвольте узнать, къ кому вы ѣхали?»

— Я просто проѣзжалъ изъ Австріи въ Россію — отвѣчалъ я.

«Хмъ! черезъ Австрію? Здѣсь не дорога; вамъ надобно было ѣхать на Черновець, прямо изъ Австріи въ Россію.....»

— Я хотѣлъ проѣхать по Дунаю, видѣть Букарестъ....»

«Нѣтъ, скажите, вы можете мнѣ сказать.... Къ Господарю?... Или къ Князю Ипсиланти?... Вѣроят-но, денеши....»

— Увѣряю васъ, что я просто ѣду, какъ путешественникъ, безъ всякихъ порученій.

«Теперь не время путешествовать безъ цѣли — сказалъ Дука, усмѣхаясь. — Но все равно, мы понимаемъ..... И во всякомъ случаѣ, я обязанъ от-править васъ къ Князю Ипсиланти; его главная квартира въ Тырговешти.»

— Помилуйте! За чѣмъ мнѣ ѣхать къ нему? — вскричалъ я.

— Ни для чего больше, какъ для объясненія ему причины вашей поѣздки въ Букарестъ. Теперь, милостивый государь, нѣтъ сношеній ни съ Господаремъ, ни съ Диваномъ, мимо Князя Ипсиланти. — Хэ! мой! капитанъ Алеко! — вскричалъ Дука послѣ сихъ словъ.

Явился капитанъ Алеко, въ казацкой одеждѣ изъ чернаго сукна.

* Варенье, похожее на конфекты rommade.

— Вотъ этотъ господинъ проводить васъ въ Тырговешти — сказалъ мнѣ Дука, отдавъ приказаніе капитану Алеку.

Нечего было дѣлать; я вышелъ.

— Гдѣ мой слуга? — спросилъ я у Арнаута, не видя подлѣ крыльца ни каруцы своей, ни слуги.

«*Нуштил!* не знаю — отвѣчалъ мнѣ Арнаутъ.

— Гдѣ каруца?»

«*Нуштил!* — повторилъ Арнаутъ.

— Ни моего слуги, ни каруцы нѣтъ! — сказалъ я капитану Алеко.

Онъ сталъ спрашивать у разнаго сброда людей, которые стояли на крыльцѣ и ходили по двору.

— Нуштил! — отвѣчали всѣ. — Суруджи съѣлъ и поѣхалъ, а слуга пошелъ въ слѣдъ за нимъ.

Я выходилъ изъ себѣ. Слуга мой вскорѣ пришелъ, весь въ слезахъ, и сказалъ, что почтарь ускакалъ, а чемоданъ, положенный на крыльцѣ, пропалъ.

Я воротился къ Дуку, и просилъ его приказать отыскать мои вещи.

— Не наше дѣло отыскивать ваши вещи — отвѣчалъ Эфоръ Этерин. — Подайте прошеніе въ Диванъ.

Взбѣшенный, я съѣлъ на коня, котораго Дука велѣлъ дать мнѣ, и поѣхалъ подлѣ конвоемъ безобразныхъ воевъ Ипсиланти. На другой день, уже къ обѣду, стали мы приближаться къ мѣстечку Тырговешти. Съ высотъ надъ рѣкою Яловицей, я увидѣлъ главную квартиру Этеристовъ. Она походила на таборъ и толкучій рынокъ; повсюду копошились вооруженные люди, въ Молдавской, Сербской, Арнаутской одеждѣ, въ лохмотьяхъ, и въ кованыхъ, золоченыхъ нагрудникахъ, парамникахъ и набедренникахъ.

Въѣзжая въ Тырговешти, я увидѣлъ тотъ *Саллицы*

ный батальонъ, который, подъ знаменемъ возрожденнаго Феникса, готовился пожать славу и бессмертіе. Въ черныхъ полукафтаныяхъ, съ высокими, черными мерлушковыми шапками, загнутыми на бокъ, и украшенными серебряною Адамовою головою спереди, войны бродили по городу, въ ожиданіи великой своей будущности.

Мы пріѣхали къ одному дому, съ большимъ крыльцомъ подъ навѣсомъ. Тутъ развѣвалось знамя Этеріи, на которомъ вышитъ былъ Фениксъ, съ Греческою надписью: «Возраждаюсь изъ собственнаго праха». У входа, подъ дверей, стояли двое часовыхъ, съ сложенными на крестъ ружьями.

Это былъ *курте господарскъ* — дворъ, или дворецъ господарскій. Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ идти на крыльцо, но капитанъ Алеско удержалъ меня.

— Не сюда — сказалъ онъ — это *священное крыльцо*, по которому никто не смѣетъ всходить, кромѣ самаго Фельдмаршала.

«Плохо,» подумалъ я, «если къ идолу храма ходить съ задняго крыльца!»

— Что за люди? — спросилъ капитанъ Алеско, увидя нѣсколькихъ человѣкъ верховыхъ, въ мантахъ, подъ боковаго подъязда.

«Пандуры! — отвѣчали они гордо. — Отъ Вайводы Тодора Владимиреско, съ капитаномъ Фармаки.

То были передовые начальника, или, лучше сказать, атамана Пандуровъ Малой Валахін, который, пользуясь возникшими послѣ смерти Валашскаго Господаря Караджи смятеніями, по случаю Этеріи, или Греческаго возстанія, собралъ Пандуровъ, Сербскихъ Гайдукровъ, Валашскихъ Талгарей, и все, что было дружно съ телмною ногою, да съ острымъ ножемъ,

объявилъ себя воеводой и защитникомъ отчизны отъ ига Греческихъ Господарей, назначаемихъ Портою, проникъ съ шайкою своею въ Букарестъ, овладѣлъ *Диваномъ*, заставилъ воротиться Каллимахи, назначеннаго въ Господари Валахін, казнилъ Бояръ, привелъ всѣхъ въ ужасъ, и заставилъ разбѣжаться на всѣ четыре стороны.

Ипсиланти думалъ въ немъ найти поборника, и встрѣтилъ противника, который однакожъ рѣшился пріѣхать къ добровольному архистратигу Греціи.

Взойдя по крыльцу профановъ, я ожидалъ, что меня введутъ въ *Перипрантириа* и окропятъ водою, какъ вступающаго въ храмъ громовержца Зевса, но очутился въ передней, гдѣ было нѣсколько, вѣроятно, значительныхъ лицъ штаба Этеріи. Пока доложили обо мнѣ Ипсиланти, я присѣлъ подъ какого-то чиновника въ казакинѣ. Посмотрѣвъ на меня, онъ какъ будто отгадалъ, что я Рускій, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не служить ли я пріѣхалъ къ Ипсиланти? Разговорившись съ нимъ, я желалъ знать, что за особа въ большихъ шитыхъ эполетахъ, спасенныхъ, вѣроятно, отъ выжиги, и прицѣпленныхъ къ мундиру не мундиру, а къ чему-то въ родѣ кацавейки?

— Это Орфано, *фигеру ди кына**; онъ былъ въ Одессѣ *служиторомъ* у купца Бакора, а здѣсь *инарала*. А вотъ другой — это Лассани; былъ факторъ въ Пестѣ, а здѣсь *Комендантъ* Терговицта. *Драку шти!* Чортъ знаетъ, за чѣмъ я пріѣхалъ сюда! Тутъ всѣ начальники. Правду говоритъ Греческая пословица: «*гдѣ соберутся три Грека, тамъ всегда три начальника*». — Вотъ Князь Георгій лихой, а это... хмъ!

Собесѣдникъ мой не успѣлъ еще сказать мнѣ

* Собачій сытъ.

именъ и происхожденія всѣхъ *Стратиговъ, Эфоровъ, Капитановъ*, тутъ бывшихъ, какъ меня позвали къ Ипсиланти.

Пройдя одну комнату, передо мной отворили двери кабинета; я вошелъ. Въ широкихъ креслахъ, подлѣ стола, сидѣлъ смуглый, худощавый генералъ; на плеча его накинута была Греческая пурпуровая мантия, съ длинными до полу рукавами.

— Какую новость привезли вы намъ? — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и не дожидаясь отвѣта, приказалъ выйти сидѣвшему подлѣ стола писцу, которому, какъ казалось, что-то диктовалъ.

— Вы откуда? — спросилъ онъ торопливо по выходѣ писца.

«Я Рускій и ѣздилъ за границу на воды — отвѣчалъ я, и разсказалъ всѣ приключенія свои со времени вступленія на берега Валахін.

Казалось, что Ипсиланти надѣялся видѣть во мнѣ какого нибудь тайнаго къ нему посла. Глаза его горѣли ожиданіемъ приятной новости, но выслушавъ меня, онъ принялъ пасмурный видъ и хотѣлъ что-то спросить еще, какъ вдругъ вошелъ кто-то въ родѣ адъютанта и доложилъ о пріездѣ Тодора Владимирско.

— Пусть войдетъ — сказалъ Ипсиланти важно. — Извините — продолжалъ онъ — мнѣ нужно переговорить; войдите въ эту комнату на время.

И онъ показалъ на двери. Я вошелъ; это была спальня. Справа, между печкой и стѣной, былъ широкій, крытый густымъ пунцовымъ трипомъ диванъ, замѣнявшій ложе; на свернутомъ въ головахъ, шелковомъ матрацѣ лежалъ почной калпакъ; влѣво отъ двери другой диванъ; напротивъ — стѣнные шкапы и по срединѣ *образная*.

Отъ нечего дѣлать, я развернулъ лежавшую на сто-

ликъ книгу, переплетенную въ бархатъ; то былъ «Триодіонъ, повелѣніемъ и издвигеніемъ Всесвѣтлѣйшей Книгини Елены, Божіею милостію Начальницы и Владычицы земли Влашкою, Супружницы Пресвѣтлаго Господара Иона Матеѳа Бесарабы, въ Господарской ихъ Типографіи, яже въ Столечномъ градѣ Терговищи. Въ лѣто бытія міра 7157.»

Едва я успѣлъ прочесть это, какъ раздался громкій голосъ:

— *Мый фюарте букуръ, кѣи вѣи вѣдѣ сенатосъ, Рѣнсе!* Это обыкновенное Молдавское привѣтствіе: «очень радъ, что васъ вижу въ добромъ здоровьи.»

Любопытство заставило меня сѣсть на диванѣ подлѣ самой двери, такъ, что весь разговоръ Ипсиланти съ Тодоромъ былъ мнѣ слышенъ.

— Садитесь, господинъ Владимирско — сказалъ Ипсиланти, по Французски. — Намъ давно пора переговорить съ вами лично.

«Готовъ слушать — отвѣчалъ Тодоръ.

— Вы знаете уже ту великую цѣль, для которой я сюда прибылъ?

«Какъ видно изъ вашихъ собственныхъ прокламацій, вы приняли на себя трудъ освободить Грецію отъ ига Турецкаго.

— Такъ точно. Принявъ на себя начальство надъ Этеріей, я воззвалъ къ народамъ, угнѣтеннымъ игомъ варваровъ, и на первомъ шагу встрѣчаю противорѣчіе — въ комъ же? Въ тѣхъ, которые должны были торопиться подѣ знамена свободы!

«Диванъ княжества желалъ знать: кто возложилъ на васъ великое дѣло освобожденія Греціи, и кто уполномочилъ васъ къ воззванію на общее возстаніе противъ Турковъ? Диванъ послалъ къ вамъ депутата Павла Македонскаго....

— Полно-те, сударь: этотъ депутатъ былъ отъ васъ, а не отъ Дивана!

«Это ваше предположеніе... Не я, а Диванъ просилъ васъ сообщить ему ваше полномочіе.

— Кто уполномочилъ меня?—сказалъ гордо Ипсиланти. — Вы знаете кто я?

«Знаю. Вы служили въ Русской службѣ генераломъ, я служилъ поручикомъ, но здѣсь не Россія.

— Неужели вы думаете, что я обязанъ открывать Дивану Валахіи тайны Европейскихъ Конгрессовъ? Неужели Диванъ не постигаетъ: къ чему клонится столько уже лѣтъ политика всѣхъ Европейскихъ державъ?

«Для исполненія цѣлей своихъ, Европейской политикѣ не нужно было поручать вамъ сбираться въ Молдавіи и Валахіи бродягъ и нищихъ, чтобы избавить Европу отъ Турокъ.

— Вы, сударь, дерзки! Вы врагъ своего отечества! Ваша цѣль пользоваться смутами и водить своихъ бродягъ, Пандуровъ, на грабежъ!

«Ваши титулы не лучше моихъ!... Да, что объ этомъ говорить! Вы дѣлайте что знаете; я буду дѣлать что я знаю.

— У насъ общій врагъ, сударь, и мы должны дѣйствовать общими силами, а не допрашивать другъ друга о правахъ.

«Ваши враги—Турки, а наши — Греки Фанариоты: разница видна изъ вашихъ и моихъ прокламацій... Ваше поле въ Греціи—идите за Дунай, а наше дѣло спровадить Греческихъ Господарей туда же. Здѣсь имъ не мѣсто—довольно имъ собирать *дизжму** съ княжествъ; пусть идутъ подъ ваше знамя, освободятъ Грецію отъ ига и избавятъ насъ отъ сво-

* Дизжа — десятая часть.

его ига. Что мы за ферма для васъ! У васъ есть свои земли и рабы — дерите съ нихъ, хоть три кожи!

— Господинъ Слуджарь!* ...

«Вайвода, а не Слуджарь, господинъ Ипсиланти — сказалъ Тодоръ, стукнувъ саблей о полъ.

— Извольте молчать!

*Сараку ди минн!*** Какъ я васъ боюсь!

— Я васъ скоро заставлю бояться!

«Ну, до тѣхъ поръ, прощайте!

— Остановитесь, господинъ Владимиреско!

«Я стоять не люблю; если угодно, сяду; языкомъ биться также не люблю.

— Собственно изъ предостереженія васъ, и чтобы предупредить раздоры, я долженъ вамъ сказать...—

Ипсиланти стали говорить тихо; я не слыхалъ ни слова; вдругъ онъ подошелъ къ двери спальни; я отскочилъ отъ нея и сѣлъ на диванъ.

— Пожалуйте сюда — сказалъ онъ мнѣ по-Русски, отворяя дверь.

Я вошелъ въ кабинетъ, и съ любопытствомъ взглянулъ на Тодора, сидящаго на диванѣ, въ лиловомъ, бархатномъ, шитомъ золотомъ фермеле; за поясомъ его торчали два пистолета. Турецкая сабля золотого чекана, осыпанная дорогими камнями, перегнулась черезъ колено. На головѣ была красная феска, а подлѣ, на диванѣ, лежала одноцвѣтная съ фермеле *капа*, или *скуфья*, также шитая золотомъ. Онъ былъ смуглый, съ длинными усами чловѣкъ, съ глазами, какъ уголь.

— Вы отправитесь обратно; я дамъ вамъ при-

* Чинъ Тодора при Князѣ Валошскомъ.

** Это выраженіе слово въ слово: *бидигъ я!* Но отъ тона, которымъ произнесено, значить почти тоже, что чортъ меня возьми!

крытіе до Леова — сказалъ мнѣ Инсиланти, хлопнувъ нѣсколько разъ въ ладоши.

Вошелъ прежній докладчикъ.

— Капитанъ Христіари! назначьте отрядъ изъ двадцати человекъ, проводить ихъ до Леова — сказалъ Инсиланти. — Кланитесь моимъ знакомымъ въ Россіи — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ — Скажите имъ, что дѣла мои идутъ хорошо. Прощайте!

«Драма кончилась комедіей,» думалъ я, выходя изъ кабинета.

Христіари проводилъ меня изъ *курте* на квартиру, въ домъ какого-то боярина. Тутъ, до изготвленія къ отбѣду, угостили меня обѣдомъ.

— Нѣтъ, баринъ, здѣсь умрешь съ голоду! — сказалъ мнѣ мой Иванъ, возвратясь изъ кухни, гдѣ также угощали его обѣдомъ. — Нѣтъ! я не ѣдокъ съ Цыганами! Да, это просто зараза... прости Господи!.. Намѣсили какой-то черной муки въ котлѣ, да и вывалили на грязный столъ комомъ; принесли воюнчаго тварогу въ засаленной тряпкѣ, да и говорятъ: *пубтиль!*... «Нѣтъ, господа! я не могу ѣсть этого *пубтиль!*» сказалъ я, да и всталъ изъ-за стола; помодился Богу, да и пошелъ. —

Жаль мнѣ было смотрѣть на голоднаго Ивана, но нечѣмъ было помочь. Лошади были уже готовы.

VI.

Мнѣ дали добраго коня, осѣдланнаго Турецкимъ сѣдомъ. Арнаутъ подвелъ его, держа за мундштукъ; я взялъ шелковый поводъ, и засѣлъ, какъ въ Вольтеровскихъ креслахъ. Мой новый капитанъ, съ 20 Арнаутами, гарцовалъ уже по двору, въ ожиданіи, пока усядусь я на сѣдлѣ и двинусь съ мѣста.

Мы отправились вдоль по Яломицѣ на Урзичени.

Почти въ каждомъ селеніи мой капитанъ требовалъ себѣ *ватаву*, требовалъ *фатиръ* или *маньикъ*, а потомъ *ракю* или *жинъ**.

Эти частыя закуски ужасно бѣсили меня; за то мой Иванъ былъ сытъ и доволенъ.

— Ей Богу, здѣшняя *ракю* гораздо лучше нашего пѣнника — говорилъ онъ, каждый разъ, когда ему подносили большой *пагаръ* фруктоваго спирту. — А *жинъ* дешевле лавочной воды! —

Народъ здѣсь, кажется, привыкъ къ посѣщеніямъ и требованіямъ нежданныхъ и незваныхъ гостей, которые распоряжаются въ деревняхъ, какъ въ своемъ домѣ. Безпрекословно поили и кормили насъ и лошадей нашихъ, не спрашивая, что мы за люди; двадцати человекъ *каларашей*** и особенно Арнаутовъ, достаточно было, чтобы меня всадъ величали *Маріета****. — Здѣсь наружность человека служить вмѣсто *вида*, а умѣнье приказывать есть уже право на всевозможныя, безпрекословныя требованія.

Ни *малай*, ни *плагинды*, ни *лапти-акру*, ни *брынза***** не нравились мнѣ; до самыхъ Урзичень питался я только янцами и *лапти-дульге*. — Въ Урзиченяхъ заѣхали мы въ *кафэнэ*, но и тутъ я долженъ былъ довольствоваться жареной бараниной, соленой рыбой, каракатицами, маслинами, чашкой кофе и трубкой. На третій день, мы пріѣхали въ *Рылиникъ*, памятный побѣдою Суворова въ 1789 году, и остановились въ домѣ одного Бояра, гдѣ квартировалъ начальникъ небольшого отряда войскъ Инсиланти.

* Квартиру и обѣдать; водки и вина.

** Каларашъ — вершникъ, верховой.

*** Ваше Величіе.

**** *Малай* — хлѣбъ изъ кукурузной муки; *плагинды* — слоеные пироги; *лапти-акру* — кислое молоко; *брынза* — тварогу; *лапти-дульге* — сладкое молоко.

Безъ дальнихъ церемоній, проводникъ мой передалъ меня ему, какъ пароль, а самъ, закусивъ и осушивъ око вина, ухалъ, не пожелавъ мнѣ даже добраго пути.

Новый капитанъ, которому я былъ сданъ на руки, чтобы доставить меня здрава и невредима въ Лесово, былъ довольно молодой мужчина, смуглый, но приятной, хотя и суровой наружности, въ черной венгеркѣ, перепоясанной шелковымъ снуркомъ — портупей Турецкой сабли, въ черной *скупфь*, шитой серебряными снурками.

Я удивился, когда онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Капитанъ Раджулъ казалъ мнѣ, што вы Руской, ѣдете отъ князя Псиланта до Каподистрил.

«Я Рускій — отвѣчалъ я — ѣду въ Россію, но не отъ князя Ипсиланти, и не къ Каподистрию.—И я рассказалъ ему случай, который занесъ меня въ Валахію.

— Хмъ! — произнесъ капитанъ, пыхнувъ дымомъ. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Поѣздка отложена была до утра, потому, что уже смерклось; усталость отъ верховой ѣзды томила меня, и я уснулъ мертвымъ сномъ, на мягкомъ диванѣ.

— Время на-конь! — сказалъ мнѣ капитанъ чѣмъ-свѣтъ, и я долженъ былъ разстаться съ спокойнымъ ложемъ.

— *Коня крылатога!* — вскричалъ онъ, сходя съ крыльца, и не ожидая меня, вскочилъ на коня, котораго ему подвели, и поѣхалъ распѣвая:

Что съ тобой, Стано?
 Что съ тобой, другъ мой?
 Милалъ Стано,
 Ты заболѣла!
 — Голову ломить,
 Холодъ по членамъ.

Што ти е Стано,
 Што ти е кузумъ?
 Ахъ! бенимъ Стано,
 Ты болна лежишь!....
 — Глава мѣ болн
 Треска мѣ втреси!

Ахъ! милый Аго!
 Если умру я!
 — Не бойся, Стано!
 Не бойся, другъ мой!
 Я приготовлю
 Три талисмана:
 Одинъ отъ лому,
 Другой отъ дрожи,
 Третій отъ лзы —
 Отъ злой болѣзни.

Ахъ! бенимъ Аго,
 Ке-да я умру!
 — Не бойся, Стано!
 Не бойся, кузумъ!
 Ахъ! бенимъ Стано,
 Я ке-тъ пишу,
 Три хаймалишки:
 Но то за треска,
 Друго за глава
 Трети за злѣ-болѣзнь!

Я заучилъ его пѣсню, пока мы поднялись на гору за мѣстечкомъ. Вѣтви взымался Карпатъ; вправо, по равнинѣ, исчезалъ въ туманѣ Рымникъ.

— Скажите пожалуста — спросилъ я капитана — неужели въ такой маленькой рѣчкѣ могло потонуть цѣлое войско?

— Мутна тече рѣка валовита,
 Она вѣля дравале и камень,

отвѣчалъ онъ мнѣ, и потомъ запѣлъ снова:

«Што ти је, Стано....»

— Вы вѣрно изъ Булгаръ? — спросилъ я снова, желая завести съ нимъ разговоръ.

— Сербинъ — отвѣчалъ онъ мнѣ отрывисто, и началъ муштровать своего лихаго коня и разговаривать съ нимъ.

Къ обѣду пріѣхали мы въ Фокшаны, и остановились въ монастырѣ, обнесенномъ высокими стѣнами.

Одинъ изъ монаховъ знакомъ былъ моему Сербу. Радужно встрѣтилъ онъ насъ, и угостилъ сладкими постными блюдами изъ рыбы и пилава... Цѣлую барилку вина принесъ онъ изъ погреба. Сербъ пилъ вино, какъ воду; оно его развеселило.

Послѣ обѣда, я взошелъ на стѣну монастыря и наслаждался видами окрестностей. Къ сѣверу тянулись *на-штѣ* отрасли Карпата, ограничивая собою

рѣку Сыретъ; къ востоку ровная площадь, ограничиваемая въ синей дали Задунайскимъ берегомъ и возвышеніями надъ крѣпостью Мачиномъ; къ югу безграничная стена, какъ море, а западъ весь загражденъ лѣсистымъ Карпатомъ; у подножія его, верстахъ въ десяти отъ Фокшанъ, по холмистому скату, разстились славные виноградники Одубештскіе.

Когда я воротился въ келью, на столѣ стоялъ уже огромный стаканъ свѣтло-янтарнаго цвѣта.

— Піе брате! — сказалъ мнѣ Сербъ, подавая стаканъ. — Піе! межъ нама здравье и веселье!... Въ разъ!... Такъ! — прибавилъ онъ, поглаживая усы.

— Еще! — вскричалъ онъ, протянувъ ко мнѣ одну руку и наливая другою вино.

— Теперь, піе, брате, за здравье моея сестрицы Лильяны! Піе руйно вино! Была у меня сѣстра, да не стало! —

Эти слова произнесъ онъ такъ, что голосъ его какъ будто ущемилъ меня за сердце; изъ глазъ его капнула слеза въ стаканъ; онъ приподнял его и смотрѣлъ долго на свѣтъ, какъ будто ожидая, чтобы слеза — горечь сердца — распустилась въ вино лекарствомъ отъ боли его; потомъ онъ чокнулся со мной и выпилъ залпомъ.

— Гдѣ жъ ваша сестра? — спросилъ я невольно, взявъ его съ участіемъ за руку.

«Въ Руссіе — отвѣчалъ онъ.

— Вы были въ Россіи?

«На службѣ.

— За чѣмъ же вы оставили Россію?

«Такъ надо было! — сказалъ онъ, садясь на диванъ. — Такъ надо было — повторилъ онъ, и замолкъ, но замѣтно было желаніе его облегчить себѣ отъ скопившихся воспоминаній разсказомъ.

— Отъ чегожъ надо было? — спросилъ я его.

«А вотъ — отвѣчалъ онъ — отецъ мой жилъ въ особитомъ пріятельствѣ и побратимствѣ съ отцомъ Лильяны; еще въ годину Сербскаго воеванья съ Турками дали они другъ другу слово породниться по дѣтямъ, а въ десятую годину, отецъ Лильяны взялъ меня въ полкъ свой, и жилъ я у него, какъ рѣдній, и пріѣхалъ съ нимъ въ Москву, а потомъ пошелъ на воеванье съ Французомъ. По возвратѣ изъ Парижа, отецъ Лильяны покинулъ службу, а мнѣ сказалъ: айде служить еще царю и царству, пока будетъ твоя невѣста на возрастѣ. — Любилъ меня онъ, какъ сына, да не любила меня его *женитурина*, откинула сестрицу отъ сердца, разладила слово, раздружила дружбу, змѣя лѣта, Божья отпадице!... А какъ любила своего жениха моя Лильяна: звала златѣмъ, сокѣломъ, милѣйцемъ! Давала зѣлогъ за сердце!... Вотъ, ту былъ тотъ зѣлогъ... ту былъ ликъ Божій, да образъ сестрицы, да обреченья перетень.... Все возвратили ей.. Сестра, сестра, моя **сладка рано *!*...»

Говоря сіи слова, онъ показалъ мнѣ пустую ладонку, висѣвшую у него на шеѣ, на голубой лентѣ.

«Вотъ прошли три года еще на службѣ; два года не видалъ я сестрицы; минуло ей восемнадцать лѣтъ; мыслю: скоро будетъ она москою! — Да, пріѣхалъ ко мнѣ братъ Лильяны и говоритъ: любить она другаго, не ѣзди, не бери се въ жены по отцовской волѣ... — Правда ли то? — спросилъ я. Онъ положилъ руку на сердце! — Ну! будь счастлива Лильяна — не пасивать сердце!»

— И она измѣнила? — вскричалъ я, тронутый разсказомъ его.

«Надъ сердцемъ двѣ волн, брате, свол, да Божья.

* Заря.

Я отписалъ къ отцу, да бы не ждалъ меня, а сестрицъ возвратилъ залогъ... Богъ съ нею! Ту ни каке надежде, ни другаго суда, ни спасенья нема! Ништа не поможе, кадъ сердце отъ сердца отпаде!

— Можетъ быть, ее принудила мать отказать отъ васъ?

«Кадъ не ма у своего сердца совѣта, чуждое сердце править его на всѣ четыре страны!

— Чтожь вы: писали къ невестѣ своей и ея отцу? —

«Отписалъ кратко: «Отчизна моя Сербія вздымаетъ оружье на своего притѣснителя Турка; не время мнѣ думать теперъ о женитбѣ; ѣду на родину, на воеванье; *бритка сабля* моя невеста!... Нек погинеть юнакъ на юнашству!»

Сими словами онъ перервалъ разсказъ свой и упорно молчалъ. Съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я на его суровое, но пріятное лицо. Странны казались мнѣ высказанныя имъ понятія, но сколько было въ нихъ снисходительности къ слабому сердцу! Безъ жалобъ на судьбу и на людей, онъ покорялся предопредѣленію, не смотря на то, что для души его не оставалось уже счастья на землѣ. Съ Лильной все для него погибло, но такъ рѣшительно отказать отъ всѣхъ надеждъ, такъ сурово поступить съ самимъ собою... то было бы не понятно, не возможно для каждаго, кто сколько нибудь дорожить жизнью и ея соблазнами!

На другой день, рано, мой добрый Сербъ сказалъ мнѣ: «Ну, айде путемъ съ миромъ! Не забудь Сербина Радоя Вранковича!»

— Не забуду! — отвѣчалъ я, и пустился въ дорогу, сопровождаемый двумя Арнаутами изъ Сербовъ.

VII.

Черезъ два дня я былъ уже въ Леовскомъ карантинѣ. Шестнадцать дней, проведенныхъ въ немъ, среди атмосферы, изобрѣтенной Гитономъ де-Морво, показались мнѣ столѣтіями, во время которыхъ повторилось все прошедшее, со всѣми своими загадками, радостями и горемъ.

Эту тоску вознаградило свиданіе съ братомъ въ Бендерахъ. Но я у него недолго пробылъ; онъ былъ снисходителенъ къ торопливому моему сердцу. Черезъ двѣ недѣли я уже подвѣзжалъ къ Москвѣ. Сердце не находило мѣста въ груди. Близость къ счастью выразилась во мнѣ страданіемъ; черныя мысли пугали меня: то думалось мнѣ, что я уже опоздалъ, Елена влюблена въ другаго — и я приказывалъ ямщику ѣхать тише; то отецъ выдавалъ ее насильно, и она умирала отъ тоски, молила меня чтобы я торопился — и я гналъ ямщика.

Подвѣзжаю къ дому Мемнона; ворота заперты; ставни притворены... я вздрогнулъ... Что это значитъ? Гдѣ Мемнонь? Дворникъ не знаетъ.

Я остановился у своихъ родныхъ; на другой же день узналъ я, что Елена въ Москвѣ. Но какимъ образомъ явиться мнѣ въ домъ?

Я рѣшился написать письмо къ ея матери; просилъ ее уведомить меня о Мемнонѣ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я отвѣта; отвѣтъ принесли... «Одѣваться!» вскричалъ я, какъ безумный. Мать Елены писала: «Ожидаю васъ къ себѣ, и лично хочу поговорить съ вами о вашемъ другѣ.»

Черезъ нѣсколько минутъ, я уже былъ передъ нею; она приняла меня, какъ роднаго, представила мужу своему, какъ друга его племянника Мемнона, и поразила меня извѣстіемъ, что Елена больна, и что они

пріѣхали въ Москву для пользованія водами. Я едва могъ продолжать разговоръ, когда она сказала мнѣ о томъ.

Тщетно ожидалъ я выхода Елены; потерявъ надежду ее видѣть, собирался уже домой, по слова отца и матери: мы васъ ожидаемъ обѣдать, попросту, безъ чиновъ, какъ роднаго, — оживили меня. Еслибъ и взоръ Елены подтвердилъ то же! Но ее не было...

Я пріѣхалъ къ обѣду. Елена не вышла къ столу, но отецъ, и особенно мать Елены, такъ занимались мной, такъ осыпали разспросами и ласками, что не было мгновенія, которое могъ бы я посвятить мысли объ Еленѣ.

Во время утренняго визита я такъ былъ разсвѣянъ, что забылъ спросить о Мемнонѣ; за обѣдомъ однакожь я вспомнилъ объ немъ.

— Такъ и вы не имѣете никакого извѣстія объ немъ? — сказалъ отецъ.

«Рѣшительно никакого — отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

— А я только что хотѣлъ отъ васъ узнать что нибудь. Можетъ быть, дружбу онъ предпочитаетъ родству.

«Богъ знаетъ что съ нимъ сдѣлалось: онъ вдругъ пропалъ изъ Москвы; даже не простился съ нами — сказала мать — и съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу.

— И никто не знаетъ, куда онъ поѣхалъ? — спросилъ я.

«Никто; однакожь до насъ дошли новости очень непріятныя: говорятъ, что онъ совсѣмъ потерялся.

— Мемнонъ потерялся!

«Да! Слава недобрая — продолжалъ отецъ. — Влюбился въ какую-то горничную и увезъ ее; про-

далъ свое имѣніе близъ Москвы, купилъ другое въ захолустѣ и никого знать не хотѣть... Впрочемъ, и хорошо дѣлаетъ... Послѣ подобнаго поступка возможно ли показываться на глаза?

— О, не можетъ быть! — вскричалъ я невольно. — Мемнонъ не унижится до такой степени!

«Э-эхъ, молодой человекъ! чего не дѣлаетъ своя воля и богатое наследство? Рано Мемнонъ вышелъ изъ отцовскихъ рукъ — вотъ вся бѣда.

— Неужели вы не знали Мемнона и понятій его, что такъ говорите объ немъ — хотѣлъ я сказать, какъ вдругъ вошла Елена — я оиѣмлялъ, смотрѣлъ на нее... и не вѣрилъ своимъ глазамъ... Та ли это Елена, которую я видалъ, не болѣе, какъ за нѣсколько мѣсяцовъ? О, это была та же Елена, но съ томнымъ взоромъ, вмѣсто живаго, съ блѣдностію на лицѣ, вмѣсто румянца; слабая, вмѣсто воздушной, быстрой; молчаливая, вмѣсто игривой, беззаботной, говорливой Елены.

— Вы не узнаете меня? — сказала она тихимъ голосомъ, съ насильственнымъ улыбкою.

«Она теперь еще поправилась — сказала мать — воды ей помогли!...

— Богъ знаетъ! — сказала Елена на слова матери.

«Твоя собственная неосторожность виною болѣзни твоей — продолжала мать. — Пришла же охота сидѣть по вечерамъ на крыльцѣ... Это было вскорѣ послѣ вашего отъѣзда... осень была сырая... долго ли простудиться...

Я покраснѣлъ отъ словъ: «вскорѣ послѣ вашего отъѣзда!» Ахъ, Елена, Елена! ты пожертвовала для своей грусти здоровьемъ! думаю я, взглянувъ на нее, и мнѣ казалось, что слова матери и ее пристыдили. Какъ она была хороша! Задумчивость ея принадлежитъ мнѣ, говорило мое сердце. — О, Мем-

нонь! еслибы ты былъ здѣсь, ты передалъ бы ей мои чувства... Но объясняться самому... вѣка пройдутъ — и я не осмѣлюсь сказать Еленѣ, что я ее люблю.

Меня принимали какъ роднаго; часто проводилъ я по цѣлымъ днямъ близъ Елены, но болѣзненная слабость какъ будто пересиливала чувства — и она была задумчива, грустна, молчалива, а я становился чашь отъ часу дичѣе, не зналъ, что говорить, боялся даже встрѣчаться съ ея взорами.

Курсъ водъ былъ конченъ — и все кончено! думалъ я. Начались сборы, и я готовился уже на разлуку, но неожиданное приглашеніе отъ отца и матери, ѣхать съ ними въ деревню, оживило все мои надежды.

Во время дороги, я никому не уступалъ заботъ о спокойствіи Елены. По пріѣздѣ въ деревню, мнѣ было дано право водить Елену подъ руку во время прогулокъ, которыя предписаны были ей докторомъ. Я ходилъ съ ней, часто одинъ; говорилъ ей обо всемъ, кромѣ того, что хотѣлъ бы сказать ей, а она была постоянно уныла. Дни проходили; мы какъ будто таили другъ отъ друга чувства свои, и кажется, вѣчно остались бы въ такомъ грустномъ положеніи, еслибы сама мать не начала говорить мнѣ объ Еленѣ.

— Елена совершенно перемѣнилась — сказала она — но эта перемѣна не можетъ быть слѣдствіемъ болѣзни... Мнѣ кажется, что и у нея и у васъ есть какая нибудь тайна... Не знаю, кого перваго допросить?... За чѣмъ же таить отъ отца и матери? — И съ этими словами она такъ проникательно взглянула на меня, что я вспыхнулъ, и, какъ безумный, схватилъ ея руку и началъ цѣловать.

— Мемнонь говорилъ мнѣ... продолжала она. —

Счастіе Елены для меня всего дороже... я нисколько не противлюсь... Мужъ мой также васъ полюбилъ...

«О, какъ я счастливъ! — вскричалъ я, и кажется, тысячу разъ повторялъ ей одно и то же, между тѣмъ, какъ она называла уже меня сыномъ своимъ и читала наставленія о вѣчной любви къ женѣ, о вѣрности, объ обязанностяхъ мужа, о приданомъ... и наконецъ взяла меня за руку и — я очутился передъ отцомъ.

— Жена объявила мнѣ ваше желаніе — сказала онъ — я не прочь.

Призвали Елену, спросили ея согласія. — Отъ вашей воли завишу я — отвѣчала она — и отецъ и мать благословили насъ.

Въ восторгѣ собственномъ, мнѣ казалось, что все раздѣляло мои чувства. Задумчивость Елены приняла въ глазахъ моихъ другой смыслъ: это томность любви, которая такъ пристала ко всякой женщинѣ; это нетерпѣливость сердца насладиться скорѣе счастіемъ, — думалъ я, и во все непродолжительное время приготовленій къ свадьбѣ былъ въ какомъ-то припадкѣ безумія, отъ котораго опомнился тогда уже, когда мысль: «она твоя!» пробудила меня отъ очарованія.

Чтожь она не радуется? Чтожь она такъ холодна? Чтожь она не сожметъ меня въ своихъ объятіяхъ и уста ея неподвижны? Неужели отъ болѣзни изсякъ въ ней весь огонь любви? Чтожь она не отвѣчаетъ на ласки ласками?

Я сталъ мужемъ Елены, но съ первыхъ минутъ сбывчивости желаній она заразила меня своею грустью, задумчивостью и молчаливостью, только не холодностью — нѣтъ, я не могъ быть холоденъ къ ней! Какъ птицеловъ, я разставлялъ силки, чтобы

изловить нѣжное чувство ея ко мнѣ, но оно въ ней, кажется, и не водилось никогда, какъ райская птица на сѣверѣ.

Медленно проходили дни; о Мемнонѣ я не имѣлъ ни какихъ извѣстій. Въ одно и то же время ни дружбы, ни любви — тяжко!

Черезъ годъ счастье порадовало меня рожденіемъ прекраснаго младенца, совершенно похожаго на мать свою. Какъ будто замѣняя чувства ея, онъ мнѣ улыбался — и мнѣ казалось, что улыбается мнѣ сама Елена.

Я почти не отходилъ отъ него, когда онъ спалъ; садился близь колыбели и ожидалъ его пробужденія.

Однажды, я упомянулъ о Мемнонѣ при нлѣвѣ, которую наняли мы для ребенка.

— Позвольте узнать — спросила она — не про Мемнона ли Васильевича вы изволите говорить?

«Ты его знаешь?»

— Врядъ ли у кого еще есть такое имя — сказала она — потому-то я и узнала его.

Въ самомъ дѣлѣ, отецъ Мемнона выбиралъ всегда странныя, малоупотребительныя имена для дѣтей своихъ: сестра Мемнона называлась Ѳомандой.

— Но гдѣжь ты знала Мемнона? — спросилъ я.

«Онъ бывалъ въ нашемъ домѣ — отвѣчала няня. — Ахъ! сударь, еслибы вы порадовали меня — продолжала она, вздохнувъ — не изволите ли вы знать чего нибудь про Вѣру Ивановну?»

— Про Вѣру Ивановну? — повторилъ я.

«Какъ бы хотѣлось провѣдать мнѣ про этого ангела! Достигъ ли-то Мемнонъ Васильевичъ до своего желанія?»

— Но кто такая Вѣра Ивановна?

«Она, сударь, — отвѣчала няня смутясь, — она

благородная, воспитанница барыни... Барыня взяла ее къ себѣ на воспитаніе изъ своей дальней деревни, что купилъ Мемнонъ Васильевичъ...

— Онъ купилъ деревню?

«Село Шарково — продолжала няня. — Барыня думала, что онъ женится на барышнѣ, а онъ полюбилъ Вѣрочку; барыня прогнѣвалась, да и послала ее въ деревню, а Мемнонъ Васильевичъ узналъ что она приписана къ селу Шаркову, и купилъ село... Да, отъ барыни не утаилось — она и отошла голубушку дочьку свою въ сосѣдскій монастырь, на руки къ знакомой игуменьѣ, чтобы хоть постричь ее, да не выдавать Мемнону Васильевичу.

— Дочь свою! спросилъ я съ удивленіемъ.

«Виновата: Вѣру Ивановну, сударь, не дочьку, ей Богу, не дочьку! — почти вскрикнула спохватясь няня.

Разсказъ няни пояснилъ мнѣ недобрые слухи про Мемнона; я не заботился о подробностяхъ, въ которыхъ должно было что нибудь скрываться; мнѣ нужно было знать только гдѣ онъ. Распросивъ въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ село Шарково, я немедленно пустился въ дорогу.

VIII.

На пятый день, я подъѣзжалъ уже по проселку, извивающемуся между волнами золотыхъ колосевъ барскаго поля, къ селенію, которое тянулось въ одну линію, подъ грустными словыми лѣсомъ. То было Шарково. Прѣхавъ рядъ курныхъ избъ и деревянную церковь, я увидѣлъ помѣщичій дряхлый домъ, съ полуразрушенною оградой; дворъ заросъ густою травою, какъ заповѣдной лугъ; повсюду запустѣніе.

Куда я прѣхаль? Можетъ ли быть, чтобы здѣсь жилъ Мемнонъ? — думаль я, приказывая остановиться подлѣ воротъ. Кого спросить? Тутъ, кажется, ни души нѣтъ. Въ сторонѣ, подлѣ дома, гдѣ висѣла на перекладинѣ деревянная сторожевая доска, пошевелилась человѣческая фигура — это былъ съдой старикъ, съ клюкою въ рукахъ.

Соскочивъ съ брички, я подошелъ къ нему.

— Кто здѣсь помѣщикъ?

«Помѣщикъ?» — отвѣчалъ онъ, снявъ шапку и почесывая голову.

— Не Мемнонъ ли Васильевичъ Пальмирскій?

«Такъ, такъ, ... бояринъ.

— Дома онъ?

«А можетъ и дома; спрошу у его милости дворецкаго.

Я взбѣжалъ на крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышелъ слуга. Я узналъ въ немъ слугу Мемнона. Онъ такъ обрадовался мнѣ, что началъ цѣловать мои руки.

— Гдѣ баринъ?

«Въ монастырѣ, сударь.

— Какъ въ монастырѣ?

«Они изволятъ каждый день ходить къ обѣдни въ сосѣдскій монастырѣ.

— Мемнонъ, Мемнонъ! — вскричалъ я. — Чтожь вы тутъ дѣлаете?

«Богъ знаетъ что. Вотъ ужъ съ полгода прѣхали, и живемъ, какъ изволите видѣть...»

Вслушиваясь въ слова стараго Никона, я проходилъ между тѣмъ по комнатамъ, въ которыхъ воздухъ былъ зараженъ гниlostью; на стѣнахъ обои покрыты были пылью и паутиною; кое-гдѣ стояли дряхлыя столики и стулья, на которыхъ изъ-подъ оборванной кожи торчала клочьями конская шерсть;

стеклы въ окнахъ отъ времени потускнѣли, сдѣлались радужнаго цвѣта; въ одной изъ угловыхъ комнатъ стояло старое канапе, на которомъ раскинута была бурка, и въ головахъ лежала коженатъ подушка; у стѣнъ пустые шкапы съ отбитыми дверцами....

— Боже мой! неужели здѣсь живетъ Мемнонъ?

«Какъ видите, сударь, — отвѣчалъ Никонъ съ слезами на глазахъ, и сталъ рассказывать мнѣ про барина своего.

— Такой богомольной сталъ, что и Богъ въдаетъ — говорилъ онъ — посадить меня подлѣ кровати, да и велить читать, а самъ лежитъ, какъ мертвый. А какъ прослышитъ колоколь въ монастырѣ, вскочитъ и идетъ.... станеть на паперть, да и молится. Вотъ ужъ полгода ведемъ такую жизнь.... Хотъ бы вы уговорили его....

«Скоро онъ будетъ?

— Теперь скоро.

Я бросился на канапе, закрылъ лицо руками, и не могъ слушать ропота старика на своего барина; судьба Мемнона приводила меня въ содроганіе.

— Дай мнѣ чаю, Никонъ — вскричалъ я, чтобы удалить его отъ себя.

— Чаю? — отвѣчалъ онъ, горько улыбувшись — да, мы, сударь, позабыли, какъ и пьютъ-то его!

Я взглянулъ на Никона и не зналъ что говорить.

— Развѣ молочка прикажете.... Баринъ ничего не изволитъ кушать, кромѣ хлѣба, да воды.

Никонъ вышелъ, а я, какъ полоумный, вскочилъ съ мѣста и заходилъ по комнатамъ — думаль о Мемнонѣ, о себѣ, думаль о прошедшемъ, сравнивалъ надежды юности съ наступившею дѣйствительностью, какъ роскошный цвѣтъ съ плодомъ, побив-

тымъ судьбой — некаль: не осталось ли чего ни-
будь для будущности? — и не находилъ.

— Баринъ идетъ! — вскричалъ вдругъ приближав-
шій Никонъ.

Я бросился на встрѣчу, и почти безъ словъ
упалъ въ объятія блѣднаго, со впалыми глазами че-
ловѣка, въ длинномъ черномъ сюртукѣ.

— Ну, счастливъ ли ты? — спросилъ онъ меня.

Безгласно смотрѣлъ я на Мемнона и снова обни-
малъ его; слезы катились изъ глазъ моихъ градомъ.

— Елена твоя — продолжалъ онъ — кому же
ей принадлежать кромѣ тебя, котораго она любитъ?
Я это видѣлъ; отецъ прочилъ ее за Серба Вранко-
вича, но я откровенно сказалъ Вранковичу, что она
не можетъ быть его женою, потому, что любитъ
другаго. Добрый Сербъ отказался отъ правъ на руку
Елены, не имѣя правъ на сердце.

«Вранковича, Вранковича? — повторялъ я совер-
шенно безотчетно, и мнѣ казались слова Мемнона
насмѣшкою — я смотрѣлъ на него безумнымъ взо-
ромъ.

— Обними же меня еще — повторилъ онъ. — Я
радъ, что ты обязанъ мнѣ чѣмънибудь... Ты сча-
стливъ и для меня довольно....

— О, спасибо, спасибо, другъ! — вскричалъ я, сжи-
мая его въ судорожныхъ своихъ объятіяхъ.

— И я счастливъ — продолжалъ Мемнонъ —
хоть, можетъ быть, не всякій пойметъ счастье мое...
Пойдемъ, я тебѣ расскажу.

Молча проходилъ я съ Мемнономъ по пустымъ
комнатамъ до его спальни.

— Ты счастливъ? — сказалъ я, безъ всякаго вниманія,
сядая подлѣ него на канане. Въ то время въ мы-
сляхъ моихъ были Елена, Сербъ и самъ я... три
существа, погибшихъ для счастья.

«Еслибы ты видѣлъ — вскричалъ Мемнонъ, вспле-
снувъ руками — еслибы ты видѣлъ ее! Я не въ
состояніи описать тебѣ красоты, которая выше
человѣческаго понятія!... Я могу только назвать
ее по имени.... ее зовутъ Вѣрой!... Я могъ бы
тебѣ показать ее, да это было бы соблазномъ
чувствъ; я и самъ не смѣю на нее смотрѣть... До-
вольно появленія, присутствія ея, чтобы испытать
всю полноту блаженства, какое только возможно на
землѣ... Не спрашивай меня, кто она!... Къ чему
этотъ вопросъ? — Ты видишь: я здѣсь не въ кру-
гу людей, которымъ нужно имя, званіе, значеніе въ
свѣтѣ для тѣхъ, кого они хотятъ удостоить своей лю-
бовью или дружбою... Это не какая нибудь свѣтская
красавица, которая никуда негодна безъ своего бо-
гатства, пышныхъ украшеній, безъ выученныхъ
приличій и пріемовъ, безъ своихъ титуловъ и золо-
та... Нѣтъ! она не героиня романа, которую не
чувствуя любви, можно увѣрять въ любви; съ ко-
торой одно наслажденіе — объятія; которую мож-
но осыпать нечистыми поцѣлуями и потомъ воз-
ненавидѣть... Нѣтъ! она недоступное существо для
всего, что пахнетъ землею!... О, добра ближняя,
искренняя моя! Вся добра и порока нѣтъ въ ней!...
Голубица моя въ покровѣ каменнѣ!...

Я слушалъ Мемнона и невольно забылъ собствен-
ную судьбу; онъ пробудилъ во мнѣ состраданіе.

— Другъ мой — продолжалъ онъ — ты знаешь
сладость любви, тебѣ понятны всѣ наслажденія
взаимности, но ты обладаешь чувствами той, кото-
рую любишь: ты властелинъ ея, съ той минуты,
какъ она твоя; ты все для нея, у тебя нѣтъ счаст-
ливаго соперника....

«Счастливаго соперника! О, не говори Мемнонъ
обо мнѣ, говори о себѣ!... Ты несчастливъ!...

— Я несчастливъ? Кто тебѣ сказалъ?— возразилъ онъ съ удивленіемъ. Нѣтъ! счастья моего не нарушатъ люди всѣми своими ухищреніями и соблазнами... Знаешь ли ты... еслибы она посвятила мнѣ миллионную долю святаго чувства, которое питаетъ къ *Нелу*, какъ бы я былъ блаженъ! Отъ утра до вечера и отъ вечера до утра я все бы молился; ни одного мгновенія не помрачилъ бы, ни задумчивостью, ни печальнымъ вздохомъ... Но это слишкомъ... Глупо добиваться слова: *люблю*, когда чувство говоритъ яснѣе взорами!... Нѣтъ! прочь сомнѣнія!... Я видѣлъ — для чегожь взоръ повѣрять слухомъ?... Да, мой другъ, я видѣлъ, я чувствовалъ, что я...

Мемнонъ бросился ко мнѣ на шею, и почти шопотомъ произнесъ: «*Я люблю!*»...

— Да, слушай: она прошла мимо меня, взглянула на меня, приложила руку къ сердцу и подняла взоръ къ небу... Довольно ли этого? а? скажи мнѣ, другъ мой?... Чтожь ты молчишь?... Подѣлился со мною счастьемъ: во мнѣ избытокъ его.... Обойми меня!

Глаза Мемнона сіяли радостью; крупныя слезы выступили на нихъ; я сжалъ его въ объятіяхъ, и мы оба зарыдали. То былъ дѣлежь земнаго счастья — счастья земнаго!

— Ты повимаешь меня — продолжалъ Мемнонъ — потому, что ты любишь и любимъ!

Что было мнѣ отвѣчать на его слова? Они сдавили мнѣ сердце, и казалось, что вмѣсто слезъ, текла кровь изъ глазъ моихъ.... Я не могъ и не хотѣлъ упрекать Мемнона за судьбу свою, не могъ и смотрѣть на него, не въ состояніи былъ выносить его взоровъ. «Безуменъ онъ — думалъ я — смѣется онъ самъ надъ своей судьбой, или верхъ несчастія такъ же сладостенъ для человѣка, какъ верхъ счастья?»

— Неужели ты останешься здѣсь навсегда?— спросилъ я его.

«Куда жь мнѣ ѣхать? Бѣжать отъ счастья? — отвѣчалъ онъ, смотря на меня съ удивленіемъ.

— У тебя есть родные; ты еще молодъ; ты обязанъ жить не для одного только себя, но и для другихъ, принести какую нибудь пользу людямъ...

«Я думалъ объ этомъ, другъ мой! — отвѣчалъ онъ. — У меня есть имѣніе; я отдамъ все роднымъ и бѣднымъ; мнѣ ничего не нужно здѣсь...

Напрасно уговаривалъ я его возвратиться въ свѣтъ, хотя слова мои и противорѣчили чувствамъ: я самъ готовъ былъ бѣжать отъ всюду, гдѣ живетъ мое земное счастье, отъ всюду, гдѣ говорятъ о любви и надеждахъ; отъ всюду, гдѣ люди могли бы спросить меня съ участіемъ: отъ чего ты мраченъ? что тебѣ измѣнило на землѣ? — Но я сравнилъ судьбу свою съ судьбою Мемнона. Онъ имѣлъ право жаловаться на людей, а я на кого долженъ былъ роптать? Мнѣ ни дружба, ни любовь не измѣняли... Я все получилъ, чего желалъ... все, кромѣ сердца Елены!... Оно не было въ распоряженіи людскомъ.... Елена ли виновата?... О, обманутый самимъ собою, я погубилъ ея благо, вмѣстѣ съ человѣкомъ, отъ котораго оно зависѣло...

Слова Вранковича: «надъ сердцемъ двѣ воли: своя, да Божья.» звучали надъ ухомъ, и Сербъ, добрый Сербъ, какъ вкопанный, стоялъ передо мною съ стаканомъ въ рукахъ, повторяя: «пій руино вино, за здравье моей сестрицы! Была у меня сестра, да не стало!...»—Ты счастливъ!—повторялъ мнѣ Мемнонъ — я радъ, что ты обязанъ счастьемъ моей дружбѣ!

—Что это значить, Мемнонъ?—спросилъ я, когда ему подали, вмѣсто обѣда, хлѣба и воды.

«Это моя обыкновенная пища — отвѣчалъ онъ.

— Я не чувствую потребности въ другой, а потому и не употребляю.

— Не убійство ли это плоти?

«Нѣтъ! я отказываюсь только отъ наслажденій, которыя она мнѣ предлагаетъ въ замѣнъ духовныхъ. Что мнѣ въ тучности и красотѣ ея, если я долженъ отдать всѣ мои чувства и желанія въ рабство ея прихотямъ?... Она, какъ хитрая жена, овладѣвъ волею своего мужа, расточить все богатство его съ своими любимцами, лишитъ добраго имени, сведетъ съ ума, и погубитъ себя и мужа.

— Слабъ тотъ мужъ, который изъ болзни, чтобы жена не овладѣла имъ, держитъ ее въ заперти, на хлѣбъ и на водѣ! — сказалъ я. — Мнѣ кажется, согласія и взаимнаго довольствія должно добиваться въ такомъ союзѣ.

«Другъ мой, другъ! — сказалъ Мемнонъ — и она и онъ могутъ жить согласно, счастливо, роскошно, наслаждаться взаимно безъ грѣха; но... если онъ ослѣпленъ, и не видитъ уже ничего предъ собою — не заставить ли любовь къ нему и ее отказаться отъ всего?...

— Бѣдный! не ты ослѣпленъ, а она! — хотѣлъ я сказать, но въ отдаленіи послышался звонъ колокола.

«Къ вечерни! — сказалъ Мемнонъ, вскочивъ съ мѣста, и забывая о моемъ присутствіи, онъ торопливо пошелъ.

— Въ монастырь, сударь, пошелъ — сказалъ Никоно, вздыхая.

Любопытство заставило меня идти въ слѣдъ за Мемнономъ.

Монастырь былъ не далѣе версты отъ дома, въ вершинѣ лѣсистой лощины.

Я видѣлъ, какъ смиренно вошелъ Мемнонъ въ цер-

ковь и сталъ у стѣнки. Сотворивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, не поднимая глазъ, онъ поклонился на всѣ стороны, хотя въ храмѣ почти никого еще не было. Монашенки пѣли на крылосахъ, и рядъ ихъ стоялъ у стѣны, противъ алтаря. Я замѣчалъ, куда обратить Мемнонъ взоры свои, но онъ былъ полонъ молитвы; взоры его были поникнуты, съ какою-то болзнью взглянуть на все его окружающее.

Передъ окончаніемъ вечерни раздался колокольчикъ; сквозь толпы богомольцевъ поселянъ пришли двѣ монашенки, одна съ кружкой, другая съ серебрянымъ блюдомъ.

Я смотрѣлъ когда онъ приблизились къ Мемнону, и, можетъ быть, только я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ, поклонившись ему, приложила руку къ груди и подняла взоръ къ небу.

Надобно было видѣть и ее и Мемнона, протягнувшаго руку къ блюду, чтобы положить серебряную монету.

Она была полна красоты печальной. То былъ ликъ благочестія и смиренія. Я смотрѣлъ на Мемнона, на нее, думая о судьбѣ еще трехъ существъ, и молился, не чувствуя, что слезы падали изъ глазъ моихъ. Не въ силахъ былъ я переносить долго положеніе Мемнона; на четвертый день я простился съ нимъ.

— Торопись — сказалъ онъ — тебя ожидаютъ объятія любви.

Я поѣхалъ. — Слова Мемнона: «тебя ожидаютъ объятія любви» — создавали въ мысляхъ моихъ волшебныя обители блаженства, посреди благоухающихъ роцей, на островахъ, обмываемыхъ живыми струями серебряныхъ водъ. Чья-то жизнь, посреди сихъ очарованій, полна была нѣги и взаимности. Вся природа, казалось, слушала, что шепчутъ другъ

другу два счастливыхъ существа; поцѣлуй раздавался посреди благоговѣйнаго затишья, говора струй, шелеста листьевъ, пѣсней птицъ.... Ахъ, Елена, Елена! всѣ мои воздушныя зѣмки рушились... заглохла природа во кругъ мрачныхъ развалинъ... а эти развалины были мои надежды! Давно ли создавалъ я все это великолѣпіе въ мысляхъ своихъ? Еслибы хоть память погибла о томъ, что тутъ было, еслибы и она обросла плющомъ!... Тутъ на корѣ пихты вырѣзано мое и ея имя вмѣстѣ — они разрастаются нераздѣльно... На это имѣеть право только взаимность — срѣзать ихъ!

Домой ѣду я — тороплюсь къ женѣ... Какъ страшно это имя, когда нѣтъ при томъ мысли: «Она ждетъ меня! Сердце ея болитъ въ разлукѣ со мною!»

IX.

Вотъ открылась Москва въ отдаленіи. Страшно было мнѣ на нее смотрѣть!

Вотъ направо и налѣво шумъ — нѣтъ ни къ чему вниманія, ни въ душѣ, ни въ чувствахъ!

Вотъ домъ мой — толпа людей выбѣжала на встречу, провожаетъ меня — нѣтъ ни къ кому вниманія ни въ душѣ, ни въ чувствахъ!

Я вбѣжалъ въ свою комнату, сбросилъ съ себя дорожное платье, сѣлъ, задумался; голова припала на руку...

— Что съ тобою, мой другъ? — раздалось подлѣ меня.

То былъ тихій голосъ Елены; она припала ко мнѣ на плечо и повторила вопросъ свой.

— Здравствуй, Елена! — сказалъ я, боясь взглянуть на нее и не смѣя обнять ее.

Попечительно ухаживала Елена за мной; она думала, что я боленъ, что меня разбила дорога.

«Какъ милы, радушны ея попеченія!» думалъ я. «Еслибы къ участию жены придать участіе любви! О, счастье мое было бы не земное! Но она не виновата: не меня избирала она для своего счастья!... И она — страдалецъ на землѣ!

Задумчивъ, молчаливъ сталъ я, не смѣлъ ласкать Елены, не смѣлъ называть ее своею — и моя ли она была? Имя мужа не даетъ права на чувства, и я не дерзалъ имъ пользоваться, не вынуждалъ непринадлежащаго мнѣ.

Мое обхожденіе невольное было почитательно съ нею; я даже избѣгалъ быть вмѣстѣ съ Еленой.

Однажды, случайно, я вошелъ въ ея комнату; она торопливо отерла слезы.

«Она плачетъ по немъ!» подумалъ я. «Какъ свѣжо всегда воспоминаніе несчастной любви!»

Не желая нарушить ея горя... о! я испыталъ, какъ сладки минуты слезъ!... я хотѣлъ выйти.

— Другъ мой! — сказала она — сядь подлѣ меня.

Трепетъ пробѣжалъ по мнѣ отъ словъ, произнесенныхъ съ такою нѣжностью, какой никогда я не слыхивалъ.

Повинуясь Еленѣ, я сѣлъ подлѣ нея. Она взяла меня за руку.

— Ты совсѣмъ перемѣнился, съ тѣхъ поръ, какъ былъ у брата — сказала она, приклоняясь къ моему плечу.

«Нисколько, — отвѣчалъ я, не зная что отвѣчать.

— Нѣтъ! ты перемѣнился, ты перемѣнился ко мнѣ... Ты меня не любишь! — продолжала она тихимъ голо-

сомъ, смотря мнѣ въ глаза взорами, на которыхъ навертывались слезы.

Какой страшный вопросъ для того, кто любить! Я не зналъ, что говорить мнѣ. Какъ было рѣшиться сказать, что я знаю ея тайну? Къ чему жь ей любовь моя, если она любитъ другаго? Неужели это притворство?

Я хотѣлъ скрыть отъ Елены и свое смущеніе, и ея собственную тайну.

Она снова взглянула на меня, и вскочивъ съ мѣста, принесла младенца — моего сына.

— За что ты такъ равнодушень къ его матери! — произнесла она сквозь слезы.

Я схватилъ младенца и заплакалъ.

Елена поблѣднѣла, затряслась, припала на диванъ, закрыла лицо платкомъ и — ни слова! Она поняла все.

— Елена! — вскричалъ я, взявъ ее за руку.

«Я ни въ чемъ не виновата передъ тобою,» произнесла она наконецъ.

— Елена — повторилъ я — мы оба не виноваты! Судьба соединила насъ... Если бы я зналъ... что сердце твое не свободно...

«Постой, не говори — сказала она, схвативъ меня за руку — дай мнѣ придти въ себя... я тебѣ все скажу... я виновата предъ тобою... я скрывала...

Слова ея прервались; я молчалъ, хотѣлъ встать, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатамъ, не зная, чѣмъ утишить волненіе крови. Елена удержала меня.

— Не оставляй меня... выслушай признаніе — сказала она, — я вижу — ты знаешь, что я любила... Отецъ мой самъ, можетъ быть, внушилъ въ меня любовь къ воспитаннику своему; отецъ мой желалъ

выдать меня за него замужъ... Но онъ самъ отказался отъ меня... Это меня убило сначала; долго не могла я изгнать изъ себя привязанности, но, уже замужемъ за тобою я опомнилась; любовь твою ко мнѣ изгнала даже воспоминаніе... Я хотѣла сказать тебѣ, оправдать себя за равнодушіе, съ которымъ принимала твои ласки, но я боялась, медлила — и это обратилось въ новую задумчивость во мнѣ, и ты самъ сталъ ко мнѣ равнодушнѣе. Я плакала въ тайнѣ, любила тебя и не смѣла показать того — о, я тебя люблю!... Неопытное мое сердце могло только безумно грустить по человѣку, который самъ забылъ меня, но, согласись же, могла ли остаться во мнѣ хоть искра любви къ тому, кто измѣнилъ?

— Елена, Елена! а если онъ не измѣнилъ тебѣ? Если его обманули?

Елена остановила на мнѣ взоръ свой съ недоумѣніемъ, и я сталъ рассказывать ей поступокъ Мемнона и встрѣчу мою съ Вранковичемъ.

Когда я повторялъ собственные слова Вранковича: «пій руйно вино за здравье моей сестрицы Лиллы! Была у меня сестра, да не стало!» — такъ называлъ меня Радой — сказала Елена, припадая головою на грудь мою.

Когда я сказалъ: «не насиловать сердца; надъ сердцемъ двѣ воли, своя, да Божья,» я чувствовалъ пылающее дыханіе Елены и видѣлъ на глазахъ ея крупныя слезы.

— Ты жалѣешь Радой? — спросила она меня, когда я кончилъ рассказъ.

— О, я жалѣю его, я люблю его! — отвѣчалъ я. — Я былъ бы счастливѣе... но я не виноватъ... Судьба лишила насъ всѣхъ трехъ счастья!...

«О, нѣтъ, другъ мой! то воля Провидѣнія: оно премудро — сказала Елена голосомъ ангела утѣши-

теля. — Мы должны Его благодарить; по волю Его я твоя, и всё во мнѣ твое. Не самъ ли Радой сказалъ, что надъ сердцемъ двѣ воли: своя да Божья? Богъ заботится о нашемъ счастьи, и мы должны любить то, что онъ намъ даетъ; мое счастье все въ тебѣ было предназначено; почему знать: можетъ быть, и Радой гораздо счастливѣе будетъ съ другою? Онъ не повѣрилъ бы такъ легко словамъ Мемнона...

— Елена! это доказываетъ только его довѣрчивость къ людямъ: могъ ли онъ думать, что братъ твой скажетъ ему неправду?... Мемнонъ такъ ужасно обманулся самъ!... Онъ думалъ только о моемъ счастьи... о счастьи друга.

«Нѣтъ, нѣтъ! Радой прѣхалъ бы самъ!... Но... все равно: я отказалась даже отъ воспоминаній объ немъ, съ минуты полученія его письма... А потомъ я стала любить, сперва свой долгъ, а наконецъ... тебя только люблю!

Елена держала мою руку, и смотрѣла въ глаза мнѣ, какъ будто ожидая приговора ея сердцу.

Я сжалъ ее въ объятіяхъ, и никогда столько счастья не ожидалъ я отъ своей будущности! Радой былъ общимъ, невидимымъ нашимъ другомъ. Мы часто говорили объ немъ; почти каждый день спрашивали другъ друга: «Гдѣ-то теперь добрый нашъ Радой? какъ-то онъ поживаетъ?»

Я писалъ къ Мемнону; уговаривалъ его прѣхать къ намъ, хоть на нѣсколько дней; онъ не отвѣчалъ... Судьба его мучитъ меня, но есть ли средства измѣнить ее?

Здѣсь кончилась рукопись. Но вотъ какія странныя обстоятельства: Перечитывая ее, уже переписавъ

санную для изданія въ свѣтъ, я точно такъ же, какъ въ первый разъ въ Варивѣ, задумался. «Журналъ она чьей нибудь жизни, или просто журнальная повѣсть, во всемъ смыслѣ этого слова?... Вранковичъ... Ктожь этотъ Радой Вранковичъ, который одинъ только такъ живъ въ повѣсти, что хочется на него хоть взглянуть? Вранковичъ!... Странно! фамилія, какъ будто знакомая... Нѣтъ! — то Вранковичъ... Но какое-то сходство... въ темной памяти. Послушайте...

Я стоялъ въ то время на лѣвомъ берегу рѣки Прута, противъ Скулянского карантинна, когда на Молдавскомъ берегу происходила картина ужасная. Вся равнина была покрыта бѣгущимъ изъ Молдавіи народомъ, отъ войскъ Турецкихъ, которые преслѣдовали послѣдній отрядъ разбитой Этерин Инсиланти. Вся эта толпа, въ коляскахъ, въ каруцахъ, верхомъ, пѣшкомъ, съ страхомъ, говоромъ и шумомъ тѣснилась къ переправѣ на нашу сторону. Пыль стояла тучей по дорогѣ изъ Яессъ.

Вдали за горой раздавались выстрѣлы... все ближе и ближе... Вдругъ на высотахъ взвился, какъ будто столбъ вихря, разостлался по скату и пошелъ быстро къ переправѣ... Это бѣжали нѣсколько сотъ Этеристовъ, преслѣдуемыхъ Турками и выстрѣлами. Въ нѣсколько мгновеній, вся эта свалка сблизилась съ толпами народа, занимавшаго все пространство противъ переправы, и хлынувшаго отъ ужаса на паромъ и въ воду. Преслѣдуемые, Этеристы бросились вправо, въ куть рѣки, и здѣсь еще думали обороняться и удержать напоръ Турковъ единственною пушкою, заряжаемою остатками гвоздей. Но Турки выставили противъ нихъ нѣсколько орудій, и дѣло было рѣшено — все бросилось въ воду, и спасалось отъ преслѣдованія подъ кровъ нашего берега, уставленнаго войсками и орудіями. Турецкія пули мѣтко

подстрѣливали плывущихъ; по рѣкѣ заструилась кровь и поплыли трупы убитыхъ и утоншихъ къ морю. Въ то время обратилъ я особенное вниманіе на одного Эгериста, который стоялъ на колыняхъ и не переставалъ стрѣлять по Туркамъ, прикладывая ружье на лежащій передъ нимъ камень, какъ на брустверъ — онъ одинъ былъ защитою переправы товарищей своихъ, но, вѣрно, заряды его истощились всѣ; онъ всталъ на ноги, ударилъ ружье о камень и бросился въ воду — поплылъ. «Ай, Боже, Боже!» раздался на рѣкѣ, вправо отъ переправы звонкій голосъ; то была дѣвушка, которая уже утопала и молила о помощи... Эгеристъ, казалось, услышалъ этотъ голосъ издали, и поплылъ внизъ по рѣкѣ, подъ пулями Турецкими, выхватилъ дѣвушку изъ воды, вынесъ на берегъ, положилъ на землю и уналъ подлѣ нея, весь въ крови. Увлеченный чувствомъ, я бросился къ нимъ, но вспомнилъ, что насъ раздѣляетъ карантинная цѣпь. Но я видѣлъ лицо дѣвушки. По красотѣ своей, по чернымъ глазамъ, надъ которыми срослись густыя брови, и по большимъ рѣсницамъ, какъ будто отражавшимъ блескъ взоровъ лучами, и по одеждѣ, я думалъ, что она Молдаванка; длинные локоны ея смокли отъ воды и разостлались по пунцовой, бархатной, шитой золотыми спурками кацавейкѣ; на ней было бѣлое платье, и станъ перетянутъ кожнымъ поясомъ, съ большою чеканеною пряжкой. Она стояла на колыняхъ передъ своимъ спасителемъ и перевязывала ему плечо. Я не насмѣтрѣлся бы на нее, еслибы не обязанности службы. Черезъ нѣсколько дней, я пріѣхалъ снова въ Скуляны. Противный берегъ былъ уже пустъ, но за то берегъ съ нашей стороны, подлѣ карантина, былъ занятъ бивакомъ бѣжавшихъ изъ Молдавіи; они были окружены цѣпью солдатъ и выдерживали каран-

тинный терминъ. Въ раскиданныхъ толпахъ по луку, съ трудомъ нашелъ я то, чего искали глаза мои. Подъ навѣсомъ наброшеннаго плаща, на воткнутыхъ въ землю жердяхъ, она сидѣла на коврѣ подлѣ Эгериста, который лежалъ, приклонивъ голову на ея колыни. Мнѣ хотѣлось съ ней говорить; но какимъ образомъ? какъ подзвать ее къ цѣпи?

Къ счастью, мнѣ пришла мысль, что, можетъ быть, она подойдетъ покупать провизію къ маркитанту карантинному. Терпѣливо прогуливался я въ ожиданіи по берегу, не спуская съ нея глазъ. Передъ вечеромъ ожиданіе мое сбылось. Она подошла къ намету маркитанта и спросила по Молдавански *кожковау*, хлѣба и яблоковъ, опустивъ *галбиню** въ чашку съ уксуcomъ:

— *Фата формаза* — сказалъ я ей — скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?

«Миросава — отвѣчала она.

— Неужели это Молдаванское имя!

«Я не Молдаванка, я Сербка.

— Гдѣжь твои родители?

«Отецъ служилъ при Князѣ Суццо... Агой — его убили Турки...

— Съ кѣмъ же ты здѣсь?

«Съ родичемъ Сербомъ Бранковичемъ.

— Это вѣрно тотъ Эгеристъ, который спасъ тебя, когда ты утопала во время переправы? Я былъ свидѣтелемъ его добраго поступка. Онъ раненъ?

«Онъ раненъ — повторила Миросава.

— Ты любишь его?

* Золотая монета — червонецъ.

«Кого жь мнѣ любить, кромѣ его?... Самъ Богъ послалъ мнѣ его, вмѣсто отца и матери.

Миросава удалилась, а я долго еще стоялъ и думалъ: «Счастливъ тотъ, кому Богъ пошлетъ тебя — перевязать рану сердца» — прибавилъ бы я теперь, еслибъ былъ увѣренъ, что спаситель Миросавы нѣкогда любилъ Елену.

Съ тѣхъ поръ, я не видалъ уже Миросавы, но теперь, по прошествіи 18 лѣтъ, читая рукопись, припомнилъ я все обстоятельство, и почти убѣжденъ, что Этеристъ, котораго я видѣлъ, есть именно Вранковичъ, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ помнится, онъ также былъ въ черной венгеркѣ, и въ черной суконнѣ, обшитой серебрянымъ шуркомъ.

Это одинъ случай, подтверждающій истинную повѣсти; вотъ и другой, который, какъ мнѣ кажется, относится до Мемнона. Описываю слово въ слово рассказъ пожилой няньки, которая уже года съ два живетъ у меня въ домѣ.

Слушая часто, мимоходомъ, ея болтовню про всѣхъ господъ, у которыхъ она жила, мнѣ показался языкъ ея такъ оригиналенъ, что я вздумалъ написать рассказъ ея со всею простотою и болтливостью, свойственною такого рода женщинамъ, у которыхъ въ памяти много есть любопытнаго и годнаго для повѣстей и романовъ.

Вотъ что она говорила мнѣ:

«Изволите видѣть — начала она — доложу вамъ, что старая моя барыня, съ молодю, и Богъ вѣдаетъ, какъ хороша была. На балъ ли поѣдетъ, въ гости ли, или дома музыка и танцы — всѣ молодые графы, да князья такъ къ ней и ластятся — отбою нѣтъ! А матушка ея, Ульяна Петровна, строгій человекъ

была: прислушиваетъ, да присматриваетъ, чтобы какой молодець не наворожилъ чего на дѣвичье сердце. А ужъ какіе хитрые, способные, и Боже унаси! Одинъ военной, знаете, сидитъ подлѣ Лизаветы Васильевны, да что-то и шушукаетъ, а я барышнѣ стаканъ воды подношу, да и слышу, говорить: «Ахъ, сударыня моя! вездѣ я былъ, былъ и въ Аглицкомъ краю, да чтожъ то за край, гдѣ нѣтъ солнца и васъ, Лизавета Васильевна?» — Дѣвичья молодость всему вѣритъ; вѣрно, ей по душѣ было, а я не величка была, да разсудительна; думаю себѣ: видишь какой! рассказывалъ бы эти сказки не бѣлому дню, а темной ночи... Въ Аглицкомъ краю солнца нѣтъ! Да чтожъ тамъ, при свѣчкахъ что-ли люди живутъ?...

«А Лизаветъ Васильевнѣ военный смѣльчакъ пришелъ по-сердцу. Она было вздыхать, да любовныя пѣсенки попѣвать за форгопьянами, а тутъ и при-сватайся титулярный ассессоръ Иванъ Лукичъ — Ульяна Петровна и рада. Ну, говорить, Лизанька, ты уже въ порѣ невѣста, а намъ Богъ дастъ и жениха чиновнаго, человекъ служебнаго, и съ орденомъ, и съ аттестациями.

«Ульяна Петровна, знаете, сидитъ вотъ такъ въ креслахъ, Лизавета Васильевна подлѣ столика за работою, а я стою себѣ, за дверью, вяжу чулокъ, да прислушиваюсь къ словамъ. Вотъ, не успѣла еще Ульяна Петровна кончить рѣчи, а Лизавета Васильевна, какъ вспыхнетъ, да въ слезы — дурно, дурно!... Да, Ульяна Петровна небольшо смотрѣла на дурноту. Что это такое, сударыня? — говорить — да, что это, сударыня, такое? — да, какъ припустить на нее, а та сама неробка: не пойду, да и только! — Какъ? изъ материнскаго послушанія выходить? Не пойдешь? не пойдешь? — Не пойду, да не пойду! — Вонъ! Въ дѣ-

вичью! Платье долой!... Тутъ кликнула Ульяна Петровна меня... Я такъ и трясусь, сама не своя отъ страху. Приказываетъ мнѣ принести затрапезное платье... Ахъ! ты, Боже великій! ни что не беретъ!... Лизавета Васильевна сбросила съ себя шелковое платьице, да и пошла въ дѣвичью; сѣла въ уголь и ни слезинки. То-то, подумаешь, какая была она добрая, а съ той поры, что за извергъ стала! И Ульянѣ-то Петровнѣ велика нужда была насиловать душу! Три дни просидѣла Лизавета Васильевна въ дѣвичей, на хлѣбѣ, да на водѣ...—Соглашались?—Нѣтъ! Мы бывало тайкомъ принесемъ ей пирожка съ кашей — оттолкнетъ рукой отъ себя... да и только!

«Какъ прошли три дни, Ульяна Петровна и послала ей платье, да и приказала къ себѣ идти. Пойдешь замужъ? — Пойду! — говоритъ, да такимъ голосомъ сказала, что меня ужасъ взялъ. Ну, не будетъ добра! Такъ и случилось... То-то: создастъ Богъ душечку свѣтлую, ласковую — не налюбуеться на нее; а люди изнасилуютъ, да и сдѣлаютъ ехидомъ!

«Спросить бы Ивану Лукичу: угодно ли, дескать, сударыня, вручить мнѣ вашу руку и сердце? А онъ такой скромшой былъ — ни слова: женился по словамъ свахи: любить, батюшка, васъ, какъ душу любить — женился, да и покался. Меня отдала Ульяна Петровна въ приданое. Бывало, Иванъ Лукичъ приласкается, скажетъ: другъ мой, Лизанька, а она — какъ закаленная; онъ приноровить, а она такъ и рознить. Да, до того дошло, что бывало сердце кровью обливается за Ивана Лукича; отучила отъ дому и знакомыхъ и родныхъ, сбита съ толку всю службу; онъ велитъ то, а она напротивъ. Иванъ Лукичъ слово, а Лизавета Васильевна десять; онъ разсердится, а она прикинется въ обморокъ. Забеременѣла — еще хуже:

такъ и клинетъ дѣтище въ утробѣ, прости Господи ей грѣхъ! — Не хочу носить, да и только, — да, и пошла колесить по мостовымъ; потомъ, на снось, въ дальнюю деревню — взяла только меня съ собой. И родила дѣвочку, такую хорошенькую, что и Господи! А никто не зналъ, не вѣдалъ, да и принимала-то не бабка, а я. Вотъ, думаю себѣ, Богъ примирить отца и мать на дѣтищѣ. Не тутъ-то было: и христіанскаго долгу не исполнила, точно... прости Господи!... Да ужъ Богъ съ ней!... Велѣла мнѣ завернуть ребеночка, да отнести тихомолкомъ къ комунибудь подъ окно, да, говоритъ: смотри, если промолвишь кому, кожу сдеру, со свѣта Божьяго сгони! Охъ, небесная сила! Во мнѣ всѣ жилочки порвались... что за мать! ахъ, она извергъ!... Да чтожь, наше невольное дѣло: дѣлай что приказываютъ... Вотъ завернула я голубушку крошечку всю въ одѣяльцо, положила въ кулечикъ, чтобы не признала дворня, да въ ночь и отнесла подъ окно старосты, положила на пристѣбѣ, да такъ и взрыдала! Вернулась домой, а на душѣ точно камень, а тутъ пришли филиповки; я и говорю: позвольте мнѣ поговѣть, сударыня. Позволила. Я на духу и не утерпѣла; сказала священнику весь грѣхъ, да прошу не погубить бы меня, не рассказывалъ никому. Не бойся, не скажу, говоритъ — такой добрый отецъ Іахимъ! Помолилась и за барыню, причастилась, какъ будто и легче стало. Вотъ, мы собираемся ѣхать въ Москву, а священникъ прислалъ тихонько за мной, побывай-дескать, Ирина Тимофеевна, есть дѣло. Покуда барыня изволила покушать на дорогу — я къ священнику. А онъ поднесъ мнѣ бумагу писаную, начертилъ на ней крестъ, да и говоритъ: приложи руку. Я такъ и затряслась. Чтожь это, доносъ, батюшка? Не бойся, это свидѣтельство о рожденіи и крещеніи младенца Вѣры, церков-

ный документъ — перекрестилась я, да и приложила руку къ бумагѣ . . . Никакъ замарала, батюшка? А отецъ Іакимъ говоритъ: ничего, ничего, ступай съ Богомъ! Я и пошла. Вотъ прѣехали мы съ барыней въ Москву. Какъ вошелъ баринъ въ комнату, я и прислушалась у дверей. Гдѣжь наше дитя, мой другъ? спросилъ онъ, не своимъ, сердечный, голосомъ. — Умерло — отвѣчала Лизавета Васильевна — какъ будто и не ея дѣло. Ахъ! ты, окаянная! подумала я себѣ. Иванъ Лукичъ такъ, голубчикъ, и заплакалъ. Ахъ, Боже ты мой! съ роду не видала мужскихъ слезъ, привелъ Богъ увидѣть горчайшія!

«Прошелъ годокъ, смотрю, а военный смѣльчакъ, что барыня, какъ она еще была барышней, турусы на колесахъ рассказывала, началъ въ домъ учащать, и завела барыня балы, да вечера, да катанья. И повѣсилъ Иванъ Лукичъ носикъ, вотъ, какъ голубь, ей Богу! такой добрый былъ: не по сердцу, а угождаетъ барыню — не поднимай лишь содома! Ему же хотѣлось все дѣтокъ имѣть. Ну, и далъ Богъ дѣтище, еще дочку; да не порадовался Иванъ Лукичъ: барыня, бывало, и поцѣловать не дастъ ему дитя свое, а сама такъ и нѣжить, такъ и ластить. А какая крикливая уродилась, Богъ съ ней, вся въ мать! Припомнила я первую дѣвочку: какъ небо отъ земли! Что это такое, подумаешь, кажись, одной угробы дѣти, а не равна любовь къ нимъ. — Крестины, не крестины — обѣдъ, да балъ, и прозвала она вторую дочку свою какимъ-то не Русскимъ именемъ, чортъ знаетъ, Розиной! Другой сказалъ бы барыня: что дескать, матушка, сударыня, ей, ей, чтобы за имя такое бранное: *розиня*? за что дѣтище свое прежде времени не добромъ величать? вѣдь это, матушка, Французы смѣются надъ нами — да, она не та-

кова была: своихъ рѣчей къ ея рѣчамъ не прикладывай.

«Не прошло пяти годочковъ, Лизавета Васильевна выжила Ивана Лукича совсѣмъ изъ дому; горемычный уѣхалъ въ свои помѣстья, да и поминай какъ звали! — Тутъ-то пава широко хвостъ развернула, пѣтухомъ пошла; въ дому содомъ, да добро бы только отъ нея, а то и отъ дочьки-то, бывало, мѣста нѣтъ — ужь, правду сказать, по звѣрю шерсть, а по человѣку честь — такая розиня, да и красотой-то, Богъ вѣсть въ кого, неудачная!

«Вотъ однажды повѣхали мы въ село, то самое, гдѣ барыня родила первую дочку; прѣехали, да на другой день въ церковь. Въ церквѣ-то вижу барыня посматриваетъ на дѣвочку въ бѣленькомъ платьицѣ, стоитъ у самаго крылоса, — такая хорошенькая! Барыня смотрѣла, смотрѣла прямо, да и стала вдругъ искоса поглядывать на нее. Какъ всѣ пошли изъ церкви, она и призови священника — чья, дескать, это дѣвочка? — Это, сударыня, заговорилъ священникъ, сиротка, найденышъ, выросла у старосты, да я взялъ ее на воспитанье — такая добрая, благообразная, не крестьянская должна быть. Какъ нахмурится барыня, да закуситъ губы — я, говорить, возьму ее къ себѣ. Отецъ Іакимъ с проста и повѣрь. — Слава Богу! думаетъ, материнское сердце отозвалось. Какъ всмотрѣлась я — вылитый Иванъ Лукичъ! Ахъ! ты, Господи! какъ ликъ Отца небеснаго на человѣкѣ, такъ ликъ отца роднаго на дѣтицѣ! Собрались въ Москву, и взяла барыня Вѣрочку съ собой — привезла, да въ дѣвичью, и приписала ее въ крѣпостныя — ей Богу! А у меня такъ сердце и облилось кровью! Ну, ужь вотъ наплакалась я вдоволь по сироточкѣ: какъ засадить она ее за вся-

Т. VII. — Отд. I.

наушницы, что Артамоновна приходила въ дѣвичью, да все вывѣдывала: куда дѣлась Вѣрушка? Догадалась, вѣрно, что увезутъ ее изъ деревни; послала приказъ священнику отвести Вѣрушку въ сосѣдскій монастырь, да сдать съ рукъ на руки игуменьѣ, да и написала къ ней, чтобы приняла ея дѣвку Вѣру въ услуженіе, и приписала бы ее въ бѣлицы, на искусъ. — Ужь этому, признаюсь, я и порадовалась, думаю: Божья невѣста! А барышня по молодомъ баринѣ съ ума сходитъ, слегла въ постель; адъ настала, исказнила, изморила людей! Бывало, дочка не спитъ и ни кто не смѣй спать, избави Боже! да и у самой барыни ни маковаго зерна въ глазу. Ну, посмотрѣлась я, какъ Богъ наказываетъ за грѣхи слѣпою любовью! Надо же сказать, что такая любовь хуже ненависти: что дочь ни вздумай, мать душу выложитъ — рабыня дѣтская, да и только!

«Прошелъ мѣсяць; пріѣхала къ баринѣ знакомая одна, Степанида Прохоровна, да и завела разговоръ про имѣнья: братъ ищетъ купить получше деревню, не продашь ли, Лизавета Васильевна? Что тебѣ толку въ дальней, а брату степная и нужна, не пожалѣть денегъ; продай, да продай село Чуриково, что хочешь возьми. Барыня и польстилась, да еще обрадовалась, что нашла глупыхъ людей, что не торгуются покупають. Вотъ заключила контрактъ, сдала опись душамъ, рада радехонька — деньги-то, вѣрно, пужны были. Праздникъ не праздникъ, платье не платье, на жемчужныхъ ниткахъ хотъ повѣситъ-ся, да вѣрно не было счастья: что-то женихи не шли на приманку, да, если правду сказать, и счастье-то на казнь злему челоуѣку!

«Вдругъ, однажды, приносить почтальонъ письмо. Какъ развернула барыня, такъ и ахнула! Пишетъ

къ ней игуменьѣ, что новый помѣщикъ села требуетъ по описи дѣвку Вѣру. Я себя думаю: Господи! какъ счастье-то ищетъ Вѣрушку.... А барыня какъ вспыхнетъ: я ему дамъ Вѣрку! да и написала къ игуменьѣ, чтобы не выдавала ея, а скорѣе бы постригла, да избавила отъ соблазнителя, который хотѣлъ ее увезти изъ дому, да обманомъ, для удовольворенья нечистыхъ замысловъ, купилъ черезъ другія руки село Чуриково.... Ужь расписала такъ, какъ нельзя лучше!... Я поплакала, поплакала, да и думаю себя: ну, будь она Христова невѣста!

«А въ ту же пору за барышню Розину Ивановну присватался женихъ, а я и въ ноги баринѣ: обѣщала еще матушка ваша пустить меня на волю за вѣрную службу, и вы, сударыня, обѣщали; ужъ теперь, въ добрый часъ, дайте за васъ Бога молить — да и Розинѣ-то Ивановнѣ въ ноги. Вотъ и дали мнѣ отпускную на волю; я рада радехонька; отслужила молебень Иверской Божіей Матери, перѣехала на квартиру, да и ноги не кладу въ домъ Лизаветы Васильевны. Богъ съ ней! не равно еще провѣдаетъ, что я сказала на исповѣди отцу Іакиму, что Вѣрушка родная ей дочь.»

— Послушай няня, — спросилъ я по окончаніи разсказа — не Мемнономъ ли Васильевичемъ зовутъ молодого барина, что полюбилъ Вѣрку?

«Ужь того не знаю, не припомню, какъ зовутъ, изъ памяти вышло.... У насъ все звали его: молодой помѣщикъ, да, молодой помѣщикъ.»

— Не ошибаешься ли ты: не Шарковымъ ли называютъ село Чуриково?

«Да, Чуриково же я и говорю.»

— Не Шарково ли? Шарково?

«Такъ, такъ, Чуриково!

— Глухая! — вскричалъ я съ досадой.

Такимъ-то образомъ отъ одного слова иногда зависить развязка тайны.

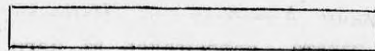
Да, что жь сдѣлаешь съ глупостью, слѣпотой и глухотой?

А.А. ВЕЛЬТМАНЪ.

=

НАШИ ВЕЧЕРА НА БИВАКѢ.

(РАЗСКАЗЪ).

Мѣсто эпиграфа.

Вотъ вамъ одинъ изъ нихъ.

Во время послѣдней Персидской войны, въ 1827 году, отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева, стоялъ лагеремъ въ урочищѣ Карга-Базаръ, на южномъ низовьи Карабагскаго ханства, въ виду пустынныхъ береговъ Аракса. Былъ одинъ изъ Июньскихъ дней. Знойное солнце склонялось на западъ и заслонялось отъ насъ горою Зіаратомъ, будто огромнымъ экраномъ.

Прохладный вечерній вѣтерокъ подулъ изъ сосѣдняго къ намъ ущелья, и весь отрядъ нашъ встрепенулся и высыпалъ изъ душныхъ своихъ палатокъ, нагрѣтыхъ 45° тепла Персидскаго безоблачнаго неба.

Только въ поздніе вечерніе часы отдыхали мы отъ нестерпимаго дневнаго жара, только въ то время освобождались изъ холстинныхъ печей своихъ, гдѣ высиживали фалангъ, да скорпіоновъ, ведя съ ними

войну постоянную, и нередко не безопасную, тогда, как настоящие наши неприятели, *Кызыль-Башки*, оставляли насъ въ досадномъ покоѣ и бездѣйствіи. Смеркалось.

Полный мѣсяцъ выплывалъ изъ за-горъ Дагестана на Муганскую змѣиную степь, и серебрилъ вечерніе туманы, которые въ фантастическихъ образахъ клубились надъ Араксомъ, по протяженію его отъ Худаферинскихъ тѣсинъ до Асландузскаго, или Котляревскаго Кургана, памятнаго Персіянамъ по двумъ боевымъ заутренямъ, отпѣтымъ Рускими въ 1812 году, подъ начальствомъ Закавказскаго героя Котляревскаго.

За Араксомъ, далеко за прибрежными его высями, теплился замирающимъ лучемъ заходящаго солнца ледяной черепъ великолѣпнаго Севелана, подпертаго громадами Азербаджана. Направо, на серебряномъ полѣ заката, врѣзываясь въ него черными своими зубцами, рисовались изображенія Сакагана и Зіарата, исполиновъ живописнаго Карабага. Въ тылу лагерь, мѣлкія погорья извивали дорогу, которою мы пришли изъ Россіи, добраго, славнаго, великаго отечества нашего.

Какой чудный вечеръ! Какая чудная картина!

Кого не восхитить страна
Плывнтельныхъ почей Востока?
Видали ль вы, когда луна
Тамъ осеребрить струи потока?
Иль какъ надъ озеромъ плыветь,
И въ глубинѣ прозрачныхъ водъ
Задумчивый свой образъ топить,
И какъ бы следомъ за собой,
У насъ отъятое судьбой,
Небесное на земль сводить?...
И не плывалъ ли вашъ взоръ,
Какъ зреть виноградъ роскошный
По скатамъ сихъ прибрежныхъ горъ?
Встрѣчалъ ли васъ зѣфиръ полночный?

Не вьялъ ли онь въ вану грудь
Какой-то сладостью унылой?
Не услаждалъ ли онь вашъ путь
Своею лаской легкокрылой?
Не поражался ли вашъ взоръ
Красами дикими природы:
Вы видѣли ль громады горъ
И ихъ утесистые своды,
На ихъ вершинахъ вѣчный снѣгъ,
И тура легкой, быстрый бѣгъ,
Его прыжки черезъ стремнины,
Орла заоблачный полетъ;
И скаты съ каменной вершины
Студеныхъ и гремучихъ водъ?
Видали ль вы сіи громады,
И ихъ живые водопады,
Вѣшцы блистательные горъ,
Облитые огнемъ зарницы?
Иль, какъ померкнетъ звездный хоръ
При входѣ пурпурной денницы,
Какъ все въ нихъ блещетъ и горитъ?
О, какъ прекрасенъ дивный видъ
Великолѣпна природы:
Сліянье радужныхъ цвѣтовъ,
Небесъ лазуревые своды,
Блескъ ослѣпительный снѣговъ,
Съ долинъ дыханье ароматовъ!
Здѣсь — стройныхъ тополей семья;
Тутъ — лепетъ свѣтлаго ручья,
Бѣгущаго съ румяныхъ скатовъ;
Тамъ — тѣнь сходящая съ холма
Отъ зеленеющаго бора —
Все тутъ волшебю для ума,
Для думы, слуха, чувствъ и взора!

Заревой пушечный выстрѣлъ грохотомъ своимъ, отозвавшимся въ горахъ и въ груди моей, прервалъ мой поэтический порывъ и оборвалъ струны на моей походной лирѣ. Риемованные звуки моей пѣсни слились съ барабаннымъ боемъ зари вечерней и съ завываніемъ чакаловъ, которые ежедневно въ такую

пору подкрадывались къ нашему лагерю, какъ будто поспѣвая на вечернюю солдатскую переключку.

Послѣ зари, нѣсколько человекъ изъ офицеровъ нашего завѣтнаго кружка собрались, по обыкновенію, къ палаткѣ полковника М....скаго, отличнаго малаго, по смыслу *человѣка* и по смыслу *офицера*. Онъ добрую и славную память оставилъ по себѣ въ Закавказскомъ краѣ...

Насъ было шестеро: радушный нашъ хозяинъ; остроумный С.....ъ, подполковникъ егерскаго полка, по выговору и по душѣ Малороссіянинъ; задумчивый Гв., тоже подполковникъ другаго егерскаго полка, С....кій, поручикъ Н. пѣхотнаго полка, С....инъ, гвардейскій полковникъ, прибывшій недавно изъ Петербурга, и — вашъ покорнѣйшій слуга — уроженецъ Сибири, выросшій на морозахъ и выюгахъ Киргизъ-Кайсацкихъ степей, и кипутый отогрѣваться на раскаленную почву прибрежья низоваго Аракса. Да и всѣ мы изъ кружка нашего испытывали, болѣе или менѣе, такую противоположность между первобытною и настоющею своею жизнію...

«Чтожь, господа, и чай готовъ и глинтвейнъ закипѣлъ», сказалъ нашъ хозяинъ — «пора приниматься за то или другое. Надобно подогрѣть внутреннюю сторону нашу: наружной много достается отъ здѣшняго, слишкомъ уже гостепрѣимнаго солнышка. Правду сказать — оно горячо здѣсь насъ приняло. Полковой нашъ лекаръ говорить, что для здоровья, во время жаровъ, непременно должно уравнивать температуру внутреннюю съ наружною. Здѣсь надобно слушаться доктора... Вотъ и горячее лекарство, господа!»

Усатый деньщикъ М....го вынесъ изъ задней палатки походнаго буфета подносъ, уставленный полновѣсными стаканами съ настоємъ душистаго Китайскаго деревца и горячимъ сокомъ Кахетинскаго винограда.

Стаканы разобраны по вкусу каждаго собесѣдника. Какъ Сибирякъ, уроженецъ береговъ Иртыша, недалеій сосѣдъ Кяхты, огромнаго цыбика Россіи, я принялся за чай, отрадную, живительную влагу, особенно въ походѣ, на бивакъ, драгоценную и благодотворную. Сожалѣю о бoгахъ Олимпа, если нектаръ ихъ былъ не чай, а что нибудь другое. Сожалѣю также и о тѣхъ, кто принужденъ иногда выпить чашку какого-то приторнаго настоя, разносимаго, подъ названіемъ чая, въ нашихъ раззолоченныхъ гостиницахъ.

Подали трубки — извините, г-да Петербургскіе жители: мы въ то время не курили сигаръ, ни Гаванскихъ, ни Манильскихъ. Бесѣда наша оживилась.

— Ну, что ваша экспедиція за Мехти-Кули Ханомъ Карабагскимъ? — спросилъ меня полковникъ С....инъ. — Думаю — продолжалъ онъ — Персіане не дешево выпустили изъ рукъ свою богатую добычу? Я засмѣялся.

«Ты все думаешь», сказалъ ему подполковникъ С....ъ, «что мы вѣдемъ войну съ Европейцами. Ты все вспоминаешь *двѣнадцатый годъ* нашъ, когда мы спорили и дрались съ мощнымъ нашимъ врагомъ за каждый шагъ родной своей земли. Тотчасъ видно новичка въ здѣшнемъ краю... Персіане не таковы. Ты могъ бы, кажется (продолжалъ онъ), убѣдиться въ этомъ бездѣйствіемъ нашего отряда. Ты знаешь его назначеніе? Ну, позволилъ ли бы намъ пугный непріятель развивать наши операціи такъ безнаказанно, какъ мы принуждены мѣстностію и средствами здѣшней страны производить ихъ? Пожалуста — и онъ обратился ко мнѣ — оправдай меня разсказомъ своимъ объ вашей экспедиціи. Я увѣренъ, что Мехти-Кули Хана, съ его женами, и съ его 3000 семействъ, вы вывели изъ Даръ-Алагеза безъ выстрѣла...

— Какъ безъ выстрѣла? — возразилъ я съ важностію. — Нѣтъ, были выстрѣлы и выстрѣлы знаменитые... Вниманіе, господа, къ кровопролитнымъ

подвига́мъ нашего послѣдняго поиска! Разска́зъ мой, во всякомъ случа́е, будетъ для васъ любопытенъ, а нѣкоторыми своими обстоя́тельствами и потому, что вы не участвовали въ нашемъ походѣ къ Ахъ-Карава́нъ-Сараю на выручку Карабагскаго владѣльца, но оставались здѣсь и жарились на мангалъ терпѣнія, поджавши подъ себя ноги бездѣйствія и прикуся языкъ храбрости. Слава Аллаху, только не его про року Мухаммеду, что родъ моей службы избавляетъ меня отъ бездѣйствія! Въ военное время, намъ, безъ очереди, всегда есть работа! --

Наканунъ возвратился я изъ экспедиціи. Десятидневный походъ нашъ былъ еще свѣжъ въ моей памяти со всеми его подробностями, и мнѣ не трудно было пересказать объ немъ моимъ товарищамъ.

— Вы знаете, господа — началъ я — что силы нашего отряда составлены были изъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, одного батальона пѣхоты, двухъ горныхъ единороговъ и безпорядочной толпы здѣшнихъ Армянъ и Татаръ.

«Бели!» отвѣчалъ мнѣ С...нъ, съ ученымъ видомъ оріенталиста и ужимкою Татарина, занятою имъ отъ Мелика-Арслана, посѣщавшаго часто нашъ лагерь для шпіонства — разумѣется, въ выгоду Персіянъ, а не Рускихъ. Не даромъ же получилъ онъ почетный кафтанъ отъ Аббаса-Мирзы, при вторженіи его, въ 1826 году, въ Карабагъ. «Продолжай на мою голову,» прибавилъ С...ннъ къ своему, многозначущему у Персіянъ бели.

— Какіе успѣхи въ языкъ и обычаяхъ *Красногоровыхъ!* — закричалъ С...ій. — Да, онъ перещеголяетъ скоро моего полковаго командира, который учится Татарскому и Французскому языкамъ у своего нукера съ Legion d'honneur, бывшаго мамелюка Наполеонова!

«Какъ съ Legion d'honneur? Нукеръ полковника Р. былъ мамелюкомъ у Наполеона? Что за вздоръ!» крикнули мы всѣ, почти въ одинъ голосъ.

— Господа! терпѣніе. Разска́зъ о мамелюкѣ за мною — скажалъ С...ій. — Не будемъ перебивать очереди. Пускай С. кончитъ намъ начатый разска́зъ свой, а потомъ я передамъ вамъ повѣсть мамелюка въ томъ видѣ, какъ я отъ него самого ее слышалъ.»

Когда любопытство наше насчетъ нукера нѣсколько успокоилось, я продолжалъ разска́зъ свой.

«Вамъ извѣстно, господа, что мы снялись съ лагеря еще до солнечнаго восхода. Прохладною утреннею зарею успѣли мы выбраться изъ душнаго Черекенскаго ущелья, и солнце застало насъ на высотахъ Кандамана, гдѣ не могло уже допекать насъ, какъ на Черекенъ, или здѣсь на Карга-Базаръ, въ раскаленныхъ котлахъ. Первый ночлеги имѣли мы въ селеніи Чинахчи, принадлежащемъ Князю Мадатову.

«На другой день, отрядъ нашъ, разобравъ по рукамъ горные единороги, и оставляя вправо живописную крѣпость Шушу, началъ подниматься по горной, лѣсистой тропѣ на высоты Саксагана.

«Если кому не удавалось ѣздить по такъ называемымъ здѣсь *сѣточнымъ горнымъ дорогамъ*, тотъ не пойметъ изъ разсказа тѣхъ трудностей, какія путникъ встрѣчаетъ тамъ на каждомъ шагѣ — не можетъ повѣрить и впечатлѣніямъ, какія тѣснятъ въ душу человѣка, когда онъ видитъ надъ собою и около себя громады горъ, а подъ ногами своими узкую тропу, висящую надъ недосягаемою взоромъ пропастью... Я испыталъ такое чувство нѣсколько разъ — это самая высокая поэзія!

— И *глубокая!* — прибавилъ насмѣшливо, возторженнымъ голосомъ, С...скій.

«Только, во всякомъ случа́е, не плоская, господинъ уроженецъ степей Украинскихъ,» замѣтилъ я, продолжая разска́зъ мой. «То поднимаясь на возвышенныя крути, то опускаясь въ глубокія тѣсни-

ны, къ полудню, на усталыхъ коняхъ своихъ, добрались мы до вершины Саксагана. Мы вполнѣ были вознаграждены за трудный путь нашъ великолѣпною картиною, какая раскинулась для взоровъ нашихъ во всѣ четыре стороны. На сѣверъ — изъза твердынь Шушинскихъ, выглядывали на дальномъ горизонтѣ, снѣговья выси Кавказа. На востокъ растилалась необозримая Муганская степь, соединяющая безводную свою равнину съ водами Каспія. На западъ рама картины была украшена, какъ рѣзбою, горами Даръ-Алагеза, на хребтѣ которыхъ, какъ три окаменѣлые всадника, какъ три сторожа древней Арменіи, воздымали загорѣлыя свои чела исполины Сальварти, Эрихли и Клисами. На югъ горы Азербаджана толпились около стремени своего вожда Севелана, блиставшаго ледянымъ шлемомъ, опереннымъ бѣлыми, махровыми, какъ перо строуса, облаками. Вправо отъ насъ, агачахъ въ двухъ разстояніи, въ глубокомъ ущельи, выглядывало изъ тумановъ, волновавшихся по дну и ребрамъ его, селеніе Карагарамы, съ своими фіолето-розовыми саклями и башенками, то погружаясь въ воздушный потокъ, то выплывая на его млечную поверхность. Самая вершина Саксагана, покрытая утесами, съ торчащими на нихъ, въ разнообразныхъ направленіяхъ, огромными соснами; соломенные курени постовыхъ казаковъ и бивакъ нашего отряда — довершали безподобную картину. Къ ней не доставало только волкъ океана, чтобы соединить всю возможную на землѣ красоту природы и довершить вполнѣ наше очарованіе. Не доставало еще Сальватора Розы, который перенесъ бы картину на полотно своего волшебною кистью. . .

«По двухъ-часовомъ отдыхѣ, вѣстовой барабанъ поднялъ насъ съ привала, и мы тронулись въ походъ, по дорогѣ еще труднѣе прежней.

«Гуськомъ начали мы спускаться тропинкою, едва

проторенною на каменистой почвѣ. Въ некоторыхъ мѣстахъ, тропинка наша лѣпилась по утесамъ, висящимъ надъ такими безднами, что по непривычкѣ моей къ такимъ путешествіямъ, или — если хотите признанія — со страху, я не зналъ, чему доверять болѣе: своимъ ли шагамъ или коню моему?... Однакожъ въ томъ и другомъ случаѣ, я возлагалъ упованіе на Аллаха. Согласитесь, что провѣжаешь такія мѣста скрѣпя сердце и удерживая дыханіе, которое, вырываясь изъ груди, кажется, въ состояніи, какъ вихрь урагана, сорвать тебя, вмѣстѣ съ твоимъ конемъ, съ утеса, на которомъ пробиты копытами ступени. Конь непременно долженъ ступать вѣрно въ эти каменные, полированныя гнѣзда — въ противномъ случаѣ, ты болѣе не жилецъ здѣшняго міра, а даровая добыча шакаламъ и орламъ нагорнымъ. . .

«Къ позднему вечеру преодолѣли мы трудный путь нашъ, и перейдя по деревянному мосту быструю и каменистую рѣку Ахъ-Кара-Чай, остановились на правомъ ея берегу для ночлега, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлаго года Аббасъ-Мирза, со всею пятидесятитысячною своею арміею, опрокинулся на батальонъ 42-го егерскаго полка и имѣлъ съ нимъ жаркое сраженіе. Разумется — какъ это не сказка — орлы Русскіе не могли устоять противъ несоразмѣрной силы, хоть того же полка шесть ротъ отстояли крѣпость Шушу, въ продолженіе сорокодневной ея осады тою же Персидскою арміею. . . .

— Ну, у насъ былъ союзникъ въ непріятельской арміи — прервалъ меня С. . . . скій — невѣжество Персіанъ въ военной наукѣ — этотъ-то союзникъ и отстоялъ нашихъ въ крѣпости. Чтожъ тамъ мудренаго и славнаго было: удержаться за крѣпкими стѣнами, и въ такомъ неприступномъ по самой природѣ мѣстѣ, какъ Шуша?

«Оно такъ, любезный тактикъ,» возразилъ полковникъ М....скій — да, не совсѣмъ справедливо. Мнѣ лучше, нежели тебѣ, известны положеніе и обстоятельства этой осады. Безспорно,» продолжалъ онъ, «Европейскій непріятель скорѣе сладилъ бы съ крѣпостью, но я видѣлъ и осматривалъ непріятельскія баттарей, слѣды которыхъ и самъ ты можешь видѣть противъ восточныхъ, такъ называемыхъ Елисаветпольскихъ воротъ крѣпости. Какъ устройство баттарей, такъ и выборъ мѣстности для нихъ показываютъ знаніе въ военномъ дѣлѣ. Да, и кому не извѣстно, что у Аббаса-Мирзы есть искусные Европейскіе офицеры, которые путеваютъ его движеніями? И не можетъ быть, чтобы непріятель съ огромными своими силами не взялъ крѣпости, еслибы заметилъ малѣйшую слабость въ отпорѣ со стороны гарнизона. Въдъ ты признаешь же мужественную защиту древнихъ Термопилъ?... Нѣтъ, Запорожець, не отнимай доблести у нашего храбраго полка, стяжанной имъ защитою Шуши! Притомъ вспомни, что и внутри крѣпости гарнизонъ нашъ долженъ былъ стоять на сторожѣ отъ злодѣевъ. Ты слышалъ объ измѣнѣ одного тамошняго Татарина, который хотѣлъ отворить ночью Персіянамъ крѣпостныя ворота, и котораго Армяне, не давши знать о томъ комманданту, наказали по своему? Они бросили измѣнника съ утеса западной стороны крѣпости въ пропасть, сажень во сто глубиною.

— Вотъ вамъ Азіятская юстиція! — сказалъ С....ій. — У нихъ это министерство дѣятельнѣе военнаго. Однакожь, любезный капитанъ — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ—поднимай-ка отрядъ свой съ ночлега. . .

«Ты самъ,» отвѣчалъ я ему, «задерживаешь его на каждомъ шагу своими островами и замѣчаніями, пуще горныхъ утесовъ и ущелій...

«Продолжаю:

«На другой день, также съ разсвѣтомъ, мы выбрались изъ Ахъ-Кара-Чайскаго ущелья на возвышенную равнину, и часамъ къ 10-ти утра расположились на привалѣ у селенія Горонсуры.

«При входѣ въ Горонсуры встрѣтилъ я молодую Армянку, съ кувшиномъ на плечѣ, стоящую у каменнаго придорожнаго водоема, какъ новая Ревекка, красоты поразительной. Не видывалъ я подобной прелести въ женщинѣ, и вѣроятно, не увижу никогда болѣе: это *типъ* женщинъ, которыми восхищаемся мы въ произведеніяхъ Древнихъ. Роскошный Азіятскій нарядъ Армянки не возвышалъ, и не могъ возвысить, ея прелести, но въ глазахъ моихъ привыкшихъ къ Европейской — признаться, мало эстетической — одеждѣ нашихъ женщинъ, придавалъ ей много поэтическаго. Безподобная, маленькая ея головка съ Греческимъ профилемъ, была обвита бѣлою, какъ чело ея, кисією, и накрыта краснымъ тонкоруннымъ покрываломъ, изъ-подъ котораго падали на ея плеча *зюльфы*, черными лоснящимися кольцами. Архалукъ изъ Шамахинской клетчатой мови стягивалъ тонкій, гибкій станъ ея. Шелковыя широкія шальвары, по икрамъ плотно обнимавшія стройныя, маленькія ножки ея, вложенныя безъ обуви въ желтыя, сафьянныя, на высокихъ каблучкахъ туфельки — довершали нарядъ Армянки.

«Долго любовался я ею, и наконецъ подошелъ къ ней и попросилъ ее знаками, чтобы она подала мнѣ напитокъ. Водоносица, приблизясь ко мнѣ, склонилась на одно колено, чтобы мнѣ было удобнѣе достать изъ кувшина воду — и подняла на меня свои большіе, черные, блестящіе глаза.

«Въ такомъ положеніи, она была невыразимо прекрасна, не умовима ни для рѣзца Кановы, ни для кисти Брюлова.

«Мнѣ самому надобно было броситься передъ нею на колѣни.... И если я не сдѣлалъ этого, то пото-

му только, что въ то мгновеніе былъ не подвиженъ отъ удивленія, какъ мраморъ.

«Не знаю почему, она поняла меня. Можетъ быть, глаза мои, упоенные ея видомъ, выражали совсѣмъ другое чувство, а не простое желаніе утолить жажду. Но съ жадностію глоталъ я холодную струю источника, почерпнутую руками коленнопреклоненной передо мною красавицы, — и кажется, хотѣлъ залить этою влагою внутренній пожаръ, заброшенный въ грудь мою искрою глазъ Армянской Гебы... Она простодушно смотрѣла на меня во все время. Отклоняя отъ себя кувшинъ, я сказалъ ей:

Армянка! не гледи мнѣ въ очи:
Твой жгучій взоръ не выносимъ!

«Вѣроятно, она поняла такое восторженное обращеніе къ ней, потому, что поднявши кувшинъ свой, отвернулась отъ меня, взбѣжала быстро, какъ джеранъ, на скалу къ своей саклѣ, и скрылась въ ней, будто свѣтъ, кинутый блескомъ молніи. Я спросилъ объ ней нашего отряднаго переводчика, и онъ, какъ уроженецъ и житель селенія Горонсуровъ, рассказалъ мнѣ о моей Армянкѣ много подробностей: что имя ея Сусанна; что она дочь тамошняго мелика, которому Аббасъ-Мирза, въ прошломъ году, приказалъ выколоть глаза, за то, что въ его магаль не сыскалось достаточнаго количества ячменя и самана для конюшни Его Высочества Шахъ-Заде, и что красавица моя живетъ теперь съ слѣпымъ своимъ отцомъ. . . .

— Какъ Антигона съ Эдипомъ — добавилъ, перебивъ меня, неизбежный С.....кій.

«Тебя кстати бы здѣсь сравнить съ однимъ изъ мятежныхъ и непокорныхъ сыновей Эдипа,» сказалъ, ему подполковникъ. «Ты не держишь своего собственнаго условія, сказавши намъ, что не должно перебивать очереди разказа.

— Молчу — вскричалъ С.....кій. — «Продолжаю,» сказалъ я. — Слушаемъ — проговорили остальные собесѣдники.

«Въ часъ по полудни, отрядъ нашъ поднялся и оставилъ Горонсуры. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ на саклю, гдѣ скрылась моя Армянка: мнѣ такъ хотѣлось еще, хоть одинъ разъ поглядѣть на нее.... Голосъ казака, ожидавшаго меня съ моею лошадыю, перервалъ мои думы. «Ваше благородіе,» сказалъ онъ мнѣ, «пора вѣхать, а то далече оттянемъ отъ своихъ.» Машинально вложилъ я ногу въ стремя, и рванувшись отъ нетерпѣнія конь мой заставилъ меня перенести черезъ сѣдло другую, а черезъ мгновеніе — путевая пыль взвилась клубами по моему слѣду. Доскакавъ до хвоста колонны нашего отряда, я оглянулся.... Горонсуры потонули уже въ своемъ глубокомъ оврагѣ, и надъ ними, высоко въ небѣ, носился широкими кругами хищный коршунъ.... Зловѣщая птица! невольно вскрикнулъ я, и мнѣ — смѣйтесь господа! — что-то тяжело стало на сердцѣ.—Подъ вечеръ, вмѣстѣ съ отрядомъ, безмолвный и грустный, очутился я въ глубокомъ, какъ адъ, ущельи, гдѣ стоитъ селеніе Гюрюсы. Мнѣ казалось, что будто Орфей, спускаюсь я по крутымъ террасамъ въ Тартаръ за своею Эвридикою.... Но, чтобы не наскучить вамъ топографическими подробностями, доскажу путь нашъ къ Ахъ-Караванъ-Сараю въ короткихъ словахъ.

«На третій день, возвышенною равниною и небольшими отрогами заслонившихъ ее отъ сѣвера горъ, мы дошли до гремучаго и богатаго форелью Базаръ-Чая. Почлегъ имѣли мы на львовомъ берегу сей рѣки, при пустомъ, издавна оставленномъ жителями, селеніи Энгеляуртъ. Къ полудню четвертаго дня нашего похода, отрядъ достигъ Ахъ-Караванъ Сарая, крайней цѣли нашей экспедиціи. Здѣсь мы должны были ожидать пріѣзда и передачи на нашу сторону

Мехти-Кули Хана. Ахъ-Караванъ-Сарай стоитъ на высотахъ, широкій гребень которыхъ соединяетъ и подпираетъ собою горы — на югъ Сальварти, на сѣверъ Эрихлн.

«Ахъ-Караванъ-Сарай ничто иное, какъ известково-ваго камня, конической фигуры, довольно высокая и широкая въ своемъ основаніи пирамида. Въ ней изъсѣчена пустота, гдѣ можетъ находить пріютъ, во время непогоды, небольшая цѣпь лошаковъ съ ихъ вьюками и жожаками. На этой точкѣ переваль изъ Карабага въ Нахичеванъ. Видъ отсюда, особенно вдоль Эрихлинскаго ущелья, живописный, хотя дикій и пустынный. Долина Аракса, съ возвышеннаго мѣста, видна, какъ на ладони.

«Намъ сказали проводники, бывшіе у насъ при отрядѣ, что съ боковыхъ высотъ Сальварти можно видѣть Араратъ. Генералъ нашъ предложилъ мнѣ и другимъ офицерамъ своего штаба, съѣздить съ нимъ на одну изъ высотъ, стоящихъ въ недалекомъ разстояніи отъ нашего бивака. Съ удовольствіемъ воспользовался я привѣтнымъ его предложеніемъ, и кавалькада наша, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и Армянъ, часа въ четыре послѣ обѣда, тронулась изъ Ахъ-Караванъ-Сарая для любопытной прогулки.

«По глубокимъ оврагамъ, еще наполненнымъ снѣгомъ, и по крутымъ обрывамъ, не безъ труда достигли мы одной изъ высотъ, которая казалась намъ такъ близкою отъ Ахъ-Караванъ-Сарая, и однакожь, мы вѣхали до нея около полутора часа. Здѣсь должны мы были спѣшиться, и оставя коней своихъ на мѣстѣ, подниматься еще на утесистую террасу, сажень въ 50-ть вышиною. Подъемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ былъ труденъ, что мы принуждены были карабкаться по кремнистымъ утесамъ руками и ногами, съ опасностью оборваться въ ледникъ, шумѣвшій подъ нами своимъ водопадомъ. Однакожь, съ

Божіею помощію, мы всѣ благополучно взобрались на высоту...

«Араратъ, Араратъ! Масиссусаръ, Масиссусаръ! раздались голоса въ толпѣ нашей. И всѣ мы, въ безмолвіи, обратили взоры свои на священную гору Ковчега, на ея восхитительную картину. Араратъ—этотъ священный исполинъ, который еще въ младенствѣ нашемъ воображали мы съ благоговѣніемъ, этотъ исполинъ, который поражалъ юные умы наши при чтеніи бытописаній вдохновеннаго Богомъ Пророка — Араратъ! онъ передо мною — современникъ перво-даннаго челоуька, свидѣтель, безмолвный, но краснорѣчивый великихъ событій Вѣтхаго Завета. Искупительная пристань рода челоуьческаго — ты передо мною!... И съ благоговѣніемъ повергаюсь я передъ тобою во прахъ, созерцая величіе твое очами наружными и духовными! Я не могъ отвести взоровъ моихъ отъ восхитительнаго зрѣлища, не замѣчалъ вокругъ себя ничего болѣе — ни горъ, которыя громоздились кругомъ, ни ущелій и утесовъ, съ ихъ ледниками и водопадами, ни широкой долины Аракса, подернутой мглою знойной своей атмосферы, какъ саваномъ — одинъ Араратъ былъ передъ моими очами, одинъ онъ — вѣчный алтарь Эговы, уносилъ въ небо, вмѣстѣ съ вершинами своими, и мысли, и чувства и душу мою!

«Къ вечерней зарѣ возвратились мы къ Ахъ-Караванъ-Сараю. Завернувшись въ бурку, кинулся я на походный войлокъ, и уснулъ крепкимъ сномъ послѣ усталости и удовольствія. Утромъ, на другой день, рано, я былъ разбуженъ конвойнымъ казакомъ отряднаго начальника, требовавшаго меня къ себѣ по службѣ. Генералъ встрѣтилъ меня приказаніемъ: «Возмите сотню казаковъ, да челоуькъ двадцать Армянъ, и повѣжайте осмотрѣть Эрихлинское ущелье; сдѣлайте ему глазомѣрную съемку и описаніе, и если можно будетъ достать языка въ селеніи Кара-Ба-

бъ, узнайте о неприятель, а особенно соберите свѣдѣнія о крѣпости Аббасъ-Аббадь.»

«Конвой мой былъ уже готовъ къ выступленію. Мои сборы были недолгіе: пашку и футляры съ компасомъ и зрительною трубою черезъ плечо, карандашъ и листъ бумаги въ руки, и я началъ свою топографическую работу отъ передней цѣпи нашего бивака. Разумѣется, я не забылъ обезопасить свою армію авангардомъ и арріергардомъ. О флангахъ своихъ я не беспокоился; они были прикрыты высокими и голыми утесами, доступными только горнымъ козамъ, да птицамъ.

«Медленно, затрудняемые нагорною тропою, углублялись мы въ ущелье, и по часовомъ ходѣ спустились на рѣку Кара-Бабу, которая вырывается изъ тѣснины, свѣсившейся съ верховья Эрхли, и съ ревомъ и громомъ бросаетъ волны и пѣну свою черезъ пороги обрывистаго и каменистаго русла. Далѣе теченіе ея не такъ быстро и бурливо. Скоро нашли мы и безопасный бродъ, которымъ перешли на правый берегъ.

«Уже сдѣлали мы болѣе половины пути, какъ вдругъ, за переваломъ одной прибрежной крутизны, за которою только что скрылся мой авангардъ, раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, и наконецъ эхо горъ вторило полной и бѣглой перестрѣлкѣ.... Я приостановилъ свой отрядъ, и взявши изъ него урядника, съ десятию казаками, поскакалъ къ моему авангарду....

«Вотъ вамъ, господа, обѣщанные выстрѣлы....

«Каковъ ни будь неприятель, пренебрегать имъ не должно, и осторожность въ военное время, нѣкоторымъ образомъ, порука если не выигрыша, то во всякомъ случаѣ не проигрыша. Стрѣльба усиливалась. Вотъ и хорошо, что я не былъ безпечень при отпавленіи своемъ на рекогносцировку, поступающая по всѣмъ правиламъ, какія наблюдаются при

маршахъ колоннъ, назначивъ и авангардъ и арріергардъ. Иди я безъ нихъ, весь отрядъ свой могъ бы я навести на неприятельскую засаду. Теперь авангардъ мой избавляетъ меня отъ безпорядка, замѣшательства въ главной моей арміи, которыя повели бы за собою, можетъ быть, разбитіе, отступленіе....

«Менѣе, нежели сколько нужно было времени на передачу вамъ моихъ тактическихъ разсужденій, употребилъ я для достиженія высоты, съ которой усмотрѣлъ авангардъ свой, и скачущую ко мнѣ на встрѣчу лошадь безъ сѣдока. Битва была въ полномъ разгарѣ. Опять, таки, повторю, господа, что не имѣй я авангарда, и не составъ его — конечно, это сдѣлалось случайно — изъ однихъ храбрыхъ наездниковъ Армянскихъ — въ жизнь мою не встрѣтилъ бы я подобнаго случая нахохотаться столько, сколько хохоталъ я тогда...

— Не вѣрю! — прервалъ меня съ живостію С...кій. — Смѣяться бы въ подобную минуту, ни нашъ генераль, ни Котляревскіе, ни Ермоловы!

«Увѣряю тебя,» сказалъ я ему, «что нахохотался бы и самъ

бессмертный трусъ Гораций!

«Вотъ въ чемъ было дѣло. Храбрый авангардъ мой наѣхалъ на засаду большого стада дикихъ кабановъ, которые, въ мирномъ убжищѣ своемъ, рыли траншеи въ густомъ, прибрежномъ камышѣ. Испуганные побѣдомъ всадниковъ, не бывалыхъ въ этомъ ущельи, можетъ быть, со времени Римлянъ, они съ испугу шарахнулись, и въ свою очередь напугали побѣдннй авангардъ мой. Конь, мчавшійся ко мнѣ на встрѣчу, сбросилъ съ себя на полъ битвы одного изъ моихъ наездниковъ, привыкшихъ болѣе къ торговымъ сдѣлкамъ и къ счету тюменовъ и абазовъ, нежели къ воинскимъ упражненіямъ. Неприятель,

встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ, оставилъ окопы, и прикрывъ свое отступленіе рѣкою, показала тыль моему авангарду, который не могъ въ томъ мѣстѣ перейти на противный берегъ, и долженъ былъ ограничиться стрѣльбою съ берега. Не смотря на вѣрную, столько прославляемую стрѣльбу Азіятцевъ, непріятель не потерялъ ни одного клыка. У насъ выбылъ изъ строя легко раненый паденіемъ Армянинъ, выбитый изъ сѣдла своимъ Карабагскимъ аргамакомъ. Я не разсудилъ доносить тотчасъ генералу о сраженіи, потому, что къ вечеру я могъ посмѣшить его лично разсказомъ.

«Собравъ разсыянные силы моего авангарда, и побранивъ начальника его за то, что онъ завязалъ безъ позволенія дѣло съ непріятелемъ, чѣмъ могъ потревожить главный отрядъ генерала, для большаго порядка остальной путь слѣдовалъ я уже вмѣстѣ съ своими храбрыми Армянами, тѣмъ болѣе, что мы недалеко были отъ селенія Кара-Бабы, гдѣ могли быть встрѣчены и настоящимъ непріятелемъ.

«Скоро, раздвинувшееся ущелье показало намъ селеніе Кара-Бабу, стоящее на довольно возвышенной, отмогой полянѣ, въ видѣ небольшого, обнесеннаго стѣною редута, по угламъ котораго торчатъ по башенкѣ. Я остановился съ авангардомъ, и послалъ урядника съ двумя казаками осмотрѣть селеніе, давая между тѣмъ время стянуться на позицію всѣмъ моимъ силамъ. Посланные мною казаки, доскакавъ до селенія, начали махать намъ руками, и въ знакъ занятія ими грозной, молчащей передъ нами твердыни, водрузили на ея стѣнѣ Донскую пику, накрывъ ее шапкою. Если такой знакъ походилъ болѣе на геодезическую вѣху, нежели на побѣдную орифламму, мы въ томъ не были виноваты — простымъ рекогносцировкамъ орловъ не доверяютъ. Впрочемъ, вѣха послужила мнѣ въ прямомъ ея значеніи: я принялъ ее за точку окончательнаго направленія въ сѣмкѣ мо-

его маршрута. Расположивъ отрядъ свой для отдыха и пославши занять пикетомъ высоту, лежащую въ полуверстѣ за селеніемъ, по дорогѣ въ Нахичевань и Аббасъ-Аббадъ, я повѣхалъ самъ осмотрѣть его. Замѣтно было, что селеніе оставлено жителями не очень давно; въ одной сакль нашелъ я двухъ тощихъ, измученныхъ голодомъ кошекъ, встрѣтившихъ меня жалобнымъ мяуканьемъ. Накормивъ этотъ оголодавшій гарнизонъ бывшимъ со мною запасомъ хлѣба и жареной баранины, я возвратился къ своему осадному войску, и заснулъ сномъ богатырскимъ, послѣ столькихъ подвиговъ и великодушнаго поступка съ защитниками Кара-Бабы.

«Послѣдніе лучи заходящаго солнца провожали мы уже съ высотъ Ахъ-Караванъ-Сарая. Пріѣхавъ на мѣсто, я тотчасъ пошелъ къ генералу. У него засталъ я прибывшаго на бивакъ нашъ старика Мехти-Кули, Хана Карабагскаго. Въ сторонѣ разбивали огромную его палатку, а за нею располагалась шумнымъ таборомъ многочисленная его свита.

«Я отдалъ генералу подробный отчетъ въ исполненіи порученія. Онъ смѣялся надъ нашими авангардными подвигами. — Monsieur de S...gne, сказалъ мнѣ генералъ, съ обыкновенною, милою своею улыбкою, allez vous coucher, mon cher un peu, puisque nous nous mettons en marche aujourd'hui même, il vous faut quelques heures de repos, après la course que vous venez de faire. Le tambour ne tardera pas de vous réveiller à tems. Au revoir! — Онъ сказалъ мнѣ это по-Французски для того, чтобы скрыть отъ Хана предстоящее движеніе. Я поблагодарилъ генерала за его заботливость и вниманіе, и чувствуя въ самомъ дѣлѣ усталость, пошелъ отдохнуть не много.

«Въ 10 часовъ вечера ударили подъемъ. Ночь была темная. Тучи заволокли небо и самыя высоты, на которыхъ мы находились. Однакожь, мы выступили и пошли въ возвратный путь, по горной тро-

пинкъ восточной стороны Сальварти, на селеніе Парнаутъ, лежащее у подошвы сей горы, на правомъ берегу рѣки Базарь-Чая. Проводникъ Татаринъ, на белой лошади, былъ путеодною нашею звѣздою, въ накрывшемъ насъ, какъ будто инквизиторскимъ капшономъ, сумракъ. Началась гроза. Молнія, извиваясь своими огневými лентами, надъ нами, кругомъ и подъ ногами нашими, увеличивала еще болѣе мракъ, насъ окружавшій. Громъ гремѣлъ во всѣхъ направленіяхъ, и передавался эхомъ изъ ущелья въ ущелье, слился наконецъ въ одинъ непрерывный, оглушительный рокотъ. Дождь лилъ ливнемъ. Лошади наши вздрагивали, фыркали, скользили, падали.... На каждомъ шагу, мы боялись оборваться въ бездну, которая, въ лѣво отъ насъ, при блескахъ молніи, выказывала намъ черную, зіяющую, зубчатую свою пасть. И въ те же время Сальварти, какъ горный духъ, неизмѣнно сторожилъ насъ справа, выставляя изъ за-тучь мрачное чело свое, увитое перунами.

«Къ счастью нашему, гроза скоро начала затихать; тучи быстро мчались на югъ. Небо распахнулось надъ нами синимъ куполомъ, съ звѣздами и полнымъ мѣсяцемъ. Перламутровыя облака безграничнымъ моремъ разстлались подъ нами, и пирамидальныя, потухшія сопки, разсыпанныя по долине Базарь-Чая, выказывали изъ нихъ, тамъ и сямъ, свои вершины, принимавшія на себя видъ, то острововъ, то кораблей, потерявшихъ свои мачты и снасти въ миновавшую бурю... Никогда не забуду я той чудной ночи! — Природа, какъ прекрасная женщина, красовалась передъ нами, окруживъ насъ всеми очарованіями своихъ волшебныхъ прелестей. Да, повторю и я съ другими, горы самая высокая поэзія земли. Здѣсь не жалѣлъ я даже объ океанъ: я видѣлъ образъ его въ облакахъ, волновавшихся подъ ногами нашими. Оптический обманъ былъ такъ положъ

существенности, что мнѣ казалось, или въ самомъ дѣлѣ такъ было, но я видѣлъ, въ воздушной этой влагѣ, отраженія и мѣсяца, и звѣздъ, и горъ, насъ окружающихъ; даже, казалось мнѣ, что другая рать, съ исполинскими всадниками и пѣшими воинами великанами, двигалась въ ровень съ нашимъ отрядомъ....

«Медленно, сопровождаемые такими фантастическими союзниками, спускались мы къ Парнауту, при веселыхъ звукахъ родимыхъ пѣсенъ, которыя затянули наши казаки и егеря, ободренные разсыявшеюся непогодой. Вдали слышны были шумъ ропотнаго Базарь-Чая и протяжное, звонкое: *слушай!* часовыхъ, стоявшаго лагеремъ на противоположномъ берегу рѣки батальона Н. пѣхотнаго полка. Перейдя рѣку въ бродъ, мы примкнули своимъ бивакомъ къ лагерю батальона. Здѣсь провели мы остальные часы ночи, а въ полдень, на другой день, варили нашу походную кашу въ Гюрюсахъ. Тутъ распрощался съ нами Мехти-Кули Ханъ и уехалъ впередъ, въ свое имѣніе, лежащее въ окрестностяхъ крѣпости Шуши.

«Не рассказываю вамъ, ни объ его политическихъ обстоятельствахъ, потому, что они такъ же извѣстны вамъ, какъ и мнѣ, ни объ его частной жизни, потому, что она не любопытна, и скажу вамъ только объ его наружности. Вотъ вамъ его изображеніе: старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ короткою и рѣдкою, какъ у горнаго козла, сѣдою бородою, высокаго, сухощаваго сложенія, съ глазами тусклыми и безъ жизни, важною однакожь осанкою, усвоенною ему его значительнымъ саномъ, и одряхлѣвшій, кажется, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ сладострастной своей жизни, общей болѣзни Азіятцевъ, особенно въ высшемъ кругу, и тѣмъ еще болѣе обыкновенной у владѣтельныхъ особъ изнѣженнаго Востока. Вы сами увидите Хана — онъ, вѣроятно, скоро посѣтитъ нашъ лагерь. Послѣ обѣда мы оставили

Гюрюсы. Кажется, я не говорил еще вамъ о прекрасномъ видѣ этого селенія?

«Гюрюсы, съ своими красивыми, издали, салями и башнями, съ своею Армянскою часовнею, и съ водяною, на гремучемъ потокѣ мѣльницею, осѣненной развѣсистыми, широколиственными чинарами, расположены амфитеатромъ по террасамъ, прислоненнымъ къ высокому берегу лѣвой стороны Гюрюскаго ущелья, установленнаго, какъ будто огромнымъ частоколомъ, самородными, или, вѣрнѣе сказать, вулканическаго образованія, конусо-видными, высокими пирамидами. Онѣ даютъ какой-то особенный характеръ селенію, нигдѣ болѣе въ горахъ Закавказскаго края мною не замѣченный. Такое образованіе горъ принадлежность полосы ихъ, идущей отъ рѣки Ахъ-Кара-Чай до высотъ Ахъ-Караванъ-Сарая. Особенно долина Базаръ-Чайская, начиная отъ самыхъ Гюрюсовъ, изобилуетъ вулканическими произведеніями, и на ней, какъ я сказалъ выше, есть много потухшихъ сопокъ.

Поднявшись изъ Гюрюскаго ущелья, мы увидѣли Горонсурскую равнину, покрытую въ разныхъ мѣстахъ густымъ дымомъ. Подвинувшись впередъ, мы убѣдились въ своей догадкѣ, что степь горитъ. Пожаръ, съ невѣроятною скоростью, обнялъ почти все видимое пространство равнины, приготовленной къ сей жертвѣ засухами знойнаго лѣта. Въ одномъ мѣстѣ съ трудомъ перѣехали мы огневой оазисъ, боясь за зарядные ящики нашихъ горныхъ единороговъ.

«Спустясь въ селеніе Горонсуры, нашли мы его въ тревогѣ и смятеніи, и замѣтили скачущую изъ него, въ противоположную отъ насъ сторону, толпу всадниковъ.

«Невольно вздрогнулъ я, и вспомнилъ зловѣщую птицу... Предчувствіе сердца оправдалось: хищный коршунъ схватилъ мою голубку! Черезъ перевод-

чика узнали мы отъ жителей, что партія Персіанъ, вѣроятно, переправившаяся черезъ Араксъ изъ Урдабада, или Мигри, съѣздила набѣгъ на селеніе, разграбила въ немъ нѣсколько саклей, убила старика мелика и похитила его бѣдную дочь — мою прекрасную Армянку!.... Сердце мое облилось кровью при такой вѣсти. Я видѣлъ несчастнаго мелика: обезображенный трупъ его лежалъ еще на окровавленномъ помостѣ разграбленной его сакли. Генералъ тотчасъ отдѣлилъ отъ отряда пятьдесятъ казаковъ, и послалъ ихъ въ погоню за хищниками. Поиски были безуспѣшны. Къ утру слѣдующаго дня, казаки возвратились и сказали намъ, что Персіане переправились черезъ рѣку Ахъ-Кара-Чай, и скрылись у нихъ изъ вида по ея глубокому ущелью. Одинъ казакъ поднялъ на погоню красное покрывало. Я узналъ это покрывало, и купилъ его у Донца за два червонца...

«Зачѣмъ не могъ я искупить свободы бѣдной, злополучной дѣвушки! Какая участь ожидаетъ ее теперь въ рукахъ изверговъ? Тяжело подумать.

«Въ Горонсурахъ отрядъ остался на дневку, а я съ своимъ конвоемъ отправился впередъ, чтобы повѣрить свои брульоны, и пріѣхавъ въ лагерь успѣть вычертить ихъ на бѣло къ возвращенію генерала.

«Третьяго дня, прежней дорогой, поднялся я на Саксаганъ. Отдохнувши на немъ часа два, отправился я далѣе, и къ вечеру началъ спускаться къ селенію Чинахчи окрестными его садами и виноградниками. Задумчивый и увлеченный широкимъ ходомъ моего Черкеса, я очутился одинъ, впереди моего конвоя.

Со ската небольшой высоты на поляну, я увидѣлъ скачущую по дорогѣ, на красивомъ конѣ, женщину, въ Татарской одеждѣ... Разноцвѣтное клѣтчато покрывало ея развѣвалось по воздуху. Я подумалъ о своей бѣдной Армянкѣ, и сдержалъ своего коня, же-

лая рассмотреть незнакомку. Вдруг изъ поддо-
рожныхъ кустарниковъ выскочили человекъ десять
Татаръ верхами. Они мгновенно окружили всад-
ницу, и одинъ изъ нихъ, красивой наружности
Татаринъ, сорвалъ ее сильною рукою съ ея коня,
перекинулъ ловко на переднюю луку своего сѣдла,
и какъ новый Малекъ-Адель, помчался съ сво-
ею ношей — прямо ко мнѣ на встрѣчу. Первою
мыслью моею было — раздробить ему черепъ пулею,
и я взвелъ курокъ своего пистолета. Въ это вре-
мя конвой мой показался изъ-за угла поворота, на
мѣсто дѣйствія происходившей передо мною драмы...
Татаринъ, мчавшійся съ своею плѣнницею, увидя
насъ передъ собою, крѣпко осадилъ своего коня.
Мы немедленно его окружили. Онъ до того оробѣлъ,
что проворно выскочилъ изъ сѣдла и началъ осто-
рожно опускать драгоценную ношу свою на землю...
Покрывало незнакомки, зацѣпясь за высокую лу-
ку Татарскаго сѣдла, открыло намъ..... Но кто мо-
жетъ представить себѣ наше удивленіе, когда въ
прекрасной всадницѣ мы узнали....

— Армянку! Армянку! — прервали меня мои со-
бесѣдники въ одинъ голосъ.

«Нѣтъ, господа, не отгадали: *Мехти-Кули, Хана Карабагскаго!*»

— Что ты кормишь насъ Персидскою грязью! —
вскричалъ мнѣ, вскочивши съ своего мѣста, какъ буд-
то ужаленный скорпіономъ, С....кій. — Мы, слава
Аллаху, не собаки Кызымъ-Баши, а честные Русскіе
офицеры!

Прочіе мои товарищи смотрѣли мнѣ въ глаза съ
недоумѣніемъ.

«Да, Мехти-Кули, Хана Карабагскаго,» повто-
рилъ я имъ съ комическою твердостью. «Я развер-
ну вамъ эту загадку,» продолжалъ я. «Это, какъ я
узналъ отъ нашего переводчика и отъ офицеровъ,
служившихъ въ крѣпости Шушъ, обыкновенная и

частая забава проказника Хана.... И этой-то продѣл-
ки его были мы печальными для него свидѣтелями.

«Оправившись немного отъ замѣшательства, Ханъ
велѣлъ подать себѣ коня, и скоро скрылся изъ на-
шихъ глазъ.

«Въ Чинахчахъ мы ночевали, а со вчерашняго дня
я снова вашъ собесѣдникъ, и съ дороги, кажется,
немного говорливый. Пора прекратить нашу бесѣду.
Лагерь давно смолкъ. Должно быть уже за пол-
ночь. — Повѣсть о Мамелокъ за тобою, любезный
С....кій — завтра приготовься къ своему разсказу,
а я уступаю тебѣ поприще его безъ бою.» —

Слова мои были прерваны прибѣжавшимъ отъ ге-
нерала адъютантомъ, съ приказаніемъ пригото-
виться къ немедленному выступленію и сняться съ ла-
герьа не дѣлая тревоги. Мы всѣ вскочили съ своихъ
мѣсть, и въ слѣдъ за тѣмъ лагерь зашевелился.

Отрядный начальникъ получилъ извѣстіе, что
Персіане, въ значительныхъ силахъ, переправляются
черезъ Араксъ, по Маральянскому броду, и намѣ-
рены сдѣлать на зарѣ слѣдующаго дня печальное
нападеніе на нашъ транспортъ съ продовольствіемъ,
отправленный на кануть низовою дорогою въ Гюрю-
сы, для складки запасовъ въ магазинъ, учреждаемый
тамъ для главнаго нашего корпуса, идущаго изъ-
подъ Эривани, для осады крѣпости Аббасъ-Аббада. Ге-
нераль рѣшился предупредить непріятеля у самаго
брода, лежащаго въ 25-ти верстахъ отъ Каргабазара.

Мы разстались и побѣжали сдѣлать своихъ коней.
Черезъ полчаса весь отрядъ нашъ двигался уже по
дорогѣ къ Маральяну, медленно извивая по угорь-
ямъ, какъ огромный змѣй, сомкнутые свой ряды,
сверкающіе стальною щетиною ружей, освѣщенныхъ
мѣсяцомъ....

Если уцѣлѣю въ предстоящей битвѣ на Араксъ,
и на судъ читателей — въ журналъ, то напечатаю
вамъ еще вечера два на бивакахъ, гдѣ передамъ

объщанную моимъ товарищемъ С.....кимъ повѣсть о Наполеоновомъ мамелюкѣ; доскажу объ участи моей Армянки, о которой и вы, любезный читатель, можете быть, пожалуй вмѣстѣ со мною; расскажу вамъ еще знакомство мое въ Ардебилѣ съ Принцемъ Мегеммедъ-Мирзою, нынѣшнимъ Шахомъ Персидскимъ.... У насъ, таки, много было любопытнаго въ Персидскую войну 1827 и 1828 года *.

Н. с . . . нъ.

Царское Село.

Октября 23, 1838 г.

=

* Принимая на себя отвѣтственность за безопасность любезнаго рассказчика на судъ читателей, мы просимъ его исполнить свое обещаніе и расположить свой второй бивакъ на страницахъ нашего журнала, обещая ему держать кругомъ сторожевую цѣпь противъ злой критики.

Р. С. О.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О В Ъ С Т Ъ

О БѢДНОМЪ ЖЕНИХѢ И БОГАТОЙ НЕВѢСТѢ.

(АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ).

I.

Въ началѣ царствованія короля Людовика XV-го, одинъ молодой человекъ, по имени Круазиль, сынъ брильянтика, возвращался изъ Парижа въ Гавръ, свой родимый городъ. Отецъ поручалъ ему въ Парижѣ торговое дѣло, и онъ окончилъ его очень хорошо. Радость, что принесетъ домой добрыя вѣсти, заставляла его идти скорѣе и веселѣе обыкновеннаго — идти, говорю, потому, что хотя въ карманахъ у него была порядочная сумма денегъ, но путешествовалъ онъ пѣшкомъ. Славный былъ онъ малый, и очень добрый и неглупый, но такой раз-

Т. VII. — Отд. II.

связанный и вѣтренный, что многіе почитали его даже дуракомъ. Застегнувши кое-какъ жилетъ свой, шляпу взявши подъ мышку, шелъ онъ по берегу Сены, то пѣлъ, то мечталъ, ужиналъ и ночевалъ какъ нибудь въ корчмахъ, и восхищался тѣмъ, что идетъ черезъ одну изъ прекрасныхъ областей Франціи, въ самое лучшее время года. Лакомясь путемъ дорогой Норманскими яблоками, онъ прискивалъ въ головѣ своей рифмы — вѣдь вы знаете, что рѣдкій вѣтренникъ не бываетъ поэтомъ — и сочинялъ мадригалъ одной красавицѣ своей родины. Красавица, которой сочинялъ онъ стихи, была, ни больше, ни меньше, какъ дочь главнаго тамошняго откупщика, дѣвица Юлія Годо, жемчужина Гавра, богатая наследница, за которою ухаживали женихи безъ счета. Круазиль былъ иногда вхожъ въ домъ отца ея случайно; онъ нашивалъ разныя вещицы, какія покупалъ отецъ Юліи у отца его. Господинъ Годо чувствовалъ, что простонародное имя мало соответствовало его безмѣрному богатству, и мечталъ за свое незнатное рожденіе тѣмъ, что при всякомъ случаѣ и всякому, немилосердо и безпрестанно показывалъ, что онъ, г-нъ Годо, человѣкъ богатый и очень богатый. Стало быть, не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы допустить въ гостиную свою сына брильянтика и позволилъ ему свободно обращаться съ дочерью; но какъ у дѣвицы Годо были самые чудесные глаза, да и Круазиль былъ очень недурень собою, то ничто и не мѣшало ему обожать дѣвицу Юлію, и ей за то — не сердиться, по крайней мѣрѣ. Вотъ, возвращаясь въ Гавръ, думалъ теперь Круазиль объ Юліи, и какъ онъ никогда и не о чемъ не размышлялъ, то вмѣсто того, чтобы вспомнить о непобѣдимыхъ препятствіяхъ, какія разлучали его отъ его возлюбленной, искалъ онъ только рифмъ на имя

Юліи. Рифмы находились удачно; Круазиль былъ счастливъ, и съ деньгами въ карманѣ, и съ мадригалами въ другомъ, весело прибылъ онъ въ Гонфлёръ, переправился въ Гавръ и опростелю побѣжалъ къ отцовскому дому.

Отцовскую лавку нашелъ онъ запертою, постукался разъ, постучался въ другой, не безъ удивленія и страха, потому, что день былъ совсѣмъ непраздничный. Никто не выходитъ. Круазиль кличетъ отца своего — тицетно! И вотъ входитъ онъ къ сосѣду и спрашиваетъ, что такое сдѣлалось съ его отцомъ? а сосѣдъ, вмѣсто отвѣта, отворачиваетъ отъ него голову, какъ будто и не узнаетъ его. Круазиль повторяетъ свои вопросы, и ему рассказали, наконецъ, что отецъ его раззорился, и убѣжалъ въ Америку, оставя кредиторамъ домъ свой, и все что было въ домѣ.

Прежде нежели сообразилъ вполне свое несчастіе Круазиль подумалъ, что можетъ быть никогда уже не увидитъ своего бѣднаго отца. Сначала ему невозможно казалось вдругъ такъ осиротѣть; онъ непременно хотѣлъ войти въ отцовскій домъ, но тутъ указали ему на казенную печать — дѣлать было нечего; сѣлъ онъ сиротой на лавочку, подлѣ отцовскаго дома, и началъ горько плакать, не слушая утѣшеній, какими охотно угощали его добрые люди, и призывая громко своего отца, хоть и зналъ, что онъ былъ далеко, и его услышать не можетъ. Наконецъ, замѣтивъ, что вокругъ него собирается народъ, Круазиль не захотѣлъ дѣлиться съ нимъ своею безпомощною горестью, всталъ, и съ отчаяньемъ въ душѣ отправился къ гавани.

Пришедши туда, все еще шелъ онъ, какъ будто помѣшанный, по берегу, и самъ не понимая куда идетъ и что хочетъ дѣлать. Одинокій, забытый всѣ-

ми, потому что никому не было надобности до его горя и бѣды, бродилъ онъ, бродилъ по морскому берегу, и размышлялъ — въ первый разъ въ жизни — что теперь нѣтъ у него никакой помощи, нѣтъ убѣжища, нѣтъ никакого средства спасти отца и себя, и — разумѣется — нѣтъ ни друга, ни пріятеля. Что остается дѣлать? Одно — броситься въ море, и такъ начисто и просто разсчитаться съ людьми и съ горемъ! Прекрасная мысль, и до того понравилась она Круазилу, что онъ взошелъ на высокое прибрежье, и — но въ то мгновеніе, когда хотѣлъ онъ броситься съ утеса, ухватилъ его за полу добрый слуга отца его, старикъ Жанъ, на рукахъ котораго онъ выросъ...

— Ахъ! мой добрый Жанъ! — вскричалъ со слезами молодой человекъ — ты знаешь, что сдѣлалось послѣ моего отъѣзда... А? Можно ли было ожидать? Отецъ мой даже не уведомилъ меня, не простился со мной!.

«Нѣтъ, онъ не оставилъ васъ безъ своего родительскаго благословенія», отвѣчалъ Жанъ.

Тотчасъ вынулъ Жанъ изъ кармана своего письма, отдалъ его своему молодому господину, а Круазиль узналъ почеркъ отцовскій, и не распечатывалъ еще письма, поцѣловалъ его нѣсколько разъ. Въ письмѣ было писано много. Въмѣсто услажденія горести, молодой бѣдникъ нашъ почувствовалъ, что она еще болѣе усилилась. Честный во всю жизнь, и всѣмъ извѣстный за честнаго, но раззоренный неожиданнымъ несчастіемъ и добродушіемъ, потому, что его обманулъ одинъ негодяй, да притомъ онъ поручился за добраго пріятеля, а тотъ не заплатилъ, старикъ уведомлялъ сына, что не могъ и не хотѣлъ перенести позора, бросилъ все, и теперь утѣшалъ Круазила извѣстными утѣшительными словами, ка-

кѣ всѣмъ говорить въ горѣ, надеждою безъ цѣли и причины, которая и при лучшихъ-то обстоятельствахъ самая плохая утѣшительница.

— Жанъ, мой другъ! ты качалъ меня въ колыбели, и теперь ты остался въ цѣломъ мірѣ, конечно, единственнымъ человекомъ, который меня любить — сказалъ Круазиль, прочитавши письмо отца своего. — Утѣшительно мнѣ такъ думать, но чего же ты хочешь? Отецъ мой уплылъ по этому морю, а я въ него брошусь непременно — не теперь, не сегодня, а брошусь какъ хочешь! Что мнѣ остается дѣлать на свѣтѣ?

«Что вамъ дѣлать на свѣтѣ?» сказалъ Жанъ, какъ будто не разслушавши прежнихъ словъ своего молодого господина, а между тѣмъ придерживая его за полу. «Что вамъ дѣлать? Во первыхъ, порадоваться тому, что родитель вашъ не бездѣльникъ. Его обманули, и пріятель, за котораго онъ заплатилъ, не возвратилъ ему денегъ. Оставаться ему было здѣсь нельзя. Я видѣлъ, какъ онъ трудами наживалъ себѣ состояніе лѣтъ тридцать, работалъ, торговалъ, и Богъ благословлялъ его. Онъ былъ, сударь, человекъ умный и искусный въ дѣлѣ, но слишкомъ доверчивъ. Вотъ, что я видѣлъ въ последнее время: не думая о себѣ, онъ платилъ сколько могъ, отдавалъ обѣими руками, и потомъ показывалъ на свой сундукъ, гдѣ остался у него наконецъ только одинъ франкъ — «Жанъ!»! сказалъ онъ мнѣ, «въ этомъ сундукѣ было еще вчера 100,000 франковъ, и я всѣ ихъ отдалъ!» Развѣ, сударь, такъ поступаетъ бездѣльникъ? Бѣгство отца вашего нѣсколько не безчеститъ васъ.

— Я и не сомнѣвался въ честности моего отца, такъ, какъ не могу сомнѣваться и въ своемъ несчастіи. Не сомнѣваюсь и въ томъ, что онъ меня пом-

нить и любить — да, мнѣ хотѣлось бы еще видѣть его, обнять, утѣшить, и что мнѣ теперь дѣлать съ собою? Къ бѣдности я не привыкъ, а разбогатѣть не умѣю. Ты говоришь: отецъ мой тридцать лѣтъ наживалъ свое имѣніе, такъ сколько же лѣтъ надобно наживать его мнѣ? А между тѣмъ отецъ мой, гдѣ онъ теперь? что съ нимъ? Онъ умретъ тамъ съ горя, и я не буду знать даже, гдѣ могила его — увижусь съ нимъ только за гробомъ! —

Какъ ни велико было его отчаяніе, но Круазиль былъ юноша благочестивый. И хотя горе заставляло его желать смерти, но онъ не смѣлъ вызвать ея насильно, чуть пораздумалъ немного о своемъ положеніи. Онъ не утѣшился, правда, но не хотѣлъ уже броситься въ море, пока не разсудитъ, надобно ли туда броситься. Молча облокотился онъ на Жана, и безъ сопротивленія позволилъ ему вести себя. Они возвратились въ городъ, и когда вошли въ улицы и моря не было уже видно, Жанъ началъ говорить очень благоразумно:

«Мнѣ кажется, сударь, что каждый долженъ жить, пока ему живется, и что несчастіе не должно заставлять никого изъ насъ умирать. Видите: когда родитель вашъ при старости лѣтъ не хотѣлъ умереть, слава Богу, такъ какъ же вы можете думать о смерти, когда вамъ надобно еще долго жить? И когда притомъ цѣлый городъ знаетъ, что отцовскій поступокъ безчестія вамъ не сдѣлалъ, такъ, что объ васъ подумаютъ? Что вы струсили бѣдности и не хотѣли трудиться, а это значитъ, что вы были не христіанинъ и робкій человѣкъ. Разсмотрите обстоятельно: чего вамъ бояться? Есть люди, которые въ бѣдности рождаются, и у которыхъ нѣтъ ни отцовъ, ни матерей. Конечно, одинъ другому не указъ, такъ сказать, но за чѣмъ же не полагаться

на милость Господню? Родитель вашъ не богачемъ же родился, и потому бѣдность ему не новая гостья, такъ сказать — извините, а его примѣръ долженъ ободрить васъ. Раззориться можетъ всякій — это, сударь, ничего, но родитель вашъ былъ, сударь, человѣкъ, что называется человѣкъ, хотъ и ухалъ отъ того, что ему совѣстно было оставаться. Я провожалъ его до самаго корабля, и если бы вы видѣли, какъ онъ печаленъ былъ, и какъ жалѣлъ, что васъ нѣтъ, и какъ мнѣ заказывалъ заботиться объ васъ, и поскорѣе увѣдомить его объ васъ... Право, сударь, что это у васъ за мысли, такія — кидать топорище за топоромъ! Всякому дано его время на испытаніе. Вотъ и я былъ солдатомъ, пока не опредѣлился къ вашему родителю, и мнѣ бывало тяжело, да я былъ тогда молодъ, въ ваши лѣта, сударь, и мнѣ думалось, что въ такія лѣта съ жизнію прощаться еще рано. Дайте срокъ, такъ и увидите, что если Божій дождикъ васъ вымочилъ, такъ Божье солнышко высушитъ. Подождите, вотъ такъ годика три, и я ручаюсь, что жизнь опять вамъ слюбится. Если захотите прогуляться тогда въ могилу, вѣдь время еще не уйдетъ. Никогда торопиться не надобно — ни умирать, ни жениться»...

Пока Жанъ разсуждалъ такъ справедливо, уговаривая своего господина, тотъ шелъ подлѣ него молча, и какъ часто дѣлаютъ въ горѣ, смотрѣлъ то на ту, то на эту сторону, будто искалъ, не укажетъ ли ему судьба чего нибудь такого, что могло бы его утѣшить и привязать къ жизни? Случись же, что едва Жанъ промолвилъ слово: *жениться*, двѣнца Юлія Годо идетъ мимо съ своего надзирательницею. Круазиль взглянулъ на нее, и ему показалось... Да, словомъ сказать, такая встрѣча лучше всякихъ разсужденій убѣдила его, что ему можно еще по-

жить на блѣдомъ свѣтѣ. Я сказалъ уже вамъ напередъ, что онъ былъ немного вѣтренъ, и почти всегда увлекался первымъ впечатлѣніемъ. Дѣвица Юлія Годо ласково поклонилась ему, и вошла въ домъ отца своего, который былъ неподалеку. Не думавши ни одной минуты, Круазиль вдругъ оставилъ добраго своего Жана, не сказалъ ему ни одного слова, бросился къ дому г-на Годо, и началъ стучаться въ двери.

II.

Если нынѣ хотятъ представить себѣ то, что въ старину называлось *откупщицкою*, то всегда представляютъ себѣ огромное брюхо, коротенькія ножки, ужасный паричище на головѣ, и подъ паричкомъ широкое красное лицо, съ тройнымъ подбородкомъ. Воображалъ себѣ такими старинныхъ откупщиковъ, несомнѣемъ мы ошибаемся. По естественному закону, какъ было не толстѣть стариннымъ откупщикамъ, когда они не только сами ни чего не дѣлали, но и высасывали изъ всего, что дѣлали другіе? Вотъ потому-то они всѣ почти и всегда толстѣли. Но г-нъ Годо изъ всѣхъ тогдашнихъ откупщиковъ былъ самый классическій откупщикъ, какой только когда либо существовалъ, то есть, онъ былъ такой толстый, что изъ него вышло бы три откупщика, и еще немного осталось на четвертаго. У него была сильная, какъ обыкновенно водилось, подагра, модная болѣзнь тѣхъ временъ, какъ нынѣ модная болѣзнь мигрень. Когда Круазиль началъ стучаться у дверей его дома, лежалъ онъ, или такъ, ни лежалъ, ни сидѣлъ, въ большихъ креслахъ, и охалъ такъ сильно, какъ не охаетъ самый голодный бѣднякъ. Зеркала кругомъ отражали его великолѣпную

громаду. Мѣшки съ золотомъ лежали на его столѣ, и все вокругъ него, мебели, окошки, двери, замки, каминъ, потолокъ, все было раззолочено; платье у него было золотое, и не знаю только золотая ли была у него голова. Да, что голова, когда у человѣка такъ много золота! Г-нъ Годо охалъ, но дѣла не забывалъ, и полусидя, полулежа рассчитывалъ много ли тысячь принесетъ ему барыша одно затѣянное имъ, маленькое дѣльцо. Видно расчетъ выходилъ хорошъ, потому что г-нъ Годо весело улыбнулся и пересталъ охать въ ту минуту, когда ему доложили о приходѣ Круазили. Удивился немножко г-нъ Годо такому неожиданному посѣщенію, и подумалъ, что вѣрно дочери его понадобилась какая нибудь бездѣлка, и мысль его, казалось, была подкрѣплена тѣмъ, что едва Круазиль вошелъ въ однѣ двери, въ другія вошла Юлія. Круазиль явился съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, который не боится кинуться въ воду, такъ ужь, конечно, не побоятся золотыхъ мѣшковъ. Г-нъ Годо сдѣлалъ Круазилю знакъ—разумѣется, не садиться, а того, что онъ можетъ говорить. Дѣвица Юлія съла на софу, и Круазиль, стоя подлѣ дверей, началъ такъ:

«М. Г., мой отецъ раззорился. Одинъ бездѣльникъ обманулъ его, и одинъ пріятель не заплатилъ денегъ по его поручительству. Отецъ мой отдалъ кредиторамъ все, что могъ, не перенесъ стыда, что всего долга и за тѣмъ отдать не можетъ, и бѣжалъ въ Америку. Меня тогда не было, когда все это случилось. Вотъ я часа съ два только воротился изъ Парижа, и узналъ, какое несчастіе безъ меня произошло. У меня теперь нѣтъ ничего, и я рѣшился умереть. Полагаю навѣрное, что какъ только выйду отсюда, то и брошусь въ воду. Я ужь и сдѣлалъ бы это давно, если бы случайно не встрѣтилъ

на улицъ вашей дочери. Я ее очень люблю, М. Г., вашу дочь, и даже описалъ любовь мою въ стихахъ, которые со мною, да и во всю дорогу отъ Парижа только объ ней я и думалъ. Вотъ ужъ два года, какъ я въ нее влюбленъ, но изъ почтенія къ ней молчалъ до сихъ поръ о томъ, а теперь, объявляя вамъ, исполняю долгъ по совѣсти, думая, что грѣшно будетъ мнѣ умереть, не спросивши прежде у васъ: не отдадите ли вы за меня дѣвицы Юліи, вашей дочери? Я совсѣмъ не надѣюсь, чтобы вы мое требованіе исполнили, но видите, М. Г., когда человекъ дошелъ до такой крайности, что ему не мила жизнь, то онъ долженъ испытать всѣ средства для спасенія своей жизни. Нѣтъ сомнѣній, что я останусь жить, если вы, паче чаянія, согласитесь отдать за меня вашу дочь.»

При началъ рѣчи Круазилы, г-нъ Годо подумалъ: не денегъ ли пришелъ къ нему просить нежданный гость? и потому закрылъ онъ поскорѣе платкомъ мѣшки съ золотомъ, лежавшіе на столѣ, готови утивный отказъ. Но когда г-нъ Годо дослушалъ до конца рѣчь Круазилы, и понялъ о чемъ идетъ дѣло, то рѣшительно заключилъ, что бѣднякъ спитилъ съ ума. Тутъ хотѣлъ было онъ позвонить и приказать вытолкать его, но разглядѣвши рѣшительность на лицѣ Круазилы и находя какой-то складъ въ рѣчахъ его, онъ сжалился надъ безумцемъ. Потому приказалъ только онъ дочери своей выйдти, чтобы не слушала она такихъ неприличныхъ рѣчей. А что дѣлала дѣвица Юлія?

Пока говорилъ Круазиль, дѣвица Юлія покраснѣла, будто перенкъ въ Августъ мѣсяць. По приказу отца своего, тотчасъ она вышла. Молодой женихъ ея учтиво ей поклонился, чего дѣвица Юлія, казалось, не замѣтила. Оставшись наединѣ съ Круази-

лемъ, г-нъ Годо прокашлялся, приподнялся, усѣлся хорошенько и принялъ ласковый видъ.

— Мой любезный — сказалъ онъ — я вѣрю, что ты не насмѣхаться надо мною пришелъ, а что точно ты ряхнулся. Потому, не только извиняю я тебя, но согласенъ даже оставить безъ наказанія твой поступокъ. Сожалю, что старыи дуралей, отецъ твой — извини, любезный — далъ себя водить за носъ другимъ, раззорился и бѣжалъ. Это очень неприятно, и я понимаю, что отъ этого можно было тебѣ одурѣть. Жалю о тебѣ, какъ о моемъ ближнемъ, и хочу что нибудь для тебя сдѣлать — бери стульчикъ, садись — вонъ тамъ, у дверей!

«Не нужно, М. Г.», отвѣчалъ Круазиль. «Вы скажите только: отказываете ли мнѣ или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Если да, такъ я пожелаю вамъ всякаго благополучія, пойду и утоплюсь сей часъ.»

— Въ самомъ дѣлѣ?

«Право, такъ, М. Г.»

— Тѣфу ты, братецъ, какія глупости! Садись-ка, садись, говорю я тебѣ, и слушай. —

Г-нъ Годо обдумалъ между тѣмъ, что очень будетъ нехорошо, если стануть говорить по городу: «Вотъ-дескать, вышелъ отъ него бѣднякъ и прямо пошелъ, да и бросился въ воду!» Оно, конечно, такъ, что отъ г-на Годо, можетъ быть, утонялся и не одинъ бѣднякъ, да здѣсь были обстоятельства совсѣмъ другія! Онъ еще разъ прокашлялся, взялъ свою золотую табакерку, повернулъ ее, поправилъ жабо и сказалъ:

«Ты, любезный другъ, мальчишка, дуракъ, сумасшедшій! Извини, любезный, а это ясно, потому, что ты самъ не знаешь что говоришь. Ты умираешь съ голоду — вотъ въ чемъ все дѣло, да этого недостаточно. Надобно, то есть, размышлять.»

Если, напримеръ, ты пришелъ бы теперь просить у меня... чего бы такого? Положимъ, добраго со- вѣта — такъ! Но ты чего отъ меня хочешь?

— Узнать, отдадите ли вы за меня вашу дочь.

«Стало, то есть, ты влюбленъ въ нее?»

— Ахъ! М. Г., такъ влюбленъ... И повторю, что я далеко даже и отъ мысли, чтобы вы ее за меня отдали, но какъ послѣ вашего отказа у меня уже ничего не останется на душѣ, что привязывало бы меня къ жизни, то и могу я умереть съ спо- койною совѣстью, увѣренный, что мнѣ жить болѣе не для чего. Вы сами знаете, М. Г., что такое со- вѣсть...

«Знаю ли, нѣтъ ли что такое совѣсть — не твое это дѣло — обо мнѣ рѣчи нѣтъ. Ты сперва отвѣ- чай на мои вопросы — говори: гдѣ видаль ты мою дочь?»

— Какъ: гдѣ видаль? И въ лавкѣ моего отца, и здѣсь, когда прихаживалъ съ разными вещами къ дѣвицѣ Юліи.

«Да, какъ ты смѣешь называть ее: *дѣвица Юлія*? Знаешь ли ты... Ну, да, какъ бы ее ни звали, Юлія или Жавотта, знаешь ли ты, что прежде все- го надобно тому, кто осмѣливается дерзать просить руки главнаго городского откупщика? Знаешь ли?»

— Нѣтъ, не знаю. Развѣ то, чтобы непременно быть такимъ же богачемъ, какъ отецъ невѣсты.

«Нѣтъ, любезный, не то: надобно *имя*.

— У меня есть имя — Круазиль.

«Экой дуралей! Да, развѣ это имя: Круазиль?»

— Да, чѣмъ же оно хуже, напримеръ, имени Годо? — право, не знаю!

«Ты, дерзкій мальчишка — я расплачусь съ тобой!»

— Ахъ! Боже мой! не сердитесь, М. Г., не сер- дитесь! Клянусь вамъ, что я не думалъ васъ оби-

дѣть! Если вы оскорблены мною, такъ скажите только два слова: «Поди вонъ!» Я пойду и утоп- люсь. —

Хоть г-нъ Годо и общалъ самому себя отпра- вить Круазиль какъ можно ласковѣе, желая избѣ- жать всякихъ толковъ, но его благоразуміе уступи- ло мѣсто оскорбленной гордости. Разговоръ, къ ко- торому принудилъ онъ себя, и безъ того былъ не- лѣпы, но подумайте, что чувствовалъ онъ притомъ, что сказалъ ему Круазиль!

«Слушай — вскричалъ онъ, едва удерживая гнѣвъ свой, и рѣшась кончить поскорѣе бесѣду — «неужели ты такъ глупъ, что не знаешь и не можешь по- нять смысла рѣчей самыхъ обыкновенныхъ! Богаты- ли ты? Нѣтъ! — Благороденъ ли ты? Нѣтъ! — Ну, такъ зачѣмъ же принесло тебя ко мнѣ? Ты плутъ, ты хочешь поддѣть меня; да, нѣтъ, любезный, не на того ты попалъ! Видишь, какъ онъ придумалъ: если я откажу, такъ онъ утопится! Ну, да, мнѣ- то что за дѣло? Развѣ я долженъ отцу твоему? Те- бѣ ѣсть нечего, а мнѣ - то что? — Поди и утопись!»

— Очень хорошо. Прощайте, М. Г., будьте бла- гополучны!

«Постой-ка — не будь же сказано, что я отказалъ тебѣ въ помощи — вотъ тебѣ луйдоръ, да поди по- тышь въ кухнѣ, и впередъ ко мнѣ ни ногой!»

— Покорнѣйше благодарю. Я не голоденъ, а день- ги ваши передъ вами!

Круазиль поклонился и вышелъ изъ комнаты, а г-нъ Годо, успокоенный въ совѣсти, тѣмъ, что пред- лагалъ ему помощь, усѣлся хорошенько въ свои кресла и началъ опять думать о своихъ дѣлахъ.

Дѣвица Юлія во все это время была не такъ да- леко, какъ вы полагаете. Она, правда, удалась по приказанію своего отца, но не пошла въ свою ком-

нату, а стала за дверьми и подслушивала. Если сумасбродное предложеніе Круазилля и показалось ей нелѣпостью, по крайней мѣрѣ, оно не могло оскорбить ее, потому, что съ того времени, какъ свѣтъ стоитъ, любовь никогда еще обидой не почиталась. Съ другой стороны, какъ очень было возможно, что отчаяніе молодого человѣка доведетъ его до бѣды, то дѣвица Юлія вдругъ была встревожена двумя, весьма опасными для дѣвушки, чувствами — состраданіемъ и любопытствомъ... Она была женщиною! — Когда она увидѣла, что разговоръ кончился и Круазиль готовъ выйти, быстро пробѣжала она по залѣ отъ дверей къ своимъ комнатамъ, но тотчасъ опять воротилась назадъ. Мысль, что Круазиль, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ утопится, невольно встревожила ей сердце. Сама не отдавая себѣ отчета хорошенько въ томъ что дѣлаетъ, она пошла на встрѣчу Круазиллю, и вотъ оба потихоньку сѣдлись они другъ къ другу. Когда дѣвица Юлія была уже подлѣ него, то увидѣла, что Круазиль былъ блѣденъ, какъ смерть, и она совсѣмъ растерялась, такъ, что не знала уже, что ей сказать въ утѣшеніе ему. И вотъ она прошла мимо него и уронила какъ-то букетъ фіалокъ, который держала въ рукѣ. Онъ тотчасъ наклонился, поднялъ букетъ и подалъ его дѣвицѣ Юліи, но она не взяла букета, шла далѣе, не говоря ни слова, и ушла въ кабинетъ своего отца. Круазиль остановился, подумалъ, спряталъ букетъ и вышелъ изъ дома г-на Годо, не зная, что таксе значить поступокъ дѣвицы Юліи?

III.

Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ добрый, вѣрный Жанъ его бросился къ нему на встрѣчу; лицо старика выражало радость.

— Что такое? — говорилъ Круазиль — не хочешь ли ты что нибудь мнѣ сказать?

«Много хорошаго, сударь, очень много!» отвѣчалъ Жанъ. Печати съ вашего дома сняты, и вы можете въ него идти. Всѣ долги вашего родителя заплачены, и домъ остается въ вашемъ владѣніи. Изъ него, правда, вынесли, что въ немъ было, и вещи, и мебель — онъ пустехонекъ, но домъ самъ по себѣ домъ, и не вовсе таки вы безъ помощи, потому, что у васъ есть домъ. Я все ждалъ васъ здѣсь, пока выйдете вы отъ г-на Годо, и надѣюсь, мой любезный господинъ, что теперь вы не будете отчаиваться! Теперь, можно всему горю пособить...

— Какъ : пособить?

«Продать домъ, сударь, и выручить изъ него деньги. Онъ, какъ хотите, а тысячь тридцати франковъ стоитъ. Съ такимъ запасомъ голодной смертью умереть нельзя, и что помѣшаетъ вамъ заняться торговлей и разбогатѣть?»

— Да, да, правда, посмотримъ! — говорилъ Круазиль, поспѣвая въ улицу, гдѣ былъ домъ отца его. Ему такъ хотѣлось поскорѣе взглянуть на родительскій кровъ, на мѣсто, гдѣ онъ родился, но когда онъ пришелъ туда, представилось ему столь печальное зрѣлище, что чуть было онъ не заплакалъ... Лавка въ безпорядкѣ, комнаты пусты, кровати отца его кѣтъ — всюду пустота и безмолвіе! Не осталось ни стула, ни стола; разломанные шкафы были опустошены; конторка сброшена въ сторону — сундукъ унесенъ. Ничто не укрылось отъ розыска жадныхъ кредиторовъ и судейскихъ рукъ! Разграбивши домъ, они отправились и оставили всѣ двери настежь растворенными, какъ будто показывая проходящимъ, что имъ тутъ болѣе нечего бы-

ло дѣлать, какъ воронамъ, когда они разклевали трупъ.

— И вотъ что осталось отъ тридцати лѣтъ труда — вскричалъ Круазиль — вотъ что осталось отъ жизни честно проведенной, за то только, что добрый человекъ повѣрилъ бездѣльникамъ!

Говоря такъ, ходилъ онъ взадъ и впередъ большими шагами, а Жанъ въ это время, казалось, о чемъ-то сильно думаетъ. Добрякъ соображалъ: что если теперь у его молодаго господина нѣтъ ни франка денегъ, да, можетъ быть, онъ еще и не объдалъ? И вотъ придумывалъ онъ, какъ бы обо всемъ этомъ спросить поскромнѣе, и если можно, предложить, пока продается домъ, небольшой запасъ, скопленный имъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Съ четверть часа думалъ онъ, думалъ, какъ извернуться, пока Круазиль все ходилъ, да печалился, и наконецъ Жанъ ничего лучше придумать не могъ, какъ подойти къ Круазилю и спросить у него самымъ учтивымъ образомъ:

«Не любите ли вы, сударь, цыплятъ съ горохомъ?»

Бѣднякъ произнесъ сіи слова, вмѣстѣ съ такимъ робкимъ и такимъ смѣшнымъ выраженіемъ, что не смотря на свое горе, Круазиль засмѣялся.

— Для чего жъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? — сказалъ онъ.

«Для того, сударь, что жена моя сегодня изговорила цыплятъ съ горохомъ, и если вы ихъ любите, такъ не угодно ли...

Только теперь Круазиль вспомнилъ о деньгахъ, какія принесъ изъ Парижа, и напоминаніе Жана заставило его ухватиться за карманы, наполненные золотомъ.

— Благодарю тебя, мой милый! — сказалъ онъ старику — но если ты обо мнѣ беспокоишься, то не

бойся: у меня столько денегъ, что достанетъ сегодня поужинать и завтра пообѣдать.

Говоря такъ, выложилъ онъ на каминъ четыре большіе кошелька; въ каждомъ было по 50-ти луйдоровъ.

— Хотя эти деньги и не принадлежатъ мнѣ, но истратить изъ нихъ немного я могу. Не знаю, куда послать мнѣ ихъ? Онъ вѣдь деньги отца моего.

«Родитель вашъ,» сказалъ ему поспѣшно Жанъ, «помнилъ объ этихъ деньгахъ, и именно заказывалъ мнѣ сказать вамъ, что если вы привезете деньги изъ Парижа, и всего остальнаго имѣнія достанетъ на расплату съ кредиторами, то вы должны оставить ихъ у себя. Долги заплачены и деньги теперь ваши. Родитель вашъ тамъ нуждаться крѣпко не будетъ. Онъ будетъ жить у одного изъ своихъ друзей, и съ собой онъ кое-что взялъ, будучи увѣренъ, что оставляемаго здѣсь для заплаты долговъ довольно. У него не достало только духа самому все продать. Такъ, видите, онъ все за долгами велѣлъ передать вамъ, и кажется, онъ пишетъ о томъ и въ письмѣ, котораго я не отдавалъ вамъ, потому, что не зналъ еще, какъ пойдутъ дѣла. Такимъ образомъ, и домъ этотъ вашъ, сударь, и деньги ваши. Я могу даже сказать вамъ слова, какими говорилъ со мною вашъ родитель: «Пусть сынъ мой проститъ мнѣ, что я увѣжаю не видавшись съ нимъ; пусть только помнить, что я живъ, и при смерти благословлю его; пусть онъ — позвольте, какъ бишь? Да — пусть будетъ онъ добрымъ человекомъ, а все, что за расплатой долговъ останется, почитать ему наслѣдствомъ послѣ меня!» Вотъ, сударь, его собственныя слова. И такъ, положите-ка въ карманъ ваши деньги, и не угодно ли пожаловать со мною, покушать цыплятъ съ горохомъ.»

Гадость, блиставшая въ глазахъ Жана и выраженіе искренности въ словахъ его не оставляли никакого сомнѣнія. Слова отцовскія заставили Круазиль плакать, а съ другой стороны подумалъ онъ, что въ настоящемъ случаѣ 4000 франковъ для него очень не бездѣлица. Домъ, конечно, составлялъ имѣніе, да вѣдь его надобно еще было продавать, а продажа не такъ легка, какъ покупка, особливо, когда покупатель знаетъ, что продавателю нужна. Такимъ образомъ, хоть и жаль было Круазилю отца его, но дѣла-то принимали совсѣмъ другой видъ. Онъ колебался въ своей рѣшительности утопиться, и сдѣлался больше печаленъ, но не такъ отчаяннъ. За-творивши ставни въ домъ, вышли они съ Жаномъ, заперли двери, и идя по улицѣ Круазиль не могъ не подумать, какое недурное дѣло наши горести, потому, что онъ заставляють насъ тѣмъ болѣе дожить каждымъ маленькимъ счастьемъ и самою слабою надеждою на будущее! Съ такими мыслями сѣлъ онъ за столъ подлѣ старика Жана, который во все время обѣда старался вслѣдствіе развеселить его.

У людей вѣтренныхъ счастливое свойство: что если скоро приходятъ они въ отчаяніе, за то и утѣшиться имъ некогда — такъ легко забываютъ они свое отчаяніе. Не полагайте, будто они нечувствительны, или эгоисты — нѣтъ! они чувствуютъ, могутъ быть, сильнѣе другихъ, и легко, можетъ стать ся, разможжать себѣ голову въ минуту отчаянія, но пройдетъ такая минута — они уцѣлѣли, и имъ придетъ въ голову, что надобно имъ обѣдать, и они обѣдаютъ, и славно ѣдятъ и пьютъ, а потомъ опять заплачутъ, и готовы куда угодно — стрѣляться, топить ся! Не скажу, что радости и печали скользятъ по ихъ сердцу — нѣтъ! онъ, какъ стрѣлы, пролета-

ютъ у нихъ насквозь — славная, буйная природа, которая не умѣетъ страдать, но страдаетъ лучше умѣющаго, въ которой все насквозь видно, не такъ, какъ въ ломкомъ стеклѣ, но какъ въ прозрачномъ горномъ хрусталѣ!

Чокнувшись съ Жаномъ раза два, три, Круазиль пошелъ не топиться, но — смотреть комедію. Забравшись въ партеръ, вынулъ онъ изъ кармана букетъ фіалокъ дѣвицы Юліи, и пока, въ глубокомъ размышленіи, нюхалъ его пріятное благоуханіе, на свободѣ, при расположеніи духа, болѣе прежняго спокойномъ, пришло ему въ голову, что такое значило его утреннее приключеніе? Когда поразмыслилъ онъ немного, то увидѣлъ ясно истину, то есть, ту истину, что дѣвица Юлія, оставляя ему свой букетъ, и отказываясь взять его обратно, хотѣла показать ему знакъ своего участія. Иначе, ея отказъ и молчаніе значили бы презрѣніе, но подобная мысль была не естественна. Тутъ Круазиль увѣрился, что у дѣвицы Юліи было сердце не столь жестокое, какъ у отца ея, и онъ вспомнилъ, что когда шла она по залѣ, то на лицѣ ея выражалось чувство, и тѣмъ не поддѣльнѣе было чувство ея, что оно казалось невольнымъ. — Чувство — хорошо, да какое же оно было? Любовь, или состраданіе, или только сожалѣніе? Болѣла ли дѣвица Юлія того только, что Круазиль утопится, и что она будетъ причиною смерти человѣка? Или жаль ей было этого человѣка потому особенно, что онъ былъ Круазиль? Хоть уже и увидшій, и полуразорванный, букетъ дѣвицы Юліи пахнулъ еще такъ хорошо, и такъ хорошо былъ онъ составленъ, что нюхая его, и смотря на него, Круазиль почувствовалъ въ сердцѣ своемъ надежду: въ букетѣ розы были перемѣшаны съ фіалками. Сколько тайнъ могъ бы про-

читать въ нихъ какойнибудь Персіянинъ, Арабъ! Да, полно, надобно ли быть Персіяниномъ, либо Арабомъ, въ подобномъ случаѣ? Цвѣты, упавшіе съ груди прелестной дѣвушки, и въ Европѣ, какъ на Востокѣ, не бываютъ нѣмыми. Если они и не рассказываютъ влюбленному ничего болѣе, кромѣ того, что они видѣли и слышали, когда такъ близко подлѣ нихъ билось сердце красавицы — для влюбленнаго и того довольно. Запахъ цвѣтовъ похожъ на любовь, и есть много людей, которые думаютъ, что любовь ни больше, ни меньше, какъ запахъ цвѣтовъ жизни, или неба, какъ говорить поэты, можетъ быть, потому, что цвѣтокъ, отъ котораго пахнетъ любовью, въ самомъ дѣлѣ, почти не земной.

Пока все это перебиралъ въ головѣ своей Круазиль, весьма невнимательный къ трагедіи, которую между тѣмъ играли на сценѣ, дѣвица Юлія явилась въ ложѣ, прямо противъ него. Не пришло ему на мысль, что если она замѣтитъ его, то странно ей будетъ на него глядѣть, послѣ того, что было поутру. Напротивъ, онъ сдѣлалъ все усилія, какъ бы дѣвица Юлія его замѣтила, и все было напрасно. Одна Парижская фигурантка прискакала въ Гавръ на почтовыхъ и терзала Меропу, такъ, что народъ былъ въ восторгѣ, и тѣснота такая, что рукой пошевелинуть невозможно. Дѣлать было нечего, и Круазиль удовольствовался тѣмъ, что не спуская глазъ смотрѣлъ на дѣвицу Юлію. Онъ успѣлъ такимъ образомъ замѣтить, что дѣвица Юлія была печальна, сердита, ни съ кѣмъ не говорила, и на вопросы почти ничего не отвѣчала. Ложа ея, какъ легко себѣ представить, была окружена всѣмъ, что только было моднаго и щеголевататаго изъ жителей Гавра. Каждый франтикъ старался пройти хоть мимо ложи по галлерей, а въ самую ложу къ дѣ-

вицѣ Юліи войти не было возможности, потому, что г-нъ Годо занималъ сзади всю ширину ложи. Круазиль замѣтилъ что дѣвица Юлія ни на кого не смотрѣла, да и пѣсню худо слушала. Облокотясь на балюстрадѣ, подперши рукою личико, съ разбѣяннымъ своимъ видомъ, дѣвица Юлія походила на Венеру, превращенную въ маркизу. Великолѣпное платье и прическа ея, румяна (тогда все румянились), не скрывавшія ея блѣдности, и вся пышность ея туалета, тѣмъ разительнѣе дѣлали ея грусть и неподвижность. Никогда Круазиль не видалъ ея такою прелестною. Кое-какъ выбрался онъ изъ тѣсноты, побѣжалъ по галлерей мимо ложи дѣвицы Юліи, и не утерпѣлъ — заглянулъ въ окошечко дверей ложи. Странное дѣло! Только что онъ показалъ въ окошечко свое лицо, дѣвица Юлія, до тѣхъ поръ сидѣвшая неподвижно — оглянулась! Невольно вздрогнула она, завидя Круазиль, не глядѣла болѣе, и сдѣлалась опять неподвижна. Но что такое выражалъ взоръ ея — удивленіе, безпокойство, вопросъ: «Какъ? Такъ вы, сударь, не утопились?» или — «Слава Богу, что ты не утопился!» не знаю и не могу изъяснить. Но Круазиль изъяснилъ себѣ взоръ дѣвицы Юліи такъ, что поклялся утопиться тогда только, когда узнаетъ, что она его не любитъ.

IV.

Изъ всѣхъ препятствій, которыя вредятъ любви, самое величайшее есть, безъ сомнѣнія, то, что называютъ ложнымъ стыдомъ, хоть, въ самомъ-то дѣлѣ, онъ совсѣмъ неложный. Круазилью неизвѣстны были сомнѣнія, происходящія отъ гордости и робости — не изъ тѣхъ онъ былъ, что вертится по цѣлымъ мѣсяцамъ около красавицы, въ которую влюб-

лены, какъ кошка около птички въ клеткѣ. Когда онъ не рѣшился уже топиться, то о томъ только и думалъ, какъ бы сказать дѣвицѣ Юліи, что единственно для нея остался онъ жить! Да какъ сказать? Если явиться для того еще разъ въ домъ г-на Годо — сомнѣнія нѣтъ, что незваного гостя безъ чиновъ вытолкаютъ. — Изъ дома выходитъ дѣвица Юлія всегда съ своею надзирательницею, следовательно, идти за нею и искать случая поговорить будетъ трудъ бесполезный. Прогуливаться ночью подъ ея окнами — безспорно, самое пріятное занятіе для влюбленныхъ, но къ чему оно поведетъ? Вздоръ, просто! Какъ благочестивый человекъ, Круазиль и подумать не смѣлъ поговорить съ дѣвицею Юліею въ церкви. И какъ самое опасное, но за то и самое вѣрное средство было писать, если говорить нельзя, Круазиль рѣшился писать, и написалъ на другой же день къ дѣвицѣ Юліи письмо. Въ письмѣ его, разумеется, не было ни складу, ни ладу, и оно было почти вотъ такое:

«Милостивал Государыня!

«Скажите мнѣ, по правдѣ, прошу васъ, сколько надо денегъ тому, кто осмѣлится требовать вашей руки. Вопросъ мой покажется страннымъ, но я такъ васъ люблю, что мнѣ нельзя не спросить, а у кого же вѣрнѣе спросить мнѣ, если не у васъ? Мнѣ кажется, что вчера вечеромъ, вы взглянули на меня въ театрѣ. Я хотѣлъ было умереть, и лучше бы мнѣ умереть, если я ошибся, и взглядъ вашъ былъ не мнѣ назначенъ! Скажите мнѣ, неужели случай могъ такъ безчеловѣчно подшутить надо мною, и обманулъ меня усладительно, но и такъ жестоко? Я подумалъ, что взоромъ своимъ приказываете вы мнѣ остаться жить. Вы богаты и прекрасны, я знаю. Вашъ батюшка скупъ и гордъ, и вы имѣете все права быть гордою, но я васъ люблю — вотъ что главное, а все ос-

тальное вздоръ. Если точно вы на меня глядели, то, подумайте, чего не можетъ сдѣлать любовь! Я страдаю жестоко, всего боюсь, а между тѣмъ чувствую неизъяснимое удовольствіе писать къ вамъ мое глупое письмо, за которое, можетъ быть, вы на меня разсердитесь. Но вспомните, Мил. Гос., что въ винѣ моей и вы сами нѣсколько виноваты. Вы оставили у меня вашъ букетъ, а потомъ на меня поглядѣли. Поставьте себя на мое мѣсто, если можете, и вы увидите, что мнѣ можно осмѣлиться думать, будто вы меня любите. А если не любите, такъ простите мою дерзость, и скажите мнѣ откровенно, заклиная васъ. Жизнь мою отдалъ бы я за то, чтобы вы на меня не сердились, и выслушали мое признаніе въ любви съ тою ангельскою улыбкою, лучше которой ни у кого кромѣ васъ нѣтъ. А впрочемъ, хоть сердитесь на меня, я разлюбить васъ не въ состояннн — вашъ милый образъ останется въ моемъ сердцѣ навсегда, и развѣ вы вырвете у меня сердце, такъ уничтожите его. Пока взоръ вашъ сохранится въ моей памяти — а я храню его, какъ драгоценность — пока отъ вашего букета уцѣлѣтъ хоть одинъ листочекъ — а я сохраняю его лучше моей жизни — пока я въ состояннн пронзосить слово: *люблю!* — а оно будетъ, конечно, последнее слово въ жизни моей — я буду любить васъ. Ради Бога, не будьте горды, и скажите, есть ли мнѣ надежда любить васъ?».....

Запечатавши письмо свое, Круазиль отправился къ дому г-на Годо, и долго прогуливался взадъ и впередъ по улицѣ, пока кто-то вышелъ изъ дому. Случай, который всегда радъ услужить любовникамъ, если они къ нему прибѣгаютъ, рѣшилъ на сей разъ такъ, что вышедшій изъ дома г-на Годо была служанка Юліи, которой страхъ какъ надо было хорошенькій чепчикъ для бала. Она шла къ торговкѣ модами, рассчитывая, повѣрить ли ей торговка то, чего недостаетъ у ней на хорошенькій чепчикъ, вдругъ Круазиль подбѣжалъ къ ней, началъ тѣмъ, что подарилъ луйдоръ, и потомъ про-

силъ вручить письмецо барышнѣ. Торгъ продолжался недолго. Служанка взялась доставить письмо, и воротилась домой съ письмомъ и съ чепчикомъ. Въ радостной надеждѣ, Круазиль побѣжалъ къ себѣ, сѣлъ у воротъ и ждалъ отвѣта, который обѣщала ему принести его посланница, если только отвѣтъ будетъ.

Но прежде, чѣмъ расскажемъ мы, какой былъ отвѣтъ, надобно поговорить съ вами о дѣвицѣ Юліи.

Нельзя сказать, чтобы въ ней не было вовсе отцовской гордости, но добрый нравъ ея смягчалъ гордость и тщеславіе. Она была, въ полномъ смыслѣ этого слова — избалованное дитя. Обыкновенно, говаривала она мало, а иголки и въ руки не брала. Дни проходили у нея за туалетомъ, а по вечерамъ сидѣла она на своей софѣ, и какъ будто не слушала, что такое говорили вокругъ нея. Что касается до ея наряда, онъ всегда былъ самый кокетливый, и красивое личико свое, разумется, считала она первымъ своимъ нарядомъ. Складочка на ея колереткѣ, либо пятнышко чернилъ на ея пальчикѣ, привели бы ее въ отчаяніе. А если какоенибудь платье, напримѣръ, ей нравилось, то ничто не могло быть милѣе взгляда, который бросала она на свое зеркало. Она не показывала ни охоты, ни отвращенія къ тому и отъ того, что обыкновенно увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ; на балы ѣзжала она съ удовольствіемъ, да и отказывалась отъ нихъ безъ неудовольствія, а иногда и безъ всякой причины не хотѣла ѣхать на балъ. Въ театрѣ бывало ей скучно и она всегда тамъ дремала. Когда отецъ ея, обожавшій ее, какъ нельзя больше, предлагалъ ей назначить какойнибудь подарокъ, по часу думала она, чего бы такого пожелать? и оканчивала тѣмъ, что ничего не желала. Когда у г-на Годо бывали гости,

либо когда онъ давалъ обѣды, случалось, что дѣвица Юлія совсѣмъ ни являлась къ обѣду и не выходила къ гостямъ. Она оставалась одна въ своей комнатѣ, разряженная щегольски, и ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, помахивая своимъ вѣромъ. Если ей говорили комплименты — она отворачивала свою головку, а если кто начиналъ передъ нею вздыхать, она отвѣчала такимъ суровымъ взглядомъ, что у самаго смѣлаго щеголя рѣчь разрывалась на половинѣ. Никогда не смѣялась она остроумному словцу; никогда не разтрагивали ея ни оперная арія, ни тирада изъ трагедіи; никогда, наконецъ, сердце ея не подавало признака жизни. Смотря, какъ идетъ по дорогѣ веселья и богатства дѣвица Юлія, можно было назвать ее красавицей-лунатикомъ, которой здѣшній свѣтъ кажется сномъ.

Всего этого вмѣстѣ, такого равнодушія къ жизни и такого кокетства въ нарядѣ, никто понять не могъ. Одни говорили, что дѣвица Юлія ничего не любила; другіе, что она любила только самое себя. А между тѣмъ, однимъ словомъ можно было изъяснить весь ея характеръ: «она ждала». — Чего же такого ждала она? — Позвольте объяснить. Съ четырнадцати-лѣтняго возраста начали ей твердить безпрестанно, что никого въ мірѣ не было ея милѣе и краше. Она совершенно въ томъ увѣрилась, и потому-то такъ заботилась она о своемъ нарядѣ: малѣйшая небрежность о самой себѣ показалась бы ей преступленіемъ. Она любовалась своей красотой, какъ дитя любитъ своимъ праздничнымъ платьемъ. Но она далека была отъ мысли, что красота ея должна остаться бесполезною; подъ наружною беспечностью таилась у дѣвицы Юліи воля, тайная, непреклонная, и тѣмъ болѣе сильная, что она скрывалась ото всѣхъ. Кокетство женщинъ обыкновенно

венныхъ, которое расходуяютъ онѣ на глазки, улыбочки, вздохи, казалось ей дѣтской игрой, вздоромъ, даже чѣмъ-то презрѣннымъ. Она видѣла себя обладательницею сокровища, и не хотѣла рисковать имъ, ставя его на мѣлкую игру: ей надобенъ былъ соперникъ, игрокъ, достойный выигрыша. Но она такъ привыкла видѣть всѣ желанія свои предупрежденными, что не старалась искать такого соперника, или, лучше сказать, она удивлялась, какъ онѣ до сихъ поръ не является? Уже года четыре, лѣтъ пять явилась она въ свѣтъ, расхаживала въ немъ въ своихъ робронахъ и фалбалахъ, выказывала свои прелестныя плечики, и непостижимо ей казалось, какъ до сихъ поръ не внушила она никому самой сильной, самой бѣшеной страсти? Если бы не боялась она открыть всей глубины души своей, то охотно отвѣчала бы на комплименты и ласкательства: «Очень хорошо! Если я въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, какъ вы говорите — подите и застрѣлитесь въ доказательство!» Впрочемъ, такой отвѣтъ готовы сдѣлать многія дѣвушки, и у многихъ, которыя ничего не говорятъ, онѣ лежатъ на сердцѣ, а иногда даже вертятся на розовыхъ губкахъ...

Въ самомъ дѣлѣ, скажите, что можетъ болѣе разсердить дѣвушку, если она молода, хороша, богата, глядится въ зеркало, видитъ себя такою красавицею, такою нарядною, достойною всякому поправиться, всякаго свести съ ума, готовою позволить себя любить и сердцу своему дать волю любить, а между тѣмъ принуждена говорить самой себѣ: «Мнѣ удивляются, меня хвалятъ, всѣ находятъ меня прелестною, а никто не *любитъ* меня! Платье у меня шито по послѣдней модѣ; кружева у меня самыя дорогія; прической моею не палобуются; лицо у меня самое красивое, талія очарователь-

ная, ножка обута такъ мило, а что мнѣ изъ всего этого? Что мнѣ дѣлать? Звать на балъ, звать съ гостями на вечеръ, либо на обѣдъ! Если какойнибудь молодой человекъ говоритъ со мной — онѣ смотритъ на меня, какъ на ребенка; если ктонибудь сватается — онѣ думаетъ не обо мнѣ, а о комѣ приданомъ; если кто пожимаетъ мнѣ руку въ танцахъ — это какойнибудь провинціальный щеголекъ. Едва только погляжу я гдѣнибудь — вокругъ меня шопотъ удивленія, а никто не скажетъ мнѣ потихоньку такого слова, отъ котораго забилось бы мое сердце. Я слышу, какъ бесстыдно хвалятъ меня въ слухъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, и до сихъ поръ не встрѣтилъ меня сердечный взглядъ, брошенный украдкою отъ другихъ. У меня есть душа, пламенная, полная жизни, а меня, какъ хорошенькую куколку, возятъ гулять, заставляютъ плясать, одѣваютъ по утрамъ, раздѣваютъ въ вечеру, и засыпая на ночь, я думаю: «завтра опять тоже!»

Такъ говорила самой себѣ дѣвица Юлія много разъ, и бывали такіе дни, что подобныя мысли навели на нее смертельную скуку, до того, что она по цѣлымъ днямъ ничего не говорила, и сидѣла задумавшись въ своей комнатѣ. Круазиль писалъ къ ней письмо свое, именно, въ одинъ изъ такихъ дней. Она напилась шоколада изъ раззолоченной чашки, и сильно задумавшись, сидѣла на своей великолѣпной бержеркѣ, когда горничная вошла и съ таинственнымъ видомъ отдала ей письмо. Что за письмо такое? Небрежно взглянула дѣвица Юлія на адресъ — рука была незнакомая — она бросила письмо и опять задумалась. Тутъ горничная принуждена была сказать, отъ кого и какое было это письмо и она рассказала все съ большою робостью, потому, что она не знала еще, какъ приметъ барышня

письмо. Дѣвица Юлія выслушала объясненіе, распечатала письмо, пробѣжала его, спросила бумаги и чернилицу, и не двигаясь съ мѣста написала слѣдующія слова:

«Вы напрасно почитаете меня гордою. Еслибы у васъ было хоть тысячъ сто экю, я отдала бы вамъ мою руку».

Таковъ былъ отвѣтъ, который повѣренная Круазиль привнесла ему. Онъ прочиталъ его, вспрыгнулъ отъ радости, и подарилъ еще луйдоръ своей посланницѣ.

V.

«Сто тысячъ экю! Только сто тысячъ экю!»...
Только сто тысячъ экю, да вѣдь сто тысячъ по лицамъ не валяются! Будь Круазиль немного поблагоразумнѣе, и менѣе доверчивъ къ себѣ и другимъ, онъ могъ бы подумать, читая записочку дѣвицы Юліи, что либо она дура, либо смѣется надъ нимъ. Но онъ не подумалъ ни того, ни другаго. Только одно вертѣлось у него въ головѣ, что дѣвица Юлія любитъ его, и что ему надобно сто тысячъ экю. Какъ вытолковалъ онъ такой смыслъ изъ записочки дѣвицы Юліи — не знаю, но только съ сей минуты началъ онъ думать единственно о томъ, гдѣ бы достать сто тысячъ экю?

У него было наличными деньгами 200 луйдоровъ, да былъ еще домъ, который, какъ мы уже видѣли, можно было цѣнить въ 30,000 франковъ: Хорошо, но что же дѣлать? Какъ бы ухитриться, чтобы эти 34,000 франковъ вдругъ сдѣлались тремястами тысячъ франковъ? Первая мысль, какая завертѣлась въ головѣ молодого жениха, была та, что пустить свои 34,000 франковъ по зеленому полю. Ужь онъ, навѣрное, выиграетъ! Прекрасная мысль, но для того

надобно поскорѣе продать домъ. Если бы поскорѣе продать его!.. Круазиль приступилъ къ исполненію предпріятій своихъ очень благоразумно и немедленно; четкими буквами написалъ онъ на бумажкѣ: «Сей домъ продается, а о цѣнѣ спросить у хозяина», самъ прильпнилъ бумажку на дверяхъ дома, и рассчитывая потомъ сколько дадутъ за домъ, засѣлъ въ ожиданіи покупателя.

Вотъ ждалъ онъ недѣлю, ждалъ другую — покупателя нейдутъ. Круазиль выходилъ изъ терпѣнія, готовъ было предаться отчаянію, какъ вдругъ звонять — явился покупатель.

Покупатель былъ Жидъ торгошъ. Онъ началъ тѣмъ, что оглядѣлъ продавца съ головы до ногъ, а для чего — не знаю.

«М. Г., вы хозяинъ этого дома?» спросилъ онъ потомъ.

— Я, сударь — отвѣчалъ Круазиль.

«И вы его продаете?»

— Точно такъ.

«А что вы за него просите?»

— Тридцать тысячъ франковъ, и онъ того стоитъ. Мнѣ такъ говаривалъ и отецъ мой.

«А вотъ, позвольте посмотреть!»

И покупатель началъ смотрѣть, обошелъ три раза по всѣмъ комнатамъ, слазилъ подъ крышу, спустился въ погреба, поколотилъ во всѣ стѣны, сосчиталъ всѣ ступеньки лѣстницъ, затворялъ и отворялъ всѣ двери, перепробовалъ всѣ замки, запералъ и отпералъ всѣ окошки, и хорошо осмотрѣвши, подумавши, побряхтѣвши, не сказалъ ни одного слова, поклонился Круазилу, и — ушелъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ, Круазиль ходилъ по слѣдамъ Жида, пока продолжался осмотръ, и сами согласитесь, что онъ могъ остолбѣнуть отъ удивле-

ня, когда тотъ ушелъ, не сказавши ни слова! Но тотчасъ онъ ободрился, думая, что Жидъ хотѣлъ сообразить покунку, пошелъ подумать на свободѣ и скоро воротится. Но Жидъ не возвращался — прошла недѣля, а Жида нѣтъ. Боясь, чтобы не пропустить его прихода, Круазиль сидѣлъ дома, ни куда не ходилъ, глядѣлъ съ утра до вечера въ окошко, просыпался ночью, думая не зазвонитъ ли кто — Жида нѣтъ! — Вѣрный своей обязанности наставника и правоучителя, старикъ Жанъ читалъ Круазилю поученія, что ненадобно такъ торопиться продажею дома, и едва ли выгодно и безопасно будетъ пустить вырученныя за него деньги на удачу въ игръ. Умирая отъ скуки и нетерпѣнія, въ одно прекрасное утро Круазиль схватилъ свои 200 луйдоровъ, и рѣшился попробовать счастья хоть на эту сумму, потому, что ожидать далѣе у него не доставало силъ.

Игорные дома въ то время еще не были публичными. Тогда не знали еще нынѣшней утопченности просвѣщенія и образованности, въ слѣдствіе которой всякій, кому хочется раззориться, можетъ явиться въ назначенное мѣсто, едва только забрала его охота обнищать. Лишь только Круазиль вышелъ на улицу, какъ и остановился, не зная, куда идти и гдѣ найти игру? Онъ пошелъ потихоньку, осматривая каждый домъ, одинъ послѣ другаго, и стараясь угадать, гдѣ тутъ играютъ и гдѣ можно ему попытать своего счастья? Пока шелъ онъ, смотрѣлъ и думалъ, попалъ ему на встрѣчу молодой человекъ, известный знатный шалунъ, богато одѣтый и спѣшившій куда-то, насвистывая пѣсню. «Онъ, навѣрное, знаетъ, гдѣ найти то, чего я ищу,» подумалъ Круазиль, остановилъ прохожаго, снялъ шляпу и учтиво спросилъ его:

«Извините, М. Г., что я васъ беспокою. У меня есть 200 луйдоровъ, и мнѣ смертельно хочется, или проиграть ихъ, или выиграть на нихъ 100,000 экю, потому, что для моего благополучія необходимо 100,000 экю. Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ это дѣлается?»

Тотъ, кому предложенъ былъ такой странный вопросъ, захохоталъ во все горло и отвѣчалъ Круазилю:

— Очень могу, М. Г. — Вчера я спустилъ уже порядочную сумму денегъ и теперь иду отыгрываться — если угодно пойдѣмте вмѣстѣ.

Круазиль пошелъ съ новымъ своимъ пріятелемъ, и едва сдѣлавши нѣсколько шаговъ, увидѣли они домъ, весьма хорошей наружности, вошли въ него, были встрѣчены чрезвычайно учтиво хозяиномъ. Зеленые столы были разставлены въ комнатѣ, и нѣсколько молодыхъ людей сидѣли уже за столами. Скромно занявъ между ними мѣстечко Круазиль, и черезъ часъ карманы его облегчились отъ 200 луйдоровъ.

Онъ вышелъ изъ игорнаго дома такой печальный, какъ только можетъ быть печалень человекъ, который влюбленъ, и увѣренъ, что и его также любить, а жениться не можетъ. Ему не на что было теперь пообѣдать, но не то его беспокоило, а совсѣмъ другое.

— Ну, что теперь дѣлать? — думалъ онъ. — Гдѣ достать 100,000 экю? Къ кому пойдти? Кто дастъ мнѣ подъ залогъ моего проклятаго дома, котораго никто покупать не хочетъ?

Пока шелъ онъ въ такомъ страшномъ безпокойствѣ, вдругъ на встрѣчу ему Жидъ, покупатель его дома. Ни на минуту не останавливаясь, Круазиль обратился къ нему, и тотчасъ рассказалъ ему свое

отчаянное положеніе, а Жидъ позадумался. Покупать Круазимевъ домъ не было у него вовсе желанія, и онъ смотрѣлъ его изъ одного любопытства, или для очищенія совѣсти, чтобы не сказать потомъ, что пропустилъ случай что нибудь нажать: такъ собака всегда заглянетъ въ кухню, если двери у нея растворены, посмотреть, нѣльзя ли тамъ чего нибудь украсть? Теперь увидѣлъ онъ Круазилу въ такомъ отчаяніи, такой печали, до того лишеннаго всѣхъ средствъ, что не могъ противиться искушенію воспользоваться его положеніемъ, рискуя деньгами на вѣрный барышъ полутора ста. Добрый Жидъ предложилъ бѣдняку четвертую часть того, что стоитъ домъ.

«И вы заплатите мнѣ наличными деньгами?» вскричалъ Круазиль.

Жидъ подтвердилъ, и Круазиль бросился къ нему на шею, назвалъ его своимъ другомъ, своимъ избавителемъ, поскорѣе подписалъ условіе, отъ котораго у всякаго другаго стали бы волосы дыбомъ, и вотъ онъ опять съ деньгами: у него 400 луйдоровъ, и онъ снова побѣждалъ навѣрное выиграть тамъ, гдѣ проигралъ.

Но идти въ игорный домъ надобно было черезъ пристань. Тутъ, корабль готовился выйти изъ гавани; погода была прелестная, море какъ свѣтлое зеркало. Со всѣхъ сторонъ приходили и уходили матросы, купцы, морскіе офицеры. Дрягли таскали огромныя кипы товаровъ. Пассажиры прощались; легкія лодки мелькали во всѣхъ сторонахъ — все было такъ живо; на лицахъ радость, нетерпѣніе, надежда, и среди всего такого движенія, корабль тихо и величественно колебался, вздувая свои горделивыя паруса.

«Ахъ! какъ весело — вскричалъ Круазиль — по-

рисковать своимъ имѣніемъ, и идти за морями искать счастья и богатства! Со стороны смотрѣть, такъ сердце не нарадуется, какъ отплываетъ вотъ этакой корабль, нагруженный столькими богатствами и сопровождаемый столькими надеждами! Ну, а не весело ли видѣть, какъ онъ прильываетъ потомъ, съ двойнымъ барышемъ на товаръ, и кажется еще гордѣе и величественнѣе, нежели прежде, когда отпавлялся! Вотъ нажать-то деньги — и легко, и весело! Ахъ, для чего я не купецъ! Для чего не пустить мнѣ мои 400 луйдоровъ на эту игру? Въмѣсто глупаго зеленаго стола покатить на игру случая по морю... Хорошо, да, ктожь мнѣ мѣшаетъ? Развѣ я такъ же, какъ другіе, не могу купить шелковаго, либо какого нибудь товара? Видѣ у меня деньги есть? Капитанъ такъ же погрузить и мой товаръ, какъ товары другихъ, и кто знаетъ? Въмѣсто того, что я опять потеряю мое послѣднее богатство въ игрѣ, тутъ, можетъ быть, я его удвою, утрою честною промышленностью. Если дѣвица Юлія точно меня любитъ, такъ она подождетъ года съ два, и останется мнѣ вѣрна, пока я наживу 100,000 эку. Торговля даетъ иногда такіе барыши, что и вообразить себѣ страшно. Развѣ не бывало въ свѣтъ примѣровъ, какъ люди разживались скоро, изумительно, въ такое короткое время, что другіе и оглянуться не успѣвали? Почему же Провидѣнію не благословить и меня, въ моемъ предпріятіи нажать деньги для того, чтобы сдѣлаться богатымъ человекомъ и жениться на дѣвицѣ Юліи? И велика важность нажать 100,000 эку! Между купцами, которые нажили себѣ горы золотыя, и которые посылаютъ теперь корабли во всѣ части Свѣта, были, конечно, такіе люди, что начали съ суммы менѣе моей. Съ Божьей помощью разбогатѣли они и я

разбогатю. А какъ весело-то!.. Мнѣ кажется, что счастье мое надуваетъ мнѣ паруса, и что море пригласяетъ меня прогуляться по его волнамъ. Конечно! Жребій брошенъ! Побѣгу къ капитану. Онъ, кажется, такой умный и добрый. Напишу къ дѣвицѣ Юліи, что я сдѣлался купцомъ, наживу 100,000 экю и женюсь!

Самая главная опасность для такихъ людей, какъ Круазиль, состоитъ въ томъ, что если они рѣшатся на какое нибудь дурачество, то и исполнить его немедленно. Едва только задумалъ Круазиль торговать, какъ тотчасъ и принялся за торговлю. Найти товаръ, когда есть деньги, не трудно, а когда въ немъ не смыслите толку, купить его легко. Капитанъ, которому Круазиль передалъ свое желаніе торговать, повелъ его къ одному знакомому купцу.

«Ну, что, у васъ есть такой товаръ, который тотчасъ дастъ барыши?» спросилъ Круазиль у купца.

— Какъ не быть! — отвѣчалъ тотъ. — Что за товаръ, если барыша отъ него нѣтъ!

«Такъ давайте же мнѣ поскорѣе товару; мнѣ надобно нажить только 100,000 экю; давайте, давайте, кладите въ тѣлѣгу, везите на корабль—вотъ деньги.»

И вотъ товаръ наложили на тѣлѣги, отвезли на корабль. Исполненный надежды, счастливый Круазиль самъ написалъ на кипахъ свое имя большими буквами, сѣлъ подлѣ нихъ, писалъ письмо къ дѣвицѣ Юліи, глядѣлъ безпрестанно на свои кипы и едва дождался часа отплытія. Онъ наступилъ и корабль съ Круазилемъ поплылъ по морю.

VI.

Нашъ новый купецъ такъ горячился купить товару больше, что у него неостало даже нѣсколь-

кихъ франковъ на доплату продавцу. Спасибо, тотъ уступилъ ихъ при счетѣ покупателю. Когда надобно было отпраляться, въ карманъ Круазиль не было ни одного су. Чѣмъ жить? Что вѣтъ? Жанъ могъ ссудить на расходы, но никакъ не предполагалъ, что молодой господинъ его имѣетъ нужду въ помощи, а Круазиль, не то, чтобы погордился попросить у него, но просто забылъ. Онъ рѣшился издерживать, какъ можно менѣе, и вотъ какъ онъ разсчитывалъ: если положить по четыре су въ день, этого ужъ очень достаточно, и такъ на полугодовое прожитіе потребно не болѣе 36 ливровъ. У него оставались золотые отцовскіе часы. Тотчасъ онъ продалъ ихъ, и совершенно успокоился на счетъ своего существованія, пока наживетъ 100,000 экю. Съ радостію извѣстивъ онъ письмомъ дѣвицу Юлію обо всемъ что онъ сдѣлалъ, то есть, онъ не говорилъ, что проигралъ 200 луйдоровъ, продалъ за безцѣнокъ домъ, и теперь едва имѣетъ хлѣбъ насущный — нѣтъ! онъ писалъ только, что предпринялъ весьма выгодный торгъ, изъяснилъ, что корабль *Несокрушимый*, въ 150 тоннъ, отправляется въ Балтійское море, а на этомъ кораблѣ плыветъ онъ съ своими кипами товаровъ, и просить ее остаться вѣрною и ждать его; самъ же онъ будетъ ее любить самую пламенною любовью, и на морѣ и на сушѣ.

Когда дѣвица Юлія получила письмо Круазилья, сидѣла она подлѣ каминна, и вмѣсто экрана держала въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ листовъ, которые издаются въ портовыхъ мѣстахъ, и гдѣ означаютъ ежедневно отбывшіе и прибывшіе корабли и разбитія ихъ. Дѣвицѣ Юліи, какъ вы можете себѣ представить, вовсе не были любопытны такія новости, и она обыкновенно бросала листы въ каминъ, и любовалась, какъ они вспыхивали и горѣли. Но пись-

мо Круазиля было причиною, что на сей разъ стала она читать листъ, который держала въ рукахъ. Почти первое, что бросилось ей въ глаза, было имя *Несокрушимлаго*: великолѣпный корабль сокрушился при выходѣ изъ Гавра на другой день. Писали, что всѣ находившіеся на немъ люди спаслись, хоть съ большимъ трудомъ, но все, чѣмъ нагруженъ былъ корабль, осталось на днѣ морскомъ.

При такой новости, какая переменѣна въ дѣвицѣ Юліи! Она вспомнила любовь Круазиля, то, что для нея поплылъ онъ по морямъ, и вотъ — ужасъ бури, свистъ вѣтра, крикъ утопающихъ, раззореніе, опасность смерти бѣднаго любовника — полная сцена морскаго романа представилась ей воображенію! Вотъ человекъ, вотъ кого искало ея сердце, вотъ любовь! И листъ, и письмо выпали изъ рукъ дѣвицы Юліи. Съ трепещущею грудью, со слезами на глазахъ, начала она ходить по комнатѣ, рѣшилась наградить страсть, такую высокую, такую героическую, и спрашивала, что ей теперь дѣлать?

Надобно отдать справедливость любви, что чѣмъ болѣе причины ея сильны, ясны, просты, неоспоримы, словомъ, чѣмъ менѣе въ нихъ здраваго смысла, тѣмъ болѣе мы любимъ, тѣмъ сильнѣе раздражается наша страсть. Прекрасное дѣло глупости сердца — куда годился бы безъ нихъ человекъ! — Прошедши нѣсколько разъ по комнатѣ, взглянувши мимоходомъ въ зеркало, помажавшись своимъ вѣромъ, дѣвица Юлія опять сѣла на свою бержерку. Кто взглянулъ бы на нее въ ту минуту, тотъ полюбовался бы ею: глаза ея блистали, щеки горѣли; она вздыхала и бормотала про себя съ радостнымъ чувствомъ:

«Бѣдняжка! Онъ раззорился — онъ тонулъ для меня!»

Кромѣ имѣнія, какое слѣдовало дѣвицѣ Юліи отъ отца, было еще у нея наслѣдство, которое давно она получила послѣ смерти матери. Никогда она и не думала объ немъ, и только теперь, въ первый разъ вспомнила, что у нея есть въ полномъ распоряженіи полъ-милльона Франковъ. Дѣвица Юлія улыбнулась. Мысль странная, смѣлая, настоящая женская прихоть, почти такая же безразсудная, какъ дѣла Круазиля, мелькнула у нея въ головѣ. Нѣсколько минутъ размышляла она, и черезъ четверть часа никто не уговорилъ бы дѣвицы Юліи оставить ея мысль. — Она рѣшилась — оставалось исполнить!

Дѣвица Юлія начала тѣмъ, что стала разыскивать: нѣтъ ли у Круазиля какого нибудь родственника, или пріятеля? Горничная ея была употреблена на такой розыскъ, и вскорѣ донесла своей барышнѣ, что нашлась родственница, гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ стараго дома, полуживая тетка отца Круазиля, которая лѣтъ пять уже не двигалась почти съ своего мѣста, и казалось, была брошена въ міръ, или, лучше сказать, забыта въ міръ, какъ обращикъ всякихъ бѣдствій человѣческихъ. Почти слѣпая, почти глухая, съ подагрой, она жила одна однихонька на чердакѣ. При всемъ томъ, веселый отъ природы характеръ укрѣплялъ ее въ болѣзняхъ и бѣдности, и на 80-мъ году старуха не хотѣла еще умирать. Видно такова была фамильная беспечность въ родѣ Круазелей — старуха запѣвала пѣсни на чердакѣ своимъ ранѣе всѣхъ молодыхъ сосѣдокъ, и никто изъ сосѣдей не проходилъ мимо дверей ея безъ того, чтобы не зайти къ ней и не побалагурить съ веселою старухою. Ей шель маленькій пожизненный пансіонъ; кромѣ того, она безпрестанно вязала чулки, и совершенно ничего не знала, что дѣлается въ міръ со времени смерти Людовика XIV.

Удивляйтесь, если угодно, но дѣвица Юлія, какъ нельзя больше, обрадовалась находкѣ старухи. Она нашла въ ней такое драгоценное свойство, что готова была заплатить за него старухѣ половину своего материнскаго наслѣдства: открылось, что отецъ старухи былъ какимъ-то образомъ баронъ, и прибавлялъ къ имени Круазилья частичку *де*. Всѣ объ этомъ давно забыли, да и сама старуха едва вспоминала.

Вотъ къ этой-то почтенной, знатной Баронессѣ де-Круазиль, послѣднему потомству знаменитаго дома Бароновъ Круазильей, тайно отпавилась дѣвица Юлія. Она нарядилась, какъ только могла лучше — перья, кружева, ленты, бриллы, все было на нее надѣто. Она хотѣла обольстить, очаровать старуху, хоть самую главную красу составляло въ пей тогда сердечное чувство, ее оживлявшее. Дѣвица Юлія взошла на чердакъ, по крутой, замаранной лѣстницѣ, и послѣ самаго учтиваго привѣтствія, начала говорить старухѣ — почти такъ:

«У васъ, М. Г., есть внучатный племянникъ, молодой человекъ, который меня очень любитъ и сватался за меня. Я его также люблю и хочу выйти за него замужъ. Но мой отецъ, г-нъ Годо, главный откупщикъ здѣшній, не соглашается на нашу свадьбу, потому, что вашъ племянникъ очень не богатъ. Ни за что въ свѣтъ не захочу я выйти замужъ противъ воли моего отца, и сдѣлаться сказкой городскихъ сплетницъ, но ни за что не хочу и отдать также руки моея противъ моей воли. Потому пришла я къ вамъ, просить васъ сдѣлать мнѣ милость. Слава Богу, у меня есть свое небольшое состояніе, которымъ можете вы располагать, какъ угодно. Извольте пожаловать къ моему нотаріусу — и взять у него пять-милліона франковъ. Вы должны

передать ихъ потомъ вашему племяннику, и они дѣйствительно принадлежать ему, и я совсѣмъ не дарю ихъ ему, потому, что онъ для меня раззорился; слѣдовательно, я только плачу ему долгъ, и мнѣ по совѣсти надобно вознаградить племянника вашего за убытки. Послѣ того, вы явитесь къ отцу моему и потребуете руки моея для вашего племянника. Нелегко будетъ уговорить моего отца, но я надѣюсь на власть мою надъ нимъ, а главное — у васъ есть такая драгоценность, за которую отецъ мой готовъ будетъ уступить меня: вы баронесса, послѣдняя въ родѣ, и можете передать имѣніе и титулъ свой племяннику. Никто, кромѣ меня, не имѣетъ права располагать имѣніемъ моимъ, а потому никто не узнаетъ, какъ перешло оно въ ваши руки. Вы небогаты, я знаю, но не опасайтесь, чтобы люди стали догадываться откуда взялись у васъ деньги. Васъ никто не знаетъ, всѣ забыли, а отецъ мой и не слыхивалъ объ васъ. Стало быть, вамъ легко назваться богатою, только что пріѣхавшею въ Гавръ Баронессою де-Круазиль. Вамъ, конечно, будетъ безъ труда: надобно сойдти съ вашего чердака, ѣхать къ моему отцу, но вы будете послѣ того богатою баронессою, а главное — сдѣлаете двухъ людей счастливыми. Если вы только любили когда нибудь, или знали любовь — надѣюсь, вы поймете меня и не откажете въ моея просьбѣ.

Пока все это говорила дѣвица, добрая веселая Баронесса де-Круазиль была, то удивлена, то растрогана, то обезпокоена, то очарована. Послѣднія слова рѣшительно побѣдили ее.

— Изволь, изволь, дитя моя! — вскричала она — понимаю, понимаю... Охъ! вѣдь и я любила когда-то!

Откуда силы взялись у Баронессы. Она встала съ мѣста, какъ будго подагра ее прошла на то время.

Дѣвица Юлія бросилась помогать, услуживать ей, и по невольному движенію сердець, онѣ обняли одна другую. Такимъ образомъ договоръ былъ заключенъ; его утвердили поцѣлуютъ, и тотчасъ принялись приготовить Баронессу къ прїѣзду изъ Парижа и появленію въ большомъ свѣтѣ.

Добрая старушка вынула изъ своего комода старинное тафтяное платье. Ему было, конечно, не меньше пятидесяти лѣтъ, но на немъ, какъ на соевѣсти доброй старушки, ни пятнышка, ни пылинки, и оно казалось такое новенькое, какъ радости въ ея жизни, точно съ иголки. Въ старину дѣлывали матеріи прочныя, такъ, что имъ износа не было. Старушка нарядилась и какъ будто помолодѣла. Дѣвица Юлія не могла на нее налюбоваться, тотчасъ послала за самою лучшею въ городъ наемною каретою, сама свела старушку съ чердака, и рассказала, что должна она говорить г-ну Годо.

Добрая старушка сѣла въ карету, отправилась, и черезъ три дня во всемъ городѣ заговорили, что изъ Парижа прїѣхала тетка Круазиль, Баронесса де-Круазиль, купила прекрасный домъ, передала свой титулъ племяннику, вмѣстѣ съ богатствами—одни говорили милльономъ другіе съ двумя, третьи и счетъ терили въ томъ, сколько привезла съ собой Баронесса.

Дня черезъ три еще, у дверей дома г-на Годо остановилась богатая карета. Слуги съ почтеніемъ отворили двери какой-то почтенной старушкѣ, и она бодро прошла по той залѣ, гдѣ нѣкогда дѣвица Юлія отдала букетъ фіалокъ бѣдняку Круазилью. Когда подошла она къ дверямъ гостиной, то громко сказала слугѣ: «Доложи о прїѣздѣ Баронессы де-Круазиль.» Двери настежь и слуга провозгласилъ:

Г-жа Баронесса де-Круазиль!

Такія громкія слова оглушили г-на Годо, и счастье Круазиль и дѣвицы Юліи было имъ тотчасъ рѣшено. Онѣ не спрашивалъ даже, есть ли какое подкрѣпленіе, существенное титулу Баронскому у его будущаго зятя. Дочь его сдѣлалась Баронессою—чегожь болѣе? Баронъ Круазиль купилъ себѣ замокъ, и замѣтивъ, что жена его умнѣе, слушался ее во всемъ, а отъ того прослылъ весьма умнымъ, а послѣ смерти тестя былъ въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ богатѣйшихъ Бароновъ Франціи. Счастливъ ли онѣ былъ — и говорить нечего!

Съ Франц. И. ВЕНИГНА.

=

МИНЬ-СЯНЬ-ДЗЫ,

ИЛИ

МНѢНІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Дѣлай только добро, а о воздаяніи не вопрошай.

Сдѣлаешь другому добро и тебѣ будетъ полезно.

Кто умѣетъ дружитья, тотъ тѣмъ бываетъ почти-тельнѣе, чѣмъ болѣе дружба.

Человѣкъ при бѣдности малоразсуденъ, а лошады исхудавши долгошерстна.

Человѣческое сердце, какъ желѣзо, а законы правительства, какъ печь.

Миротворецъ обоимъ дѣлаетъ добро, а смутникъ всѣхъ въ гибель влечетъ.

Отъ хвалы родится счастье, а отъ клятвы гибель.

Добродѣтельное семейство прензобилуетъ счасти-емъ.

Домъ, преисполненный пороками, подверженъ зло-счастію.

Не гнѣвайся за малость — уже солнце на закатъ.

Что незаконно пришло, то удобно исчезнетъ.

Мужъ кроткій не многорѣчивъ; тихая рѣка не раз-ливчива.

При чести помышлай о безчестіи, при покоѣ о без-покойствіи.

Вкусна молодая баранина, но не всякому.

Ежели всякое дѣло разсматривать по трижды, то послѣ не воспослѣдуетъ раскаянія.

Царевичъ, вступивъ въ школу, равенъ просто-людину.

Хотя человѣкъ возведенъ на первую степень до-стоинствъ, но также повиненъ всѣмъ законамъ.

Получается съ основаніемъ, теряется же безъ осно-ванія.

Тѣмъ всякое дѣло благополучнѣе, чѣмъ болѣе осно-вано на истинѣ.

Не можно ни спать ни ѣсть спокойно, если полу-чать милости безъ заслугъ.

Важны слова богача, а чѣмъ кто сильнѣе, тѣмъ тотъ болѣе обижаетъ.

Много говорить—терять слова, а много ѣсть—вре-дять желудку.

Чѣмъ къ другу посылать вино, лучше трижды на-кормить его въ одинъ день.

Пей вина меньше, а дѣла разумѣй болѣе.

Ни въ чемъ не будетъ пользы, если есть между-усобные споры и тяжбы.

Униженное почтеніе — знакъ просьбы.

Кто уменъ и охотникъ научиться, тотъ не стыдит-ся спрашивать меньшихъ себя.

Поселяйся близъ добраго сосѣда; дружись съ му-жемъ честнымъ.

Покоряющіеся Небу пребываютъ; противящіеся ему погибаютъ.

Человѣкъ ради имѣнія умираетъ, а птица ради кор-му попадаетъ въ клетку.

Взявши корову, заплатишь лошады (возьмешь лыч-ко, отдашь ремешикъ).

Мужъ кроткій всегда непоколебимъ, лукавый всег-да въ смятеніи.

Хотя идутъ трое, но неотмѣнно одинъ изъ нихъ учитель.

Кто не имѣеть предусмотрительности, тотъ близокъ къ погибелю.

Когда сердце не помрачено, то все ясно.

Дашь явно — воздастся тайно.

Гласъ народный, какъ громъ, слышенъ Небу.

Сокровенныя души, какъ молнія, предъ очами духовъ.

Божество прежде тебя знало все, сокрытое у тебя на сердцѣ лукавство.

Человѣкъ внѣ отечества презрителенъ, а товары внѣ отчизны дороги.

Жалокъ челоуѣкоубійца, но нельзя пощадить его, по причинамъ и порядку.

Страсти должно уничтожить, а закону естественно послѣдовать.

Всегда много злата на свѣтъ, но мало украшенныхъ сѣдинами.

Дорого золото, но покой и веселье драгоцѣннѣе его.

Удерживай гнѣвъ твой; иначе посядешь въ молодости.

Живешь сто лѣтъ сообразуясь временамъ; обрати же взоръ твой вспять — все суета!

У пашущаго вола нѣтъ сна; у магазинной же мыши съ избыткомъ хлѣбъ.

Всему есть предопредѣленіе; усиліе отвратить его — пустая забота.

Дружись съ добродѣтельнымъ, бесполезнаго же отринь.

Всегда помышляй объ истребленіи страстей.

Законы и уставы храни свято.

Какъ добродѣтельный всегда спокоенъ, такъ беззаконникъ ежечасно въ смущеніи.

По дѣйствіямъ познается душа, а по лицу честный или безчестный.

Высокое место препинаетъ теченіе воды; высокоуміе препятствуетъ въ исполненіи дѣла.

Чѣмъ рѣка глубже, тѣмъ теченіе ея тише; чѣмъ кто превозвышеннѣе, тѣмъ тотъ кроткоглаголивѣе. Добродѣтельному покерны драконъ и бабръ — премудраго уважають духи.

Престарѣлый мужъ разсуждаетъ о прошедшемъ и настоящемъ, а будущее у него изъ цѣны выходитъ.

При времени не уповай на силу; при безвременьи блюди себя.

Плющъ растетъ вѣясь по дереву; упадаетъ дерево и онъ гибнетъ.

Чины, какъ цветы, опадаютъ; минетъ власть твоя, и слуга тебя обидитъ.

Человѣкъ при счастіи страшенъ бѣсамъ, а безъ счастія они его гонять.

Всякій для себя старается получить земли, хоть на шагъ; для чего же не старается о ближнемъ?

Человѣкъ не можетъ благополучно прожить тысячи дней.

Цвѣтокъ сорви и красота его увянетъ.

Хотя челоуѣкъ десять лѣтъ наслаждается благополучіемъ, но духи не тревожатъ его.

На кухнѣ у тебя остается кушанье — вспомни, что на распутіяхъ есть алчущіе.

Уступить не глупость — послѣ слобится.

Малодушный не философъ, не герой, хоть онъ и не имѣеть гнѣва.

По дальнему пути познается сила коня; по долговременности — сердце друга.

Всегда имѣй сердце свое расположеннымъ къ добру, а духъ мужественный.

Человѣкъ для чести и корысти туда влечется, куда и дикіе гуси не летаютъ.

Есть деньги — употребляй ихъ; умрешь — все будетъ суета.

Милостивому не можно быть богатымъ, а богачу милостивымъ.

Мужъ великаго духа занять истинною; низкаго же знаетъ только корысть.

Какъ трудно бѣдному не сѣтовать, такъ легко богачу не гордиться.

Предѣлъ жизни человѣческой сто лѣтъ, и ниже малѣйше что либо прибавить не зависить отъ человека.

Когда почитаешь отца и мать, то для чего далеко ходить для возженія свѣчей на алтарь?

Хорошо и въ убогомъ домѣ, когда въ немъ есть согласіе, — а къ чему неправедное богатство?

Починивай каналы въ ясную погоду, и тѣмъ предохранись отъ проливныхъ дождей.

Изъ нищенскихъ домовъ выходятъ знаменитые дѣти, и изъ хижинъ—князья и министры.

Генераламъ и канцлерамъ нѣтъ сѣмьяни — они подвигами приобрѣтаются.

Если послѣдовать ученію *Кундзыя*, то въ одинъ день можно учиниться непорочнымъ.

Изъ трехъ тысячъ учениковъ его, однакожъ, только двѣнадцать было превосходнѣйшихъ.

Желающій быть человекомъ не ищетъ покоя; ищущій же его, не можетъ быть человекомъ.

Если Царь добродѣтеленъ, и Небо послушно ему.

У правосуднаго начальника подчиненные въ покорѣ.

Какъ при умной женѣ мало мужу заботы, такъ при покорномъ сынѣ отецъ спокоенъ.

Когда время не служить, то ропщемъ на трудности свѣта сего.

Облака непрестанно проходятъ, а небо всегда неподвижно.

Кто съ деньгами, того всѣ слушаютъ, а стѣ безденежнаго не принимаютъ совѣтовъ.

Вспыльчивый, какъ пожаръ съ вѣтромъ — онъ все сожигаетъ.

Человѣкъ не доживаетъ и ста лѣтъ, а суетится на тысячу.

За добрыя дѣла есть доброе, а за худыя худое воздаяніе.

Все воздается, рано или поздно — счастье и несчастье не приходятъ слѣпо.

Цвѣтамъ есть время снова разцвѣсть, а человѣку невозможно всегда быть молоду.

Человѣкъ не мыслить убивать бобра, а тотъ хотеть погубить его.

Легче поймать на горѣ бобра, нежели просить у кого милости.

Вѣрный вельможа не боится смерти, а боящійся ея не есть вѣрный.

Сколько прежде бывало дѣлъ!—Время прошло и — все суета!

Сердце твое преисполнено мыслями, но всѣ они должны заключаться въ молчаніи.

Кто не наклонитъ головы подъ низкимъ навѣсомъ!

При убожествѣ домашнемъ познается усердный сынъ.

При неустройствѣ государственномъ познается вѣрный вельможа.

При бѣдности и умный бываетъ дуракомъ, а при богатствѣ и дуракъ уменъ.

Много ходящихъ по дорогѣ, а всѣ разныхъ селеній.

Кто счастливъ и имѣеть доброе сердце, тотъ до старости богатъ и честенъ. Кто при счастіи имѣеть худое сердце, того жизнь маловременна и вскорѣ погвбнетъ.

Безсчастный и беззаконный всю жизнь свою влечать въ бѣдности и печаляхъ.

Лѣта состарѣваютъ, но разумъ не старѣетъ.

Кто всегда пребываетъ въ благотвореніяхъ, къ тому не прикоснутся несчастія.

Научившись священнымъ преданіямъ Кундзыя, уразумьешь Джеу Гунову мудрость, и будешь учтивъ и почитателенъ.

Хотя бѣденъ состояніемъ, но не будь бѣденъ добрыми дѣлами.

Отъ начала свѣта такъ, что лучше умереть, нежели жить безъ совѣсти.

Небо являетъ благость свою въ пропитаніи людей, но они не въ силахъ возблагодарить ему.

Какъ одну лошадь не сѣлаютъ двумя сѣлами, такъ вѣрный вельможа не служитъ двумъ государямъ.

Помни заслуженнаго раба, а о безпутномъ сынѣ не думай.

Ведро и ненастье бываютъ и днемъ и ночью; такъ равно счастье и несчастье приключаются человеку и рано и поздно.

Честный человекъ, получивъ достоинства, преусугубляетъ счастье ближнихъ; безчестный же, уповавъ на могущество, угнетаетъ другихъ.

Какъ дерево украшается вѣтвями и листьями, такъ человекъ благочиніемъ и музыкою.

Лошадь изъявила чувствительность за послабленіе узды, а собака въ благодарность омочила траву.

Когда время минетъ, то и цвѣтъ золота перемѣняется, а при времени и желѣзо блещетъ.

Когда боишься, чтобы другіе не знали твоего безумія, то не дѣлай его, а когда хочешь быть почитаемъ, старайся о ученіи.

Гора Тайшань не отбрасываетъ пылинки, и тѣмъ, собирая помалу, сдѣлалась великою и высокою.

Бѣдный хоть и у рынка живетъ, но никто не възмещетъ его; богатый же, хоть скройся въ глубину горъ, но и тамъ дальняя родня отыщетъ его.

Истинный другъ отъ перваго свиданія и до конца, не возсѣуетъ и не возропщеть.

Тогда узнаешь сердце другаго, когда дружба его основана на интересѣ.

Доколь есть душа въ насъ, то всюду употребляемъ ее; какъ же скоро лишимся ее, тогда всему конецъ.

Рыба, увидя червячка, не видитъ крючка; равно человекъ при корысти не предвидитъ несчастья.

Когда падетъ лошадь и не будетъ денегъ, тогда и друзья сдѣлаются чуждыми.

Молодая трава покрываетъ всю землю собою; къ чему искать старыхъ друзей, когда счастье придетъ?

Старайся только жить честно и добропорядочно, и ни одной буквы закона не мѣняй на золото.

Рѣдкіе знаютъ жилу ключа, текущаго съ высокой горы.

Не дѣлай такъ, чтобы совѣсть зазрѣвала тебя, и не гоняйся за корыстію — и не прикоснутся тебѣ печали.

Мужикъ на мужика хомутъ надѣваетъ, а Богъ свое содѣлываетъ.

Множество разъ видалъ я, что обдѣнявшіе обогащались, а богатые обнищевали.

Болтливость бываетъ причиною говорить ложь, а упрямство сердиться, или роптать.

Кто вѣренъ, праводушенъ и чистъ сердцемъ, на что тому узнавать: помикуетъ ли его небо или нѣтъ?

Лютый бабръ не ложится посреди дороги — будетъ время и заключенному дракону.

Поздно удерживать лошадь, когда уже стоишь на краю берега.

Успѣешь ли законопатить судно на срединѣ рѣки?

Въ богатый домъ много приходящихъ.

Хотя заплатишь долгъ, но одолженіе всегда помни.

Холодный вѣтеръ еще не поднялся, а сверчокъ уже знаетъ — какъ убійца не знаетъ казни, когда онъ умертвилъ ближняго?

Гора показывает собою прошедшее и настоящее, а вода, сколь ни чиста, но смоет ли наши пороки?

При настоящем помыслий о будущем — ожидая будущего, не скорби на настоящее.

За добро и зло неотменно есть возмездие. Живи и ожидай, что оно, либо рано, либо поздно, воспоследует.

Между худыми травами скрывается многоцвѣтная трава *миндзи*: и золотая чаша бывает скрыта въ грязи!

Совѣтую тебѣ: не твори зазорнаго совѣсти твоей, ибо въ древности и нынѣ кого простили за то?

Уже солнце вышло изъ-за горъ храма, а жрецы еще не встали. Покой кажется имъ лучше славы и пользы.

Съ лукавымъ другомъ не перевозжай рѣки.

Человѣкъ всегда почти слѣдуетъ времени своего вѣка.

Не многіе живутъ 70-тъ лѣтъ, и сколько ни бываетъ случаевъ, но времени нѣтъ.

Сколь ни велика рѣка, но протекшая изъ нея волна назадъ не притекаетъ. Человѣкъ, какъ ни мудръ состарѣвшись, не можетъ опять помолодѣть.

Три главныя правила: воздерживайся отъ вина, удаляйся любовной страсти и не играй на деньги.

Вино причиною многословія и проступковъ, а богатство нарушенія истины и разрыва родства.

Ежели имѣешь дѣло, то проси совѣта у разумнаго.

Правда или ложь, но только не слушай ихъ отъ подлаго человѣка.

При благоразумной женѣ не горестна домашняя скудость.

Если сынъ трудолюбивъ, то для чего отцу суетиться о будущемъ?

Въ честномъ домѣ родится добрый сынъ.

При благополучіи, для чего уповать на прародительскія земли?

Того честь, слава и богатство не на многія лѣта, кто земли и деньги пріобрѣлъ хищностью и обманомъ.

Не говори, что возмездіе не очевидно. Кто знаетъ, что воздается дѣтямъ или внучатамъ?

Для друга сердечнаго не много выпить 1000 чарокъ, а съ кѣмъ противно разговаривать, то и польза слова много.

При худомъ рябищѣ хозяина гостей мало.

Со многими знаться — много хлопотъ.

Трава боится лютаго мороза, а морозъ солнца.

Нашла коса на камень.

Мѣсяць по прошествіи 15 числа мало свѣтитъ.

Человѣкъ, совершенныхъ лѣтъ достигшій, какъ совершеннолѣтній долженъ дѣлать всѣ свои дѣла.

Одно хорошее слово и въ жестокой морозъ согрѣетъ.

Напротивъ, одна худая рѣчь въ жары бросить въ ознобъ.

При дождь гора, при снѣгъ дымъ не видны.

Смотрѣть какъ дѣлаютъ, легко, а самому дѣлать трудно.

Если маловажныя древа и травы ежегодно растутъ и произникаютъ, невѣроятно, чтобы честный человѣкъ вѣкъ свой провелъ въ бѣдности.

Тщетна молитва безъ добрыхъ дѣлъ.

Молодой человѣкъ! не смѣйся надъ сѣдиною: цвѣтокъ много ли дней цвѣтеть?

Чѣмъ лукавствовать, лучше ниществовать — лукавствующіе потребятся отъ земли.

Тотъ уродъ человѣчества, и питается вѣтромъ, кто честь и богатство снискиваетъ чрезъ лукавства и пронырства.

Вѣрный вельможа не служитъ двумъ государямъ; цѣломудренная жена не вступаетъ въ два брака.

За иную букву не дорого заплатить тысячу золотыхъ монеть.

Знающій книжку мудраго превосходнѣе искуснаго въ наукъ гадательной.

Хотя малъ ростомъ, но если наученъ знаніямъ, то полезный членъ государства, а хотя великъ ростомъ, но не наученъ, къ чему годится?

Сколько лукавый ни обманываетъ простяка, и сколько тотъ не понимаетъ его, но кончить тѣмъ, что лукавый будетъ обмануть простякомъ.

Съ Китайск. АНТ. ВЛАД.

=

III.

НАУКИ И ИСКУСТВА.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СЪВЕРНЫХЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ П. В. ДИЗОМЪ И Т. СИМПСОНОМЪ, ЛѢТОМЪ И ОСЕНЬЮ 1837 ГОДА *.

Окончательное обозрѣніе сѣверо-западнаго берега Америки и, можетъ быть, важныя слѣдствія его для торговли и образованности, справедливо сдѣлались предметомъ вниманія двухъ, самыхъ могущественныхъ государствъ въ мірѣ, Россіи и Великобританіи. Рядъ экспедицій, слѣдовавшихъ въ послѣднее время для сего предмета, ихъ приключенія и отважность, частныя неудачи и успѣхи смѣлыхъ и доблестныхъ людей, которымъ онѣ поручались, возбудили любопытство и вниманіе Европы. Это любопытство сосредоточено было въ одинъ вопросъ, при извѣстїи о новой экспедиціи предпринятой Русскими, вопросъ:

* Двѣ небольшія карты сѣверныхъ береговъ Америки, о которыхъ упоминается въ сей статьѣ, были приложены въ книжкѣ С. О. за Августъ 1838 года. Р. С. О.

чей флагъ прежде, Русскій, или Британскій, возвѣтъ на неизвѣстномъ донинѣ Сѣв. Американскомъ прибрежьи? Въ то время, когда Англійское правительство рѣшилось не посылать болѣе экспедицій, Гудзонская Компанія, столь много и усердно споспѣшествовавшая въ его прежнихъ предпріятіяхъ, рѣшилась, на собственный свой счетъ, не подкрѣпляясь, какъ прежде было при экспедиціяхъ, даже казенныхъ, подписками, отправить для изслѣдованій своихъ чиновниковъ, и такъ скромно, и такъ удачно было все сдѣлано, что *первое извѣстіе* о сей экспедиціи получаемъ мы вмѣстѣ съ извѣстіемъ о пріобрѣтеніи Англіею чести *окончательнаго обозрѣнія сѣверныхъ береговъ Американскихъ*.

Начинателемъ сей экспедиціи былъ *Д. Г. Пелли*, начальникъ Гудзонской Компаніи, принявшій и поддержавшій съ большимъ усердіемъ и искусствомъ предложеніе друга своего Джорджа Симпсона, нынѣшняго губернатора Норвей-Гоуза, того самаго, отъ котораго капитанъ Бекъ и другіе получали столь ревностное и дружеское содѣйствіе въ своихъ странствованіяхъ на сѣверъ. Право выбора начальниковъ экспедиціи было предоставлено г-ну Симпсону, и, какъ событія доказали, выборъ его былъ сдѣланъ съ разборчивостью и умнѣемъ, совершенно соответствующими важности предмета. Г. Дизъ, испытавшій самъ всѣ труды и опасности, неминуемо сопровождающіе подобныя предпріятія, знавшій языкъ и обычай туземцовъ и пріобрѣтшій въ дѣлахъ умнѣе, соединялъ въ себѣ всѣ качества, какихъ только можно было желать для полнаго успѣха экспедиціи. Товарищъ его, Томасъ Симпсонъ, племянникъ губернатора, молодой человекъ двадцати семи лѣтъ, воспитанный въ Абердинѣ для духовнаго званія, и такъ же, какъ самъ губернаторъ и Сиръ Александръ

Маккензи (открывшій Маккензіеву рѣку), родившійся въ Россширѣ, возбуждалъ величайшую къ себѣ довѣренность. Всѣ знали, что похвальное честолюбіе отличить себя, заставить его идти на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, завѣряющимъ успѣхъ, тогда, какъ литературныя и ученія его свѣдѣнія давали ему возможность сдѣлать все, что можно, изъ первой удачной попытки. Предводители экспедиціи и прочіе ихъ сподвижники, люди, отобранные изъ всѣхъ служителей Компаніи, возбуждали полную увѣренность, тѣмъ, что они, какъ пишетъ губернаторъ Симпсонъ, «рѣшились успѣть или погибнуть.»

Важнѣйшимъ, послѣ выбора людей, дѣломъ было начертаніе инструкцій экспедиціи; оно также поручено губернатору Симпсону. Съ перваго взгляда покажется, что въ предпріятіяхъ, удачное исполненіе которыхъ наиболѣе зависитъ отъ личной смѣлости и находчивости, планъ дѣйствія не можетъ быть дѣломъ первостепеннымъ, но безъ сомнѣнія здѣсь, такъ же какъ и вездѣ, споръ о томъ, головъ или рукамъ принадлежитъ честь выигрыша во время гонки на греблѣ, долженъ рѣшиться въ пользу головы, въ особенности на продолжительномъ пути.

Величайшая похвала даннымъ инструкціямъ заключается въ томъ, что повѣствованіе выполненія ихъ, *mutatis mutandis*, есть почти буквальная съ нихъ копія. Томасъ Симпсонъ, слѣдуя имъ съ должнымъ вниманіемъ, достигъ желаемаго успѣха, потому, что инструкціи были начертаны не такого рода людьми, понятія коихъ о льдахъ и морозахъ пріобрѣтены порціями мороженаго въ кондитерскихъ Гросвеноръ Сквера. Читая сіи инструкціи, мы болѣе всего были поражены превосходствомъ ихъ надъ всѣми доселѣ изданными, совершеннымъ знаніемъ страны, способъ ея изслѣдованія, и предвидѣніемъ того, что экс-

педиція могла выполнить; можетъ быть, удивило насъ еще болѣе качество, которымъ онѣ обладали въ высшей степени: соединеніе обширности и свободы дѣйствованія, такъ, что экспедиція не была ими нисколько связаца, съ твердою увѣренностью начертавшаго ихъ въ смѣлость и твердость искателей приключеній, которыхъ никакіе труды, опасности и гибели не въ состояніи были отвратить отъ принятаго однажды намѣренія — успѣть, во чтобы ни стало.

Инструкціи, какъ мы передъ симъ говорили, заключаются въ самомъ разсказѣ Томаса Симпсона, и потому считаемъ мы излишнимъ приведеніе ихъ здѣсь. Путь экспедиціи мы означили на картѣ, взятой изъ превосходнаго Атласа, изданнаго Обществомъ Распространенія Полезныхъ Свѣдѣній. Тамъ, открытый нынѣ берегъ означенъ «undiscovered» (неоткрытымъ); но можно составить себѣ довольно вѣрную идею о самыхъ открытіяхъ изъ извлеченія Г. Арровсмита, сдѣланнаго имъ, по желанію Гудзонской Компаніи, изъ повѣствованія начальниковъ экспедиціи, котораго копію, присланную къ намъ, представляемъ мы нашимъ читателямъ.

Крѣпость Норманъ, 5 Сентября 1837 года.

Мм. Гг. Честь имѣемъ извѣстить васъ о полномъ успѣхѣ экспедиціи нынѣшняго лѣта, къ западу отъ устья Маккензиевой рѣки.

Приготовленія наши, до самаго отправленія экспедиціи изъ крѣпости Чайпевайена (Shipwauan), были вполнѣ представлены губернатору Симпсону и Сѣверному Совѣту, которые, безъ сомнѣнія, сообщили ихъ вамъ; но сему мы ограничимся допесеніемъ, о нашихъ дѣйствіяхъ собственно.

1-го Іюня, мы оставили Чайпевайень, съ двумя легкими шлюпками и одною грузовой для багажа, въ сопровожденіи партіи дикарей-звѣролововъ, направились къ *Большому Мед-*

въяселу озеру, посѣтили соляныя равнины, и 10-го числа прибыли къ *Большому Невольничьему озеру*, гдѣ ледъ задержалъ насъ до 21-го. Та же причина замедлила переходъ нашъ черезъ сіе внутреннее море, и пробывъ за свѣжимъ противнымъ вѣтромъ два дня у верховья Маккензиевой рѣки, мы достигли крѣпости Норманъ 1-го Іюля. Дикари рѣшились оставить насъ на слѣдующій день, и мы раздѣлили своихъ людей и распредѣлили грузъ по назначенію. Строитель нашихъ судовъ, Джонъ Ритчъ, долженъ былъ, вмѣстѣ съ однимъ рыбакомъ, двумя своими помощниками и звѣроловами, отправиться немедленно къ Большому Медвѣжьему Озеру, устроить тамъ зимовье на сѣверо-восточной сторонѣ, и изготвить запасъ провизій къ нашему возвращенію отъ морскаго берега. Мы разстались, и 4-го числа достигли крѣпости *Доброй Надежды*. Тамъ наши мы сборище *Зялыхъ дикарей* (Hare Indians) и *Косыхъ* (Loucheux). Последние извѣстили насъ, что трое изъ ихъ племени были убиты, а четвертый жестоко раненъ Эскимосами въ прошедшемъ мѣсяцѣ, что заставило насъ отказаться отъ прежде принятаго намѣренія взять изъ нихъ проводника и переводчика, не смотря на то, что многіе на то вызывались. Дикари усердно убѣждали насъ быть осторожными и опасаться измѣны ихъ коварныхъ враговъ. Іюля 9-го мы достигли океана самымъ западнымъ устьемъ Маккензиевой рѣки, тѣмъ, котораго тщетно искалъ Сиръ Джонъ Франклинъ; оно находится въ шир. $68^{\circ} 49\frac{1}{2}'$ N, долг. $136^{\circ} 37'$ W, и совершенно соответствуетъ описанію, какое сдѣлалъ Франклинъ Эскимосскіе посланцы, приходившіе уведомить его о замышляемомъ на него нападеніи *Горныхъ дикарей*.

Пройдя небольшое разстояніе въ морѣ, мы увидѣли приближающуюся къ намъ партію изъ девятнадцати человекъ жителей остр. Тентъ (Tent Island); каждый изъ нихъ получилъ по небольшому подарку, чего мы постоянно держались во все время нашего путешествія. Мы старались, сколько дозволяли наше умѣнье и лексиконы, къ большому удивленію дикарей, объяснить имъ дружественныя чувства *близкихъ* къ ихъ племени. Съ симъ народомъ, живаго и общительнаго характера, въ нѣсколько мѣсяцовъ приобрѣли мы достаточную легкость въ переговорахъ, и когда словъ у насъ не доставало, они замѣнялись знаками, такъ, что мы рѣдко были въ затрудненіи, и довольно хорошо понимали другъ друга. Снисходи-

тельное обращеніе съ дикарями было однакожь довольно невыгодно, потому, что они дѣлались дерзки и докучливы, кромѣ того, что безпрестанно высматривали удобный случай ограбить насъ. При первой нашей встрѣчѣ, они учинили было нѣсколько неудачныхъ для того попытокъ, и когда переговоры наши съ ними были кончены, довольно трудно было заставить ихъ возвратиться въ свои становища. Они настоятельно хотѣли проводить насъ до нашего кочевья, гдѣ къ нимъ навѣрно присоединились бы свѣжія толпы, не говоря уже о томъ, что намъ предстояло опасное плаванье по мѣлководью. Мы рѣшительно приказали имъ удалиться, что они исполнили не прежде, какъ послѣ выстрѣла съ ядромъ надъ ихъ головами; тогда только поворотились ихъ челноки и они отгребли прочь. Вскорѣ вѣтеръ скрѣпчалъ до шторма, но къ слѣдующему утру мы благополучно достигли мыса *Шингль* (*Shingle Point*), въ шир. 69° N, гдѣ принуждены были пробить до 11-го. Термометръ уже понизился до 48° (Фаренгейта), 30-ю градусами ниже стоящаго его въ тотъ вечеръ, когда мы вышли изъ Маккензіевоу рѣки. Послѣ прекрасной погоды, какою мы наслаждались, спускаясь по сему величественному потоку, мы принуждены были продолжать путь въ густыхъ и холодныхъ туманахъ, преслѣдовавшихъ насъ почти во все время нашего странствованія по морскому берегу. Не смотря на то, что они надѣдали намъ и задерживали насъ, мы никогда не останавливались за ними, и располагались станомъ только въ такихъ случаяхъ, когда вынуждали насъ къ тому ледъ, или противныя вѣтры. Такому упорству, при помощи всеблагата Провидѣнія, облазаны мы наиболѣе раннему и успѣшному окончанію нашего предпріятія. Юля 11-го по полудни пришли мы къ мысу *Кей* (*Point Key*), гдѣ сплошной ледъ, которымъ затянуло весь заливъ *Филлипсъ*, задержалъ насъ до 14-го. Тутъ посѣтила насъ партія Эскимосовъ, которыхъ шалаши были расположены неподалеку. Сіи дикари живутъ въ странѣ, омываемой *Бейбеджесовоу рѣкою*, и они уведомили насъ, что рѣка сія, исключая то время, когда разливается отъ растаянія горныхъ снѣговъ, составляетъ незначительный потокъ, мѣнѣе 50 ярдовъ ширины (около 150 футовъ). Мы удостоверились въ томъ собственными глазами, въ одинъ ясный день нашего обратнаго пути. Въ сосѣдствѣ сего мѣста собрали мы нѣсколько растений, въ дополненіе нашей сѣверной Флоры.

Отыскавъ выходъ изъ льдовъ *Филлипсова залива*, въ тотъ же вечеръ (14-го Юля) пришли мы къ *Гершеллеву острову*, и имѣли сношенія съ партіями туземцовъ, довольно многочисленныхъ по сей части морскаго берега. На островъ нашли мы китовый остоу, восьми футовъ въ ширину; вообще, китовый усь есть важный предметъ торговли между туземцами, употребляющими его для дѣланія своихъ сѣтей и скрѣпленія сапокъ. Мы продолжали плыть съ попутнымъ восточнымъ вѣтромъ, пробираясь между льдами при весьма незначущихъ остановкахъ, до двухъ часовъ пополуночи 17-го числа, когда большая масса льду, протягиваясь къ морю, заставила насъ пристать къ берегу въ заливъ *Калиденъ*, недалеко отъ довольно значительнаго кочевья Эскимосовъ. Едва первыя опасенія ихъ уничтожились, мы приняли ихъ дружески, и одаривъ по обыкновенію, купили у нихъ порядочное число украшеній для рта, оружія, и проч. — Трое изъ нашихъ новыхъ знакомцевъ отличались пріятною наружностью, примизною стапа, и ростомъ отъ 5 ф. 10 д. 6 ф. — Они показали намъ обращикъ своихъ пласокъ, и одинъ изъ нихъ опередилъ на бѣгу всѣхъ нашихъ людей. Изъ ихъ разсказовъ узнали мы, что они имѣютъ два источника торговли: первый, и самый естественный, съ своими сѣверными, которые приходятъ ежегодно отъ запада; другой съ Горными дикарями, употребляющими огнестрѣльное оружіе и приходщими издалика, со стороны Русскихъ колоній. Дикари показывали намъ ножи, желѣзные котлы, и множество другихъ вещей, безъ сомнѣнія Русскаго издѣлія, добытыхъ отъ Горныхъ дикарей. Средства мѣны казались у нихъ весьма ограниченными, состоя только изъ тюленьихъ кожъ, китоваго уса, слоновой (мамонтвоу?) кости и мѣховъ ниспаго достоинства, лисицы, выхухоли и Американской росомахи. Мы купили у нихъ пару плохихъ бобровыхъ рукавицъ, вѣроятно, полученныхъ ими отъ Горныхъ дикарей, потому, что мы не видали никакихъ признаковъ существованія бобра въблизи сего берега, хотя, безъ сомнѣнія, на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ противъ теченія открытыхъ нами въ послѣдствіи большихъ рѣкъ, которыхъ берега опущены льсомъ, драгоценныя сіи животныя обитаютъ, можетъ быть, и въ большомъ количествѣ. Послѣ полудня показалась узкая полоса воды въ трещинѣ, направленной изъ залива, и мы немедленно воспользова-

лись ею. Проплывъ отъ берега миля три, къ несчастію нашему, ледъ вдругъ сжался отъ свѣжаго сѣверо-западнаго вѣтра; одна изъ шлюпокъ была стиснута, и мы спасли ее отъ разрушенія только тѣмъ, что выбросили весь ея грузъ на плавающія глыбы льду. Посредствомъ волоковъ между льдинами, употребляя весла вмѣсто мостовъ, намъ наконецъ кое-какъ удалось собрать весь грузъ, и потомъ вывести обѣ шлюпки въ широкую полынью, гдѣ провели мы безпокойную, суровую ночь. На слѣдующее утро ярость вѣтра унялась; ледъ нѣсколько раздался вокругъ насъ, и сдѣлавши большой кругъ, мы добрались наконецъ до берега, около мили далѣе отъ нашего прежняго становища. Тамъ принуждены мы были ждать до полуночи 19-го числа, когда попутный вѣтеръ снова далъ намъ средство обойти массу льду, протягивавшуюся на четыре мили отъ берега, и привелъ насъ въ заливъ острова Фогги (Foggy Island Bay), гдѣ ледъ и сильный пордь-остовый вѣтеръ задержали насъ до 23-го, послѣ сдѣланной неудачной попытки обойти мысъ *Толмента* (Point Anxiety), у котораго мы едва избѣжали холоднаго купанья. Широта сей части берега $70^{\circ} 10'$. — Отсюда, въ ясный полдень, мы имѣли удовольствіе открыть хребтъ скалистыхъ горъ, протягивающихся къ западу отъ *Румлизовскаго хребта* (Romanzoff chain) и невиданныхъ Сиръ Джономъ Франклиномъ, и какъ горы сіи находились въ предѣлахъ осмотрованныхъ имъ странъ, то мы назвали ихъ *Франклиновымъ хребтомъ* (Franklin Range), изъ уваженія къ характеру и достоинствамъ сего странствователя. 23-го числа, мы опять вступили подъ паруса, обогнули огромную массу льду, простиравшуюся въ море на шесть миль отъ *Арборо-инлета* (Arbrough Inlet), потомъ, поворотивъ круто, ужинали около Поворотной мѣли (Return Reef) и начали опись.

Поворотная мѣля принадлежитъ къ грядѣ рифовъ и острововъ, протягивающихся на двадцать миль въ параллель берега, на разстояніи отъ него около полумили; между ними и матерымъ берегомъ глубина достаточна для такихъ легкихъ судовъ, каковы были наши шлюпки. Материкъ здѣсь весьма низменъ; отъ *Беренсова мыса* (Point Berens) до мыса *Галкетта* (Cape Halkett), названныхъ такъ въ честь двухъ членовъ Гудзонской Компаніи, онъ составляетъ большой заливъ, въ 50 миль ширины и на одну треть сего размѣра дли-

ны; въ честь нашего губернатора, сей заливъ былъ названъ *Гаррисоновымъ*. Въ глубинѣ его живописная отрасль *хребта Скалистыхъ Горъ* (Rocky Mountain range), послѣднихъ изъ видѣнныхъ нами, вздымается надъ низменнымъ берегомъ свои высокія вершины; мы назвали ихъ *Пеллиевыми горами*, въ честь начальника нашей Компаніи. Подошву ихъ омываетъ большая рѣка, ширина которой около устья двѣ мили; она названа нами именемъ г-на Андрыю-Кольвилля. Рѣка сія дѣлаетъ воду прѣсною, на нѣсколько миль далѣе своего устья, и наносимый ею грунтъ сдѣлалъ Гаррисоновъ заливъ до того мѣлкимъ, что только пройдя 25 часовъ, въ продолженіе которыхъ мы держали курсъ по направленію въ море, можно было пристать къ обмѣвшейся ледяной горѣ, на девять миль къ юго-западу отъ мыса Галкетта, гдѣ крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ продержалъ насъ весь слѣдующій день. Страна, протягивающаяся отъ подошвы горъ, состоитъ изъ равнинъ, покрытыхъ мѣлкою травою и мохомъ, — любимую пищу сѣверныхъ оленей, которыхъ видѣли мы многочисленныя стада. По астрономическимъ наблюденіямъ, какія удалось намъ сдѣлать, широта мѣста была $70^{\circ} 43' N$, а долгота $152^{\circ} 14' W$, склоненіе компаса 45° восточное. Въ 6-ть часовъ слѣдующаго утра (26-го Іюля), приливъ поднялъ воду на два фута, такъ, что намъ удалось благополучно переправиться черезъ мѣли. На небольшомъ разстояніи отъ нашего становища, переправившись мы черезъ устье другой рѣки, въ одну милю шириною, берега которой были густо покрыты папоротникомъ; мы назвали ее *Гарри*, въ честь Николая Гарри. Мысъ Галкеттъ составляетъ оконечность маленькаго островка, отдѣленнаго отъ материка узкимъ каналомъ, мало-воднымъ даже для шлюпокъ. Географическое положеніе было опредѣлено по обсерваціи, шир. $70^{\circ} 48' N$, долг. $151^{\circ} 55' W$. Кажется, что тутъ было убѣжище Эскимосовъ, потому, что мы нашли мѣсто, гдѣ они строили свои байдари. Полагаемъ, что сіи дикари составляли часть весьма большаго кочевья, становище котораго видѣли мы въ заливѣ *рѣки Стейнессъ* (Staines Rives), проходя 20-го Іюля мимо восточной оконечности *Флакслинова острова* (Flaxman Island). Кочевье это составляли западные торговцы дикарей, расположившіеся тутъ на ежегодномъ ихъ путешествіи къ острову Мѣны (Barter Island), гдѣ они встрѣчаются съ своими вос-

точными братьями. На возвратномъ пути нашеть, мы не видали ихъ, потому, что они были разсыпны по рѣчкамъ, озерамъ и горамъ, для охоты за оленями.

Отсюда берегъ поворачивается круто къ WNW, не представляя взорамъ ничего, кромѣ низменныхъ отмѣлей замерзшаго пла. Хотя ледъ былъ вездѣ толстъ, однакожъ въ немъ оставались еще узкіе проходы вблизи берега; средняя глубина ихъ одна сажень; грунтъ песокъ. Вечеромъ переправились мы черезъ устье значительной рѣки, названной нами, по имени *Виллиама Слита*. Отсюда, около шести миль, побережье состоитъ изъ дровяныхъ мѣлей, около оконечности которыхъ, у *мыса Питта*, направление берега склоняется уже къ западу. Ледъ лежалъ здѣсь въ гораздо плотнѣйшихъ массахъ; огромныя льдины были на днѣ, что заставило насъ искать выхода далѣе отъ берега. Темная, бурная ночь увеличивала безпокойство и опасность нашего положенія; руль одной шлюпки отшибло, и мы съ трудомъ успѣли пристать къ берегу, вблизи огромнаго оленьяго загона. Эскимосы очень замысловато выстроили его изъ двойнаго ряда дерева, поставленнаго на возвышенной полсеѣ земли, окружающей пространство четырехъ миль въ длину и двухъ въ ширину; дальнѣйшій отъ берега выходъ оканчивался озеромъ, въ которое выгоняли отсюда безпечныхъ животныхъ на смерть, убивая ихъ копьями и стрѣлами. Въ окрестности растительная почва земли была едва на четыре дюйма въ глубину, а глубже замерзшая земля была тверда, какъ камень, такъ, что стойки нашихъ палатокъ не могли быть вбиты сколько было нужно. Люди наши должны были ходить за цѣлую милю, чтобы достать прибываемаго къ берегу топлива; вѣроятно, что такой, весьма существенный въ столь суровомъ климатѣ недостатокъ составляетъ главную причину малообитаемости всей, протягивающейся на большое разстояніе по берегу страны. Здѣсь должны мы были ждать до полудня 27-го, когда раздавшійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ дозволилъ намъ продолжать нашъ путь. Рѣзкій, холодный вѣтеръ дулъ отъ сѣверо-востока, и соленая вода замерзала на нашихъ веслахъ и снастяхъ. *Мысъ Дрю* (*Ponit Drew*), названный по имени Ричарда Дрю, въ семи миляхъ отъ нашего становища, есть начало залива, значительно пространнаго, но чрезвычайно мѣлкого и запруженнаго льдомъ, такъ,

что пробирался черезъ него, наши шлюпки часто получали сильные удары. Въ такихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, мы не могли надвинуться превосходной постройкѣ и прочности нашихъ судовъ. Далѣе въ море, ледъ былъ гладокъ и твердъ, какъ будто въ самую суровую зиму. Въ полночь достигли мы узкаго, выдающагося мыса, за которымъ показались остроконечныя вершины нѣсколькихъ высокихъ ледяныхъ горъ; издали мы приняли ихъ за шалаши дикарей. Мысъ этотъ былъ нами названъ *Джорджъ Симпсонъ*, въ знакъ уваженія къ нашему почтенному губернатору. Здѣсь, казалось, былъ назначенъ предѣлъ нашего плаванія въ шлюпкахъ, потому, что въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ дней, мы пробрались впередъ только на четыре мили. Погода была туманная и пронзительно холодная; дикія птицы отправлялись длинными вереницами къ западу, и намъ оставалось мало надежды достигъ *мыса Баррова* водою. Здѣсь *Boat Extreme* находится въ широтѣ 71° 3' N., долготы 154° 26' W.; склоненіе компаса 42° E.

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, Томасъ Симпсонъ предпринялъ довершить путешествіе пѣшкомъ, и отдѣлился отъ другихъ 1-го Августа, съ пятью людьми, запасшись оружіемъ, амуницией, неммиканомъ, небольшимъ челнокомъ, обтянутымъ промасленною парусиною, для переправы черезъ рѣки, нужными астрономическими и геодезическими инструментами и разными бездѣлками для дикарей. День былъ одинъ изъ самыхъ пасмурныхъ, и туманъ до того сгустился, что пѣшеходцы должны были слѣдовать по малѣйшимъ извилинамъ побережья, составлявшаго на протяженіи двадцати миль родъ неправильнаго залива, обложеннаго низкими грядами дровяныхъ рифовъ; берегъ залива былъ почти въ уровень съ водою, и пересѣченъ безчисленнымъ множествомъ бухтъ соленой воды, которыя надлежало обходить, и трехъ значительныхъ рѣкъ, или, лучше сказать, узкихъ заливовъ, черезъ которые они переправлялись на своемъ переносномъ челнокѣ. Въ одномъ мѣстѣ нашли множество деревянныхъ сапокъ, связанныхъ китовымъ усомъ, на крѣпкихъ роговыхъ тормозахъ. Симпсонъ предполагаетъ, что сапи оставлены тутъ западными Эскимосами, на пути ихъ къ востоку, для того, чтобы опять воспользоваться ими на возвратномъ пути домой, при наступленіи зимы. Слѣды оленей попадались весь-

ма часто. На слѣдующій день погода прояснилась, и Симпсону удалось опредѣлить полуденную широту, $71^{\circ} 10'$. Отсюда берегъ склонялся къ юго-западу, и былъ по прежнему низменъ, пловать, и пересѣченъ заливами соленой воды, которой температура была на точкѣ замерзанія. Г. Симпсонъ и его спутники продолжали идти, но, къ великому прискорбію ихъ, берегъ вдругъ направился на югъ, такъ далеко, какъ только глазъ могъ видѣть; въ тоже время они усмотрѣли вдали небольшое кочевье западныхъ Эскимосовъ, куда тотчасъ же направилась. Мужчины дикари были въ отсутствіи на охотѣ, а женщины и дѣти бросились въ ужаснѣйшей тревогѣ къ своимъ лодкамъ, оставя за собою большаго старика, ожидавшаго погібели въ смертельномъ страхѣ. Нѣсколько дружескихъ словъ разсѣяли ужасъ его, и возвратили бѣлыхъ людей. Дикари принесли нашимъ изслѣдователямъ свѣжей оленины и тюленьяго сала, и просили у нихъ табакъ (tawacah), до котораго мужчины, женщины, и даже дѣти большіе охотники. Симпсонъ рѣшился на болѣе покойный родъ путешествія, и приступилъ къ дикарямъ съ просьбою, объ одолженіи ему одного изъ ихъ семейныхъ челноковъ, или ootjaks, для переезда къ мысу Баррова, съ которымъ, по картѣ, начерченной ему на пескѣ одною изъ женщинъ, дикари казались знакомы. Просьба была немедленно исполнена; привязали четыре весла къ странной лодкѣ (включивъ у пел не было), и Эскимосскія дамы рѣшительно объявили, что бѣлые настоящіе Эскимосы, а не *Каблуаны*. Передъ отправленіемъ нашихъ изслѣдователей, прибыли звѣроловы, и также получили свою долю табакъ, шильевъ, пуговицъ и другихъ бездѣлушекъ. *Дизовъ проливъ* имѣетъ въ семь мѣстъ пять миль ширины, и берега его такъ низменны, что въ самую ясную погоду едва можно отличить ихъ одинъ отъ другаго. Вѣтеръ опять засвѣжелъ отъ пордь-оста, неся съ собою холодный густой туманъ, но при помощи компаса переправа совершилась благополучно, и хотя волненіе разыгралось, по обтянутой кожею Эскимосская лодка входила на него съ легкостью, далеко превосходящею подобное качество нашихъ прославленныхъ сѣверныхъ лодокъ. Отрядъ расположился на западной сторонѣ пролива. Берега его въ семь мѣстъ состояли изъ замерзшаго пла, въ десять или двѣнадцать футовъ шири-

ны; совершенно плоская внутренность страны изобилуетъ маленькими озерками, и почва пронизываетъ весьма низкую траву, но нигдѣ не было возможности пробить землю глубже двухъ дюймовъ отъ ея поверхности, а вдоль берега грунтъ подъ водою былъ непроницаемо замерзшій. Ни одного куска дѣрева не было видно въ сихъ печальныхъ пустыняхъ, но наши изслѣдователи, по примѣру туземцовъ, разводили огонь изъ корней карлика-ивы (dwarf-willow) въ маленькой дерновой пещкѣ. На слѣдующее утро (3-го Августа), туманъ на короткое время прочистился, но холодъ былъ по прежнему пронзительнъ, и волненіе вздымалось высоко за грядою обмѣлвшихъ ледяныхъ глыбъ, которыми было устья взморье. Берегъ, протянувшись на пять миль къ сѣверу, сворачивалъ на сѣверо-западъ; широта сего мѣста была $71^{\circ} 13'$. Отсюда направленіе берега сдѣлалось еще западнѣе и отрядъ пришелъ къ большому, какъ казалось, заливу, у котораго долженъ былъ остановиться на два или три часа, чтобы выждать, пока разсѣется туманъ, и имѣть возможность видѣть, куда должно править. Желаніе ихъ исполнилось въ тотъ же вечеръ, и съ того времени погода сдѣлалась хорошею, въ сравненіи съ тою, при которой они прежде странствовали. Оказалось, что заливъ имѣлъ только четыре мили въ ширину; глубина его, около средины, была полторы сажени; грунтъ песокъ. Глубина Дизова залива двѣ сажени, и грунтъ иль. Большой глубины не встрѣтилось нигдѣ между мѣлю Поворота и мысомъ Баррова, кромѣ одного мѣста въ десяти миляхъ отъ мыса Галкетта, гдѣ бросали лотъ на трехъ сажняхъ глубины и пещаномъ грунтѣ. Переправясь черезъ Маккензиевъ заливъ, увидѣли, что берегъ опять направился на WNW, на разстояніи отъ восьми до десяти миль. Сплошной ледъ затянулъ все пространство вдоль берега и на далекомъ разстояніи въ море. Изслѣдователи наши перепесли свое легкое судно въ эту непреодолимую преграду, и пробивались вдоль берега по трещинамъ и узкимъ каналамъ. Въ полночь, они прошли устье прекрасной глубокой рѣки, въ четверть мили шириною, которую Симпсонъ назвалъ *Красивою Рѣкою* (The Belle Vue), и менѣе нежели черезъ часъ, восходящее солнце освѣтило передъ ними *мысъ Баррова*, проглыгивающійся на NNW. Вскорѣ послѣ сего они переправились черезъ *Дизоновъ заливъ* (который покрылся тон-

кимъ льдомъ), но не безъ труда удалось имъ пробраться черезъ громады льду, выброшеннаго на побережье. Добравшись до него, и видя океанъ, простирающийся къ югу отъ противоположной стороны мыса Баррова, они подняли флагъ, и съ трехкратнымъ ура, приняли свои открытія во владѣніе Англіи, во имя Его Британскаго Величества.

Мысь Баррова есть длинная, низменная коса, состоящая изъ дресвы и крупнаго песку, въ которой напоръ льдовъ выдавилъ многочисленныя неровности, похожія издали на огромныя гольшии. У мѣста, гдѣ пристала отрядъ Симпсона, мысь имѣла только четверть мили ширины, но съ приближеніемъ къ оконечности ея ширина увеличивалась. Первый представившійся изслѣдователямъ предметъ было огромное кладбище; мертвыя тѣла лежали на открытомъ воздухѣ, въ самыхъ ужасныхъ и отвратительныхъ положеніяхъ, такъ, что люди Симпсона опасались, не холера ли, или другая какая нибудь заразительная болѣзнь свирѣпствовала между туземцами. Два значительныя кочевья дикарей были расположены на небольшомъ разстояніи отъ мыса, но ни одинъ изъ туземцовъ не осмѣлился приблизиться къ бѣлымъ, прежде нежели они сами подошли къ нимъ, и обыкновенными изъясненіями дружелюбна разсѣяли ихъ страхъ. Тотчасъ начался довольно дѣятельный, мѣновой торгъ, въ продолженіе котораго женщины составили кружокъ, и начали плясать подъ разные напѣвы, изъ которыхъ нѣкоторые были довольно пріятны для слуха. Вообще поведеніе сего племени дикарей было весьма дружелюбно. Повидимому, они хорошо знакомы съ характеромъ бѣлыхъ людей, любятъ табакъ, и когда кому нибудь изъ молодыхъ приходила охота опережать стариковъ, сіи послѣдніе останавливали ихъ Французскою фразою: *c'est assez*, которую, какъ и слово *tawassah* (табакъ), они вѣроятно выучили у Русскихъ промышленниковъ. Русскихъ называли они *Нунатаглунъ* (*Noonataglun*), и одинъ почтеннаго вида старикъ взялся доставить отъ Симпсона письмо къ Рускимъ, или къ какому-то бѣльми, обитающимъ въ западной части материка; въ письмѣ было краткое извѣстіе о дѣйствіяхъ и успѣхахъ экспедиціи. — Къ северу, огромныя ледяныя горы носились по океану, но на западной сторонѣ былъ прекрасный свободный отъ льда проходъ, который, по увѣренію Эскимосовъ, протягивался вдоль всего берега къ югу. Мысль отправиться

по сему направленію была такъ соблазнительна, что еслибы предметъ изысканій нашихъ не отвлекалъ насъ, Симпсонъ не задумался бы ни на одно мгновеніе слѣдовать далѣе до *Кукова пролива*, на своемъ обтянутомъ кожею чеплюкъ. Дикари извѣщали его, что къ северу отъ мыса Баррова было множество китовъ, и что тюлени и сивучи являютъ въ большомъ количествѣ между льдинами. Эскимосы были въ своихъ теплыхъ одеждахъ изъ оленьихъ и тюленьихъ шкуръ; всѣ мужчины имѣли украшенія у рта, и бритая голова была общою принадлежностью, не только взрослыхъ мужчинъ, но даже мальчиковъ; подбородки женщинъ были татуированы, но дикарки не собирали своихъ волосъ на макровку въ мудреные узлы, которые въ такой модѣ у нихъ восточныхъ землячекъ. Онѣ съ большимъ любопытствомъ спрашивали имена каждаго изъ нашей партіи и сообщали свои собственныя. Симпсонъ нарочно записалъ множество словъ изъ нарѣчія сего племени, изъ коихъ нѣкоторыя различны отъ собранныхъ Парри, но большая часть, или совершенно походить на нихъ, или различна только въ окончаніяхъ. Дикари кладутъ своихъ мертвыхъ на землю, головою къ северу, и оставляютъ ихъ гнить такимъ образомъ. Изъ обычаевъ сего племени, впрочемъ сходныхъ съ извѣстною уже характеристикою Эскимосовъ, заслуживаетъ особенное вниманіе только замысловатый способъ ловли дикихъ птицъ. Они привязываютъ отдѣльно шесть небольшихъ, просверленныхъ шариковъ, изъ слоновой кости, къ сплетеннымъ изъ жилъ веревочкамъ, въ три фута длиною, другіе концы которыхъ связываются вмѣстѣ. Такимъ образомъ выходитъ родъ развертывающагося аркана, который ловко бросать вверхъ, въ пролетающее мимо стадо птицъ; онъ обвивается вокругъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тяжестью шариковъ притягиваетъ ихъ къ землѣ.

Г-ну Симпсону не случилось слышать, чтобы между дикарями сего племени господствовала смертность болѣе обыкновенной; онъ полагаетъ, что многочисленность Эскимосовъ, посѣщающихъ мысь Баррова въ разные времена, вмѣстѣ съ суровостью климата, достаточно оправдываетъ множество видѣнныхъ имъ тамъ труповъ. Самая высокая вода была два раза въ сутки, между часомъ и двумя по полудни и по полуночи; приливъ поднималъ ее на 14 дюймовъ и шелъ отъ

запада. По наблюдениям удалось определить широту мѣста, къ которому Симпсонъ присталъ на шлюпкѣ — $71^{\circ} 23\frac{1}{2}'$ N., а долготу $156^{\circ} 20'$ W., весьма сходно съ наблюдениями Эльсона. Протясь съ своими добродушными и удивлявшимися имъ хозяевами, путешественники рѣшились отправиться въ обратный путь. Въ тотъ вечеръ, они были задержаны льдомъ, но на слѣдующее утро (5-го Августа) ледъ раздался и дозволилъ имъ выйти. Поздно вечеромъ добрались до Эскимосовъ Дизова залива, и наградивъ ихъ щедро за ссуду челнока, Симпсонъ велѣлъ нѣкоторымъ изъ дикарей отправиться съ нимъ до Boat Extreme, гдѣ предполагалъ отдать имъ его. Потомъ, продолжая путь цѣлую ночь, въ 5 часовъ утра 6-го Августа, Симпсонъ съ своею партией благополучно присоединился къ нетерпѣливо ожидавшей его главной части экспедиции.

Кончивъ такимъ образомъ предпріятіе наше, мы пустились въ обратный путь послѣ полудня того же числа, и съ легкимъ вѣтромъ, почти по чистому отъ льдовъ морю, шли цѣлую ночь, а въ слѣдующій полдень (7-го Августа) достигли мыса Галкетта. Тутъ мы направились поперегъ Гаррисонова залива; вѣтеръ постепенно свѣжелъ и превратился почти въ штормъ; въ шлюпки поддало множество воды, но подъ зарифленными въ три рифа парусами, мы благополучно добрались до *Фишовой рѣчки*, въ виду мыса, съ котораго началась наша опись. Мѣсто становища, по тщательнымъ астрономическимъ наблюдениямъ, определили въ шир. $70^{\circ} 25'$ N., долготу $148^{\circ} 25'$ W. Когда послѣ слѣдующаго полудня вѣтеръ стихъ, мы опять сѣли на суда, и идя безостановочно, съ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, достигли мыса Разграниченія (Demarcation Point) къ завтраку 11-го числа. Въ продолженіе сего перехода выпадалъ нѣсколько разъ большой снѣгъ и погода была постоянно холодная. Румянецовскія и Британскія горы одѣлись раннимъ покровомъ слѣдующей зимы. Лды въ зал. Камденъ были все еще весьма велики, но они приносили намъ ту пользу, что защищали насъ отъ опаснаго прибоа морскихъ волнъ, которому суда наши были беззащитно подвержены, пройдя островъ Мѣны. Вскорѣ послѣ оставленія нами мыса Разграниченія, ледъ до того сбился вмѣстѣ, что намъ не было возможности пробраться черезъ него далѣе. На слѣдующій день (12-го Августа), намъ открыл-

ся небольшой проходъ, и мы, при прояснившейся погодѣ, нѣсколько часовъ сряду подавались впередъ, пока опять вздымавшійся горами прибой и огромныя льдины принудили насъ стараться добраться до берега, къ которому съ трудомъ мы пристали между рѣкою *Backhouse* (Backhouse) и горою *Конибиръ* (Conybeare). Тамъ, мы должны были ждать до 15 числа. Ледяныя горы, окружающія берегъ, были огромны и весьма разнообразнаго вида, но съ вершины одного холма, находившагося въ шести миляхъ во внутренности земли, мы имѣли передъ глазами океанъ, снѣжившійся на необозримое пространство въ даль къ сѣверу. Пастбища въ глубокихъ долинахъ, зеленыющихъ между горами, роскошны; стада съверныхъ оленей бродятъ тамъ безчечно, и мы безъ большаго труда добыли себѣ дичины. Въ ночь на 14-е число показались намъ въ первый разъ звѣзды и было великолѣпное свѣрское сіяніе. На слѣдующее утро, мы снова пустились въ путь, и почти при постоянно тихой погодѣ, достигли западнаго устья Маккензіевой рѣки, на берегу которой расположились станомъ. Первые Эскимосы, при возвращеніи нашемъ отъ Boat Extreme, попались намъ у *Бэфортова* залива (Beaufort Bay), но оттуда, до самой Маккензіевой рѣки, мы встрѣчали только малыя ихъ партіи, изъ которыхъ нѣмало попадались намъ прежде, на пути къ западу. Мы старались остаться друзьями со всеми ими, и дикари распрощивали насъ съ большимъ участіемъ, скоро ли мы ихъ опять посетимъ? Жилища, расположенныя на островѣ *Тентъ* (Tent Island), были покинуты, въ слѣдствіе, какъ мы поняли, опасенія отъ нападенія, замышляемаго Косыми, въ отмщеніе за убійство ихъ собратій.

Къ разеказу нашему, намъ осталось только прибавить нѣкоторыя замѣчанія. Приливы и отливы вдоль всего прибрежья были по полусуточно, и течение приходило всегда отъ запада; между прочимъ, на возвышеніе воды сильно дѣйствовали вѣтры и лды, но вообще мало имѣли мы случая съ дѣлать наблюденія надъ приливами. Около Boat Extreme средняя высота полной воды была 15 дюймовъ выше ординарной, и продолжалась съ часа до двухъ по полудни и по полночи. Высота прилива уменьшалась по мѣрѣ нашего приближенія къ востоку, такъ, что у мыса Кей она была отъ восьми до девяти дюймовъ выше ординарной. Въ томъ, что

по океану можно ходить на больших судах в продолжение лѣтних мѣсяцовъ, мы убѣдились изъ постоянной, правильной зыби, встрѣчавшей насъ на обратномъ пути, и изъ того, что мы видѣли открытый океанъ съ вершинъ горъ, на которыя намъ случалось взбираться. На возвратномъ пути встрѣтили мы нѣсколько китовъ. Постоянство восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, во все продолженіе начала лѣта, достойно примѣчанія; единственнымъ исключеніемъ были пять дней западныхъ вѣтровъ, сопутствовавшихъ намъ на обратномъ пути, когда между тѣмъ, приближаясь къ концу лѣта, вѣтры дуютъ постоянно отъ запада и сѣверо-запада. Нынѣ достоверно извѣстно, что отъ пролива Коцебу до мыса Парри, путь для большихъ судовъ ни одной закрытой якорной стоянки, хотя впрочемъ плаванію черезъ сію часть арктическаго океана можетъ помѣшать только развѣ весьма неблагоприятное лѣто, да и тогда весьма легко можно окончить плаваніе на слѣдующій годъ, съ которой бы стороны оно ни началось, отъ Беррингова ли, отъ Баррова ли пролива. Объ этомъ предметѣ, можетъ быть, мы будемъ въ состояніи дать болѣе основательное понятіе, если предполагаемыя нами для слѣдующаго лѣта изслѣдованія будутъ удачны.

Естественная исторія прибрежья, начиная отъ Поворотной мыли до мыса Баррова, крайне бѣдна. Въ царствѣ прозябаемомъ, едва ли какой нибудь цвѣтокъ, или мохъ, прибавился къ коллекціи, собранной на другихъ частяхъ берега. Въ животномъ, сѣверные олени, арктическія лисенцы, одинъ или два рода *limmings*, тюлени, бѣлыя совы, подорожники, тетерева (*Lagopus salicite et rupestres*), и еще нѣсколько хорошо извѣстныхъ родовъ морскихъ птицъ, были единственные, попадавшіеся намъ животныя, а въ царствѣ минералогіи намъ не показалось ни одной скалы *in situ*, или кремнистой, на протяженіи болѣе двухъ сотъ миль прибрежья. Склоненіе компаса, въ сравненіи съ обсервованнымъ Сиръ Джономъ Франклиномъ, увеличилось отъ одного до трехъ градусовъ; у Boat Extreme было оно только 21-ю минутой болѣе опредѣленнаго Г. Эльсономъ близъ мыса Баррова, гдѣ, продолжая ту же пропорцію, склоненіе показало столько же градусовъ, сколько и прежде. Мѣсяца не видали мы ни одного раза въ продолженіе всего путешествія, до возвращенія нашего къ устью Маккензіевой рѣки, гдѣ мы имѣли случай

взять множество лунныхъ разстояній, по которымъ исправили долготу прежде опредѣленныхъ мѣсть, съ помощію преломляющаго хронометра, которымъ главный факторъ Г. Смитъ осудилъ экспедицію.

Плаваніе наше вверхъ по Маккензіевой рѣкѣ не ознаменовалось никакимъ, достойнымъ особеннаго вниманія случаемъ. Погода была тиха и прекрасна, и мы тлупились бичевою, подвигаясь такимъ образомъ отъ 30-ти до 40 миль въ сутки. Вода въ рѣкѣ значительно убыла, и въ слѣдствіе сего рыбная ловля наша была неуспѣшна, а недостатокъ пищи, въ особености между дикарями, сдѣлался ошутителенъ, какъ здѣсь, такъ и у крѣпости Доброй Надежды. Изъ дикарей видѣли мы много Косыхъ, но Заячьи дикари были разсѣяны во внутренности страны для отысканія пищи. Отъ прибрежья океана до мыса Разлуки (Point Separation) лоси были многочисленны, потому, что ихъ никто не тревожилъ, но со времени нашей встрѣчи съ Косыми не было уже видно никакихъ слѣдовъ оленей, или лосей. Мы прибыли въ крѣпость Норманъ 4-го Сентября, съ половиною нашего лѣтнаго запаса провизіей, и съ нетерпѣніемъ ждемъ прибытія полаго подвоза и писемъ.

Нѣсколько дикарей отъ Большаго Медвѣжьяго озера привезли намъ извѣстіе объ отрядѣ, посланномъ нами для устройства нашего зимовья. Люди наши были задержаны льдомъ въ рѣкѣ Медвѣжьяго озера, въ продолженіе всего Іюля мѣсяца, потеряли одинъ изъ своихъ челноковъ, и не ранѣе 6-го числа Августа удалось имъ миновать крѣпость Франклинь, за котораго они имѣли уже свободную переправу черезъ озеро. Продолжительные восточные вѣтры были причиною такой непріятной остановки, въ продолженіе которой дикари, извѣстные подъ именемъ *Собагисъ Реберъ* (the Dogrifs), добродушно снабжали нашихъ людей рыбкою.

Сентября 8. — Сего утра получили мы письмо отъ губернатора Симпсона, отъ 11-го Ноября изъ Лондона, и извѣщаемъ вамъ, Мм. Гг., живѣйшую нашу признательность за участіе, какое вы принимали въ успѣхъ экспедиціи.

Мы получили дневникъ послѣдней экспедиціи капитана Бека (Beck), и весьма рады тому, что новое его предпріятіе не имѣетъ ничего общаго съ нашими инструкціями.

Вы, Мм. Гг., можете остаться въ совершенной увѣренности

ети, что на слѣдующее лѣто усилія наши въ пользу открытій и наукъ, къ востоку отъ рѣки Мѣдныхъ Рудъ (Coppermine River), будутъ приложены съ тою же ревностію, какъ и нынѣшняго лѣта на другомъ поприщѣ, и мы надѣемся, что они увѣчатся такимъ же, какъ и нынѣ успѣхомъ.

Продовольствія наши на осень и зиму прибыли. Они были сданы довольно безпорядочно въ Портеджъ ла Лочъ (Portage la Loche), и недоставъ пеммикана особенно очень значителенъ. Но, вмѣстѣ съ сбереженнымъ отъ нынѣшняго года запасомъ, количества его будетъ достаточно для предполагаемыхъ на слѣдующее лѣто предпріятій; словомъ, намъ ничего не остается болѣе требовать.

Мы посылаемъ къ Большому Невольничьему озеру двухъ нарочныхъ, для доставленія сей депеши и для встрѣчи веселнаго пакетбота, неприбытіе котораго причиняетъ намъ большое безпокойство. Завтра собираемся мы отправиться на зимовку.

Имѣемъ честь быть и проч.

Петръ В. Дизъ.

Томасъ Симпсонъ.

Замѣчательныя открытія Гг. Диза и Симпсона могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря по ихъ важности и слѣдствіямъ, какимъ образомъ подѣйствуютъ они на сношенія Англіи съ Россією, притязанія которой на владѣніе новооткрытыми землями могутъ равняться съ нашими? Какіи коммерческія выгоды можно изъ нихъ извлечь, и какое должно быть вліяніе Британскаго владычества и Британской торговли на нравственный характеръ и улучшеніе быта жителей сихъ далекихъ и бесплодныхъ странъ? Но прежде всего необходимо оцѣнить новыя открытія для того, чтобы увѣриться въ ихъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ для различныхъ племенъ Сѣверо-Американскихъ дикарей, на горестное положеніе которыхъ просвѣщеніе наше можетъ имѣть или спасительное, или вредное вліяніе.

Главный пунктъ колоній Россійской Американской Компаніи, расположенныхъ на сѣверо-западномъ берегу, есть *Ново-Архангельскъ* (что называлось прежде *Ситха*), находящійся въ Норфолькъ-Зундѣ, въ широтѣ 57°, долготѣ 132°, 20' W.* Эта колонія содержитъ, какъ регулярное военное поселеніе; имѣетъ крѣпость, въ которой гарнизономъ болѣе 300 человекъ офицеровъ и солдатъ, съ хорошими природными укрѣпленіями, вооруженными 16 короткими, 18-ти-фунтовыми, и 12 длинными, 9-ти-фунтовыми, пушками; она есть главная квартира правителя Колоній, капитана Русскаго флота Купреянова (Капугановъ). Рускіе имѣютъ и другія колоніи, на материкѣ и на островахъ, къ сѣверу отъ Ново-Архангельска, и одну крѣпость, *Россъ*, въ заливѣ Бодего, или Румянцовскомъ, на берегу Калифорніи, у входа въ заливъ Санъ-Франциска, въ широтѣ 37° 35', а всего у нихъ десять поселеній на сѣверо-западномъ берегу Америки. Кромѣ того, они содержатъ въ своихъ колоніяхъ двѣнадцать судовъ отъ 100 до 400 тоннъ, изъ коихъ каждое вооружено 10-тью пушками разныхъ калибровъ. Всѣ офицеры и почти всѣ служители Американской Компаніи принадлежатъ къ Русской арміи, или флоту, и получаютъ жалованье отъ Правительства**; служба ихъ Компаніи даетъ имъ такія же права на производства, пенсіи, и проч., какъ и коронная служба, въ арміи, или во флотѣ. Кромѣ того, въ поселеніяхъ живетъ множество дикарей изъ племени Кадьяковъ, которыхъ обыкновенно занимаютъ охотою или рыб-

* Ново-Архангельскъ находится подъ 54° 2' 50'' шир. и 135° 18' долготы. *Прил. Пер.*

** Несправедливо. Жалованье и продовольствіе выдаются офицерамъ и служителямъ отъ Компаніи, а не отъ Правительства нашего. *Прил. Пер.*

ною ловлею; они служатъ, не подлежа никакимъ постояннымъ правиламъ или условіямъ, и на нихъ смотрятъ и обращаются съ ними, какъ съ настоящими невольниками *. Ежегодный оборотъ мѣховъ оцѣняется отъ 80,000-ти до 100,000 ф. ст.

Поселеніе въ Бодего было основано, много лѣтъ тому, въ слѣдствіе дозволенія, даннаго Губернаторомъ Калифорніи, Графу Румищову (на дочери котораго онъ въ послѣдствіи женился**), испрошеннаго подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы имѣть земледѣльческое и скотоводное заведеніе для продовольствія расположенныхъ далѣе къ сѣверу Русскихъ колоній, гдѣ почва земли и климатъ неспособны къ растительности. Но очевидно, что Рускіе имѣютъ совершенно другіе виды, удерживая за собою такое мѣсто, на обработаніе земли котораго они мало и даже вовсе не обращаютъ вниманія, полагаясь, касательно продовольствія своихъ сѣверныхъ поселеній, болѣе на Испанскія Миссіи въ Санъ-Франциско и Монтерей***. Рускіе ловятъ морскихъ выдръ въ заливѣ Санъ Франциско и около другихъ частей берега Калифорніи, гдѣ всегда имѣютъ три, или четыре, вооруженныхъ на военную ногу судна. Однажды они пытались устроить заведеніе на Сандвичевыхъ островахъ, противъ желанія жителей, которые собра-

* Не только несправедливо, но вовсе ложно. Кадьякцы, какъ и другіе Алеуты, обязаны служить Компаніи весьма умеренные сроки за плату, по прошествіи чего они остаются свободными, ничего не платятъ и занимаются промыслами въ свою пользу. Гдѣ же здѣсь причины, по которымъ Англійскій журналистъ говоритъ, что они are looked upon and considered as slaves? *Прим. Пер.*

** Забавное извѣстіе! Не понимаемъ, откуда взялъ его Англійскій журналистъ? *Прим. Пер.*

*** Опять неправда! Жители Калифорніи не могутъ надвинуться успехамъ земледѣлія нашего въ Россію. Не смотря на неудобство мѣстоположенія, самая крутизна горъ здѣсь обработаны, и пшеницы снмается до 8000 пудовъ въ годъ. *Прим. Пер.*

лись многолюдными толпами и заставили ихъ отказаться отъ своего намѣренія. По описанью, производимымъ Рускими въ заливѣ Санъ Франциско, и изъ другихъ обстоятельствъ, можно заключить, что они имѣютъ намѣреніе овладѣть и портомъ Санъ Франциско *. Бодего не имѣетъ безопасной гавани; якорныя мѣста совершенно открыты, и защищены съ морской стороны только отмѣлю, образовавшеюся отъ носимаго, впадающаго около рейды рѣкою, песку. Глубина банки никогда не бываетъ болѣе 14-ти или 15-ти футовъ.

Нѣкто, служащій во флотъ Соединенныхъ Штатовъ, посѣтилъ прошедшею зимою крѣпость Ванкуверъ и рѣку Колумбію, на суднѣ, нанятомъ на одномъ изъ Сандвичевыхъ острововъ; изъ Колумбіи пошелъ онъ въ Бодегу, Санъ - Франциско и Монтерей, возвратился въ Соединенные Штаты черезъ Мексикку и прибылъ въ Вашингтонъ въ прошломъ Августѣ. Будучи въ Ванкуверѣ, онъ говорилъ, что предметъ его посѣщенія былъ ничто иное, какъ путешествіе изъ любопытства и для удовольствія, но какъ онъ не обращалъ вниманія на ученые, или торговые предметы, и всѣ его изысканія были направлены болѣе на силы Англійскихъ и Русскихъ колоній на сѣверо-западномъ берегу, и на притязанія Рускихъ обладаніемъ Бодегого и право промыш-

* О своевольномъ предпріятіи одного некателя приключеній, завести колонію Русскую на Сандвичевыхъ Островахъ, см. подробности въ *Жизни А. А. Баранова*, изд. покойнымъ К. Т. Хлѣбниковымъ. Ни Компанія, ни Правительство не имѣли въ томъ никакого участія. Кто сказалъ Англійскому журналисту, что у Рускихъ три, даже четыре вооруженные корабли стоятъ постоянно у береговъ Калифорніи, тотъ рѣшительно солгалъ. Что Рускіе описываютъ заливъ Санъ-Франциско, и по тому видно, что они хотятъ завладѣть имъ, можно причесть къ забавнымъ шуткамъ, но особенно любопытно знать: какія это other circumstances, по которымъ журналистъ думаетъ, что Рускіе have in view to take possession of that harbour? *Прим. Пер.*

ленности и рыбной ловли по берегу Калифорнии, то, равно какъ по некоторымъ замѣчаніямъ, сорвавшимся у него съ языка во время пребывания его въ Ванкуверъ, вѣроятнѣе кажется, что онъ странствовалъ по какому нибудь тайному порученію правительства Соединенныхъ Штатовъ *.

Главный колоніальный пунктъ Гудзонской Компаніи на сѣверо-западномъ берегу Америки есть крѣпость *Ванкуверъ*, находящаяся на сѣверномъ берегу рѣки Колумбій, въ разстояніи отъ Океана около сорока миль, въ широтѣ $45\frac{1}{2}^{\circ}$ N., долготѣ $122^{\circ} 30'$ W. — Она была основана губернаторомъ Симпсономъ въ 1824 году, и названа по имени знаменитаго мореплавателя, открывшаго и описавшаго рѣку Колумбію. Гудзонская Компанія имѣетъ также заведеніе на южномъ берегу сей рѣки, около ея устья, называющееся крѣпостью *Джорджъ* — это прежняя *Асторія*, отнятая у Сѣверо-Американцевъ. Кромѣ того, она имѣетъ заведенія: *Наскуали* (*Nasqually*), въ Пюджетъ-Зундѣ, шир. 47° ; *Лангли* (*Langly*), около устья Фразеровой рѣки, широта $49^{\circ} 25'$; *М'Лоуглинъ* (*M'Louglin*), въ Милль-Бенкъ-Зундѣ, шир. 52° ; *Симпсонъ*, на Дондасовомъ островѣ (*Dundas-Island*), шир. $54\frac{1}{2}^{\circ}$, и была предупреждена Рускими въ намѣреніи своемъ основать поселеніе, въ 1834 году, на рѣкѣ Стахинъ (*Stikine River*), шир. $56\frac{1}{2}^{\circ}$, долг. $131^{\circ} 10'$ W. Во внутренности материка Гудзонская Компанія имѣетъ пятнадцать постовъ: *Фразерово Озеро* (*Fraser's Lake*), *М'Леодово Озеро* (*M'Leods Lake*), крѣпость *Джорджъ*, *Александрія Чилкотинсъ* (*Alexandria Chilcotins*), *Бабиново* и *Медвѣжье Озеро* (*Babine*

* Кажется, что и этотъ gentleman, belonging to the United States navy, и его some remarks that fell from him, такъ же достоверны, какъ и извѣстія журналиста о Рускихъ, и честолюбивыхъ намѣреніяхъ нашихъ на Америку. *Прим. Пер.*

and Bears Lakes), въ Новой Каледоніи, заведеніе у впаденія Томпсоновой рѣки въ Фразерову; заведеніе *Не-Персе* (*Nez Percés*), *Окананганъ* и *Колвайль* при Колумбій; *Флеть Гидъ* (*Flat Head*) и *Кутанія* (*Cootania*), между сѣвернымъ и южнымъ рукавами Колумбій близъ горъ; крѣпость *Галль*, на южномъ рукавѣ Колумбій, и заведеніе *Умкуа* (*Umqua Post*), на рѣкѣ того же имени, въ шир. $43^{\circ} 30'$, долг. 124° , къ югу отъ рѣки Колумбій. Кромѣ сихъ постоянныхъ поселеній, Гудзонская Компанія содержитъ двѣ кочевыя экспедиціи, промышленную и звѣроловную, изъ пятидесяти человекъ каждую: одна находится въ странѣ, расположенной между Колумбіей и заливомъ Санъ Франциско, къ морскому берегу, а другая во внутренности страны, между Колумбіей и верховьями рѣкъ, впадающихъ въ заливъ Санъ Франциско. Компанія содержитъ въ своихъ колоніяхъ пароходъ, и пять парусныхъ судовъ, отъ 100 до 300 тоннъ, вооружаемыхъ, въ случаѣ надобности, на военную ногу.

Въ 1834 году, Гудзонская Компанія снарядила экспедицію для основанія поселенія на рѣкѣ Стахинъ, впадающей въ Кларенсовъ проливъ, въ шир. $56^{\circ} 50'$. Изъ сей части страны, хотя она и была описана въ началѣ нашими мореплавателями, Кукомъ и Ванкуверомъ, Британское Правительство, трактатомъ 1825 года, уступило Рускимъ полосу берега въ тридцать миль шириною, предоставивъ Английскимъ промышленникамъ право судоходства по всемъ рѣкамъ, перерѣзывающимъ пограничную черту. Рускіе, узнавъ отъ дикарей о намѣреніи Англичанъ основаться на Стахинъ, рѣшились предупредить ихъ. Въ слѣдствіе сего, они выстроили на рѣкѣ острогъ (*Blockhouse*), подъ предлогомъ учрежденіи тутъ станціи, потому, что по трактату обѣ стороны не должны

были мѣшать другъ другу устраивать промышленныя станціи. Когда отряженная Гудзонскою Компаніею экспедиція пришла къ Стахину, она встрѣтила тамъ Русскій военный шлюнгъ, готовый препятствовать ей силою. Англичанъ увѣдомили, что если они вздумаютъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, то по ихъ гребнымъ судамъ откроютъ огонь, и что Рускіе имѣютъ другое вооруженное судно, для того, чтобы въ случаѣ нужды помочь первому. Начальникъ Англійской экспедиціи указывалъ на трактатъ, но Русскій офицеръ отвѣчалъ, что онъ и знать его не хочетъ, а будетъ исполнять то, что ему приказано. Подали жалобу Барону Врангелю, главному правителю колоній. Онъ отговаривался незначительностію рѣки (она имѣетъ у самаго устья три мили въ ширину, а поднявшись вверхъ на тридцать пять миль, ширина ея не менѣ одной мили), и потомъ объявилъ, что будетъ сопротивляться силою основанію Британской колоніи, несмотря на статью договора 1825 года, въ которой сказано, что ни одна сторона не имѣетъ ни въ какомъ случаѣ права прибѣгать къ оружію, не снесясь напередъ съ своимъ правительствомъ. Такимъ образомъ экспедиція должна была сняться съ якоря (29 Іюня, 1834 года), претерпѣвъ убытка около 20,000 ф. ст. *

Сначала думали, что коммерческія выгоды новыхъ открытій Г. Диза и Симпсона будутъ незначи-

* Все это извѣстіе объ экспедиціи Гудзонской Компаніи на рѣку Стахинъ, въ 1834 году, вовсе невѣрно. Тогда у насъ въ колоніяхъ не было вовсе ни одного военного судна, и у Стахина стоялъ не sloop of war, а Компанейскій бригъ *Чичаговъ*, бывший прежде Американскою купеческою шхуною, которую купила наша Компанія. Начальнику Англійской экспедиціи объявлено было, что на основаніи заключенной между Россіею и Англіею конвенціи, начальство Русскихъ колоній не можетъ позволить останавливаться и торговать на Стахинѣ, гдѣ уже находится Русское поселеніе. И командиръ *Чичагова*, и бывший тогда главнымъ правителемъ колоній Баронъ Врангель, присоветовали къ

тельны, но природа внутренности страны, пересѣченной рѣками и озерами, изобилующими рыбою, и легкость добыванія въ ней мѣховъ, заставляютъ ожидать противнаго.

Самыя ошибочныя и преувеличенныя извѣстія были изданы о размноженіи нищеты, безправственности и смертности между дикарями сей части Америки, въ слѣдствіе сношеній ихъ съ Европейцами. Говорили, что крѣпкіе напитки и зловредныя болѣзни уменьшили племя *Крисовъ* (Crees) отъ тысячъ до сотенъ, и будто бы такимъ привознымъ бѣдствіемъ помогала система торговли, уменьшающая способы существованія и подстрекающая безпечнаго дикаря къ займамъ, которыхъ уплата превышаетъ его способности, такъ, что наконецъ, когда у него пѣтъ уже амуниціи, первой потребности охотника, онъ дѣлается въ тягость своему племени и оно отвергаетъ его на конечную погибель. Никакихъ мѣръ не было принято, какъ утверждали, къ облегченію страданій туземцевъ, къ улучшенію ихъ нравственнаго характера, къ старанію возвысить ихъ до первой степени просвѣщенія введеніемъ земледѣльчества и скотоводства, вмѣсто невѣрнаго способа существованія звѣриною ловлею, и исключая то, что дѣлали для дикарей Католическіе миссіонеры изъ Испаніи и

тому, словесно и *тѣсно*, что въ случаѣ самовольной остановки и торговли, Рускіе отнюдь противиться силою не стануть, но предадутъ дѣло разсмотрѣнію своего Правительства. Англійская экспедиція удалась послѣ того поспѣшно и по доброй волѣ, и вѣроятно всего потому, что замѣтила неприязненное къ себѣ расположеніе дикарей. Однѣ migratory trading and trapping expeditions, о которыхъ упоминается выше, достаточны оправдать не любовь дикихъ къ Англичанамъ. Мы *покупаемъ* у дикарей пушной товаръ, а Гудзонскія экспедиціи *саши ловятъ* и бьютъ звѣрей, а потому дикари почитаютъ ихъ хищниками, похищающими добро, принадлежащее жителямъ. *Прим. Пер.*

Лордъ Селькиркъ, никто не думалъ о просвѣщеніи, и обращеніи ихъ въ христіанство. Дикари были бы, безъ сомнѣній, гораздо многочисленнѣе, нравственнѣе, и жили бы удобнѣе, по словамъ обвинителей, ежели бы имъ никогда не случилось видѣть Европейцевъ.

Дѣйствительно, правда, что дикари были въ продолженіе многихъ лѣтъ подвержены гибельному вліянію спора двухъ соперничающихъ Компаній, сѣверо-западной Монреаля и Гудзонской. Крепкіе напитки были къ нимъ введены въ употребленіе съ самаго начала основанія Гудзонской Компаніи, въ 1670 году. Въ продолженіе соперничества, продолжавшагося до 1821 года, обѣ спорившія стороны находили свои выгоды въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было способомъ имѣть туземцевъ на своей сторонѣ; случалось даже такъ, что если иногда видѣли на озерѣ приближеніе дикарскаго челнока, то шлюпки обѣихъ Компаній гребли къ нему на переконку, и послѣдствіями встрѣчъ ихъ бывали нерѣдко кровопролитія. Но съ 1821 года, когда соперничество кончилось, крепкіе напитки стали привозиться гораздо рѣже, и только послѣ привоза транспорта съ товарами къ концу каждаго лѣта, употребляемымъ для того дикарямъ и Креоламъ между Юрскимъ Депо и Норвей-Гоузомъ, даютъ угощеніе, т. е. пинту разведеннаго рому и извѣстное количество чаю, сахару, маслу, хлѣба и мыла, что имъ доставляетъ большое удовольствіе. Среднее количество ввозимыхъ крепкихъ напитковъ не превосходило въ послѣдніе годы пинты на человѣка, чернаго и бѣлаго. Водку перестали промѣнивать на мѣхъ; въ страны къ сѣверу отъ Кумберленда не дозволяется ввозить вина, даже для чиновниковъ Компаніи; употребленіе крепкихъ напитковъ имѣетъ такъ мало поощренія,

что даже самые дикари дѣлаются къ нимъ равнодушными*.

Что касается до отвратительной болѣзни, которую будто бы Европейцы распространили между дикарями, странно, какъ забываютъ общее мнѣніе, что настоящій ея источникъ есть сама Америка, изъ которой она была вывезена въ Европу. Для предупрежденія ввоза и распространенія страшнаго недуга, Гудзонская Компанія положила за правило осматривать всѣхъ своихъ служителей, прежде нежели дозволить имъ отправиться во внутренность страны, и случаи сей болѣзни такъ рѣдки, что исключая одного заразившагося бѣлаго, въ продолженіе семнадцати лѣтъ, въ главномъ Депо Компаніи было только два случая, съ двумя женщинами, заболѣвшими отъ матросовъ, пришедшихъ съ береговъ Тихаго Океана. Показаніе, будто бы средства пропитанія туземцевъ уменьшились отъ Европейскихъ промышленниковъ, можетъ быть оцѣнено по достоинству, если обратить вниманіе на фактъ, слышанный нами отъ очевидца. Онъ видѣлъ, весною 1829 года, сгнившіе трупы 10,000 буйволовъ, увязшихъ въ болотѣ у одного перепутья около рѣки Саскачевана— количество, болѣе нежели достаточное для прокормленія всѣхъ служащихъ Гудзонской Компаніи слишкомъ на десять лѣтъ. Дѣйствительно, правда, что множество лосей и оленей переселилось изъ пустырей Гудзонскаго залива къ берегамъ рѣкъ Св. Лаврентія и Оттавы, въ страну, которая, не смотря на то, что наполнена городами и деревнями, изоби-

* Да позволено будетъ здѣсь сказать, что мы охотно вѣрнемъ великодушнымъ мѣрамъ, какія принимаетъ Англія, желая прекратить употребленіе крепкихъ напитковъ между Американскими дикарями, по намъ достоверно извѣстно однакожъ, что ромъ и доньшъ составляетъ главный товаръ Англійскій, при сношеніяхъ и торговлѣ Англичанъ съ жителями сѣверо-западныхъ береговъ Америки. *Прил. Пс.*

лустъ сими животными болѣе тѣхъ земель, гдѣ селенія промышленниковъ раскиданы одно отъ другаго на 200 и 300 миль. Непредусмотрительность дикарей невѣроятна. Случалось, что они убивали цѣлыя сотни звѣрей только для того, чтобы полакомиться ихъ языками, оставляя тѣла гнить, тогда, какъ черезъ два мѣсяца, тѣ же самые люди едва бываютъ въ силахъ выползти изъ своихъ шалашей отъ голода. Климатъ до такой степени не благоприятствуетъ земледѣлію, что картофель пропадаетъ черезъ два года въ третій; къ сѣверу отъ Кумберланда пшено не созрѣваетъ никогда, а ячмень срѣзываютъ часто совершенно зеленый, и такъ великъ недостатокъ земледѣльческихъ произведеній, что служители и чиновники Компаніи, живущіе въ отдаленныхъ промышленныхъ селеніяхъ, принуждены восемь мѣсяцевъ въ году питаться одною только рыбою. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ каждаго года снѣгъ бываетъ отъ 4-хъ до 6-ти футовъ въ глубину, и морозы столь сильны, что ни одно домашнее животное не можетъ жить на дворѣ, тогда, какъ совершенный недостатокъ подножнаго корма заставляетъ кормить лошадей только рыбою. Послѣ всего этого мудрено превратить туземцовъ въ земледѣльцы, сдѣлавъ изъ нихъ сперва пастуховъ. Даже въ умѣреннѣйшемъ прочихъ климатѣ Красной Рѣки, попытка держать скотъ на дворѣ, сдѣланная въ 1833-мъ и 1834 годахъ, была такъ неудачна, что изъ 500 головъ скота погибло 200, не смотря на то, что хлѣва были выстроены въ закрытомъ по возможности мѣстѣ, и хорошо приготовлены. Рога у скотины, въ буквальномъ смыслѣ, отваливались (drop off) отъ силы мороза. Странно также и то обстоятельство, что домашній рогатый скотъ не старается, какъ лошади, буйволы, или олени, добы-

вать себѣ подножный кормъ, разрывая снѣгъ передними ногами.

Съ недавняго времени замѣчаютъ, что всѣ дикарскія племена увеличились въ числѣ, за исключеніемъ Крисовъ, и воинственныхъ племенъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ степей между рѣками Саскачеваномъ и Миссури. Крисы раздѣляются на двѣ породы: *Болотныхъ* и *Внутреннихъ*; первые занимаютъ болотистые берега Гудзонова залива, отъ Чурчилля (Churchill) до Истмейна (Eastmain), и на двѣсти, или триста миль во внутрь страны. Внутренніе Крисы, владѣвшіе Европейскимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ прежде Чайпевайеновъ и другихъ сѣверныхъ племенъ, по словамъ Сиръ Александра Маккензи, дѣлали воинственные набѣги на границы арктическихъ странъ и за Скалистыя Горы (Rocky Mountains). Пробѣгая побѣдителями по симъ странамъ, они дали названіе *Невольничьихъ племенъ* обитателямъ Маккензіевой и Лардовой рѣкъ, именно: Чайпевайенамъ, дикарямъ Желтаго Ножа, Заячьимъ, Собачьимъ Ребрамъ, Косымъ, Наганіямъ (Nahanes) и другимъ. Наконецъ однакожь, побѣдоносный путь ихъ былъ остановленъ корью, которая уменьшила число ихъ до такой степени, что вида приближающійся конецъ своего могущества, они раздробились на отдѣльныя шайки. Остатокъ ихъ, около 3,000 человекъ, расположенъ на различныхъ станціяхъ. Въ 1824 году, болѣе 900 человекъ обоого пола, изъ племени Черноногихъ, было еще истреблено Крисами. Самыя странныя дѣла разсказывали о готовности, съ которою дикари ссужаютъ постороннихъ людей своими женами и дочерьми, но нынѣ— чтобы подобнаго ни дѣлали они между собою — мы беремъ утверждать, основываясь на семнадцатилѣтней опытности, что такія ссуды не случаются

уже ни въ одномъ изъ поселеній Гудзонской Компаніи.

Мѣры ввести Христіанскую религію и просвѣщеніе между туземцами, не были также упущены изъ вида. Католическіе священники и Канадскіе монахи и священники изъ Миссіонерскаго Общества имѣютъ нѣсколько церквей и училищъ въ селеніи на Красной Рѣкѣ, подъ покровительствомъ Гудзонской Компаніи. Климатъ здѣсь нѣсколько умѣреннѣе, и слѣдственно, болѣе способенъ къ земледѣлію, а потому оно и было поощряемо. Сюда, и въ поселенія на берегахъ Тихаго Океана, одна весьма почтенная духовная особа была послана для наученія дикарей земледѣлію и устройству у нихъ училищъ и церквей, имѣя въ виду самые счастливые успѣхи.

Всѣ исчисленные обстоятельства доказываютъ, что успѣхъ *открытій* есть также успѣхъ *просвѣщенія*. Никакія опасенія неблагопріятныхъ послѣдствій не должны останавливать, и каждый благомыслящій читатель, надѣмая, пожелаесть вмѣстѣ съ нами успѣха смѣлымъ людямъ, которыхъ путешествіе мы рассказали, въ дѣль еще болѣе опасномъ — *описи неизслѣдованнаго донья берега между мысомъ Поворота (Turnagain) и мысомъ Дальнейшимъ (капитана Джелса Росса)*. Правительство Королевы, конечно, не оставитъ безъ вниманія достоинствъ и заслугъ людей, дѣйствующихъ въ сихъ отдаленныхъ экспедиціяхъ, и отважныхъ искателей приключеній, безстрашно идущихъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ.

(Изъ The Lond. and Westm. Review).

=

ЗАМѢЧАНІЯ

О СТЕПЯХЪ ОРЕНБУРГСКОЙ, СИМБИРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

—

Нынѣшнія степи Оренбургской, частію Симбирской и Саратовской губерній, имѣютъ глинистый и глинисто-иловатый грунтъ земли, перемѣшанный съ каменистыми частицами, состоящими изъ отвердѣлой глины; сверху черноземъ, отъ одной четверти до полуаршина въ толщину. Геологическія изысканія доказываютъ, что сіи степи, какъ равно и Киргизская, составляли прежде дно моря, по мнѣнію естествоиспытателей образовывавшаго одну пространную громаду водъ съ Аральскимъ моремъ. Доказательствомъ присутствія здѣсь нѣкогда морскихъ водъ служатъ раковины, морскому дну принадлежащія, и въ степяхъ на нѣсколькихъ саженьяхъ отъ поверхности земли находимыя. Но когда степи составляли дно морское, объяснить невозможно. Трехъ-тысячелѣтняя извѣстность представляетъ намъ ихъ уже въ видѣ степей, и доказываетъ, что если дѣйствительно морскія воды покрывали равнины Оренбургской, Симбирской и луговья части Саратовской губерній, то сіе было въ глубокой древности, не

оставившей намъ никакихъ о томъ историческихъ свѣдѣній.

Желательно бы знать: были ли сіи степи всегда такъ безлѣсны, какъ онѣ нынѣ находятся, а если были на нихъ лѣса, то чѣмъ можно то доказать, и отъ чего нѣтъ нынѣ лѣсовъ на ихъ обширныхъ пространствахъ?

Что лѣса нѣкогда существовали на степяхъ, тому доказательствомъ служить слѣдующее:

I. Черноземъ, во многихъ мѣстахъ до полуаршина глубины, и болѣе, на поверхности земли лежащій, показываетъ, что нѣкогда тутъ находились лѣса; отъ травъ не могъ онъ накопиться до такой толщины.

II. Остатки лѣсовъ, нынѣ видимые около Илецкой защиты и по лѣвому берегу Урала, показываютъ, что грунтъ земли, совершенно одинаковой со всею степью, къ произрастанію ихъ способенъ.

III. Лѣса, нынѣ находящіеся въ Оренбургской губерніи, къ Уфѣ и за Ураломъ выше Оренбурга, а также въ Саратовской и Симбирской по степямъ отдѣльно произрастающія рощи, находятся на такомъ же грунтѣ, какой заключаютъ въ себѣ и безлѣсныя степи.

Присутствіе лѣсовъ должно бы оставить по себѣ толстый слой чернозема, но однакожь мы находимъ его не толще полуаршина, а во многихъ мѣстахъ менѣе, что по видимому должно бы ослабить доказательства бытности ихъ въ степяхъ, но тоже самое служитъ доказательствомъ, что степныя мѣста были едва ли не сплошными лѣсистыми, если только разсмотрѣть причины, отъ которыхъ они перемѣнились, о чемъ ниже будетъ объяснено.

Нынѣ неспособность степныхъ мѣстъ къ произрастанію лѣсовъ такъ велика, что съ большимъ тру-

домъ можно разводитъ, не только по дорогамъ, но и въ садахъ березу, липу, осину, и другіе роды лѣсовъ, какъ будто они совершенно несвойственны климату и почвѣ земли, хотя точно такіе же лѣса растутъ въ изобиліи на двухъ стахъ верстахъ разстоянія и на одинаковой полосѣ земли. Рѣчекъ и ручьевъ по степямъ такъ мало, что на пятидесяти верстахъ едва можно встрѣтить ихъ одинъ, или два раза. Остались однѣ большія рѣки, которыя также изсякли бы, какъ и ручьи, если бы вершины ихъ не находились въ мѣстахъ лѣсистыхъ. Подобное состояніе грунта земли очень естественно, потому, что съ истребленіемъ лѣсовъ земля потеряла свою влажность, и ту пухлость, какую она всегда имѣетъ подъ лѣсами, сдѣлалась сухою, плотно осѣла и стала производить нынѣшнія грубыя травы кормовыя, перемѣшанныя съ вишенникомъ и послѣдними слабыми потомками древнихъ дремучихъ лѣсовъ.

По общему порядку, травы выросшія на мѣстахъ бывшихъ лѣсовъ, должны бѣ быть чрезвычайно тучны, но однакожь въ степяхъ видимъ мы тому совершенно противное, ибо онѣ, болѣею частью, поросли ковыломъ, пыреемъ, и другими жесткими и худшими изъ кормовыхъ травъ. Причина тому заключается въ обычаѣ кочевыхъ, и даже нынѣшнихъ осѣдлыхъ обитателей, выжигать степи, чтобы старая трава не препятствовала произрастанію новой. Вредъ, отъ того происходящій, объясненъ будетъ ниже.

Монгольскіе народы, изъ средины Азіи вторгнувшіеся въ Европу, и опустошившіе пройденныя ими страны даже до Венгрии, имѣли одинъ путь, черезъ Оренбургскую губернію къ Волгѣ. Здѣсь былъ ихъ привалъ; отсюда дѣлали они свои нашествія, и какъ народы сіи были кочевые, имѣніе пропитаніе отъ

скотоводства, которое и у нынешних наследников их во сто раз больше, нежели у народовъ земледельческихъ, то огромные стада были и суть причинами перваго истребленія лѣсовъ, мѣста которыхъ заступили пастбища, столь необходимыя для кочующихъ племенъ.

Губерніи, вверхъ по Волгѣ лежація, начиная почти отъ Камы, не могли обратиться въ степи потому только, что нашествія на нихъ Монголовъ были кратковременны, безъ привадовъ и остановокъ, да и самый климатъ противъ Оренбургской области былъ суровѣе, а потому всегдашній станъ Монгольскій былъ около Ахтубы, гдѣ и понынѣ существуютъ развалины бывшей Монгольской столицы Шери-Сараи.

Земля, вытопанная безчисленными стадами, принадлежавшими древнимъ обработителямъ Россіи, постепенно прибывала изъ-подъ лѣсовъ, погибавшихъ большими пространствами; беречь ихъ никому не было надобности; табуны Монголовъ имѣли въ нихъ первое приближище въ лѣтніе жары; земля у корней отаптывалась; молодые поросли гибли, подавленные стадами. Такіе лѣса, представляя собою уже не темныя рощи, въ которыхъ старыя и молодыя деревья растутъ смѣшанно, но отдѣльно стояція штампы на утолченной землѣ, были уже на первой степени къ истребленію, потому, что если бы даже такіе лѣса оставить неприкосновенными, и не рубить ихъ, то они были бы совершенно бесплодны, какъ скопцы, и не могли бы обѣмнять той земли, которая утолчена стадами, и сдѣлалась какъ будто токомъ на гумнѣ. Наконецъ порубка даже и сихъ лѣсовъ на постройки и отопленіе, вмѣстѣ съ пожарами, весьма нерѣдкими еще и нынѣ, при

лучшемъ присмотрѣ за лѣсами, въ досталь ихъ искоренили.

Остатки лѣсовъ, необходимыя для самыхъ кочующихъ народовъ, окончательно погибали также и отъ варварскаго обычая, доннынѣ существующаго — выжигать въ поляхъ травы, для того, чтобы дать ростъ свѣжему корму многочисленныхъ стадъ, для которыхъ кочевые народы никогда сѣна на зиму не заготовляютъ. Такое жженіе дѣлалось и дѣлается слѣдующимъ образомъ: травы, оставшіяся отъ прошлаго года, зажигаются весною, въ сухое время; огонь, при вѣтрѣ пущенный, забирался въ лѣса и совершенно губилъ ихъ; валежникъ сгаралъ вмѣстѣ съ черноземомъ, накопившимся вѣками отъ падающихъ листьевъ и сучковъ; съ нимъ гибли и молодья поросли, а старыя деревья, охваченныя огнемъ, поврежденныя въ самыхъ корняхъ, засыхали, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, при пособіи многочисленныхъ стадъ, лѣса исчезали, а мѣста ихъ обращались въ степи, лишеныя большей части чернозема, ежегодно отъ пожеговъ выгаравшаго.

Дабы доказать справедливость сихъ выводовъ, надобно бы представить свидѣтельства писателей, или историческія преданія, но одни только наши будущіе потомки могутъ еще что нибудь узнать о лѣсахъ нашего времени, потому, что начинаютъ уже у насъ принимать мѣры къ сохраненію столь драгоценнаго дара природы, а намъ невозможно ничѣмъ руководствоваться, кромѣ аналогическихъ изысканій и темныхъ преданій, слышанныхъ нынешними старожилками отъ прежнихъ стариковъ, что по нынешнимъ степямъ были еще при нихъ лѣса, нынѣ совершенно исчезнувшіе, и что топливо не такъ было затруднительно, какъ нынѣ.

Что нынешнія степи имѣли въ древности лѣса,

въ себѣ влажность, нынѣ становятся рѣже, и одно или два сухія лѣта бываютъ причиною голода жителей и гибели скота, потому, что и травы, растущія на сухомъ грунтѣ, отъ солнечнаго зноя выгораютъ. Къ такимъ неудобствамъ присоединяются еще бураны, зимою и лѣтомъ бывающіе, чего никогда почти не замѣтно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ есть еще лѣса.

Многіе земледѣльцы, невѣжество которыхъ еще довольно велико, не могли скотоводствомъ своимъ потравить въ степяхъ всей травы, дѣлаютъ ежегодные пожегн ея, почитая ихъ удобреніемъ полей для произрастанія травъ, и даже облегченіемъ въ производимомъ земледѣльствѣ. Въмѣсто того, чтобы жниву съ осени перенахать, и оставшимся корнямъ и стволамъ растений дать перетлѣть и обратиться въ наземъ, они сожигаютъ ихъ, предполагая, что зола отъ растений удобрить землю. Они не понимаютъ того, что огонь, сжигал травы и солому, вмѣстѣ искореняетъ и самый черноземъ, уничтожаетъ его влажность, столь необходимую, и дѣлаетъ землю до того разсыпною, что она во время вѣтровъ столь же легко переносится съ мѣста на мѣсто, какъ пустынный песокъ.

Ложное мнѣніе поселянъ о томъ, что зола отъ пожеговъ травъ удобряетъ землю, къ сожалѣнію, поддерживается и многими хозяевами, которые, мало того что одобряютъ столь вредный обычай, но даже *пегаютотъ* въ издаваемыхъ ими книжкахъ, во всенародное извѣстіе, что пожиганіе травы полезно для земледѣлія! Слѣдующій расчетъ покажетъ, до какой степени могутъ теоретики ошибаться, вводя въ ошибки тѣхъ, которые захотѣли бы вѣрить имъ на слово, не испытавъ на дѣлѣ.

Десятина, въ 40 и 80 сажень, лучшей травы, сож-

женной въ самомъ сильномъ соку, то есть, около 15 Июля, дастъ до 50 пудовъ сухой золы. Слѣдовательно, придется ея на каждую квадратную сажень по 64 золотника, но какъ вспашка земли бываетъ въ глубину не менѣе четверти аршина, то безошибочно положить можно, что земли вспашется на сажени не менѣе пяти пудъ. Ежели съ нею смѣшать золу, то придется на каждый пудъ земли — по 12 золотниковъ золы! Такое удобреніе не будетъ ли какъ капля въ море, то есть $\frac{1}{520}$ часть? Надобно сказать еще, что здѣсь поставлена десятина, сожженная во время настоящаго роста травъ, но если пожегъ дѣлается весною, то десятина не дастъ и сотой доли золы, и тогда удобреніе будетъ самое гомеопатическое, составляющее одну 52,000-ю часть удобряемой земли, а это все равно что ничего.

Изъ такого расчета видно, что отъ золы удобренія быть не можетъ, но вредъ отъ пожеговъ не требуетъ и доказательства. Глина и песокъ не горятъ, а черноземъ во всякомъ случаѣ подверженъ дѣйствію огня. Слѣдовательно, понемногу, и почти непримѣтнымъ образомъ, онъ уменьшается, а черезъ уменьшеніе его поля истощаются, и если продолжится еще одно столѣтіе столь вредный способъ избавляться отъ сорныхъ травъ въ поляхъ и отъ жнивы на пашняхъ, то можно надѣяться, что степи, дающія нынѣ, хотя и грубый, кормъ, могутъ обратиться въ пустыни, подобныя Сагаръ, или Гоби, а пашни, ничѣмъ не удобряемыя, сдѣлаются совершенно бесплодными, чему можно представить весьма близкій и извѣстный примѣръ. Въ 1853 году, бѣдственномъ по засухѣ, въ необозримыхъ степяхъ Оренбургской губерніи хлѣба были чрезвычайно худы, а травы до того выгорѣли, что не было на нихъ, не только необходимаго, но и зимы приготавлимаго сѣна,

но даже подножнымъ кормомъ въ лѣтнее время невозможно было прокормить скота, погибшаго и убавившаго хозяевамъ болѣе половины табуновъ. Между тѣмъ, въ полосу изобильной лѣсами, въ той же самой губерніи, не запомнить такого изобилія въ травахъ и такого урожая хлѣба, какіе были въ бѣдственномъ 1853 году.

П. АНОРОВЪ.

=

ЗАПИСКИ ГЕРЦОГА ДЕ-ЛИРИА-БЕРВИКА,

БЫВШАГО Испанскимъ посломъ при Россійскомъ дворѣ, съ 1727 по 1831 годъ. *

Юня 5-го 1727 года, Герцогъ Бернонвилль получилъ записку отъ Графа Цинцердорфа, которою пригласилъ онъ насъ повидаться съ нимъ въ то же утро въ Люксембургъ. Мы отправились туда немедленно, и по прибытіи нашемъ, имѣли конференцію съ симъ министромъ и принцомъ Евгеніемъ Савойскимъ. Они извѣстили насъ, что наканунѣ приѣхалъ курьеръ изъ Петербурга, съ извѣстіемъ о кончинѣ Царицы Екатерины I-й, послѣдовавшей 17-го Мая въ 10 часовъ вечера, послѣ непродолжительной болѣзни, слѣдствіемъ которой былъ нарывъ въ груди. Они присовокупили, что сіе событіе не дѣлаетъ никакой перемѣны въ нынѣшней нашей системѣ, ибо новое Министерство Русское положило слѣдовать тѣмъ же правиламъ, какимъ слѣдовала по-

* Герцогъ Де-Лирія отправился въ Петербургъ изъ Мадрита 10-го Марта 1727 года. Любопытныя записки были извѣстны донинѣ у насъ въ рукописи, невполнѣ. Предлагаемъ ихъ вполнѣ, съ Французскаго списка, сдѣланнаго въ 1823 году, съ оригинальныхъ записокъ Де-Лирія, г-мъ Рейфомъ. Сообщеніемъ сей драгоценной рукописи обязаны мы почтенному изыскателю отечественныхъ древностей И. П. Сахарову. Р. С. О.

койная Царица, и что въ томъ увѣряеть Князь Меншиковъ, первый Русскій министръ, Императора, въ письмѣ, весьма почтительномъ, которое пишетъ онъ по сему случаю къ Его Величеству. Цинцендорфъ разсказалъ намъ потомъ, какъ все происходило въ Петербургѣ, слѣдующимъ образомъ: едва только скончалась Царица, Князь Меншиковъ окружилъ на всю ночь стражею дворець, и на другой день утромъ пригласилъ туда Царевича, внука покойнаго Царя, также Герцога и Герцогиню Голштинскихъ, Царевну Елисавету, дочь умершей Царицы, и всѣхъ знатныхъ и главнѣйшихъ министровъ. Меншиковъ извѣстилъ ихъ, что Царица скончалась прошедшею ночью, передавши ему свое завѣщаніе, которое онъ немедленно прочиталъ въ собраніи. Царица объявляла, въ началѣ завѣщанія, единственнымъ наследникомъ всего государства упомянутаго Царевича, внука ея супруга. Всѣ присутствовавшіе особы, выслушавъ волю Царицы, немедленно воскликнули: «Да здравствуетъ!» и начиная съ тетки юнаго Царя, Герцогини Голштинской, всѣ бросились къ ногамъ Царевича и произнесли ему клятву въ вѣрности. Остатокъ завѣщанія ограничивался формою правленія, определяя Регентство, которое должно продолжаться, пока юному Царю совершится шестнадцать лѣтъ (тогда было ему только 12 лѣтъ). Въ советъ Регентства должны были войти Герцогъ и Герцогиня Голштинскіе, Принцесса Елисавета, сестра Герцогини, Князь Меншиковъ, Великій Канцлеръ Графъ Головкинъ, Адмиралъ Графъ Апраксинъ, воспитатель Царя Баронъ Остерманъ, и Князь Дмитрій Голицынъ. Въ концѣ завѣщанія особенно подтверждалось поддерживать союзъ и дружескую связь съ Императоромъ, и слѣдовать въ политикѣ той же системѣ, какой дониндѣ слѣдовали. Статья о несовершеннолѣтн Царя не

была однакожь исполнена, ибо вскорѣ потомъ объявили его совершеннолѣтнимъ, а Герцогъ Голштинскій, нелюбившій Меншикова, удалился съ Герцогинею, своею супругою, въ свои владѣнія, черезъ два мѣсяца по кончинѣ Царицы.

Меня весьма огорчило извѣстіе о кончинѣ Екатерины I-й, ибо однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ, по которымъ принялъ я посольство въ страну, отдаленную отъ трона моего Государя, было желаніе узнать лично государыню столь великую, что искуснѣйшее перо недостаточно было бы воздать ей достойной похвалы. Впрочемъ, я утѣшался увѣренностью, которую, казалось, имѣли Императорскіе Министры, что такая великая потеря не произведетъ никакой перемѣны въ положеніи дѣлъ, ибо всѣ дѣла происходили въ Россіи со дня кончины Царицы въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, когда можно бы было страшиться большихъ смутеній. Справедливо, что незадолго до кончины Царицы былъ открытъ заговоръ, конемъ начальствовали генералъ Толстой, природный Русскій и генералъ Дивіеръ, Португалець, и который былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ, ибо оба зачинщика были схвачены*.

Юня 24-го получили мы извѣстіе о кончинѣ Епископа Любекскаго. Онъ былъ кузень Герцога Голштинскаго, и долженъ былъ жениться на Принцессѣ Елисаветѣ, и въ то же время пришло извѣстіе объ обрученіи Царя съ дочерью Князя Меншикова.

Юня 28-го прибылъ курьеръ изъ Берлина, съ извѣстіемъ, что Король Англійскій, Георгій I-й, скончался 13-го, въ Оснабрикѣ, отъ апоплексическаго удара.

* Известно, что обвиненіе Толстого и Дивіера было вымышлено Меншиковымъ, которому были они личными врагами. *Пр. Пер.*

Июля 26-го прибылъ еще курьеръ изъ Мадрита, и поразилъ меня не менѣе перваго, ибо не привезъ мнѣ никакого повелѣнія, и Маркизь Де-ла-Пазъ казался, какъ будто незнающимъ о кончинѣ Царицы. Но наконецъ, Августа 4-го, прибылъ третій курьеръ, который привезъ мнѣ новыя довѣрительныя граматы и наставленія. Маркизь Де-ла-Пазъ, именемъ Короля, приказывалъ мнѣ отправиться по моему назначенію, какъ возможно скорѣе.

Октября 19-го былъ я съ Графомъ Скендорфомъ въ городъ Потсдамъ, желая видѣть славный полкъ гренадеровъ, или, лучше сказать, великановъ, состоящій изъ 2500 человекъ, изъ коихъ самый малый шесть футовъ геометрическихъ ростомъ, а самыя высокіе болѣе семи футовъ. Войско Короля Прусскаго состоитъ изъ 70,000 человекъ, превосходнаго устройства, служащихъ съ величайшею исправностью.

Октября 25-го прибылъ я въ Данцигъ. Въ той же гостиницѣ, гдѣ остановился я, жилъ тогда Графъ Маврицій Саксонскій, побочный сынъ Польскаго Короля, избранный Герцогомъ Курляндскимъ, о чемъ скажу я далѣе, говоря о пребываніи моемъ въ Митавѣ. Съ Графомъ были мы въ Парижѣ искренними друзьями, и потому весьма обрадовался я встрѣчѣ его со мною въ Данцигъ. Во все пребываніе мое здѣсь, мы были почти неразлучны. Онъ разсказалъ мнѣ подробно о дѣлахъ своихъ въ Курляндіи, и просилъ меня позаботиться о пользахъ его при С.-Петербургскомъ Дворѣ. Я обѣщала ему, но, разумѣется, только при благоприятномъ случаѣ, и дѣйствуя только какъ другъ его, ибо я не имѣлъ никакихъ повелѣній отъ моего Государя вмѣшиваться въ дѣла его. Онъ убѣдительно просилъ меня послѣ того, сдѣлать все, что могу, дабы достать изъ рукъ Ми-

нистерства Русскаго собраніе любовныхъ записокъ и писемъ, которыя находились въ ящичкѣ, захваченномъ Рускими, присовокупляя, что въ томъ же ящичкѣ находились еще записки обо всѣхъ любовныхъ сплетняхъ, бывшихъ при Дворѣ отца его, Короля, и что еслибы сдѣлали извѣстною другимъ сію рукопись, она весьма много могла бы повредить ему, а потому и просилъ онъ меня постараться узнать, гдѣ теперь она находится. Я обѣщала ему, и по прибытіи моемъ въ Москву, дѣйствительно, успѣлъ услужить ему дружески.

Ноября 9-го, отправился я въ Митаву, весьма рано утромъ, желая поспѣть туда къ обѣду. Въ полудне отъ сего города встрѣтилъ меня генералъ-маіоръ Миръ, выѣхавшій на встрѣчу, съ привѣтствіемъ мнѣ отъ господъ членовъ Польской Коммиссіи; пересѣвши въ его карету, около полудня въѣхалъ я въ Митаву. Четыре главные члена Коммиссіи, Князь Епископъ Вармійскій, Графъ Денгофъ, Литовскій генералъ, Графъ Дунинъ, Референдарій Коронный, и Князь Радзивилъ, немедленно посѣтили меня. Они отправились потомъ вмѣстѣ со мною обѣдать къ Референдарію, гдѣ была также вдовствующая Герцогиня Курляндская, дочь Царя Иоанна, старшаго брата Царя Петра I-го. Генералъ Ласси, находившійся въ Митавѣ со стороны Русскаго Правительства, также посѣтилъ меня, и я ужиналъ у него въ тотъ же день.

10-го числа имѣлъ я аудіенцію у Курляндской Герцогини Анны Иоанновны, и Ея Высочество удостоила меня самаго благосклоннаго приѣма. Обѣдалъ я у Епископа Вармійскаго. Курляндія и Семигалія суть двѣ соединенныя области, объявленныя наследственнымъ герцогствомъ въ 1561 году, въ пользу дома Кеттлеровъ, который, для поддержанія

правъ своихъ, призналъ владычество Польши. Зависа отъ нея, какъ феодальный властитель, домъ Кеттлеровъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, кончился въ особѣ нынѣшняго Герцога Фердинанда, живущаго уже болѣе 27-ми лѣтъ внѣ своихъ владѣній, въ Данцигѣ, по причинѣ несогласій, какія имѣлъ онъ съ Курляндскимъ Дворянствомъ. Дворянство, видя, что Герцогъ Фердинандъ не можетъ жить долго, по причинѣ своей старости, рѣшилось составить собраніе, въ родѣ сейма, гдѣ прежде всего рѣшило выборъ наследника. Юлія 5-го, 1726 года, былъ избранъ, *nemine contradicente*, въ наследники Графъ Маврицій Саксонскій, побочный сынъ Польскаго Короля Августа, Курфирста Саксонскаго. Графъ присутствовалъ при выборахъ и принялъ избраніе, но Польская Республика воспротивилась ему, утверждая, что по силѣ условій, Курляндія зависѣла непосредственно отъ Короля и чиновъ Польши, въ случаѣ пресѣченія владѣльцовъ изъ рода Кеттлера. Князь Меншиковъ, генералиссимусъ Россійскихъ войскъ, явился немедленно послѣ вышеупомянутаго выбора въ Митавѣ, гдѣ находились еще Графъ Саксонскій и члены Сейма, и употребилъ силу свою и имя покойной Царицы, стараясь, чтобы Курляндія избрала его въ наследники Герцога Фердинанда, но не успѣвъ въ томъ. Онъ имѣлъ нѣсколько конференцій съ Графомъ Саксонскимъ, но не могъ также получить отъ него, чего желалъ, и только условился въ томъ, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ Герцогомъ Курляндскимъ, долженъ заплатить другому 100,000 эку, наличными деньгами.

Графъ Саксонскій возвратился въ Курляндію въ Маѣ 1727 года, и съ небольшимъ числомъ войска укрѣпился на островѣ, который по своему положенію былъ неприступенъ, находясь въ заливѣ Балтій-

скаго моря, въ 9-ти лѣѣ отъ Митавы. Онъ хотѣлъ оставаться тамъ въ готовности, желая поддержать свой выборъ, который Штаты Курляндіи подкрѣпили снова, въ главной Митавской церкви, гдѣ тогда собрались. Князь Меншиковъ двинулъ корпусъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Ласси, приказывая ему изгнать Графа Саксонскаго. Ласси лично явился на островъ, и объявилъ Графу отъ Царицы, именемъ которой дѣйствовалъ Меншиковъ, что по волѣ ея, Графъ немедленно долженъ оставить Курляндію. Согласились, что Графъ уѣдетъ въ теченіе четырехъ дней, но онъ отправился въ тотъ же самый день. Увѣдомленный объ отбытіи Графа, Ласси уговорилъ бывшихъ при немъ людей отдаться въ волю его, съ тѣмъ, что онъ велитъ проводить ихъ до предѣловъ Польши. Но, вмѣсто исполненія своего обѣщанія, Ласси отправилъ ихъ, со всеми пожитками, и съ тѣмъ, что осталось послѣ Графа, въ Ригу, какъ плѣнниковъ, гдѣ и продержалъ ихъ нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ, Польская Республика заставила Короля, отца Графа, отвергнуть избраніе, сдѣланное Курляндцами въ пользу его сына, и Король исполнилъ волю Республики, хотя и съ неудовольствіемъ, ожидая благоприятнаго случая для пользы Графа Саксонскаго. Республика назначила потомъ Комиссію, начальниковъ которой назвалъ я выше сего, и отправила ее въ Митаву, говорить тамъ съ Курляндскими Депутатами, о присовокупленіи герцогства къ Польскому королевству. Въ то же время, на сеймѣ Польскомъ объявили Графа Саксонскаго виновнымъ въ оскорбленіи Величества и врагомъ отечества.

Едва только часть Комиссіи прибыла въ Митаву, Князь Меншиковъ передалъ Полякамъ, по ихъ требованію, всѣхъ плѣнниковъ, и имѣніе, находившееся

въ Ригѣ. Коммиссія кончила свои занятія въ Декабрѣ 1727 года, но Депутаты не могли согласиться въ формѣ правленія, какое Поляки хотѣли установить послѣ смерти Герцога Фердинанда, протестовали противъ всего, что сдѣлала Коммиссія, и разошлись, не утвердивъ ничего положительно. Но еще прежде того, отъ Двора Россійскаго было объявлено Коммиссіи, черезъ генераловъ Ласси и Бибикова, что Царь никогда не дозволитъ присовокупленія Курляндіи къ Польшѣ, и желаетъ, чтобы Курляндскимъ Герцогомъ былъ избранъ одинъ изъ Нѣмецкихъ Принцовъ, по частному и особенному соглашенію, какое имѣли Курляндцы съ Поляками. Вотъ все, что я могъ узнать о Курляндіи, во время краткаго моего пребыванія въ Митавѣ.

Ноября 21-го, утромъ, выѣхалъ я изъ Нарвы, и послѣ путешествія въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей, прибылъ наконецъ въ Петербургъ, отстоящій отъ Нарвы въ 142-хъ верстахъ, 23-го числа, въ полдень.

На другой день, 24-го, я извѣстилъ о моемъ прибытіи Царское Министерство, и не принимая другаго званія, кромѣ Полномочнаго Министра, долженъ былъ сдѣлать первое посѣщеніе четыремъ министрамъ, составляющимъ Регентство, а именно, Графу Головкину, Великому Канцлеру, Графу Апраксину, Великому Адмиралу, Барону Остерману, Вице-Канцлеру, воспитателю Царя, и Князю Дмитрію Голицыну.

Декабрѣ 31-го имѣлъ я первую мою аудіенцію. Рѣчь мою произнесъ я по Испански; Баронъ Остерманъ отвѣчалъ мнѣ вмѣсто Его Царскаго Величества. Кончивъ аудіенцію у Царя, препровожденъ я былъ Великимъ Церемоніймейстеромъ къ Великой Княжнѣ,

сестрѣ Его Величества. Я говорилъ съ Ея Высочествомъ по Французски. Она приказала Барону Остерману, находившемуся подлѣ нея съ лѣвой стороны, отвѣчать мнѣ, и онъ отвѣчалъ мнѣ на томъ же языкѣ. Потомъ былъ я у Принцессы Елисаветы, съ которою также говорилъ по Французски. И Ея Высочество приказала своей kammerherga major, Графинѣ Салтыковой, отвѣчать мнѣ, что было исполнено на Французскомъ языкѣ.

На другой день послѣ моихъ аудіенцій, потребовалъ я аудіенціи у Герцогини Мекленбургской, и у Герцогини Праксови, дочерей Царя Иоанна, старшаго брата Петра I-го, но онѣ не могли удовлетворить моего требованія, ибо въ тотъ же самый день должны были отправиться въ Москву. — Вотъ письмо, которое писалъ я къ Маркизу Де-ла-Пазу, 10-го Января, 1728 года:

«Полагаю, что весьма важно Королю, нашему Государю, быть уведомленнымъ подробно о системѣ правленія здѣшней земли, которая должна измѣниться, ибо подвергается се большой опасности, если только не угодно Богу отратить послѣдствій, отъ коихъ можетъ она упасть въ прежнее свое состояніе. Со времени низверженія Князя Менщикова, Баронъ Остерманъ, наставникъ Царя и Вице-Канцлеръ, почитаемъ былъ здѣсь первымъ министромъ, но, какъ иностранецъ, онъ не смѣлъ ничего дѣлать отъ своего собственнаго имени, и постоянно сообщалъ все тремъ другимъ членамъ Регентства, ведя себя съ невозможною осторожностью и предусмотрительностью. Нынѣшнему Царю лѣтъ еще тринадцати полныхъ лѣтъ, но какъ онъ признаетъ уже совершеннолѣтнимъ, то никто не осмѣливается ничего говорить ему. Баронъ Остерманъ болѣе другихъ имѣетъ надъ нимъ власти, но Царь и его мало слушаетъ. Онъ показываетъ уже все признаки совершеннолѣтія, и тому не должно удивляться, ибо, не смотря на холодный климатъ, мужчины и женщины здѣсь зрѣютъ весьма скоро, и мальчики въ 12-тъ лѣтъ перѣдко женятся. Царь не любитъ ни моря, ни кораблей, но пристрастенъ къ охотѣ.

Москва представляеть для нея всё удобства, и потому здѣсь думаютъ, что однажды переехавши туда, Царь едвали захочетъ уже возвратиться въ Петербургъ. Причины такого мнѣнія кажутся мнѣ весьма основательными. Главнѣйшій поводъ, какой имѣли покойный Царь ПЕТРЪ и Царица ЕКАТЕРИНА утвердить резиденцію свою въ Петербургъ, состоялъ въ томъ, что они имѣли въ виду свой раждающійся флотъ, составлявннй утѣху ихъ, кромѣ уваженія, какое внушалъ онъ сосѣднимъ государствамъ, особенно Швеціи. Но юный Царь не походитъ на своего дѣда, и забываетъ о флотѣ, когда притомъ нѣкоторые изъ окружающихъ его Рускихъ, не терпя пребыванія вдали отъ родины, безпрестанно внушаютъ ему мысль отправиться въ Москву, гдѣ издревле жилали Русскіе Цари. Къ тому прибавляютъ похвалы Московскому климату, и обилію тамъ дичи, когда здѣсь, напротивъ, климатъ нездоровъ и печаленъ, а охотиться не за чѣмъ.

«Хотя многіе полагаютъ, что коронованіе послѣдуетъ до поста и, Царь тотчасъ сюда воротится, но мнѣ кажется такое дѣло невозможнымъ; почти ничего нѣтъ готоваго для торжества, и купцы, похавшіе даже въ Ліонъ за тканьями и другими вещами, не могутъ вернуться сюда ближе конца сего мѣсяца или начала слѣдующаго. Генераль Ягушинскій, зять Великаго Канцлера, увѣрилъ меня, что коронованіе послѣдуетъ послѣ пасхи, и мы, конечно, не воротимся сюда ближе лѣта. Баронъ Остерманъ въ отчаяніи, что заботы его о воспитаніи Царя стараются сдѣлать безуспѣшными, при посредствѣ интригъ, которыми его тревожатъ и хотятъ погубить. Остерманъ все видитъ хорошо, и меня увѣрили знающіе люди, что послѣ коронаціи рѣшительно хочетъ онъ потребовать увольненія отъ дѣлъ. Въ послѣднее время былъ онъ боленъ, и пушечная ему кровь оказалась совсѣмъ черною и испорченною, а начало болѣзни произошло отъ того, что когда вздумалъ онъ давать наставленія, юный Царь, молча, оборотился къ нему спиною и не сталъ его слушать. Послѣ того, онъ снова говорилъ съ Царемъ, и сказалъ ему, что самъ Царь долженъ отрубить ему голову, если онъ не будетъ предупреждать его объ опасности обольщеній. Государь заплакалъ, обнялъ его и просилъ не оставлять совѣтами.

«Но дабы лучше понять придворныя сплетни, надобно знать, что при Русскомъ Дворѣ нынѣ двѣ партіи. Первая состоитъ

изъ Рускихъ, желающихъ изгнать всѣхъ иностранцевъ, и сія партія дѣлится на двѣ части, Долгоруковскую и Голицынскую, какъ изъясню я далѣе. Другую партію называютъ партією Великой Княжны, сестры Царской. Сюда принадлежатъ Баронъ Остерманъ, Графъ Левенвольдъ и всѣ иностранцы. Забота сей партіи поддержать себя милостію и покровительствомъ Великой Княжны, которой донынѣ Царь оказываетъ большое почтеніе. Левенвольда ненавидятъ, не только всѣ Русскіе, но и всѣ честные люди, и всего прискорбиле дружба Остермана къ человѣку, котораго всякій желалъ бы изгнать отъ Двора. Царь всего болѣе имѣетъ довѣренности къ теткѣ своей, Принцессѣ Елисаветѣ. Она прекрасна собою, ведетъ себя весьма скромно и умно, уважаетъ Остермана и живетъ съ нимъ согласно. Царь любитъ еще особенно молодого Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, и нѣтъ сомнѣній что молодой лстецъ успѣетъ отвратить Царя отъ привязанности его къ Принцессѣ Елисаветѣ и Барону Остерману. Все испытали, стараясь удалить Долгорукаго, и все осталось безуспѣшно. Онъ сынъ Князя Алексѣя Долгорукаго, втораго воспитателя Царскаго и камергерга, и показываетъ такую ревность къ Царю, что даже спитъ въ его комнатѣ и никогда не оставляетъ его. Онъ съ отцомъ своимъ давно удалили бы Остермана, если бы могли поладить съ другими.

«Домы Голицыныхъ и Долгорукихъ нынѣ здѣсь самые могущественныя, и съ нѣкотораго времени во враждѣ между собою. Тѣ и другіе желали бы помѣстить своего министра, и многіе думаютъ даже, что они готовы помириться на выборъ Барона Шафирова, только бы не допустить другъ друга. Шафировъ былъ любимецъ покойнаго Царя и занималъ одніи должности съ Остерманомъ. Онъ теперь въ изгнаніи, въ Москвѣ, гдѣ также живетъ бабушка Царя, съ которою Шафировъ видится ежедневно. Нельзя сомнѣваться, что Царица будетъ имѣть большое вліяніе на правительство, когда Царь переедетъ въ Москву, и потому многіе полагаютъ, что несправда иностранцевъ, она постарается низвергнуть Остермана, и замѣнить его Шафировымъ. Впрочемъ, зналъ о сношеніяхъ Шафирова съ Царицею и предположеніяхъ его, отсюда послали уже ему повелѣніе ѣхать въ Архангельскъ до прибытія Двора въ Москву. Хотя Шафировъ человѣкъ съ дарованиями и весьма ловкій, мы понесемъ большую потерю съ паденіемъ

Остермана. Самые враги его не могут сказать, чтобы онъ не служилъ усердно своему Государю, совѣтовалъ ему худое, или допускалъ подкупить себя. Одна слабая сторона его, что онъ любитъ Левенвольда и мало заботится о наставленіи самаго Царя. Первое суцалъ правда, а второе клевета, ибо онъ ничего не упускаетъ въ семь отношеніи, хотя никто не помогаетъ ему и готовы самое доброе намѣреніе его представить преступленіемъ.

«Не подумайте, чтобы я почиталъ Остермана совершеннымъ человѣкомъ. Онъ лживъ, способенъ ко всему для достиженія своей цѣли, человѣкъ безъ религіи (ибо трижды перемѣнилъ свою вѣру), и особенно хитеръ и лукавъ, но мы имѣемъ въ немъ нужду и безъ него ничего не можемъ здѣсь дѣлать.

«Многіе болятся здѣсь власти, какую Принцесса Елисавета имѣетъ надъ Царемъ, и ея умъ, способности и ловкость оправдываютъ такое подозрѣніе. Потому, очень хотѣли бы удалить ее отсюда посредствомъ замужества, что конечно не много трудно, но можетъ быть и будетъ успѣхъ въ переговорахъ, какіе здѣсь производятся нынѣ.

«Графъ Маврицій Саксонскій не оставилъ надеждъ и притязаній своихъ, и зналъ, что здѣшній Дворъ никогда не позволитъ присоединить Курляндію къ Польшѣ, онъ имѣетъ здѣсь тайнаго эмиссара, который старается объ его пользахъ и проситъ пособія Царскаго въ подкрѣпленіе. Переговоры идутъ успѣшно, а главное, что предлагаетъ Графъ, есть супружество его съ Принцессою Елисаветою. Желаніе нѣкоторыхъ удалить Принцессу, сближаясь съ расчетомъ о томъ, чтобы Курляндія не соединилась съ Польшею, заставило склонить вниманіе къ предложеніямъ, и дѣло такъ идетъ хорошо, что хотятъ уже пригласить Графа въ Москву, хотя такое предположеніе еще не рѣшено окончательно. Дѣло содержится въ великой тайнѣ, и никто объ немъ не знаетъ, кромѣ участниковъ въ переговорахъ, а я успѣлъ узнать о томъ достоверно, и не безъ труда. Не сомнѣваюсь въ удачѣ, а ея достигнуть удаленія Принцессы Елисаветы, что какъ я сказалъ, составляетъ главное. Также хотятъ поступить и съ Великою Княжною, найдя ей приличнаго жениха, но послѣднее трудно, ибо немного сыщется Принцевъ, которые захотѣли бы ѣхать за невѣстою въ Московію. Здѣсь рады были бы вступить въ связи съ Пруссею, женивши Цари на старшей

дочери Его Прусскаго Величества, а Наслѣдника Прусскаго на Великой Княжнѣ, но сомнѣваюсь, чтобы на все это согласился Король Прусскій, ибо желаніе его устремлено породниться съ дворянскимъ братомъ своимъ, Королемъ Ангійскимъ.

«При Дворѣ является еще новый любимецъ; имя его Графъ Бутурлинъ, и онъ зять фельдмаршала Князя Голицына. Его подкрѣпляютъ въ благосклонности Царя все враги Долгорукихъ. Но мнѣ увѣрили, что Бутурлинъ довель уже до соединенія партіи Долгорукихъ и Голицыныхъ, и если онъ успѣетъ дѣйствительно, тогда партія Остермана пропадетъ безъ возврата, да и самъ онъ упадетъ непременно.

«Таково положеніе, въ какомъ нынѣ находятся Дворъ и министерство, но не ручаюсь, что черезъ недѣлю здѣсь будетъ все иначе, ибо пѣтъ Двора въ Европѣ, гдѣ нынѣ обстоятельства были бы такъ непостоянны и болѣе подвержены внезапнымъ измѣненіямъ.»

Января 12-го, въ первый день года по старому стилю, я представилъ Царю превосходное ружье, работы Діега Усквибеа, чему онъ очень обрадовался, и когда явился я во дворецъ поздравить съ новымъ годомъ, Царь приказалъ мнѣ остаться съ нимъ обѣдать; такъ не поступалъ онъ въ отношеніи ни одного министра. Онъ оказалъ мнѣ всякую почестъ, и пилъ за здоровье Короля, моего Государя, на что отвѣчалъ я полнымъ стаканомъ, который выпилъ за здоровье Е. Ц. В., не забывая здоровья и Принцессы Елисаветы.

17-го, день Крещенія по старому стилю, былъ я на церемоніи водосвященія на рѣкѣ. Гвардія и весь гарнизонъ Петербургскій были поставлены на льду рѣки, гдѣ построили родъ бесѣдки съ арками, и во льду пробили отверстіе, въ родѣ колодца, со ступенями, по коимъ можно было сойти до самой воды. Его Величество вышелъ изъ дворца въ 11-ть часовъ, и прибывши на рѣку, въ первый разъ сталъ въ головѣ Преображенскаго полка, котораго онъ

полковникъ, а потомъ отправился въ церковь Троицкую, гдѣ слушалъ обѣдню; ее совершалъ Архіепископъ Коломенскій съ двумя Архіереями. По окончаніи обѣдни, Царь опять сталъ въ головѣ полка, съ эспонтономъ въ рукѣ, и все духовенство пошло въ процессіи, къ мѣсту, назначенному для водосвятія. Архіепископъ Коломенскій совершилъ его, а по окончаніи церемоніи, войска произвели залпъ и было выстрѣлено изъ всѣхъ пушекъ крѣпости. Потомъ Царь, съ эспонтономъ въ рукѣ, провель полкъ свой до дворца.

20-го, Е. Ц. В. отправился изъ С.-Петербурга со всѣмъ Дворомъ въ Москву. Проѣзжая черезъ города Новгородъ и Тверь, онъ жилъ въ нихъ по одному дню, и вездѣ, гдѣ проѣзжалъ онъ, принимали его съ всеобщимъ восторгомъ.

Я отправился въ Москву 5-го Февраля, въ 4 часа по полудни, съ Польскимъ Посланикомъ и его супругою. Февраля 11-го выѣхали мы изъ Клина, въ 4 часа утра, и въ часъ по полудни пріѣхали въ небольшую деревню, называемую *Черный Ямъ*, гдѣ обѣдали. Тутъ встрѣтили мы вдовствующую Герцогиню Курляндскую, которая оказала намъ много ласки, и продолжала свое путешествіе, чтобы заранѣе доѣхать до Москвы, отдаленной отсюда на 25 верстъ. Послѣ легкаго обѣда, и недолго останавливаясь, мы прибыли наконецъ, въ добромъ здоровьи, въ Москву, въ 7 часовъ вечера. — Царь прибылъ туда еще 30-го Января, но не дѣлалъ торжественнаго вшествія, по причинѣ сильной простуды, причинившей ему боль въ груди. Е. В. пребывалъ въ загородномъ домѣ Княгини Грузинской, въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, гдѣ была также и Великая Княжна, страдавшая болѣзнию въ родѣ красухи. Едва только прибылъ Царь, какъ видѣлся тайно съ своею бабуш-

кою, которая живетъ въ монастырѣ и никогда прежде его не видывала. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о сей Принцессѣ.

Царица, бабушка нынѣшняго Царя, происходитъ изъ дома Лопухиныхъ, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Царь Петръ женился на ней въ 1689 году, и имѣлъ отъ нея сына, Царевича Алексія Петровича, который былъ отецъ нынѣшняго Царя и скончался въ 1718 году. Царь Петръ жилъ съ своею супругою въ добромъ согласіи, пока ненависть, какую оказывала Царица къ иностранцамъ и обычаямъ другихъ народовъ Европы, столь любимымъ Царемъ, начала производить охлажденіе съ обѣихъ сторонъ. Говорятъ, что открылись притомъ и другія причины, въ слѣдствіе коихъ Царь удалилъ супругу свою въ монастырь, въ 1698 году, а потомъ въ Шлиссельбургскій замокъ, гдѣ и оставалась она до смерти Царицы Екатерины. Царь, внукъ ея, перевелъ ее потомъ въ Москву, въ монастырь, хотя она и не принимала обѣта монахини. Едва только нынѣшній Царь прибылъ въ Москву, какъ видѣлся съ бабушкою, но не оказалъ къ ней довѣренности, которою она льстилась, по причинѣ великаго желанія ея властвовать. Однакожъ ей назначили 60,000 рублей пенсіи и жительство во дворцѣ, съ прислугою. Когда я видѣлъ ее, она была уже очень стара, но съ молодю, какъ говорили мнѣ, очень хороша.

На другой день по пріѣздѣ, я сдѣлалъ посѣщеніе Герцогинѣ Курляндской, моей сосѣдкѣ, оказавшей мнѣ множество вѣжливостей. Царь, оправясь отъ своей болѣзни, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, 15-го Февраля.

19-го, Е. В. пожаловалъ званіе члена Государственнаго Совѣта Князю Василю Долгорукому, бывшему

прежде посломъ во Франціи, и Князю Алексѣю Долгорукому, своему второму воспитателю, послѣ чего Совѣтъ составилъ изъ шести особъ, состоя дотолъ только изъ четырехъ. Изъ письма моего отъ 10-го Января уже видно, что при Дворѣ находились двѣ партіи, Голицыныхъ и Долгорукихъ. По прибытіи въ Москву, Баронъ Остерманъ соединился съ Долгорукими, и много способствовалъ поборотъ Голицыныхъ, которые, будучи объявленными врагами всѣхъ чужестранцевъ и чужестранныхъ обычаевъ, хотѣли удалить Остермана и оставить Царя въ Москвѣ, дабы слѣдовать прежнимъ обычаямъ Русскимъ, и оставить ту ролю, какую игралъ въ Европѣ Царь Петръ Великій.

22-го, Е. В. объявилъ своего любимца, Князя Ивана Долгорукаго, камергеромъ, и въ тотъ же день украсилъ его орденомъ Св. Андрея. Другой любимецъ его, Графъ Бутурлинъ, произведенъ въ генералы и пожалованъ прапорщикомъ роты кавалергардовъ. Немного дней прежде, получилъ я повелѣніе Короля, моего Государя, переговорить отъ имени Е. В. съ Царемъ, и просить его принять въ службу г-на Кейта, брата графу, наслѣдному маршалу Шотландскому, который уже девять лѣтъ имѣлъ званіе Испанскаго полковника, но не могъ исполнять должности, не бывши Католикомъ. Е. Ц. В. немедленно и благовоительно принялъ его въ службу свою, давши ему чинъ и жалованье генераль-маіора.

Марта 1-го, Царица бабушка сдѣлала первое посѣщеніе Е. Ц. В., но юный монархъ, боясь, чтобы она не стала говорить ему о дѣлахъ государственныхъ, сдѣлалъ такъ, что ни на минуту не оставался съ нею наединѣ, и хотя оказалъ ей всевозможное вниманіе, но не допустилъ говорить ни объ чемъ.

Марта 7-го совершилось Царское коронованіе.

Марта 9-го, министры иностранные были приглашены отъ имени Е. Ц. В. вечеромъ на Царицынъ Лугъ (Tzaritza-Louga — Двѣичье Поле?), гдѣ были потѣшныя огни, угощеніе и балъ.

Марта 10-го, Е. В. приказалъ кормить народъ на большой дворцовой площади, гдѣ били два большіе фонтана, одинъ съ краснымъ, а другой съ бѣлымъ виномъ.

Марта 11-го, Е. В. благоугодно было почтить домъ мой и ужинать у меня. Я принялъ его съ такимъ великолѣпіемъ, какъ могъ, устроивъ три стола, каждый на 20-ть персонъ, а послѣ ужина былъ большой концертъ, и въ томъ заключилось все, что я могъ сдѣлать въ короткое время, остававшееся мнѣ для приготовленій къ неожиданной почести, ибо накануне только увѣдомилъ меня объ ней Царь. Онъ оставался у меня до 2-го часа по полуночи, и въ ту ночь осушили у меня до 500 бутылокъ вина.

Я забылъ сказать, что въ день коронованія, Царь пожаловалъ генераль-фельдмаршалами своихъ войскъ Князя Трубецкаго и генерала Князя Долгорукаго, командовавшаго въ Персіи, а также четырехъ чело-вѣкъ генераль-лейтенантами.

Марта 13-го получили извѣстіе о счастливомъ разрѣшеніи Герцогини Голштейнъ-Готторпской принцемъ. Царь праздновалъ сіе событіе баломъ во дворцѣ, куда и я былъ приглашенъ, вмѣстѣ со всѣми иностранными министрами.

Марта 17-го, Баронъ Абисбаль, великій церемоній-мейстеръ, явился ко мнѣ, и послѣ долгаго предисловія объявилъ мнѣ съ особенною довѣренностью, что имѣетъ нѣчто спросить у меня по дружески, прося въ то же время никому ничего не говорить. Дѣло шло объ орденъ Св. Андрея, которымъ хотѣлъ

пожаловать меня Е. В., но не зная, принесет ли это мне удовольствие, и можно ли носить сей орденъ вмѣстѣ съ Золотымъ Руномъ? Я отвѣчалъ, что приму всѣ знаки отличія Е. В. особенною почестью для меня, но никогда и ничего самъ просить не буду. Что касается до втораго обстоятельства, то могу сказать, что Золотое Руно не препятствуетъ имѣть другіе ордена, ибо Король, мой Государь, получилъ навсегда позволеніе Папы, чтобы кавалеры Руна носили и другіе ордена, и потому нынѣ есть у насъ болѣе 20-ти кавалеровъ, другіе ордена имѣющихъ.

Почти въ то же время получилъ я официальное письмо Маркиза де-ла-Паза, въ которомъ писалъ онъ мнѣ отъ имени Его Величества Короля, что супружество Принца Астурійскаго съ Инфантою Португальскою и Принца Бразильскаго съ нашею Инфантою, Доною Маріанною Викторіею, заключены, и Его Величество повелѣваетъ мнѣ торжествовать сіи союзы публичнымъ праздникомъ. Я рѣшился объявить сіи событія Царю, испрашивая аудіенціи, и мнѣ назначили ее 28-го, въ три часа по полудни. Такимъ образомъ былъ я на аудіенціи Царской и говорилъ рѣчь отъ имени Короля, моего Государя, а Его Царское Величество отвѣтствовалъ мнѣ со всѣми возможными выраженіями дружбы къ Королю. Когда отвѣтъ его кончился, я хотѣлъ удалиться, но Баронъ Остерманъ велѣлъ мнѣ приблизиться къ Царю, говоря, что Его Царское Величество хочетъ почтить меня своимъ орденомъ Св. Андрея, за добрую вѣсть и въ знакъ уваженія, какое имѣеть лично ко мнѣ. Въ то же время, Князь Иванъ Долгорукій, камергеръ, представилъ Его Величеству ленту ордена на серебряномъ, позолоченномъ блюдѣ, а Царь взялъ ее и надѣлъ на меня. Признаюсь, что

манеръ и случай, какіе употребили Его Царское Величество наградить меня своею милостью, заставили меня принять орденъ съ особенною признательностью. Могу побожиться, что хотя церемоніймейстеръ говорилъ мнѣ о томъ за нѣсколько дней, но я не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что награда послѣдуетъ именно въ такой день. Когда я отблагодарилъ Его Величество, онъ приказалъ мнѣ остаться съ нимъ обѣдать, и почтилъ меня столь лестнымъ приѣмомъ, что истинно я и не заслужилъ того.

Апрѣля 1-го, Его Величество благоволилъ обѣдать у меня со всѣми Андреевскими кавалерами и членами Совѣта. У меня были устроены три стола, кромѣ обѣда для солдатъ, сопровождавшихъ Его Величество, и для ливрейныхъ служителей. При семъ случаѣ вышло болѣе 600 бутылокъ вина, и Его Величество оставался у меня до шести часовъ, весьма весель и доволенъ.

Въ половинѣ Апрѣля доставили въ руки Царя безыменное письмо, гдѣ содержались оправданія Князя Менщикова и похвалы великимъ способностямъ и уму сего несчастнаго министра. Въ заключеніе было сказано, что дѣла дотолъ не пойдутъ хорошо, пока не возвратятъ Менщикова. Явно было, что письмо шло, или отъ самого Князя, или отъ друзей его. Потому учинены большія изысканія, чтобы открыть сочинителя письма, и отъ Царя изданъ указъ, съ обѣщаніемъ великой награды тому, кто его укажетъ. Потомъ узнали, что духовникъ Царицы бабушки Царя получилъ 1000 экю, для убѣжденія быть другомъ Менщикова и обратиться къ нему благоволеніе Царицы. Обвиненный во всемъ признался и былъ наказанъ, а Менщикова отпразднили на островѣ Березовѣ, который находится на Ледовитомъ

Морь, въ 10,000 верстахъ отъ Москвы. Невѣстка Менщикова, Варвара, была отослана въ монастырь на границу Персіи, а другую, жившую въ Москвѣ, захватили, и она жестоко была бы наказана, если бы не призналась во всемъ, о чемъ у нея спрашивали. За немного дней до сего событія, умерла Княгиня Менщикова, съ горести, что причинила бѣдствіе своему мужу, который въ слѣдствіе письма сдѣлался еще несчастіе, ибо, еслибы онъ, или друзья его, оставались спокойны, я думаю, Князя оставили бы жить мирно въ его домъ, въ Ораніенбургъ.

Мая 2-го, когда по старому стилю приходится день Пасхи, всѣ мы, иностранные министры, поздравляли Царя, и Его Величество подчивалъ каждого изъ насъ стаканомъ вина за свое здоровье, а то же было исполнено и въ аппартаментахъ двухъ Принцессъ, сестеръ его.

Баронъ Остерманъ, думавшій только о томъ, какъ поддержать Россійскую монархію на той степени, на которой оставилъ ее Царь Петръ I-й, хотѣлъ, чтобы Царь воротился въ Петербургъ, гдѣ Двору гораздо удобнѣе наблюдать порядокъ дѣлъ. Но это не годилось для другихъ, которые, думая болѣе о своихъ выгодахъ, нежели о пользѣ своего Государя, хотѣли оставить его въ Москвѣ, чтобы ближе находиться къ своимъ домамъ и имѣніямъ. Дѣйствительно, Князь Иванъ Долгорукій, любимецъ Царя, уговорилъ Остермана, и положили, что Дворъ не воротится въ Петербургъ до зимы, а чтобы Царю болѣе полюбилась Москва, стали возить его въ ближайшія загородныя мѣста, забавляя непрерывною охотою, которой былъ онъ большой любитель, и безпрестанно говоря о различіи климата Петербургскаго и Московскаго. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, были

правы, ибо невозможно найдти климата и земли лучше Московскихъ.

Именно въ это время, ненависть любимца, Князя Долгорукаго, разразилась противъ Барона Остермана, къ которому Царь сохранялъ еще немного уваженія. Она дошла до того, что онъ явно сказалъ мнѣ, что если я еще останусь другомъ Остермана болѣе, нежели его, то онъ сдѣлается отъявленнымъ врагомъ моимъ. Легко понять, что подобное признаніе потребовало большой осторожности въ моемъ поведеніи, но я имѣлъ счастье ладить хорошо съ обоими врагами, отъѣздывая къ любимцу, что нельзя мнѣ не видаться часто съ Барономъ Остерманомъ, для переговоровъ о дѣлахъ, какъ съ министромъ, которому поручены сношенія съ иностранцами. Въ то же время далъ я разумѣть Остерману, что дружба, какую показываю я къ Долгорукому, происходитъ отъ желанія угодить Царю, котораго онъ любимецъ. Такъ удовлетворилъ я обѣ стороны, хотя не могу сказать, чтобы та, или другая были въ самомъ дѣлѣ друзьями моими.

Мая 18-го, день восшествія на престолъ Царя, было большое собраніе во дворцѣ, для поздравленія Великой Княжны, сестры Царской. Ея Высочество сдѣлала мнѣ честь, приказавши остаться обѣдать, и осыпала меня своими ласками. Здоровье сей Принцессы было неблагопріятно; медики полагали, что у нея изнурительная лихорадка, и пользовали ее отъ болѣзни въ груди. Но истинная болѣзнь ея состояла не въ томъ, и только Царь, братъ ея, могъ ее излечить. Для разгадки сего надобно взглянуть нѣсколько далѣе. Когда Царь восшелъ на тронъ, то имѣлъ къ сестрѣ своей такую довѣренность, что дѣлалъ все, что ей было угодно, и не могъ разлучаться съ нею. Они жили въ совершенномъ согла-

си, и Великая Княжна давала удивительные совѣты своему брату, не смотря на юность свою, ибо она только годомъ его старше. Но замѣтивъ вниманіе юнаго Царя къ теткѣ его, Принцессѣ Елисаветѣ, многіе, нелюбившіе Великую Княжну за привязанность ея къ Остерману и иностранцамъ, употребили всѣ силы усилить довѣренность Царскую къ теткѣ, послѣ чего съ сестрою своею пересталъ онъ вовсе совѣтоваться. Прекрасная душа ея, подобной которой другой я никогда не видывалъ, страдала жестоко, когда притомъ она замѣтила холодное невниманіе къ себѣ тетки, и все это было причиною болѣзни ея. Только юность и крѣпкое сложеніе дали ей средства перенести страданіе душевное и тѣлесное.

Царь на нѣсколько недѣль уѣзжалъ изъ Москвы, и возвратись 30-го Мая, на другой день смотрѣлъ два гвардейскіе полка. Е. Ц. В. позволилъ мнѣ сопровождать его притомъ, и я былъ весьма доволенъ маневрами.

Юля 2-го, я посѣтилъ Барона Остермана, былъ принятъ и встрѣтилъ у него любимца Царскаго, Долгорукаго, что меня весьма удивило. Они оба были въ замѣшательствѣ, когда я вошелъ, и потому я почелъ долгомъ сократить мое посѣщеніе, хотя мнѣ очень любопытно было знать причину ихъ свиданія.

Юня 3-го, самъ любимецъ разказалъ мнѣ все, когда я былъ у него, говоря, что онъ провелъ у Остермана болѣе 4-хъ часовъ; что тотъ со слезами просилъ его дружбы, увѣряя, что ничего не станетъ дѣлать безъ его согласія и даже говорить съ Царемъ только въ его присутствіи; что потомъ говорили они о здоровьи Царя, и положили, чтобы при отлучкахъ его изъ Москвы былъ съ нимъ всегда медикъ, а наконецъ много было говорено о домашнихъ дѣ-

лахъ. Любимецъ прибавилъ, что другомъ Остермана никогда онъ не былъ и не хочетъ быть. Здѣсь перервалась нашъ разговоръ, ибо любимица позвали къ Царю.

4-го, получили извѣстіе о кончинѣ Герцогини Голштинской, безъ сомнѣнія, первой красавицы въ Европѣ. Здѣсь наложили по ней большой трауръ на три мѣсяца. Герцогиня была дочь Царя Петра I-го и Царицы Екатерины. Она вышла за Герцога Голштинскаго въ 1725 году.

Царь оставался въ Москвѣ только два дня, и опять отправился въ поле, но любимецъ сказавъ мнѣ, что когда я расположусь дать мой праздникъ, мнѣ стоитъ только извѣстить, и онъ возвратитъ для того Е. Ц. В.

25-го, получилъ я письмо отъ Маркиза де-ла-Пазы, гдѣ онъ говоритъ отъ имени Короля, что Е. В. совершенно одобряетъ пріемъ мною Андреевской ленты, и приказываетъ мнѣ благодарить Царя за такое отличіе, отъ его Королевскаго имени.

Изготовя все для праздника, которымъ долженъ былъ я торжествовать двойственное бракосочетаніе въ Испанскомъ Королевскомъ домѣ, послалъ я нарочнаго къ любимцу Долгорукому, дабы извѣстить Царя, и узнать, когда назначить онъ день моему празднику. Отвѣтъ былъ, что Е. В. назначаетъ 27-е число, и что для присутствія только на праздникъ моимъ возвратится онъ въ Москву, а я могу явиться туда, гдѣ теперь находится Е. В., для формальнаго приглашенія. Я былъ весьма благодаренъ и чувствовалъ важность сей благосклонности, ибо никому не дозволялось пріѣзжать къ Е. В., когда онъ занимался охотою съ своимъ избраннымъ обществомъ. Въ слѣдствіе отвѣта, отправился я въ загородный домъ
Т. VII. — Отд. III. 11

любимца Долгорукаго, называемый Горенки, гдѣ находился Царь. Е. В. принялъ меня весьма милостиво. Пригласивъ его по всей формѣ, и отобѣдавши съ нимъ, рано воротился я въ Москву, приглашать Принцессъ. Ночью прибылъ и Царь въ столицу.

Наконецъ, 27 Июня, данъ былъ мною праздникъ, и по сужденію народному въ Россіи ничего не было подобнаго. Балъ продолжался до 3-хъ часовъ утра, и Царь казался очень доволенъ праздникомъ, который стоилъ мнѣ 6979 рублей, или 2000 пиастровъ.

Іюля 10-го, по старому стилю, Петровъ день, тезоименитство Царя; мы были вмѣстѣ, Графъ Вратиславъ и я во дворцѣ, и Царь удержалъ насъ обѣдать. Обѣдъ кончился почти въ 5½ часовъ, и какъ насъ къ сему часу пригласили уже на балъ, то мы и остались во дворцѣ, разговаривая съ Барономъ Остерманомъ и Княземъ Василиемъ Долгорукимъ. Немного спустя, генералъ Ягушинскій явился ко мнѣ отъ имени любимца, и проводилъ меня въ особыя комнаты, гдѣ увидѣлъ я фельдмаршала Долгорукаго, познакомился съ нимъ и мы порядочно попили. Балъ продолжался до 2-хъ часовъ утра. Царь показывалъ мнѣ почести болѣе обыкновеннаго, и такъ отличалъ меня, что весь Дворъ то замѣтилъ. Сегодня оказали милость Барону Шафирову, позволили ему явиться во дворецъ и цѣловать руку Государя. Онъ былъ любимецъ Петра I-го и вице-канцлеръ имперіи, но нѣсколько лѣтъ жилъ въ немилости, лишенный всѣхъ званій и ордена Св. Андрея. Остерманъ, боясь его, по причинѣ великихъ дарованій, всегда препятствовалъ его прощенію, но Долгорукиѣ, которыми былъ онъ родственникъ, успѣли при нынѣшнемъ случаѣ возвратитъ его, не смотря на Остермана, подъ предлогомъ, что онъ будетъ оставаться

безъ должности, имѣя только удовольствіе видѣть Государя, но въ основаніи было намѣреніе затмить Остермана.

22-го, Царь возвратился въ Москву, праздновать на другой день рожденіе сестры своей, Великой Княжны, и получить двѣ великолѣпныя кареты отъ Графа Вратислава, который Императоръ, Государь его, прислалъ въ подарокъ Царю.

23-го, послѣ представленія каретъ, мы цѣловали руку у Великой Княжны, и потомъ ужинали съ Е. В. и Принцессами, а затѣмъ танцовали до часу пополуночи. Въ тотъ же день, Царь возвратилъ фельдмаршалу Долгорукому званіе гвардейскаго подполковника и всѣ другія должности, которыхъ лишенъ онъ былъ за участіе въ дѣлѣ Царевича Алексія, въ 1718 году. Е. В. пожаловалъ также кавалерами ордена Св. Александра Невскаго гофмаршала Шепелева (Schépelof) и статскаго совѣтника Наумова.

31-го посѣтилъ я любимца Долгорукаго, и показалъ ему необходимость и слѣдствія возвращенія въ Петербургъ. Онъ увѣрялъ, что намѣренъ убѣждать къ тому Царя, но нехочетъ, чтобы его родственники и земляки, желающіе пребыванія Царя въ Москвѣ, о томъ знали, и что онъ не скажетъ о томъ даже и Остерману. Онъ обѣщалъ мнѣ убѣдить Государя и возвратитъ его въ Петербургъ, когда будетъ зимній путь, но просилъ меня хранить тайну; я обѣщала и мы разошлись.

Въ началѣ Августа заключенъ былъ миръ между любимцомъ Долгорукимъ и Барономъ Остерманомъ, дотолѣ отъявленными врагами. Я немало тому способствовалъ, работая болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Со стороны Остермана не встрѣтилось никакого затрудненія, но трудно было убѣдить любимца. Онъ имѣлъ природное отвращеніе отъ Остермана, и всѣ

его родственники и земляки не хотѣли дружбы съ нимъ, ибо Остерманъ неспособенъ былъ, какъ они, давать вредныя совѣты, а потому безпрестанно подстрекали любимца стараться о низверженіи Остермана. Но, наконецъ любимецъ убѣдился, какъ важно было ему оставаться въ ладу съ просвѣщеннымъ министромъ, и потому онъ помирился съ нимъ и ничего уже не дѣлалъ безъ предварительнаго его совѣта.

Въ то же время Царь возвратилъ имѣнія всѣмъ, у кого ихъ конфисковали, по повелѣнію Царя Петра I-го, какъ у друзей и сообщниковъ Царевича Алексія, въ 1718 году. Такая милость оказана была по ходатайству фельдмаршала Долгорукаго, подобно другимъ подпаиваго тогда немилости. Но еще Царица Екатерина возвратила ему почести, а теперь дѣлалъ онъ изъ Царя все, что было ему угодно.

29-го, имѣлъ я честь быть кумомъ у одного контролера, а кумою была Великая Княжна, и какъ здѣсь обычай дарить куму, то я поднесъ Е. В. табакерку съ алмазами, цѣною въ 500 пиастровъ (1750 рублей).

Сентября 6-го, день Св. Наталіи, тезоименитство Великой Княжны. При Дворѣ былъ праздникъ, состоявшій, какъ всегда, изъ ужина, бала и потѣшныхъ огней. — Въ тотъ же день дали орденъ Александра Невскаго генераль-поручику Балку. — На праздникъ начали мы замѣчать совершенную перемѣну Царя къ теткѣ его, принцессѣ Елисаветѣ. Прежде онъ говаривалъ съ нею безпрестанно, а теперь не сказалъ ей ни слова, и даже не простился съ нею. Было много слуховъ, за достовѣрность которыхъ не ручаюсь.

9-го, имѣлъ я продолжительные переговоры съ Княземъ любимцемъ, и сильно говорилъ противъ

всего, что Англичане могли противопоставить союзу нашему, такъ, что онъ убѣдился и хотѣлъ утвердить Царя въ твердой мысли поддержать наши обязательства, не принимая никакихъ противныхъ предложеній. Потомъ долго убѣждалъ я его продолжать дружбу свою съ Остерманомъ, доказывая очевидно, что съ продолженіемъ ихъ союза, они лучше услужать своему Государю и могутъ съ большимъ успѣхомъ противостать общимъ своимъ врагамъ. Любимецъ далъ мнѣ слово соблности согласіе, существующее нынѣ между нимъ и Остерманомъ, и дѣйствовать за одно. Далѣе говорилъ я о нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, и онъ отвѣчалъ, что два раза начиналъ уже говорить о томъ съ Царемъ, надѣясь, что на зиму мы туда возвратимся, а до тѣхъ поръ дѣло невозможно, пока здѣсь есть удобство ѣздить на охоту, и что дѣломъ торопиться не должно, а когда придетъ время, онъ сдѣлаетъ все, что можно, къ убѣжденію Царя оставить Москву съ первымъ снѣгомъ. — Кончивъ наши политическіе переговоры, любимецъ вручилъ мнѣ знаки ордена Александра Невскаго, дабы надѣть ихъ завтра, въ день сего святаго, оставя на сей разъ знаки Андреевскіе, какъ дѣлаютъ Царь и всѣ другіе Андреевскіе кавалеры, ибо всѣ они суть также кавалеры и Александровскаго ордена, какъ во Франціи, всѣ имѣющіе орденъ Св. Духа, суть кавалеры ордена Св. Михаила.

10-го, всѣ кавалеры ордена Александра Невскаго были приглашены во дворецъ, и послѣ сопровождаенія Е. Ц. В. къ обѣднѣ, обѣдали съ нимъ, каждый кмѣя мѣсто по старшинству.

16-го, въ день тезоименитства своего, принцесса Елисавета пригласила насъ, въ четыре часа по полудни, въ свой дворецъ, ужинать и танцовать. Царь явился къ самому ужину, но едва кончился ужинъ,

какъ онъ удалился, не дожидаясь бала, который открылъ я съ Великою Княжною. Никогда не оказывалъ онъ такъ публично своего невниманія Принцессѣ. Она была поражена его поступкомъ, но скрыла свою печаль и всю ночь весело танцевала. — Въ эту ночь потерялъ я перстень, въ 2000 экю; на другой день нашли его въ сору. Черезъ два дня потомъ, Царь уѣхалъ на охоту по окрестностямъ Москвы и не возвращался около пяти недѣль. Министры слѣдовали его примѣру, и въ Москвѣ оставались только Великая Княжна и иностранные послы.

Октября 14-го, Царь возвратился въ Москву.

Октября 17 Королю Польскій прислалъ Царю орденъ Бѣлаго Орла, который вручилъ ему Графъ Вратиславъ.

Въ то же время узналъ я дѣйствія Графа Вратислава при Русскомъ Дворѣ, касательно супружества Царя и Великой Княжны. Императоръ и Герцогъ Бланкенбургъ желаютъ сдѣлать обмѣнъ съ Россіею, бракосочетаніемъ Царя съ дочерью Герцога Брауншвейгъ-Безерискаго и свадьбою Вел. Княжны съ старшимъ сыномъ того же Герцога. Но едва Графъ Вратиславъ учинилъ такое предложеніе, какъ оно было отвергнуто, 1-е потому, что Герцогиня Бевернская сестра матери Царя; слѣдственно, ея дѣти двоюродныя Царю и Княжнѣ, и бракъ между ними не можетъ состояться, какъ совершенно противный религіи Рускихъ, запрещающей браки между близкими родными; 2-е потому, что Вел. Княжну не хотятъ отдать за младшаго Принца; 3-е потому, что Царь не имѣетъ еще никакого желанія къ супружеству, а болѣзнь Вел. Княжны не позволяетъ входить въ переговоры объ ея свадьбѣ, пока она совершенно не исцѣлится.

Графъ Вратиславъ предложилъ еще въ то же время выдать Принцессу Елисавету за Маркграфа Бранденбургъ-Барейтскаго, въ слѣдствіе приказаній, какія имѣлъ отъ своего Двора. Онъ говорилъ о томъ Остерману, который одобрилъ мысль, и хотѣлъ переговорить съ любимцемъ, дабы видѣть, можно ли имѣть успѣхъ.

25-го праздновали день Царскаго рожденія, съ большимъ великолѣніемъ.

25-го, я представилъ въ подарокъ Царю двухъ гончихъ собакъ, которыхъ нарочно выписалъ изъ Англіи, и Е. В. былъ очень доволенъ. Въ тотъ же день отправился онъ изъ Москвы въ поле, съ намѣреніемъ не возвращаться въ Москву до перваго снѣга.

Въ сей день пріѣхалъ въ Москву Джемсъ Кейтъ, братъ наслѣднаго Шотландскаго Маршала, котораго по рекомендаціи Короля, моего Государя, приняли въ Русскую службу генераль-маіоромъ. Уже много лѣтъ былъ онъ моимъ искреннимъ другомъ, и какъ онъ прибылъ прямо изъ Мадрита, то могъ отвѣчать мнѣ на множество вопросовъ.

Въ Ноябрь болѣзнь Вел. Княжны такъ усилилась, что ее признали совершенно неизлечимою. Потому отправили нарочнаго къ Царю, бывшему на охотѣ, призывая его въ Москву, куда онъ и возвратился 18-го Ноября.

19-го, медики предписали Вел. Княжнѣ женское молоко, какъ единственное спасеніе, о которомъ говорили уже я за два мѣсяца прежде.

21-го, умеръ великій адмиралъ Апраксинъ и его званіе было уничтожено. Онъ былъ честный человекъ, любилъ иностранцевъ, былъ храбръ и свѣдущъ. Онъ оставилъ большое богатство, но отдалъ род-

нымъ малую часть, а остальное раздѣлилъ друзьями, домашнимъ, и многое передалъ Царю.

Новое лекарство помогло Великой Княжнѣ и Е. В. чувствовала себя немного лучше. Но 28-го болѣзнь такъ усилилась, что Вел. Княжну почли умершею во время обморока, когда она совсѣмъ охолодѣла, и медики совершенно потеряли надежду на ея выздоровленіе.

30-го, имѣлъ я долгіе переговоры съ любимцемъ Царя, и сильно настоялъ на возвращеніе въ Петербургъ, доказывая, что не только возвратъ будетъ полезенъ для службы Царю, но и его собственнымъ выгодамъ, ибо онъ удалитъ Е. В. отъ стариковъ Русскихъ, которые ежедневно стараются отвлечь отъ него Царя, когда единожды удаленный отъ такихъ людей, Царь останется совершенно въ его власти. Я присовокушилъ, что угрожающая намъ смерть Вел. Княжны послужитъ приличнымъ предлогомъ оставить Москву, гдѣ пребываніе сдѣлается несноснымъ для Государя, послѣ потери того, что онъ любилъ такъ нѣжно. Я успѣлъ убѣдить любимца, и онъ увѣрилъ меня, что сдѣлаетъ всѣ возможные усилія возвратитъ Царя въ Петербургъ, но послѣку всѣ другіе тому противятся, и самый отецъ его несогласенъ, то онъ убѣдительно просилъ меня никому не сказывать мыслей его о семъ дѣлѣ.

На другой день, Декабря 1-го, былъ я у Барона Остермана, и нашелъ его плачущаго о состояніи Вел. Княжны. Онъ сказалъ, что трепещетъ за Царя и не отвѣчаетъ за его жизнь, если онъ не удалится изъ Москвы, гдѣ климатъ, какъ кажется, совсѣмъ для него неблагопріятенъ, что доказываетъ болѣзнь его сестры. Въ отвѣтъ сообщилъ я ему все, что накануне говорилъ мнѣ любимецъ. Онъ благодарилъ ме-

ня, и убѣдительно просилъ сильнѣе настаивать на это дѣло при каждомъ свиданіи съ любимцемъ.

Великая Княжна провела ночь со 2-го на 3-е число довольно хорошо; спала почти шесть часовъ, но 3-го, по утру, была у нея жестокая лихорадка, уменьшившаяся немного только къ вечеру. Въ 10 часовъ, она помолилась и хотѣла лечь спать, но едва только легла въ постелью, какъ начались судороги и черезъ двѣ минуты она скончалась.

Такъ умерла Принцесса Наталія Алексіевна, сестра Царя Петра II-го, четырнадцати лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцовъ отъ рожденія. Небудучи прекрасна, она обладала всѣми, какія только можно себя вообразить, прекрасными качествами. И что красота, если сердце не совершенно? Она была покровительница всѣхъ иностранцевъ, и говорила превосходно по Французски и по Нѣмецки. Она была обожаема всѣми честными людьми, жемчужина драгоценная Русской земли, и словомъ, слишкомъ была совершенна и не могла оставаться между людьми, непонимающими, что такое есть истинная и прочная добродѣтель.

Когда извѣстили Царя о кончинѣ сестры его, онъ предавался глубокой печали, не могъ уснуть во всю ночь, въ 4 часа утромъ оставилъ Слободской Дворецъ, гдѣ скончалась Великая Княжна, и перѣхалъ въ Кремль. Въ сей день не могъ я говорить съ Остерманомъ, хотя дважды забѣжалъ къ нему, но 5-го нашелъ я его дома, и столъ удрученнаго скорбью, что онъ едва могъ говорить. Я все сдѣлалъ, что могъ, для его утѣшенія, говоря, чтобы онъ заботился о себѣ для спасенія жизни Царя, котораго надобно удалить изъ Москвы. Остерманъ отвѣчалъ, что мнѣ извѣстно, какъ сильно онъ того желаетъ, и что будетъ безутѣшенъ, если Царь на то не согласится.

Я старался повидаться съ любимцемъ Царя, но не могъ видѣть его до 8-го числа, а между тѣмъ Остерманъ пригласилъ меня къ себѣ запискою, поговорить о важномъ дѣлѣ.

6-го числа явился я къ нему, утромъ, и нашель его въ отчаяніи отъ болгливости и дурнаго поведения Графа Вратислава. Въ самый день кончины Вел. Княжны, обѣдалъ у него Князь Сергій Голицынъ, и Вратиславъ, напившись пьянъ, изъяснялъ ему сильное желаніе свое возвратить Царя скорѣе въ Петербургъ, прибавляя, что считаетъ себя несчастливымъ, не прибрѣти съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ Москвѣ, никакой близости къ Царю, и даже къ любимцу его, Князю Ивану Долгорукому; что другіе и послѣ него явились (онъ разумѣлъ меня), но были его счастливы, хотя никто не желаетъ Царю столько славы и счастья, сколько онъ. Остерманъ сказывалъ мнѣ, что любимецъ знаетъ обо всемъ этомъ разговорѣ отъ него, и что и до того ненавидѣлъ онъ Вратислава, но безрасудство графа еще болѣе его раздражило, ибо Князь Сергій Голицынъ, хотя дядя любимцу, но отъявленный врагъ его.

8-го, имѣлъ я продолжительный разговоръ съ любимцемъ, и послѣ изъясненія грусти моей о кончинѣ Великой Княжны, показалъ ему необходимость возвращенія въ Петербургъ, говоря, что оно важно для Царя, для государства, и для дома Долгорукихъ: для Царя — въ отношеніи его здоровья, для государства, ибо Е. В. надобно быть въ виду завоеваній, учиненныхъ его дѣдомъ, и флота, который погибнетъ, если Дворъ еще останется въ Москвѣ; наконецъ, для Долгорукихъ, ибо, если случится несчастіе съ Царемъ, они погибнуть по ненависти къ нимъ народа, готоваго растерзать ихъ, когда въ Петербургъ опасность для нихъ гораз-

до менѣе. Любимецъ одобрилъ все мои слова, и общалъ — что уже столько разъ было имъ общано прежде — работать сколько можно, для возвращенія Царя въ Петербургъ.

Колчивъ рѣчь о семъ дѣлѣ, любимецъ сильно жаловался на Графа Вратислава, пересказывая мнѣ все, что уже слышалъ я отъ Барона Остермана, и прибавляя, что графъ жаловался на него Князю Сергію и Князю Василью Долгорукимъ, отъявленнымъ врагамъ его.

Декабря 11-го, по старому стилю, день Св. Андрея, все мы, Андреевскіе кавалеры, были во дворцѣ для поздравленія Царя, но, по причинѣ кончины Великой Княжны, не было никакого праздника.

29-го возвратился изъ своего посольства въ Китай Графъ Савва Рагузинскій (Jagousinsky). Онъ привезъ множество любопытныхъ вещей, и былъ принятъ съ великою милостью, за ловкость, какую показалъ въ исполненіи даннаго ему порученія, успѣвши возстановить между Китаемъ и Россією доброе согласіе и торговлю, которая съ нѣкотораго времени прервалась, такъ, что не было ни какой надежды пособить. Но Графъ Савва успѣлъ заключить весьма выгодный для Россіи трактатъ, побѣдивъ врожденную недовѣрчивость и хитрость Китайцевъ.

Продолжая мое повѣствованіе въ видѣ журнала, скажу, что 1-го Января 1729 года узналъ я положительно, что невозможно было ничего открыть къ обвиненію Графа (?) Александра Нарышкина, и что немилости къ нему причиною была только ненависть Князя Алексѣя Долгорукаго, отца любимца.

7-го, видѣлъ я тѣло умершей Великой Княжны,

выставленное во дворцѣ со всѣмъ великолѣпьемъ. Въ Россіи обычай цѣловать руку усопшихъ Принцевъ, какъ будто живыхъ; я не хотѣлъ отказаться отъ такого обычая, и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ руку покойницы.

12-го, въ день новаго года, по старому стилю, я привѣтствовалъ Царя съ новымъ годомъ, и потомъ обѣдалъ съ его любимцемъ. Намъ было время поговорить, и онъ сказалъ мнѣ, что надѣясь на мою дружбу, просить меня удалиться отъ генерала Бутурлина, камергера Принцессы Елисаветы, негодяя, способнаго ко всему худому; что онъ прежде былъ его другомъ, но узнавши, какое зло причиняетъ ему такая дружба, оставилъ его; что Егермейстеръ Ягушинскій, другъ Бутурлина, допускаетъ ему управлять собою, и это оскорбляетъ его Долгорукаго, потому, что любитъ Ягушинскаго, и все сдѣлалъ бы, что только могъ, еслибы разорвалъ связь его съ Бутурлинымъ, а какъ и я другъ Ягушинскому, то долженъ пособить въ семь случаевъ. Я обѣщалъ ему, и, дѣйствительно, вскорѣ потомъ говорилъ съ Ягушинскимъ, и такъ успѣшно, что изложивъ все зло связи съ Бутурлинымъ, взялъ съ него слово разорвать ее, что онъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ, а за такое доброе дѣло, любимецъ былъ мнѣ весьма благодаренъ.

13-го, Остерманъ говорилъ мнѣ, что любимецъ пересказалъ ему весь нашъ разговоръ, и что они рѣшились погубить Бутурлина, ибо очень опасно оставлять его на такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ можетъ подавать дурные примѣры, и что еще хуже, злые совѣты. Но не приступая къ дѣлу, они хотѣли разорвать дружбу его съ Ягушинскимъ, чтобы и сего послѣдняго не подвергнуть немилости.

Я былъ у любимца 17-го, 20-го и 23 го чиселъ,

и какъ предупредилъ меня Остерманъ, нашелъ его очень откровеннымъ въ нашихъ переговорахъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, дабы внушить ему болѣе жара, доказывая необходимость возвратиться въ Петербургъ, и онъ повторилъ мнѣ прежнія обѣщанія. Справедливо, что отецъ любимца, узнавши кое-что изъ нашихъ переговоровъ, дѣлаетъ все, что можетъ, дабы Царь не оставался съ сыномъ его наединѣ, и чтобы болѣе отвлечь Царя отъ возвращенія въ Петербургъ, уговорилъ его захватить охотиться нѣсколько недѣль, верстъ за 50 отъ Москвы, во внутреннихъ областяхъ, надѣясь, что по возвращеніи въ Москву начнется уже таять, дороги испортятся и переѣзда нельзя будетъ сдѣлать. Онъ хорошо знаетъ, что лѣтомъ Царь не оставитъ Москвы, по причинѣ обилія дичи въ ея окрестностяхъ, чего нѣтъ въ Петербургѣ. Въ то же время, отецъ любимца убѣдилъ Царя ѣздить ежедневно, только что онъ одѣнется, въ подгородное село Е. В., называемое Измайлово, въ одной лѣ отъ Москвы, будто бы для того, чтобы удалить его отъ Принцессы Елисаветы. Но въ самомъ дѣлѣ, онъ удалялъ Царя отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ говорить ему о возвращеніи въ Петербургъ, препятствовалъ ему заниматься правленіемъ государства, внушалъ ему, сколько могъ, желаніе ввести прежніе обычаи и жениться на одной изъ дочерей, сестеръ любимца....

28-го, я узналъ наконецъ, что не было никакого средства даже и думать о нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, по причинѣ сильной противъ того оппозиціи, и потому, что сильнѣе нежели когда либо прежде, удаляли отъ того Царя. Все, что могъ, сдѣлалъ я, чтобы внушить любимцу болѣе смѣлости и рѣшительности, но бесполезно, ибо види, что отецъ

и родные, всё противъ него, онъ не смѣлъ уже ничего говорить Царю.

31-го, были похороны Великой Княжны, съ большимъ великобшіемъ. Царь присутствовалъ при всей церемоніи, и когда она кончилась, гробъ открыли; Е. Ц. В. приблизился поцѣловать покойницу и показалъ притомъ много нежнаго чувства.

Февраля 4-го, я долго говорилъ съ Остерманомъ, и сильно настоялъ на возвращеніе Царя въ Петербургъ, ссылаясь на повелѣнія Короля, моего Государя, слѣдовать за Е. Ц. В. повсюду, гдѣ онъ будетъ. Но если намъ должно оставаться по цѣлому году не видя его, не зная, съ кѣмъ должны мы говорить о дѣлахъ, то не только бесполезно для моего Государя пребываніе мое въ Россіи, но даже противно его Королевскому достоинству. Остерманъ согласился, что я говорю справедливо, просилъ меня сказать все это любимцу, и сдѣлать послѣднія усилія, сообщивъ мои мысли объ образъ жизни Е. Ц. В.

5-го, видѣлся я съ Графомъ Вратиславомъ, говорилъ ему о возвращеніи Царя въ Петербургъ, теми же словами, какими говорилъ съ Остерманомъ, и такъ ободрилъ его, что онъ согласился идти вмѣстѣ со мною къ великому Канцлеру и другимъ Министрамъ, объявить имъ настоятельно о возвращеніи Царя, и о томъ неприличіи для нашихъ Государей, что мы живемъ здѣсь по году, не видя Е. Ц. В.

7-го, Графъ Вратиславъ и я были у Великаго Канцлера, у Остермана, и у всѣхъ членовъ Государственного Совѣта. Мой товарищъ согласился, чтобы я говорилъ за себя и за него, и я представлялъ, такъ сильно, какъ только могъ, неприличія, какія происходятъ отъ отсутствія Царя на три и четыре мѣсяца, за 40 и 50 лѣтъ отъ Москвы, въ то время, когда мы не знаемъ, какія рѣшенія положить на

Конгрессъ, и когда въ случаѣ войны присутствіе Царя необходимо въ Москвѣ, дабы отдать надлежащія приказы, относительно исполненія обязательствъ, принятыхъ по Вѣнскому трактату. Потомъ представилъ я, какъ было неприлично достоинству нашихъ Государей, что мы должны оставаться по столь продолжительнымъ временамъ въ Москвѣ, не зная, съ кѣмъ намъ говорить о дѣлахъ, которыя могутъ случиться, такъ, что видимъ себя принужденными представить нашимъ Государямъ о бесполезности пребыванія нашего здѣсь при подобныхъ обстоятельствахъ. Всѣ Министры выслушали насъ внимательно, и обѣщали приложить свои усилія, чтобы ускорить предположеннымъ возвращеніемъ Е. Ц. В.

8-го, былъ я одинъ у любимца, и говорилъ ему также сильно, какъ и Министрамъ Тайнаго Совѣта, присовокупивъ, что всѣ жалуются на настоящее состояніе дѣлъ и возлагаютъ вину на Князя Алексѣя, отца его; что вся ненависть, какую питаютъ къ отцу его, падаетъ также и на него, и потому прилично ему для собственныхъ выгодъ стараться, чтобы Царь чаще показывался подданнымъ, не удалялся на долгое время изъ Москвы и знакомился болѣе съ Дворскими дѣлами. Любимецъ почувствовалъ откровенность моихъ рѣчей, и обѣщавъ сдѣлать все, что можетъ, дабы отвратить предположенную вновь поѣздку Царя.

Четыре дня потомъ не видѣлъ я любимца, и когда явился къ нему 12-го числа, онъ сказалъ, что все говоренное мною въ послѣднее свиданіе сдѣлало на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшительно говорилъ съ Царемъ, и успѣлъ отвратить предположенную поѣздку, такъ, что Е. В. не будетъ отъѣзжать на дальнюю охоту и отлучаться отъ Москвы далѣе 8-ми, или 10-ти лѣтъ. Та-

кое объявленіе принесло мнѣ немалое удовольствіе, ибо я былъ ему единственною причиною, придумавши идти съ Вратиславомъ ко всѣмъ министрамъ, и говорить имъ о дѣлѣ.

Послѣ сего часто видался я съ министрами, но въ теченіе двухъ недель не было ничего замѣчательнаго. Мнѣ казалось необходимо отдать Королю отчетъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и я изложилъ его въ подробной депешѣ, изъ которой представляю здѣсь выписку, дабы можно было видѣть, какое было тогда положеніе Русскаго Двора.

Публика была очень недовольна неограниченною властью дома Долгорукихъ, управлявшихъ всѣмъ безъ исключенія. Любимецъ, увѣренный въ любви къ нему Царя, не сопровождалъ Е. В. съ необходимою настойчивостью, и проводилъ большую часть времени въ забавахъ; какъ другъ его, часто упрекалъ я его, но бесполезно. Были люди, которые указывали Царю на дурное поведеніе его любимца, и даже самый отецъ его искалъ случая уменьшить его силу, изъ зависти. Это покажется странно, но въ Россіи, какъ и вездѣ, есть люди, ни къ кому не имѣющіе чувства добра, думающіе только о своей выгодѣ, и для нея готовые пожертвовать отцомъ, матерью, дѣтьми, родными и друзьями.

Князь Голицынъ, прежде бывшій посолъ въ Испаніи, а теперь камергеръ, былъ человекъ, котораго начиналъ любить Е. Ц. В. — Онъ происходилъ изъ дома всегда враждебнаго съ Долгорукими, имѣлъ умъ, а отецъ его былъ человекъ съ большими дарованіями и весьма рѣшительный. Всѣ ожидали того, приобрететъ ли Голицынъ полную довѣренность Царя, ибо въ такомъ случаѣ домъ Долгорукихъ долженъ былъ придти въ немилость. Большое измѣненіе могло изъ сего послѣдовать въ правительствѣ, и

всѣ иностранцы должны были считать себя пропавшими, по причинѣ ненависти къ нимъ всѣхъ Голицынскихъ. Съ другой стороны многіе негодовали въ Москвѣ на порядокъ дѣлъ, приписывая его окружавшимъ Царя. Любившіе отечество отчаявались, видя, что Царь, едва только одѣнется, какъ садится въ сани, и каждый день ѣздитъ въ загородный дворецъ съ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцомъ любимца, камергеромъ, и тамъ занимается цѣлый день играми. Говорили, что стараются отвлечь Царя отъ вліянія Принцессы Елисаветы, но многіе тому не вѣрили и слагали всю вину на Князя Алексѣя, который имѣлъ и другія причины удалять ежедневно Царя, чтобы сблизить его съ вторымъ сыномъ своимъ, Николаемъ, и удалить отъ старшаго, который хотя и зналъ всѣ противъ себя замыслы, но не имѣлъ уже средствъ противиться. Часто предостерегалъ я его, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ переносить безстыдства и наглости людей, окружающихъ Царя. Впрочемъ, слова были не искренны, ибо онъ пользовался удаленіемъ отъ Царя, предаваясь въ Москвѣ шалостямъ.

Тайный Совѣтъ не собирался. Великій Канцлеръ страдалъ подагрою, а Остерманъ отчаявался и былъ боленъ. Князь Голицынъ притворялся больнымъ и не хотѣлъ говорить о дѣлахъ. Князь Алексѣй Долгорукій безпрестанно находился при Царѣ, а Князь Василій Долгорукій только старался отвлечь отъ Царя въ Петербургъ. Онъ могъ бы пособить злу, еслибы хотѣлъ, ибо Князь Алексѣй, единственный человекъ, управлявшій волею Царя, слѣпо слѣдовалъ его совѣтамъ, но Василью нравилось настоящее положеніе дѣлъ, ибо онъ льстился при немъ ввести старыя обычаи.

Были люди, доводившіе до свѣдѣнія Царя негодованія.
Т. VII. — Отд. III.

ваніе на Долгорукихъ и поступки ихъ съ нимъ, и можно было ожидать, что имѣя способности и рѣшительность, Царь рѣшится на сильныя мѣры. Но тогда, при безпорядкѣ переменъ, могли пострадать иностранцы, и иностранные министры могли подвергнуть опасности не только честь, но и жизнь свою. Въ слѣдствіе сего долгомъ почель я донести Королю, что для предупрежденія предосудительныхъ слѣдствій, приличнѣе, вмѣсто Посла, имѣть въ Россіи резидента, или секретаря, который могъ бы вести немногія дѣла, какія встрѣчаются въ сношеніяхъ Россіи съ Испаніею.

Въ концѣ Февраля отравили въ ссылку Графа Александра Нарышкина, въ помѣстья его, лѣе за пятьдесятъ отъ Москвы. Но на него не могли вывести ничего предосудительнаго, и ясно было видно, что вину его составляло только опасеніе, имъ внушаемое, и ненависть его соперниковъ и враговъ.

Марта 8-го, день восшествія на престолъ, было цѣлованіе руки во дворцѣ, и Е. Ц. В. пожаловалъ при семъ случаѣ орденъ Александра Невскаго Барону Крому (Grom), повѣренному Бланкенбургскому (по просьбѣ моей любимцу), Барону Остерману, повѣренному Мекленбургскому, брату Вице-Канцлера, генераль-поручику Лефорту, камергеру Строганову и генераламъ Измайлову и Леонтьеву. Вечеромъ, всѣ мы, иностранные министры, ужинали съ Царемъ, и послѣ прекраснаго потѣшнаго огня начался балъ, и продолжался до семи часовъ утра. Принцесса Елисавета не была на праздникъ, по причинѣ нечаяннаго нездоровья.

12-го, Царь отправился на охоту, за 12 лѣе отъ Москвы, и остался тамъ до Святой недѣли. Хотя отсутствіе его не было такъ продолжительно, какъ прежде хотѣли его сдѣлать, но противъ него ропта-

ли, складывая всю вину на Князя Алексѣя Долгорукаго, который, подъ предлогомъ забавы Царя и удаленія отъ Принцессы Елисаветы, каждый день выдумывалъ новыя поѣздки на охоту и увеселенія, дабы удалить Е. Ц. В. отъ всѣхъ, ради слѣдующихъ четырехъ причинъ: 1-е, чтобы имѣть его совершенно подъ своимъ управленіемъ; 2-е, внушить ему старинныя правила и поселить ненависть противъ спасительныхъ законовъ и учреждений Петра I-го; 3-е, пріучить его мало по малу къ мысли жениться на одной изъ сестеръ любимца, и 4-е, уменьшить отсутствіемъ власть надъ Царемъ Остермана, ибо Князь Алексѣй его боялся, и не безъ причины: умный министр сей хотѣлъ воспитать Царя въ правилахъ его дѣда, а потому, не только совѣтовалъ ему возвратиться въ Петербургъ, но и сочетаться бракомъ съ какою либо иностранною Принцессою. Любимецъ ни въ чемъ не одобрялъ своего отца, но не имѣя довольно рѣшительности противиться его вліянію, волею и неволею рѣшился не совѣтовать Царю, ни въ пользу, ни противъ своего родителя.

Въ тотъ же день, когда Царь уѣхалъ, долго говорилъ я съ любимцомъ, который по довѣренности своей открылъ мнѣ сердце, и я воспользовался случаемъ, разсуждая съ нимъ, какъ будто Рускій. Я далъ ему уразумѣть все негодованіе народное противъ отца его и Долгорукихъ, указывалъ на слѣдствія, какія могутъ произойти изъ поступковъ ихъ съ Царемъ и увлекутъ ихъ первыхъ въ гибель. Я указалъ ему на обязанность, какую отецъ его и онъ имѣли убѣждать Царя заняться государственными дѣлами, особливо при цвѣтущемъ состояніи государства, до коего доведено оно было трудами славнаго его дѣда, присутствовать въ Совѣтъ и пріобрѣтать свѣдѣнія въ дѣлахъ. Я приводилъ въ при-

мръ Французскаго Короля Людовика XV-го, который, хотя очень юнъ, но присутствуетъ въ совѣтахъ, изучая науку царствовать, а также нашу покойную Королеву Савойскую, бывшую Правительницею Испаніи въ 14-ть лѣтъ и постоянно являющуюся въ Совѣтъ. Наконецъ, я сказалъ все, что внушала мнѣ дружба къ любимцу, почтеніе къ Царю и малая опытность моя. Но хотя онъ все одобрилъ, и былъ чувствителенъ къ словамъ моимъ, но, кажется, не хочетъ ими пользоваться, по причинѣ своей нерѣшительности, о чемъ я уже говорилъ.

Въ слѣдствіе сего отправилъ я къ Королю курьера, повторяя Е. В. все, что говорилъ прежде неоднократно, что Россія быстро упадетъ въ свое прежнее состояніе, если никто не захочетъ тому пособить; что Царь потеряетъ опасеніе своихъ сосѣдей, да и для союзниковъ и друзей будетъ бесполезенъ, если дѣла не переменятся; что иностранные министры играютъ здѣсь самую жалкую ролю, ибо не только не видятъ Царя никогда, кромѣ праздниковъ, но и тогда видятъ его мимоходомъ, такъ, что онъ не оказываетъ имъ никакого вниманія; что Остерманъ только вздыхаетъ, и грусть его тѣмъ сильнѣе, что онъ болѣе и болѣе находитъ себя въ невозможности пособить злу. Словомъ, что только Богъ единый можетъ избавить Россію отъ бѣдствій, внушивъ Царю, когда онъ будетъ постарше, слѣдовать славному примѣру своего дѣда.

Черезъ немного дней потомъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Сибири, съ извѣстіемъ, что караванъ, отправившійся въ Китай въ 1726 году, возвратился на границу. Это принесло большое удовольствіе министру, ибо показало дѣйствительность переговоровъ Графа Саввы Ягужинскаго.

17-го, жена и двѣ дочери Князя Долгорукаго, от-

ца любимца, присоединились къ охотничьей свитѣ Царя, что заставило всѣхъ думать, ибо всѣ знали мысль Долгорукаго женить Царя на своей дочери, и полагали, что при семъ случаѣ будетъ обрученіе, но однакожь ошиблись. Я много говорилъ о томъ съ Остерманомъ, который того же опасался, но не могъ убѣдиться, чтобы дѣло было доведено далеко.

Апрѣля 4-го, Царь воротился въ Москву, и мы узнали, что вмѣсто обрученія съ дочерью Долгорукаго, Е. В. былъ недоволенъ своимъ министромъ, что не имѣло однакожь дальнѣйшихъ слѣдствій.

Въ то же время, въ Москвѣ было удивительное множество больныхъ, и въ каждомъ домѣ три четверти жителей лежали въ постели, такъ, что медики стали бояться, не свирѣпствуетъ ли заразительная болѣзнь. Но Царь велѣлъ вскрыть нѣсколько тѣлъ умершихъ, особливо скоростижно, и открылось, что болѣзнь не была злокачественная.

18-го, Царь имѣлъ припадокъ лихорадочный, съ простуднымъ кашлемъ, но три дня спокойствія возвратили ему здоровье.

Въ концѣ Апрѣля, Князь Голицынъ писалъ изъ Украйны, что между Татарами замѣтно движеніе, а потому требовалъ трехъ полковъ, съ генераль-маіоромъ Бутурлинымъ, котораго выбрали не ради важности его воинскихъ дарованій, но дабы удалить отъ Двора, гдѣ былъ онъ камергеромъ Принцессы Елисаветы.

Мая 1-го, Царь отправился на охоту въ окрестности Москвы, и пробылъ тамъ четыре дня.

Мая 24-го, Царь отправился на охоту вереть за 30-ть отъ Москвы.

Юля 10-го, праздновали во дворцѣ, съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ, день Св. Петра, тезоименит-

ство Царя, и праздникъ продолжался три дня, а равно и освѣщеніе.

Юля 16-го, Царь отправился на охоту въ окрестности Москвы.

Августа 4-го, Шведскій агентъ, г-нъ Дитмаръ, получилъ приказаніе своего Двора: объявить Русскому министерству, что Его Шведское Величество положилъ признать Царю титулъ и наименованіе Императора, и что по сему рѣшенію Король Шведскій скорѣ напишетъ письмо къ Е. Ц. В. — Дѣйстви-тельно, черезъ недѣлю, Дитмаръ получилъ упомянутое письмо, и когда онъ представилъ его, несогласія между двумя Дворами прекратились. Дитмаръ получилъ въ то же время довѣрительныя грамоты, въ качествѣ чрезвычайнаго Посла, званіе котораго немедленно онъ и принялъ. Русскій Дворъ былъ весьма доволенъ поступками Короля Шведскаго.

Сентября 10-го, въ день Александра Невскаго, патрона ордена сего имени, Царь возвратился очень рано въ Москву, и отслушавъ обѣдню съ кавалерами, удостоилъ ихъ чести приглашенія къ столу, послѣ чего Е. Ц. В. опять отправился на охоту.

12-го, вдругъ перемѣнили намѣреніе послать въ Берлинъ Князя Куракина, и назначили на его мѣсто Князя Голицына, бывшаго въ Испаніи. Причиною было то, что Царь не скрывалъ расположенія своего къ Голицыну, а это дѣлало подозрѣніе Долгорукихъ, которые боялись, чтобы онъ не сдѣлался любимцемъ, и въ слѣдствіе того удаляли его, посылая въ Берлинъ, съ чиномъ статскаго совѣтника, чтобы и по возвращеніи своемъ не могъ онъ быть часто приближеннымъ къ Царю, не бывши уже камергеромъ, ибо въ Россіи статскій совѣтникъ не носитъ уже званія камергера.

19-го, Царь отправился на охоту, сопровождае-

мый любимцомъ, отцомъ его, матерью и сестрами, а какъ эта поѣздка была дѣло Князя Алексѣя Долгорукаго, то начали думать, что онъ привелъ теперь въ совершенство мысль, какую имѣетъ издавна, то есть, свадьбу Царя съ своею дочерью.

20-го, Пруссскій министръ возобновилъ трактатъ, который Дворъ его заключилъ съ Императрицею Екатериною въ 1725 году, и хотя трактатъ сей держали въ тайнѣ, я узналъ, что главное содержаніе его составляло ручательство, которое взаимно давали обѣ державы, касательно сохраненія завоеваній ихъ у Шведовъ въ послѣднюю войну, и въ защитительномъ союзѣ въ случаѣ нападенія.

Ничего существеннаго не случилось до 25-го Октября, дня Царскаго рожденія. Полагали, что Е. В. пріѣдетъ въ Москву для такого праздника, а потому все было для него приготовлено. Но Царь не возвратился, и весь праздникъ ограничился большимъ обѣдомъ во дворцѣ, куда приглашены были всѣ иностранные министры и главные придворныя чины. Графъ Остерманъ, какъ церемоніймейстеръ, управлялъ обѣдомъ. Причина, по которой Царь не возвратился въ Москву, была та, что Князь Алексѣй Долгорукій, завидуя всѣмъ, и воображал, что если Е. Ц. В. полчаса съ кѣмъ поговорить, то уже будетъ утрата его милостямъ, и кромѣ того, думая только о томъ, какъ въ нынѣшнюю поѣздку кончить дѣло о свадьбѣ дочери съ Царемъ, страшился воротиться въ Москву, боясь, что кто нибудь изъ враговъ его можетъ воспрепятствовать исполненію. Я былъ увѣренъ, что о бракѣ Царя съ Долгорукою объявятъ по возвращеніи Царя въ Москву, но я былъ одинъ изъ иностранныхъ министровъ такого мнѣнія. Графъ Вратиславъ и другіе министры ничему не хотѣли вѣрить, ибо Остерманъ сказалъ имъ,

что ничего подобнаго нѣтъ. Потому, они писали къ своимъ Государямъ, что хотя и говорятъ о свадьбѣ Царя съ Княжною Долгорукою, но дѣло еще весьма далеко не кончено. Остерманъ и мнѣ говорилъ то же, что другимъ, но крѣпко увѣренный въ близости успѣха замысловъ Долгорукаго, я утвердительно писалъ къ Королю, что предполагаемая свадьба совершится вскорѣ по возвращеніи Царя въ Москву.

Ноября 20-го, Царь возвратился въ Москву, и начали говорить гласнѣе объ его близкой свадьбѣ.

Наконецъ, Ноября 30-го, утромъ, Царь призвалъ членовъ Большаго Совѣта, фельдмаршаловъ, другихъ первостепенныхъ особъ, и объявилъ, когда они собрались, принятое имъ рѣшеніе жениться на Княжнѣ Екатеринѣ, старшей дочери Князя Алексѣя Долгорукаго, сестрѣ любимца. Послѣ сего всѣ цѣловали у него руку, а потомъ отправились въ комнаты Княжны, гдѣ повторилась та же церемонія.

Черезъ два дня послѣ того, церемоніймейстеръ отправился, по приказанію Царя, объявить его рѣшеніе всѣмъ иностраннымъ министрамъ, и мы потребовали назначенія часа, когда можемъ поздравить Царя и его будущую Царицу. Намъ извѣстили, что мы можемъ отправиться завтра во дворецъ.

Декабря 3-го, въ день Св. Екатерины, именины Княжны, мы были во дворецѣ, и послѣ аудіенціи у Е. Ц. В. представлялись Княжнѣ.

Декабря 11-го, въ день Св. Андрея, по старому стилю, всѣ кавалеры сего ордена отправились во дворецъ, и вечеромъ праздновали тамъ обрученіе Царя, съ большимъ великолѣпіемъ. Едва только было все готово для церемоніи, любимецъ отправился за невѣстою, которая прибыла во дворецъ съ большою свитою. Пригласили ко Двору весь дипломати-

ческій корпусъ, и всѣ генералы и вельможи Русскіе получили повелѣніе явиться во дворецъ въ три часа.

Едва только прибыла Княжна во дворецъ, какъ ее встрѣтили при дверяхъ церемоніймейстеръ и гофмаршалъ, препровождая въ залу, гдѣ все уже было готово для церемоніи. Она сѣла подлѣ наоя, въ кресла, имѣя по лѣвую руку Принцессу Царской крови, сидѣвшихъ на табуретахъ, по правую вдовствующую Царицу, въ креслахъ, а сзади мать и родныхъ. Кресла Царя были поставлены противъ Княжны; на право отъ него были иностранные министры, а на лѣво знатнѣйшіе Русскіе вельможи.

Среди залы было устроено алтарь, подлѣ коего находился, въ полномъ облаченіи, Архіепископъ Новгородскій, Примать Русскій, со всѣмъ духовенствомъ. Противъ алтаря былъ великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый шестью генераль-маіорами.

Царь, повѣщенный великимъ камергеромъ о прибитіи Княжны, отправился въ залу, и присѣвши немного въ креслахъ, сталъ потомъ съ Княжною подъ балдахиномъ, гдѣ Архіепископъ размѣнялъ имъ кольца, по обряду Греческой Церкви. Когда кончилась сія церемонія, Царь и Княжна заняли свои мѣста. Обоимъ имъ цѣловали руки, и изъ пупекъ сдѣлали залпъ, послѣ чего былъ прекрасный потѣшный огонь, а потомъ балъ, недолго продолжавшійся, ибо Княжна очень утомилась. Ужина не было, но многіе столы были приготовлены, для тѣхъ, кто хотѣлъ ѣсть.

Надобно замѣтить, что хотя родъ Долгорукихъ весьма многочисленъ, и тогда былъ самый могущій по причинѣ милостей Царя, но они такъ боялись другихъ, что во время обряда обрученія во дворецъ ввели батальонъ гвардейцовъ изъ 1200 человекъ, когда обыкновенно бывасть ихъ тамъ не болѣе 150

человѣкъ. Рота гренадеровъ, которой капитаномъ былъ любимецъ, вошла за Царемъ въ залу и окружила всѣхъ присутствовавшихъ, занявъ выходы. Даже приказано было зарядить ружья пулями, и въ случаѣ, если кто нибудь заведетъ безпорядокъ, какъ того боялись, и какъ бывало иногда, или остановитъ церемонію, то приказано было стрѣлять въ зачинщика. Такъ распорядился любимецъ, не сказавши даже фельдмаршалу, своему дядѣ, и потому тотъ былъ весьма удивленъ, увидя солдатъ въ залѣ, какъ мнѣ послѣ самъ сказывалъ. Въ семь часовъ, Княжна возвратилась къ себѣ, съ прежнимъ сопровожденіемъ.

Декабря 17-го, Графъ Вратиславъ отправилъ въ Вѣну курьера, съ двумя чиновниками изъ своей свиты, Графомъ Милезино и Барономъ Биленбергомъ. Онъ не сказывалъ мнѣ настоящей причины. Я хорошо зналъ, что ему надобно было отослать Милезино, но о Биленбергѣ говорилъ онъ, будто посылаетъ его требовать недоданнаго посольству жалованья. То была неправда, и цѣль посылки совсѣмъ другая. Графъ хотѣлъ подслужиться Долгорукимъ, и при ихъ помощи получить орденъ Св. Андрея, котораго не могъ до тѣхъ поръ имѣть, не смотря на всѣ старанія. Биленбергъ посланъ былъ въ Вѣну просить у Императора для Царскаго любимца и отца его титула Князей Имперіи, съ Герцогствомъ Козельскимъ въ Силезіи, которое принадлежало прежде Меншикову. Вратиславъ воображалъ, что никто не проникнетъ его видовъ, но я тотчасъ угадалъ ихъ, и когда сталъ говорить ему о томъ, онъ не могъ спорить со мною.

Причина путешествія Милезино была совсѣмъ другая: уже болѣе года, что онъ влюбился въ Княжну Долгорукую, предназначенную невѣсту Царя. Всѣ о томъ знали, какъ равно и о томъ, что Княжна

была къ нему равнодушна. Въ слѣдствіе сего, Вратиславъ рѣшился его удалить, боясь, что онъ сдѣлаетъ какое нибудь безразсудство, которое причинитъ Его Превосходительству непріятность, изъ ко-ей трудно будетъ выпутаться.

21-го, получилъ я извѣстіе о заключеніи въ Севиллѣ мира между Королемъ, моимъ государемъ, и министрами союзниковъ Ганноверскихъ. Я сообщилъ о томъ Остерману, и онъ, какъ приверженецъ Австріи, началъ имѣть ко мнѣ гораздо менѣе прежняго довѣренности, а сношенія между мною и Графомъ Вратиславомъ совершенно прекратились. Онъ даже сдѣлалъ все, что могъ, желая поссорить меня съ любимцомъ и очернить при Дворѣ, въ чемъ, дѣйствительно, и успѣлъ на нѣсколько дней. Надобно знать, что въ переговорахъ, какіе бывали у меня съ нимъ до обрученія Царя, онъ всегда спорилъ противъ мнѣнія моего, касательно супружества Е. Ц. В. съ Княжною Долгорукою, когда, напротивъ, я всегда утверждалъ рѣшительно, что сей союзъ совершится. При объявленіи объ немъ, Вратиславъ былъ нѣсколько униженъ, и воспользовался случаемъ поссорить меня съ любимцомъ, внушая ему подъ рукою, что уже съ полгода усиливался я разгласить по Москвѣ, что Князь Алексѣй Долгорукій хочетъ непременно, какъ будто насильно обвѣнчать Царя съ своею дочерью. Любимецъ сначала повѣрилъ, но узнавши о томъ, я разувѣрилъ его, и онъ сталъ болѣе прежняго приверженъ ко мнѣ, ощущая болѣе прежняго презрѣнія къ Графу Вратиславу.

Въ немногіе дни, оставшіеся до новаго года, не было никакой замѣчательной новости, но въ началѣ 1730 года объявили о сговорѣ любимца съ дочерью покойнаго фельдмаршала Шереметева, которая была красавица и весьма богата,

Мы получили также въ началѣ сего года извѣстіе о смерти знаменитаго Князя Меншикова въ его изгнаніи. Страшный урокъ для любимцовъ! Тотъ, кто былъ другомъ Царей столь много лѣтъ, и управлялъ Россіею, какъ самовластный повелитель, увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ своихъ богатствъ, почестей, и принужденъ былъ окончить дни въ монастырѣ, на берегу Бѣлаго Моря, гдѣ жилъ только трудами рукъ своихъ...

Января 17-го, по старому стилю, день Крещенія, была обыкновенная церемонія водосвятія. Царь присутствовалъ лично, и въ тотъ же день возвелъ любимца своего въ званіе майора гвардіи — послѣдняя милость, какую даровалъ юный любезный Монархъ!

18-го, утромъ, Царь чувствовалъ лихорадку и не выходилъ изъ комнаты, и какъ болѣзнь его не уступала усиліямъ медиковъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней, то увидѣли, что она должна быть важная.

21-го, узнали, что Царь боленъ оспою, которая начала высыпать въ большемъ обиліи, и съ самаго начала увидѣли, что она была злокачественная. Между тѣмъ, послѣ сильнаго пота, лихорадка прошла, и надѣялись, что Е. Ц. В. освободится отъ своей опасной болѣзни.

Съ 25-го по 28 число, оспа высыпала въ обиліи, такъ, что всѣ думали, что Царь находится внѣ опасности, но вечеромъ 28-го Е. Ц. В. получилъ лихорадку, столь сильную, что начали бояться за жизнь его, и какъ лихорадка не прекращалась и 29-го числа, то приобщили Царя Святыхъ Таинъ. Долгорукіе приготовили духовную, по которой Царь передавалъ послѣ себя наслѣдство своей обрученной невѣстѣ, но когда хотѣли заставить его подписать, онъ былъ уже безъ рѣчей и безъ силъ, и 30-го, въ

часъ и двадцать пять минутъ по полуночи, послѣ продолжительнаго томленія, испустилъ послѣднее дыханіе.

Такъ, быстро и неожиданно, скончался Царь Петръ II-й, 14-ти лѣтъ, 3-хъ мѣсяцовъ и 7-ми дней отъ рожденія, послѣ царствованія, продолжавшагося 2 года, 8 мѣс., 13 дней. Потеря его была невозвратима, для Россіи, ибо добрыя свойства сего Монарха заставляли надѣяться счастливаго и славнаго царствованія. Онъ имѣлъ много ума, легкость въ понятіяхъ, и былъ весьма умѣренъ. Не открыли въ немъ склонности ни къ какому пороку. Лицо его было прекрасно, а ростъ, по лѣтамъ необыкновенный. Онъ хорошо говорилъ по Французски, по Нѣмецки и по Латини, и получилъ хорошія основанія знаній, но начавъ царствовать 11-ти лѣтъ, онъ не бралъ уже послѣ того книгъ въ руки, и окружающіе старались отучать его отъ всякаго чтенія. Онъ не могъ еще принимать рѣшеній по собственному произволу, обстоятельство, которымъ воспользовались Князь Алексѣй Долгорукій, его наставникъ, и Князь Иванъ Долгорукій, его любимецъ, дѣлая изъ него все, что хотѣли, и съ такимъ своеволіемъ, что Россія не изъливила даже печали, какой достоинъ былъ юный Государь. Два года пребыванія въ Москвѣ заставили его провести наиболѣе на охотѣ, удаляя отъ всѣхъ и держа всегда въ рукахъ своихъ. Наконецъ заставили его согласиться на супружество съ Княжною Екатериною Долгорукою, сестрою любимца, но согласіе его было принужденно, и многіе были то же такого мнѣнія, что обязательству не состояться. Справедливо то, что Царь совсѣмъ не занимался своею невѣстою, и я самъ былъ очевидцемъ, что онъ едва глядѣлъ на нее. Странное дѣло, что съ тѣхъ поръ, когда объявилъ онъ свое рѣшеніе жениться

на Княжнѣ Долгорукой, впалъ онъ въ такую задумчивость, что ничто уже не могло его разсвѣять, и даже онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что вскорѣ умереть, и что ему уже мало надобности въ жизни.

Наконецъ, Россія утратила Петра II-го, который, судя по всемъ видимостямъ, былъ бы великимъ Монархомъ, если бы со временемъ успѣлъ освободиться отъ ига Долгорукихъ, и съ симъ Царемъ кончилась мужеская линія рода Романовыхъ, царствовавшая 118 лѣтъ, ибо Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, дѣдъ Петра I-го, избранъ былъ въ 1612 году *.

* Вторая, оставшаяся половина записокъ Де-Лирія будетъ помѣщена въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ С. О. — Въ ней описывается начало царствованія Императрицы Анны Иоанновны, и мы представимъ ее, такъ же, какъ и сію половину, безъ всякихъ примѣчаній, хотя многія мѣста разказа Де-Лирія явно ошибочны. За тѣмъ присовокупится составленный имъ: *Traité particulier des caractères des différentes personnes*, гдѣ излагаетъ онъ характеристику многихъ своихъ современниковъ. Къ ней прибавимъ мы историческія поясненія, и такимъ образомъ читатели наши вполнѣ будутъ имѣть любопытный матеріалъ для Русской Исторіи первой четверти XVIII-го вѣка. *Прим. Пер.*

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

КАСАТЕЛЬНО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Подъ симъ общимъ заглавіемъ намѣрены мы помѣщать постоянно въ С. О. отдѣльныя статьи, въ которыхъ предполагаемъ изложить, краткими очерками, недостатки и требованія современной Литтературы Русской. Изложивши здѣсь сущность *теоріи языковъ* и *приложеніе ея къ практикѣ*, въ слѣдующей статьѣ изложимъ мы *исторію нашего языка*, изъ чего можно будетъ видѣть, что должна дѣлать для него теорія въ настоящее время, какъ ошибочны мнѣнія нововводителей, которые столь безчеловѣчно терзаютъ въ наше время нашъ прекрасный, богатый, достойный великаго народа языкъ, какъ неверны мысли ихъ объ языкѣ и слоги и ложны нововведенія многихъ изъ нихъ. Здѣсь разрѣшатся сомнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, будто Сыны Отечества гонять только *это, эти, которыхъ и чтобы*,
Т. VII. — Отд. IV. 6

будто онъ хочетъ только заставитьъ писать *сей, сія, сіе*, и тѣмъ ограничиваетъ весь свои требованія. Нѣтъ! не того только хочетъ С. О. — Въ послѣднее время, неосновательность и самонадѣянность нѣкоторыхъ критиковъ и литераторовъ начали совершенно губить сущность и чистоту Русскаго языка, вводить новости, ему несвойственныя, и увлекать толпу людей, особенно молодыхъ, между которыми, конечно, есть люди съ дарованіемъ, но мало знающіе предметъ, и еще менѣе размышлявшіе надъ нимъ. С. О. долгомъ почитаетъ стать на стражъ здраваго смысла и изящнаго вкуса, видя, что если не будутъ возвышены, съ одной стороны голосъ негодующей критики, съ другой убѣждающее сужденіе теории, нашъ современный языкъ сдѣлается жалкимъ уродомъ, и потомство укоритъ за молчаніе каждаго, кто видѣлъ вредъ, наносимый вкусу и смыслу и не хотѣлъ за нихъ вступиться. Да, не будетъ надъ нами такой укоризны. Не наше дѣло услышать ли голосъ нашъ противники, но онъ оправдываетъ насъ въ глазахъ тѣхъ людей, мнѣніе которыхъ важнѣе для насъ шумливаго голоса толпы. II. II.

=

I.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА.

Legitimae inquisitionis vera norma est, ut nihil veniat in practicam cujus non fit etiam doctrina aliqua et theoria.

Б А К О Н Ъ.

Великую истину, сказанную глубокомысленнымъ мудрецомъ Британскимъ, его мысль: «истинное основаніе надлежащаго изслѣдованія ничего не до-

пускать въ практику, что предварительно не было предметомъ ученія теоретическаго» — сію мысль беремъ мы за эпитафій тѣхъ изслѣдованій, которыя хотимъ передать сужденію нашихъ соотечественниковъ. Можетъ быть, здѣсь остановитъ прежде всего сомнѣніе: возможно ли непрѣмные законы *теоріи* приложить къ предмету столь подвижному и своему, какъ современная литература, и особливо живой языкъ какого либо народа? Отвѣчаемъ утвердительно: не только возможно, но необходимо, и еще болѣе — такое приложеніе непрерывно дѣлается. Каждая новая идея, каждое движеніе впередъ, есть собственно приложеніе теории къ практикѣ, но только дѣлается оно безъ сознанія, и потому бываетъ незамѣтнымъ. Всякая литература есть частное проявленіе одной всеобщей, міровой идеи, разнообразное мѣстностью и временемъ того или другаго народа. Отвлечитесь отъ нихъ, или, говоря иначе, сойдите съ нихъ въглубину, изменяемую оболочку жизни, вы увидите внутренній неизмѣнный остовъ — идею, постоянную и вѣчную, всегда вѣрную общему основанію. Сообразно сему должны быть разсматриваемы каждый писатель и каждое явленіе въ литературѣ, какъ часть ея частнаго цѣлаго, и здѣсь то заключаются законы *Критики* и *Исторіи Литтературной*. Въ наше время многіе утверждаютъ ложную мысль, будто приложеніе теории невозможно, по крайней мѣрѣ, не должно быть производимо (не говоримъ уже о томъ, что иные вовсе *не вѣрятъ въ теорію* — подобной нелѣпости опровергать не стоитъ). Они ссылаются на заблужденія, въ какія всегда впадали литераторы, когда принимались *творить по теоріи*; отсюда, говорятъ намъ, явилась холодная поэзія Латинская; отсюда вышелъ щеголеватый и бездушный Французскій классицизмъ. Но думающіе такъ ошибаются въ сущности и употребленіи теории. Что такое *теорія*? Выведенныя по законамъ ума

условія каждаго явленія, повѣренныя опытомъ (практикою или анализомъ). Общая теорія въ семъ смыслѣ уже составлена для всѣхъ литературныхъ произведеній мысленіемъ человѣческимъ и исторією литературы. Вы не хотите слушать основаній теоріи литературной? Полная воля, но та бѣда, что творя безъ теоріи, вы находитесь между тѣмъ подъ строгими и неизбѣжными ея законами, и не можете выйти изъ условій своего бытія, хотя и сами вы не знаете, или не сознаете ихъ. Здѣсь можно припомнить извѣстные слова, что въ такомъ случаѣ самое беззаконіе дѣлается закономъ. Въ природѣ и въ жизни нашей вездѣ вѣсь, мѣра и число, составляющіе законы нашего бытія и условія нашей жизни.

Дѣйствительно, если мы захотимъ *предписать* жизни какой либо произвольный, изобретенный нами, условный законъ, и запретимъ ей удалиться отъ него, мы впадемъ въ ошибку, изуродуемъ жизнь нашу, и кромѣ того усиліе наше останется бесполезно, ибо мы не можемъ удержать живаго бытія въ определенныхъ нами тѣсныхъ законахъ. Какъ бурная волна, оно пробьется сквозь слабыя наши преграды и плотины. Здѣсь задача заключается въ томъ, что никогда не откроемъ мы вполне вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, но конемъ развиваются всѣ частныя явленія, следовательно, никогда не составимъ и теоріи подробностей ихъ совершенно полной и безусловной (абсолютной). Следовательно: намъ должно отказаться отъ теоріи, какъ вѣднія некоего? Ничего. Имѣя главныя основныя истины, мы безпрестанно дополняемъ и совершенствуемъ ихъ практикою. Такъ, напримеръ, въ общественной жизни: законъ никогда и нигдѣ не бывалъ въ обществѣ вѣчнымъ и неизмѣннымъ въ частностяхъ, и не можетъ быть. Но увѣрьтесь однакожъ, что основныя истины его намъ уже ископи вѣдомы. Понятія о добрѣ и злѣ, преступленіи и наказаніи, правѣ собственности, подчиненіи

неніи законной власти — вотъ неизмѣнныя истины всякаго быта общественнаго. Такія истины есть у насъ для всѣхъ знаній; онѣ составляютъ теорію ихъ, и онѣ должны быть и есть для литературы. Основныя истины измѣняются, уравниваются, совершенствуются въ приложеніи. Но, горе обществу безъ теоретическаго приложенія законовъ — горе и литературе, если она захочетъ отвергнуть всѣ теоретическія правила! Противники теорій ссылаются на Латинскую литературу и Французскій Классицизмъ. Мы укажемъ имъ на противоположный примѣръ, находящійся передъ глазами: современныя литературы Французскую и Нѣмецкую — жалкіе примѣры безумнаго своеволія, которые горькая опытность невольно ведетъ нынѣ опять къ теоріи.

Все недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что теорія не должна предписывать предѣловъ практической жизни. Пусть жизнь развивается свободно и разгульно. Но теорія должна слѣдовать за нею, прилагать судъ свой ко всѣмъ ея явленіямъ, и непрерывно указывать ей, гдѣ она сбивается съ пути и отстаетъ отъ закона. Таково назначеніе *Эстетики* и *Критики* въ литературу, повѣряющихъ теоретическія правила свои исторією прошедшаго и практикою настоящаго. Онѣ тоже въ литературу, что *Правовѣдніе* въ общественной жизни.

Литература каждаго народа есть часть его полной жизни, и следовательно, она подчинена всѣмъ условіямъ жизни его — одинакимъ для человека и для народа. Каждый народъ, какъ явленіе Человѣчества, рождается, живетъ и умираетъ. И литература каждаго народа, вмѣстѣ съ нимъ, рождается, младенствуетъ, живетъ, растетъ, старѣется, дряхлѣетъ и умираетъ. Какъ народъ, такъ и литература его, въ разнообразныхъ явленіяхъ, всегда остаются вѣрны общей идее міровой жизни. Разсмотрите исторію и литературы умершихъ народовъ, Индійцевъ, Грековъ,

Римлянъ, и вы увидите точки сродства, или тождества ихъ исторій и литературъ съ современными намъ явленіями.

Для разрѣшенія теоретическихъ задачъ и приложенія законовъ теоріи къ практикѣ въ литературѣ того или другаго народа, потребны глубокое изученіе общей исторіи литературъ, познаніе истинъ теоретическихъ въ современномъ ихъ состояніи, и наконецъ вѣрное понятіе о времени и мѣстности той или другой литературы. Такъ, на примѣръ, если вы будете смотреть на современную Французскую литературу, какъ на дряхлость умирающаго образованія, приложите къ ней сужденія Классической критики, и станете судить ее, какъ литературу Пьемонтскую или Англійскую — вы во всемъ ошибетесь. Но прилагая сужденіе высшей Эстетики къ Французской современной литературѣ, какъ *переходу отъ Классицизма* къ идеямъ болѣе высокимъ и правильнымъ, и смотря притомъ на Французское образованіе, какъ на происходящее отъ Южно-Латинскаго и Католическаго, а потому, по природѣ своей Классическое, вы можете вывести результаты вѣрные. Тогда оцените вы заслуги Гизо, Кузена, Вильмена, Ламартина, Шатобріана, Де-Виньи, Дюма, Бальзака, Пизара, увидите, откуда и какимъ образомъ происходятъ ихъ ошибки и недостатки, и къ чему должны они довести общность современной литературы Французской.

Утвердимъ изъ всего изложеннаго нами вѣрный результатъ: *приложеніе теоретическихъ условій въ литературѣ необходимо*, ибо оно есть повѣрка видимыхъ практическихъ явленій каждой литературы.

Литература, разсматриваемая, какъ *часть бытія* каждого народа, какъ *часть его жизни*, должна являть собою жизнь и движеніе, слѣдовательно, и яркое разнообразіе ихъ. По непремѣнному условію жизни, она должна представлять добро и зло, ибо

такъ бываетъ въ жизни природы и чловѣка; свѣтъ необходимо противопоставляетъ тьмѣ, а добро зло, такъ же, какъ отрицательное при положительномъ. Отсюда тысячи уклоненій, злоупотребленій, ошибокъ, коими ознаменовывалась каждая литература, и которыя служили потомъ поученіемъ чловѣку и дополненіемъ открываемыхъ имъ истинъ. Здѣсь-то особенно важно приложеніе теоріи, какъ средства исправлять зло и направлять его къ добру.

Въ каждой литературѣ находимъ мы три составныя стихіи: внутреннюю ея сторону — *идеи искусства*; вѣшную сторону — *формы искусства*, и, наконецъ, средство, коимъ проявляются идеи въ формахъ. Это средство есть *языкъ* *каждаго народа*, способъ проявленія идей и формъ литературныхъ. Теорія искусства равно касается *языка*, какъ *идей* и *формъ*.

Напрасно иные думаютъ и говорятъ, что языкъ живаго народа не допускаетъ правилъ неизмѣнныхъ; что грамматика должна слушаться народа; что обычай тиранъ (*usus est tyrannus*). Здѣсь ошибка таже, какую замѣтили мы выше: Грамматика есть *теорія языка*, и она не должна только предписывать самовольныхъ правилъ, но, изыскивая основные законы *каждаго языка*, должна повѣрять ими практику и указывать ей ошибки, въ тоже время сама совершенствуясь практикою. Какъ нѣтъ абсолютной теоріи для частныхъ литературы, такъ нѣтъ и абсолютной грамматики для всѣхъ дробей языка. Но грамматика для всякаго языка есть, и есть въ ней неизмѣнные и вѣрные общіе законы, которыми должна подчиняться практика. Если грамматика не объемлетъ притомъ какого либо практическаго явленія въ языкѣ, такой недостатокъ доказываетъ, что грамматикѣ должно имъ дополнить, или что явленіе неправильно, и въ послѣднемъ случаѣ своеволю практики должно уступить выводу теоріи языка. Грамматика *каждаго народа* совершенствуется постепенно, и ни-

какіе переходы его ей нечужды, а въ слѣдствіе сего, она имѣеть и право закона надъ практикою.

Каждый языкъ, происходя отъ какого либо языка кореннаго, имѣеть свое начало, свое дѣтство, свое полное развитіе, и наконецъ предѣлъ своего бытія. Грамматика слѣдуетъ за нимъ неизменно. Она приводитъ въ теорію практику, когда языкъ получилъ уже самобытное образованіе; указываетъ потому на его пріобрѣтенія и злоупотребленія при жизни, и дѣлается его некрологіею, когда языкъ пересталъ существовать практически, оставаясь только въ исторіи литературы того или другаго народа.

Каждый періодъ жизни народа, выражался въ литературу, выражается и въ языкъ. И какъ бы ни велики были переходы и причиняемыя ими реформы, у грамматики достанетъ силъ привести ихъ въ правила, вывести новые частные законы, и — важное условіе — отделить зло отъ пріобрѣтеннаго добра, дабы тѣмъ вѣрнѣе указать путь къ новымъ усовершенствованіямъ и пріобрѣтеніямъ. Ихъ будутъ опять сопровождать новое зло, новыя ошибки, но грамматика живетъ вмѣстѣ съ жизнію народа и его литературы, и она опять приметъ за работу въ свой чередъ и въ свое время, или, лучше сказать, она никогда не прекращаетъ своей работы. Здѣсь заключается условіе вѣчной борьбы закона и воли теоріи и практики, въ чемъ состоятъ бытіе и жизнь природы, человека и общества.

Такимъ образомъ выводимъ мы второй результатъ изъ излагаемыхъ нами мыслей: теоріи необходима въ языкъ каждаго народа, какъ средство проявленія идей и формъ литературныхъ; она должна быть повѣркою практическихъ явленій его, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ явленія его могутъ и должны быть подводимы подъ законы теоріи.

Обращаемся къ собственному предмету нашихъ изслѣдованій — Русской Литтературѣ. Всѣ выведен-

ныя нами истины должны быть и суть и для нея истины. Иначе нельзя.

Если мы хотимъ познать сущность литературы языка нашего, увидѣть ихъ современныя ошибки и недостатки, и изыскать средства для отвращенія того и другаго, намъ необходимо познаніе исторіи и теоріи ихъ, чего нельзя сдѣлать, если прежде всего не опредѣлить мѣста и времени своего, и что можетъ показать намъ только всеобщая исторія и всеобщая теорія литературы и языковъ.

Н. ПОЛЕВОЙ.

Л Ъ Т О П И С Ъ

Русскихъ Журналовъ за 1839 годъ.

Мы, право, не виноваты, что Летопись Журналовъ начнемъ на сей разъ переборомъ второй книжки *Отечественныхъ Записокъ*. Онъ возбуждаютъ любопытство многихъ, какъ новинка, а журналъ живетъ новостью. Онъ и стоить особеннаго вниманія, какъ замѣчательное явленіе литературное. Избави насъ Богъ считать ихъ, не только главнымъ, но и какимъ бы то ни было, представителемъ настоящаго состоянія современной литературы Русской! По крайней мѣрѣ, ни первая, ни вторая книжка О. З. не оправдываютъ подобаго мнѣнія. Нѣтъ! О. З. замѣчательны совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, и говоря объ нихъ, какъ о новомъ литературномъ предпріятіи, мы надеемся услужить тѣмъ, кто еще не знаетъ ихъ. Если мы скажемъ о *Библиотецкѣ для Читателя*, на-примѣръ, что она неизмѣнимо *прослѣяла*, вслѣдствіе будетъ знать, что такое представляетъ Б. для Ч. въ нынѣшнемъ году, ибо кто не знаетъ Б. для Ч. прошедшихъ лѣтъ? Но О. З. еще столь немногимъ вѣдомы; на старое рѣшеніе дѣла при нихъ сослаться нельзя, и такъ — къ суду, милостивыя государыни, *Отечественныя Записки*! Извините: глубоко уважаемъ мы васъ, но прежде нежели займете вы почетное мѣсто въ Русской Журналистикѣ, позвольте посудить объ васъ *безъ пресудовъ*.

При второй книжкѣ О. З. похудали на цѣлыхъ *девять* листовъ; въ нихъ только 33, вмѣсто 42-хъ листовъ, но раздѣленіе ихъ остается прежнее, прежнія полныя восемь отдѣленій. Въ первомъ продолжается *Хроника Россіи*, то есть, выписки изъ Сенатскихъ Вѣдомостей и разныхъ журналовъ, безъ

всякой системы и порядка. Мы уже говорили о сей статьѣ; продолженіе ея не показываетъ усовершенствованія. Замѣтимъ только одну любопытную новость въ Хроникѣ: какой-то корреспондентъ О. З. увѣдомляетъ Хронику изъ Дерпта, что знаменитый астрономъ нашъ, г-нъ Струве, пересмотрѣлъ и выдалъ въ переводъ (Русскомъ?) «прежнее сочиненіе свое объ употребленіи *пожарнаго инструмента для географическаго опредѣленія мѣстъ!*» Диковинное извѣстіе! Мы знали объ *астрономическомъ* опредѣленіи, но въ первый разъ узнаемъ о *географическомъ*. А какъ употреблять для такихъ опредѣленій *пожарнаго инструмента*, мы усердно просили бы Хронику растолковать намъ пояснѣе. Мы не слыхивали даже до сихъ поръ о приложеніи и пользѣ пожарной трубы въ Географіи и Астрономіи, и — признаемся, какъ ни слѣдимъ мы за важными сочиненіями нашего знаменитаго Дерптскаго астронома, — о появленіи книжки, такой, о которой пишетъ Дерптскій корреспондентъ, мы ничего не знаемъ.

За статью, которою начинается отдѣленіе Наукъ; «Пріятіе Христіанства Славянскими народами до Кирилла и Меодія», мы сердечно поблагодарили Редактора О. З., потому, что она заставила насъ смѣяться. Это отрывокъ изъ 2-й части «Издѣдованій о Булгарахъ», Ю. И. Венелина. Авторъ утверждаетъ, что Славяне, задолго до Кирилла и Меодія, были Христіане, но это бездѣлица! У него выходитъ, что *Грулы*, *Гепиды* и *Готы* были *Славяне*, имѣли письменна при Августѣ Цесарѣ, и что переводъ Библии Улфила, епископа Готскаго, былъ *переводъ Славянской!* Мы, признаемся, смѣялись надъ такою путаницею словъ и мыслей, но издатель О. З. *насмѣхаются* надъ г-мъ Венелинымъ, увѣряя, будто «Издѣдованій» г-на Венелина, «любопытная книга, одно изъ глубокомысленныхъ твореній Русской ученой литературы» (твореніе литературы?!), и что «желая сколько нибудь познакомить читателей О. З. съ новостью доводовъ почтеннаго сочинителя, они просили его *украсить* журналъ ихъ отрывкомъ изъ печатаемаго имъ труда.» Не грѣхъ ли такъ издѣваться надъ ближнимъ? Впервые, *выводы* г-на Венелина давно уже извѣстны по изданной имъ 1-й части *Издѣдованій*, и давно уже оцѣнены по достоинству, какъ плоды страннаго направленія учености, въ родѣ Рудбека и Тредьяковскаго. Вовторыхъ, если и хотѣлъ Редакторъ О. З. по-

шутить надъ г-мъ Венелинымъ, за кого принимаетъ онъ читателей? Видъ иной не пойметъ шутки. — Другая статья въ отдѣленіи Наукъ: *О драмѣ*, соч. Арраго, весьма дѣльное, ученое изложеніе предмета, но годилась ли она для журнала? По нашему мнѣнію — нѣтъ. Объяснимся. Первый изъ Русскихъ Журналистовъ началъ печатать въ журналъ своимъ цѣлкомъ трагедіи, комедіи, романы и учебники г-нъ Сенковскій. Онъ напечаталъ, на примѣръ, цѣлкомъ въ Б. для Ч. двѣ комедіи Принцессы Амаліи Саксонской, комедію Скриба, романъ Бальзака, двѣ трагедіи Кукольника. Но намъ кажется, что помѣщая такіа сочиненія, журналистъ удаляется отъ цѣли и сущности журнала, который совсѣмъ не книга, и не библиотека романовъ и драмъ. Онъ равно не библиотека учебныхъ и ученыхъ сочиненій, излагающихъ предметы обширнымъ дидактическимъ образомъ: дѣло журнала дать понятіе, изложить кратко, упомянуть о главномъ, новомъ, представить отрывокъ, разобрать критически, и — только! Вы скажете, что статья объ инфузоріяхъ, на примѣръ, помѣщенная во 2-й книжкѣ Б. для Ч., весьма ученая и дѣльная. И мы согласны съ вами, но — она не журнальная, или послѣ сего надобно будетъ переводить въ журналы Герцелево сочиненіе объ Астропомині, изслѣдованія Савиньи о Римскомъ Правѣ, Нибурову Римскую Исторію, Гегелевы философскія сочиненія, и — мало ли есть книгъ, которыя не только можно, но даже должно бы перевести на Русскій языкъ, и которыя между тѣмъ совсѣмъ не журнальныя статьи. Десять листовъ, или половину книжки вашего журнала, вы уделяете инфузоріямъ, да инфузоріи не могутъ требовать такой жертвы, когда вашъ журналъ обязанъ обнять область Словесности, Наукъ, Искусствъ, Критики, Библиографіи въ своей книжкѣ, и читатели журнала совсѣмъ не требуютъ отъ васъ учебной систематики инфузорій. Пусть г-нъ Куторга издастъ свое сочиненіе отдѣльною книгою, а вы дайте намъ отчетъ на двухъ, трехъ листахъ объ его книгѣ. Тогда и авторъ сочиненія объ инфузоріяхъ и журналистъ исполнятъ свое дѣло и назначеніе. Въ слѣдствіе всего изложеннаго, мы полагаемъ, что статья Арраго, ученая, но сухая, тяжелая, огромная, изложенная дидактически, для журнала не годилась. Она заняла сел-десять страницъ мѣлкой печати, и еще не кончилась, а только продолженіе ея обѣщано. Слѣдовательно, она можетъ занять

болѣе 200 страницъ въ О. З., а это — слишкомъ много! — Отдѣленіе Словесности въ сей книжкѣ все запято романомъ г-на Александрова (Дѣвица-кавалеристъ), *Пасильонъ* — цѣлая книга, въ 140 страницъ, что составитъ листовъ 15-ть обыкновенныхъ! Къ тому въ доплюшку пошла какая-то маленькая сатира, которую Гете, въ молодости своей, лѣтъ семидесяти тому, написалъ на Виландову Альцесту. Согласитесь, что такая статейка не представляетъ большаго интереса въ наше время. — Стихотвореній находимъ четыре. Опять является намъ г-нъ Лермантовъ съ прекрасною, полною мысли и огня пьесой: *Поэтъ*. Уподобленіе поэта кинжалу, шпирискѣ, повѣшенной на стѣнкѣ среди роскошной мебели богача — превосходно!

Въ нашъ вѣкъ изпѣженный, не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначеніе,
На злато промѣнялъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ твоимъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ пужень былъ толпъ, какъ чаша для шировъ,
Какъ оніамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И, отзывъ мыслей благородныхъ,
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
По скученъ намъ простой и гордый твой языкъ.
Насъ тѣлнуть блески и обманъ;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Нль никогда на голосъ мщенія
Изъ золотыхъ поженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

По О. З. и за стихи г-на Лермантова, заставляютъ читателей прочитать стихи г-на Баратынскаго и г-на Бенедиктова. Боже великій! что это такое? Неужели *Баратынскаго* стихи! А мысль ихъ?... Тонъ страшна *беломошная погъ*, *свособольное владѣніе раскованной летки*, съ легкокрылыми грезами, дѣтскими волшебной тѣны, но съ нѣтъ фантазін, *счастливый баловень благодатныхъ фрей, всеелій сельмилинь духовнаго міра*, привычный гость на пиръ неослазасмихъ властей, бонтея земныхъ

суеть, заботь юдольныхъ. *Госпись этого призрака рукою (?)*, онъ исчезнетъ, и передъ тобой откроются *врата злойной об-ласти*, и твой ужасъ *умилится заблужденно* чувствъ. — Г-нъ Бенедиктовъ совѣтуетъ читателю —

Окончивъ день тревожный свой
Съ его заботой и страдаемъ,
Уставъ измученной душой

предаться *безднмъ небесъ, скрѣпить крылья мысли своей уз-ломъ святаго упованья*, и ее, *безъ одьянья, пагую, утопить въ небы*. Тогда *выпецъ благовонья оледенитъ чело*, трепеть подыметъ власы, слеза сверкнетъ въ глазахъ —

И ты постигнешь, какъ отрадно
Душей купаться въ небесахъ!

Но, кто же *купается связанный?* И развѣ *тонить* значить *купаться*, и что за наслажденье, когда чело леденеетъ, отъ трепета поднимаются волосы на головахъ и на глазахъ являют-ся слезы? О поэтъ, поэтъ съ истиннымъ, прекраснымъ даро-ваніемъ! что вы дѣлаете изъ своего таланта, прекраснаго Божьяго дара! До чего доведетъ васъ ложная дорога, какую взяли вы въ поэзіи! ... — Вотъ о г-нѣ Гребенкѣ мы и слова не скажемъ: онъ *признается*, что у него на югъ осталась *коханка, полная дѣственной силы* (!). Эта коханка — Украй-на. И развѣ она непохожа на дѣвушку? *Небеса ея* (стало въ Украйнѣ два неба?) — глаза; поля у нея — *Днѣпръ*; зеле-ная одежда ея — *степи* (хоть онъ и не зеленыя); кудри ея — *шивы* (хоть, право, между *шивой* и *кудрями* мы сходства не видимъ). Здѣсь не скажете съ Горациемъ: *ut pinctura poesis*; никакой живописецъ не возьмется изобразить на картинѣ коханки г-на Гребенки! — Но обратимся къ Домоводству и Промышленности. Переходъ отъ поэзіи къ индустріи кстати; нашъ вѣкъ индустріальный. Къ сожалѣнію домоводовъ, про-долженія обѣщанной статьи о трюфеляхъ нѣтъ; се замѣнила, какъ видно, статья о *Басурманѣ* г-на Лажечникова... Ахъ! извините: статья г-на Усова *О промышленности Сельскомъ Хозяй-ствѣ въ Голштиніи*. Только объ этомъ Хозяйствѣ тутъ вы ничего не найдете. Вся статейка составляетъ шесть страни-чекъ — переводъ съ Англійскаго: какой-то Англичанинъ удив-ляется конюшнямъ и скотнымъ дворамъ въ помѣстьхъ Кливен-

тъкъ, близъ Кляя, и *шестью страницами* ограничилось на сей разъ все отдѣленіе *Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще*. А что бишь такое обѣщали въ немъ издатели? Да, не мало: «1-е, Новые опыты и изобрѣтенія, способствующія улучшенію домашняго быта и удобствъ жиз-ни; 2-е, статьи, относящіяся къ Сельскому Хозяйству, Горно-му дѣлу, фабричнымъ производствамъ и торговлѣ, представля-ющія нынѣшнее состояніе и способы къ развитію и усовер-шенствованію сихъ источниковъ государственнаго богатства Россіи; 3-е, обзорніе выставокъ произведеній въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; 4-е, новыя открытія и улучшенія по всемъ отраслямъ промышленности, съ разборомъ и примѣненіемъ сихъ нововведеній къ пользамъ Русскихъ сельскихъ хозяевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ; 5-е, описанія разныхъ произ-водствъ, употребляемыхъ въ Россіи и за границею, съ ука-заніемъ выгодъ и удобствъ того, или другаго; 6-е, разсужде-нія о торговыхъ видахъ на новыя предпріятія, и указаніе и объясненіе новыхъ путей къ сбыту, или заготовленію.» — Намъ кажется, что статьею о трюфеляхъ, и о томъ, какъ въ Голштиніи производятъ ягпятамъ *привиску огня подъ хвостомъ* (О. З. отд. V, стр. 11) обѣщанія издателей не выполняются удовлетворительно. — Отдѣленіе Художествъ также очень сжа-лось въ нынѣшней книжкѣ О. З. — Въ немъ нашли мы толь-ко продолженіе статьи о Русскихъ художникахъ, а въ этомъ продолженіи — *рассудки* произведеніямъ гг. Варника и Дему-та-Малиновскаго, съ выпискою изъ какой-то учебной книж-ки о томъ, что такое гравированье. — Но читатели могутъ утѣшиться отдѣленіемъ Библиографіи и Критики. Въ пер-вомъ извѣстіи *о пятидесяти одной книгѣ*, на 104-хъ страни-цахъ. О. З., что называется, *разгулялись* тутъ — достается отъ нихъ тѣмъ, кто имъ не правится, и очень многому можно тутъ поучиться! Въ Критикѣ, на 46 страницахъ мѣлкой печат-ки, доказываютъ вамъ, что *Басурманъ* г-на Лажечникова, «сливая всѣ лучи критики въ фокусъ», — явленіе, «которому подобнаго и ничего не было въ произведеніяхъ другихъ Рус-скихъ романистовъ» — лица въ немъ *типическія*, самъ романъ *художественное цѣлое и романически-замыслительное* — *перво-классное твореніе Русской литературы*, явленіе отрадное, *рав-ное*... Рука наша не смѣетъ двигаться впередъ, но мы по-вторяемъ чужія слова, и грѣхъ остается не на нашей душѣ —

«равное» — извините, это не мы говоримъ — «равное Борису Годунову Пушкина!»... Для доказательства, критикъ начинаетъ статью такъ: «Чувство удовольствія, доставляемое изданными произведеніями, выражается всегда почти восклицаніями — вотъ почему во вступленіи нашемъ вы находите два восклицательные знака.» Потомъ критикъ начинаетъ съ лицъ Леды, какъ говорится: «Первый вѣкъ человечества—вѣкъ героическій. Жители туманной древности,» и проч. и проч., да и пошелъ, да и пошелъ — какъ фейерверкъ: и философія, и грамматика, и исторія романа, и брань на Булгарина, и осужденіе Полеваго и Загоскина, и объявленіе, что г-нъ Лажечниковъ «общимъ мнѣніемъ признанъ первымъ Русскимъ романистомъ!» Впрочемъ, критикъ согласенъ, что *Ледяной Домъ* былъ подражаніе Сень-Мареу Альфреда де-Виньи; что въ *Басурманъ* прологъ, три первыя главы романа и послѣдняя слабо связаны и едва ли даже нужны; что авторъ завязалъ три завязки, изъ коихъ двѣ потомъ бросилъ не развязавши, а третью раздѣлилъ на двѣ идеи, и тѣмъ ввелъ двойственность интереса, невозможную въ романѣ; что герой романа «крошечекъ, на который авторъ повѣсилъ портретъ Иоанна III-го;» что происшествія въ романѣ не связаны, почти всѣ характеры не выдержаны, многія лица лишніа, слогъ слишкомъ изысканъ, прензобилуетъ многословіемъ и изысканностью, и наконецъ, что реформа, вводимая авторомъ въ Русское правописаніе, ни къ чему не годится. Если такъ, такъ за что же г-нъ Лажечниковъ попадаетъ въ первые романисты Русскіе? За что критикъ «бить челомъ автору, да напишетъ онь поскорѣ своего Колдуна на Сухаревой Башнѣ?» За что? Мы не знаемъ. Можетъ быть, критикъ такой же великій знатокъ въ Логикѣ и Эстетикѣ, какъ и въ Русской Грамматикѣ. А, признаваясь, грамматическія его свѣдѣнія болно недалеки. Между тѣмъ, онь входитъ въ большія изъясненія о правописаніи Русскомъ; удивляется, что у насъ три ненужныя буквы: І, Ѳ, Ъ; недоумѣваетъ, почему пишутъ: *происшествіе, исчезъ*, а не *происшествіе, исчезъ*. Всего важнѣе слѣдующее замѣчаніе критика Отеч. Записокъ: «Сколько противорѣчій у однихъ и тѣхъ же писателей, которые называютъ себя законодателями языка! Напримеръ, они пишутъ: *Ладожскій Рижскій, Коллежскій, Острожскій, Вужскій*, слѣдуя коренному закону въ Русскомъ языкѣ, что буква Г въ окончаніи

слова, при измѣненіи его, должна превращаться въ Ж (лягу, лжесин, кругъ, кружка, округъ, окружскій), но никакъ не хотятъ писать: *Кремленужскій, Петербуржскій, Оренбуржскій*, какъ будто этихъ словъ нельзя подвести подъ тоже правило. Вамъ говорятъ, что трудно произнести: *Петербуржскій*; не знаю, почему легче произносить: *Петербурескій*? Скажутъ, окончаніе *бурж* иностранное; согласенъ, однакожь вы измѣняете слово, къ которому оно приставлено, такъ измѣняйте же его сообразно законамъ языка, какъ усвоенное этому языку, а не какъ чуждое, приставляя къ нему *скій*, которое нисколько не обруситъ его. Если же вы почитаете невозможнымъ обруситъ иностранное слово, то есть, измѣнить по свойству Русскаго языка, такъ пишете же не *Рижскій, Ладожскій, а Ригаскій, Ладогаскій*, и не говорите, «Николаевъ, Александровъ, Петровъ,» потому, что Николай Александръ, Петръ, также не Русскія слова.»

Право, совѣстно спорить даже противъ доказательствъ почтеннаго критика, но онь ихъ печатаетъ, и много, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сбить съ толку, какъ будто и дѣло говорить. Мы принуждены сказать нѣсколько словъ, хоть никакъ не думали, чтобы намъ пришлось давать уроки грамматическіе *Учено-Литтературному Журналу*, какъ называется онь на заглавномъ листѣ. Мы назвали замѣчаніе критика объ измѣненіи Г на Ж *важнымъ*, и именно потому, что оно открываетъ намъ, на какихъ основаніяхъ пишутъ теперь въ О. З. и въ *Литтер. Прибавленіяхъ* — «Петербургскій, Мекленбургскій» — даже «Герцогство».

Безспорно, что коренное свойство Русскаго языка требуетъ измѣненія звука Г на Ж въ производныхъ, и мы говоримъ и пишемъ: Богъ—*Божій*, пирогъ—*пирожный*, Калуга—*Калужскій*, острогъ—*острожскій*, и *сугружество, утюжить*, хоть коренныя слова ихъ: «супругъ, утюгъ». Но критикъ О. З. забылъ, что при всѣхъ почти правилахъ бываютъ исключенія, къ которымъ привыкъ, съ которыми такъ сроднился слухъ нашъ, что Грамматика должна такія исключенія принять закономъ. Мы говоримъ и пишемъ: *Парижъ, Мексика, Людовикъ*, и не должны уже писать: *Пари, Мехика, Луи* хоть послѣднее и правильнѣе. Такъ и въ измѣненіи Г на Ж, мы говоримъ и пишемъ: *роговой, роговая, розатый, круговой, круглый*, хотя и надобно бы писать и говорить: «ро-

принимаютъ только *смысль парчій*, а не составляютъ *прямыя парчій*. Критикъ О. З. указываетъ на фразы: «Слѣдствіе закона — ксожальнію онъ не понимаетъ — въ заключеніе всего должно бы.» Но явно, что здѣсь только *смысль парчій* приданъ именамъ: *слѣдствіе, сожальніе, заключеніе*, и полныя парчій составляютъ здѣсь сін слова только вмѣстѣ съ слѣдующими: *закона, всего*, и слѣдственно, если здѣсь сливать слова, то надобно уже сливать такъ: *слѣдствіе закона, заключеніе всего*, что будетъ такая же нелѣпность, какъ сліянніе парчій: *пытюгеноранопутру, ссилъныментво, мкрига*, ибо въ одномъ пять словъ, въ другомъ четыре составляютъ собственно *смысль одного парчій*. Намъ надобно будетъ послѣ сего сливать слова: *высокаягородскаякстляна, пушечналицуржескаяпаллаба, ссамыльдобрыймиапреніемъ*. — Замѣтьте, что сливаются у насъ слова только тѣ, которыя образуютъ парчіе чистое, и иначе написанныя представляютъ другой *смысль*. Къ *статии, въ льсто, въ прохель, отъ гаси*, требуютъ дополненія другихъ словъ, и безъ нихъ *смысль ихъ* неполонъ, когда написанныя: *кстати, слисто, впрохель, отгаси*, они окончательно полны. А *въ слѣдствіе, къ сожальнію, въ заключеніе*, имѣя *смысль парчій*, въ то же время представляютъ собою полный *смысль отдѣльный*, какъ имена. По тому, и замѣняя парчій, и употребляясь, какъ имена, они должны писаться одинаково.

Пора однакожь кончить. Мы замѣтимъ еще только одно, какъ опибуется тѣ, кто повѣритъ всякому нововодителю, безъ повѣрки словъ его законами языка, и какъ различны грамматическіе реформаторы О. З. отъ людей, подобныхъ Гречу, надъ трудами которыхъ они осмѣиваются насмѣхаться въ своихъ статейкахъ.

Книжка О. З. заключается *Смѣсю*. Мы просили бы редактора избавить въ Смѣси отъ анекдотовъ, въ родѣ анекдота о Суворовѣ. Что за нелѣпый такой анекдотъ: въ Декабрѣ 1783 года, Суворовъ, бывши въ Астрахани, призываетъ къ себѣ почю священника, идетъ съ нимъ въ церковь, самъ одѣтый въ солдатскій муцирѣ, а супруга его въ сарафанѣ, молится Богу, кланяется въ поги священнику, и проситъ его примирить съ женою и совѣстью. Священникъ ставитъ Суворова рядомъ съ женою, читаетъ надъ ними *разрѣшительныя молитвы* и приобщаетъ ихъ Св. Таниъ. — Еслибы та-

кой анекдотъ былъ и правда, къ чему онъ? Во вторыхъ, онъ лѣпная нелѣпность: какія *разрѣшительныя молитвы* могъ читать священникъ надъ мужемъ и женою, въ чемъ могли онъ состоять, и какъ могъ онъ безъ пригготовительнаго поста приобщать здоровыхъ людей? Въ третьихъ, наконецъ, въ 1783 году, Суворовъ и не былъ въ Астрахани. Онъ съ 1782 года былъ на Дону, присоединялъ Кубанцевъ къ Россіи, за что и награжденъ орденомъ Св. Владиміра, 18-го Іюля 1783 года, а потомъ дрался съ Крымцами, ходилъ на Кубань, и зимовалъ въ Копылахъ, прекращая зимою язву на Дону. — Зачѣмъ же клепать небылицы на великаго героя нашего?

Ну, а *Иностранная Литтература*, обѣщанная въ каждой книжкѣ О. З., почему ничего не говоримъ мы объ ней? Потому что О. З. на сей разъ не разсудили ни слова говорить объ ней. Но за то книжка О. З. заключается *Объявленіемъ*, которое такъ любопытно, что мы выписываемъ его здѣсь, съ примѣчаніями:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«На *Отеч. Зап.*, какъ на редакцію вообще, такъ и на сотрудниковъ отдѣльно, послѣ появленія 1-й книжки сего журнала, и въ особенности до появленія ея, сдѣлано было достаточное количество гласныхъ и негласныхъ, прямыхъ и косвенныхъ нападеній.»

Но *гдѣ же и когда?* Было нѣсколько шутокъ и дѣльных замѣчаній въ Свѣ. Пчелѣ, и былъ разборъ *первой* книжки О. З. въ С. О. — Больше мы ничего не видали.

«Многіе благомыслиціе люди извѣщали Редакцію, что *эти* нападенія приводятъ въ недоумѣніе читателей, *особенно въ провинціяхъ*, гдѣ неизвѣстны всѣ закулисныя тайны чернильнаго міра; что многіе спрашивали: какъ *осмѣливаются* литературные промышленники взводить *невстропитыя, столь же нелѣпныя, сколь и грубыя небылицы* на изданіе, въ которомъ участвуютъ *первыя, весьма безпрекословно уважасяице Русскіе литераторы и ученые*, когда вся Редакція, всѣ участники на лицо, и могутъ *однимъ словомъ* опровергнуть *герную клевету*, на нихъ взводимую.»

Воля ваша, а благомыслиціе люди, о которыхъ говоритъ Редакція О. З., *листуфировали* ея! Какъ могли въ провин-

цяхъ спрашивать о *черныхъ клеветахъ, исцельныхъ и срубныхъ небыллицахъ*, когда ничего подобнаго не было? Помнится, О. В. Булгаринъ, по поводу объявленія, что О. З. «обезпечены денежнымъ капиталомъ», писалъ, что деньгами хорошаго журнала не составите. Развѣ это клевета? Онъ же писалъ, по поводу открытія особенной конторы для подписки на О. З., и того, что въ сей конторѣ *можно полугать ось книги*, что онъ заходилъ въ контору и видѣлъ въ ней *пустыя полки*. Развѣ это небыллица? Если же были гдѣ и побудь клеветы и небыллицы, и редакція О. З. можетъ *опровергнуть ихъ однимъ словомъ*, для чего не произнесетъ она такого роковаго, громоваго слова: «*Изгнать—изгнать!*» и концы въ воду?

«Посему Редакція О. З. находится вынужденною объявить одинъ разъ на всегда своимъ читателямъ слѣдующее: О. З. предприняты не для перебранки съ той промышленностью, которая, подъ личиною литературныхъ правъ, старается для своихъ корыстныхъ видовъ *уронить всякаго писателя*, уважающаго свое званіе, и непричастнаго книжноторговьимъ сплетнямъ и спекуляціямъ на легковѣріе читателей».

Нѣтъ! оставить такую отвратительную промышленность безъ преслѣдованія было бы несправедливо, и для чего же отдѣленіе *Критики и Библиографіи* въ О. З.? Нѣтъ! преслѣдуйте, гоните пошлаго рюмача, и пристрастнаго журналиста, и бездарнаго романиста, и мнимаго ученаго! На то журналы, и такое справедливое дѣло такъ же далеко отъ перебранки, какъ В. Скоттъ отъ г-на Лажечникова, и Французское (запретное) Обзоріе отъ О. З.

«Съ другой стороны, благосклонный пріемъ О. З. публикою показываетъ, что время *спекуляторовъ* прошло»...

Странно, какъ могли издатели О. З. знать о *благосклонномъ пріемѣ* публики, когда ихъ журнала вышла только одна книжка, и слѣдственно, мнѣніе публики не могло еще образоваться — Кстати, если издатели О. З. словомъ: *спекуляторъ*, хотѣли означить людей, которые дѣлаютъ торговля спекуляціи, то надобно было сказать: *спекулянтъ*.

«Что читатели начинаютъ ясно видѣть проказы *этихъ* господъ, и отличать настоящую литературу отъ биржевой, труды въ полномъ смыслѣ литературныя, отъ дерзкихъ усн-

лій нажитья посредствомъ литературы, какимъ бы то ни было способомъ; что наконецъ, рано или поздно, восторжествовать благонамѣренность и усердіе къ общей пользѣ, а *коммергеская* литература, безславящая настоящую, погрузится въ забвеніе, изъ коего никогда не должна была выходить для чести Русскаго слова.»

Сердечно желаемъ, по еще не видимъ исполненія. И теперь выходятъ плохіе романы, длинныя переводы, сборники вздоровъ подъ именемъ хозяйственныхъ книгъ, компіляціи подъ именемъ лексиконовъ. Конечно, у насъ итъ еще такихъ спекуляцій, какія бываютъ во Франціи, гдѣ, напримеръ, за изданіе журналовъ принимаются, какъ за торговое дѣло, занимаютъ знаменитыя имена, подкупаютъ хвалителей, открываютъ лавочки для продажки, разсылаютъ огромныя, хвастливыя объявленія... Слава Богу, у насъ *такихъ дѣлъ* въ литературѣ не видно, но за чѣмъ издатель О. З. называютъ *биржевою* и *коммергескою* спекуляціонную литературу? Тѣмъ и другимъ названіемъ означаются у насъ почтенныя запятія купца и негодяита, и употребляя слова не въ настоящемъ смыслѣ, можно оскорбить неумышленно.

«За симъ, единственнымъ отвѣтомъ Редакціи на всѣ затѣяныя, явныя и тайныя выдумки господъ нелитературныхъ промышленниковъ будетъ *самое изданіе Отет. Записокъ.*»

Именно — это будетъ самый благородный и вѣрный отвѣтъ. Желая искренно добра О. З., что могутъ видѣть они изъ нашего добросовѣстнаго разбора, мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемся, что до сихъ поръ О. З. еще весьма неудовлетворительно исполняютъ свое обѣщаніе. *Вторая* книжка ихъ безспорно плоше первой, а и *первая*, какъ мы видѣли прежде, порадовала читателей только хорошенькою новѣстью и двумя, тремя стихотвореніями. Гордая самоуверенность ничего не доказываетъ. При обширномъ объемѣ книжекъ, при участіи «извѣстѣйшихъ Русскихъ ученыхъ и литераторовъ, понменованныхъ и непоменованныхъ въ прогнраммѣ» (слѣдственно, числомъ *ста двадцати семи* не ограничивается число сотрудниковъ О. З.), при участіи, повторяемъ, «первыхъ, всѣми безрекословно уважаемыхъ Русскихъ литераторовъ и ученыхъ,» О. З. могутъ сдѣлаться истинно ученымъ и литературнымъ, превосходнымъ Русскимъ журналомъ. Но для того надобно имъ совершенно измѣнить многое. Не такую

артикулу, не такую критику художественную надобно имѣть. Не отрывкахъ и Голштинскихъ маслостойныхъ надобно имѣть писать въ отдѣленіи Промышленности. Не забавные парадоксы г-на Вепелина выдавать за ученые труды. Не какомунибудь роману должно посвящать страницы Критики. Не стихи г-да Гребенюкъ и Туманскихъ, не старье Нѣмецкое и Испанское, не такія оригинальныя повѣсти, какія въ 1-й и 2-й книжкахъ, надобно имѣть помѣщать въ Словесности. Нѣтъ! пусть они дадутъ намъ стиховъ Жуковскаго, Крылова, Глинки, Хомякова, Бендиктова, Баратынскаго, Давыдова, Розена, или прозы Гоголя, Дала, Князя Одоевскаго, которыя стоили бы вниманія не за одинъ имена, подъ ними подписаныя. Пусть дадутъ намъ ученыхъ статей: по Философій — Велманскаго и Ястребцова; по теоріи Словесности — Никитенки; по части Физическихъ и другихъ положительныхъ наукъ — Брашмана, Буляковскаго, Перевошикова, Гесса, Куторги, Паррота; по части Филологій и Исторій — Шульгина, Востокова, Кеппена, Снегирева; по Военной Исторіи — Данилевскаго; по части коммерческихъ свѣдѣній — Небольсина (всѣ упомянутые нами, уважаемые и почтенные литераторы и ученые названы въ программѣ О. З. *участниками* сего журнала). Поле отечественной Исторіи, великіе труды Европейцевъ по Философій и Исторіи, любопытные современные, теоретическіе вопросы въ Словесности и Эстетикѣ, безпрерывныя открытія въ Физикѣ, Химіи, Механикѣ, обзоры новыхъ важныхъ явленій художественныхъ и литературныхъ въ Европѣ и Россіи; дѣльная, основательная критика, обращенная на важнѣйшіе предметы литературы Русской и иностранной — вотъ *исключено* изъ того, что можетъ запалить, увлечь вниманіе читателей О. З., поставить сей журналъ примѣромъ другимъ Русскимъ журналамъ, оправдать его великолѣпныя программы и объявленія. Искренно желаемъ, чтобы все это показали слѣдующія книжки, на которыя съ особеннымъ удовольствіемъ обратимъ вниманіе наше, ибо цѣль наша — общее добро и честь Литературы Русской, главныхъ дѣйствователей которой О. З., такъ смѣло, называютъ своими *сотрудниками* и *товарищами*...

Мы получили наконецъ изъ Москвы первую книжку Московскаго Наблюдателя. Слухи не обманули насъ. Наблю-

датель выходитъ съ новаго года ежемѣсячно, толстыми книжками. Въ первой 22 листа. Онъ дѣлится на семь отдѣловъ, общаетъ *Словесность*, *Науки*, *Критику*, *Библиографію* (Русскую и иностранную) и *Смѣсь*. Кто редакторъ его — не знаемъ. Изданіе принялъ «типографчикъ Н. С. Степановъ, который, по словамъ Наблюдателя, «владѣетъ всѣми матеріальными средствами къ внутреннему и вѣншему улучшенію журнала.» — «И въ *внутреннемъ*? Поздравляемъ добрую Москву съ Русскимъ Франклиномъ и Ричардсономъ, которые также были типографчики. Признаться, мы что-то худо понимаемъ, что это такое: *матеріальныя средства въ внутреннемъ улучшеніи*? Вѣроятно, *интеллектуальный конкретизмъ*, которымъ г-нъ Степановъ выведетъ индивидуальное Я Наблюдателя въ реальное Я = не Я, изъ безусловнаго абсолютизма, въ какомъ находился онъ въ прошедшемъ году. Даруй, Гегель, успѣха!

Читатели, живущіе *призрачною* жизнью *прекраснодушья*, извинять насъ за непопятный языкъ. Что дѣлать! Съ волками надобно вѣтъ, по старой пословицѣ.

Оставя шутки, скажемъ, что въ прошедшемъ году Наблюдатель представлялъ какое-то странное явленіе. Онъ явился какимъ-то вздорливымъ юношею, а что всего хуже пустился въ Философію, и при концѣ года могъ сказать:

О Философія! ты срезала меня!....

Подлинно *срезала*! Мы упоминали въ нашемъ обзорѣнн Русской Литературы 1837 года (С. О. кн. I), что не знаемъ даже: живъ или скончался Наблюдатель? Онъ мертвъ былъ на ту пору, но въ Мартѣ, когда оживаетъ вся природа, ожилъ и онъ, и первымъ словомъ его было грозное восклицаніе на другихъ:

Не умеръ я, благодаря судьбу!..

Говорила некогда г-жа Простакова о своемъ супругѣ, что на него иногда «находить, батюшка, такъ сказать, столбнякъ — выпуча глаза стоитъ, какъ вкопанный, а какъ столбнякъ по-пройдегъ, то занесетъ такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.» Почти тоже случилось съ Наблюдателемъ: занесъ дичь, забросался во всѣ стороны, заговорилъ такимъ язы-

комъ, что не знали мы: смѣяться ли? жалѣть ли? Но то былъ сильный, кратковременный переломъ къ лучшему. Наблюдатель послѣ того снова умеръ, не дожидаясь зимы, теперь опять ожилъ, и сдѣлался совсѣмъ другой журналъ. Осталось отъ прежняго немножко раздражительности, немножко странности въ языкъ, но какое сравненіе съ прошлымъ годомъ! Въ первой книжкѣ дарить онъ насъ нѣсколькими хорошими стихами, двумя хорошенькими повѣстями, очень умною статью въ отдѣленіи Наукъ, прекраснымъ отрывкомъ изъ путешествія... И этого довольно для книжки, если бы остальное и не соответствовало исчисленному нами. Впрочемъ, и въ солнцѣ есть пятна, а Наблюдатель не солнце, а развѣ комета безъ хвоста...

Мы не хотѣли шутить, а все не перестаемъ. На насъ могутъ осердиться. Перестаемъ, перестаемъ! Что дѣлать? Веселый часъ нашелъ — насъ разсмѣшили Литтературныя Прибавленія. — Какіе проказники! Вздумали они составлять микстуры для излеченія журналовъ (см. № 7, стр. 153), по рецепту какого-то доктора *Дойснъ-Доуель*, какъ говорятъ, но рѣшились сперва сами на себя испытать свою микстуру, и слѣдствіемъ пріема была статья на Сынъ Отечества, такая забавная, что когда мы прочитали ее, то невольно расхохотались... Позвольте, мы обстоятельнѣе поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ. Къ тому времени выйдетъ еще книжка От. Зап., а можетъ быть, и Наблюдателя, и мы кстати дадимъ вамъ отчетъ о томъ и о другомъ. Одно только тутъ скучно: надобно все прочитать, о чемъ пишешь, а вѣдь такой подвигъ не легокъ!

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ ЗА 1838 И 1839-Й ГОДЫ.

24. Акты Юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изданы Археографическою Коммиссіею. Спб. въ тип. 2-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1838 г. въ 4, VII, 4, 465 и 23 стр.

Должно сказать, что если донынѣ обязаны мы были просвѣщенному Правительству нашему изданіемъ *главнѣйшихъ источниковъ и пособій* Отечественной Исторіи, то никогда еще сіи пособія не являлись столь систематическимъ образомъ, столь быстро, и никогда предпріятія по сей части не были начинаемы въ столь обширномъ объемѣ, исполняемы съ такою Царскою щедростію, какъ нынѣ. Дивно, какъ возоблепному, нынѣ благополучно царствующему Монарху нашему представлено провидѣніемъ совершить многое *наглаголомъ* Петромъ! Еще сей преобразитель Русской земли мыслилъ о собраніи и изданіи Русскихъ письменныхъ памятниковъ, но *сто лѣтъ* протекло, и мысль его оставалась неполною, исполнялась медленно. Нынѣ воля Царя Русскаго встрѣтила ревностнаго исполнителя въ особѣ покровителя наукъ и знаний, Министра Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварова, и дѣло пошло истинно по Русски. Пока гдѣ нибудь во Франціи спорятъ объ расходахъ на изданіе отечественныхъ памятниковъ, Русскій Царь, не щадя издержекъ, воскрешаетъ для насъ память предковъ изъ забвенныхъ хартій, и Русская Исторія пріобрѣтаетъ богатые и драгоценные матеріалы въ самое краткое время. Не удивимся, если черезъ нѣсколько лѣтъ увидимъ главнѣйшія наши лѣтописи, напечатанныя вновь, въ превос-

ходныхъ издѣлїяхъ, удовлетворяющихъ всемъ требованїямъ просвѣщеннаго любителя отечественныхъ древностей и опытнаго критика. Да исполнятся надежды наши, а между тѣмъ, мы долгомъ почитаемъ обратить вниманїе читателей нашихъ на замѣчательное явленїе, которое ихъ вновь для насъ возбудило.

Читателямъ уже извѣстно должно быть, что для изданїя собранїя Археографическою Экспедиціею актовъ положено было учредить постоянною въ Петербургѣ *Коммиссію*, которая, получивъ начало съ 1835 года, вскорѣ кончила свои предварительныя занятїя, такъ, что въ 1837 году изданы уже были ею *четыре* тома историческихъ *актовъ*, достоинство конхъ признано знатоками. По Высочайшей волѣ, Коммиссія, прїобрѣтя потомъ богатые средства и способы для дальнѣйшихъ, дѣйствїй своихъ, съ Февраля 1837 года возымѣла уже цѣлью своею *полное собранїе и изданїе въ свѣтъ Русскихъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ*. Ей предоставлено было пользоваться всеми публичными для ея употребленїя рукописями, хранившимися въ Духовныхъ и Гражданскихъ библіотекахъ, также прїобрѣтать ихъ, по возможности, и отъ частныхъ лицъ, а въ тоже время, съ Высочайшаго соизволенїя, сдѣлано распоряженїе объ истребованїи и передачѣ въ Коммиссію грамотъ и столпцовъ изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ Великороссійскихъ и Западныхъ губерній. Публикѣ извѣстны труды Коммиссіи, послѣ ея преобразованїя, изъ отчетовъ, какіе печатаются въ журналахъ и газетахъ. Между тѣмъ, занимаясь собранїемъ и приведенїемъ въ систему новыхъ матеріаловъ, какъ лѣтописей, такъ и актовъ, которые отсюду стекаются въ Коммиссію, она тщательно занималась остальными актами, которые были собраны Археографическою Экспедиціею, и отдѣлены подъ названїемъ *Юридическихъ*. Сюда отчислены были все акты, не имѣвшіе важности *исторической собственно*, но представлявшіе пособїе къ познанїю правовъ, обычаевъ и общественнаго образованїя древней Россїи, въ судебныхъ грамотахъ, уставахъ, записяхъ, выписяхъ и другихъ юридическихъ актахъ. Законы и общественныя условїя суть дополненїя лѣтописей. Они снимки съ народной физїогномїи. Здѣсь являются пособїя, не только историкъ, юристу и филологу, но и литератору и ученому челоуѣку. Здѣсь повѣрка для

теоретика, опытный взоръ коего привыкъ отличать дѣйствительное отъ предполагаемаго. Здѣсь средство для выводовъ, какіе извлечетъ отъ исторїи законодательства, и даже предположенїя, которыя можно приложить въ современномъ законодѣнїи. Оцѣняя вполне всю важность своего собранїя юридическихъ актовъ, Коммиссія дополнила его своими новыми прїобрѣтенїями. Выборъ былъ притомъ строгїй. Изъ тысячъ взяты сотни, соображена важность сихъ сотенъ, и наконецъ положено напечатать только 648 актовъ. Нынѣ они выданы въ свѣтъ.

Редакторы сего драгоценнаго собранїя распредѣлили его на двѣнадцать отдѣленїй, обозначая въ каждомъ частные роды актовъ. Такимъ образомъ, кромѣ *выборныхъ записей, выписей* (межевыхъ, писцовыхъ, сонныхъ), *обысковъ, отписокъ, приговоровъ, распросныхъ рывей, росписей слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ, челобитныхъ и явокъ*, опредѣлили они еще *сорокъ восемь* родовъ грамотъ, записей и памятей, придавши каждому отличительное названїе, какъ-то: *Берелесныйя, Порушныя, Рядныя, Служилыя, Мировыя*, и проч.—Въ каждомъ изъ 12-ти отдѣленїй, акты идутъ хронологически; неозначенные годами, или включены между другими по соображенїю, или поставлены отдѣльно. Каждый актъ обозначается въ рѣзультатѣ нумеромъ. На маргинальяхъ страницъ выставлены порядокъ нумеровъ, такъ, что читатель имѣетъ все средства къ скорѣйшему и легчайшему отысканїю желаемаго. Изданїе прекрасно; книга напечатана въ большую четвертку, точно такъ, какъ напечатаны прежде изданныя Коммиссіею *четыре тома* актовъ историческихъ.

Мы не осмѣливаемся возражать противъ раздѣленїя актовъ юридическихъ на приплатые Коммиссіею разряды, не будемъ говорить и о томъ, не лучше ли было правительственные акты отдѣлить отъ частныхъ, просительныхъ - собственно актовъ, и другихъ, такъ сказать, условїй, которыми взаимно обязывались частныя лица одно къ другому. Скажемъ только одно, что въ изданныхъ нынѣ *Актахъ Юридическихъ* исторїя Русскаго Правовѣдѣнїя получила пособїе чрезвычайно богатое, и немногочисленныя въ Русской литературѣ является въ столь высокой степени любопытныхъ. Разумѣется, главное дѣло здѣсь Юриспруденціи, но и Исторїя-собственно найдетъ однакожъ различныя пособїя. Укажемъ, для примѣра, на дан-

ную Шереметева Кириллову монастырю, 1559 года (онъ подарилъ обители дворъ свой «на Арбатъ, подлѣ Саввинскаго монастыря двора—а на дворъ хоромы: три избы, да два пристѣпа, да клѣтъ, да мыльня, да погребъ, да ледникъ съ напогребинцами, а огороженъ дворъ заетомъ»), и на данную Пожарскаго Троицкому монастырю, 1633 года (онъ подарилъ обители село Берсенево, въ Клинскомъ уездѣ, дабы умершаго сына его Феодора «за тотъ вкладъ поминать, и въ синодике, въ литейной и въ подстѣпной, и въ кормовыя книги написать, и панихиды по его памятимъ пѣть, и кормы ставить, первый кормъ Декабря въ 27 день, на его преставленье, а другой кормъ на память, Февраля 5-го, доколѣ святая обитель стоитъ»). Такъ особенно любопытны древніе Новгородецкіе акты, замѣчательные своею краткостію (не сыну ли Мары Посадницы, замѣтимъ мимоходомъ, принадлежить изъ нихъ въ № 110 данная Ш-л?).—Таковы могутъ быть приобрѣтенія Исторіи, по сколько тутъ драгоценнаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ!—Возьмите для доказательства, напримѣръ, росписъ, сколько израсходовалъ въ Москвѣ повѣренный Прилуцкаго монастыря, когда его отправили хлопотать о томъ, чтобы сборъ десятой деньги, въ 1679 и 1680 гг., зачесть обители въ поворотныя полуполтинныя деньги за 1680 годъ. Повѣренный откровенно доноситъ и исчисляетъ, что за рышеніе дѣла:

Въ Приказъ Большой Казны, въ 1682 году, Дьяку Феодору Кузмищеву дано: голова сахару, да ковришка, да гусь, а стоили 18 алтынъ, 2 деньги. Старому подьячему Ефиму Зотову отпесены семга, да калачъ, 10 алтынъ. Старому подьячему Григорію Облезову, за справку въ Стрѣлецкій Приказъ, отпесены пироги, да семга, 10 алтынъ, 2 деньги. Молодымъ подьячимъ, Семену Забурцову, за писанье, заплачено деньгами 3 алт. 2 деньги; Ивану Михайлову, деньгами, 10 денегъ. Подьячимъ и сторожамъ подарено 2 алтына, 4 деньги. Бумаги, на выписки, пошло, на 4 деньги.

Дѣло протянулось на другой годъ, и въ 1683 году, когда перешло оно въ Стрѣлецкій Приказъ, пока получена была «Великихъ Государей грамота съ прочетомъ,» Дьяку Ивану Максимову «иссено» деньгами 10 рублей, пироги въ 5 алтына, голова сахару въ 14 алтынъ, семга въ 13 алтынъ, гребень рѣзной въ 13 алтынъ, поллуца свѣчь маковыхъ 16 ал-

тынь 4 деньги, два ведра рыжиковъ въ 16 алтынъ 4 деньги, да «отъ челобитной отъ письма съ свершенія дѣла» дано ему 4 деньги.—За отвозъ подарковъ издержано изволицу 4 деньги.—Слугамъ Дьяка дано 2 алтына.—Старый подьячий Ефимъ Зотовъ опять получилъ и въ семь году, деньгами—28 рублей, пироги въ 2 алтына 2 деньги, ведро рыжиковъ въ 8 алтынъ 2 деньги; слуги его взяли 4 деньги.—Молодой подьячий Семень Забурцовъ получилъ, деньгами, 3 рубля, «да смужъ, съ Дьячимъ племянникомъ Даниломъ Волковымъ, въ погребъ выпоено церковнаго вина на 7 алтынъ.»

Какая живая черта въ характеристикѣ времени! Посмотрите еще на росписъ, какіе образа на Москвѣ должны были поднести *Повъ Феодоръ*, посланный отъ Вологодскаго Софійскаго Собора въ 1676 году (кромя Царя Феодора Алексѣевича, Царицы Наталіи, Царевичей Иоанна и Петра, Царевенъ и Патріарха—Боярину и Дворецкому Б. М. Хитрово, Боярамъ И. И. Ромодановскому и И. М. Милославскому, Казначею И. Б. Камышину, Околыничимъ И. С. и А. С. Хитровымъ, Патріаршему Боярину, Дьякамъ, Духовнику Царскому, съ подробнымъ исчисленіемъ кому и что именно.—Также любопытна росписъ, что подарено отъ Прилуцкой обители, въ день Рождества, на Вологдѣ Архіерейскому дому и причту (*кому что разнесено въ погостъ*) — казначею, дьякамъ, подьячимъ, какимъ-то Домнъ Григорьевъ и Иринъ Нестеровъ, стряпчему, дворецкому, житишку, клочнику, ризничему, чашишку, гвоздарю, келейникамъ, казначейскому келейнику, приказному сторожу, воротному сторожу, попомарю, и проч.

Но вотъ и другія черты добродушной старины: вѣроятно, по какому либо обѣщанію, жители Тавренской волости, Ильинскаго прихода, въ 1590 году положили на три года впередъ по воскресеньямъ «никакого дѣла чернаго, ни угоды не дѣлать, ни пасного, ни силоваго, бѣлки не лѣсовать, рыбы не ловить, ягодъ, ни губъ (грибовъ) не носить, путика пасного и силоваго не ставить, ни ужина на почъ въ лѣсъ не носить, ни яицъ не бить, а женамъ не шить, не брать (отсюда происходитъ *брансе* полотенецъ), а также въ пятницу никому «ни толчи, ни молотъ, ни каменя не жечь,» и кто «заповѣдь нарушаетъ, и люди добрые о томъ доведутъ,» то, «по мірскому уложенію» брать съ виноватаго по 8 денегъ на церковное

строение, да сотскому за правецъ по 2 деньги. *Заповѣдную* грамоту о томъ писалъ дячекъ, именуя въ ней всѣхъ почетныхъ жителей. — Изъ *заемныхъ кабалъ* можно замѣтить, какіе огромные проценты плачивались встарину между нашими предками: 20 на 100 (*на пять шестой, или на четыре пятые зерно въ хлѣбъ*) считались обыкновенными (*какъ идетъ въ мольдѣхъ*). Заемъ утверждался притомъ закладомъ, поруками, и условіемъ, что не платившій на срокъ (*поллеутъ деньги по срокъ*) лишался заклада. — Всѣ подробности общенія, еще строже пынѣшняго, были утверждаемы *письменно*, и въ семъ-то отношеніи любопытны заѣздые, зазывные, явки, памяти, и всякіе другіе акты. Въ Правыхъ грамотахъ, Судныхъ спискахъ, Обычныхъ рѣчахъ и наказахъ вы видите весь порядокъ стариннаго судопроизводства. Изъ многихъ выберемъ мы одинъ примѣръ, потому особенно, что предметъ дѣла любопытенъ. Затѣялось дѣло судебное на Бѣлозерь, 1680 года, Марта 18-го; сыщикъ, ноземецъ повокрещеной, Зинка Лаврентьевъ, съ товарищи, взяли съ Кружечнаго Двора и привели въ Приказную Избу, Бѣлозерскаго уѣзда, Заозерскаго стана, волости Липина Борку, деревни Доринны, помѣщика Ивана Елизарьева Коротнева, крестьянина Якушку Θεоктистова, и другіихъ, обвиняя Якушку, что нашлы у него «табаку пертергаго вершка съ два, да тергаго въ берестъ,» а другіихъ, что они Якушку у сыщика отбивали. Всѣ приведенные люди были пьяны. Ихъ посадили, протрезвили, а потомъ спрашивали. Якушка отвѣчалъ, что взятый у него табакъ не его, и откуда онъ взятъ не знаетъ, развѣ кто ему, пьяному, обманомъ подложилъ, а онъ самъ табаку ни у кого не покупалъ, другимъ не продаывалъ и *не пивалъ* (то есть, *не шохивалъ*; въ Сибири донынѣ называютъ *напойкой* табаку щепотку табаку тергаго). Далѣе жаловался онъ, что Зинка «вынулъ у него у пьянаго изъ *зепи* (кармана) денегъ шесть алтынь, да *скусили* крестъ серебряной въ три алтына, и взялъ пачку въ 10 денегъ.» Другіе обвиняемые, Фочка Федотовъ, Юдка Григорьевъ и Игнашка Васильевъ отъ всего рѣшительно отрекались. Воевода Илья Дмитріевичъ Загряжскій рѣшилъ такъ: Юдку отпустить, обязавши стать къ отвѣту, когда потребуется; о жалобѣ Юдки, что у него «поносъ оборвали съ мошнено, а было въ мошнѣ денегъ 17 алтынь, да взяли у него 6 сошниковъ, да сковороду, да топоръ, да 10 фунтовъ

укладу» — ничего не было сказано, и, кажется, Юдка тѣмъ и покаялся. Фочкѣ и сышу его велѣно «учинить наказаніе, бити батоги, за то, что они въ Приказной Избѣ *кричали безобразно, пьяные*, и чтобы нмъ *впередъ неповадно было безпамятно напиваться и беззисно кричать.*» Игнашку велѣно посадить опять, ибо найдены у него крестъ мѣдный, «да корешокъ не великъ, да травки немного завязано въ узлишкѣ у креста,» хотя Игнашка и сказала, что «тотъ корешокъ девесильной, а травка растетъ въ огородахъ, а какъ ее зовутъ, того не въдаеть, а держать онъ корешокъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ травъ и кореня никакого лихаго не знаетъ.» Крестъ велѣно ему отдать, а корешокъ и травку оставили въ Приказной Избѣ. — Марта 23-го призванъ былъ Бѣлозерецъ, посадской человекъ Якушко Паутовъ (вѣроятно, знахарь), «и досмотря корешника и травнико, сказалъ, что корешникъ именуется девятины, отъ сердечныя скорби держать, а травнику держать отъ гнѣтенишныя скорби, а лихова въ тѣхъ корнишкѣ и травнишкѣ нѣтъ.» — Прошла еще недѣля, и Якушка Θεоктистовъ, находясь въ тюрьмѣ, подалъ челобитную, гдѣ объясняя, что когда онъ былъ пьянъ, кто-то положилъ ему табаку, и Зинка сыщикъ его взялъ, и посаженъ онъ въ *Приказную Избу за рѣшетку*, и сидя за рѣшеткою помираеть голодною смертью,» а потому умоляетъ смилостивиться. — Здѣсь дѣло приняло оборотъ печальный; законъ повелѣвалъ всѣмъ табачникамъ «чинити наказаніе большое безъ пощады, и дворы и животы ихъ имая продавать,» а кто въ приводѣ сознаваться не будетъ — пытать! Пойманному съ поличнымъ Якушкѣ положено дать распросъ и — пытку; его увели въ пыточную башню, подняли на дѣбу, дали ему десять ударовъ, но онъ признанія не чинилъ. Игнашку, за травку и корешокъ, также пытали, но признанія не было. — Воевода рѣшилъ: «учинити виноватымъ наказаніе, бити батоги, за то, чтобы *впредь неповадно было до пьяна безпамятно напиваться и кореня и травы при себѣ носить*, а по наказаніи, отдать ихъ помѣщику съ роспискою, что и исполнено въ тотъ же день.

Множество любопытныхъ изслѣдованій можетъ сдѣлать въ *Актахъ* филологъ, подмѣтитъ коренные Руссизмы и увидѣтъ выразительность и силу народнаго слова. Такъ, при выборѣ въ лѣмскіе охотники, православные пишутъ, въ записи 1601 года,
Т. VII. — Отд. IV. 8

что «излюбили они и выбрали» такого-то, и «тотъ охотникъ доброй, семейнистой, *статосной* и *прожиточной*, и гонимыхъ у него три мерниа есть, и Государеву ямскую гоньбу ему гонять, и Государевыхъ пословъ, и посланниковъ, и гонцовъ встрѣчать и провожать, зимнимъ и лѣтнимъ путемъ, на подводахъ и водянымъ путемъ въ судахъ, и суда, и кормицки, и гребцы держать, и *ямскал* *стряпил* *стряпать*.» — Въ дашныхъ и вкладныхъ, говоря о лѣсахъ и угодахъ, прибавляли: «куда плугъ, и коса, и топоръ ходили по старинѣ.» Отдавая по душѣ вкладъ, вкладчикъ подтверждалъ: «пошлетъ Богъ по мою душу, и *меня пожаловать* въ повседневной списокъ и въ сенаникъ (списокъ) записать, и поминать меня, и *изъ памяти не выгладитъ*, покаместъ монастырь стоитъ.» Вступавшій въ бракъ со вдовою облязывался дѣтей ея отъ перваго мужа; «беречь и *жаловать*, докуда они не *измужаютъ* и неподымутся, и кормить и поить ихъ съ собою вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ, что самъ пью и ѣмъ.» — Въ духовныхъ грамотахъ Новгородскихъ, завѣщатели исчисляють имѣнїе, долги, и прибавляють: «А самъ я не виновать есмь никому ничѣмъ, *развѣ Богу душою*; перстни и колткн золотые отдаю женѣ, а вы, дѣти, въ то не вступайтесь, какъ хотите, такъ и дѣжете, а вамъ даю *цѣпецку золоту колцату* (цѣпочку золотую кольчатую), да *цѣпецку золоту врацую* (вороненую). А ты, сынъ мой, старшій, и внучата, *костью моею не двините*, и брата младшаго не обидѣте, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животѣ, а еще *постерегите* его, Бога ради, и рукописанья моего не преступайте, да не судимся передъ Богомъ въ день Страшнаго Суда.»

Мы могли бы увлечься въ обширныя выписки, если бы рѣшились выписать все, что по тому или другому отношенію находимъ любопытнымъ въ *Актахъ Юридическихъ*, изданныхъ Археографическою Коммиссіею. Немногихъ представленныхъ тому примѣровъ мы полагаемъ достаточнымъ. Ожидая дальнѣйшихъ, и еще болѣе важныхъ, трудовъ Коммиссіи, какъ не поблагодарить за все то, что уже успѣла она сдѣлать въ столь короткое время, при просвѣщенномъ и благодѣтельномъ вниманіи своего знаменитаго начальника. Труды нашей Академіи Наукъ и Археографической Коммиссіи служить несомнѣннымъ доказательствомъ его неутомимой ревности на пользу знаній въ отечествѣ, и исполненное есть вѣр-

ное ручательство за исполненіе дальнѣйшее. Успѣхи Историческихъ знаній въ последнее время въ Россіи показываютъ также несправедливость мысли, будто только одряхлѣвшіе народы способны заниматься дѣлами прошедшаго. Россія, полная жизни въ настоящемъ, доказываетъ, что и прошедшее умѣетъ она оцѣнять и любить. Впрочемъ, Россію надобно ли включать въ общую категорію другихъ государствъ? Не *исключеніе* ли она изъ общихъ правилъ? Право, иногда такъ подумаешь, видя, что иностранцы смотрять на насъ и не понимаютъ насъ! — Позвольте, Мм. Гг., мы постараемся разрѣшить вамъ, что за задача такая наша Русская земля...

25. ИСТОРИЯ Смутнаго Времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Сенатора Д. Бутурлина. Часть I. Спб. въ тип. А. Смирдина, 1859 г. въ 8, 278 и 128 стр.

Признаемся, что съ большимъ нетерпѣніемъ взяли мы за эту книгу. Имя автора, извѣстнаго *Исторіею войны 1812 года*, имѣющаго свои неоспоримыя достоинства, давало намъ надежду увидѣть что либо новое, заслуживающее вниманіе просвѣщенныхъ соотечественниковъ въ повомъ его трудѣ.

Не знаемъ ни дѣли, ни объема сочиненія, ибо при I-мъ томѣ его нѣтъ ни предисловія, ни примѣчаній. Авторъ прямо начинаетъ свою книгу краткимъ очеркомъ царствованія Θεодора и избранія Годунова, кратко описываетъ потомъ событія до смерти Самозванца, и оканчиваетъ избраніемъ Шуйскаго. Далеко ли распространится повѣствованіе почтеннаго автора? Опишетъ ли онъ событія до избранія Михаила и усмиренія Россіи симъ родоначальникомъ царственнаго дома Романовыхъ? Не знаемъ.

Но судя по тому что издано, еще менѣе можно понять, что побудило почтеннаго автора положить трудъ на дѣло бесполезное — да, простять намъ такое выраженіе! — Никогда не скажемъ мы, чтобы послѣ Карамзина не должно было описывать событій Русской Исторіи съ 1584 года до 1611-го, гдѣ остановился Карамзинъ. Напротивъ, мы приобрѣли въ послѣдніе годы столь много новыхъ свѣдѣній объ эпохѣ Самозванцевъ, и самый взглядъ нашъ, какъ на общность, такъ и подробности событій того времени до того измѣнился, что многое изъ исторіи Годунова, Самозванца и Шуйскаго представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ, нежели Карамзину. Слѣдственно, не только можно, но даже должно повто-

рять теперь снова все, что говорил Карамзинъ о Смутномъ Времени. Но приготовьтесь же къ тому изученіемъ Исторіи, узнайте новые источники, отдайте себѣ удовлетворительный отчетъ въ дѣль. Безъ того, не для чего вамъ приниматься за перо, не для чего снова писать, и въ разсказъ, менѣе Карамзинскаго краснорѣчивомъ, повторять давно пересказанное и извѣстное.

Но на такое повтореніе рѣшился почтенный авторъ *Исторіи Смутаго Времени*, и здѣсь слѣдуетъ вопросъ: для чего это сдѣлано?

Вопросъ еще болѣе затрудняется, если мы скажемъ, что не только всѣ ошибочныя мнѣнія Карамзина приняты авторомъ, и что ему, кажется, вовсе не были известны новыя источники, но онъ отличается еще слабѣйшею противъ Карамзина критикою въ разборъ матеріаловъ, и отъ того непрерывно впадаетъ въ новыя, ему собственно принадлежащія ошибки, а къ тому присовокупляетъ еще какой-то странный и неправильный слогъ. — Авторъ вовсе не дѣлаетъ цитатъ, не указываетъ на источники. Почему думаетъ онъ такъ? Почему кажется ему то, либо другое такъ? «Онъ увѣрился въ истинѣ того, что говорить», скажутъ намъ. Но развѣ Исторію можно писать такимъ образомъ? Въдѣ она не романъ, и историкъ каждое слово, каждое свое мнѣніе долженъ подкрѣплять доказательствомъ и указаніемъ. Для чего — желали бы мы еще спросить — приложены авторомъ разные акты въ концѣ книги? Всѣ они уже были напечатаны и извѣстны, кромѣ дневника Поляка Борши, въ которомъ почти ничего нѣтъ новаго. — Мы упомянули о странномъ и неправильномъ слогѣ, который отличается притомъ каксюто рѣзкостью выраженій, слогу историческому неприличными. Авторъ говоритъ, напримѣръ (стр. 1), что Рускіе покорялись безропотно всѣмъ *нестоящимъ* Царя Іоанна Васильевича Грознаго; что потомъ (стр. 2) духъ буйства и раздора предалъ всѣ сословія *изступленію гнуснѣйшихъ страстей*; что Рускимъ (стр. 2) оставалось съ восторгомъ благодарить *Всвышнлаго* за избавленіе свое отъ *лугительствъ* Грознаго, хотя имъ были извѣстны *слабуліе и безсиліе недужнаго Феодора*, который *любилъ только на селѣ свѣтъ колокольный звонъ*. Все это не такъ, и что за выраженія! Такъ, дальѣ, находимъ, на стр. 5-й, что Годунову удалось *закутить*

Царевичеву мамку; дальѣ — Годунову *нужно было прервать всѣ пити, по которымъ можно было бы добраться до настольнаго записчика убійства*, и потому онъ былъ *тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ*, и лукавство его увѣнчалось успѣхомъ. Онъ, пишетъ авторъ, *приказалъ удавить* Князя Шуйскаго. Крестьяне Русскіе, говоритъ авторъ, жили въ *кошвои съ столпий*! Дальѣ: «Московскій Великокняжескій домъ *гибнулъ* подъ ударами *собственныхъ гадъ своихъ*» (стр. 15). Потомъ читаете: — «Февраля 21-го насталъ послѣдній день сего *игрища* (избрація Годунова) — Для людей, одаренныхъ необыкновенными способностями, часто *бываетъ жалкимъ претыканіемъ нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ*» (стр. 91). — Язва допосовъ, едва ли не болѣе всѣхъ *прогихъ* (другихъ?) золь, *отлегающихъ* человѣческія общества, кажется *или* (кому?) *неспособною*, потому, что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждо *естественнаго притока отъ крутиль*, съ жизнью сопряженныхъ (стр. 33). — Мнѣшекъ, *разлакомленный* выговоренною имъ, богатою наградою, хотя и не щадилъ имѣнія, *однако собирающаяся подъ знаменами его шляхта не составляла* довольно значительнаго войска, *чтобы* Самозванецъ могъ поколебать престолъ Бориса (стр. 75). — Наконецъ, за часть до полудня *прекратилась рѣзня* (побіеніе Поляковъ въ Москвѣ) — Народъ *вырубилъ* несколько *бревень въ стѣнѣ* и *наводнилъ* дворець — Марина, *наскоро надвѣвъ тобку*, въ безпачетствѣ сбѣжала внизъ подъ своды (?), но не находя тамъ безопасности (?), *воротилась на верхъ* — «при помощи ея *слишкомъ простаго нарѣдья*, ея не узнали и столкнули съ лѣстницы», пока *саблѣли стѣли* бездушный трупъ Самозванца». — Выпишемъ заключеніе книги, въ заключеніе нашихъ выписокъ: «Противорѣчить — говоритъ авторъ — противорѣчить *еще смелу* (мнѣнію его, что Самозванецъ былъ точно Отрепьевъ) свойственно *было бы только тѣмъ, кои*, увлекаясь *суетнымъ мудрованіемъ*, *щитаются* опровергать всѣ историческія истинны, *единственно, чтобы* мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники»...

Мы просимъ причислить насъ къ «мыслящимъ иначе», чѣмъ мыслили ихъ предшественники, и признаемся, что по крайней мѣрѣ, слогъ почтеннаго автора кажется намъ не вездѣ Русскимъ и достойнымъ Исторіи, а обо всѣмъ остальномъ каса-

ловѣкъ и выбыло 91); пересыльныхъ въ теченіе года было 11,458, и осталось 412. — Пожаровъ въ Москвѣ въ 1838 г. было 47, и изъ трубъ выкинуло 125 разъ. — О кражахъ и мошенничествахъ производилось 977 дѣлъ, въ томъ числѣ свыше 100 рублей было не болѣе 208 дѣлъ. — Расходы по Казначейству Оберъ-Полицмейстера составили до 214,000 рублей, по Управѣ Благочинія 2,286,889 рублей, и по Пожарному Дѣлу 108,468 рублей. — Число всѣхъ чиновниковъ и писанныхъ чиновъ по Московской Полициіи простирается къ 1839 году до 2,027, да въ пожарной командѣ находится 1,637. И съ такими малыми средствами содержится спокойствіе и безопасность города, гдѣ до 350,000 жителей (въ томъ числѣ 50,000 мѣщанъ, 44,000 дворовыхъ людей, 120,000 крестьянъ, а изъ числа всѣхъ сихъ званій до 40,000 фабричныхъ и ремесленниковъ), и гдѣ болѣе 12,500 домовъ, съ 200 рестораций, 128-ю швейными домами и 300 пивныхъ и винныхъ лавочекъ. Конечно, здѣсь отдадимъ честь и пародопаселенію Москвы, по душамъ всего, безспорно, полицейское управленіе, умное, строгое, справедливое — нравственное чувство общества, предупреждающій преступленіе законъ, который важнѣе уголовного кодекса.

29. Изслѣдованіе началъ внѣшняго Государственнаго Права, или объясненіе свойствъ взаимныхъ отношеній государствъ. Соч. Н. Безобразова. Спб. въ тип. Гуттенб. 1838 г. въ 8, 95 стр.

30. Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ Статистики. В. Порошина. Спб. въ тип. Академіи Наукъ, 1838 г. въ 8, 51 стр.

Два небольшія, но весьма замѣчательныя ученія сочиненія. Авторы обоихъ не повторяютъ просто того, что говорили прежде ихъ другіе; они отдаютъ себѣ отчетъ въ идеѣ, мыслятъ, и смотрятъ на предметы съ самобытныхъ точекъ зрѣнія. А предметы ихъ воззрѣній стояли того, и для насъ подобныя подвиги юныхъ, ученыхъ соотечественниковъ нашихъ, при новости самыхъ предметовъ въ литературѣ нашей, суть радостныя вѣсти о новомъ, современномъ намъ поколѣніи, показывая его желаніе познаній, и познаній положительныхъ и основательныхъ. Мы постараемся поговорить о сочиненіи г-на Безобразова, и особенно о

сочиненіи г-на Порошина, подробнѣе, ибо, при всемъ уваженіи нашемъ къ ученымъ выводамъ почтеннаго автора, мы во многомъ не можемъ съ нимъ согласиться, когда предметъ его сужденій, *Статистика*, составляетъ одинъ изъ вопросовъ нерышенныхъ еще въ современномъ состояніи наукъ и знаній, и когда прежнія опредѣленія сего знанія уже не удовлетворяютъ насъ.

31. Бухгалтеръ, или искусство научиться въ самое короткое время простой и двойной Бухгалтеріи, во всѣхъ ея частяхъ. Сочиненіе профессора Торговыхъ Наукъ Карла Куртина. Переводъ съ 8-го изданія. М. въ тип. Лазаревыхъ Инст., 1839 г. въ 8, 54 стр. и 2 таблицы.

Что за «профессоръ Торговыхъ Наукъ?» Кажется, что нибудь не такъ. Впрочемъ, чего въ наше время не бываетъ профессорами! Мы недавно встрѣтили какаго-то Нѣмчика, и онъ объявилъ намъ, что онъ профессоръ. Чего такого? Искусства вырѣзывать силуеты. Но почему же вы называете себя профессоромъ? — Потому, что это искусство моя профессія. — И въ самомъ дѣлѣ мастера; чикъ пожицами, и силуеты готовы, и такъ похожи, какъ только силуеты походить можетъ! Посмотрите и подивитесь сами. Профессоръ Силуетки живетъ, помнится, въ гостиницѣ Кулона; онъ еще недавно объявлялъ о своемъ искусствѣ при афишкахъ.

Намъ не вѣрится что-то и извѣстіе, поставленное на заглавномъ листкѣ, будто Нѣмецкій подлинникъ вытерпѣлъ восемь изданій. Книженка такъ кратка, такъ безтолкова, и притомъ по Русски такъ дурно переведена, и такъ неопрятно напечатана, что совѣстно ее въ руки взять.

А кстати сказать, вѣдь у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще порядочнаго руководства для Бухгалтеріи, то есть, искусства вести счетныя книги. Искусство считать такъ еще затрудняетъ насъ, что не только многіе почтенные негодяигты и купцы довольствуются у насъ варварскимъ способомъ записывать кое-какъ свои счета, но и по многимъ мѣстамъ *счетная часть* считается чѣмъ-то важнымъ и затруднительнымъ. Напротивъ, было бы только что *считать*, а ничего нѣтъ легче искусства бухгалтерскаго. Оно скучно, тяжко, но ужъ за то самое простое. Мы разумѣемъ, Бухгалтерію *Итальянскую*, или, иначе, *двойную*, по которой во всякое время, купецъ, компанія, общество помѣщикъ, казенное мѣсто могутъ

и сосчитать капиталы свои, и видѣть состояніе счетовъ по всемъ ихъ подробностямъ. Къ сожалѣнію, и тутъ вмѣшалось педагогство, и тутъ есть системы, методы зануцанья, и простота дѣла обременена вздорными терминами, которые пугаютъ незнающаго ихъ сущности. Множество книгъ, *гроссъ-бухль, рейсъ-контто*, и словъ, каковы: *солдъ, транспортъ, дебетъ, кредитъ*, и проч., и проч., пугаютъ многихъ, и заставляютъ ихъ удалиться отъ правильной бухгалтеріи. Трудность сыскать дѣльнаго бухгалтера, при недостаткѣ ученья молодыхъ людей, приготовляемыхъ для купеческихъ конторъ, заставляетъ скорѣе отказываться отъ бухгалтеріи, нежели впутываться въ такое дѣло, гдѣ и концовъ сыскать не можно. Между тѣмъ, вѣрный, и именно по двойной бухгалтеріи ведомый счетъ необходимъ купцу, особливо при большомъ и многосложномъ производствѣ. Сколько можетъ онъ предупредить несогласій, раздоровъ, тяжбъ, даже разореній и паденій, столь гибельныхъ! *Сводитъ приходъ съ расходомъ* — великое дѣло, и оно можетъ быть повѣркою и совѣсти судейской, и вѣрности казначейской, и кармана купеческаго. Все это говоримъ мы для того, чтобы еще повторить, что ничего пѣть легче и простѣе бухгалтеріи, и именно двойной. Человека мало-мальски смышленнаго можно научить сей великой наукѣ въ пятьдесятъ уроковъ, и если, показавъ *основанія* дѣла, показать потомъ *приложенія* основаній къ разнымъ родамъ счетоводства, то ученикъ можетъ быть бухгалтеромъ въ какой угодно конторѣ и при какомъ угодно дѣлѣ. Стоитъ только растолковать ему сущность каждаго производства, да прибавить знаніе принятыхъ по бухгалтеріи и торговль терминовъ. — Все сказанное нами ведетъ къ желанію, чтобы кто нибудь изъ знающихъ людей составилъ простое, ясное, систематическое сочиненіе о бухгалтеріи, и издалъ его для пользы ближнихъ. Оно будетъ одною изъ самыхъ полезныхъ книгъ въ общезжитіи въ наше время, исполняя въ тоже время и желаніе Правительства, которое, зная всю цѣну и необходимость купеческаго счетоводства, строго подтверждаетъ имѣть его непременно каждому купцу. Но недостатокъ средствъ къ исполненію воли Правительства, при всемъ усердіи исполнить ее, заставляетъ весьма часто уклоняться отъ правильного книговеденія, и тѣмъ навлекаетъ на самаго честнаго человека справедливое наказаніе.

32. *Vocabulaire methodique, etc. Методическій Словарь Грузинно-Французско-Русскій, содержащій слова всѣхъ частей рѣчи, наиболее употребительныя, расположенныя по предметамъ, числомъ около 4000.* Составленъ для воспитанниковъ Грузинъ, тит. сов. Сулхановымъ. Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1839 г. въ 8, X и 115 стр.

Одна изъ любопытныхъ чертъ современнаго образованія Россіи состоитъ въ томъ, что съ недавняго времени занялись у насъ изученіемъ Грузинскаго языка, чему особенно способствовало пріѣздъ въ Петербургъ знаменитаго георголога, г-на Броссе, который, по распоряженію г-на Президента Академіи Наукъ, причисленъ нынѣ къ нашей Академіи, и составляетъ украшеніе ея, вмѣстѣ съ Грезе, Френомъ, Шмидтомъ, Шегреномъ, столь извѣстными филологами и ориенталистами. Мы надѣемся познакомить современемъ читателей нашихъ съ трудами почтеннаго г-на Броссе, а съ тѣмъ вмѣстѣ уличить и незнаніе людей, которые берутся судить о томъ, чего вовсе не понимаютъ. *Sat sapienti.* — Въ изданной нынѣ брошюркѣ, г-нъ Сулхановъ старался дополнить недостатокъ *ручнаго словаря* для Грузинскихъ училищъ, и расположилъ собраніе словъ по предметамъ, выставляя противъ каждаго Русскаго Французское, и соответствующее имъ Грузинское слово, Грузинскими буквами. Шрифтъ сихъ послѣднихъ, въ обширной Академической Типографіи находящейся, весьма красивъ и четокъ.

33. *Сто Русскихъ Литераторовъ.* Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ I. — Спб. въ тип. А. Смирдина, 1839 г., въ-8, X и 830 стр., съ 10-ю портретами и 10-ю картинками.

Общій голосъ придавъ названію *альманаха* книгъ, издаваемой г-мъ Смирдинымъ, подъ названіемъ: *Сто Русскихъ Литераторовъ.* Если основаніемъ тому служили превосходныя картинки и отлично сдѣланные портреты — пусть будетъ книга г-на Смирдина альманахъ! Но только она исполнила альманахъ: чуть не *тысяча* страницъ, въ большую восьмушку, и на нихъ двѣ трагедіи, четьре повѣсти, три литературныя статьи, двѣ историческія, два стихотворенія. — Книгу эту давно ждали нетерпѣливо, и по выходѣ ея, сужденія были многія и многообразныя.

Касательно изданій, всё соглашаются, что оно прекрасно, и если не всё картинки одинаковаго достоинства по рисовкѣ и гравировкѣ, издатель не виноватъ. У насъ нѣтъ еще *книжечекъ* рисовальщиковъ, нѣтъ Жигу, Жоанно, по онѣ отдавалъ рисунокъ лучшимъ художникамъ, г-мъ Брюловымъ, Зеленицову, Демидову, Дезарно, Ладорперу, Сапожникову, и платилъ въ Лондонѣ граверамъ одинакую и весьма немалую цѣну равно за всё картинки. Печать, бумага, форматъ книги красивы; расходовъ на нихъ также не жалѣли.

Важнѣе кажется многимъ обвиненіе, почему не всё статьи въ книгѣ одинаковаго достоинства; но такой упрекъ вовсе къ издателю не относится. Развѣ онѣ обѣщали вамъ *хрестоматию избраннаго*? И что онѣ за судья въ литературномъ дѣлѣ? — Но почему въ одной книгѣ Марлинскій, Пушкинъ, и «Полевой»? — скажутъ Отечественныя Записки — или, «Рафаэль Михайловичъ Зотовъ» — скажутъ *этотъ* — или, «Брамбеусъ», скажутъ *сей*? — Потому, что всё они пишутъ и печатаютъ, а въ слѣдствіе того и имѣютъ званіе *литтераторовъ*. — «Но послѣ сего и Александръ Анѳимовичъ Орловъ поступить въ *Сто Литтераторовъ*? Почему жъ не такъ, если Смирдинъ рѣшится представлять всю современную литературу во всѣхъ ея фасахъ? Тогда и А. А. Орловъ долженъ быть и будетъ тутъ, и можетъ быть, приложится къ портрету его письмо, которое писалъ къ нему Пушкинъ — письмо историческое и очень любопытное. — «Но какъ можно тратить деньги на его портреты?» — Такъ вамъ жалъ расходовъ издателя? Предоставьте считать расходы ему самому; это ужъ его, а не наше дѣло. — «Но мы не купимъ послѣ того его *Сто Литтераторовъ!*» — Воля ваша! А позвольте спросить: чѣмъ, напиримѣръ, лучше А. А. Орлова какой нибудь поэтъ, либо разсказчикъ, стихи и прозу которыхъ печатаютъ въ журналахъ и альманахахъ, и которые кричатъ горделивое *фи!* объ А. А. Орловѣ, когда онѣ, правда, Скарронъ Русскій, не красивъ, не умытъ, не обритъ, неопрятенъ, но, право, перетянетъ шага эврипаго поэта и чопорнаго писачку повѣстей. — «Вы употребляете во зло имя литтератора: и они не литтераторы, потому, что мнѣніе ваше, будто всякій, кто пишетъ и печатаетъ есть литтераторъ, несправедливо!» — Можетъ быть; но вѣдь до сихъ поръ табели о рангахъ литтературныхъ не издано, а «слушать всё людскія рѣчи», такъ

Смирдину не только ненадобно издавать *Сто Литтераторовъ*, но и торговать будетъ печаль. Давно ли торжественно объявили намъ, что Французская пышная литература *лазаретная*, а между тѣмъ цѣлый міръ не почитается Гюго, Виньи, Бальзака, Мюссе, Ламартина. Кто гений на Невскомъ Проспектѣ, о томъ и говорить не хотятъ въ Загбенномъ Переулкѣ, а Зелениная Улица не считаетъ даже грамотнымъ челоѣкомъ того, кто славится литтераторомъ на Козьемъ Болотѣ. — Рѣшительно, почтенный А. Ф. Смирдинъ, не слушайте людскихъ рѣчей — дѣлайте свое дѣло; вы правы, что такъ, какъ будто на Странномъ Судѣ, поставили рядкомъ Пушкина, Зотова, Марлинскаго, Брамбеуса. Вы не судили и о достоинствѣ того, съ чѣмъ предстали литтераторы на грозный и неумолимый судъ публики. Вамъ нѣтъ дѣла: «каждо отъ дѣлъ своихъ, или прославится или постыдится!» — И такъ, покорно васъ благодаримъ — вы исполнили свою обязанность прекрасно. Желаемъ вамъ продать *Сто Литтераторовъ* десять тысячъ экземпляровъ. Мы слышали, что вы изготовили уже и другой ихъ *десятокъ*, и что вамъ обѣщали, или уже дали, свои статьи Жуковскій, Загоскинъ, Гречъ, Булгаринъ, Подолинскій, Баратынскій, Даль, Ф. Н. Глинка, и проч. и проч. — Съ любопытствомъ ждемъ — будьте между тѣмъ здоровы, веселы и счастливы, почтеннѣйшій А. Ф., печатайте и продавайте больше, больше, больше!

Устраняя такимъ образомъ издателя, и готовясь поговорить въ литературномъ отношеніи о томъ, съ чѣмъ явился передъ публикою *первый десятокъ* литтераторовъ Русскихъ, мы и ихъ поблагодаримъ, что они одѣлись на смотръ чрезвычайно характеристически. Какъ нарочно, подлѣ своего лица, каждый выставилъ и *обращикъ*, по которому, такъ же вѣрно, какъ по обращикъ сукна судите о цѣлой штукѣ, можете судить о цѣлыхъ томахъ, о цѣлыхъ рядахъ томовъ, которые написаны тѣтъ или другой нашъ литтераторъ. Все ли это хорошо, изящно, превосходно? Но, Мм. Гг., о хорошемъ, изящномъ, превосходномъ и рѣчи нѣтъ, а говоримъ мы о *характерномъ, самобытномъ, оригинальномъ*. Пересмотримъ по порядку.

Книгу открываетъ О. И. Сенковскій. Его статья: *Преображеніе головъ въ книги и книгъ въ головы*, по мысли не повал, даже немножко истертая, но она умно обстав-

лена новыми подробностями, хотя по большей части съ прибавкою шутокъ, рѣзкихъ, но тяжелыхъ, съ насмѣшками на философію, на системы, на теорію, и проч., что онъ всегда и постоянно бранить. Слогъ статьи, испещренный *это, чтобы, который*, съ прибавкою несвойственныхъ Русскому языку выражений, какъ-то: «*съ корнемъ вырвать* Неву — *изъ крыши* вырвало *часть жолоба* — имѣли много *поводовъ* обожать людей — *поворотилъ въ эту улицу, чтобы* пробраться *до своей квартиры* — *разсказывать про* своей смѣхъ,» и проч. — Хотите ли обращить шутокъ? — «Зачѣмъ вамъ быть писателями (говоритъ О. И. Сенковскій), когда (т. е. если?) вы можете прослыть отличнѣйшими шарлатанами? Посмотрите на меня: я *шарлатанъ*, и чрезвычайно доволенъ своимъ званіемъ. Прекрасное званіе, веселое званіе, благородное званіе! Сдѣлайтесь и вы все до единого шарлатанами; для васъ *это* будетъ очень легко — вы уже сочинители; первый шагъ сдѣланъ. *Я говорю по опыту.* Нарядитесь все филярами, паяцами, шутами, и какъ вы тогда будете хорошо понимать другъ друга, какъ вамъ будетъ ловко жить съ собой подобными, какъ явно будете обманывать другъ друга и всѣхъ на свѣтъ! Да, какъ будете при этомъ смѣяться!» — Припомните *Фантастическія Путешествія*, все, что писано прежде и послѣ нихъ, и скажите: не правда ли — *живой О. И. Сенковскій*? Одинъ и тотъ же — бранить ли грамматику, спорить ли съ Гаммеромъ, проваливается ли сквозь Эту, выводить ли, что имя *Славянъ* происходитъ отъ слова *человѣкъ*, доказываетъ ли ложь Бельзони осмѣиваетъ ли Гёте и Гегеля... Ей Богу, правда, вездѣ онъ одинъ и тотъ же!

Полюбовавшись такою характеристическою статейкою О. И. Сенковского, съ грустью остановимся на послѣднихъ пѣсняхъ соловья Пушкина. Его двѣ статьи. Широкиимъ размахомъ отличается *начало романа* — ни имя, ни идея его не извѣстны, но и тутъ видно, какъ много мыслей кипѣло въ пламенной головѣ поэта, какой мастерской языкъ даже и въ первомъ очеркѣ! Сколь многое было *напато* имъ! Какъ будто, бросая на бумагу начала романовъ, повѣстей, поэмъ своихъ, онъ хотѣлъ завѣщать намъ все загаранившая искры свѣтлаго гѣнія своего, и тѣмъ прискорбиѣ сдѣлать намъ утраго гѣня... Его *Каменнаго Гостя*, признаемъ, мы не понимаемъ.

Хотѣлъ ли Пушкинъ набросать *имбролію*, въ родѣ Испанскихъ пьесъ; думалъ ли развить новую мысль изъ легенды Донъ Жуана, которая перешла черезъ руки Корнелия, Мопарта, Байрона, и все еще такъ свѣжа и неистощима, какъ идея Фауста? — не знаемъ, но любимъ стихами.

Д. В. Давыдовъ — скажемъ просто: Денисъ Давыдовъ: это имя такъ же пародію, какъ *Державинъ*, просто, безъ сенаторства, и *Ломоносовъ* безъ статскаго совѣтника — является съ увлекательнымъ разсказомъ, съ своими анекдотами, боевою памятью, отъ которой и теперь, кажется, пахнетъ еще порохомъ, съ отрывкомъ изъ *Иліады*, писанной пушками на харти битвъ. *Наполеонъ — Тильзитъ*. Есть какое-то волшебство въ самыхъ этихъ звукахъ, какъ есть оно въ словахъ: *Нарва, Бородино, Полтава, Наваринъ*.

Статью Марлинскаго: *Мулла-Нуръ*, мы готовы всю выписать. Такъ хороша она, такъ грустно думать, что она *послѣдняя* статья Марлинскаго!.. Его отрывокъ: *Местъ*, обѣщавъ что-то въ родѣ *Фрегата Надежды*. — *Кому докончить?* — Вотъ и стихи его:

Ощулся я отъ страшной грезы,
Но все душа тоски полна,
И мнилось, гнуть меня желѣзы
Къ веслу убогаго челна.
Вдаль — отуманеннымъ потокомъ,
Межь сокрушающихся льдинъ,
Забито озирался окомъ,
Плыву я грустенъ и одинъ...
На чуждомъ небѣ — тма почная...
Какъ сонъ — бѣжитъ далекій брегъ,
И шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бѣгъ,
Гдѣ вѣченъ ледъ, и вѣчны тучи,
И вѣчно съемаю мгла,
Гдѣ жизнь, зачехнувъ, умерла
Среди пустынь и тундръ зыбучныхъ,
Гдѣ небо, степь и лоно водъ
Въ безрадостный сляпины сводъ,
Гдѣ въ пустотѣ блуждаютъ взоры
И даже нѣтъ стопъ опоры!..
Плыву — на сжатомъ сердцѣ хладъ;
Дремотой льни тяжки вѣжды,
И звезды искрами надежды

Въ угрюмомъ пещь не горять,
Забвенья токь меня льдять,
Мечта уснула надъ весломъ,
И время тихо въ парусь вьеть
Своимъ мирительнымъ крыломъ.
Все мертво у меня кругомъ,
И близко бездна океана
Бьлеть саваномъ тумана...

Марлинскій никогда не былъ записнымъ стихотворцемъ, но сколько поэзии въ выписанныхъ нами стихахъ, гдѣ не знаете, что тутъ остается дѣйствительности и что прибавила дума поэта, какъ и въ его *Мулла-Нуръ*...

Въ слѣдующей за тѣмъ статьѣ, маленькомъ романѣ: *Пріездъ Вице-Губернатора*, Рафаила Михайловича Зотова, никакой прибавки поэзии нѣтъ — одно чистое правоученіе, одна нагая дѣйствительность, и самая любовь рисуется съ такими пѣжными, но строгими примѣчами, что о повѣсти Рафаила Михайловича можно сказать:

Мать дочери велитъ труды его читать!

Ахъ! нѣтъ, позвольте, позвольте... Эта Эмилія, и ея свиданіе съ Владиміромъ ночью, и проклятые поцѣлуи... Оно, конечно, тутъ худа никакого не было, но все однакожь чинять дѣвушкамъ... Эхъ, почтеннѣйшій Рафаилъ Михайловичъ! на что свели вы въ вашу повѣсть эту проклятую Каролину Карловну! Теперь, какъ посоветовать чтеніе вашей повѣсти молодымъ дѣвушкамъ? Зачѣмъ было увлекаться подражаніемъ новой Французской школы, представлять такую *scène émanée*... Прекрасно, а досадуешь на Рафаила Михайловича...

Мысль П. П. Свищина: изобразить въ трехъ картинахъ драматическихъ *жизнь Мещикова*, была превосходна, и до сихъ поръ не знала ни одного драматическаго сочиненія почетнаго автора, мы были порадованы силою и прелестью многихъ мѣстъ въ его картинахъ. Да, правду сказать, и краски патирались сами собою подъ рукой художника, а картина даже такъ безмѣрно велика, что взоръ едва можетъ обхватывать общность ея, и не это ли самое вредитъ общности драмы П. П. Свищина? Схватывая одно, онъ необходимо упускаетъ другое. Мещиковъ въ 1693 году, въ 1727 году, въ 1750 году, изображаетъ ли полную драму жизни любимица Петрова, баловня счастья, страшнаго примѣра пре-

вратностей жизни человѣческой? Сомнѣваемся. Но повторяемъ — многія мѣста выкупаютъ недостатокъ, и мы надѣемся, что *первый опытъ* нашего почтеннаго литератора на драматическомъ поприщѣ не будетъ *последнимъ*.

Г-нъ Александровъ (*Дѣвица Кавалеристъ*) рассказываетъ намъ интересныя подробности о Черемисахъ... И тамъ любовь, и тамъ плачутъ отъ нея, злодѣйки! Если подробности и не въ самомъ дѣлѣ такъ были, мы не споримъ, и соглашаемся, что онѣ рассказаны мастерски.

А напротивъ, какъ хотѣлось бы намъ поспорить съ Н. В. Кукольниковъ. Въ своемъ *Іоаннъ Литовъ Лейзевицъ*, онъ преслѣдуетъ свою любимую идею: перенести въ драму жизнь поэтовъ и художниковъ. По нашему мнѣнію, така идея рѣшительно невѣрна и несправедлива. Что изъ нея выходитъ? Неполное цѣлое и прекрасныя части, при несогласіи основной мысли съ подробностями, какими обставляется общность; въ *Лейзевицъ* тоже, что въ Доминикино, въ *Доминикино* что въ Санназаръ, въ *Санназаръ* что въ *Джуліо Мостикъ*; и здѣсь и тамъ именно улетаетъ отъ поэта то, что хотѣлъ онъ схватить и передать въ вещественные образы, потому, что передать внутреннюю жизнь поэта и художника нѣтъ силъ и словъ у человѣка. Обо всемъ этомъ надобно однако поговорить подробнѣе съ нашимъ любезнымъ поэтомъ, и желали бы мы, порадовались бы даже, еслибы совѣтъ нашъ свелъ его съ пути ошибочнаго (да, простить онъ намъ такое смѣлое выраженіе!). Не потому только, что мы любимъ, уважаемъ и его, и его обширное дарованіе вообще, но потому еще, что въ немъ видимъ мы *единственную* надежду нашей современной сцены, мы хотѣли бы обратить его къ ней, хотѣли бы сдѣлаться Лессингомъ для нашего Лейзевица. Берегитесь, любезный поэтъ! вы дождетесь отъ насъ огромной, философическо-теоретической статьи. Теперь намъ некогда. Вотъ мы должны еще сказать, что статья Князя А. А. Шаховскаго, которою оканчивается *первый десятокъ* сотни Русскихъ литераторовъ, премилая повѣсть, взятая изъ быта древней Малороссіи. Нашъ комикъ бросилъ теперь сцену и столицу, живетъ въ Украйнѣ, и въ своемъ сельскомъ уединеніи отдыхаетъ подъ прелестнымъ небомъ Малороссіи. Не диво, что у него такъ хорошо отливается она въ рассказъ. Его *Маруся* тому доказательство.

Т. VII. — Отд. IV.

Не правда ли, что — обращаемся къ началу нашей статьи — послѣ всего рассмотрѣннаго нами, *первый томъ Ста Русскихъ Литтераторовъ* характеризируетъ превосходно пашу *современную литтературу*? О. И. Сепковскій *шутитъ*; Пушкина и Марлинскаго *догматизируетъ* мы послѣднія статьи; Д. В. Давыдовъ *вспоминаетъ бывшее*; Дѣвица Кавалеристъ, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ и Князь А. А. Шаховской *разсказываютъ намъ повѣсти*; П. П. Свищевъ является съ драмою, а Н. В. Кукольникъ пишетъ драматическія фантазіи. Все точно такъ, какъ есть въ самой дѣйствительности.

Да, чуть было еще не забыли: въ Ста Литтераторахъ есть двѣ статьи Н. А. Полеваго: *Дурочка*, повѣсть, и замѣчанія *о бумагахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его кабинетѣ*. Объ нихъ мы ничего не скажемъ; посмотримъ, что скажутъ въ Наблюдателѣ, Отечественныхъ Запискахъ и Литтературныхъ Прибавленіяхъ. Можно полагать, что побранятъ Полеваго порядочно. Ну, а если похвалятъ? Тогда, мы не читавши скажемъ, что объ статьи его никуда не годятся. Съ брабью-то онъ еще жить можетъ, а такая похвала убьетъ его, какъ убиваетъ пушечный выстрѣлъ. Ради того, мы просимъ Гг. Редакторовъ От. Зап., Литт. Приб. и Наблюдателя: «Мм. Гг., сдѣлайте милость, не хвалите Полеваго!»

34. Очерки большаго свѣта. *Сочиненіе Ясновидящей* Спб. въ тип. К. Неймана и К., 1839 г., въ 8, V и 205 стр.

Читателямъ нашимъ извѣстны сіи *Очерки*; ихъ составляютъ двѣ повѣсти: *Чины и деньги* и *Поединокъ*, помѣщенные въ прошлагодишемъ С. О. — Обѣ повѣсти изданы теперь вмѣстѣ, отдѣльною книжкою, и намъ кажется, названіе придано имъ невѣрно: не *большаго свѣта*, а *сердца челоукаческаго* картинны, вѣчныя истины сердца составляютъ ихъ содержаніе; большой свѣтъ притомъ только одна изъ подробностей картинъ.

Ошибемся ли мы, сказавши, что ни одна изъ Русскихъ писательницъ не говорила еще такимъ языкомъ, не мыслила такъ? Гдѣ узнала Ясновидящая то, что говорить? Вотъ отвѣтъ, въ краткомъ предисловіи при Очеркахъ: «Двойкій путь ведетъ къ оцѣнкѣ свѣта, къ познанію страстей, въ немъ кипящихъ, и тайнъ его: умствениость разбираетъ, обсуживаетъ, доискивается; сердечность отгадываетъ и понимаетъ. Умъ видитъ и заключаетъ; сердце видитъ и сочувствуетъ. Первому—

свѣтъ зрѣлице; другому — онъ драма... Достаточно прозрѣть и прослышать, и на все найдете вы отблескъ и отзвукъ»...

Да, она *ясновидящая!*

Грустно думать, что тайныя, прекрасныя мечты наши, свѣтлыя думы, глубокія прозрѣнія дѣлаются потому добычею свѣта, когда являются въ видѣ листовъ бумаги, испещренныхъ мертвыми буквами. Здѣсь поймете тайну и прелесть *импровизаціи*, гдѣ неуловимыми словами западаютъ въ душу слушателя только думы и мысли...

И вотъ, напримѣръ, и *Очерки Ясновидящей* въ рукахъ празднои лѣности и усталаго любопытства читателей, и въ когтяхъ критики! И вотъ, напримѣръ, *никто* изъ критиковъ говорить что *Очерки* «книга хорошая»; что жалъ только, почему въ одной повѣсти, любовникъ — «*пафъ!* застрѣлился», а «безвиная измѣнница — *кракъ!* умираетъ!» По складу критики узнаете, кто такой критикъ, да вотъ что уморительно забавно: критикъ *этотъ* вздумалъ учить сочинительницу *Очерковъ* Русскому языку!—*Па фъ!*—но въдъ за то и *кракъ!* въ ту же минуту! Послушайте, Мм. Гг., это очень любопытно — будьте судьями!

«Слогу писательницы мы сдѣлаемъ два упрека: она *перд-ко зрѣшитъ галлицизмами*, и сверхъ того въ немъ довольно часто попадаются слова, *неупотребительныя въ свѣтскомъ языкѣ*, или *новыя, безъ нужды придуманныя*.

И такъ, критикъ учить Ясновидящую *свѣтскому языку*, и кромѣ того упрекаетъ въ галлицизмахъ? Но для галлицизмовъ онъ не приводитъ примѣровъ, а обвиненіе безъ доказательства, ничего не значить. За то на другое обвиненіе выставлены *доказательства*. Послушайте, Мм. Гг., и поучитесь!

«Подаются слова неупотребительныя въ свѣтскомъ языкѣ, или новыя, безъ нужды придуманныя (простите повторень!), напримѣръ: *внимал...*»

«Внимал?» — Кажется, какъ будто это слово не новое въ Русскомъ языкѣ, незамѣнно ничѣмъ, и его употребляли Пушкинъ, Жуковскій, а имъ долженъ быть извѣстенъ и Русскій и *свѣтскій языкъ*.

«Единный» —

А чѣмъ же замѣнить его? *Одинъ* не то, кажется, и опять

ссылаемся на всѣхъ лучшихъ писателей, что *единый, и единственный* даже, употребить можно, и искони ихъ всѣ употребляють.

«Въ душѣ впечатлительной —

Но какъ же выразити: *impressionable*, и производное отъ *впечатлительности*, слова, безъ котораго мы въ Русскомъ языкѣ обойдѣться не можемъ, желая выразити способность принимать впечатлѣнія?

«Казалась исполнялаею всѣ обязанности хозяйки» —

Но которыя же изъ сихъ словъ неупотребительны, или безъ нужды придуманы? Развѣ вся фраза не правится критику? Но она чисто Русская. Всегда можно употребить ее, и сказать, о какомъ нибудь безграмотномъ критикѣ, наиримѣрь: «онъ кажется знающимъ всѣ тайны Русскаго языка, а между тѣмъ вовсе не имѣетъ объ немъ понятія.»

«Прокликнути —

Еслибы и не было такого слова, такъ надобно бы выдумать его. Въ выраженіи: «люди прокликнули его безумцемъ», слова: *проклинули*, не замѣнить ни *прокричали*, ни *провозгласили*, и еще менѣе *назвали*, *обрекли*, если хотите выразити дѣйствіе *клика*, котораго опять не замѣнять *говоръ*, *крикъ*, и другія слова.

«Они исчезли между нами, докутливья прилидія —

Опять цѣлая фраза съ извѣстными, всеми употребляемыми словами! Развѣ опять она вся не правится критику? Но увѣряемъ его, что подобный оборотъ есть чисто Русскій, и чрезвычайно выразителенъ, если употребленъ кетати; наиримѣрь: «Какъ грустно видѣть ихъ, прекрасныя созданія поэта, въ грязныхъ рукахъ критика безотчетнаго!»

«Гдѣ меня полагали страдающимъ и несчастнымъ» —

Еще разъ — всѣ слова извѣстны и употребительны, и развѣ опять такъ къ фразѣ привязывается критикъ, но она безгрѣшна, и смѣло можете назвать ее Русскою, такъ, какъ слѣдующую фразу: «Онъ читалъ статью критика, и смѣялся надъ нею, въ своемъ уединеніи, гдѣ его полагали страдающимъ и несчастнымъ отъ несправедливыхъ нападеній.» — Странно, что критикъ чуть провозгласитъ свое: *нафъ!* какъ, смотрите — *кракъ!* — осыкалось! Но пойдемъ далѣе. . . Не куда! Критикъ оканчиваетъ многозначительнымъ:

«И другія подобныя выраженія.» Точка, абзацъ, оконча-

тельный *кракъ*, и — «въ Лету бухъ!» — Кому бишь уподобляетъ Крыловъ подобныя критики? . . . Да, Богъ съ ними! Наше мѣсто свято!

Вотъ справедливо можно напасть не на языкъ *Очерковъ*, а на *изданіе* ихъ. Какому варвару поручила сочинительница изданіе своей книги! Онъ напечаталъ *Очерки* избитыми буквами, въ кривыхъ строкахъ, настрой бумага, и обвернулъ сѣро-темною бумажою, въ какую переплетаютъ учебники и буквари. . . Это безбожно!

35. Картины дружескихъ связей. *Соч. Александры Зражевской*. Изданіе второе. Двѣ части. Спб., въ тип. И. Воробьева. 1859 г. въ 8, 170 и 283 стр.

36. Лорнетъ. *Романъ. Соч. Г-жи Эмилъ Жирарденъ*. Перевъ Французскаго Александры Зражевской. Спб. въ тип. И. Воробьева, 1859 г. въ 8, 222 стр.

Мы должны только напомнитъ читателямъ о томъ наслажденіи, какое, конечно, ощущали они, читая и переводъ и сочиненіе г-жи Зражевской, при первомъ появленіи ихъ въ свѣтъ. Кто не знаетъ имени почтенной сочинительницы, перу которой кромѣ того обязаны мы прекрасными переводами Бальзакова *Лаберта*, Дювизи *Сень-Марсанъ* Подье, и Мирвалева *Чимборасскаго Пустыльника!*

37. Царевна Несмѣяна. *Народная Русская сказка*, переложенная въ стихи для десятилѣтняго читателя, Павла Александровича Жмакина, Александромъ Фуксъ. Казань, въ тип. Губ. Правленія, 1858 г., въ 8, 54 стр.

Привѣтствуемъ новое произведеніе писательницы, которая къ усѣху своихъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній прибавила и сценической усѣхъ въ прошедшемъ году. Вы, конечно, знаете забавную Русскую сказочку о *Пьсьмянь Царевнѣ*? Она переложена г-жею Фуксъ въ стихи для дѣтяти, но мы увѣрены, что и взрослые прочтутъ ее съ улыбкою.

38. Блины. *Г. Д.* Москва, въ тип. Унив., 1859 г. въ-64, 35 стр.

Что не вдохновляло поэтовъ? И солома была воспѣта, и вино и пироги! Какъ ускользали до сихъ поръ блины отъ нашихъ восторговъ? Всѣ ѣли ихъ, а никто не пѣлъ. За то теперь они достойно прославлены. Мы советуемъ всѣмъ блинникамъ скупить книжечку г-на Г. Д., и употреблять ее на подлажку

подъ блины — блины съѣдятъ и ее прочтутъ, и опять попросятъ блиновъ. Сочинитель будетъ очень доволенъ—только купите его поэму!

39. *Sieben Blumen vom Ufer der Moskwa. Von Treumund Brand von Norden. Moscau, 1839.* Дерить, въ тип., 1839 г. въ 8, 50 стр.

И на чужой сторонѣ расцвѣтають сиротки цвѣточки, и Германскій поэтъ можетъ усладительно пѣть на берегахъ Москвы! По крайней мѣрѣ, мы съ удовольствіемъ прочли заветные листки Германской поэзіи, особливо видя въ нихъ свое родное: поэтъ посвятилъ одну пѣснь Русскому Царю, другую памяти Годунова, третью герою-крестьянину Сусанину, и еще прекрасно передалъ по Нѣмецки стихотвореніе Хомякова: *Детосникъ*.

40. Воспитанникъ любви (Jean). *Сочиненіе Поль де Кока.* Пер. съ Французскаго. Четыре части. Спб. въ тип. Неймана и К., 1838 г. въ 12, стр. 116, 114, 93 и 102.

Каковъ романъ, можете судить по имени автора. Каковъ переводъ, судите по тому, какъ напечатанъ переводникомъ эпиграфъ: *Notre gloire est souven l'ouvrage d'un sourire. Legouvé. Merites de femmes.* Его можно послѣ сего перевести такъ: «Наша слава есть часто произведеніе улыбки, невысказанное лицо.» По крайней мѣрѣ, другаго смысла, кажется, прибрать нельзя.

41. Браво, или Венеціанскій Бандитъ. *Историческій романъ.* Соч. А. Ф. Купера. Четыре части. Спб. въ тип. К. Вингебера, 1839 г. въ-12, стр. 189, 206, 192, 218.

А, разбойникъ Браво! попался! За то, что ты былъ такой злой при жизни, за то, что потомъ моришь скукою въ романѣ Куперовомъ, тебя перевели, какъ можно хуже, напечатали на разноцвѣтной бумагѣ, и продаютъ такъ дешево, что и на Щукинскомъ Дворѣ найдутся для тебя покупатели. Тамъ тебя, злодѣя, засалютъ, исчитаютъ тебя въ лоскутки, и такъ погибнешь ты, какъ погибають разбойники, тебѣ подобные!

42. Гостиница дѣлалъ на новый годъ. *Книга въ пользу воспитаній дѣтей.* Соч. М. С—ва. Спб. въ тип. Н. Греча, 1839 г., въ 64, 108 стр.

Нѣсколько сказочекъ и басенокъ. Жаль только, что смыслъ

ихъ не вполне прировненъ къ дѣтскимъ понятіямъ. На что разсказывать дѣтямъ, какъ *выскли* Василья за болтовство; какъ крестьянинъ *разсчитывался* съ овцою за сѣно, и впускать ихъ нѣжной душѣ мрачную недоверчивость къ свѣту и людямъ? Мало ли милаго придумать и добраго о людяхъ разсказать можно! Право, люди не все такъ дурны, какъ кажется съ перваго взгляда, или по нѣкоторымъ людямъ...

43. Живописный Карамзинъ, или *Русская Исторія въ картинахъ*, издаваемая Андреемъ Прево. Части II-й тетради 6, 7, 8. Спб. въ тип. Э. Праца, 1839 г., въ 4, 20 стр. и 20 лит. картинокъ.

Сими тетрадями заключился *второй томъ* Живописнаго Карамзина. Въ обоихъ помѣщено 120 рисунковъ. Они стоятъ 50 рублей, и продаются у издателя.

44. Гомеопатическій экзаменъ *больныхъ*. Руководство, составленное преимущественно для тѣхъ, кои начинаютъ заниматься Гомеопатіею, и для больныхъ, живущихъ въ отдаленіи отъ своего врача. Пер. съ Нѣмецкаго. М. въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ-12, 96 стр.

Хотите ли *наимнать* заниматься Гомеопатіею? Вотъ вамъ книжечка, гдѣ подробно узнаете, чего не вѣсть, чего ни пѣть, чего не шокать, и какъ узнавать какую болѣзнь. Напримеръ: *Недостатокъ мыслительной способности* обнаруживается тупымъ понятіемъ, труднымъ мышленіемъ, медленнымъ теченіемъ мыслей, когда большой *сбивается при писаніи его нибудь орациейемъ мыслей*... Но чему же вы смѣетесь? Видно, вы прочитали предисловіе къ Гомеопатическому экзамену? — Ну, въ сторону Гомеопатію! Мы найдемъ и другое —

45. Новый, вѣрнѣйшій способъ леченія (т. е. леченія) Геморога, *холодной водою*. Составленный Докторомъ Ритгеромъ. Пер. съ Нѣмецкаго. М. въ тип. Н. Степанова, 1839 г. въ-8, 24 стр.

Не хотите ли узнать тайну *Гидропатіи* (Wasserkur)? Она еще легче Гомеопатіи. Стоитъ только *пить воду*, пить больше—и дѣлу конецъ! У кого есть геморои—пей по 6-ти кружекъ воды въ день, каждую кружку въ фунтъ и больше, кунайся въ водѣ, дѣлай изъ нея ванны, и — геморои какъ рукой сниметь! Въ томъ именно состоитъ *способъ, составлен-*

ный Докторомъ Риттеромъ. — Ахъ! еслибы вмѣсто воды велили пить вино!.. Почему не выдумаютъ какого нибудь Weinkur?.. То-то бы охотниковъ лечить и лечиться! Кстати о Медицинѣ: не занка ли вы? Купите поскорѣ книжечку:

46. Способъ *излеченія занкаиля*. Соч. Хр. Лагузена. Спб. въ тип. Э. Праца и К., 1838 года, въ-12, 47 стр.

Г-нъ Лагузенъ утверждаетъ что занканіе пикогда не происходитъ отъ недостатка органовъ, и предлагаетъ способъ для излеченія его очень простой: «положить занкъ подъ языкъ *свитокъ скатаннаго холста, толщиною въ мизинецъ, а длиною равный ширинѣ рта между зубами,*» и заставлять его по-слѣ того читать въ слухъ книгу. Если же такое вѣрное средство не поможетъ, у г-на Лагузена есть *машинка*, которую можете у него купить, и которой онъ въ книжечкѣ своей не описываетъ. Пожалуй—всякой прочиталъ бы, сдѣлалъ себѣ машинку, да и вылезлся! Нѣтъ! купите машинку. Адресъ автора приклеенъ къ оберткѣ книжки.

47. Новый, весьма дешевой, и для *всѣхъ полевыхъ и садовыхъ растений* выгодный способъ *добыванія позема*, съ особеннымъ примѣненіемъ къ огородничеству. Соч. Неббина. съ Нѣм. Н. Пейкеръ. Спб. въ тип. Х. Гинце, 1839 г. въ 16, XV и 71 стр.

Авторъ спрашиваетъ (стр. XIV): «какое земледобрительное средство въ природѣ самое важное?—Разумѣется.... Да кажется, всякій знаетъ, что такое мужики весной возять на пашню... Оно такъ, но тутъ-то и ошибка! Совсѣмъ не то, о чемъ съ такимъ восторгомъ пишутъ агрономы, рѣшительно совсѣмъ другде! Лучшее *земледобрительное средство* трава, трава, *мышанна* изъ травъ, Мг. Гг., и г-нъ Неббинъ узналъ это на опытъ, «въ помѣсть, коего владѣтельница *очень любила горохъ*, но не была довольна качествомъ, въ каковомъ онъ получался изъ ея огорода (стр. VIII). Г-нъ Неббинъ вступился въ горе любительницы гороха, удобривъ травною землю, и горохъ вышелъ чудо. Какъ онъ удабривалъ — прочитайте въ его книжечкѣ. Такое дѣло не по нашей *профессіи*. Неужели мы обязаны пересказывать вамъ содержаніе всякой книги? Вы ихъ и покупать не станете, а для чего ихъ печатаютъ? Для того, чтобы добрые люди покупали.

=

М Н Ъ Н І Е

О НОВОМЪ ПРАВОПИСАНІИ Г. ЛАЖЕЧНИКОВА
ВЪ РОМАНѢ ЕГО: *Басурманъ* *.

—
Благословите, братья, правду сказать!

Какъ творчество въ искусствахъ, такъ открытія и нововведенія въ наукахъ должны имѣть основаніе. Разсудокъ, предписывая законы поэту, еще съ большею строгостью слѣдитъ за дѣйствіями математика и филолога — ученыхъ, живущихъ не въ идеальномъ мірѣ, гдѣ есть иногда мѣсто причудамъ и время своенравію, а на землѣ положительныхъ, точныхъ знаній, гдѣ всему положено число и уставлена мѣра. Созданіе, выходящее изъ предѣловъ изобрѣтенія, мы клеймимъ названіемъ химеры, пельности. Нововведеніе, нарушающее уставъ здраваго смысла, отличаемъ именованіемъ неудачной, смѣшной попытки. Первое есть слѣдствіе необузданнаго воображенія, или прихотливой воли творца; второе — плодъ невѣжества, или умышленнаго каприза. И то и другое достойны порицанія. Мы съ благодарностію примемъ *новое*, если оно съ лихвою пользы замѣлитъ *старину*: голось истины выше завѣта предковъ; но когда ничѣмъ не поддержанное нововведеніе насильственно вытѣсняетъ прежніе обычаи, прежнія правила — тогда всякій имѣетъ право поднять руку правды на бессмысленную попытку реформатора. И такъ, благословите, братья, правду сказать.

Новое, небывалое въ кругу образованныхъ, книжныхъ людей правописаніе, введенное Г. Лажечниковымъ въ романѣ его: *Басурманъ*, принадлежитъ къ числу тѣхъ неудачныхъ попытокъ, о которыхъ мы говорили выше, и надъ которыми старъ и младъ по справедливости смѣются, приговаривая: *слытась не зрѣшио надъ тѣмъ, что слышио*. Вся бѣда (да извинитъ насъ почтенный авторъ Новика, Ледянаго Дома и

* Предоставляя себѣ сказать въ послѣдствіи мнѣніе наше, съ удовольствіемъ помѣщаемъ присланную къ намъ статью, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ почтеннаго ея сочинителя. *Р. С. О.*

Басурмана) произошла отъ того, что пововодитель незнакомъ съ кодексомъ Грамматики вообще и основаніями Орфографіи въ особенности. Конечно, незнаніе коренныхъ уставовъ Орфографіи нисколько не помрачаетъ славы творчества; можно быть плохимъ филологомъ и писать хорошіе романы; но потомство, слишкомъ отдаленное для истинныхъ гениевъ и весьма близкое для неразумныхъ пововеденій осудитъ Г. Лажечникова не за то, что онъ не зналъ орфографическихъ основаній, а за то, что не зналъ сихъ основаній, хотѣлъ сдѣлать реформу въ Орфографіи. Доброе памтреніе не можетъ служить извнненіемъ сбивчивой и безотчетной реформаціи. Что въ добротѣ, которая хуже *соровства*? Нѣтъ ничего лучше *ума*—и нѣтъ ничего хуже писателя, у котораго *умъ заходитъ за разумъ*. То добро, въ чемъ нѣтъ зла.

Сужденіе мое о пововеденіи Г. Лажечникова дѣлю на двѣ части: въ одной кратко излагаю истинныя основанія Орфографіи; въ другой доказываю, что *небывалое правописаніе* рѣшительно идетъ на перекоръ симъ основаніямъ.

Слова суть выраженія понятій, посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ. Отсюда два слѣдствія: а) въ каждомъ словѣ должно разсматривать внутреннюю его сторону (понятіе, имъ выражаемое) и вѣшнюю (звуки, соединеніе гласныхъ съ согласными, болѣе или менѣе гармоническое); б) письменное выраженіе словъ должно указывать на два означенные ихъ элемента: значеніе слова (его отношеніе къ понятію) и надлежащій звукъ (одежду понятія). Первый элементъ есть душа слова, второй — его тѣло. *Главное условіе Орфографіи*, повторяю, *состоитъ въ томъ, чтобы читатель видѣлъ обѣ стороны каждаго реченія: его душу и тѣло*.

Разсмотримъ первый элементъ. По различному отношенію словъ къ понятіямъ, первыя дѣлятся на извѣстные отдѣлы, которые обыкновенно называются *частями речи*. По средству однихъ понятій съ другими, и слова, какъ ихъ выраженія, находятся во взаимной зависимости, означаемой именемъ *производныхъ* или *коренныхъ*, *составныхъ* или *простыхъ речений*. Посему Орфографія, относительно перваго элемента, обязана представить въ каждомъ словѣ двѣ вѣтви духовной его стороны: отношеніе его къ понятію (къ какой части речи принадлежитъ оно) и зависимость его отъ другихъ словъ (производное ли оно или коренное? составное или простое?).

Оба требованія легки для выполненія, но выполненіе перваго не представляетъ особенныхъ, важныхъ послѣдствій; выполненіе втораго чрезвычайно важно — даже необходимо.

Дѣйствительно, введеніемъ условныхъ знаковъ — крючковъ или черточекъ — легко отличить всѣ разряды словъ, такъ, что читатель съ перваго взгляда усмотритъ, гдѣ стоятъ имена существительныя, гдѣ глаголы, нарѣчія, и проч. Но къ чему, скажите, послужитъ такое нововведеніе? Какая польза подобныхъ крючкотворныхъ затѣй? Очи ума видятъ свѣтлѣ очей тѣлесныхъ, полетъ мысли быстрее полета взоровъ: не крючки и черточки наводятъ пасть на истинный путь разумія, а короткое знакомство съ Грамматикой; понятіе, нераздѣльное съ словомъ, безъ помощи условныхъ знаковъ бросается въ глаза разсудка мгновенно, какъ только очертаніе буквъ поразило физическое зрѣніе. А кто не знаетъ, на примѣръ, существенныхъ признаковъ нарѣчія, тотъ не узнаетъ ихъ и въ то время, когда вы окружите нарѣчіе мириадами указаній. Однимъ словомъ: кому нужны постороннія пособія для скорѣйшаго усвоенія грамматическаго смысла — изъ того, конечно, со временемъ можетъ выйдти отличный дровосѣкъ, но ужъ вѣрно не грамотѣй. Сверхъ того, въ письменномъ выраженіи мыслей, какъ и въ практической жизни мыслящихъ существъ, есть своего рода столкновеніе обязанностей, *collisio officiorum*. Имѣя въ виду главныя условія орфографіи, выходящія изъ элементовъ слова, не надобно забывать и условій второстепенныхъ: скорѣйшаго и красивѣйшаго начертанія словъ. Сколько бы времени просидѣли мы надъ одной страницей, сопровождая каждую часть рѣчи свойственнымъ ей знакомъ! Какой неприятной нестротой бросались бы въ глаза читателю строки, унизанныя крючками и черточками! Если мы изъ двухъ золъ выбираемъ меньшее, то изъ двухъ предметовъ, безполезнаго (введенія этимологическихъ знаковъ) и полезнаго (отсутствія этимологическихъ знаковъ), разумѣется, выберемъ послѣдній. Сообразивъ все вышесказанное, заключаемъ, что *введеніе какихъ бы ни было средствъ для указанія словъ совершенно бесполезно, находится въ явномъ противорѣчьи съ удобствомъ письма, и слѣдов. принадлежитъ къ перестатейнымъ нецѣлостямъ*. Есть, однакожъ случаи, въ которыхъ уклоненіе отъ означеннаго правила становится почти необходимою — случаи, когда одно и тоже соеди-

неніе звуковъ выражаетъ не одно и то же понятіе. Мы знаемъ много словъ, измѣняющихъ свое значеніе по мѣсту въ рѣчи, переходящихъ изъ одного разряда словъ въ другіе. Такъ нѣкоторые прилагательныя употребляются въ смыслѣ именъ существительныхъ; существительныя и прилагательныя служатъ весьма часто нарѣчіями; нарѣчія восходятъ на степень именъ, союзовъ и предлоговъ; слова *который* и *что* принадлежать иногда къ мѣстоименіямъ, иногда къ союзамъ; глаголы замѣняютъ имена, и проч., и проч. Благоразуміе предписывало отличить коренное употребленіе каждаго слова отъ временнаго его назначенія — и вотъ грамотные люди, дѣйствующіе не на авось, какъ сочинители иныхъ романовъ, а на прочномъ основаніи, стали писать *лиогол* имена и мѣстоименія, поступившія въ разрядъ нарѣчій или союзовъ, слитно съ предлогами (*наконцѣ, влѣстѣ, втайнѣ, поспѣлу*). Такъ какъ *тахиит* именъ существительныхъ и прилагательныхъ, теряющихъ свое собственное знаменованіе, переходитъ преимущественно въ нарѣчія, то, для избѣжанія двусмысленностей и недоумѣній, *большая часть* нарѣчій пишется слитно, безъ разложенія на составныя части. Замѣтьте, что сказала я: *лиогол*, *большая часть*, а не всѣ. Почему? Причина ясна и уважительна: она заключается въ столкновеніи обязанностей, о которомъ шла рѣчь выше. Если имена существительныя и прилагательныя, соединяясь съ предлогами, служатъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, нарѣчіями, т. е. означаютъ качество дѣйствія и относятся, слѣдов., къ глаголу, то сіе качество дѣйствія можетъ иногда выражаться соединеніемъ многихъ словъ: даже цѣлыя предложенія иногда суть не что иное, какъ нарѣчія. Положимъ, что вы говорите: *земля быстро вертится вокругъ солнца*. Здѣсь *быстро* принадлежитъ къ нарѣчіямъ. Но вы можете сказать: *земля неизмоврно быстро вертится вокругъ солнца*, или *земля съ неизмоврно быстрой вертится вокругъ солнца*, гдѣ *неизмоврно быстро* и *съ неизмоврно быстрой* также относятся къ нарѣчіямъ. Если мы изобразимъ ихъ, для отличія отъ прилагательныхъ и существительныхъ, такъ: *неизмоврно-быстро, с-неизмоврно-быстрой*, или такъ: *неизмоврно-быстро, съ неизмоврно-быстрой*, то, въ первомъ случаѣ, Русская грамота будетъ походить на тарабарщину, а во второмъ, изобразить подобіе большой дороги съ поваленными столбами. Крайности вездѣ

дурны: зачѣмъ прибѣгать къ нимъ въ Грамматику? Не худо притомъ пововодителю соображаться съ орфографіей другихъ народовъ. Нѣмцовъ, Англичанъ, или хоть Французовъ, которые пишутъ: *en effet, en même temps*, а не *eneffet, emteme temps*, или *en-effet, en-meme-temps*. Благо-разумнаго подражанія никто не назоветъ воровствомъ: вѣдь избираемъ же мы сюжеты Французскихъ романовъ, не боясь упрека восьмой заповѣди?

Выполненіе втораго требованія, относительно духовнаго элемента слова, т. е. указаніе зависимости слова отъ другихъ (производное ли оно или коренное? составное или простое?) необходимо. Корень густолиственного дерева мощно укрѣпляетъ его на родной землѣ, выводитъ красивый стволъ, раскидываетъ гибкія вѣтви и несетъ животворную влагу въ малѣйшій отпрыскъ, въ тончайшій листокъ: такъ и корень слова, давъ плоть и духъ многочисленному семейству речей, не умираетъ въ отдаленномъ потомствѣ своемъ. Мы хранимъ пыльные свитки родословныхъ, любуемся изображеніямъ начальниковъ нашего бытія, бережемъ памятники старины — священные останки давноминувшихъ лѣтъ и повѣрій: почему же одно слово, то слово, которымъ предки выражали свои страданія и радости, не удостоится отъ насъ благодарнаго почтенія? Рѣшится ли кто утверждать бесполезность филологическихъ разысканій, имѣющихъ предметомъ сродство и различіе языковъ? Всѣ образованные народы занялись сравнительнымъ ихъ изученіемъ, а ключъ къ этому изученію въ словахъ коренныхъ, реченіяхъ необходимыхъ, составляющихъ основаніе каждаго языка. Вы скажете, что не всѣ корни сохраняютъ первоначальное значеніе, данное имъ въ минуту рожденія; что много словъ, въ началѣ звукоподражательныхъ, въ послѣдствіи утрачиваютъ свое отношеніе къ предметамъ тоническимъ; что много и такихъ, которыя служили прежде украшеніемъ рѣчи, употреблялись въ несобственномъ смыслѣ, а теперь перешли въ обыкновенное, разговорное выраженіе мыслей..... Какая нужда? Мы прослѣдимъ всѣ фазы слова въ различныя эпохи народнаго быта: исторія измѣненій, которыми оно подвергалось тогда-то и тогда-то, поучительна, богата важными результатами, обильна полезными приложеніями. Однимъ словомъ: жизнь каждой стѣхи языка любовна и необходима не менѣе жизни народа, имъ говоряща-

го. Вотъ почему корни словъ, какъ свѣтъ, остаются неприкосновенными, вотъ почему, не смотря на огромную дань приращеній, которую несло имъ время, они сохранили свой начальный обликъ. Это фондъ картины: многія поколѣнія набросали на нее свѣта и тѣни, но, сквозь работу послѣдующихъ художниковъ, видишь идею, которая водила *перво* кистью. Это тема варіацій: въ волнахъ безчисленныхъ звуковъ всегда несетя основной, главный звукъ, вылетѣвшій изъ груди *перваго* пѣвца. Это, наконецъ, бессмертный духъ *первой* мысли, закаленный въ коренномъ словѣ и вѣющей во всѣхъ его страляхъ. Только бессмысленные посягаютъ на его искаженіе; благоразумные думаютъ иначе: по ихъ мнѣнію, выше изложенному, *Ороографія* должна сохранять *корень* (*первообразъ*) слова, *чтобы читатель видѣлъ родство между словами, зависимость однихъ отъ другихъ.*

Обращаюсь ко второму элементу.

Законы ума одинаковы во Франціи и Патагоніи, отъ чего число частей рѣчи (за исключеніемъ маловажныхъ несогласій, о которыхъ и говорить нечего) неизмѣнно: у всѣхъ народовъ есть имя и глаголъ, прилагательное и нарѣчіе, предлоги и союзы. Главные разряды словъ, безъ которыхъ невозможно полное выраженіе сужденія — основнаго акта мысленія — одни и тѣ же въ пяти тысячахъ языковъ, оглашающихъ землю, ибо вслѣдъ человѣкъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и какъ бы онъ ни жилъ, долженъ означать предметы и ихъ дѣйствія, качества предметовъ и дѣйствій, взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ. То, что мы называемъ глаголомъ, Персіянинъ не назоветъ нарѣчіемъ, если только ему известны отличительныя свойства глагола и нарѣчій. Короче: отношеніе словъ къ понятіямъ постоянно. Равно постоянно и отношеніе однихъ словъ къ другимъ, зависимость производныхъ отъ коренныхъ. Первообразъ, или корень реченія, давъ жизнь многочисленному семейству словъ, не теряетъ начального своего смысла; введенный въ *различныя* части рѣчи, онъ хранитъ *одинаковое* значеніе. Не таковы законы, управляющіе выговоромъ словъ: одні и тѣ же буквы могутъ измѣняться въ произношеніи или, другимъ словами, буквы, имѣющія разное начертаніе, не различаются въ произношеніи. Разсматривая измѣняемость гласныхъ и согласныхъ въ каждомъ языкѣ, замѣчая переходъ словъ изъ одного языка въ другой, на-

ходимъ слѣдующій законъ: звуки измѣняются въ однородные звуки, мягкіе въ соответственные твердые, твердые въ соответственные мягкіе. Одинаковый выговоръ буквъ при неодинаковомъ ихъ видѣ, или постоянствѣ (и, і, ф, ѳ) или временствѣ, т. е. имѣетъ мѣсто при извѣстныхъ условіяхъ, на прим. при перенесеніи ударенія (о, а, а, е; я, е; б, п; д, т и проч.), сличеніи съ другими буквами (у, ю; а, я, и пр.), и т. д. Повторяю: отношеніе словъ къ понятіямъ и зависимость однихъ словъ отъ другихъ представляютъ законы, отличные отъ законовъ произношенія. Въ первомъ случаѣ видимъ постоянство, во второмъ измѣняемость; въ одномъ — неподвижность; въ другомъ — движеніе; тамъ — покой мысли негибнущей, здѣсь — переливъ звуковъ преходящихъ. Согласить противорѣчащее невозможно, и потому *Ороографія предписываетъ оставлять корни словъ неприкосновенными, не обращая вниманія на переходы однихъ буквъ въ другія; заботиться о словопроизводствѣ, а не о словопроизношеніи; поднимать просодію этимологии.* И дѣйствительно, произношеніе не только измѣняется съ теченіемъ времени, но можетъ быть различнымъ въ извѣстное время, особенно на такомъ необъятномъ пространствѣ, какое занимаетъ Россія. Развѣ не употребляются у насъ, въ некоторыхъ областяхъ, *и* вмѣсто *и*, и *ѣ* вмѣсто *ѣ*? Вы говорите *харашо*, а Сибирякъ — *хорошо*. Къ чему жъ послужитъ забота о надлежащемъ чтеніи писаной или печатной грамоты? Я прочту ее, какъ слѣдуетъ, если выучился читать, но не отыщу корня, искаженнаго бессмысленной ороографіей. Выиграть время полезно; выиграть смыслъ еще полезнѣе. Вотъ почему Французъ скорѣе согласится поставить пять буквъ вмѣсто одной, чѣмъ скрыть родство своего языка съ Латинскимъ. Вотъ почему также я считаю излишнимъ употребленіе *с* вмѣсто *з* въ некоторыхъ предлогахъ предъ извѣстными буквами и отдаю справедливость Г. Востококу за его правило не употреблять *ъ* вмѣсто стеченія *зи*, *и* вмѣсто *те* или *де*, *и* вмѣсто *се*, *же*, *зи* (въ извѣстныхъ случаяхъ), ибо здѣсь самымъ начертаніемъ буквъ указываются корни, приставки и окончанія словъ. Пишите, если угодно, *итти*; но, по моему мнѣнію, надобно писать *идти*.

Кромѣ трудности въ произношеніи словъ, зависящей отъ перехода твердыхъ звуковъ въ мягкіе и на оборотъ, есть еще *другая*, представляемая *удареніями*, которыя легки въ

Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, потому что имѣютъ постоянныя мѣста на первомъ и послѣднемъ слогахъ, по труднѣ въ Рускомъ, гдѣ удареніе переходитъ въ начало, средину и конецъ рѣченія. Нужно ли какими нибудь знаками указывать высокіе слоги, особенно въ стихахъ — рѣчи мѣрной тонической, основанной на удареніяхъ? Ни мало. Благоразумные *книжники* изгоняютъ даже черточки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одно и тоже слово, различно произносимое, получаетъ различное значеніе, на прим: *лука* и *лука!* Подобныя указанія обижаютъ челоуѣка, умбющаго читать и понимать, а для дѣтей есть азбуки съ огромными буквами, съ длинными чертами межъ слоговъ, съ раскрашенными картинками, — есть глянки въ награду и розги въ наказаніе. Большею частью мы читаемъ для себя и про себя: что значить здѣсь ошибочный выговоръ двухъ-трехъ словъ? Но кому нужно декламировать въ обществѣ, тотъ пусть заблаговременно пробѣжитъ глазами два-три раза избранную пьесу. Число значковъ для удареній, равное числу слоговъ, затруднитъ отягленного чтеца. Всякій, на прим., съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ читаль 12 томовъ Исторіи Карамзина, и едва ли кто прочель два тома ея сокращенія, сдѣланнаго Г. Таппе для иностранцовъ, съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

Такъ вездѣ мы встрѣчаемъ столкновение различныхъ, иногда противорѣчащихъ, случаевъ, изъ которыхъ должны по необходимости выбрать одинъ, важнѣйшій, исключивъ другой, мало или вовсе незначительный. Последнее замѣчаніе по сему предмету относится къ знакамъ препианія, появившимся, какъ извѣстно, въ то время, когда авторы стали *читать*ся, а не *читать* свои сочиненія, и когда, следовательно, слушатели безъ помощи крочковъ и черточекъ не могли видѣть состояніе души писателя и понимать смыслъ его рѣчи. Знаки препианія двоякаго рода: одни служатъ къ выраженію мыслей, другія къ ихъ раздѣленію. Но мѣръ чувствующей такъ разнообразенъ! Въ постепенности или зависимости мыслей другъ отъ друга такъ много отынковъ! Составимъ ли новую науку, *знаководствіе*, для выраженія каждого тревожнаго состоянія духа нашего, для указанія управляющихъ и управляемыхъ мыслей? Нѣтъ, благоразуміе избавляетъ насъ отъ безпечной пестроты въ печати, и вотъ, въ первомъ случаѣ, вмѣсто *плагельныхъ, радостныхъ, ужасныхъ, грозныхъ* знаковъ у насъ есть

только два: вопросительный и удивительный; во второмъ, вмѣсто легиона крочковъ, точекъ, черточекъ, мы пользуемся только точкой, двоеточіемъ, точкой съ запятой и запятой, прибавляя иногда черту или нѣсколько точекъ. Сообразно основному началу пунктуации, по которой чѣмъ меньше знаковъ, тѣмъ лучше, Грамматики постановили особенныя условія, въ силу коихъ *небольшое* число знаковъ достаточно для самаго *большаго* періода, обремененнаго десятками придаточныхъ и вводныхъ предложений. Столкновение обязанностей — разграниченія мыслей съ простѣйшею пунктуацией — и здѣсь не затруднило умныхъ изобрѣтателей.

Желаніе блеснуть грамматическими запятыми — не новость. Во Франціи издавался особенный журналъ съ цѣлью преобразовать всеми принятую орфографію. У насъ, на Руси, были также гонители *ъ* и *ь*, заклятые враги *э* и великодушныя защитники *ижицы*, а самоучки — простолюдины писали и до сихъ поръ пишутъ: *расхотѣ*, *лафна*, *должѣ*, и проч. Чѣмъ оканчивались подобныя нововведенія? Обыкновеннымъ концомъ своимъ: смѣхомъ со стороны зрителей, упорствомъ со стороны нововодителей. Общее качество причудливыхъ — настойчивость. Если голосъ ихъ не отзывается въ умѣ слушателей, они болѣе и болѣе становятся упрямыми, такъ, что при внутреннемъ сознаніи своего заблужденія, не высказываютъ его наружно. И то сказать: стыдно возвращаться на путь справедливости тому, кто волею или неволею зашелъ далеко въ ошибку.

Орфографическія перемѣны Г. Лажечникова двухъ родовъ: одніе касаются внутренняго, духовнаго элемента слова; другія относятся къ элементу внѣшнему, вещественному. Въ первомъ случаѣ, авторъ Басурмана, обративъ *quasi* строгое вниманіе на рѣченія, временно служація союзами и нарѣчіями, печатаетъ ихъ составныя части или слитно, или отдѣляя чертами. Остановитесь на любой страницѣ его романа и вы увидите слѣдующія выраженія: *на-этогъ-разѣ*, *въ-саиломъ-дѣль*, *тѣль-болѣе*, *примро-ль-сказать*, *кой-о-гель*, *другъ-съ-другомъ*, *нисвѣтъ-низгря*, *болѣе-и-болѣе*, или *вблагодарность*, *чтото*, *побыковски*, *потолугто*, *какже*, *излюбопытства*, *вознагражденіе*, *таксказать*, *можетбыть*, *можетстаться*, *таккакъ*, *потыто*, *го.пто*, *малото*, *вопкакъ*. Примѣры сии ясно показываютъ стремленіе самымъ начертаніемъ словъ обозначить

ихъ отношенія къ понятіямъ, указать одну изъ сторонъ духовнаго элемента слова — *стремленіе, противное первому нашему выводу касательно орфографіи*. — Сверхъ того, мы желали бы спросить господина реформатора, чѣмъ онъ руководствовался, надѣляя составныя части нѣкоторыхъ нарѣчій и союзовъ чертами, а въ иныхъ ставя ихъ рядомъ? Сколько буквъ должно заключать слово, чтобы получить право на черточку или быть сплошнымъ? *Можетбыть* состоитъ изъ девяти буквъ, какъ и *тѣмъ-болѣе*, но послѣднее съ чертою, а первое — увы! — не удостоено такого знака отличія. *Вознагражденіе* рѣшительно обижено въ сравненіи съ *кой-о гемъ*, да и *благодарность* можетъ сказать *на-этомъ-разъ*: чѣмъ я тебя короче? Ужъ если стоять крѣпко за правду — такъ лицепріятіе отложите въ сторону. Впрочемъ, не смотри на зоркій глазъ орфографа-реформатора, многія слова, какъ блудныя дѣти, ускользнули отъ отцовскаго надзора и гуляютъ какъ попало — безъ черты и врозь, хотя принадлежатъ къ *листопарыжнѣ* и *листоогозажнѣ*. Вотъ примѣры изъ первой части: только почь *хоть глаза выколи* (стр. 6); ты чай промокъ *на сквозь* (стр. 7); *чѣмъ выше* восходилъ онъ (стр. 70). Къ лицепріятію и вольности, во многихъ случаяхъ, присоединились еще противорѣчія, такъ что одні и тѣ же части рѣчи, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, напечатаны различно. За доказательствами пойдѣмъ опять въ первую часть. «*Чѣмъ выше* восходилъ онъ, *тѣмъ-болѣе* удалялся отъ него отчужденецъ (стр. 70).» Во первыхъ, почему не *чѣмъ-выше*? во вторыхъ, отъ чего, на стр. 73, сказано: *тѣмъ-болѣе*? Не раздѣлятся ли эти слова на чины или степени? — «Видѣтъ онъ *во снѣ* и *наву* (стр. 24).» *Во снѣ* такое же нарѣчіе, какъ и *наву*, слѣдов. начертаніе ихъ не должно различаться. — «*Какже, для чего, почему* это случилось (стр. 28).» Видно предлогъ *для* важнѣе смиреннаго *по*, но, въ такомъ случаѣ, не надобно бы унижать его и на стр. 25, говоря: «*дляго* это? Нѣкоторыя мѣста романа поражаютъ глаза, не привыкшіе къ *басурманской* орфографіи. Прошу прочесть, не занкаясь, слѣдующія строки: «И впрямь! Экой я простакъ! Вотъ, *примироль-сказать*, быкъ съ бараномъ хотѣлибъ *кой-отемъ* переговорить *другъ-съ-другомъ*; *побирани-то* понимаю, и баранъ меня, а *обыковски* не знаю, и станешь *ату-нишь* (часть I, стр. 15).»

Сколько Г. Лажечниковъ заботится объ отличіи тѣхъ частей рѣчи, которыя перешли въ нарѣчія и союзы, столько же пренебрегаетъ корнями, приставками и окончаніями словъ: слѣд. *грѣшитъ противъ глазнаго, существеннаго правила Орфографіи, предписывающаго указывать вторую сторону духовнаго элемента слова — его отношеніе къ другимъ регеніямъ*. Правда, не всѣ корни искажаются новымъ правописаніемъ, не всѣ окончанія и приставки подвергаются опалѣ, но и того, что сдѣлано, слишкомъ достаточно. Авторъ Басурмана преслѣдуетъ букву *е* послѣ *жс, ъ, ш*, гонитъ окончанія *его, ео, аго, яго*, мнѣяетъ *з* на *с*. Онъ пишетъ: *благодонный, погопный, увѣрившва, нво, этова, обманутова, ково, беспорыстис*, т. е. въ однихъ словахъ скрываетъ корни, въ другихъ уничтожаетъ точныя окончанія, въ третьихъ измѣняетъ приставки. Здѣсь опять представляются вопросы: 1) почему орфографическая реформа коснулась нѣкоторыхъ только случаевъ? Взлвъ произношеніе за руководство орфографіи, должно исполнять его предписанія: если *е* замѣнено *в*, то *в* слѣдуетъ замѣнять *ф*, вмѣсто *жс* ставить *ш*, и... мало ли какихъ потребуется подстановокъ? 2) Въ какой странѣ говорить: *великова, этова, ково, тово* и проч.? Православные произносить *великава, этава, кава, тава*. 3) Положимъ, что изъ предлога *безъ* выходитъ *бесъ*, но для чего же вы сами нарушаете превращенія *à la Овидій*, печатая: *разспросами, бессмертний*, вмѣсто: *расспросами, бессмертний*? 4) Искажая окончаніе родительнаго надежа въ единств. числѣ, вы, между тѣмъ, излишне внимательны къ другимъ надежамъ; печатаете: *какіе* звѣри, *меды сладкіе, этѣхъ* споровъ, *однѣ* декорации, а не: *какіи* звѣри, *меды сладкія* или *сладкіи* *, *этѣихъ* споровъ, *одни* декорации. Гдѣ основаніе подобныхъ исключеній? въ означенія числа или рода? Какая нѣжная предупредительность! Уничтожая корни словъ — дѣло первой важности — вы заботитесь о сохраненіи окончаній, указывающихъ родъ и число. Помилуйте! Единицу отъ множества отличить всякій, кто знаетъ счетъ до десяти, а различать мужескій полъ отъ женскаго и средняго еще легче — покрайней мѣрѣ, для людей, вышедшихъ изъ опеки, слѣд. имѣющихъ право читать романы.

* Произношеніе окончанія *ие* такъ смутно, что послѣдняя буква сливается съ *и* и *и*, почему незнающіе этимологи и ставятъ ихъ вмѣсто *е*. Ссылаюсь на всѣхъ учителей Грамматики.

Нововведенія относительно втораго элемента слова—звукъ—состоятъ (не считая тѣхъ, которыя затемняютъ словопроизводство и о которыхъ я сей часъ говорилъ) въ удареніяхъ надъ нѣкоторыми словами и въ двосточіи надъ буквою *e* тамъ, гдѣ она произносится какъ старинная *io*. Что такіе знаки нисколько не облегчаютъ чтенія — это доказано выше; но что Г. Лажечниковъ не всегда слѣдуетъ собственной выдумкѣ — это докажемъ теперь. Онъ пишетъ *потолиъ*, въроятно для того, чтобъ читатель не произнесъ: *потолиъ*, и ничего не ставитъ надъ словами: *казни*, *болышал*, хотя можно ихъ выговаривать: *кѣзни* и *казнѣ*, *болышал* и *болышѣл*, что совсѣмъ не одно и тоже; сопровождаетъ *лскарл* удареніемъ, и на той же страницѣ того же лекаря знать не хочетъ, такъ что иной *Тестадура* провозгласитъ *лскарл*, т. е. изъ единого эскулана сдѣлаетъ десятокъ. }

И такъ..... Всего менѣе нужно здѣсь заключеніе.

Но, можетъ быть, изобрѣтеніе Г. Лажечникова сокращаетъ время для письма, облегчаетъ изученіе орфографіи, устанавливаетъ ее.... Въ томъ-то и дѣло, что пѣтъ! Оно, напротивъ, размножаетъ число затруднительныхъ случаевъ, бросаетъ правописаніе на произволъ изъѣвичному произношенію, одному слову даетъ различную орфографію. Вредныя, ко естественныя слѣдствія необдуманной реформы! Дѣйствительно, законъ переходовъ звукъ до очевидности убѣждаетъ всякаго, что, слѣдуя выговору словъ, мы начнемъ писать ихъ неодинаково. Объясню общее положеніе примѣрами. Вамъ надобно написать предлогъ *безъ*; буква *з* иногда звучитъ чисто, иногда переходить въ *c*: слѣд. изъ одного начертанія выходитъ два. Далѣе, вы хотите написать *устрицишаго*; окончаніе *аго* произносится такъ неясно, что занимаетъ средину между *ава* и *сва*: слѣдов. изъ одного случая получится три. Положивъ просодію крайугольнымъ камнемъ орфографіи, мы подвигнемся грамотѣ Костромитянина, или Сибиряка, которые, въ свою очередь, посядутъ надъ нашей. Къ областнымъ, *гастыльмъ* измѣненіямъ въ выговорѣ присоедините особенныя свойства *индивидуальныхъ* лицъ, врожденные или пріобрѣтенные недостатки ихъ голоса и скажите: каково будетъ писанье занки или картаваго? Къ счастью, не всѣ занки и картавые сочиняють романы.

АВЕСЕДЕРЪ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Январь и Февраль 1859 года.

Россія.

Въ первый день *Новаго года*, въ который празднуется день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны, совершена была въ походной церкви, поставленной въ Эрмитажѣ, Божественная Литургія, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича, Государынь Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. — Члены Государственного Совѣта, Министры, Придворные Чины и прочія знатные обоюго пола особы, Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, Арміи

Т. VII. — Отд. V.

и Флота, находились при совершении службы, по окончании коей приносили поздравления Ихъ Величествамъ, Члены Святѣйшаго Синода въ церкви, а особы Дипломатическаго Корпуса въ Мальмезонской залѣ. Потомъ Государыня Императрица изволила принимать въ Итальянской залѣ дамъ, Членовъ Государственнаго Совѣта, первыхъ и вторыхъ чиновъ Двора, Генералитетъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ Кавалергардскаго Ея Величества полка. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. — Января 6-го числа, въ день Богоявленія Господня, въ который празднуется рожденіе Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Анны Павловны, совершена была въ походной церкви, поставленной въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Божественная Литургія, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государынь Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Сенаторы, Придворные чины, Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, Арміи и Флота, и знатные обою пола особы, имѣющіе пріездъ къ Высочайшему Двору, находились при Литургіи, которую совершалъ Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. По окончании службы, при пушечныхъ выстрѣлахъ съ Петропавловской крѣпости, отправлено было въ устроенной на Невѣ Иордани водосвященіе. За симъ знамена Роты Дворцовыхъ Гренадеровъ, Военно-Учебныхъ заведеній и полковъ Лейбъ-Гвардіи были окроплены святою водою. Въ Рафаэлевой Залѣ поставлены были взводы кадетовъ каждаго Кадетскаго Корпуса, коими изволилъ командовать Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Въ Воскресенье, 15-го Января, Графиня Росси,

супруга Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра Е. В. Короля Сардинскаго, имѣла честь представляться Ея Величеству Государынь Императрицѣ, а потомъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Николаевны, въ Собственномъ Дворцѣ Его Императорскаго Величества.

Февраля 2-го числа происходило освященіе малой Зимняго Дворца церкви, во имя Срѣтенія Господня, возобновленной послѣ пожара. Обрядъ освященія совершенъ былъ Его Высокопреосвященствомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, соборнъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государей Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича и Государынь Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Присемъ находились также всѣ Генералъ и Флигель-Адъютанты, Генералы въ Свѣтъ Его Императорскаго Величества состоящіе, Члены Коммиссіи для возобновленія Зимняго Дворца, Главные Архитекторы оной и главные мастеровые, участвовавшіе въ возобновленіи сего храма.

Въ текущемъ 1839 году готовится у насъ торжество драгоцѣнное и сладостное всякому Русскому сердцу. Государь Императоръ открываетъ вновь воздвигнутый памятникъ Русской славы, чести и воинской доблести на поляхъ Бородинскихъ, орошенныхъ 24-го и 26-го Августа 1812 года кровію вѣрныхъ Царю и Отечеству сыновъ благословенной Богомъ Россіи. Тамъ, чрезъ двадцать семь лѣтъ послѣ великаго и безсмертнаго событія, прославившаго, укрьпившаго и вознесшаго Имперію Россійскую, воздана будетъ подобающая честь падшимъ сынамъ ея; тамъ удѣлѣвшіе герои незабвеннаго 1812 года, съ умиленіемъ и восторгомъ душевнымъ, вспомнятъ

подвиги, опасности, страданія и славу юныхъ дней; тамъ молодые ихъ соревнователи, нынѣшніе защитники Отечества, въ справедливой признательности Государя къ заслугамъ ихъ отцовъ, увидятъ залогъ награды и уваженія къ собственной ихъ службѣ, и повторять въ душахъ священную клятву жить и умереть за Царя и за Россію.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года, и нынѣ живущіе въ отставку, пожелаютъ видѣть сіе торжество. Всѣ они, конечно, будутъ пріятны радушному хозяину Русской земли, и несомнѣнно найдутъ и благосклонный взоръ Государя и ласковую встрѣчу старыхъ своихъ товарищей.

Высочайше *Указы*, данныя на имя Начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества въ 6-й и 14-й дни Декабря 1838 г.

1) «Желая вознаградить тѣхъ судовыхъ Командировъ Флота Нашего, которые отличатся будутъ особенными попеченіями о продолженіи лѣтъ службы вѣранныхъ имъ судовъ, Мы предназначили особую сумму на удвоеніе имъ жалованья, ежели суда ихъ, по десятилѣтней службѣ, не будутъ требовать перетимбировки, и утроеніе, ежели командуемыя ими суда не потребуютъ оной по истеченіи пятнадцати лѣтъ отъ ихъ постройки.

«Вознагражденія сія производятся имѣютъ на основаніи особаго положенія, которое вы не оставите представить на утвержденіе Наше.»

2) «Слѣдую постоянному желанію Моему улучшить содержаніе служащихъ во Флотѣ Генераловъ и Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, и предвидя нынѣ возможность исполнить сіе прибавкою производимаго имъ по табели 1834 года жалованья, Я назначилъ Указомъ, Министру Финансовъ даннымъ, къ ежегод-

ному отпуску особую на сей предметъ сумму, и утвердивъ прилагаемую при семъ Табель новымъ окладамъ жалованья Генераламъ и Штабъ и Оберъ-Офицерамъ морскаго вѣдомства, повелѣваю вамъ привести оную въ исполненіе съ 1-го Января наступающаго 1839 года, прекративъ за тѣмъ производство жалованья показаннымъ въ новой Табелѣ чинамъ, по окладамъ, нынѣ ими получаемымъ.»

3) «По вниманію къ труднымъ обязанностямъ лицъ, коимъ ввѣряется нравственное и служебное образованіе благороднаго юношества, на военное поприще готовящагося, Мы признали справедливымъ всемілостивѣйше даровать сему роду службы особенное преимущество. — Въ слѣдствіе сего, повелѣвъ Указомъ, въ 6-й день сего Декабря, Военному Министру Нами даннымъ, присвоить особое увеличеніе окладовъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ военно-сухопутныхъ дворянскихъ учебныхъ заведеній, повелѣваемъ равномѣрно: за пятилѣтнее, непрерывное въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ военныхъ чинахъ служеніе, производить Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ онаго полоторное, а за десятилѣтнюю, таковую же непрерывную службу двойное жалованье, противъ окладовъ, определенныхъ Табелю, 6-го же сего Декабря Нами утвержденною, присвоивъ симъ чинамъ такое содержаніе, доколѣ они, въ военныхъ чинахъ, на службѣ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ состоятъ будутъ, и начавъ производство онаго съ 1-го Января 1839 года.

«Сумму, которая на сіе слѣдовать будетъ, требовать ежегодно, по смѣтамъ Морскаго Министерства, изъ Государственнаго Казначейства.»

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

И К О Л А Й.

Въ Высочайшемъ Декретѣ, данномъ Правительству Царства Польскаго, отъ 7-го (19-го) минувшаго Января, изображено:

«Разсмотрѣвъ представленный Намъ Совѣтомъ Управленія Царства проектъ объ учрежденіи желѣзной дороги подъ именемъ: Дороги между Варшавою и Вѣною, посредствомъ Компаніи на акціяхъ, постановили Мы и постановляемъ:

«Ст. 1) Утвердить контрактъ, заключенный, именемъ Правительства Царства Польскаго, между Польскимъ Банкомъ и Петромъ Штейнкеллеромъ, объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Варшавы до Австрійской границы, равно какъ и статуты Компаніи, учреждающей для приведенія въ дѣйствіе сего предпріятія.

«Ст. 2) Дать поручительство акціонерамъ въ четырехъ процентахъ дивиденда, до того времени, пока, погашеніемъ акцій съ десяти-процентною премією, желѣзная дорога обратится въ собственность казны, съ тѣмъ, чтобы доводящіяся акціонерамъ уплаты производились безъ всякаго ограниченія и затрудненій внутри Царства и за границею, не подлежа ни какому запрещенію.

«Ст. 3) Исполненіе сей воли Нашей возлагается на Правительство Царства Польскаго, со внесеніемъ въ Дневникъ Законовъ.»

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію Г. Министра Финансовъ, въ слѣдствіе донесенія Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи, что Ситхинскій Колошенскій Тоѣнь Куахте, по увѣщаніямъ нашего въ Россійско-Американскихъ Колоніяхъ Священника Веніамина о прекращеніи обычая Колошъ убивать плѣнниковъ при поминахъ умершихъ своихъ родственниковъ, первый подалъ къ уничтоженію онаго примѣръ, отпустивъ

на волю при одномъ изъ такихъ случаевъ, во всенародное свидѣтельство привязанности и уваженія къ Рускимъ, обреченныхъ на смерть невольниковъ, и замѣнивъ убіеніе Колошъ пожертвованіемъ другаго рода, Высочайше повелѣть соизволилъ: за таковою похвальнымъ поступкомъ Куахте наградить его парчевымъ кафтаномъ, съ приличнымъ поясомъ и шапкою.

— О пребываніи за границею Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника, получены слѣдующія извѣстія:

«Римъ, 24-го Декабря (5-го Января). Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, во все время пребыванія своего въ Римъ, ежедневно посвящаетъ по нѣсколькимъ часамъ на обзорніе достопримѣчательностей города, исполненнаго историческихъ воспоминаній древняго его могущества и славы, содержащаго памятники всѣхъ вѣковъ и драгоценныя собранія по всѣмъ родамъ изящныхъ искусствъ. Галереи Ватиканскаго Дворца, его бібліотека, Капитолійская и нѣкоторыя частныя галереи, знаменитыя произведенія древней и новой архитектуры и лучшія мастерскія находящіяся здѣсь художниковъ всѣхъ Европейскихъ націй, занимаютъ попеременно вниманіе Государя Цесаревича. Его Императорское Высочество особенное изволило обращать вниманіе на труды Русскихъ художниковъ, изъ коихъ многіе приобрѣли въ Римъ извѣстность своими дарованіями.

«Съ наступленіемъ праздниковъ начались здѣсь спектакли и вечернія собранія. Его Высочество принимаетъ участіе въ увеселеніяхъ высшаго общества.

«Погода стоитъ здѣсь теплая и ясная. Государь Цесаревичъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ.

«Римъ, 6/18 Января. 29-го прошлаго Декабря, къ общему сожалѣнію, скончался здѣсь, послѣ кратковре-

менною болѣзні, сопровождавшій въ путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Попечитель Его Императорскаго Высочества, Генералъ - Адъютантъ, Генералъ отъ Инфантеріи Князь Христоръ Андреевичъ Ливенъ. 31-го числа, въ полдень, происходило погребеніе покойнаго, съ соответственными сану его военными почестями, въ присутствіи дипломатическаго корпуса и всѣхъ Рускихъ, въ Римѣ находящихся. Его Императорское Высочество, съ прибывшимъ сюда, за день предъ симъ, Его Святлостію Принцемъ Ольденбургскимъ, изволилъ присутствовать при церемоніи погребенія, и проводилъ тѣло покойнаго изъ церкви на кладбище.

«Это печальное событіе было причиною, что Его Высочество, въ послѣднее время пребыванія своего въ Римѣ, изволилъ отказать отъ всѣхъ приготовленныхъ въ честь Его празднествъ.

«Простившись, вчерашняго числа съ Его Святѣйшествомъ Папою, и отслушавъ сегодня Божественную Литургію, Государь Цесаревичъ отправился въ Неаполь, въ вождѣнномъ здравіи.

«Римъ, 27-го Января (8-го Февраля). 6-го Января, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, отслушавъ обѣдню въ церкви Посольства, изволилъ отправиться изъ Рима въ Неаполь.

«7-го числа, при вѣздѣ въ границы Неаполитанскаго Королевства, Его Императорское Высочество былъ встрѣченъ, по волѣ Короля, Министромъ Полиціи Княземъ Бутерою, Посланникомъ здѣшняго Двора въ С.-Петербургъ, назначеннымъ состоять при особѣ Его Высочества во время пребыванія въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ.

«8-го Января, во время проѣзда Государя Цесаревича чрезъ Капую, съ укрѣпленій города произведенъ былъ салютъ пушечными выстрѣлами, и весь

гарнизонъ крѣпости находился въ строю, для отдачіи чести Августѣйшему Путешественнику.

«Сего числа въ третьемъ часу пополудни, Государь Цесаревичъ прибылъ въ Неаполь. У дома Посланника нашего, Графа Гурьева, приготовленнаго для пріятія Его Высочества, былъ поставленъ почетный караулъ изъ батальона гвардейскаго полка. Вскорѣ по прибытіи въ Неаполь, Государь Цесаревичъ ѣздилъ къ Королю, и у Его Величества былъ принять всею Королевскою Фамилією. Вслѣдъ за тѣмъ, Король и Принцы Королевскаго Дома посѣтили Его Высочество.

«На другой день, поутру, имѣли счастье представляться Его Высочеству Русскіе подданные, находящіеся въ Неаполь; послѣ сего, Государь Цесаревичъ ѣздилъ осматривать Королевскій Музеумъ (Musée Bourbonique), заключающій въ себѣ, кромѣ галереи отличныхъ произведеній живописи и скульптуры, собраніе различныхъ любопытныхъ предметовъ, найденныхъ въ Помпей и Геркуланъ.

«Вечеромъ Его Высочество посѣтилъ балъ Благороднаго Собранія, на коемъ находились вся Королевская Фамилія и лучшее общество столицы.

«10-го Января, Государь Наслѣдникъ изволилъ осматривать Военно-Топографическое Депо и цитадель города (Castel-Novo), съ заключающимися въ ней арсеналами и артиллерійскими мастерскими. Сего числа, Его Высочество былъ на обѣдѣ у Короля, а вечеромъ, со всею Королевскою Фамилією, въ знаменитомъ театрѣ Санъ-Карло, который былъ великолѣпно освѣщенъ въ честь Высокаго Гостя.

«11-го числа, Государь Цесаревичъ, въ сопровожденіи свиты, ѣздилъ въ Помпею. Вся дорога, почти отъ самаго Неаполя, покрыта была свѣжимъ пепломъ отъ послѣдняго изверженія Везувія, происхо-

дившаго за двѣ недѣли предъ симъ. Въ Помпеѣ Его Высочество обзрѣвалъ амфитеатръ, храмы и улицы отрываемаго еще понынѣ города, около 18-ти столѣтій скрывавшагося подъ пепломъ. На возвратномъ пути отсель, проѣзжая чрезъ Портичи, Государь Цесаревичъ изволилъ останавливаться для обзрѣнія открытой части города Геркулана, въ одно время съ Помпеею содѣлавшагося жертвою изверженія Везувія. Вечеромъ, Его Высочество былъ на большомъ балѣ у Короля.

«13-го числа, Государь Цесаревичъ ѣздилъ въ Пуполли, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ столицы, гдѣ показаны были Его Высочеству развалины храма Сераписа, отрываемый амфитеатръ и другія историческія примѣчательности, находящіяся въ окрестностяхъ.

«Слѣдующаго числа поутру, Его Высочество ѣздилъ въ загородный Королевскій дворецъ, называемый Саро-di-Monte, лежащій на одной изъ высотъ, окружающихъ городъ. Здѣсь Его Высочество былъ принятъ Королемъ, и вмѣстѣ съ Его Величествомъ прогуливался по живописному, окружающему дворецъ парку.

«На балѣ, данномъ сегодня Посланникомъ, Графомъ Гурьевымъ, Его Высочеству угодно было самому принимать Королевскую Фамилію.

«14-го Января, былъ смотръ войскамъ, собраннымъ въ Неаполь. Государь Цесаревичъ прибылъ на оный вмѣстѣ съ Королемъ. При появленіи Его Высочества предъ фронтомъ, раздался Русскій народный гимнъ. 20 баталіоновъ пѣхоты, 18 эскадроновъ кавалеріи и 16 орудій пѣшей артиллеріи, по произведеніи нѣсколькихъ эволюцій, прошли церемоніальнымъ маршемъ. Прибывшій въ Неаполь накану-

нѣ, Принцъ Ольденбургскій, присутствовалъ на парадѣ.

«Слѣдующаго числа, Государь Цесаревичъ изволилъ бытъ на публичномъ гуляньѣ, происходившемъ на главпой улицѣ города, по случаю наступленія карнавала. Вся Королевская Фамилія принимала участіе въ семъ народномъ увеселеніи.

«16-числа, Государь Цесаревичъ ѣздилъ въ Казерту (Caserta), въ 30-ти верстахъ отъ города, гдѣ находится знаменитый въ архитектурномъ отношеніи Королевскій дворецъ, въ которомъ Король принималъ Его Высочество, и показывалъ внутренніе покои сего огромнаго зданія.

«17-го Января по утру, Государь Цесаревичъ выѣзжалъ на прогулку вдоль по морскому берегу мимо залива Байи до Озера Фузаро, а вечеромъ присутствовалъ на второмъ балѣ, данномъ Королемъ въ честь Его Высочества.

«Слѣдующій день былъ посвященъ Государемъ Цесаревичемъ на посѣщеніе богоугодныхъ заведеній въ Неаполь.

«19-го Января, Его Высочеству угодно было предпринять путешествіе на Везувій. Государь Цесаревичъ, въ сопровожденіи своей свиты, изволилъ восходить до вершины горы, по свѣжей, еще во многихъ мѣстахъ дымящейся лавѣ.

«Простившись, 20-го Января, съ Королемъ и всѣми Членами Королевской Фамиліи, Государь Цесаревичъ, утромъ 21-го числа, выѣхалъ изъ Неаполя обратно въ Римъ, куда прибылъ въ вожделѣнномъ здравіи, слѣдующаго числа, въ шестомъ часу вечера.

«23-го Января, прибывшій въ Римъ Наслѣдный Принцъ Баварскій пріѣзжалъ къ Государю Цесаре-

вичу, и на другой день былъ на обѣденномъ столѣ у Его Императорскаго Высочества.

«26-го Января, Государь Цесаревичъ посѣтилъ Папу. По повелѣнію Его Святѣйшества, сего числа, въ честь Его Императорскаго Высочества, была устроена великолѣпная иллюминаціи купола церкви Св. Петра. Погода весьма благоприятствовала сему величественному зрѣлищу, которымъ жители Рима привыкли наслаждаться только въ первый день Пасхи.

«Съ 23-го числа начались въ Римѣ народныя празднества послѣдней недѣли карнавала, по окончаніи коего Е. И. В. предполагаетъ оставить Римъ, для дальнѣйшаго путешествія.

«Туринъ, ^{10/22} Февраля. 1-го Февраля, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ выѣхать изъ Рима въ Туринъ, чрезъ Сиенну, Каррару и Геную.

«Въ проѣздъ, 3-го Февраля, чрезъ г. Массу, Его Императорское Высочество былъ встрѣченъ владѣтельнымъ Герцогомъ Моденскимъ, пріѣзжавшимъ туда для свиданія съ Государемъ Цесаревичемъ. На другой день Его Высочеству угодно было останавливаться въ Каррарѣ, для обозрѣнія мраморныхъ издѣлій, колоннъ и другихъ архитектурныхъ украшеній, заказанныхъ здѣсь для Георгіевской Залы Зимняго Дворца.

«5-го Февраля, при въѣздѣ Его Императорскаго Высочества въ Геную, изъ крѣпости произведенъ былъ салютъ; войска, составляющія гарнизонъ города, находились въ строю и прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Высочества. Послѣ сего Государь Цесаревичъ былъ въ Адмиралтействѣ, и посѣтивъ стоящій на рейдѣ 54-хъ пушечный фрегатъ, изволилъ проѣхать по городу и осмотрѣть въ немъ

главнѣйшія примѣчательности. Вечеромъ, въ великолѣпно освѣщенномъ театрѣ, данъ былъ концертъ, а потомъ балъ у Губернатора города, кои удостоены были присутствіемъ Его Высочества.

«Слѣдующаго числа, Государь Наслѣдникъ изволилъ обозрѣвать, близъ г. Нови, мѣсто знаменитой побѣды, одержанной Русскими войсками, подъ предводительствомъ Князя Суворова Италійскаго, и проѣзжая чрезъ селеніе Маренго, мѣстность происходившаго при ономъ сраженіи между Французскими и Австрійскими войсками.

«7-го Февраля, осмотрѣвъ на пути своемъ цитадель крѣпости Александрии, Его Императорское Высочество, въ два часа пополудни прибывъ въ Туринъ, посѣтилъ Короля Сардинскаго и Королеву. Его Величество изволилъ вслѣдъ за тѣмъ пріѣзжать къ Государю Цесаревичу.

«8-го числа, въ присутствіи Короля и Государя Цесаревича, былъ парадъ войскамъ, находящимся въ городѣ, послѣ коего Его Высочество изволилъ быть на большомъ обѣдѣ, а вечеромъ на концертѣ у Ихъ Величествъ.

«9-го Февраля, Государь Цесаревичъ также имѣлъ обѣденный столъ у Короля. Въ оба сіи дни Его Императорское Высочество, сопутствуемый Наслѣднымъ Принцемъ, изволилъ обозрѣвать цитадель города, арсеналь, съ принадлежащими къ нему заведеніями, Генеральный Штабъ, Университетъ, Кабинетъ Натуральной Исторіи, Египетскій Музеумъ и отлично устроенный госпиталь Св. Іоанна.

«Пребываніе Государя Цесаревича въ Туринъ, заключилось блистательнымъ праздникомъ, даннымъ Королемъ въ честь своего Августѣйшаго Гостя. Въ дворцовомъ, великолѣпно освѣщенномъ театрѣ, въ

присутствіи Двора и высшаго общества столицы, составленъ былъ турниръ изъ офицеровъ Сардинскихъ войскъ; по окончаніи коего всѣ находившіеся въ театрѣ были на вечернемъ собраніи.—Здѣсь Государь Цесаревичъ простился съ Ихъ Величествами.

«На другой день, 10-го Февраля, Его Императорское Высочество, въ вождельномъ здравіи, отправился на Миланъ въ Вѣну.»

Франція.

Споры Оппозиціи показали гораздо дальнѣйшія слѣдствія, нежели можно было ожидать, и начали рядъ событій весьма важныхъ. Послѣ жестокихъ преній въ Комиссіи составленія адреса палаты, или отвѣта на тронную рѣчь Короля, проекту адреса приданъ былъ неприличный смыслъ, и къ удивленію всѣхъ, самъ Президентъ Палаты Депутатовъ согласился съ Комиссіею, утверждая, что Министры нынѣшніе слѣдуютъ системѣ невѣрной. Надобно придать болѣе уваженія Правительству, имѣть сильнѣйшее большинство въ Палатѣ, дѣйствовать искренне, говорилъ онъ и напечаталъ въ журналѣ.—Нетерпѣливо ждали преній Палаты; среди всеобщаго нетерпѣнія начались они въ Палатѣ 7-го Января, и были весьма жарки. Тьеръ, Гизо, Одильонъ-Барро, и другіе члены сражались съ Министрами, и хотя принуждены были уступить, когда большинствомъ 13-ти голосовъ (221-го противъ 208) всѣ оппозиціонныя измѣненія устранены, послѣ чего Королю поднесенъ былъ адресъ Января 20-го, но слабое большинство показало Министрамъ опасность ихъ положенія, и они немедленно подали Королю просьбы объ отставкѣ. Король принялъ, и Маршалъ Сультъ былъ призванъ для составленія новаго Кабинета Министровъ, но

отрекся потомъ, и 2-го Февраля узнали рѣшительную мѣру, принятую Королемъ: онъ оставилъ Министровъ при ихъ должностяхъ, распустилъ Палаты, и велѣлъ съ 2-го Марта начать выборы новыхъ депутатовъ. Величайшее волненіе умовъ послѣдовало за такимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ. Въ журналахъ сражаются теперь немилосердо. Король принимаетъ строгія мѣры, какъ для направленія новыхъ выборовъ, такъ и удаленія людей неблагонамѣренныхъ. Извѣстный Персиль уволенъ отъ должности Президента Монетной Комиссіи, и присоединился къ Оппозиціи, которая нынѣ называется уже *Коалиціею*, ибо въ ней соединились люди всѣхъ партій, желая одного — низверженія Министровъ и овладѣнія властью, послѣ чего могутъ они опять поссориться при дѣлѣжь добычи.

— Января 1-го, Австрійскій Посолъ Графъ Аппони поздравилъ Короля съ новымъ годомъ, отъ имени всего Дипломатическаго Корпуса, слѣдующими словами:

«Дипломатическій Корпусъ имѣетъ честь поздравить Е. В. съ наступленіемъ новаго года. Согласіе, въ которомъ находились Кабинеты въ истекшемъ году, служить залогомъ въ продолженіи его, и ручательствомъ въ сохраненіи мира и благоденствія Европы. Къ снмъ благамъ, которыми Франція обязана заботамъ и стараніямъ Е. В., присоединилось еще рожденіе Принца, сдѣлавшагося предметомъ всѣхъ желаній и надеждъ. Сіе счастливое событіе, по многимъ отношеніямъ дорогое для сердца Вашего, подаетъ намъ поводъ къ принесенію искреннѣйшихъ поздравленій, и мы просимъ васъ, Государь, принять ихъ, вмѣстѣ съ желаніями всѣхъ благъ, какъ В. В., такъ и Августѣйшему Вашему семейству.»

Король отвѣчалъ:

«Радуюсь съ вами, что Провидѣніе благословило мои старанія, и обезпечило сохраненіе спокойствія и мира, ко-

торами Франція нынѣ наслаждается. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ столь же счастливъ, какъ и протекшій, и что согласіе, связывающее Правительство, еще болѣе укрѣпится и предохранитъ народы отъ возвращенія бѣдствій, отъ которыхъ они столь много страдали. Мнѣ чрезвычайно пріятны поздравленія ваши съ рожденіемъ моего внука, и я глубоко тронутъ доказательствами привязанности вашей ко мнѣ и моему семейству.»

— Одинъ досужій статистикъ извлекъ слѣдующія замѣчанія изъ послѣднихъ преній Палаты Депутатовъ объ адресѣ: засѣданій было 12; они продолжались всего 81 часъ. Описанія ихъ въ Монитерѣ наполняютъ 232 столбца, каждый въ 132 строки, такъ что если въ строкѣ считать 50 буквъ, то все число буквъ составитъ 1,534,200. Министры всходили на кафедру 32 раза, именно: Графъ Моле 17 разъ, Графъ Монталиве 3 раза, Бартъ 3 раза, Лакавъ-Лап-ланъ 4 раза, Генераль Бернаръ 2 раза, Сальван-ди 2 раза и Г. Мартенъ 1 разъ. Президентъ Палаты, Дюпенъ, говорилъ 135 разъ: 117 разъ для управленія преніями, и 18 разъ для возстановленія порядка. Депутаты произнесли 128 рѣчей. Тьеръ говорилъ 13 разъ, Гизо 12 разъ. Балогировокъ было 8, въ которыхъ было собрано всего 3,435 голосовъ. Изъ послѣднихъ, 1754 голоса были въ пользу Министровъ и 1,681 противъ нихъ; слѣдовательно большинство составили 73 голоса, то есть, среднимъ числомъ, на каждое собраніе, 4 голоса болѣе необходимаго большинства.

— Брешные останки Герцогини Виртембергской, перевезенные изъ Италіи (гдѣ скончалась она въ Пизѣ, 2-го Января) въ Марсель, преданы землѣ въ Дрѣ, небольшомъ городкѣ, льѣ въ 20-ти отъ Парижа. Тамъ устроено фамиліное кладбище Орлеанской династїи.

Англія.

Января 9-го, Королева Викторія возвратилась изъ Брейтона, и Февраля 9-го открыла засѣданія Парламентовъ рѣчью (см. *Прибавленіе I*). Парламенту предложитъ рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ: дальнѣйшая реформа египетскаго положенія Ирландіи; учрежденія по части народнаго просвѣщенія, а всего болѣе — Канада и законы о хлѣбномъ торгѣ. Впрочемъ, дѣла начались медленно, хотя и должно отъ нихъ ожидать послѣдствій важныхъ. Признакомъ тому можетъ послужить и то, что 8-го Февраля, министръ колоній, *Лордъ Гленелгъ* отказался отъ своей должности. На мѣсто его избранъ *Маркизь Норленби*, Вице-Король Ирландіи, мѣсто коего заступилъ *Лордъ Эбригетонъ*, депутатъ Нижняго Парламента отъ области Девонширской, сынъ графа Фортеска; Парламенту представили подробные отчеты Лорда Дургамы. Были споры по сему случаю, а также по предложенію Лорда Русселя объ училищахъ, Лорда Лондондерри, объ Испанскихъ дѣлахъ, и Лорда Колчестера объ упадкѣ Англійскаго флота. Ниль въ Нижнемъ Парламентѣ сильно говорилъ о вишне-вой политикѣ; Оконвелъ нападалъ на распоряженія въ Ирландіи; Гюмъ на дѣла касательно Бельгїи, а 19-го Вилліерсъ предложилъ на разсмотрѣніе законы о хлѣбѣ.

Между тѣмъ въ Ирландіи происходятъ смуты; тамъ убили Лорда Норбури (Правительство назначило 2000 ф. ст. награды и 400 ф. ст. пенсїи тому, кто откроетъ его убійцу); особенно волнуется область Трипперари. — Правительство принимаетъ строгія мѣры противъ возмутителей и своевольныхъ собраній черни. Извѣстный демагогъ Стефенсъ взятъ

подъ стражу. — Канадскіе заговорщики, привезенные въ Англію, осуждены на ссылку въ Ботани-Бей, не смотря на крики Оппозиціи. — Лордъ Дургамъ находится въ явной немилости. Мѣсто супруги его при Королевѣ заняла Маркиза Бридалбанъ. — Всего болѣе тревожитъ теперь Англію вопросъ о хлѣбѣ — всюду желаютъ уничтоженія нынѣшнихъ хлѣбныхъ тарифовъ, и установленія постоянной умѣренной пошлины при свободномъ ввозѣ иностраннаго хлѣба. Вотъ, что пишутъ изъ Лондона:

Собранія противъ законовъ о хлѣбѣ все болѣе и болѣе распространяются: нѣтъ уголка въ королевствѣ, гдѣ не было бы такихъ собраній. Удивительная быстрота, съ какою движеніе умовъ увеличилось, заставляетъ полагать, что въ предстолицемъ засѣданіи ни какое Министерство не въ состояніи будетъ противиться далѣе измѣненію законовъ о хлѣбѣ. Просьба города Лидса противъ сихъ законовъ была подписана, въ два дня, 9,000 человекъ, то есть, считая день въ 16 часовъ, прійдется по 300 подписей на часъ. Въ особенности замѣчательно было собраніе въ Струдѣ. Въ немъ участвовали 1700 человекъ, хотя оно было только приготовительнымъ къ большому собранію. Всѣ распри партій забыты, и за вопросъ стоятъ одинаково Тори, Виги и Радикалы. Хотя въ министерскомъ *Conseil* еще не ручаются въ томъ, что Кабинетъ представить Парламенту билль объ измѣненіи законовъ о хлѣбѣ, однакоже изъявляютъ полную надежду. Министры симъ средствомъ значительно упрочатъ и обезпечатъ свое существованіе.»

— Баронъ Тьерри, называющій себя владѣтелемъ Новой Зеландіи, находится въ Лондонѣ и имѣлъ переговоры съ Министромъ Колоній. На Новой Зелан-

діи составилось общество для защиты Европейцевъ и просвѣщенныхъ туземцевъ. На сѣверномъ берегу Новой Зеландіи, подъ 11° ю. ш., будетъ основана новая колонія. Съ сею цѣлью отправленъ туда военный корабль Аллигаторъ. Колонія получитъ названіе *Портъ Эссингтонъ*. Разведеніемъ хлопчатой бумаги и другихъ тропическихъ произведеній, она вскорѣ сдѣлается столь же важною, какъ Сивгапуръ. Корабль Аллигаторъ посланъ со всею поспѣшностью предупредить Французовъ, которыхъ фрегаты также видѣли около тамошняго берега.

— Принцъ Аудскій возвратился въ Лондонъ изъ путешествія по твердой землѣ. Онъ очень доволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему при Французскомъ, Голландскомъ и Бельгійскомъ Дворахъ.

— На Лондонской Биржѣ распространился слухъ, что Англія ведетъ съ Португаліею переговоры о покупкѣ Асорскихъ Острововъ. Хотя многіе не вѣрили ему, однакожъ онъ имѣлъ вліяніе на Португальскіе фонды.

Бельгія.

Не смотря на невозможность противиться рѣшенію Лондонской Конференціи, буйныя головы возстали противъ отдачи Нидерландіи Лимбурга и Люксембурга. Въ Палатахъ Бельгійскихъ начались споры, гдѣ на Министровъ сыпались упреки, и даже ругательства. Желая подкрѣпить рѣшеніе Конференціи, и опасаясь буйства непокойныхъ сосѣдей, Нидерландскія войска двинулись къ Бельгійскимъ границамъ. Видя ихъ движеніе, Бельгійцы поставили также къ границѣ войска. Но съ обѣихъ сторонъ соблюдается невозможное спокойствіе. Король Леопольдъ явно не одобряетъ недѣльной мысли — проти-

виться рѣшенію Лондонской Конференціи, и полагаютъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, Палата Депутатовъ будетъ распущена. — Но волненіе, причиняемое безпокойными людьми, и военное положеніе Нидерландіи, наносятъ между тѣмъ гибель торговлѣ и промышленности Бельгійской, и безъ того потрясенной ажіотажемъ и безрассудными спекуляціями. При пособіи Правительства, Бельгійскій Банкъ возобновилъ платежи, но закрытіе его нанесло тяжкій ударъ, и всюду оказались банкротства. Бриссельскому Коммерческому Суду вносится въ иной день до 100 слишкомъ протестовъ. Важнѣйшимъ другихъ было банкротство извѣстнаго фабриканта *Кокерилля*, который, имѣя капитала въ товарѣ, долгахъ и заведеніяхъ болѣе 20-ти милліоновъ, былъ между тѣмъ долженъ не болѣе 12-ти, и не имѣлъ возможности продолжать дѣла, хотя Правительство выдало ему въ пособіе 1,800,000 Франковъ. Другое важное банкротство было банкира Бельфруа; имѣя капитала на 4,213,323 фр., онъ оказался долженъ 3,788,817 фр. и принужденъ былъ остановить свои дѣла, при всеобщемъ замѣшательствѣ платежей.

Австрійскій Повѣренный въ дѣлахъ выѣхалъ изъ Брюсселя. Впрочемъ, причиною отъѣзда его было частное обстоятельство, и именно: бѣгство въ Бельгію бывшаго Польскаго генерала Скржинецкаго. Въ *Австрійскомъ Наблюдателѣ* пишутъ слѣдующее :

«По усмирении мятежа въ Царствѣ Польскомъ, Е. В. Императоръ Францъ, спускоди на просьбу бывшаго Главнокомандующаго инсurreкціонной арміи, Скржинецкаго, дозволилъ ему оставаться въ Австрійскихъ владѣніяхъ, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ будетъ жить совершенно спокойно. Скржинецкій поселился, съ семействомъ своимъ, въ Прагъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался тамъ совершенною личною свободою. 13-го Января онъ уѣхалъ тайно изъ

Праги, оставивъ письмо, въ которомъ увѣдомляетъ Императорское Правительство, что онъ отправился въ Бельгію, дабы принять военный постъ, предлагаемый ему тамошнимъ Правительствомъ. Его Величество, узнавъ объ удаленіи Скржинецкаго изъ Праги, и убѣжденный въ предосудительности такого поступка со стороны Бельгійскаго Правительства, если онъ действительно посѣдовалъ, повелѣлъ Императорскому Повѣренному въ дѣлахъ въ Брюссель, Графу Рехбергу, объявить Бельгійскому Правительству, что если Скржинецкій дѣйствительно будетъ принятъ въ Бельгійскую службу, или уже принятъ и въ оной останется, то дальнѣйшія дипломатическія сношенія Австрійскаго Двора съ Дворомъ Его Величества Короля Бельгійцевъ должны будутъ прекратиться. Впрочемъ, Императорскій Дворъ будетъ, по прежнему, участвовать въ стремленіи Лондонской Конференціи къ утверженію мира Европы. Графъ Рехбергъ сдѣлалъ объявленіе сообразно съ сею инструкціею, и не получивъ удовлетворенія со стороны Бельгійскаго Правительства, оставилъ Брюссель, 6-го Февраля, со всемъ посольствомъ. Бельгійскому же Посланнику при Австрійскомъ Дворѣ объявлено, отъ имени Императора, что онъ не имѣетъ болѣе ни какихъ дипломатическихъ обязанностей при Его Величествѣ.»

Въ слѣдствіе сего Бельгійскій Посланникъ, г. О'Сулливанъ де Грасъ потребовалъ паспортовъ и выѣхалъ изъ Вѣны. Онъ отправился предварительно во Франкфуртъ. Тамъ останется также Графъ Рехбергъ, впредь до дальнѣйшихъ повелѣній. Въ дипломатическомъ корпусѣ и въ высшемъ обществѣ это событіе произвело немалое впечатлѣніе. Обще мнѣніе, конечно, не станетъ искать въ немъ нарушенія всеобщаго мира, и въ Наблюдатель находимъ формальное увѣреніе, что разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Бельгіею не повредитъ участію Австріи въ дѣйствіяхъ Лондонской Конференціи. вмѣстѣ съ Графомъ Рехбергомъ изъ Брюсселя выѣхалъ и Прусскій Повѣренный, Графъ Секкендорфъ. Онъ также находится теперь во Франкфуртъ.

ГЕРМАНИЯ.

16-го Февраля, Баварскій Король, провожаемый благословеніями подданныхъ, уѣхалъ въ Италію. Онъ будетъ пользоваться, въ теченіе Апрѣля мѣсяца, минеральными водами на Искіи, и возвратится въ Мюнхенъ въ Маѣ.

Депутація города Эйхштедта прибыла въ Мюнхенъ для принесенія поздравленій Его Свѣтлости Герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Въ день новаго года, Король возложилъ на Герцога Максимилиана первый Баварскій орденъ, Св. Губерта. Россійскій Посланникъ, тайный совѣтникъ Сѣверинъ, давалъ большой обѣдъ въ честь Герцога Максимилиана. Его Свѣтлость присутствовалъ на обѣдѣ съ тѣми лицами, которыя его провожали въ Россію. Онъ уѣхалъ въ Эйхштедтъ, и проведетъ тамъ нѣсколько времени.

—Изъ 5,000 гульденовъ, которые были заплачены Главному Почтъ - Директору Графенштейну, въ Регенсбургѣ, на покрытіе расходовъ проѣзда Ея Величества Императрицы Всероссійской изъ Крейта въ Веймаръ, считая до Баварской границы, оказалось въ остаткѣ 955 гульденовъ 55 крейц. Генераль-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ, что Ея Величество жалуетъ сію сумму въ пользу бѣдныхъ Регенсбурга. Магистратъ намѣренъ на сію сумму основать богоугодное заведеніе для дѣтей, подъ названіемъ *Александринскаго Заведенія*.

Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Султана въ Пруссіи, Кіамиль-Паша, просилъ, по желанію своего Правительства, отпустить въ Турецкую службу офицеровъ, для обученія регулярныхъ войскъ, именно, трехъ штабъ-офицеровъ, двухъ пѣхотныхъ и одного кавалерійскаго. Симъ офицерамъ будетъ

дано порученіе сформировать образцовый полкъ для арміи, который будетъ состоять изъ всѣхъ родовъ войскъ, и служить примѣромъ, какъ въ искусствѣ управленія оружіемъ, такъ одеждою и обученіемъ. Штабъ-офицерамъ, избраннымъ для сей цѣли, обѣщаны 800 Прусскихъ талеровъ на проѣздъ, ежегодное содержаніе въ 4,000 Прусскихъ талеровъ, и другія награды и почести. Извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что досель еще ни одинъ штабъ-офицеръ гвардейскаго корпуса не рѣшился принять порученіе, которое предположено исполнить въ три года. Большая часть изъ нихъ уже вышли изъ тѣхъ лѣтъ, въ которыя дальное путешествіе и необыкновенныя происшествія, связанныя съ нимъ, кажутся привлекательными. Изъ 3-го армейскаго корпуса вызвался подполковникъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Пасльдика Всероссійскаго полка, Эйзенгартъ, заслуженный и опытный кавалерійскій офицеръ, который во многихъ случаяхъ отличался.

Извѣстный Австрійскій металлургъ, Паулини, вступилъ, въ 1835 г., съ разрѣшенія своего Правительства, временно въ службу Порты, чтобы образовать горную часть въ Турецкой Имперіи и отыскать новыя руды, въ особенности въ Малой Азіи. Исполнивъ, съ совершеннымъ успѣхомъ, свое порученіе, и богато награжденный Султаномъ, онъ возвратился въ Австрію.

—Герцогъ Бордосскій предпринималъ, подъ именемъ *Графа Шалибора*, поѣздки въ Ломбардію, Туринъ, Геную и Флоренцію. Съ нимъ ѣздили Графъ Монбель и г. Леви. Его вездѣ принимали съ большими почестями. Герцогъ былъ въ особенности хорошо принятъ въ Миланъ, какъ генераломъ Графомъ Радецкимъ, командующимъ войсками, такъ и

Губернаторомъ Графомъ Гартигомъ. 3-го Января Герцогъ возвратился изъ своего путешествія. Вскоръ онъ предпринять дальнѣйшее путешествіе въ Римъ и Неаполь.

Въ Черногоріи продолжаются безпокойства. Вотъ извѣстія, полученные съ Черногорской границы:

28-го *Декабря*. «Усиленные старанія Владыки положить новый налогъ въ Черногоріи встрѣчаютъ упорное сопротивленіе и возбуждаютъ всеобщее негодованіе, которое поддерживаютъ сосѣдніе Турки, въ особенности Скутарскій Паша. Область (пахія) Черничка, прилегающая къ Лого ди-Скутари, рѣшительно возстала и объявила, что она скорѣе покорится Туркамъ, нежели заплатить Владыкѣ малѣйшую подать. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ жителей, которымъ Владыка угрожалъ особеннымъ мщеніемъ, бѣжали въ Австрійскія владѣнія.»

15-го *Января*. «Налоги, положенные на жителей пахин Чернички, были причиною кровопролитія. Жители отразили оружіемъ отрядъ, посланный Владыкою, для исполненія его повелѣній. — Должно полагать, что споры Черногоріи съ Австріею будутъ окончены миролюбивымъ образомъ.»

6-го *Февраля*. «Дѣла Черногоріи приняли опять неблагоприятный оборотъ. Вина падаетъ не на Черногорцевъ, а на Турковъ. Противъ всехъ народныхъ правъ, послѣдніе задержали посланниковъ Владыки, отправленныхъ къ Пангъ Герцовинскому для переговоровъ. Владыка требовалъ освобожденія посланниковъ, и въ противномъ случаѣ угрожалъ мщеніемъ. Визирь презираетъ угрозы, и между Черногорцами и Турками, вѣроятно, произойдетъ кровопролитіе. Говорятъ, что Черногорцы обратились къ Австрійскимъ начальствамъ, и просили ихъ посредничества.»

Ландграфъ *Людовикъ Вильгельмъ Гессенъ-Голшбургскій* скончался въ Люксембургѣ, 49-го Января. — Февраля 11-го, вдовствующая Княгиня Турнь и Таксенская, *Терезія Марія Аналія*, скончалась въ замкѣ Таксисъ, на 66-мъ году, послѣ продолжительной болѣзни. Она была дочь Великаго Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго (скончавшагося въ 1815 г.) и ро-

дилась въ Ганноверѣ, 5-го Апрѣля 1773 г. Изъ сестеръ ея, Королева Луиза Прусская и Герцогиня Гильдбурггаузенская уже давно скончались; въ живыхъ только одна, *Королева Ганноверская*.

ШВЕЦІЯ.

Изъ Христіаніи писали отъ 3-го Февраля:

«Король пребываетъ здѣсь и находится въ совершенномъ здравіи. При празднествахъ, бывшихъ недавно въ честь его рожденія и тезоименитства (26-го и 28-го Января), Е. В. получилъ здѣсь и во всемъ королевствѣ несомнѣнные доказательства любви и уваженія всехъ сословій. 26-го Января, Намѣстникъ Королевства, Графъ Ведель-Ярлсбергъ, давалъ Королю большой обѣдъ; 28-го Января, граждане Христіаніи пригласили Его Величество на балъ. Когда Король возвращался, собравшійся народъ, состоявшій изъ гражданъ и студентовъ, хотѣлъ отпрячь лошадей и везти карету на себѣ. Е. В. приказалъ изъяснить свою благодарность, и сказалъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится, а если будутъ настаивать, то пойдетъ пѣшкомъ. Восторженная толпа послѣдовала за каретою, которая могла ѣхать только шагомъ, и при выходѣ Короля изъ экипажа изъяснила свою преданность громкими и продолжительными восклицаніями. Вечеромъ весь городъ былъ добровольно иллюминированъ. Университетъ торжествовалъ сей день Латинскою рѣчью и Норвежскою кантатою. 26-го Января, происходило чрезвычайное собраніе орденской думы, въ которомъ Норвежскій государственный совѣтникъ Петръ Модерельдъ былъ пожалованъ орденомъ Серафима.»

Февраля 8-го послѣдовало въ Христіаніи открытіе засѣданій Стортинга, или Норвежскаго Сейма.

Д А Н І Я.

По повелѣнію Короля, въ Исландіи учреждается особенное управленіе: депутаты острова будутъ собираться каждые два года въ Рейкевикъ, и занимать мѣрами для народнаго благосостоянія.

Италія.

Король Неаполитанскій возвратился въ Неаполь Декабря 22-го, со всѣмъ Дворомъ. Пребываніе Е. В. въ Палермо имѣло важныя слѣдствія для жителей Сицилійскаго острова, видѣвшихъ попеченія объ нихъ своего Монарха.—Въ Giornale del Regno delle due Sicilie напечатаны вновь многіе декреты, и между прочимъ одинъ, которымъ уничтоженъ въ Сициліи налогъ на мѣльницы. Такимъ декретомъ страна освободилась отъ бремени, которое въ особенности тяготило бѣднѣйшій классъ народа. Другія постановленія также касаются до Сициліи, какъ на прим. Королевское повелѣніе о погребеніяхъ, которыя не могутъ быть совершаемы въ церквахъ, но на кладбищахъ, внѣ городовъ. Вообще въ путешествіи своемъ по прелестному, благословенному острову, Король лучше познакомился съ его состояніемъ и его нуждами, нежели сколько могли познакомить его донесенія начальствъ. Въ администраціи Сициліи Король ничего не измѣнилъ. Онъ, кажется, согласился оставить Сицилію въ томъ удаленіи отъ Неаполитанскаго Правительства, въ которое она была поставлена измѣненіями 1837 года.

— Съ Итальянской границы пишутъ, отъ 24-го Декабря: «Сколько мы могли узнать, доселѣ около трети политическихъ бѣглецовъ, приговоренныхъ заочно и изгнанныхъ изъ Ломбардо-Венеціянскаго Королевства, до которыхъ всепрощеніе 6-го Сентября не касается непосредственно, просили помилованія Императора, и получили его, почти безъ исключенія. У тѣхъ, которые были исключены, не отнята однакожь надежда на милость. Она будетъ зависѣть отъ будущаго ихъ поведенія, такъ какъ до обнародованія сей великодушной амнистіи, они являли себя заклятыми врагами Правительства.»

Декабря 8-го, издана прокламація Папы, въ которой извѣщая жителей Легаций объ удаленіи Австрійскихъ войскъ, Е. С. отечески увѣщаетъ ихъ сохранять тишину и оцѣнять блага спокойствія и повиновенія законной власти.

Швейцарія.

Въ кантонѣ Валезскомъ происходятъ раздоры. Нѣсколько депутатовъ объявили закрытіе тамошняго сейма и захватили власть правительственную въ свои руки. Другіе протестовали противъ нихъ, и предоставляютъ посредничество Швейцарскому Сейму. Съ обѣихъ сторонъ принимаются за оружіе.

Испанія.

Кажется, безошибочно можно сказать, что Эспартеро достигаетъ своей цѣли: самовластнаго диктаторства, надѣясь тогда сильными мѣрами прекратить всѣ споры и несогласія. Вліяніе его на Министерство и Королеву неограниченно и оказываетъ многими рѣшительными мѣрами. При первомъ непослушаніи Але Эспартеро, у нихъ началась ссора, и полагаютъ, что Але оставитъ министерство. Графъ Клонаръ, вліяніе котораго въ Андалузій казалось Эспартеро подозрительнымъ, смѣненъ и мѣсто его заступилъ донъ Хозе Каррала. Однимъ изъ важныхъ дѣйствій Правительства было распушеніе Кортесовъ. Утомленное буйными криками ихъ, Правительство уничтожило опасную оппозицію ихъ собраній. — Между тѣмъ ничего окончательнаго нѣтъ. Въ началѣ года, отрядъ Христиносовъ, хотѣвшій завладѣть крѣпостью Санъ-Роке, былъ разбитъ. Кабрера торжествовалъ, какъ побѣду, стбитіе обоза, гдѣ захватилъ золотой и серебряный сервизъ, нарочно вывезенный для Королевы въ Парижъ. — Опа-

саясь, что съ весною начнутся наступательныя движенія Карлистовъ, Мадричь укрѣпляютъ на случай неудачи. — Въ Мелиллъ, одномъ изъ городовъ Испанскихъ президій на Африканскомъ берегу, гарнизонъ отказался отъ повиновенія Королевъ и отбилъ посланные противъ него отряды. *Мелилла* хорошо укрѣплена, и находится въ 50-ти льё отъ Цейты, въ 30-ти отъ Тремесена и въ 5-ти отъ мыса Тресь-Форкасъ. — Правительство запретило присылать вознагражденія противъ распоряженій его мѣстнымъ начальствомъ городовъ, требуя немедленныхъ исполненій. — Корнусъ Муньягорри разбѣжался, не получая платы отъ своего начальника. Самъ Муньягорри едва могъ спастись во Францію. — Нарваесъ успѣлъ пробраться въ Португалію. Кордова остается въ Испаніи, и объявилъ, что онъ готовъ оправдаться предъ судомъ.

Неожиданныя перемѣны послѣдовали въ распоряженіяхъ Донъ Карлоса, послѣ прибытія въ Испанію Прищессы Беирской. Въ концѣ Января, О. Кирилль, Епископъ Галиціи, объявленъ председателемъ Кабинета, а генералъ Марото главнокомандующимъ арміями. Онъ захватилъ отъ имени Донъ Карлоса соперниковъ своихъ, и изъ числа ихъ нѣсколько было немедленно разстрѣляно, другіе осуждены на изгнаніе изъ Испаніи; многіе изъ знатнѣйшихъ Карлистовъ бѣжали, и въ числѣ ихъ находятся Донъ Себастьянъ и министръ Валдеспина. Донъ Карлосъ сначала изъявилъ неудовольствіе на строгость распоряженія своего новаго полководца, но потомъ утвердилъ ихъ, и 28-го Февраля Марото прибылъ къ нему въ Толосу, гдѣ получилъ полномочіе дѣйствовать самовластно.

Англійское Правительство требуетъ отъ Испаніи рѣшенія о долгѣ, который считасть за нею, оцѣнилъ

все, чего стоили ея пособія Королевъ Христинъ, въ 539,382 ф. ст. — Полагаютъ, что въ Испаніи находится нынѣ *девляносто* отставныхъ министровъ, получающихъ по 30,000 реаловъ пенсіи, и 620 генераловъ считаются въ арміи и получаютъ жалованье, хотя и половины ихъ нѣтъ въ дѣйствительной службѣ.

Вотъ два различныя извѣстія о состояніи дѣлъ въ Испаніи, и сбивчивость ихъ, какъ равно и всѣхъ извѣстій изъ Испаніи, могутъ показать только сомнительное и бѣдственное положеніе обстоятельствъ, въ какихъ находится сіе несчастное государство. Въ *Sentinelle des Pyénées* сообщаютъ слѣдующее письмо изъ Мадрича:

Въ Испаніи готовятся важнѣйшія событія. Одинъ надѣются на благоприятный переломъ, другіе ожидаютъ его съ ужасомъ. Всѣ стараются доставить генералу Эспартеро военное диктаторство: это не пустыя слова, но истина, которая слишкомъ скоро оправдается событіями. Между Графомъ Лучаною, Министерствомъ и различными Генераль-Капитанами составленъ былъ обширный заговоръ избавиться отъ Кортесовъ, и потомъ дѣйствовать совершенно по военному. Во что бы то ни стало, желаютъ устранить нѣкоторые партіи, напримеръ, партіи Ховельяносъ и Юпой Испаніи. Умѣренные и патріоты, какъ бесполезное бремя, замедляющее только ходъ управленія, будутъ также брошены. Вотъ причина бѣгства генерала Нарваеса. Онъ увидѣлъ, что дѣло идетъ о голову его, что гибель его рѣшена, и спасся бѣгствомъ. Если Кордова не поступилъ также, то только потому, что положеніе его совсемъ другое: онъ стоитъ въ общемъ мнѣніи слишкомъ высоко, и не думаетъ, чтобы осмѣлились поднять на него руку.

Въ *Journal de Francfort* сообщаютъ письмо корреспондента въ Барцелонѣ, отъ 5-го Февраля, въ которомъ находятся слѣдующія подробности о военномъ положеніи обѣихъ партій, готовыхъ снова по-мѣряться силами:

Мы не будем принимать въ разсмотрѣніе Андалузскихъ гаваней, въ которыхъ коммерческій духъ подавляетъ всѣ правственныя идеи, но все, что происходитъ въ южныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ, должно убѣдить наблюдателя, что притиснутый роялизмъ выжидаетъ только благоприятнаго случая поднять свое знамя. Во всѣхъ провинціяхъ по ту и по сю сторону Мадрита, до линіи Эбро, занятыхъ корпусами Христианосовъ, гверильясы ходятъ по всѣмъ направленіямъ, подерживаемые жителями, не страшатся внезапныхъ нападеній и снабжены всѣмъ необходимымъ. Они проникаютъ до воротъ большихъ городовъ, чтобы доставать продовольствіе и деньги. Въ самомъ Мадритѣ, большая часть народонаселенія внутри городскихъ стѣнъ и всѣ жители предмѣстій ожидаютъ только приближенія и защиты Карлистской арміи, чтобы помогать ея дѣйствіямъ. Жители Старой и Новой Кастиліи, близкіе къ сражающимся арміямъ, и потому еще болѣе притиснутые, вообще преданы дѣлу Донъ Карлоса. Они съ нетерпѣніемъ ждутъ той минуты, когда выступленіе арміи изъ Наварры позволитъ имъ обнаружить свои мысли. Въ провинціи Валенсія, Кабрера, не смотря на удаленіе корпусовъ Фаркадела и Льянгостеры, ежедневно усиливаетъ свои войска. Онъ уже столь силенъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней удерживаетъ позицію въ виду арміи фанъ-Галена. Последний не смѣетъ атаковать и преслѣдовать его. Въ Аррагоніи Саррагосскіе бизаносы довольствуются образованіемъ клубовъ, умерщвленіемъ плѣнныхъ посреди города, и спокойно смотрятъ, не имѣя средствъ тому воспрепятствовать, какъ, въ разстояніи одной мили, гнаются въ главную квартиру побѣдителей при Морельи, люди, продовольствія и обозы съ деньгами. Эспартеро, съ своими тридцатью баталіонами, прикрываемый на флангахъ Пампелуною и Санъ-Себастьяномъ, ограничивается тѣмъ, что двигаетъ свои войска къ угрожаемымъ пунктамъ. Претерпѣвъ два раза пораженіе, онъ не выходитъ съ тѣхъ поръ изъ оборонительнаго положенія. Въ Каталоніи, Баронъ Мееръ сражается съ упорствомъ противъ анархистовъ и противъ Карлистовъ, которые заняли большую часть провинціи. Не получая рекрутовъ и не имѣя денегъ, онъ долженъ щадить свои полки, и только въ крайнихъ случаяхъ оставлять твердыя позиціи. Онъ долженъ также бороться противъ Правительства, и вопреки ему сослалъ генерала

Буэренса въ Таррагону, не желая имѣть подлѣ себя надсмотрщика и анархиста. Напротивъ того, Графъ Эспанья набиралъ рекрутовъ какъ бы въ мирное время, укрѣпляетъ свои позиціи, обучаетъ войска, пополняетъ военные припасы, и готовится, подкрыленный дивизією, которая образуется въ Аррагоніи, открыть походъ съ 15,000 человекъ.»

ПОРТУГАЛІЯ.

Предсѣдателемъ Кортесовъ избранъ, 9-го Января, Донъ Хозе Каetano де Кампосъ. — Обиліе жатвы позволило Правительству разрѣшить вывозъ хлѣба въ Англію. — И здѣсь, такъ же какъ въ Испаніи, Англійское Правительство требуетъ распоряженій о долгѣ, который считаетъ въ 300,000 ф. ст. — Папа объявилъ, что онъ признаетъ Королеву не прежде, когда она согласится на его требованія: утвердить всѣхъ изгнанныхъ епископовъ на ихъ мѣстахъ, а также и всѣхъ священниковъ, лишенныхъ ихъ мѣстъ, возстановить всѣ разрушенныя часовни и церкви, и предоставить суду Папскому всѣ дѣла по расторженію браковъ.

ТУРЦІЯ.

Оба Принца, сыновья Султана, о здоровьи которыхъ опасались, теперь совершенно оправались. Младшій, *Абдуль Галидъ*, родился во время похода противъ Русскихъ, въ 1828 году, въ главной квартирѣ Решидъ-Паши. Онъ обѣщаетъ быть, со временемъ, славнымъ воиномъ; сабля всегдашній его товарищъ, и даже когда онъ спитъ, она лежитъ возлѣ кровати. Занятія его состоятъ въ атлетическихъ упражненіяхъ; солдатами служатъ невольники его лѣтъ; онъ также охотно работаетъ въ саду. Не должно однакожъ думать, чтобы онъ проводилъ весь день въ такихъ занятіяхъ. Онъ столь же много успѣлъ въ наукахъ, какъ и старшій Принцъ *Меджидъ*. Говорятъ,

что Султанъ намѣренъ призвать ко Двору нѣкоторыхъ Французскихъ ученыхъ, и посвятить Принцовъ въ Европейскія науки. Потомъ они предпримуть путешествіе по Европѣ.

— Главнокомандующій Турецкою арміею въ Курдистанѣ, *Гафисъ-Паша*, отозванъ. Въ награду за оказанныя имъ услуги, Султанъ отдастъ ему руку своей дочери, Гатиге. Бракосочетаніе будетъ совершенно весною.

Января 21-го числа, дворецъ Порты сдѣлался жертвою пламени, отъ неосторожности, случившейся на квартирѣ одного неважнаго чиновника. Огонь, вспыхнувшій въ пять часовъ утра, быстро сообщился всему зданію. Башъ-Векиль (Первый Министръ), жившій во дворцѣ съ своимъ гаремомъ, и чиновники его, едва спасли свою жизнь. Изъ мебели и вещей, находившихся въ комнатахъ министра, пощажены пламенемъ только немногія. Архивъ остался невредимъ, ибо акты, которые употреблялись въ теченіе дня, всегда относимы были вечеромъ въ каменный магазинъ, въ которомъ заключается архивъ. Теперь чиновники Порты собираются въ обширномъ домѣ Дава-Назири, Неджибъ-Эфенди. Черезъ два мѣсяца, они будутъ переведены въ бывшее зданіе Министерства Финансовъ.—Въ теченіе тридцати лѣтъ дворецъ Порты горѣлъ три раза, именно: во время революціи, произведенной въ Ноябрь 1808 года, тогдашнимъ Верховнымъ Визиремъ, Мустафою Байрактаромъ, которою нынѣшній Султанъ былъ возведенъ на престолъ, при истребленіи Янычаръ въ 1826 году, и нынѣ. Въ послѣдній только разъ пожаръ не имѣлъ политической причины. Вредъ, причиненный пожаромъ дворца Порты, опредѣляютъ, по крайней мѣрѣ, въ 20 милліоновъ піастровъ.

Въ письмѣ изъ Константинополя, помѣщен-

номъ въ *Diario di Roma*, разсказываютъ, что крестьянинъ изъ деревни Ени-Коби, на Босфорѣ, донесъ Султану, что онъ прочелъ въ древней книгѣ, будто бы близъ его хижины зарытъ кладъ. Два мраморные камня покрываютъ кладъ, и сверху ихъ течетъ вода. Сокровище состоитъ, по его словамъ, изъ 250 милліоновъ Турецкихъ піастровъ золотою монетою, временъ Императора Константина, и одного драгоценнаго украшенія съ безцѣннымъ алмазомъ. Султанъ немедленно приказалъ сдѣлать разысканія, и дѣйствительно нашли два мраморные камня подъ водою. Самый же кладъ еще не вырытъ.

А з т я.

Въ *Diario* сообщаютъ подробное описаніе мученической смерти двухъ Католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Одинъ изъ нихъ, *Корней*, изъ Пуатье, былъ убитъ 20-го Сентября 1837 г., въ Тонтайской провинціи; другой, *Франциско Канъ Катехиста*, скончался геройскою и мученическою смертію въ Тункинѣ, 20-го Ноября 1837 г.

—Извѣстія изъ Кантона получены отъ 26-го Августа. Британскій Коммерческій Коммиссаръ въ Китаѣ, капитанъ Эллиотъ, возвратился въ Макао въ Кантонъ, привести жалобу на Китайскія начальства, которыя приказали стрѣлять съ одного мандаринскаго судна и съ крѣпостей Бокка-Тигрисъ въ Ость-Индскій корабль Бомбей, предполагая, что на немъ находятся Британскіе офицеры, которымъ запрещено прѣзжать въ Кантонъ; однакожь старанія капитана Эллиота остались безуспѣшными. Напротивъ того, издавъ новый указъ, которымъ запрещается всѣмъ иностранцамъ оставаться въ Кантонѣ долѣе двухъ дней. Онъ отплылъ потомъ въ заливъ Тунъ-Ку, въ которомъ адмиралъ Майтлендъ стоялъ на якорѣ, и хотѣлъ

переговорить съ нимъ. Адмиралъ Майтлендъ вошелъ въ Бокка - Тигрисъ, дабы требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную Британскому флагу, и получивъ отъ Китайскаго Адмирала удовлетворительное извиненіе въ выстрѣлахъ, сдѣланныхъ по кораблю Бомбею, возвратился въ заливъ Тунгъ-Ку. Не смотря на то, повелѣніе Вице-Короля не пропускать иностранныхъ судовъ вверхъ по рѣкѣ, строго наблюдалось.

— Въ безпримѣрно короткое время, сорокъ дней, прибыли въ Англію новыя извѣстія изъ Остѣ-Индіи. Въ донесеніяхъ изъ Бомбея, отъ 1-го Января, увѣдомляютъ, что увольненіе Главнокомандующаго Индійскою арміею, генерала Фена, было объявлено приказомъ по арміи, 14-го Декабря, въ лагерь при Фираспурѣ. Временное начальство надъ арміею приметъ генералъ Рамсей. Часть войска, назначенная въ Кабуль, выступитъ изъ Фираспура, подъ командою генерала Торренса, 16-го Декабря, и двинется чрезъ Курнауль въ Мигрутъ, куда надѣялись прибыть 9-го Января. Бомбейскій Консулъ, идущій въ Синдъ, достигъ, 1-го Декабря, устья Инда и разбилъ лагерь при Виккурѣ. Белуджи и Синды собирались большими толпами воспрепятствовать движенію Британцевъ. Синдскіе Эмиры занимались укрѣпленіемъ Гайдерабада. Впрочемъ, вооруженія противъ Кабула будутъ излишними, если подтвердится слухъ, распространившійся въ лагерь Индійскою арміи, будто бы Достъ-Мухаммедъ Ханъ и его братья объявили, что они не станутъ противиться возведенію на Кабульскій престолъ Шаха Суджи, если имъ дадутъ пожизненный пенсіонъ. Извѣстіе сіе противорѣчитъ манифесту, изданному всѣми братьями противъ Остѣ-Индской Компаніи, и напечатанному въ Агра-Укбарѣ, но должно замѣтить, что нѣкоторые считаютъ

сей документъ поддѣльнымъ. Манифестъ сей есть отвѣтъ на объявленіе войны Генераль-Губернаторомъ Британской Индіи, Лордомъ Ауклендомъ (см. *Прибавленіе II*-е). Свиданіе Магараджи Ренджитъ Синга съ Лордомъ Ауклендомъ происходило въ Фираспурѣ, 29-го Ноября; первый посетилъ Лорда, который отдалъ ему визитъ на другой день. 31-го числа былъ большой смотръ войскамъ. Въ Агра-Укбарѣ, отъ 6-го Декабря, увѣдомляютъ, что въ округъ Игансигъ, занятомъ 15,000 челов., вспыхнуло возмущеніе, и что такъ какъ Британскій комиссаръ Фрезеръ не принялъ ни той, ни другой стороны, обѣ онѣ объявили себя противъ Британцевъ. Отрядъ изъ пяти пѣхотныхъ полковъ и одного кавалерійскаго, съ нѣсколькими орудіями, и всѣ силы Синдіи, подъ начальствомъ Сира Т. Анбора, посланы противъ Игансига. Извѣстія изъ Бирманіи простираются до 14-го Декабря. Британскій резидентъ, полковникъ Бенсонъ, все еще находился въ Амерапурѣ. Война съ Бирманіею казалась неизбежною. 62-й Британскій полкъ уже получилъ маршрутъ. Изъ Бомбея былъ посланъ довольно сильный отрядъ, съ артиллеріею, подъ командою полковника Баггольда, для занятія Адена.

Въ частныхъ письмахъ изъ Адена, отъ 16-го Декабря, увѣдомляютъ, что военный бригъ Кутъ, принадлежащій Остѣ-Индской Компаніи, блокируетъ сей городъ, ибо Арабскіе предводители не хотятъ его сдать, не смотря на конвенцію, заключенную ими. Ожидали прибытія 500 человѣкъ войска изъ Бомбея, которые возьмутъ крѣпость приступомъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Индіи, тамъ занимались, кромѣ экспедиціи противъ Кабула и приготовленій противъ нападений Непалульцевъ, также предположеніемъ о вторичномъ отправленіи войскъ въ Каракъ, въ Персидскомъ заливѣ, дабы, въ случаѣ

нужды, не только занять сей островъ, но и про- известъ вторженіе во внутренность Персіи.

Изъ Авы увѣдомляютъ однакожь, что тамъ опять явился предполагаемый наслѣдникъ престола Бирманскаго, котораго считали умерщвленнѣмъ во время похищенія короны *Тараваддіель*, нынѣшнимъ Бирманскимъ Царемъ. Лица, которымъ поручено было лишить его жизни, убили вмѣсто его другаго мальчика, и угрожали провозгласить его властителемъ. Если молодой Князь будетъ умѣть дѣйствовать, то полагаютъ, что похитителю будетъ довольно хлопотъ у себя, и онъ не станетъ болѣе помышлять объ интригахъ противъ Индійскаго правительства и вмѣшательства въ чужія дѣла.

— Въ Бомбейской Газетѣ, отъ 21-го Декабря, сообщаютъ любопытныя подробности о переговорахъ Генераль - Губернатора Остъ-Индіи, Лорда Аукленда, съ владѣтелемъ Пенджаба. Магараджа Ренджитъ Сингъ посѣтилъ Генераль-Губернатора. Около 4,000 чело- вѣкъ Англійскаго войска стояли въ развернутомъ фронтѣ, въ полной парадной формѣ. Самъ Лордъ Ауклендъ сидѣлъ въ башенкѣ, на слонѣ. Въ свитѣ его были Главнокомандующій, сирѣ Генрихъ Фень, главный штабъ и много высшихъ чиновниковъ. Это блистательное собраніе скрывалось за оградой. Въ девять часовъ утра, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о прибытіи Магараджи. Тогда Генераль-Губернаторъ тронулся съ мѣста. Шествіе состояло изъ двойнаго ряда слоновъ; войска стояли по обѣ стороны; музыка играла *God save the Queen*, и гвардія держала ружья на караулъ. Вскорѣ показалась толпа конныхъ Сердарей и Сейковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Ренджитъ Сингъ ѣхалъ на великолѣпно убранномъ слонѣ, съ серебряною башенкою. Онъ былъ окруженъ высшими чиновниками своими, также на

слонахъ. Когда обѣ процессіи сошлись, поднялось густое облако пыли. Въ ту минуту, какъ Генераль-Губернаторъ обнялъ своего гостя, и пригласилъ его въ свою башенку, артиллерія, на верблюдахъ, сдѣлала залпъ. Великолѣпнѣя зрѣлища невозможно описать. Потомъ слоны двинулись за ограду. Генераль - Губернаторъ и Главнокомандующій помогли Магараджѣ сойти на землю. Медленныя движенія Ренджитъ Синга рѣзко противорѣчили пламенному, и съ тѣмъ вмѣстѣ глубокому выраженію его единственнаго глаза. Лицо его почти совершенно покрыто густою бѣлою бородою и усами. Народу столпилось такое множество, что высокіе посѣтители съ трудомъ пробрались во внутренность палатки. Ренджитъ Сингъ занялъ мѣсто на диванѣ, возмѣ миссъ Эдентъ, сестры Генераль - Губернатора, которой онъ сказалъ сперва, черезъ драгомана, маіора Ваде, нѣсколько учтивыхъ словъ. Вскорѣ начался разговоръ между Генераль - Губернаторомъ, Главнокомандующимъ и Магараджею. Первый увѣрялъ, что во всѣхъ письмахъ, которыя онъ получалъ отъ Англійскаго Правительства, освѣдомляются постоянно о здоровьѣ Ренджитъ Синга. Магараджа отвѣчалъ на то, что онъ другъ Англичанъ, и вполне уважаетъ всѣхъ ихъ высшихъ чиновниковъ. Послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, Лордъ Ауклендъ сказалъ: «Теперь я покажу тебѣ изображеніе нашей юной и прекрасной Королевы, которая столь же славится своими добродѣлями, какъ и величіемъ.» Генераль-маіоръ Контонъ поднесъ портретъ Королевы, трудомъ миссъ Эдентъ, вставленный въ золотую рамку. Магараджа поклонился портрету, и нѣсколько разъ прижималъ его ко лбу. Посмотрѣвъ на него пристально, онъ сказалъ: *Почитаю это изображеніе важнѣйшимъ подаркомъ, какой лишь могутъ сдѣлать, и доказа-*

тельствомъ дружбы между обоими Правительствами; по возвращеніи моемъ прикажу произвести сто одинъ выстрѣлъ. Потомъ, Ренджитъ Сингъ спросилъ: занимаютъ ли еще Англичане островъ Каракъ, въ Персидскомъ заливѣ, и какою силою? Лордъ Ауклендъ отвѣчалъ, что островъ занятъ однимъ Европейскимъ полкомъ, но что за нимъ послѣдуютъ еще другіе. При томъ Генераль Фенъ замѣтилъ, что вся Персидская армія не могла овладѣть островомъ. Лордъ Ауклендъ обѣщалъ показать Магараджѣ пароходы на Индѣ. Послѣдній освѣдомлялся о генералѣ Вентурѣ, о пріемѣ его въ Англии, и спросилъ: кого считаютъ лучшимъ полководцемъ, Вентуру или Аллара? Лордъ Ауклендъ отвѣчалъ, что оба они образовались въ школь великаго полководца Наполеона, которому всѣ уступаютъ, даже Веллингтонъ, столь много прославившій Англию.—Ренджитъ-Сингъ: *Я люблю музыку; тотъ ли это хоръ, который я слыжалъ въ Умритсурѣ?*—Лордъ Ауклендъ: «Тотъ самый, но у насъ въ каждомъ полку есть такой же хоръ.»—Ренджитъ Сингъ: *Музыка мое наслажденіе; она одушевляетъ солдата въ минуту боя. Я не жалюль денегъ, чтобы завести такіе же хоры въ моей арміи.*—Магараджъ показали за тѣмъ остальные подарки. Въ толпѣ онъ споткнулся, и за нимъ Главнокомандующій, однакоже первый ни на минуту не потерялъ своего важнаго вида. Вскорѣ послѣ того онъ удалился, провожаемый съ прежними почестями, и пригласивъ къ себѣ важнѣйшихъ Англійскихъ чиновниковъ. На другой день ему былъ отданъ визитъ. Сеики выказали еще большее великолѣпіе, нежели Англичане. Войско ихъ было въ пестрой одеждѣ; только регулярный полкъ, въ 3000 человекъ, отличался красными мундирами и блестящими касками. Огромныя толпы народа собрались вокругъ лагеря,

но всѣ сохраняли глубокое молчаніе. На Магараджѣ было простое темно-красное платье, но тѣмъ великолѣпнѣе были одѣты его офицеры. Церемоніи соблюдались почти тѣ же, что и наканунѣ. Замѣчительно только, что музыка Магараджи очень хорошо играла God save the Queen. Посреди лагеря находились палатки изъ краснаго сукна, съ золотыми кистями. Въ главной палаткѣ были разостланы чрезвычайно дорогіе ковры и стояли золотыя и серебряныя кресла. Послѣ раздачи подарковъ, были позваны танцовщицы, совершенно покрытыя брилліантами и осыпанныя серебряною пылью. Тѣмъ кончилось празднество и Англичане откланялись Магараджѣ.

АФРИКА.

Послѣднія событія въ Трипольскомъ регентствѣ очень важны и заслуживаютъ вниманіе Европейскихъ журналовъ. Въ частномъ письмѣ изъ Триполя, отъ 10-го Декабря, сообщаютъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ. Въ договорѣ, заключенномъ новымъ Турецкимъ Пашею съ Арабскими предводителями, Абдель-Желилемъ, Гумою и беємъ Гаріанскимъ, находятся слѣдующія условія: Вышеупомянутые предводители платятъ ежегодно Турецкому Правительству 25,000 магули наличными деньгами, и сверхъ того доставляютъ десятую часть всѣхъ произведеній, но за то Турки не имѣютъ права приближаться къ владѣніямъ сихъ трехъ предводителей. Они властвуютъ надъ Бедуинами Трипольскаго регентства, и Паша не смѣетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Такимъ образомъ, Триполь имѣетъ нынѣ два правительства, независимыя одно отъ другаго: Турецкое правительство въ городѣ и правительство страны, раздѣленной между Арабскими предводителя-

ми. Такое положеніе дѣль очень непріятно для Европейскихъ заимодавцовъ регентства. Увѣряютъ что, Англія, Франція и Австрія согласились требовать вмѣстѣ, чтобы ихъ подданнымъ выплачены были долги. Если Арабское Правительство не удовлетворитъ справедливому требованію, должна отвѣчать Порта. Какъ Арабы, такъ и Европейцы очень полюбили новаго Пашу Аскара, за его кротость и ласковое обхожденіе. Онъ платитъ жалованье войскамъ съ большою точностью и заботится объ ихъ благосостояніи. Аскаръ-Паша занимается теперь учрежденіемъ карантинна. Управление карантиномъ онъ поручилъ своему драгоману.

Послѣ 8-ми - мѣсячной кампаніи, Абдъ-эль-Кадеръ овладѣлъ наконецъ Айнъ-Майдехомъ. Января 10-го, ночью, войска его вторглись въ городъ Тетжини бѣжалъ.

АМЕРИКА.

Вотъ извѣстія изъ Канады: » Въ первыхъ числахъ Декабря мѣсяца, нѣсколько сотъ, такъ называемыхъ, патриотовъ перешли при Детруа черезъ рѣку, и атаковали при Виндзорѣ, лежащемъ прямо противъ Детруа, отрядъ Британскихъ линейныхъ войскъ и милиціи. Потерявъ отъ 40 до 60 человекъ убитыми и ранеными, отрядъ обратился въ бѣгство. Инсургенты сожгли все казенныя зданія, и обратились на Сандвичъ, лежащій въ трехъ Англійскихъ миляхъ внизъ по рѣкѣ. Здѣсь они также разогнали милицію и овладѣли городомъ. На пути въ Сандвичъ, они истребили Британскій пароходъ Темзу, стоявшій на якорѣ близъ Виндзора. Около 300 человекъ Канадской милиціи присоединились къ инсургентамъ, и вся толпа, возросшая до 1,000, или 1,200 человекъ, двинулась на Амгерстбургъ

и Мальденъ. Въ ночи съ 2-го Декабря, инсургенты овладѣли Мальденомъ, и захватили 175 плѣнныхъ. — Въ главныхъ городахъ Верхней и Нижней Канады военные суды занимались процессами; 6-го Декабря, въ Монреаль, когда показанія свидѣтелей были отобраны, г. Гартъ прочелъ рѣчь въ защиту подсудимыхъ. За тѣмъ, полковникъ, предсѣдательствующій въ судѣ, сдѣлалъ извлеченіе изъ всѣхъ показаній свидѣтелей. Въ первомъ процессѣ, число подсудимыхъ простиралось до двѣнадцати; изъ нихъ одинъ былъ оправданъ; вина двухъ другихъ осталась сомнительною, а остальные оказались изъ допроса свидѣтелей виновными. Сиръ Джонъ Кольборнъ хотѣлъ самъ разсмотрѣть всѣ акты. Въ послѣднихъ депешахъ своихъ къ Министру Колоній, Сиръ Джоржъ Артуръ объявляетъ, что онъ намѣренъ немедленно исполнить приговоръ. Изъ приказа, отданнаго имъ милиціи 24-го Ноября, видно, что онъ рѣшился поступать столь же строго и въ будущихъ случаяхъ. Въ приказѣ, онъ хвалитъ милицію, въ особенности за дѣйствія ея при Прескоттѣ, сожалеетъ о потеряхъ, претерпѣнныхъ ею, и изъявляетъ надежду, что и впредь будетъ она содѣйствовать ему съ такимъ же усердіемъ. Предводители инсургентовъ, говоритъ онъ, оказались трусами и людьми самыми низкими. Соблазнивъ чернь къ вторженію въ Канаду, они оставались сами въ безопасности по ту сторону границы. Потомъ онъ продолжаетъ: «Линейныя войска Ея Величества и храбрая милиція доказали другъ другу, что они вѣрные сотоварищи; они вторично вмѣстѣ сражались, вмѣстѣ проливали кровь и умирали; ихъ патриотическій примѣръ не будетъ забытъ въ Канадѣ, и земля, которую они мужественно защищали, не напрасно была орошена ихъ кровью. Сія кровь истребитъ состраданіе, и призоветъ къ оружію всѣхъ

вѣрныхъ жителей Верхней Канады!» Въ пограничныхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ, особенно въ Освего, принимаютъ большое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ инсургентовъ. Тамъ составилось общество, которое намѣрено просить Британскія начальства о пощади плѣнныхъ. Предложеніе Монреальской газеты, которому приписываютъ полуофициальный характеръ, нашло многихъ защитниковъ. Оно состояло въ томъ, чтобы Правительство Соединенныхъ Штатовъ выдало главныхъ зачинщиковъ возстанія въ Канадѣ, Маккензи, Джонсона, Теллера и другихъ, находящихся теперь въ его владѣніяхъ, съ тѣмъ, чтобы Британскія начальства избавили отъ казни менѣ виновныхъ инсургентовъ.

— 8-го Декабря, утромъ, былъ повѣшенъ въ Кингстонѣ предводитель патріотовъ Шульцъ. 12-го числа казнены полковникъ Аббей и Джоржъ. При отправленіи извѣстій изъ Кингстона, смертный приговоръ надъ Вудруфомъ еще не былъ произнесенъ. — Изъ Монреала, пишутъ, отъ 14-го Декабря, что сиръ Джонъ Кольборнъ превзошелъ мѣру своей власти при назначеніи военного суда, и что потому процессъ, веденный симъ судомъ, противенъ законамъ. Г. Гартъ, адвокатъ инсургентовъ, отданныхъ подъ судъ, протестовалъ противъ сего незаконнаго поступка, и дѣло предоставлено рѣшенію высшаго судилища. Два Квебекскіе судьи, Пенетъ и Бедардъ, которые, въ слѣдствіе такой противозаконности, не хотѣли вмѣшиваться въ дѣло, отставлены сиромъ Джономъ Кольборномъ. Они отправились въ Англію требовать удовлетворенія. Но самое худшее то, что если военный судъ въ Монреаль противозаконный, то Кингстонскій также не имѣетъ законной силы, и за всѣ казни инсургентовъ, совершенныя по его приговору, должны отвѣчать сиръ

Джонъ Кольборнъ, или ближайшіе его совѣтники по судебной части.

— Въ Нью-Йоркскихъ газетахъ находятся извѣстія изъ Канады отъ 5-го Января. Монреальскій военный судъ закрытъ. Всѣ подсудимые объявлены виновными, за исключеніемъ капитана Морена и малолѣтняго Трепанье, который былъ спасенъ своею молодостью. Разбои на границѣ все еще не прекратились. 4-го числа, летучій отрядъ, подъ командою полковника Ветералля, былъ посланъ изъ Монреала въ Терребонъ. Толпа вооруженныхъ пограничныхъ жителей вторглась въ Канаду, близъ мѣстечка Рувиль, сожгла въ Бичъ-Риджѣ дома многихъ лоялистовъ и прогнала жителей. Въ Верхней Канадѣ, послѣ событій 4-го Декабря при Сандвичѣ, не происходило ничего важнаго. Въ Лондонской газетѣ, отъ 26-го Декабря, сообщаютъ официальные донесенія офицеровъ о сихъ событіяхъ. Число инсургентовъ, отплывшихъ изъ Детруа и вышедшихъ на берегъ близъ Виндзора, простиралось до 400. Они сожгли одинъ пароходъ и нѣсколько зданій въ Виндзорѣ, и умертвили нѣсколько человекъ, но вскорѣ были атакованы милиціею, собравшеюся въ Сандвичѣ, и въ нѣсколько минутъ обращены въ бѣгство. Они лишились 25-ти человекъ убитыми; столько же было взято въ плѣнъ, а остальные разбѣжались. При семъ случаѣ дѣйствовали съ большимъ усердіемъ жители Сандвича, хотя они большею частію Французскіе Канадцы.

— Изъ Канады увѣдомляютъ еще, что тамъ ожидали новаго вторженія инсургентовъ: 1500 бунтовщиковъ собрались на островъ Потъ-инъ-Бей, нѣсколько ниже Амгерстбурга; 500 другихъ въ городѣ Ипсиланти. Полагали, что еще большее число инсургентовъ разсѣяно въ области Мичиганъ. По дру-

гимъ извѣстїямъ, небольшой отрядъ опять сдѣлалъ высадку при Мальденѣ, въ Верхней Канадѣ, но былъ снова отбитъ Британскими войсками.

Переговоры Франціи съ Мексикою рѣшились наконецъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. 27-го, Боденъ двинулъ корабли къ Сентъ-Жанъ Уллоа, и послѣ трехъ-часоваго бомбардированія, Французы овладѣли крѣпостью. Начались переговоры о нейтралитетѣ Вера-Круса; заключили договоръ, но Правительство Мексиканское не утвердило его, и 3-го Декабря, Французы напали на Мексиканское войско, бывшее въ городѣ и окрестностяхъ его. Они обезоружили городъ послѣ жестокой битвы, и удалились на корабли. Начальникъ, Мексиканскій генералъ Санта-Анна былъ раненъ въ ногу, которую принуждены были потомъ отнять. Января 7-го явился къ Вера-Крусу Англійскій флотъ, и Посланникъ Паккенгамъ, но Мексиканцы не согласились ни на какія условія. Бустаменте объявленъ диктаторомъ, объявилъ войну Франціи, изгналъ изъ Мексики всѣхъ, жившихъ тамъ Французовъ (ихъ взяли на эскадру Бодена) и отдалъ повелѣніе отправлять крейсеровъ; дальнѣйшія слѣдствія до сихъ поръ неизвѣстны. — Изъ Франціи отправляютъ въ Мексику новыя войска. — Принцъ Жуанвильскій мужественно участвовалъ во всѣхъ битвахъ. Онъ возвратился во Францію, и прибылъ въ Парижъ 2-го Марта. — Несчастнѣйшій Базонъ, столь долго блокировавшій Вера-Крусъ безуспѣшно, едва не погибъ на возвратномъ пути во Францію. Корабль его разбился близъ Багамскихъ острововъ, но всѣ люди спаслись.

Фруктуосо Риверо, осаждавшій Монтевидео, наконецъ одержалъ побѣду. Противникъ его, Президентъ Орибе, рѣшился оставить городъ. 25-го Октября, онъ отплылъ, на Англійскомъ кораблѣ, въ

Буэносъ-Айресъ или, какъ другіе говорятъ, въ Пейсандрѣ, чтобы оттуда возобновить войну противъ Риверы. Двѣсти человекъ согласились раздѣлять его судьбу и отправились съ нимъ. Риверо былъ назначенъ Губернаторомъ. Причина сей внезапной переменны положенія дѣль заключается въ томъ, что Орибе, не въ состояніи будучи держаться долѣе, рѣшился занять Монтевидео и Пейсандрѣ войсками изъ Буэносъ-Айреса. Противъ сего возстали начальники войскъ, и Орибе былъ принужденъ назначить комиссію для переговоровъ съ Риверою. 21-го Октября, комиссія заключила конвенцію, въ слѣдствіе которой Орибе отказался отъ своей власти. Въ день отъѣзда Орибе, войска Риверы вступили въ Монтевидео.

— По извѣстїямъ изъ Гватималы, отъ 10-го Ноября, инсургенты Центральной Америки атаковали самую столицу, но были отбиты съ потерю 1,500 человекъ убитыми и ранеными.

— Изъ Лагуары пишутъ, отъ 28-го Ноября, что генералъ Паэсъ избранъ въ Президенты Венецуэллы, на нынѣшній годъ. Кредитъ тамошняго Правительства постоянно увеличивался.

— По послѣднимъ извѣстїямъ изъ Флориды, дикари все еще продолжаютъ умерщвлять бѣлыхъ. Дѣйствія войскъ противъ нихъ не имѣли ни какого успѣха.

—
Конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго года ознаменовались множествомъ выпавшаго повсюду снѣга: въ Испаніи завалило снѣгомъ дороги; снѣгъ шелъ въ Римъ; на Симпдонской дорогѣ навалило его на 6-ть футовъ въ вышину. Страшная буря угрожала притомъ разрушеніемъ знаменитой Сентъ-Бер-

парской гостинницъ (10-го Января).— На Адриатическомъ морѣ свирѣпствовали бури, какихъ не запомнятъ старожилы. — Въ Трансильваніи бури причинили много вреда. — Жестокая буря была на западныхъ берегахъ Англіи, особенно въ Ливерпуль и Манчестеръ. И тамъ и здѣсь, она срывала крыши, ломала трубы и заборы. Берега всюду были покрыты обломками кораблей. Городъ Лугри сгорѣлъ отъ пожара, начавшагося при бурѣ; въ Матъ также сгорѣло 70 домовъ; Мариборугъ, Карлоу и Неури, въ Ирландіи, много пострадали. Вотъ послѣднія извѣстія изъ Лондона: «Буря, причинившая въ Ливерпуль значительныя опустошенія, свирѣпствовала съ такою же силою по всему западному и восточному берегу Англіи и въ большей части Ирландіи. Вѣтеръ всюду разрушалъ дома, колокольни, домовыя трубы и срывалъ крыши. Много людей погибло отъ падавшихъ обломковъ. Въ Ливерпуль убиты *двадцать*, въ Манчестеръ *девять* человекъ. Въ Честеръ сокрушилась часть колокольни соборной церкви, и причинила большой вредъ. Но болѣе всѣхъ пострадали Ирландскіе города. Въ Дублинъ была вырвана большая часть деревьевъ въ паркѣ Феникса, въ Атлонъ разрушились 50 домовъ, и столько же въ городахъ Друмсиъ и Эльфинъ. Разрушенные дома, разумѣется, деревянные и малые, однакожь подъ ихъ развалинами погибло много людей. Въ Шотландіи, къ довершенію несчастія, разлилась еще рѣка Клейдъ. Большія заводскія кирпичныя трубы, способныя противиться бурѣ, сдѣлались очень опасными. Въ числѣ потонувшихъ, или поврежденныхъ кораблей, находятся Нью-Йоркскіе пакетботы *Пенсильванія* и *Сентъ-Андрю*, и корабль *Локеудсъ*, съ 85-ю пассажирами, назначенный въ Нью-Йоркъ. Пакетботъ Оксфордъ также разбился. Весь вредъ, причиненный

бурею, оцѣняютъ въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Въ Ливерпуль уже открыли подписку въ пользу пострадавшихъ.— На Нѣмецкомъ морѣ и въ Ламаншѣ также были жестокія бури. Вотъ нѣсколько извѣстій объ нихъ:

Киль, 11-го Января. На дняхъ, ужасная буря причинила большой вредъ въ окрестностяхъ Гельсингера. Почти весь болверкъ въ гавани разрушенъ. Море сильно волновалось, и вода поднялась на необычайную высоту. Пакгаузъ почти совершенно подмытъ водою; гульбище на берегу непроходимо. 7-го числа, въ Рибѣ было также большое наводненіе. Опустошенія, причиненныя имъ, ужасны. Вода во многихъ мѣстахъ смыла почтовую дорогу, такъ, что сообщеніе очень затруднительно.

Гамбургъ, 9-го Января. Сегодня нашъ городъ приведенъ въ неописанное смутеніе. Въ прошедшую ночь, ужасный вѣтеръ поднялъ воду на невѣроятную высоту, и всюду причинилъ значительный вредъ. Не только городъ былъ наводненъ, но вода съ разрушительною силою свирѣпствовала также въ гавани, вмѣстѣ съ накопившимися тамъ льдинами. Большіе корабли выброшены на берегъ. Своєю тяжестью они увлекли цѣлыя дома. Мачты ломались, какъ тонкіе прутья; сваи, защищавшія гавань, исчезли. Новая большая стѣна, построенная отсюда до Алтоны, почти совершенно разрушена волнами и напоромъ льдинъ. Одна сія стѣна стоила 50,000 маркъ. Всего вреда въ точности нельзя исчислить; онъ простирается отъ 200 до 300,000 маркъ. На многихъ улицахъ стараго города сообщеніе производилось только на лодкахъ. При всеобщемъ безпорядкѣ нельзя было узнать о числѣ погибшихъ людей.

Брюссель, 18-го Февраля. Изъ Диста пишутъ, отъ 16-го числа: «Буря, свирѣпствовала здѣсь два

дня, разрушила колокольню въ Берингенъ, небольшою деревнѣ, лежащей въ $1\frac{1}{4}$ милъ отъ Беверлокаго лагеря. Нѣсколько человекъ сдѣлались жертвою сего несчастнаго событія. Войска, расположенныя въ томъ приходѣ, были собраны на церковной площади, когда колокольня упала; нѣсколько военныхъ, говорятъ, были убиты. Возлѣ церкви находилось заведеніе для обученія дѣтей. Это зданіе было покрыто развалинами церкви. Къ счастью, ученики оставили пенсіонъ, чтобы послушать военной музыки.» — Въ другомъ письмѣ уведомляютъ, что въ школѣ погибли 14 человекъ дѣтей. Ужасно изувѣченныя тѣла ихъ были выгашены изъ-подъ развалинъ.

Страшный ураганъ свирѣпствовалъ въ Сѣверной Америкѣ 14-го Января: Бостонъ, Филадельфія, Албани, Нью-Йоркъ жестоко пострадали отъ него. Не считая погибели людей, утонувшіе товары, разбитые корабли и разрушенныя строения цѣнятъ болѣе нежели въ два милліона доллароѡ. — Января 11-го, землетрясеніе разрушило на островѣ Мартиникѣ города *Форъ-Рояль* и *Сенъ-Пьерръ*; въ первомъ погибло болѣе 800 человекъ. Французскій Король назначилъ 2,200,000 фр. въ пособіе несчастнымъ жителямъ.

Въ Европѣ были землетрясенія: во Франціи, 19-го Декабря, въ Сенъ-Жанъ де Моріенъ, 23-го въ Рошелли (при чемъ слышенъ былъ сильный подземный шумъ), Января 12-го въ Берлинѣ.—Въ Шербургѣ, въ концѣ Января, въ теченіе недѣли три раза было сѣверное сіяніе. — Въ первый день новаго года начались изверженія Везувія, съ ужасною свирѣпостью.

Въ Оеодосіи, въ послѣднихъ числахъ Декабря мѣсяца 1838 года, по полудни въ два часа, на югѣ горизонта была замѣчена молнія, сопровождаемая

сильнымъ громомъ. Съ 5-го на 6-е Января, въ полночь, молнія возобновилась въ зенитѣ горизонта, при сильныхъ ударахъ грома, какой рѣдко бываетъ и въ лѣтнее время. Въ дни предшествовавшіе послѣдному явленію молніи и грома, погода была переменчива; при южномъ вѣтрѣ чувствуема была теплота, и при томъ всегда шелъ дождь; отъ поворота же вѣтра съ сѣвера, или сѣверозапада, что повторялось въ сутки по нѣскольку разъ, вмѣсто дождя начиналъ идти снѣгъ; сильныхъ и холодныхъ вѣтровъ съ морозомъ вовсе не было. 6-го числа послѣ полуночной грозы, въ полночь шелъ проливной дождь, попеременно съ снѣгомъ; погода не устанавливалась во все время дня; ввечеру, при порывистомъ западномъ вѣтрѣ, снѣгъ большими, мокрыми хлопьями шелъ всю ночь. На 7-е число былъ легкой морозъ, но снѣгъ, отъ солнца на безоблачномъ небѣ, таялъ и въ городѣ была большая грязь; вода ручьями лилась по улицамъ.

Изъ Одессы писали отъ 17-го Января: «Нѣсколько дней тому, зима снова воротилась къ намъ. Третьяго дня, въ семь часовъ утра, термометръ показывалъ 12 градусоѡ мороза — наибольшая степень, какой достигалъ у насъ холодъ нынѣшнего зимою, потому, что 8-го минувшаго Декабря было только 11 градусоѡ ниже точки замерзанія. Совершенная тишина воздуха, въ ночи съ 14-го на 15-е Января, способствовала образованію тонкаго слоя льду, покрывшаго обѣ наши гавани и нѣкоторую часть рейда, но вчера рейдъ очистился отъ льда. Ссегодня съ полуночи поднялась сильная снѣговая мятель, но къ полудню затихла и воздухъ значительно потеплѣлъ.

Изъ Вѣны писали, отъ 7-го Января: «На прошедшей недѣлѣ, здѣсь внезапно показалась оспа, и съ

самаго начала сдѣлалась злокачественною. Теперь сія болѣзнь, имѣвшая всѣ признаки эпидеміи, уже ослабѣваетъ. Число больныхъ оспою, отвезенныхъ, въ послѣдніе дни въ публичный госпиталь, простирается только до двадцати. Смертные случаи рѣдки. Въ числѣ жертвъ находится основатель и редакторъ Австрійской Утренней Газеты, Г. Н. Эстерлейнъ. Секретарь здѣшняго Датскаго посольства, Кастень-Скиольдъ также едва не умеръ отъ оспы; теперь онъ внѣ опасности. Такой случай произвелъ большое впечатлѣніе въ высшихъ сословіяхъ, и многія особы прививали себѣ оспу вторично.»

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Графъ Кларендонъ, перъ Великобританіи, умеръ 22 Декабря, въ Дилѣ, на 81 году. Титуль и имѣніе его наследовалъ племянникъ его В. Ф. Виллерсъ, Посланникъ Англійскій въ Испаніи.

Герцогъ Буккингамъ, перъ Великобританіи, умеръ 17-го Января. Титуль и имѣнія его переходятъ къ старшему сыну, Маркизу Чандосу.

Баронъ Лудольфъ, бывшій Посоль Неаполитанскій въ Англій, назначенный въ Парижъ, умеръ въ Лондонѣ, 20 Февраля.

Графъ Луи Ганри де Ко (de Saux), потомокъ знатной фамиліи Лангедокской, въ юныхъ лѣтахъ эмигрантъ, возвратившійся въ 1814 г., и до Іюльской революціи Посоль въ Испаніи, Пруссіи, Голландіи и Ганноверѣ, умеръ на 74 году.

Шаверь, Наполеоновскій генераль, участвовавшій въ 20-ти кампаніяхъ, бывшій начальникъ гвардіи Вестфальскаго Короля, умеръ въ Безансонѣ, на 68 году.

Баронъ Аппель Капошани, славный агрономъ Венгерскій (онъ первый ввелъ картофель въ Венгрію), умеръ въ Пестѣ, на 96 году.

Графъ Каспаръ Ф. Штернбергъ, знаменитый естествоиспытатель, умеръ, въ замкѣ своемъ Бруцинѣ, близъ Праги, на 79 году.

Іосифъ Бершу, извѣстный своею поэмою о Гастрономіи, умеръ въ Марсиньи, на 78 году жизни.

Г-жа Ландонъ (жена Кость-Кестльскаго коммоданта Маклина), Англійская писательница, извѣстная своими пріятными стихотвореніями, умерла въ Лондонѣ, на 40 году.

Артуръ Югсъ (Huges), Англійскій Королевскій живописецъ, умеръ въ Дрезденѣ, на 33 году.

Лангле, историческій живописецъ Французскій, членъ Института, умеръ 1 Января въ Парижѣ.

Іосифъ Антоній Кохъ, старѣйшій изъ Нѣмецкихъ живописцевъ въ Римѣ, родивш. въ 1768 г. и жившій въ Римѣ съ 1794 г., умеръ тамъ 12 Января.

Въ Diario di Roma помѣщенъ некрологъ замѣчательныхъ Итальянцевъ, умершихъ въ 1838 году. Кромѣ упомянутыхъ уже нами прежде, исчисляются: *четыре* архіепископа и епископа и *пять* прелатовъ Папскаго Двора; Маркизь *Тіези ди-Виллагермоза*, артиллерійскій генераль Сардинскій; *Фонтанелли*, Австрійскій фельдмаршаль-лейтенантъ; *Эскулеи*, бывшій полковникъ Наполеона; медикъ *Марколини*; *Маркизь Ласкарисъ де Винтиллеле*, извѣстный агрономъ, президентъ Туринской Академіи; археологъ *Ардити*, президентъ Геркуланской Академіи; *Бучеронъ*, Туринскій профессоръ Латинской литературы; ориенталистъ *Сальволини*; отличный мастеръ математиче-

скихъ инструментовъ, инженеръ *Читтели*; миниатюрный живописецъ *Деликати*; рѣщикъ *Морелли*; Антонио *Марокези* — Тальма Италіи; Моденскій министръ *Князь Каноза*; Римскій *Князь Доріа Памфили*.

Андрей Михайловичъ Бороздинъ, генераль-лейтенантъ, бывшій сенаторъ и Губернаторъ Таврической, сконч. въ Симферополь, 8-го Декабря, на 73 году жизни.

Князь Христофоръ Андреевичъ Ливенъ, генералъ отъ инфантеріи, генералъ адъютантъ, Попечитель Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, сопровождавшій Е. В. въ путешествіи по Европѣ, сконч. въ Римъ 29-го Декабря.

Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, оберъ-камергеръ, Членъ Государственнаго Совѣта, сконч. 24-го Января, въ Спб., на 85 году жизни.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, Предсѣдатель Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, сконч. 11-го Февраля, на 88 году жизни.

Сергій Сергеевичъ Кушниковъ, Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сконч. въ Спб. 14-го Февраля.

Января 9-го происходило въ церкви Общества Благородныхъ Дѣвицъ (Смольномъ Монастырѣ) погребеніе достопамятной и почтенной особы, Екатерины Ивановны Нелидовой. Она родилась въ 1756 году, была ученицею въ первомъ приѣмѣ въ упомянутое воспитательное заведеніе, въ 1764 г., и пробыла въ немъ до 1767 года; на другой годъ потомъ пожалована была во Фрейлины къ Императорско-

му Двору, была камеръ-Фрейлиною, награждена орденомъ Св. Екатерины, и уволена по просьбѣ ея въ 1793 году. Съ того времени, *сорокъ пять лѣтъ* прожила она въ томъ заведеніи, гдѣ получила образованіе и провела первыя лѣта юности, и тамъ скончалась 2-го Января. Государь Императоръ почтилъ присутствіемъ Своимъ погребеніе добродѣтельной. Бренныя останки ея положены, по желанію ея, на смиренномъ кладбищѣ Больше-Охтинскаго селенія за Невою.

П Р И Б А В Л Е Н І Я.

I.

Речь Англійской Королевы, при открытіи Парламентовъ, Февраля 6-го 1839 года.

«Милорды и Господа! Радуюсь, видя васъ вновь собравшихся въ Парламентъ. Имѣю надобность въ вашемъ совѣтѣ и пособіи, въ такое время, когда многіе предметы весьма важные должны обратить на себя все ваше вниманіе. — Не перестаю получать отъ иностранныхъ державъ удовлетворительныя увѣренія въ ихъ желаніи сохранить дружескія съ нами сношенія. — Я заключила съ Императоромъ Австрійскимъ коммерческій трактатъ, который, какъ я надѣюсь, облегчитъ сношенія моихъ подданныхъ съ Австрійскими. — Также заключила я подобный трактатъ съ Султаномъ, имѣющій цѣлю поставить торговли сношенія между моимъ государствомъ и Турецкою Имперіею на лучшую и прочную ногу. Я приказала сообщить вамъ копія съ сихъ трактатовъ. — Въ соединеніи съ Австріею, Франціею, Пруссіею и Россіею производились переговоры объ окончаніи споровъ между Голландіею и Бельгіею. Окончательный мирный трактатъ, основанный на прежнихъ условіяхъ, принятыхъ обѣими сторонами, предложенъ, въ слѣдствіе того, Правительствомъ Голландскому и Бельгійскому. Съ удовольствіемъ извѣщаю васъ, что

Голландское Правительство, съ своей стороны, объявило Конференціи, что оно принимает сей трактатъ. Надѣюсь, что подобное принятіе со стороны Бельгіи прекратитъ недоумѣніе, которое донынѣ причиняемо было нерѣшеніемъ сего дѣла. Единогласіе пяти союзныхъ Державъ даетъ удовлетворительное обезпеченіе въ сохраненіи мира. — Сожалю о продолженіи междоусобной войны въ Испаніи, обращающей на себя все мое рачительное вниманіе. — Происшедшія нынѣ несогласія были причиною удаленія моего Посланника отъ Двора Тегеранскаго. Между тѣмъ питаю надежду, что миролюбивое окончаніе сихъ несогласій позволитъ возстановитъ мои сношенія съ Персіею на прежней дружеской ногѣ. Присшествія, состоящія въ связи съ сими несогласіями, побудили Генераль-Губернатора Индіи принять мѣры къ охраненію пользы Британіи въ той части Свѣта, и войти въ обязанность, для исполненія которыхъ пужны военныя дѣйствія. Съ сею цѣлью приняты мѣры, которыя будутъ достаточны для отраженія нападеній, откуда бы оно ни послѣдовало, и для сохраненія въ цѣлости моихъ владѣній на Востокѣ. — Преобразованіе и исправленіе городскихъ общинъ въ Ирландіи существенно необходимы для выгодъ сей части моихъ владѣній. Столь же необходимо вамъ заняться дополненіемъ мѣръ, предложенныхъ церковными комиссарами Англій, для усиленія дѣйствій господствующей Церкви и утверженія ея могущества надъ любовью и уваженіемъ моего народа. — Твердое исполненіе законовъ, скорое и основательное отправленіе правосудія чрезвычайно важны для общаго благосостоянія, и я увѣрена, что вы съ прилежаніемъ и усердіемъ займетесь разсмотрѣніемъ мѣръ, которыя вамъ предложены будутъ для достиженія сихъ благотворительныхъ цѣлей.

Господа Члены Нижней Палаты! Я приказала составить ежегодныя смѣты и предложить ихъ вамъ. Наблюдая правила бережливости, которыя стараюсь ввести во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, считаю между тѣмъ обязанности просить васъ о назначеніи приличныхъ средствъ на потребности государственнаго управленія. Твердо надѣюсь, что вы, по вѣрноподаданческимъ чувствамъ и любви къ отечеству, постараетесь поддержать учрежденія, существенно необходимыя для сохраненія силы и безопасности государства.

Милорды и Господа! Съ удовольствіемъ сообщая вамъ, что на всемъ простратствѣ моихъ Вѣсть-Индскихъ владѣній, наступилъ законный срокъ окончательнаго и совершеннаго освобожденія Негровъ, и что переходъ отъ временной системы состоянія въ ученичествѣ къ полному увольненію произошелъ безъ нарушенія общественной безопасности и спокойствія. Не сомнѣваюсь, что вы обратите все свое попечительное вниманіе на каждую мѣру, необходимую для совершенія сей великой и благотворительной перемѣны. — Съ крайнимъ прискорбіемъ должна я объявить вамъ, что въ провинціи Нижней Канады вновь вспыхнуло было мятежъ, и что въ Верхнюю Канаду вторглись непріязненно бродяги изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. — Сии нарушенія общественнаго спокойствія вскорѣ были подавлены храбростью моихъ войскъ и вѣрностью моихъ Канадскихъ подданныхъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ пригласилъ гражданъ Союза удерживаться отъ поступковъ, несомвѣстныхъ съ дружественными сношеніями, существующими между Великобританіею и Соединенными Штатами. Я приказала сообщить вамъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ сихъ предметахъ, и прошу васъ подвергнуть нынѣшнее состояніе сихъ провинцій внимательному разсмотрѣнію. Надѣюсь, что вы подкрѣпите твердое мое намѣреніе поддержать власть моей короны, и въ благоразуміи своемъ примете мѣры, которыя обезпечать въ тѣхъ частяхъ моего государства блага внутренняго спокойствія и пользованіе собственными ихъ естественными источниками благоденствія. — Съ горестью видѣла я упрямые покушенія, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ государства, для побужденія моихъ подданныхъ къ непокорности и сопротивленію законамъ, и начатию опасныхъ и противозаконныхъ замысловъ. Для устраненія всѣхъ сихъ козней, надѣюсь на дѣйствительность закона, который считаю обязанностію исполнять, на здравый смыслъ и благомысліе моего народа, на привязанность его къ началамъ правосудія и отвращеніе его отъ насилій и безпорядковъ. — Въ полномъ довѣрїи поручаю всѣ сии важныя дѣла вашей мудрости, и молю Всемогущаго, да подкрѣпитъ и благословитъ всѣ ваши совѣщанія.»

II.

Манифестъ Остъ-Индскаго Генераль-Губернатора о войнѣ съ Кабуломъ.

Г-нъ Генераль-Губернаторъ Индіи, съ согласія Верховнаго Совѣта, предписавъ Британскимъ войскамъ соединиться для отправленія на службу за Индъ, признаеть пужнымъ обнародовать слѣдующее изложеніе причинъ, побудившихъ его къ принятію сей важной мѣры.

Извѣстно, что договоры, заключенные Британскимъ Правительствомъ въ 1832 году съ эмирами *Синга*, *Набобомъ Багаульпурскимъ* и Магараджею *Ренджитъ Синголь*, имѣли цѣлю распространеніе торговли посредствомъ открытія судоходства по Инду и доставленіе Британской націи того законнаго вліянія въ средней Азій, которое должно быть естественнымъ слѣдствіемъ взаимныхъ выгодъ. Для склоненія владѣтелей Афганистана, приверженныхъ къ различнымъ партиямъ, содѣйствовать мѣрамъ, необходимымъ для приведенія тѣхъ договоровъ въ дѣйствіе, посланъ, въ концѣ 1836 года, капитанъ Бурнесъ къ *Достъ-Мухаммедъ-Хану*, правителю Кабула. Главная цѣль сего посольства была чисто коммерческая. Между тѣмъ, какъ капитанъ Бурнесъ находился на пути въ Кабуль, Генераль-Губернаторъ получилъ извѣстіе, что войска *Достъ-Мухаммедъ-Хана* напали, внезапно и безъ всякаго повода, на войска стариннаго нашего союзника, Магараджи *Ренджитъ Синга*. Должно было естественнымъ образомъ думать, что Его Высочество Магараджа не замедлитъ отомстить за такое нападеніе, и должно было опасаться, что если вспыхнетъ пламя войны въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы желали распространить свою торговлю, то мирныя и спасительныя намѣренія Британскаго Правительства останутся тщетными. Для предупрежденія столь плачевнаго слѣдствія, Генераль-Губернаторъ поручилъ капитану Бурнесу дать замѣтить *Достъ-Мухаммедъ-Хану*, что если онъ не противится справедливой сдѣлкѣ съ Магараджею, то Его Превосходительство употребитъ свое вліяніе на Его Высочество, для возобновленія дружескихъ сношеній между обоими правителями. Магараджа, съ свойственнымъ ему довѣріемъ къ честности и дру-

жеству Британскаго народа, принялъ предложеніе Генераль-Губернатора прекратить со своей стороны всѣ непріязненные дѣйствія.—Въ послѣдствіи узналъ Генераль-Губернаторъ, что Персидская армія осаждаеть Гератъ; что въ цѣломъ Афганистанѣ существуетъ умысль о распространеніи вліянія и власти Персін до береговъ Инда, и даже даге, и что Персидскій Дворъ не только позволялъ себѣ оскорблять чиновниковъ Британскаго Посольства, но и явно доказывалъ, что онъ питаеть намѣренія, рѣшительно противорѣчація основанію и цѣли союза. Послѣ продолжительныхъ безплодныхъ переговоровъ капитана Бурнеса въ Кабуль, открылось, что *Достъ-Мухаммедъ-Ханъ*, полагаясь преимущественно на помощь Персін, объявилъ столь безмѣрныя требованія въ отношеніи къ недоразумѣямъ съ Сенками, что Генераль-Губернаторъ, въ уваженіе дружбы Магараджи *Ренджитъ Синга*, не рѣшился представить ихъ Его Высочеству. Далѣе обнаружилось, что *Достъ-Мухаммедъ-Ханъ* составлялъ честолюбивые планы объ увеличеніяхъ, которые угрожали безопасности и спокойствію границъ Индіи, и что онъ явно грозилъ, для приведенія сихъ плановъ въ исполненіе, прибѣгнуть къ посторонней помощи, которая находилась въ его распоряженіи. Наконецъ, онъ совершенно явно содѣйствовалъ замысламъ Персін въ Афганистанѣ, зная очень хорошо, что они непріязнены Британскому могучеству въ Индіи, и принудилъ капитана Бурнеса, величайшимъ пренебреженіемъ выгодъ Британскаго Правительства, оставить Кабуль, не достигнувъ цѣли посольства. Ясно было, что Британское Правительство не могло болѣе употреблять своего посредничества для возобновленія дружественной связи между повелителемъ Сенковъ и *Достъ-Мухаммедъ-Ханомъ*, и враждебная политика послѣднѣго слишкомъ ясно показала, что доколѣ Кабуль будетъ оставаться подъ его властію, спокойствіе нашихъ сосѣдей и выгоды нашихъ владѣній въ Индіи не будутъ въ безопасности. При семъ Генераль-Губернаторъ почитаетъ необходимымъ обратиться къ осадѣ Герата и къ поступкамъ Персидскаго народа. Персидская армія осаждаеть сей городъ уже нѣсколько мѣсяцовъ; осада предпринята и продолжается, не смотря на неоднократныя торжественныя представленія Британскихъ Посланниковъ при Персидскомъ Дворѣ; всѣ справедливыя предложенія посредничества, которыя были сдѣланы, отринуты. Оса-

жденные защищались съ храбростію, приличною правотѣ ихъ дѣла, и Генераль-Губернаторъ питаетъ надежду, что героизмъ приведетъ ихъ въ состояніе держаться до тѣхъ поръ, пока они получаютъ помощь изъ Британской Индіи. Между тѣмъ многія происшествія все болѣе и болѣе обнаруживали дальнѣйшія намѣренія Персін, относящіяся къ невыгодамъ Британскаго Правительства. Недавно Генераль-Губернаторъ узналъ изъ депешн г-на Макнейлла, что отказъ въ справедливыхъ его требованіяхъ и презрѣніе, систематическимъ образомъ доказанное ему Персидскимъ Правительствомъ, принудили его оставить Дворъ Шаха, и публично объявить о прекращеніи всякаго сообщенія между обоими Правительствами. По повелѣнію Правительства Ея Величества уже объявлено официально Шаху, что Великобританія находится въ необходимости принять вступленіе Персидской арміи въ Афганистанъ, за непріязненный поступокъ противъ себя. Владѣтели Кандагара, братья царствующаго въ Кабуль Достъ-Мухамедъ-Хана, объявили себя на сторонѣ Персидскаго Правительства, хотя они весьма хорошо знаютъ, что оно противно правамъ и выгодамъ Британскаго народа въ Индіи; они явно подкрѣпляли дѣйствія противъ Герата. При такомъ затруднительномъ положеніи дѣлъ, по отъѣздѣ Посланника нашего изъ Кабула, Генераль-Губернаторъ увидѣлъ сколь необходимо было принять немедленно мѣры для остановленія успѣховъ интриги и нападеній на наши области. При такихъ обстоятельствахъ вниманіе его естественнымъ образомъ обратилось на положеніе и притязаніе Шаха Суджа-Эль-Мулька, монарха, который, будучи еще на престолѣ, съ искренностью принялъ мѣры общаго сопротивленія вѣдшимъ непріятелямъ, признанныя тогда Британскимъ Правительствомъ необходимыми, и который нашелъ въ Британскихъ владѣніяхъ убѣжище, когда былъ лишень своего царства нынѣшними обладателями его. Извѣстія, сообщенныя многими офицерами, которые были въ Афганистанъ, ясно доказываютъ, что важнѣйшіе дворяне-Баруксен, по причинѣ несогласій и несправедливости, никакъ не были склонны сдѣлаться полезными союзниками Британскаго Правительства, и содѣйствовать намъ въ справедливыхъ и необходимыхъ мѣрахъ защиты. Впрочемъ, доколь они не принимали ничего противнаго нашимъ выгодамъ и нашей безопасности, власть ихъ была признаваема и уважаема Британ-

скимъ Правительствомъ. Нынѣ поведеніе тѣхъ дворянъ вполне оправдываетъ иную политику, и дѣлаетъ ее необходимою для нашей собственной безопасности. Благоденствіе нашихъ владеній на Востокъ требуетъ, чтобы мы имѣли на западной границѣ союзника, который старался бы отбивать всякое нападеніе и возстановлять спокойствіе, а не предводителей, покоряющихся непріятельской силѣ и подкрѣпляющихъ ихъ планы завоеваній и увеличеній. Обдумавъ все обстоятельства, Генераль-Губернаторъ убѣдился, что какъ крайняя необходимость, такъ и политика и справедливость оправдываютъ насъ принять сторону Шаха Суджа-Эль-Мулька, во вліяніи котораго на цѣлый Афганистанъ Его Превосходительство увѣренъ единодушнымъ свидѣтельствомъ самыхъ достовѣрныхъ людей. Далѣе Генераль-Губернаторъ полагалъ справедливымъ требовать, чтобы Магараджа Ренджитъ Сингъ принялъ участіе въ преднамѣреваемыхъ дѣйствіяхъ, какъ по своему положенію, такъ равно и по неизмѣнной дружбѣ своей съ Британскимъ Правительствомъ. А потому Г. Маккатенъ былъ въ прошедшемъ Іюнь мѣсяцъ посланъ ко Двору Его Высочества, и слѣдствіемъ его посольства было заключеніе тройственнаго союза между Британскимъ Правительствомъ, Магараджею и Шахомъ Суджа-Эль-Мулькомъ, по которому Его Высочество, сохраняя нынѣшнія свои владѣнія, обязывается содѣйствовать возведенію Шаха на престолѣ его предковъ. Друзья и враги каждой изъ союзной партіи признаются общими друзьями или врагами. Различныя пункты, бывшіе предметомъ объясненій между Британскимъ Правительствомъ и Его Высочествомъ Магараджею, опредѣлены, и окрестныя государства теперь ясно видятъ, что ихъ выгоды одинаковы съ выгодами нашей Компаніи. Синдскимъ Эмирѣмъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, предлагается надежная независимость, цѣлость Герата подъ владычествомъ нынѣшняго государя будетъ соблюдена, и должно по справедливости надѣяться, что приведеніемъ въ исполненіе принятыя мѣры процвѣтутъ общія свобода и безопасность торговли, упрочится надлежащее вліяніе Британской націи на племена Средней Азіи, возстановится спокойствіе на важнѣйшихъ границахъ Индіи и воздвигнется оборонительная стѣна противъ непріязненныхъ интригъ и происшествій. Его Высочество Шахъ Суджа-Эль-Мулька, окруженный собственными своими войсками вступить въ Аф-

ганистанъ, и будетъ подкрѣпляемъ Британскою арміею противъ посторонняго вмѣшательства и сопротивленія партій. Генераль-Губернаторъ надѣется, что Шахъ въ непродолжительномъ времени будетъ утверждёнъ на престолѣ своими подданными и приверженцами, и коль скоро власть его будетъ упрочена, независимость и неприкосновенность Афганистана утверждены, то Британская армія удалится. Генераль-Губернатора побудила къ сему мѣрамъ возложенная на него обязанность пешичь о безопасности Британской короны, но для него пріятно, что исполненіе сей обязанности привело его въ состояніе содѣйствовать возстановленію согласія и благоденствія Афганскаго народа. Въ продолженіе предстоящихъ дѣйствій, вліяніе Британіи будетъ подкрѣплять каждую мѣру всеобщей пользы, примирять раздоры, предавать забвенно обиды, и положить конецъ потрясеніямъ, столько лѣтъ претерпѣвавшимъ благополучію Афганцевъ. Самымъ дворянамъ, подавшимъ своими непріязненными поступками поводъ Британскому Правительству къ неудовольствіямъ, будетъ представлена полная свобода, и оказано должное уваженіе, если они во время покорятся, и перестанутъ сопротивляться тѣмъ мѣрамъ, которыя будутъ приняты, какъ наиболее способствующія общему благу ихъ родины.

По повелѣнію Его Превосходительства, Генераль-Губернатора Индіи,

В. Г. Макнатенъ, Секретарь Индійскаго Правительства.

=

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ПО ГЕРМАНИИ, 1857 ГОДА *.

Юня 12-го, въ субботу утромъ, отправилась я изъ Петербурга на пароходъ. Братья и добрые мои знакомые провожали меня. Въ три часа, не подалеку отъ Кронштадта, подъѣхали мы къ пароходу *Нислидникъ*, стоявшему на якорѣ и назначенному плыть въ Травермюнде. Перейдя на него, объѣдали мы въ многочисленномъ обществѣ, а потомъ разстались я съ братомъ Д. А.; онъ отправился обратно въ Петербургъ.

Умолчу о чувствахъ грусти, сильно взволновавшихъ меня при вторичномъ прощаньи; я увидѣла себя, въ полномъ смыслѣ, одинокою, между незнакомыми людьми, среди безбрежнаго океана. Не могу не сказать, какъ отрадно мнѣ было, когда одна незнакомая мнѣ дама, будто сочувствуя безмолвной, глубокой печали моей, уговаривала меня сѣсть подлѣ

* Внимая въ нескромности передъ милою, почтенною дамою, что передаемъ журналу отрывокъ изъ записокъ, попавшихся въ наши руки, когда онѣ были писаны совсѣмъ не для публѣки, а для небольшого круга родныхъ и знакомыхъ. Надѣемся, что нѣкоторые изъ читателей заступятся за насъ; мы увлеклись простотою разсказа и занимательностью его — виноваты! *Р. С. О.*

нея и склонить голову къ ней на грудь.... Тутъ не могла я удержать слезъ: такъ растрогало меня ея участие — и мнѣ стало легче. Ея ласковость сблизила меня съ нею въ послѣдствіи. Она была г-жа R..., отправлявшаяся съ большимъ семействомъ, состоявшимъ изъ взрослой дѣвнцы, дочери ея, большаго племянника, при немъ доктора съ семействомъ, и многихъ иностранцовъ. Подъ вечеръ подѣхали къ намъ еще пассажиры; одна изъ дамъ привезла мнѣ письма отъ знакомыхъ, не успѣвшихъ прѣѣхать къ назначенному часу на пристань, проводить меня и видѣть нашъ отплывавшій пароходъ. Въ воскресенье, въ пять часовъ на разсвѣтъ, пароходъ нашъ снялся съ якоря и быстро понесся при попутномъ вѣтрѣ. Въ понедѣльникъ вѣтеръ былъ противный (всѣ, кромѣ меня, чувствовали болѣе или менѣе качиваніе), но при всемъ томъ пароходъ нашъ опережалъ многие корабли. Мы усматривали вдали нѣкоторые изъ острововъ; въ числѣ ихъ былъ *Борнгольмъ*, принадлежащій Даніи и служащій мѣстомъ ссылки. Во вторникъ вѣтеръ утихъ; мы всѣ были очень спокойны, отъ того ли, что уже свыклись съ опасностью моря, или отъ дѣйствія перемѣны въ атмосферѣ. Цѣлый день не покидала я палубы, не хотѣла идти въ низъ à la table d'hôte, тутъ и обѣдала, по привилегіи слабаго здоровья (иначе не позволится). Г-нъ В., племянникъ г-жи R., воспользовался тѣмъ же правомъ, и по справедливости: его носили, въ креслахъ, по причинѣ переломленной ноги. Онъ говорилъ намъ, что карета его до того нагружена конфетами, фруктами и шампанскимъ, что можно одолжить его, убавивъ огромные запасы. Нельзя было отговориться отъ вѣжливости и славаго десерта. Всѣ мы были въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и каждый наперерывъ старался *быть любезнымъ*. Дѣло дошло до каламбуровъ и шарады. Г. В. отличался болѣе другихъ скорымъ отгадываньемъ, и мы уподобляли его премудрому Эдипу.

Юня 16-го, при благоприятной погодѣ, мы прибыли въ *Травелмонде*, и вздыхая разставались съ моремъ, которое на тотъ разъ было такъ прозрачно и гладко, какъ зеркало. За столъ на пароходъ взято было съ меня и моей горничной 8 черв., за каюту 500 рублей ассигнаціями. Многие, какъ-то семейство R. и г-нъ В., остались въ гавани для морскихъ ваннъ, здѣсь устроенныхъ, а я съ другими пассажирами пе-

решила на другой, подѣхавшій къ намъ пароходъ, отправляющійся по рѣкѣ Травъ въ *Любекъ*.

Черезъ два часа, мы прибыли на мѣсто, заплативъ за перѣздъ червонецъ. Отправъ чемоданы наши въ *Hôtel de Londre*, лучшую городскую гостиницу, и оживляясь радостнымъ чувствомъ при вступленіи на твердую землю, я подговорила нѣсколькихъ особъ ходить ишкомъ и смотрѣть городъ, замѣчательный по древней архитектурѣ многихъ зданій и неспещенный цвѣтниками.

На другой день отправились мы въ Гамбургъ, въ коляскѣ, нанятой за 4 червонца, и вѣхали по самой дурной дорогѣ, которую, какъ говорятъ, парочко не поправляютъ, по какимъ-то политическимъ расчетамъ Датскаго Правительства. Только въ 5-ть часовъ вечера 17 числа, добралась я до Гамбурга, гдѣ остановилась въ *Hôtel de France*. Мнѣ отвели двѣ хорошо отдѣланныя комнаты и принесли вкусный обѣдъ, а между тѣмъ, черезъ стѣну, слушала я прекрасную музыку пробѣзжихъ виртуозовъ, въ числѣ которыхъ былъ и *Гауманъ*, игравшій на своей славной скрипкѣ. Невидимая имп, отдыхая на диванѣ, я вполне наслаждалась ихъ прелестной игрою. На другой день рано утромъ, съѣхала я увѣдомить отсутствующихъ моихъ друзей и брата Д. А., о благополучномъ вступленіи моемъ на твердую землю, и отправила письма съ пароходною почтою; потомъ ѣздила въ контору дилижансовъ, осмотрѣла четырехъ-мѣстную карету, отправляющуюся въ Брауншвейгъ черезъ три дня, и записала себѣ мѣста, заплатя за два первыхъ 6-ть червонцевъ (разстояніе 25½ миль). 18-го и 19-го, осматривала достопримѣчательности города: церкви Св. Петра и Св. Николая (органы которой признаны первыми въ Европѣ); потомъ воѣхала за городъ — видѣть гробницу Клопштока, и домъ его съ садомъ, обращенный въ богоугодное заведеніе; гуляла въ саду, откуда прелестные виды, особливо на пристань, покрытую сотнями судовъ изъ всѣхъ странъ свѣта; видѣла театръ, залу Аполлонову, устроенную по правиламъ акустики, и проч. — За квартиру и столъ, правда, отличный и отдѣльно въ моей комнатѣ, взято было съ меня 5-ть червонцевъ, и 1½ червонца надобно было дать еще служителю. Прощаясь съ доброю хозяйкою, я замѣтила ей, что Гамбургъ всегда славился дешевизною, а я нахожу тому противное. Она увѣрала, что столъ потому такъ дорого пришелся, что

мпъ сервировали его въ моей комнатѣ, послѣ отказа моего ходить въ общую залу.

20-го Июня, въ 7 часовъ утра, отправилась въ Брауншвейгъ. Вместе со мною въ каретѣ былъ весьма занимательный путешественникъ, Французскій Графъ С. — Близъ Люнебурга, гдѣ остановились мы объѣдать, переѣхали мы на большомъ паромѣ черезъ *Элбу*; намъ встрѣтилось нѣсколько украшенныхъ дачъ: зрѣлище было прекрасно, и намъ сказали, что это празднуютъ свадьбу.

21-го ч., прибыли мы въ Брауншвейгъ; осмотрѣли дворецъ Герцога, сгорѣвшій и возобновленный на прежнее мѣстѣ; большое старинное зданіе, обращенное въ казармы, и украшенное 17-ю статуями, памятники Герцога Генриха Льва, остатокъ древняго искусства, относящійся къ 1117 году; соборъ съ гробницами Герц. Генриха Льва, многихъ Князей изъ рода Гельфовъ и Англійской Королевы Каролины; церковь Св. Николая, съ гробницею Шуленбурга; церкви Св. Екатерины и Св. Андрея, гдѣ башня въ 818 футовъ вышиною; арсеналъ съ дорогими орудіями; домъ уму-лишенныхъ, и многія другія зданія; музей, съ изящными рѣдкостями (въ числѣ ихъ ваза изъ оникса служившая еще для Элевзинскихъ таинствъ, вывезенная Герцогомъ Карломъ) и одежда и сабля его, падшаго на полѣ чести въ 1815 году — кося покойной супруги его вѣлана въ эфесъ сабли. Паркъ весьма хорошо отдѣланъ и видъ изъ него прекрасный.

22-го Июня, прибыли мы въ Лейпцигъ, быстро проѣхавъ отъ Брауншвейга 24½ миль. За два мѣста я замѣтила 6-ть червонцевъ, остановилась въ *Hôtel de Saxe*, и прогуливаясь по городу, осматривала все замѣчательное, при руководствѣ моего почитнаго спутника Графа С. и нѣкоторыхъ его знакомыхъ, приглашенныхъ для нашей прогулки. Мы были въ саду, гдѣ находится памятникъ Попятовскаго, погибшаго въ рѣкѣ Эльстеръ, послѣ Лейпцигскаго сраженія въ 1813 году. Потомъ прошли въ паркъ, гдѣ показывали намъ гору *Schakenberg*; осматривали университетъ, театръ, церковь Св. Петра, освещенную самими Лютеромъ; были въ магазинахъ, гдѣ множество Французскихъ товаровъ, и особенно прекрасны бронза и галантерейныя вещи; осмотрѣли нѣсколько магазиновъ превосходнаго фарфора; намъ показывали многія из-

дѣлій, сдѣланныхъ по заказу для нѣкоторыхъ столицъ. Я предварила моего добраго спутника, что буду *только смотреть*, но ни чѣмъ не прельщусь, сколько по строгости уставовъ таможенъ, столько и по тому, что не могу употреблять своего кредита прежде пріѣзда въ Прагу, откуда недалеко уже находится Мариенбадскія воды, цѣль моего путешествія. Хотя природный Французъ, но онъ хвалилъ мою расчетливость или, можетъ быть, скупость. Мы зашли еще осмотрѣть заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, и тутъ же построенный, красивый павильонъ въ Китайскомъ вкусѣ и башню изъ фарфора. За квартиру заплатила я здѣсь недорого, за кушанье, самое лучшее, 3 черв., за два первыхъ мѣста въ дилижансѣ, отправляющемся въ Дрезденъ, 4 червонца за 12½ миль. Я отправилась утромъ. Добрый Графъ С. и нѣсколько знакомыхъ его провожали меня. Съ чувствомъ сердечнымъ прощаясь съ ними, я благодарила за добрую привѣтливость, оказанную иностранкѣ и незнакомкѣ. Особенно жаль мнѣ было, что путешествіе Графа С. продолжалось только до Лейпцига, гдѣ у него собственный домъ, и гдѣ онъ живетъ. Кромѣ того, что онъ былъ моимъ переводчикомъ, заботился о выборѣ квартиръ, увольняя меня даже отъ разчетовъ на разную монету и заботъ при осмотрѣ вещей по разнымъ границамъ, но самая бесѣда его была такъ назидательна, такъ обильна предметами разговоровъ. Онъ объѣхалъ весь старый свѣтъ, бывалъ въ Америкѣ, и какъ видно, смотрѣлъ на все съ умомъ наблюдателя, богатымъ глубокими свѣдѣніями. Право, мнѣ такъ жаль было съ нимъ разстаться, и съ удовольствіемъ общала я ему увѣдомить его о себѣ по пріѣздѣ на мѣсто. Мнѣ пришло на мысль, какъ завидна, и какъ въ то же время невыгодна участь странника: въ множествѣ различныхъ людей, встрѣчаемыхъ имъ на пути, быть можетъ, многіе отозвались бы сочувствіемъ его сердцу, но едва ощутите пріятное впечатлѣніе отъ встрѣчи, какъ уже надобно прощаться, и стремиться безъ цѣли впередъ, къ другимъ впечатлѣніямъ. . . . Не сравнить ли это съ неисчислимою ранною, которую хотимъ мы залечить, и безпрестанно отрываемъ между тѣмъ отъ нея пластырь. . . .

Дорога отъ Лейпцига до Дрездена идетъ по прекрасному шоссе, усаженному плодовитыми деревьями; близъ него и желѣзная дорога, но она отдѣлана только на одну милю; види-

те, какъ паровозъ мчитъ по ней большія тяжести, съ немовѣрною быстротою. Я любсвалась видами береговъ Эльбы и граничными утесами, болѣе 20-ти сажень вышиною; въ промежуткахъ пассажиры виноградники. Мимоздомъ останавливались мы осмотрѣть Саксонскій фарфоровый заводъ; 12-ть миль проѣхали мы въ продолженіи 9-ти часовъ, и въ три часа прибыли въ Дрездешъ. Здѣсь переѣхали мостъ на Эльбѣ, достопамятныя событіями 1813-го года; видъ съ него превосходенъ; длина его 710 аршинъ; ни немъ поставлено большое, позолоченое, бронзовое распятіе на мраморномъ пьедесталѣ. Я остановилась въ Hôtel de Russie, и послѣ обѣда гуляла по городу.

На другой день, съ утра, наняли для меня коляску, съ парой прекрасныхъ лошадей въ шорахъ, по галеру за каждый часъ, и еще талеръ въ день au valet de place; все это платится по таксъ. Я ѣздила осматривать достопримѣчательности, какими обилуетъ Дрездешъ — дворцы, церкви, гулянье на террасѣ Брюля, откуда виды на городъ, на Эльбу и окрестности превосходныя — это живая панорама, сосредоточивающая столько прекраснаго, что ей нѣтъ сравненія! — Вечеромъ посѣтилъ меня докторъ З. и совѣтовалъ мнѣ ѣхать къ водамъ Франценбадскимъ, вопреки предпочтенію моему источникамъ Мариенбадъ.

26-го утромъ, осматривала знаменитую картинную галерею. Описывать ли мои чувства? Рассказывать ли о 1500 картинахъ всѣхъ школъ, гдѣ видите произведенія 354-хъ художниковъ, Мадону Рафаэля и Ночь Корреджіо? — Нѣтъ! лучше ни слова... Издали взглянула на монументъ *Моро*, а потомъ ѣздила къ банкиру, мѣнять Русскія деньги на Прусскую и Австрійскую монету, и отправила письма къ сестрамъ... 26-го, въ субботу я расплатилась за квартиру и кушанье; за все, и съ экипажемъ, взяли съ меня 5-ть червонцевъ; за два мѣста въ дилижансѣ, отправляющемся въ Теплицъ, взяли 6-ть талеровъ и 9 грошей, за разстояніе $7\frac{1}{2}$ миль. Въ 12 часовъ мы въѣхали, останавливались обѣдать въ Петерсвальдѣ, мѣстечкѣ у подошвы крутой горы, съ которой виды живописны и разнообразны. Это часть, такъ называемой, *Саксонской Швейцаріи*, и о каждомъ почти утесѣ есть здѣсь преданіе. Мнѣ указали на одинъ изъ нихъ, какъ на памятникъ гнѣва судьбы, наказавшаго любовь юноши и дѣвушки, окаменѣвшихъ въ

минуту свиданія. По крайней мѣрѣ, хстѣ окаменѣлые — они вмѣстѣ! Здѣсь граница Австріи. Всѣ вещи наши были осматриваемы. Подъ вечеръ того же дня, мы пріѣхали въ *Теплицъ*; спутниками моими было премное Нѣмецкое семейство, котораго мать Француженка. Прямо изъ кареты отправились мы на гулянье ко дворцу Короля Прусскаго, гдѣ играла превосходная музыка и толпились народъ; 27-го, въ воскресенье, я слушала Католическую обѣдню; потомъ ходила осматривать заведеніе минеральныхъ водъ. Купанья здѣшнія славятся своею цѣлебностью отъ разныхъ болѣзней, какъ - то: паралича, подагры, ревматизма. Мы гуляли въ саду Принца *Clary*, владѣльца города; видѣли многочисленную толпу гуляющихъ, при звукахъ большого оркестра музыки. Всѣ тѣснились близъ галлерей, въ ожиданіи появленія Короля Прусскаго, Княгини Лигницъ и нашего Паскевича-Эриванскаго.

Городъ находится между двумя высокими горами; одна изъ нихъ, болѣе высокая, называется *Schlossberg*. На вершинѣ ея существуютъ еще развалины бывшей крѣпости, древняго замка Тамплиеровъ. Я всходила на горы; тамъ отдѣлены прекрасныя мѣста для прогулки, и однимъ взоромъ обнимаеете оттуда многія мѣста Богеміи. Они прелестны и весьма похожи, какъ говорятъ, на Саксонскую Швейцарію. Я осматривала и другія мѣста, замѣчанія достойныя: домъ, подъ названіемъ *La Croix d'or*, выстроенный по повелѣнію и на иждивеніе нашего Государя Александра Павловича, Hôtel du Roi de Prusse, Hôtel du Prince de Ligne, и проч. Расплатившись въ своемъ Hôtel de Londre, гдѣ я квартировала, двумя червонцами, я наняла дормезъ, за 9-ть талеровъ до Карлсбада (разстояніе $13\frac{1}{2}$ миль), и въѣхала въ 9-ть часовъ вечера. Всю ночь ѣхали мы и прибыли въ Карлсбадъ въ 11 часовъ, 28-го числа, по необыкновенной дорогѣ, ни, лучше сказать, прорѣзу, проложенному между горами, которая все идетъ выше и выше, а потому и ѣзда здѣсь идетъ тихимъ шагомъ. Нарочно выбрала я эту дорогу, чтобы насладиться еще горными видами; есть и другая дорога, низкая. Я остановилась въ Hôtel de Paris, находящемся у самыхъ минеральныхъ источниковъ. Съ любопытствомъ осматривала я ихъ, и особенно ключъ, называемый *Serpudel*, кипящій, истекающій изъ вулканическаго жерла, и выбра-

сывающій воды 45 эймаровъ (какал-то Австрійская мѣра) каждую минуту.

Преданіе говорить, что его открыли въ 1319 году, и буд-то Императоръ Карлъ IV-й отыскалъ его, бывши на охотѣ и преслѣдуя оленя, прыгнувшаго съ высочайшаго утеса, тутъ же находящагося, а потому утесъ донынѣ именуется *Оленьимъ Скаккомъ*. Я всходила на него пѣшкомъ (иные въѣзжаютъ туда на ослахъ); виды съ него разнообразны и живописны; кажется, какъ будто горы хотѣтъ обрушиться на городъ, находящійся въ ихъ ущельяхъ. Говорятъ, что онъ на 1170 футовъ выше моря. Многочисленное стеченіе прѣѣзжихъ простирается здѣсь до 4,000, а жителей считаютъ здѣсь не болѣе 3,000. При мнѣ ожидали нашего В. Князя Михаила Павловича. За квартиру и кушанье взяли съ меня 2 червонца, а за два мѣста въ дилижансѣ, отправлявшемся въ Мариенбадъ, 1½ черв. (разстояніе 5½ миль, каждая нашихъ 7-ми верстѣ). Я вышла 29-го числа, въ 12-ть часовъ утра, и въ тотъ же день, въ 4-мъ часу, была на мѣстѣ. Дорога идетъ также между утесами, но уже подъ гору. Я остановилась въ квартирѣ, пріисканной мнѣ добрымъ семействомъ М., съ которымъ познакомилась я въ проѣздъ мой черезъ Теплицу. Въмѣстѣ отправились мы къ галлерей, гдѣ находится источникъ *Kreitzbrunn*, и гуляли въ ней, съ многочисленною компаніею прѣѣзжихъ, при звукахъ прекраснаго оркестра. Тутъ же познакомилась я съ главнымъ докторомъ г-мъ Надлеромъ, весьма свѣдущимъ медикомъ. Вечеромъ, былъ онъ у меня, и ему пріятно было слышать, что вопреки совѣта многихъ, по одному инстинкту избрала я цѣлье моего путешествія Мариенбадъ и переѣздъ по морю. Прочитавъ описаніе здѣшнихъ водъ, изданное г-мъ Надлеромъ, вполне убѣдилась я, что воды здѣшнія будутъ мнѣ полезны.

На другой же день, 30-го ч., въ 6-ть часовъ утра, я начала пить изъ *Kreutzbrunn*, по 4 стакапа воды, въ продолженіе 2-хъ часовъ времени, проводя ихъ въ ходьбѣ по аллеи, при звукахъ музыки. Въ 9-мъ часу, всеъ возвращаются домой пить жидкій кофе (чай запрещенъ.) Потомъ отправляются въ сосновую рощу къ ключу *Zaltzbrunn*, и тамъ можете пить воды сколько угодно, безъ мѣры и безъ часовъ; многіе запасаются ею на домъ, для употребленія вмѣсто обыкновенной. Иные изъ посѣтителей отправляются брать ванны въ камен-

номъ строеніи, называемомъ *Новья Бани*, щегольски отдѣланномъ, гдѣ находятся только минеральныя ванны. Воды проводятся сюда изъ ключей Карлони и Амбросія; ихъ подогреваютъ паровою машиною, до 28 и 29° жара. Въ 11-ти комнатахъ *одинадцать ваннъ*, и кромѣ того роскошь различныхъ бань. Все онѣ примыкаютъ къ огромной залѣ, гдѣ находится прекрасный рояль; тутъ собираются аматѣры и даютъ (даромъ) концерты, потому, что резонансъ залы весьма хороши.

Другое каменное строеніе, гораздо больше, называется *Старыи Банями*. Тамъ 27 ваннъ, un bain de douche et d'arrosement, двѣ бани паро въя, называемыя *Русскими*, съ полками для паренья; четыре бани газовыя, и проч. и проч. Маринскій ключъ, проведенный туда, достаточно на все.

Отъ *Zaltzbrunn* и изъ бань каждый поспѣваетъ домой, боясь опоздать обѣдать, въ 12 часовъ, какъ установлено по предписанію медиковъ. Часъ позволяется потомъ отдыхать. Отъ 3-хъ до 5-ти часовъ больные посѣщаютъ другъ друга, и мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько знакомствъ съ Нѣмецкими Баронессами и Польскими Графинями. Землячка моя, дѣвица Руди... такъ полюбила меня, что согласилась со мною жить вмѣстѣ. Здѣсь теперь много Рускихъ, но я не имѣла удовольствія говорить ни съ кѣмъ по Русски — языкъ Французскій владычествуетъ здѣсь, какъ всеобщій; отчасти слышите Итальянскій, но и то случайно, потому, что эпидемическая болѣзнь въ Италіи многихъ жителей тамошнихъ переселила сюда. Нѣмцы и Нѣмки, высшихъ званій, здѣсь также увлеклись модою, какъ и мы; ихъ природнаго языка не слышно, и даже я долго была въ заблужденіи, полагая, что Мариенбадъ населенъ Французскою колоніею.....

О КАРАИМАХЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЖИВУЩИХЪ ВЪ ГОРОДЪ ЕВПАТОРИИ *.

Карайты, или, какъ они предпочтительнѣе именуются, *Караимы*, слѣдуя строго одному Священному Писанію Вѣтхаго Завета, и отвергая Талмудъ и весь истолкованіи, получили отъ того и свое наименованіе, потому, что *кара* значитъ *писаніе*.

Большая часть ученыхъ согласны въ томъ, что они отделились отъ единовѣрцовъ своихъ Евреевъ, талмудистовъ, еще за 100 лѣтъ до Р. Х., и съ тѣхъ поръ не измѣнились ни сколько въ религіозныхъ своихъ правилахъ.

Въ Европѣ явились они впервые въ Португаліи и Испаніи, вмѣстѣ съ Арабами, и далѣе сихъ государствъ, кажется, нигдѣ не селились на западъ. На востокъ материка нашего находимъ ихъ въ Молдавіи, Валахіи, Крымѣ, Литвѣ и Польшѣ. Съ распространіемъ владычества Османовъ и Караймы постепенно являлись, изъ мѣстъ при-Иерусалимскихъ, въ мѣстахъ завоеваній Турковъ; конечно, врожденное во всѣхъ Евреяхъ побужденіе существовать безъ особеннаго труда было тому причиною. Должно полагать, что они слѣдовали за побѣдоносными знаменами въ видѣ торговцовъ (нынешнихъ маркитантовъ при арміяхъ), и селились тамъ, гдѣ промыселъ такой представлялъ болѣе выгоды; потому мы видимъ ихъ въ Чуфуть-Кале, близъ Бахчисарая, столицы Хановъ, и находимъ въ Феодосіи и Евпаторіи, городахъ, отправлявшихъ прежде и нынѣ отправляющихъ значительную торговлю. Даже и въ повѣйшія времена можемъ въ томъ удостовѣриться, обративъ вниманіе на Одессу и Севастополь, гдѣ они, такъ сказать, втѣснялись вмѣстѣ съ возникавшею тамъ торговлею.

Изъ Крыма распространились они по Польшѣ, Литвѣ и Галиціи во времена Витольда и Сигизмунда I, выведшихъ оттуда нѣсколько сотъ семействъ.

Безпечность и отвращеніе туземцовъ отъ торговли представили имъ въ новомъ мѣстѣ ихъ жилища способы существованія безъ трудовъ.

* Заимствуемъ сію статью изъ *Новороссійскаго Календаря* на 1839 годъ, желая ознакомить читателей съ любопытными статьями, къ нему присовокупленными. Въ слѣдъ за тѣмъ помѣстимъ мы любопытныя свѣдѣнія о Караймахъ изъ иностранныхъ источниковъ. Р. С. О.

При покореніи Крыма Россіею считалось Караймовъ 1,102 муж. пола. Они умѣли тотчасъ приобрести благоволеніе новыхъ владыкъ Тавриды, и получили отъ мудрой Екатерины нѣкоторыя преимущества противу Польскихъ Евреевъ. Равно и въ повѣйшія времена, они пользуются предпочтительнымъ покровительствомъ Россійскихъ законовъ. По послѣдней народной переписи считается Караймовъ въ Таврической губерніи 2,064 души муж. пола и 2,124 женскаго, всего 4,198 обоего пола душъ, въ томъ числѣ въ городѣ Евпаторіи мужскаго 1,150 и женскаго 1,201 душа.

Въ Евпаторіи, какъ и вездѣ, занимаются они торговлею внутреннею и вѣншею, имѣя постоянныя связи въ Константинополѣ и пользуясь тамъ особенною добротностью.

Въ Евпаторіи имѣютъ Караймы синагогу, отличное зданіе какъ внутри, такъ и снаружи; она возникла послѣ подземныхъ пещеръ, гдѣ они отправляли богослуженіе, не имѣвъ дозволенія производить его при дневномъ свѣтѣ подъ Ханскимъ подданствомъ. Недавно приобрѣли они древнюю Библию, писанную въ Египтѣ въ 4770 году отъ сотъ мѣра (?). Для внутренняго управленія ихъ общества, при синагогѣ существуетъ *синхедринъ*, подъ распоряженіемъ избранныхъ отъ общества *гахалма* (старѣйшины) и нѣсколькихъ раввиновъ. Обязанности синхедрина состоятъ въ завѣдываніи не только дѣлъ духовныхъ и дѣлъ до совѣсти касающихся, но и всѣхъ дѣлъ до общества ихъ относящихся; онъ же завѣдываетъ учрежденною при синагогѣ школою, для обученія грамотъ или, лучше сказать, закону Караймскихъ юношей, и принимаетъ мѣры къ оказанію на счетъ общественный вспоможенія обдѣлывшимъ согражданамъ Караймамъ. Словомъ синхедринъ есть тотъ рычагъ, которымъ невидимо двигается постоянное благосостояніе ихъ небольшого общества. Не одна торговля, содержаніе хановъ *, промѣна монетъ и другія городскія занятія составляютъ источники вседневнаго благосостоянія Караймовъ; они умѣли и умѣютъ пользоваться даруемымъ имъ Русскими законами правомъ приобретенія

* *Ханомъ* называется значительное зданіе, огороженное высокою сплошною стѣною, гдѣ складываются товары и производится торговля; здѣсь же останавливаются привозящіе; въ устроенныхъ всегда при нихъ кочевьяхъ совершаются купли и продажи между Караймами, Татарами и Христіанами; словомъ, ханы суть биржи въ маломъ видѣ. А. III.

земель, и потому-то въ Евпаторійскомъ уѣздѣ принадлежатъ имъ значительная часть земель. Есть Караимы, имѣющіе до 10,000 десятинъ. Было время, когда безпечность, незнаніе цѣнности земли, а иногда и дурное поведеніе Татаръ владѣльцовъ, передавали за безцѣнокъ въ руки Караимовъ лучшія земли уѣзда, когда врожденное въсѣмъ Евреямъ искусство накоплять и увеличивать итоги суммъ, взятыхъ у нихъ въ долгу, нечувствительно перевели изъ рукъ Татаръ значительныя угодья, какъ-то: земли и сады виноградныя и фруктовые по рѣчкамъ Качѣ, Алмѣ и другимъ, въ руки Караимовъ. Остается однакожь жалеть, что ни земледѣліе, ни скотоводство, ни садоводство отъ того ничего не выиграли. Караимы, проживая въ городахъ и занимаясь предпочтительно торговлею, незавидные хозяева въ земляхъ своихъ; управленіе ими они большею частію предоставляютъ тѣмъ же Татарамъ, отъ которыхъ пріобрѣли ихъ.

Караимы Крымскіе говорятъ языкомъ Татарскимъ; его же употребляютъ и при перепискѣ, только Еврейскими буквами; они собою рослы, черноволосы, плотно сложены и опрятны, что служитъ яснымъ доказательствомъ, что они не испытали тягостей и безусловнаго рабства, подобно Польскимъ Евреямъ-талмудистамъ, и умѣли при всѣхъ правительствахъ пользоваться довольствомъ. Ведутъ жизнь воздержную и трезвую, а отъ того и бѣдныхъ между ними весьма мало, нищихъ же совсѣмъ нѣтъ; обѣдлившій Караимъ получаетъ вспоможеніе и содержаніе отъ общества, на что Караимы собираютъ между собою особенныя суммы. Науками они не занимаются, потому, что всѣ побужденія, всѣ дѣйствія ихъ устремлены на одинъ предметъ — пріобрѣтеніе денегъ, но между тѣмъ имѣютъ типографскіе станки, на которыхъ отпечатываютъ свои религіозныя книги. Женщины ихъ хороши собою, весьма были лицомъ и сохранили прекрасныя глаза Востока — глаза Евреекъ.

Одежда ихъ сходна съ Турецкою; мужчины отличаются только своими большими шапками изъ черныхъ, мѣлкихъ бараньихъ смушекъ, покрытыхъ сверху, предпочтительно, бѣлымъ сукномъ, или другою того же цвѣта матеріею.

А. III.

=

ДОГАДКА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА: *четверть*.

(Отрывокъ изъ письма.)

Позвольте вамъ сообщить мысль о словѣ *четверть*, а именно: откуда Русскіе приплыли обычай при сбитѣ и покупкѣ зерноваго хлѣба мѣрять его на *четверть*, состоящую изъ восьми четвериковъ, а не менше или болѣе, и почему число четвериковъ названо *четвертью*, а не какъ нибудь иначе? Вотъ что я слышалъ отъ одного почтеннаго торговца объ этомъ словѣ: «Слово *четверть* вошло въ употребленіе въ то время въ Россіи, когда надъ нею тяготѣло поносное иго Татаръ. Сии варвары, въ числѣ прочихъ податей, собираемыхъ съ покоренныхъ ими Русскихъ селъ и деревень, налагали для своего прокормленія съ крестьянъ сборъ зерноваго хлѣба, и ихъ сборъ опредѣлялся *батманомъ*, который заключалъ въ себѣ 32 нашихъ четверика, и каковая мѣра, какъ слышно, между Татаръ доселѣ въ употребленіи. Собравши опредѣленное число батмановъ хлѣба по деревнямъ, Татары крестьянъ же заставляли перевозить его въ назначенныя ими мѣста. Поеліку одной лошади цѣлый батманъ, 32 четверика хлѣба, чрезъ большое пространство, особенно по худымъ и грязнымъ дорогамъ, перевезть было трудно и совсѣмъ даже невозможно, то крестьяне, для облегченія тяжести раздѣляли батманъ на четыре части, или на четыре *четверти*, перевозили, соразмѣряя силѣ лошади тяжесть хлѣба, три четверти батмана, двѣ четверти, даже одну четверть онаго, и сдавали по доставкѣ въ назначенномъ мѣстѣ не батманомъ, а *четвертью*. Привыкнувъ къ счету четверть (батмана) ржи, овса, проса, и проч. въ продолженіе двухъ-вѣковаго рабства, Россіяне не могли отстать отъ него и тогда, когда подъ державнымъ скипетромъ своихъ владыкъ свергли съ себя поносное иго, и до сихъ поръ не отстаютъ. Самое слово *ласть* приято отъ Татаръ. У Татаръ *ласть* должно быть состояла изъ трехъ батмановъ, или изъ 96 четвериковъ. Раздѣлите батманы на четверти, выйдетъ 12 четвертей (*ласть* у насъ состоитъ именно изъ сего

числа четвертей), а число четвериковъ въ нихъ то же самое, какое заключается въ трехъ батманахъ — 96 четвериковъ. Мысль тѣмъ болѣе кажется вѣроятною, что къ Борисоглыбску нашей губерніи, и за нимъ въ селахъ, смежныхъ съ землями Донскихъ Казаковъ и заселенныхъ послѣ освобожденія Россіи отъ Татаръ, жители Малороссіи на рынкахъ продаютъ пшеницу, по большей части, не на четверть, а мѣшками.» — Сообщаю вамъ объ этомъ потому, что въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ захолустьѣ мысль показалась любопытною, не только для мѣя, но даже для людей, высшихъ меня и по состоянію и по степени образованія, и притомъ нигдѣ не случилось мнѣ прочесть о семъ что нибудь подобное....

С. В.

Тамбовъ.

=

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ НЕБЕСНЫЯ ЯВЛЕНІЯ

въ 1839 году.

Въ нынѣшнемъ 1839 году совершатся два солнечныхъ затмѣнія. Лунныхъ затмѣній не будетъ, что довольно рѣдко и чего не случалось съ 1788 года. Исчисляемъ здѣсь замѣчательнѣйшія небесныя событія въ хронологическомъ порядкѣ, полагая такое исчисленіе любопытнымъ для читателей нашихъ.

Мартъ. 3-го полное затмѣніе солнца. Оно началось въ 1 часъ 36 м. (сред. вр. въ С. Пб.), и продолжалось до 6 ч. 54 м., но было видимо у насъ только жителямъ странъ, лежащихъ на юго-западъ отъ линіи, проходящей черезъ Митаву, Валдаи, Тулу и Тифлисъ, и тамъ затмѣніе въ иныхъ мѣстахъ было частное, не представляя необыкновеннаго зрѣлища, потому, что луна заслонила только небольшую часть солнца, такъ, что уменьшеніе свѣта почти не могло быть замѣтно. Вообще солнечныя затмѣнія бывають чаще лунныхъ. Условія, необходимыя для первыхъ, встрѣчаются на небѣ чаще условій послѣднихъ. Лунное затмѣніе не можетъ быть, если луна отстоитъ отъ ближайшаго узла далѣе 12—13°; солнечное, напротивъ, возможно до тѣхъ поръ, пока разстояніе не превышаетъ 21°. Следовательно, граница солнечныхъ затмѣній простирается далѣе границы лунныхъ, и первыя потому должны

случаться чаще. Но солнечное затмѣніе можетъ быть видимо только въ извѣстныхъ точкахъ земной поверхности, тогда, какъ для другихъ точекъ луна, по причинѣ своего паралакса, является въ большемъ разстояніи отъ солнца и не заслоняетъ его, потому, для какого бы то ни было *предѣлениаго* мѣста, видимыя *солнечныя* затмѣнія гораздо рѣже, нежели видимыя *лунныя*. Луна, во время своего затмѣнія, вступая въ тѣнь земли, дѣйствительно лишается своего свѣта, и потому является темною всѣмъ точкамъ, надъ горизонтомъ коихъ въ то время находится.

20. *Паллада* вступаетъ въ *противостояніе* съ солнцемъ, и будетъ видима на горизонтѣ почти до утра. Можно съ любопытствомъ наблюдать сію маленькую планету, особенно потому, что она представляется, то рѣзко окраенною чистѣйшимъ свѣтомъ, то какъ бы окруженною туманомъ, и хотя такое обстоятельство даетъ поводъ предполагать около этого крошечнаго небеснаго тѣла атмосферу, по ея существованію можно будетъ несомнѣнно доказать только наблюденіями. По многимъ причинамъ любопытно для человека все, что заставляетъ его думать о сходствѣ съ землею другихъ частей нашей системы, при всемъ ихъ различіи. Спустя потомъ три дня, вступаетъ въ *противостояніе* съ солнцемъ великолѣпный *Юпитеръ*, величайшая планета нашей системы, превосходящая своею поверхностью землю во 120 разъ. Тѣмъ лучше можно будетъ наблюдать Юпитера и четырехъ его спутниковъ въ продолженіе цѣлой ночи, что опъ будетъ отстоять отъ земли менѣе, нежели на 80 милліоновъ миль. При семъ случаѣ весьма удобно видѣть облакообразныя пояса сей планеты, параллельныя ея экватору. Часто замѣчали, что тропическіе дожди на землѣ, идя довольно одновременно въ однихъ параллельныхъ кругахъ, могутъ казаться отдаленному наблюдателю подобными и подобно расположенными поясами. Хотя мы не утверждаемъ, что дождь на Юпитерѣ непременно долженъ быть сходенъ съ нашимъ, однакожъ сходство явленій заставляетъ думать о сходствѣ причинъ.

23-го, Меркурій достигнетъ *наибольшаго восточнаго отдаленія отъ Солнца*, и можетъ быть замѣченъ, при благоприятной погодѣ, по вечерамъ. Узкату сію планету можно по яркому бѣлому цвѣту и ослѣпительному блеску, которымъ она превосходить всѣ другія планеты, кромѣ Венеры. Кто поже

ласть однакожь хорошо ее видѣть, долженъ употреблять для того сильныя телескопы, уничтожающіе блескъ. И съ помощію ихъ, все еще нескоро можно находить Меркурія, ибо онъ отдаленъ отъ Солнца не далѣе 29° , слѣдовательно, терлется въ сумеркахъ. Древніе хвалились, что видали сію малую планету (вся поверхность ея не много болѣе $\frac{1}{10}$ части поверхности нашей земли) простыми глазами, но они обязаны были тѣмъ ясному небу Египта и Азии, гдѣ, какъ извѣстно, производились наиболѣе наблюденія, а, можетъ быть, и большіе остротъ зрѣнія, о которой въ особенности много говоритъ Плиній Старшій. Сомнительно, чтобы кто либо изъ новѣйшихъ астрономовъ могъ тоже сказать о себѣ; увѣряютъ, что Коперникъ на смертномъ одрѣ своемъ сожалѣлъ, что во всю свою жизнь не имѣлъ счастья видѣть Меркурія (Коперникъ умеръ въ 1543 г., а телескопы изобрѣтены не ранѣе начала XVII-го вѣка). Меркурій обязанъ своимъ яркимъ свѣтомъ, который облегчаетъ отысканіе его, близости солнца, отъ котораго отстоитъ только на 8-мь миллионѣвъ миль, такъ, что получаетъ освѣщеніе почти въ семь разъ сильнѣйшее освѣщенія земли. Это могло бы съ перваго взгляда подать поводъ къ заключенію, что обитатели Меркурія должны много терпѣть отъ такого освѣтительнаго свѣта, и вѣроятно, соединеннаго съ тѣмъ жаромъ, по въ противоположность тому замѣчены на сей планетѣ горы, вышиною болѣе 60,000 футовъ, слѣдовательно, въ трое превосходящія нашъ Чимборасо, а по соразмѣрности діаметровъ Меркурія и Земли, даже въ восемь разъ превышающія земныя горы. Такія горы образуютъ цѣлыя хребты, имѣющіе до 80 миль длины и 40 ширины, и длиною своею тѣнью, при содѣйствіи жидкой атмосферы, служатъ, вѣроятно, къ уменьшенію свѣта и жара. Замѣчательно еще, что большая часть и высочайшія изъ сихъ горъ находятся въ южномъ полушаріи Меркурія, точно такъ же, какъ на землѣ или на Венерѣ. Вотъ одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которые возбуждаютъ безпрестанно новыя мысли. Вѣроятно, Сѣверъ и Югъ не составляютъ одной мѣстной противоположности.

Май. Съ половины Мая мѣсяца *Сатурнъ* будетъ видѣнъ въ продолженіе цѣлой ночи. Образование замѣчательнаго кольца сей планеты изъ многихъ колець утверждалъ еще старшій Гершель, и оно несомнѣнно доказано новѣйшими наблюденіями

ми Энке. Но наблюденія сіи не объяснили сущности кольца, носящагося концентрически надъ экваторомъ Сатурна. Сатурнъ есть единственная планета нашей системы, имѣющая такое кольцо, и потому мы не имѣемъ средствъ вывести хотя бы какое нибудь аналогическое заключеніе о цѣли сего единственнаго явленія. Самые слабыя телескопы показываютъ уже кольцо, котораго не видно простыми глазами, и потому объ немъ не упоминается въ сочиненіяхъ древнихъ астрономовъ, какъ впрочемъ ни прославлена была острота ихъ зрѣнія. Тѣмъ удивительнѣе изображеніе Сатурна съ кольцомъ на древнѣйшихъ Индійскихъ небесныхъ картахъ.

Юль. Съ половины Юля мѣсяца *Уранъ* будетъ видѣнъ въ продолженіе цѣлой ночи. По отдаленію его отъ земли столь велико (болѣе 400 миллионѣвъ миль), что не смотря на значительную величину (онъ превосходитъ поверхностью земно почти въ восемнадцать разъ), онъ будетъ казаться только звѣздою шестой величины. Извѣстно, что планета сія окружена шестью спутниками, или лунами; она, можетъ быть, имѣетъ ихъ и болѣе, но они еще не открыты, потому что такіе спутники представляются самыми мѣльчайшими и слабыми точками свѣта на небѣ. Ихъ можно увидѣть только при помощи весьма сильныхъ инструментовъ. Но самый Уранъ, не смотря на малую видимую величину свою, блеститъ довольно яркимъ свѣтомъ.

Юль. 23 числа, около 9-ти часовъ вечера, *Венера* будетъ весьма близко около Регула, и послѣ 10-ти часовъ зайдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Венера должна быть для насъ, обитательей Земли, уже по тому особенно замѣчательна, что она, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, весьма сходна съ нашею планетою, имѣя почти такую же массу, плотность, величину, почти равное время обращенія и атмосферу, подобную нашей. Однакожь горы на ней почти въ семь разъ выше земныхъ; большая часть и высочайшія изъ нихъ, какъ мы выше замѣтили, находятся въ южномъ полушаріи, и образуютъ тамъ, подобно нашимъ Кордильерамъ, цѣпи, простирающіяся до 200 миль въ длину. Меркурій, находясь ближе къ солнцу, одаренъ, какъ выше замѣчено, столь же высокими горами; потому предположеніе, что длинная тѣнь сихъ высокихъ горъ служитъ защитою отъ блеска и жара солнца, по видимому, тѣмъ подтверждается. Сходства такого рода никогда не долж-

но оставлять безъ вниманія при разсмотрѣннн нашей планетной системы, ибо безъ того наблюденія представляютъ только незначительныя данныя для сужденія о физическомъ устройствѣ небесныхъ тѣлъ.

Юль. 7-го ч. ляется *Марсъ* и *Юпитеръ* въ недалекомъ разстояннн одинъ отъ другаго на вечернемъ небѣ, и зайдутъ въ 10½ часовъ. Марса легко можно будетъ узнать по его красному, какъ огонь, свѣту, возлѣ Юпитера, блистающаго золотисто-желтыми лучами.

Августъ. 13-го, въ 9¾ час. вечера прозойдетъ *закрѣтнє Урана Луною*; оно продолжится до 10½ часовъ утра, и будетъ единственное въ семь году закрѣтнє Луною планетъ. О закрѣтнѣхъ Луною неподвижныхъ звѣздъ, какъ явленняхъ менѣе занимательныхъ для нашихъ читателей, мы умалчиваемъ. Но довольно трудно будетъ отыскать Урана возлѣ Луны, находящейся въ то время въ полномъ свѣтѣ. 26-го, будетъ *второе* въ 1839 году солнечное затмѣннє, *полнообразное*. Оно останется видимо только въ сѣверо-восточной части Азш, въ западной части Америки и на Тихомъ Океанѣ.

Сентябрь. 6-го Меркурш достигнетъ *наибольшаго западнаго отдаленнн отъ Солнца*, и будетъ, вѣроятно, видимъ въ утреннихъ сумеркахъ. Выше изложили мы причины, почему особенно любопытно наблюденнє сей планеты.

Октябрь. Въ началѣ сего мѣсяца *Юнона* вновь вступаетъ въ *противостояннє съ Солнцемъ*, и потому будетъ видна въ продолженнє цѣлой ночи.

Ноябрь. Во второй половннн сего мѣсяца Венера будетъ имѣть *самый яркш свѣтъ* и блистать въ видѣ утренней звѣзды.

Кромѣ сихъ явленнш, въ 1839 году увидимъ мы въ *пятый разъ* комету Биселы, съ половины Апрѣля до половины Октяб-ря. Съ Апрѣля до Юля можно будетъ наблюдать ее только въ самые сильныя телескопы, а съ Юля мѣсяца скроется она въ солнечныхъ лучахъ, изъ которыхъ выйдетъ въ половннн Октяб-ря, незадолго передъ тѣмъ, какъ совершенно уда-лится съ нашего неба.

НИРНБЕРГЕРЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІА.

Къ торжествамъ, которыми въ прошедшемъ году чтнли соотечественники лета и заслуги, въ нынѣшнемъ году присоединился *юбилей* почтеннаго мореплавателя нашего, столь извѣстнаго учеными заслугами, вице-адмирала, Директора Морскаго Кадетскаго Корпуса, *Ивана Федоровича Крузенштерна*. Торжество происходило 21-го Января. Флотскіе чиновники, моряки и друзья знаменитаго старца праздновали совершеннє *пятидесяти* лѣтъ современи полученія имъ перваго офицерскаго чина, и пировали за богатымъ, роскошнымъ обѣдомъ, который удостоили присутствнємъ многіе высшіе сановники. Число гостей простиралось до 400. Обрадованному, восхищенному старцу вручили отъ Государя Императора всемилостивѣйше пожалованныя алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Громкими *Ура!* привѣтствована была милость Монаршая, и радостныя восклицанія раздавались потомъ, когда нашъ славный морякъ П. И. Рикордъ привѣтствовалъ своего товарища, и напомнилъ присутствующимъ, что онъ *первый* изъ Русскихъ совершилъ плаваннє кругомъ Свѣта, на Русскомъ кораблѣ, съ Русскими матросами. И они явились въ залъ: три заслуженные старика, матросы, бывшіе съ И. Ф. въ путешествнн его, и понесли по залъ тотъ самый флагъ, съ которымъ Рускіе въ первый разъ перешли черезъ экваторъ. Это была высокая, прекрасная поэзія, достойная награда незабвенному подвигами соотчичу нашему, который слышалъ въ тотъ день привѣтъ Отечества въ голосъ Монарха, и видѣлъ радость, съ какою отзывался сей высокій привѣтъ въ Русскихъ сердцахъ!

Московское Купечество, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ радость свою, по случаю пребыванія Государя Императора съ нарѣченными зятемъ Его въ древней Столицѣ Царей Русскихъ, составило пожертвованнє, на которое приняты были на воспитаннє, въ тамошнее Мѣщанское Училище, 20-ть бѣдныхъ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, и кромѣ того 24 мальчика еще приняты на сумму, пожертвованную отдѣльно 23-мя благотѣтельными особами изъ

числа купечества. Государь Императоръ повелѣлъ симъ благотворителямъ *изъявить искреннюю Е. П. В. благодарность.*

Высочайшимъ рескриптомъ объявлено благоволеніе Государя Императора Дворянству Курской губерніи, за устройство новаго воднаго сообщенія по рѣкѣ Сейму, въ Десну и Днѣпръ, на которое пожертвованы были суммы упомянутымъ Дворянствомъ при пособіи казенномъ. Учредитель сего новаго источника для дѣйствій торговой и промышленной дѣятельности Курской и смежныхъ съ нею губерній, представляющаго притомъ замѣчательную новостъ по гидравликѣ своимъ устройствомъ, коллежскій совѣтникъ, камергеръ Пузановъ, всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени.

Кромѣ имѣющихся уже въ Казанскомъ университетѣ профессоровъ Восточныхъ языковъ, положено имѣть еще особеннаго лектора Персидскаго языка.

Въ Грузію и Имеретію, гдѣ такъ потребны и такъ недостаточны средства для охраненія общественнаго здоровья, опредѣляются *семь* Медицинскихъ чиновниковъ и *одинъ* ветеринарный врачъ, съ жалованьемъ по 600 рублей себромъ.

Высочайше утверждены новыя права и награды Русскимъ артистамъ Императорскихъ Театровъ. Всѣ они считаются въ службѣ и дѣлятся на три разряда; изъ перваго, по 10-ти-лѣтней службѣ при театрѣ, могутъ вступать въ гражданскую, и получаютъ чинъ 14-го класса черезъ шесть лѣтъ, а безъ того причисляются къ сословію художниковъ; изъ втораго, вышедшіе послѣ 10-ти лѣтъ службѣ при театрѣ, считаются наравнѣ съ неклассными придворными служителями; изъ третьяго, кончившіе службу именуются отставными артистами. За десяти-лѣтнее служеніе, по желанію, дается артистамъ 1-го разряда почетное личное гражданство за 10-ть, и потомст-

венное за 15-ть лѣтъ службѣ. Запрещеніе сохранять чины во время театральнoй службѣ не отменяется, но дѣти дворянъ и чиновниковъ, поступившихъ въ артисты, сохраняютъ права дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ.

Установлено новое положеніе о сборѣ дорожныхъ денегъ по Московскому шоссе, съ дилижансовъ, повозокъ, транспортовъ страховыхъ конторъ и экипажей, бывшемъ до нынѣ временнымъ. Сборъ простирается отъ *одной до пяти* копѣекъ съ лошади на каждыя десять верстѣ зимою, и отъ *двухъ до десяти* лѣтомъ. Для взиманія его, кромѣ имѣющихся уже дорожныхъ заставъ, въ Ижорѣ, Бронницахъ, Вышнемъ Волочкѣ и Завидовѣ, учреждаются еще двѣ, въ Твери и Черной Грязи. Содержаніе всѣхъ заставъ будетъ стоить по штату до 38,111 рублей ежегодно.

При Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учреждается, въ видѣ опыта, на *четыре года*, второй разрядъ, для 30-ти воспитанниковъ, предназначаемыхъ къ выпуску въ учителя Узднхъ Училищъ. Ученики поступаютъ отъ 16-ти до 18 лѣтъ, и обязаны потомъ пребыть въ должности не менѣе шести лѣтъ.

Въ С. Петербургѣ учреждается для образованія негодьянъ и купцовъ *Высшій Комерскій Пансіонъ*. Плата за ученика полагается по 2500 рублей въ годъ. Пансіонъ будетъ подвѣдомственъ Министерству Финансовъ. Курсъ ученія составятъ предметы необходимые собственно-комерческому сословію. «Болѣе всего», сказано въ Положеніи о Пансіонѣ, «должно имѣть попеченіе объ образованіи ума и сердца пансіонеровъ, и особенно объ обращеніи ихъ къ нравственной жизни и къ почитанію гражданскаго порядка, дабы они могли быть добрыми гражданами и отцами семействъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно поселять въ нихъ любовь и привязанность къ состоянію негодьянта, которое, при высшемъ образованіи, нужныхъ свѣдѣніяхъ и непоколебимой честности, столь полезно для общества и заслуживаетъ особенное уваженіе.»

Издано Положеніе о замѣнѣ въ С. Петербургѣ Конторы Адресовъ вновь учреждаемою *Адресною Экспедиціею* при Управѣ Благочинія, причемъ Иностранное Отдѣленіе переходитъ въ Канцелярію Военнаго Губернатора. Экспедиція завѣдываетъ притомъ всеми видами для жительства временнаго пріѣзжихъ и постояннаго всегда живущимъ въ столицѣ иностранцамъ, а также и обитателямъ царства Польскаго и герцогства Финляндскаго. — По штату опредѣляется на сію Экспедицію 53,510 рубл. ежегодно.

Въ С. Петербургѣ утверждено издавать особенныя *Вѣдомости С. Петербургской Градской Полиции*, которыя будутъ служить официальнымъ средствомъ для всѣхъ сношеній по полицейскому управленію городомъ, а также и для частныхъ людей, кромѣ объявленій въ С. П. б. Вѣдомостяхъ. Желающіе выписывать ихъ платятъ 10 рублей въ годъ. — Штатъ редакціи и особенной типографіи при Управѣ Благочинія назначается изъ 38 человекъ чиновниковъ и нисшихъ служителей, съ содержаніемъ 26,500 рублей, ежегодно.

Ученныя известія.

С. Петербургская Академія Наукъ праздновала публичнымъ собраніемъ наступающей *сто тринадцатый годъ* отъ основанія ея, Декабря 29 дня 1838 года, подъ председательствомъ Президента, г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, между коими находились знаменитый историкъ, Французскій Посоль, Баронъ де Барантъ и Американскій Посланникъ г-нъ Далласъ. Послѣ прочтенія Секретаремъ Академіи отчета о занятіяхъ Академіи съ Декабря 1837 года, Академикъ Беръ читалъ рѣчь: *Ueber die Verbreitung des organischen Leben*, а потомъ объявлены имена вновь избранныхъ членовъ, почетнаго *Ф. П. Адельунга*, и корреспондентовъ, Экзарха Грузин *Евгенія*, профессора *Якоби*, доктора *Далля*, профессора *Неймана* (въ Кенигсбергѣ),

профессора *Герлена* (въ Нью-Йоркѣ) и г-на *Овермера-Фишера* (въ Батавіи).

Филоматическому Парижскому Обществу представлены отъ гг. Порье и Лезера кости ископаемаго пахидерма, который найденъ во Франціи въ третье-степенной землѣ, въ Лиманѣ, и подходя вообще къ аноплотеру, являетъ одинаково отличіе въ зубахъ, почему и предлагають они назвать его отдѣльно *Оплотеромъ* (*Oplotherium*), съ различіемъ на два рода: *O. kalicurvatum* и *O. leptognatum*. По мнѣнію г-дъ Порье и Лезера, сіе *неизвѣстное донынѣ* ископаемое животное составляетъ переходъ допотопныхъ отъ пахидермовъ къ отпрыгающимъ жвачку. — Гораздо важнѣе открытіе костей допотопныхъ обезьянъ. Онѣ найдены въ третье-степенной землѣ департамента Жерскаго, г-мъ Ларте, а въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 28-го Января, г-нъ Мартель де-Серръ представилъ извѣстіе о подобномъ же открытіи Датскаго путешественника г-на Луца, въ Бразиліи, въ пещерахъ близъ Рио-Франциско, гдѣ найдены кости обезьянъ, названныхъ имъ *Simia protopyleucus*, вмѣстѣ въ 54-мъ родами неизвѣстныхъ донынѣ млекопитающихъ и костями газелей. — Любопытно еще открытіе, сдѣланное въ Венгріи. Тамъ, въ холмѣ близъ Пились-Чаба, среди мамонтовыхъ и другихъ костей, найдена *мѣдная гашка*, почему можно предполагать, что Венгрія *была уже заселена* въ то время, когда мамонты водились еще въ Европѣ. Но извѣстіе требуетъ подтвержденія и болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Разсматривая кобальто-железистые куски кристалловъ въ Скюттерндскихъ рудникахъ въ Норвегіи, г-нъ Шереръ открылъ два особенныя различія, состояща въ смѣшеніи кобальта съ железомъ. Одно изъ нихъ, названное Брейтгауптомъ *Pirite tesserale*, г-нъ Шереръ предлагаетъ назвать *пиритомъ кобальто-арсениковымъ*; оно имѣетъ блескъ серебристый, удѣльный вѣсъ = 6,78, а при разложеніи оказывается въ немъ: арсеника 77,84, кобальта 20,01, свръи 0,69, железа 1,51.

Юля 3-го, Берлинская Академія имѣла торжественное засѣданіе, которымъ ежегодно празднуетъ она день рожденія Лейбница. При семъ случаѣ продолжень до 1839 года конкурсъ на задачу Академіи: «Найти легчайшую методу для извлеченія, съ известною приблизительностью, корней, действительныхъ и воображаемыхъ, эквациі, которой нумерическіе коэффициенты известны.»

На островъ Св. Маргариты, между Будюю и Пестомъ, на Дунаѣ, найденъ гробъ, гдѣ находился скелетъ женщины, съ золотою короною на головѣ и драгоценными перстнями и украшениями на рукахъ, Полагаютъ, что это останки Св. Маргариты, дочери Короля Бельи IV-го, по имени которой островъ получилъ имя, ибо известно, что она была на немъ погребена.

Г-нъ Гилльменъ, посланный въ Бразилію, для обозрѣнія тамошнихъ чайныхъ плантацій, и перевоза чайныхъ деревъ и сѣмянъ для опыта насажденія ихъ во Франціи, пишетъ, что чай, разводимый въ Бразиліи съ 1812 года, составляетъ нынѣ уже важный предметъ промышленности въ областяхъ Уро-Прето, Св. Павла и Минасъ, и что онъ находитъ всю возможность удачно развести его во Франціи. Такимъ образомъ, драгоценное произведеніе Китая, можетъ быть, современемъ не будетъ уже исключительнымъ для Китайцевъ, и сдѣлается даже Европейскимъ произведеніемъ.

Сиръ Гренвилъ Темплъ сдѣлалъ важныя открытія въ развалинахъ Карфагена: найдены болѣе 700 монетъ и разныя утвари, стеклянныя и глиняныя, въ остаткахъ храма Ганабы, или Juno celestis, и открыта вилла, на берегу моря, въ 15-ти футахъ отъ поверхности земли. Въ ней найдены многія комнаты, а въ нихъ драгоценныя мозаики, въ родѣ Геркуланскихъ, а также и человѣчскіе скелеты.

Эдъ де-Лоншанъ описываетъ ядра, принадлежавшія кораблямъ, которые сжегъ адмиралъ Турвилъ, въ Юль 1692

года, и нынѣ вынутыя изъ моря, гдѣ пролежали они 141 годъ. Они покрыты корою, въ дюймъ толщины, составившеюся изъ песку, камешковъ и раковинокъ, скрѣпленныхъ ржавчиною. Чугунъ внутри сей коры превратился въ ничто металлическое, рыхлое, черноватое, и по разложеніи его оказалось слѣдующее: $\text{Peroxide de fer } 0,467$, $\text{Chlore } 0,049$, $\text{Plombagine } 0,130$, $\text{Silice } 0,100$, Eau (par difference) $0,254$. Бертье писалъ уже прежде о подобномъ превращеніи чугуна въ глубинѣ моря (*Annales des mines*, т. IX, тетр. 3).

На рѣчкѣ Кушайкѣ, въ золотосодержащей розсыпи, въ 23-хъ верстахъ отъ Гороблагодатскаго завода, найденъ алмазь въ $\frac{7}{16}$ долей карата. Онъ совершенно безцвѣтенъ, прозраченъ, блеститъ, какъ брильянтъ, и составляетъ кристаллъ, съ 24-мя выпуклыми плоскостями. Для поощренія къ находкамъ сего драгоценнаго камня, Государь Императоръ повелѣлъ огнень установить награды тѣмъ, кто отыщетъ и представитъ алмазы: за камень въ $\frac{1}{8}$ карата 10 рублей, въ 1 карату 20 рублей, и далѣе, умножая по цѣнѣ алмазовъ, за камень въ 3 караты уже 180 рублей. А какъ алмазь болѣе 3-хъ каратъ былъ бы великою рѣдкостью, то нашедшаго оный повелѣно представлять къ наградамъ особой.

Художественныя известія.

Всѣ журналы иностранныя наполнены теперь известіями о *Дагеротипѣ*. Жаненъ въ остроумной статьѣ доказываетъ, что Дагеротипъ составитъ эпоху въ живописи; ученые изумляются важнымъ результатамъ, какіе открываетъ онъ въ теоріи свѣта и цвѣтовъ; въ Германіи и Англіи оспориваютъ честь составленія его у изобрѣтателя, г-на Дагера, Парижскаго живописца, по имени коего дано имя Дагеротипу. И действительно: что пишутъ о Дагеротипѣ покажется невѣроятнымъ, и еслибы не подтверждали известій объ немъ имена ученыхъ Парижскихъ Академиковъ, то ихъ можно бы почесть журнальною выдумкою. Дѣло въ томъ, что г-нъ Дагеръ, известный уже

многими изслѣдованіями, касательно перспективы и цвѣтовъ придумалъ заставить солнце рисовать на бумагѣ все то, что подставлятъ подѣ лучи его. Всѣмъ извѣстны прелестныя изображенія, какія солнечный свѣтъ отражаетъ въ камеръ-обскуръ. Г-нъ Дагеръ изобрѣлъ какой-то составъ, которымъ онъ напитываетъ бумагу, и изображенія камеръ-обскурныя остаются на ней, со всею прелестію цвѣтовъ ихъ и красокъ. Подробности вообще мало еще извѣстны. Мы передадимъ ихъ въ послѣдствіи читателямъ нашимъ.

Еще важное открытіе: художникъ Чичери, въ Парижѣ, изобрѣлъ краски, которыя въдаются въ камень и прочно остаются въ немъ, послѣ чего камень полируютъ, и онъ совершенно замѣняетъ самый драгоценный мраморъ, съ тою выгодою, что цвѣтъ и рисунокъ можно дать ему по произволу, самый фантастическій. Такимъ образомъ, наши каминныя колонны, столики, стѣны могутъ быть отныне покрываемы мраморомъ, и притомъ въ три раза дешевле всякой фрески, даже поддѣльнаго мрамора, который не проченъ, линеетъ и трескается. Въ Парижской Музыкальной Консерваторіи, Чичери отдѣлалъ подѣ Сіенскій желтый мраморъ двѣ колонны, и пишутъ, что онъ изумительно прекрасенъ.

Хромо-литографія (печатаніе на камнѣ красками) должно причислить къ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, весьма замѣчательнымъ. Знаменитый Парижскій литографъ Энгельманъ, доведшій до совершенства изобрѣтеніе Сеннефельдера, печатаетъ теперь красками, однимъ камнемъ, разноцвѣтныя литографіи, съ такимъ искусствомъ, что онъ не уступающъ раскрашеннымъ лучшими художниками литографіямъ. Мюльгаузенское Общество промышленности выдало ему въ томъ свидѣтельство, гдѣ упомянуто, что способъ г-на Энгельмана чрезвычайно простъ и дешевъ, такъ, что одинъ работникъ можетъ отпечатать хромо-литографически 100 рисунковъ въ день.

Г-нъ Ру (Roux) и К. въ Парижѣ изобрѣли новую шту-

катурку для домовъ: она состоитъ изъ смѣси толченаго камня съ битюмомъ и другими веществами, принимаетъ какой угодно цвѣтъ, можетъ быть сдѣлана въ подражаніе мрамору, и чрезвычайно притомъ прочна.

Пишутъ, что книга: *Die Harzmalerei der Alten*, сочиненіе Фридриха Книрима (Kniegim), вышедшее въ Лейпцигѣ, содержитъ въ себѣ весьма много любопытныхъ, новыхъ и важныхъ изслѣдованій о технической части живописи древнихъ, и вообще о краскахъ. Рекомендуемъ ее нашимъ художникамъ.

Въ Берлинѣ издають великолѣпное и весьма важное въ археологическомъ и художественномъ отношеніи, подробное описаніе Аѳинскаго Акрополиса, составленное на мѣствѣ докторомъ Л. Ротцомъ и архитекторами Шаубертомъ и Гансеномъ (*Die Akropolis von Athen nach den neuesten Ausgrabungen*). *Первая тетрадь* вышла. Въ ней 13-ть раскрашенныхъ рисунковъ и чертежей храма Победы, находящагося въ Акрополисѣ (*Nike Apteros*); всѣ рисунки въ листъ. Цѣна за тетрадь 14 талеровъ, а съ раскрашенными рисунками 10 талеровъ.

Въ Дрезденѣ восхищаются знатоки новыми картинами. Тамъ показываютъ теперь: *Блуднаго сына*, картину Гисмана; *Милосердаго Самаритянина*, картину Бера; *Авраама, изгоняющаго Агарь*, Дитрикса; *Гебу, которая кормитъ Юпитерова орла*, Шмидта. Пишутъ, что всѣ сіи произведенія превосходны.

Замѣчательно, что живущій въ Римѣ молодой Испанскій живописецъ Клаве, написалъ также картину *Милосердаго Самаритянина*, которая заслужила общее одобреніе. Она назначена для одной изъ Барселонскихъ церквей.

Въ Парижѣ открылась, съ 1-го Марта, выставка художественныхъ произведеній. На нее представлено 2,141 картинъ, 130 статуй, 17 архитектурныхъ рисунковъ, 88 гра-

юрь и 28 литографій, всего 2,404, следовательно — 400 номеровъ болѣе противъ послѣдней выставки. Есть гдѣ глазамъ разбѣжаться! Что явилось замѣчательнаго — еще неизвѣстно.

Прїѣзжіе изъ Москвы съ восхищеніемъ говорятъ о двухъ произведеніяхъ живущаго тамъ художника, соученика и друга Брюллову, г-на Рабуса, превосходнаго ландшафтнаго живописца. Онъ написалъ *Премль въ лунную ночь* и старинную церковь въ подмосковномъ селѣ Пазмайловѣ. Будемъ надѣяться, что выставка Академіи сего года украсится произведеніями сего отличнаго художника, дарованіе котораго до нынѣ еще не оценено вполнѣ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Число всѣхъ *привывшихъ*, въ 1838 году, къ Кронштадтскому порту кораблей простиралось до 1,362 (съ товаромъ 902, грузъ 88,858 ластовъ, противъ 1837 г. *болѣе* 46 кораблями; съ баластомъ 460, грузъ 46,514 ластовъ, противъ 1837 г. *болѣе* 76 кораблями); *отшедшихъ* кораблей было 1317 (съ товаромъ 1285, грузъ 128,040 л., противъ 1837 г. *болѣе* 76 кораблями; съ баластомъ 32 корабля, грузъ 3,266 л., противъ 1837 г. *болѣе* 9 кораблями). Въ числѣ пришедшихъ, Англійскихъ было 744, въ числѣ отшедшихъ 727. — *Первый* корабль прибылъ въ Кронштадтъ Мая 7-го, послѣдній Ноября 7-го; *первый* корабль пошелъ изъ Кронштадта Мая 8-го, послѣдній Ноября 4-го. Изъ числа пльвшихъ въ Кронштадтъ кораблей разбился 1 и 18 потеряли поврежденіе; изъ отшедшихъ разбился 1 и 3 возвратились, по причинѣ поврежденія. Зазимовали въ Кронштадтѣ на 1839 годъ 43 корабля, да въ Петербургъ 8 кораблей. *Одиннадцатъ* кораблей приходили въ Кронштадтъ въ навигацію 1838 года по *три* раза, а 127 по *два* раза.

Россійскіе товары перевозимы были изъ Петербурга въ Кронштадтъ на 2,185 перевозныхъ судахъ, а иностраннныя въ Петербургъ на 1366-ти.

Въ Кронштадтской гавани употреблено было работни-

ковъ 132,389 человекъ, для выгрузки и нагрузки кораблей.

Пароходы приходили впередъ и обратно изъ Любека 22 раза, изъ Ревеля 18, изъ Лондона 3, изъ Гавра 3. — На нихъ прибыло пассажировъ 1119 (на корабляхъ 786), отправилось 1269 (на корабляхъ 512). Въ числѣ прибывшихъ на пароходахъ и корабляхъ пассажировъ было: Нѣмцовъ 761, Французовъ 269, Англичанъ 229, Рускихъ 443, а изъ отбывшихъ пассажировъ—Рускихъ 657, Нѣмцовъ 508, Французовъ 177, Англичанъ 274 (противъ прибывшихъ 45 *болѣе*). Выходить, что *Рускихъ* осталось за границею, или возвратилось другими путями, 214, а *Нѣмцовъ* осталось въ Россіи, или выѣхало другими путями, 253, и *Французовъ* 192).

Сумма всѣхъ привезенныхъ въ 1838 г. къ Петербургскому порту, и очищенныхъ пошлиною, товаровъ составляла 188,437,479 р. (въ 1837 г. болѣе 199 мил. рублей), неочищенныхъ пошлиною къ 1-му Января оставалось на 53,848,043 р. — Сумма отпуска составила 137,525,838 р. (въ 1837 г. 136½ миллионѣвъ). Въ числѣ привозныхъ товаровъ получено: бумаги хлопч. пряженой 549,749 (неочищенной пошлиною остается 176,519), сырца 265,178 (неочищенной пошлиною остается 58,523) пудовъ; сахарнаго песку 1,564,353 (не очищено пошлиною 714,444) пудовъ, вица 106,082 анк. и 503,089 бут. (не очищено пошлиною 53,014 анк. и 117,495 бут.). Отпущено: пеньки 2,246,165 пудовъ, сала 3,582,338, льна 759,091, желѣза 684,879, поташу 391,154, мѣди 139,855.

Потребленіе хлѣба въ Англїи, среднимъ числомъ, составляетъ слишкомъ 85-ть миллионѣвъ четвертей ежегодно; въ томъ числѣ пшеницы 22, ржи не болѣе 2-хъ, ячменю около 21, овса, гороху и бобовъ болѣе 40. *Двадцатъ* двадцатыхъ частей потребленія составляетъ туземный хлѣбъ и *одну* двадцатую привозный. Дабы понять сущность нынѣшнихъ споровъ о законахъ Англійскихъ касательно хлѣба, надобно знать, что одни полагаютъ необходимымъ охраненіе Англійскаго земледѣлія пошлинами;

другіе утверждаютъ, что тѣмъ даютъ только монополію земледѣлію, когда сбавка пошлинъ доставила бы Англій иностраннѣйшій хлѣбъ дешевле. Каннингъ рѣшилъ споръ установленіемъ низкихъ и высокихъ цѣнъ, то есть, чтобы пошлина *повышалась*, когда цѣны падаютъ, и *понижалась*, когда онѣ возвышаются. Такимъ образомъ, при цѣнѣ пшеницы въ Англій за четверть (*при* квартаера составляютъ *теперь* наши четверти) ниже 45 шиллинговъ (20 шилл. составляютъ фунтъ стерлинговъ), пошлина бываетъ 3 ф. 2 ш. 8 пенсовъ (пенсовъ въ шиллингъ 12), но при цѣнѣ 73 шилл. она составляетъ только 1 шиллингъ. Разумѣется, что такая мѣра хороша, но она подаетъ поводъ къ спекуляціямъ, хитростямъ, ажіотажу, причѣмъ всегда выигрываютъ защитники Англійскаго земледѣлія, къ которымъ принадлежатъ всѣ богатѣйшіе помѣщики, а противъ нихъ спорятъ защитники купцовъ и бѣдняки, на которыхъ падаетъ вся тяжесть, когда богачи наживаются.

Мы говорили выше о разведеніи чая въ Бразиліи. Англичане давно открыли дикорастущій чай въ землѣ Ассамъ, находящейся на границахъ Китая и Бирманіи. Такое соседство и близость къ Китаю заставили ихъ присвоить себѣ эту небольшую, дикую страну. Они занялись тамъ обработкою чая, и въ нынѣшнемъ году вывезли уже его изъ Ассамы нѣсколько ящиковъ для пробы. Утверждаютъ, что онъ оказывается превосходной доброты, и можетъ быть продаваемъ шиллингомъ на фунтъ дешевле Китайскаго. Въ Лондонѣ Ассамскій чай, какъ новость, произвелъ сильное дѣйствіе на торгующихъ и его расхватили дорогою цѣною. Нѣкоторые сорта проданы были по 34 шиллинга за фунтъ!

Послѣ Шампанскаго, едвали какое другое вино такъ безсовѣстно вездѣ поддѣлывали, какъ Венгерское, заставляя платить за него при томъ дорого. Теперь общество Венгерскихъ винодѣльцовъ учредило складку лучшихъ своихъ винъ въ Пестѣ у купца Аппіано, и разослало о томъ извѣстія во всѣ торговля мѣста, отвѣчая только за покупателямъ въ семъ складочномъ листѣ. Если будете по-

купать Венгерское, не вѣрьте ярлычку бутылки, и потребуйте свидѣтельства Аппіано.

Въ лѣсу Рожновъ Боръ, Меленковскаго уѣзда, близъ Оки и Славядскаго завода г-дѣ Шепелевыхъ, открыты въ прошедшемъ году обширныя рудники болотныхъ желѣзныхъ рудъ (они даютъ отъ 25-ти до 30 проц.). Руда лежитъ подъ верхнимъ слоемъ земли и супеску, и составляютъ слои индѣ въ $\frac{1}{4}$ аршина. Рожновъ Боръ обнимаетъ пространство 28,000 десятинъ, и можетъ доставить большіе запасы желѣза.

СТАТИСТИКА И ГЕОГРАФІЯ.

Вотъ сравнительная таблица Петербурга и Москвы, по отчетамъ г-дѣ Оберъ-Полицейстеровъ обихъ столицъ:

Число жителей :

	С. Петерб.	Москва.
Мужеск. пола	333,669	— 214,778
Женск. »	136,051	— 133,784
	469,720	— 348,562

Въ томъ числѣ :

Духовныхъ	1,867	— 5,164
Служащ. чиновн. военн. .	5,474	— 927
» » гражд.	19,569	— 5,788
Отставныхъ военныхъ . .	3,198	— 2,503
гражданскихъ	12,347	— 6,817
Поч. гражданъ	163	— 682
Разночинцовъ	28,888	— 7,503
Театральной Дирекціи . .	1,134	— 241
Купцовъ Русскихъ	9,509	— 10,752
» » иностранныхъ и иногородныхъ	432	— 1,251
Мѣщанъ и посадскихъ . .	61,676	— 57,989
Цѣховыхъ	22,990	— 8,711
Иностранцовъ	11,053	— 3,371
Нижи. воинск. чиновъ . .	75,146	— 39,409
Вольноотпущенныхъ . . .	2,094	— 3,207
Дворовыхъ :		
При домахъ господъ . . .	20,391	— 23,809

По паспортамъ	46,620	—	40,470
Крестьянъ	126,313	—	122,588
Ямщиковъ	3,024	—	1,659
Родилось въ 1838 году :			
Мужескаго пола	5,589	—	4,015
Женскаго »	4,838	—	3,682
	10,427	—	7,697
Умерло въ 1838 году :			
Мужескаго пола	4,254	—	3,918
Женскаго »	3,021	—	3,789
	7,275	—	7,707
Число строеній :			
Церквей и монастырей	173	—	395
Придворь при нихъ	165	—	637
Колоколовъ	647	—	2,149
Каменныхъ домовъ	3,243	—	3,613
Деревянныхъ »	5,418	—	9,040
Число пожаровъ въ 1838 г.	45	—	47
Выкинуло изъ трупъ	90	—	125
	Рубл.		Рубл.
Покражъ было на сумму	195,500	—	166,098
Изъ того отыскано на	103,759	—	44,538
Кражъ и мошенничествъ было	8,248	—	977
Въ томъ числѣ :			
До 20 руб.	2,406	—	439
» 100 » и болѣе	5,842	—	538
Въ слѣдствіе Высочайше утвержденныхъ новыхъ штатовъ, изданы росписанія, изъ коихъ видно, что слѣдующія суммы предположены на содержаніе разныхъ правительственныхъ мѣстъ :			
Министерства Финансовъ :			
Канцелярія и Департаментъ	145,190	р.	
— — — Мин. по секр. части	18,000	—	
— — — по кред. части	120,530	—	
Деп. податей и сборовъ	410,630	—	
— — — вѣншн. торговли	333,460	—	
— — — внутр. — и ман.	148,920	—	
— — — госуд. казначейства	606,690	—	

Деп. горн. и сол. дѣль	369,950	р.
Штабъ Корп. горн. инженеровъ	65,250	—
Канц. совѣта — — —	10,050	—
Кредитныя постановленія :		
Госуд. Заемный Банкъ	317,330	—
— Коммерч. —	303,280	—
— Ассигн. —	213,910	—
— Коммисс. погаш. долговъ	227,810	—
Экспед. загот. госуд. бумагъ	110,740	—
Главное казначейство	316,400	—
	3,718,140	р.
Министерство внутр. дѣль	1,091,043	р.
— — — иностр. дѣль	846,147	—
— — — юстиціи	189,500	—
— — — народнаго просвѣщ.	256,690	—
Управленіе путей сообщ. и публ. зд.	539,350	—
— — почтовое, съ Спб. Почтамт.	579,710	—
Государственн. Контроль	135,180	—
Капитулъ орденовъ	246,865	—
Комитетъ Министровъ	85,100	—
Государственная Канцелярія	238,750	—
Духовное управленіе :		
Канц. Святышаго Синода	144,390	—
Моск. контора — —	19,820	—
Грузино-Имерет. конт. Синода	8,750	—
Хоз. комитетъ при Синодѣ	55,180	—
Канц. Комм. Дух. училищъ	106,980	—
— — — Оберъ-Прокурора	41,200	—
Отдѣл. Дух. дѣль прав. исповѣд.	42,330	—
— — — — Греко-Унитск.	17,880	—
Правительствующій Сенатъ	1,261,800	—

Въ слѣдствіе Высочайше утвержденного представленія Генераль-Губернатора Западной Сибири, *Главное Управленіе Западной Сибири* переведено изъ Тобольска въ Омскъ.

Зрѣлища и музыка.

Три чуда блистають теперь въ Парижѣ: *дѣвица Ра-шель*, которая изумляетъ игрою своею въ Классическиххъ трагедіяхъ, и снова вывела на сцену забытыхъ *Занръ*, *Ифигеній*, *Монимъ*, *Федръ* и *Дидонъ*; танцовщица *Фанини Эльслеръ*, которая восхищается въ живомъ танцѣ и пламенной пантомимѣ, и наконецъ *дѣвица Гарсія* сестра покойной *Малибранъ*, точь въ точь на нее похожая; но она превосходитъ, какъ уверяють, даже и сестру свою голосомъ, и готовится поступить на сцену. Поэты пишутъ къ нимъ стихи, журналы сражаются за честь и славу ихъ, публика отъ нихъ въ восторгъ. Постараемся познакомить со всеми тремя диковинками Парижскими покороче, и предложимъ также читателямъ нашимъ и споры по симъ предметамъ, которые стоятъ споровъ за *Глука* и *Пиччини*, нѣкогда волновавшихъ Парижъ. Дѣло важное!

Петербургскіе дилеттанты пресыщены музыкою — едва могутъ они успѣвать преслѣдовать одни великія знаменитости, а сколько маленькихъ знаменитостей гремятъ, гремятъ и будутъ еще гремѣть въ Петербургѣ до Страстной недѣли! Голоса всѣхъ соединяетъ великій *Тальбергъ* — искусство его непостижимо! Но мы вспомнили *Фильда*, и... не смѣемъ договорить нашихъ словъ!

Знаете ли, кто теперь самый модный композиторъ въ Парижскихъ концертахъ? *Бетховенъ*. Какъ? Станный, дикій, трудный, гениальный, великій *Бетховенъ* любимецъ Парижанъ? Да, они имъ восхищаются, его играютъ безпрестанно и толкують объ немъ криво и косо. Надобно же что нибудь новое для утомленного любопытства Парижанъ!

Въ Москвѣ привелъ всѣхъ въ восторгъ игрою своею *Липинскій*. Въ *Morgenblatt* пишутъ, что онъ принялъ на два года званіе концертмейстера при Королевской Саксонской капеллѣ, и съ восхищеніемъ называютъ его *berühmte musikalische Virtuoso*.

И. А. Рупини напечаталъ первую тетрадь своего *Букета*. Такъ назвалъ онъ собраніе романсовъ, которое хочетъ продолжать. Въ первой тетради помѣщены: *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*, Пушкина; *Тебѣ здѣсь нѣтъ, о другъ душевный* (неизвѣстнаго); *Горитъ вся грудь моя въ огнѣ* (О. А. Кони); *Вчера, въ полночной тишинѣ* (неизвѣстнаго); *Не припадай ко мнѣ на грудь* (А. И. Полежаева). — Отдѣльно издана г-мъ Рупини Русская пѣсня: *Какъ веторъ молода молодешенька* (слова И. И. Козлова). —

Новая трагедія *Раунаха*, *Марія Стюартъ*, играна съ успѣхомъ на Берлинскомъ театрѣ. Пишутъ, что въ ней нѣтъ и слѣдовъ исторической *Маріи Стюартъ*, и что она не выдерживаетъ суда критики. Aber, прибавляетъ критикъ, was will die Geschichte, was die Kritik mit ihren dokumentirten Rechten, gegen, das Gefühl! — Въ Прагѣ давали новую драму *Раулоху*: *Der Niebelungen Hort*, и *Vor hundert Jahren*, комическую картину нравовъ — первая упала. — Тамъ же давали комедію принцессы *Амалии Саксонской*: *Der Pflegevater*, и — первую часть *Русалки*! — Въ Вѣнѣ въ 1838 году явилось на сценѣ *десять* новыхъ оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и *восемь* переводныхъ. Изъ числа первыхъ, пять пьесъ домашнихъ сочинителей Вѣнскихъ: *Weh dem der lügt*, комедія *Грильпарцера*; *Zwei Familien*, комедія *Бауернфельда*; *die Fremde*, комедія г-жи *Вейссентурнъ*; *die Malkheser*, комедія *Кюфнера*, и *Имельда Лаллбертацин*, трагедія *Гальма*, извѣстнаго сочинителя *Гризельды* и *Адетти*. *Имельда*, какъ пишутъ, болѣе нежели подражаніе Шекспировой *Ромео* и *Юлія*. Она неимѣла успѣха. *Welches Schicksal kann wohl einen Dichter treffen, der eine Pias post Homerum scheidt? und Halm's that dies?* говорятъ Пѣмецкіе критики, объясняя причину *Гальмова* неуспѣха. — Кстати, и въ Парижѣ явилась *Ромео* и *Юлія*: такъ называется роль подражанія Шекспиру, составленное *Фридрихомъ Сулье*, который пишетъ и *Фейлетоны* и *Записки Дьявола*, и недавно напечаталъ повѣсть: *Diana de Шиври* въ *Journal des Debats*, потомъ издалъ ее отдѣльно, и наконецъ передѣлалъ въ драму, имѣющую

на Парыжскай сцэнь неістовый успэхъ. Да, и недзя іна-
че: героиня драмы сьпяная двушка; какой-то мерзавецъ,
назвавшисъ именемъ честнаго челоуька, оболщаетъ ее;
честный челоуькъ прівзжааетъ; братья сьпяной героини вы-
зываютъ его на дуэль — онъ ихъ убиваетъ; отецъ героини
зоветъ его въ уголовный судъ. — На сцэнь судъ; чест-
ный челоуькъ оправдывается, уличаетъ настоящаго злодья,
и изъ великодушія женится на сьпяной героинь. — Стран-
ная трагедія! Впрочемъ, недавно въ трагедіи Ансело бы-
ло выведено еще болъе драматическое положеніе: за сце-
ною съкутъ розгами отца, а дочь пируетъ на сцэнь съ
любовникомъ...

Вотъ еще новость неслыханная: въ Генуэ играли тра-
гедію *Аристоделиъ*, Монти, и комедію *Оставленный
Долиъ* — глухоньмые! Зрители любовались ихъ мимикою,
а глухоньмые, бывшіе въ числѣ зрителей, плакали и при-
ходили въ восторгъ отъ безмолвныхъ рвчей, потому, что
въ стихи трагедіи и рвчи въ комедіи глухоньмые акте-
ры передавали — пальцами.

Въ последнее время въ Вьнѣ даны были двѣ новыя опе-
ры: *Турандотъ*, Говена, und erhielt einen succès d'esti-
me, потому что, прибавляетъ критикъ, опера fehlt die
Einheit des Styls, und ist ein Aggregat von französischem,
deutschem und italienischem Styl, und der Compositeur
hat in dem Verlangen, es allen Parteien recht zu machen,
keine einzige zufrieden gestellt. За то особенно хвалятъ
оперу композитера Линдпайтнера: *Генуэска*, музыка ко-
торой, говоритъ Вьнскій критикъ, geniessen hier eines
ausgezeichneten, ich möchte sagen, *classischen* Rufs,
прибавляя въ заключеніе рецензіи — das nächstmal mehr
darüber.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Expédition scientifique de Morée. Ordonnée par le Gou-
vernement Français. — Великольпное изданіе сей книги,
гдѣ находятся драгоценныя свѣдѣнія касательно зодчества,
ваянія, археологій, и географіи Пелопонеза, Цикладовъ

и особенно Аттики — кончено. Книга состоитъ изъ 280
рисунковъ и 200 стр. текста, въ листъ, и издана подъ
сморгнѣнемъ Блуэ, Амабль Равуазье, Пуаро, Фр. де-Гурне
и Феликса Трезеля. Цѣна въ Парижѣ 588 франк.

Voyage autour du Caucase (*Путешествіе около Кав-
каза*, въ Черкесію, Абхазію, Колхиду, Грузію, Арменію,
Крымъ, съ географическимъ, живописнымъ, археологиче-
скимъ и геологическимъ атласомъ, Фридриха Дюбуа де Мон-
прё), томы 1-й и 2-й. — Географическое Парижское Обще-
ство наградило сочинителя премією въ 1838 г.

Voyage en Holland et en Belgique. (*Путешествіе
въ Голландію и Бельгію*, для изслѣдованій первоначаль-
наго ученія, благотворительныхъ заведеній и тюремъ, Ра-
мона де-Сагра). Два тома въ 8.

Voyage pittoresque à Pompei, Herculaneum, au Vesuve,
à Rome et à Naples (*Живописное путешествіе въ Пом-
пею, Геркуланъ, на Везувій, въ Римъ и Неаполь, Адоль-
фа Пезана*). Одинъ томъ, въ 8.

Voyage dans la Russie Meridionale et dans la Crimée
(*Путешествіе въ южную Россію, Крымъ, Молдавію
и Валахію*, въ 1837 году, подъ распоряженіемъ Анато-
лія Демидова, совершенное Сенсономъ, Леплеемъ, Гюо,
Левейлье, Руссо, ле Нордманомъ и дю-Понсо). Будетъ 4
тома, въ бол. 8, съ атласомъ изъ 72 гравюръ и 80 раскр.
изображеній по части Естественнаго. Вышло первое от-
дѣленіе (livraison). Изданіе великолепно.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчательныя новости Французской литературы:

— *Des interets du commerce, de l'industrie et de
l'agriculture*, 2 т. въ 8, сочиненіе К. Пекёра.

— *De l'industrie en Belgique, causes de décadence
et de prospérité, sa situation actuelle*, соч. Бриануана.
Вышелъ 1-й томъ.

— *Allemagne et Italie*, соч. Эдгара Кинэ, 2 тома,
въ 8.

— *Du travail intellectuelle en France, depuis 1815
jusqu'à 1837*. Соч. Амедея Дюкенеля, 2 т. въ 8.

— *Histoire du Droit Romain au Moyen-age* (переводъ знаменитаго сочиненія Савиньи), 3 т. въ 8.

— *Atlas universel de Géographie ancienne et moderne*. соч. Лапи (новое изданіе изъ 50 картъ).

— *Revolutions des peuples de l'Asie moyenne, et l'influence de leurs migrations sur l'état social de l'Europe*. Соч. Жардо, 2 т. въ 8.

— *Histoire de la Réformation du XVI siècle*. Соч. Мерль Добинье, томы 1-й и 2-й.

— *Examen critique de l'histoire de la Géographie du nouveau continent*. Соч. Гумбольдта. Вышелъ 5-й томъ.

— *Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1826*, 3 т. въ 8.

— *Cours d'Histoire de la Philosophie morale au XVIII siècle*, соч. Кузеня, т. I (*Школа Сенсуалистовъ*).

— *Histoire de la littérature de l'Europe, pendant les XV, XVI et XVII siècles*, соч. Галлама, пер. съ Англійскаго, т. I (всего будетъ 4 тома).

Сотыльбъ отдѣленіемъ скоро окончится изданіе Французскаго *Конверсаціонъ-Лексикона* (*Dictionnaire de la conversation*), что составитъ *пятидесять томовъ*, въ которые помѣстилось 200 обыкновенныхъ томовъ въ 8-ку. Цѣна въ Парижѣ 200 франковъ. Но должно ли удивляться дешевизнѣ? У издателей было 20,000 подписчиковъ.

Романы выходятъ въ Парижѣ безпрестанно, одинъ другаго страшнѣе, запутаннѣе, кровавѣе, и ни одинъ не переживаетъ мгновеннаго успѣха. Вотъ названія нѣсколькихъ *животрепящихъ новостей* по романической части во Франціи: *Корблекрушеніе и степь*, соч. Крѣзь де-Лессера; *Черный поршфейль*, соч. М. Раймонда; *Мартикъ Лютеръ*, соч. Баржине; *Предопредѣленій*, соч. Эд. д'Англемона; *Замокъ Каркеранъ*, *singulier roman, par un officier supérieur d'artillerie*; *Воспоминанія простомоудина*, Мишель Массона (вышло уже 6 томовъ); *Ускербъ и Спиридонъ*, Жоржъ Зандъ (кажется, самое нелюбое, изъ всего, что она писала); *Безразсудная любовь*, Альфонса Брота; *Лилія Израиля*, Анны Марин;

Комната ядовъ, Жакоба Библиофила; *Графъ де-Моллеонъ*, Бернара и Куельяка; *Арезские страдалцы*, Юлія ле-Февра; *Біарицкая башня*, Элизы Мирбель; *Женевьева*, Альфонса Карра; *Евгеній*, Эмиля Барро; *Альфонсъ и Юлія*, Меланіи Вальдоръ; *Чортова слеза*, Теофила Готье; *Цецилія де Варейль*, Графа Вьель-Кастелли; *Провинціальные Дворяне*, его-же. Но мы нечислили нѣсколько капель въ моръ—*das nächstema! mehr darüber...*

У книгопродавца Госселена, въ Парижѣ, печатается новое собраніе стихотвореній Ламартина, подъ названіемъ: *Recueils poétiques*. Кажется, поэтъ удивля лжное направленіе, какое давалъ въ послѣднее время своему дарованію, и обратился къ прежнему, столь знакомому голосу пѣсень своихъ, отголосокъ которыхъ раздался нѣкогда по всей Европѣ. Такъ полагаемъ мы, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя помѣщаются издателемъ въ разныхъ журналахъ Французскихъ, и войдутъ въ новое собраніе Ламартиновыхъ элегій. Выписываемъ для доказательства прелестную пѣсню: *Деревенскій колоколъ*. Имя Ламартина и Французскій языкъ, кажется, такъ знакомы у насъ на Руси, что мы просимъ читателей зачесть стихи Ламартиновы вмѣсто хорошихъ Русскихъ стиховъ, на которые теперъ большой неурожай.

LA CLOCHE DU VILLAGE.

Oh! quand cette humble cloche à la lente volée
Erand comme un soupir sa voix sur la vallée,
Voix qu'arrête si près le bots ou le ravin,
Quand la main d'un enfant qui balance cette urne
En verse à sons pieux dans la brise nocturne
Ce que la terre a de divin;

Quand du clocher vibrant l'hirondelle habitante
S'envole au vent d'airain qui fait trembler sa tente,
Et de l'étang ridé vient effleurer les bords,
Ou qu'à la fin du fil qui chargeait sa quenouille
La veuve du village, à ce bruit s'agenouille

Pour donner leur aumône aux morts;

Ce qu'éveille en mon sein le chant du toit sonore
Ce n'est pas la gaité du jour qui vient d'éclorre,

Ce n'est pas le regret du jour qui va finir,
 Ce n'est pas le tableau de mes fraîches années
 Croissant sur ces coteaux parmi ces fleurs fanées
 Qu'effeuille encor mon souvenir;

Ce n'est pas mes sommeils d'enfant sous ces platanes,
 Ni ces premiers élan du jeu de mes organes,
 Ni mes pas égarés sur ces rudes sommets,
 Ni ces grands cris de joie en aspirant vos vagues,
 O brises du matin pleines de saveurs vagues
 Et qu'on croit n'épuiser jamais!

Ce n'est pas le coursier atteint dans la prairie
 Pliant son cou soyeux sous ma main aguerrie
 Et mêlant sa crinière à mes beaux cheveux blonds,
 Quand le sol sous ses pieds sonnait comme une enclume
 Sa croupe m'emportait et que sa blanche écume
 Argentait l'herbe des vallons!

Ce n'est pas même, amour! ton premier crépuscule,
 Au mois où du printemps la sève qui circule
 Fait fleurir la pensée et verdier le buisson,
 Quand l'ombre ou seulement les jeunes voix lointaines
 Des vierges rapportant leurs cruches des fontaines
 Laisaient sur ma tempe un frisson;

Ce n'est pas vous, non plus, vous que pourtant je pleure,
 Premier bouillonnement de l'onde intérieure,
 Voix du cœur qui chantait en s'éveillant en moi,
 Mélodieux murmure embaumé d'ambrosie
 Qui fait rendre à sa source un vent de poésie!...
 O gloire, c'est encore moins toi!

De mes jours sans regret que l'hiver vous remporte
 Avec le chaume vide, avec la feuille morte,
 Avec la renommée, écho vide et moqueur!
 Ces herbes du sentier sont des plantes divines
 Qui parfument les pieds, oui, mais dont les racines
 Ne s'enfoncent pas dans le cœur!

Guirlandes du festin que pour un soit on cueille,
 Que la haine empoisonne ou que l'envie effeuille,
 Dont vingt fois sous les mains la couronne se rompt,
 Qui donnent à la vie un moment de vertige,
 Mais dont la fleur d'emprunt ne tient pas à la tige
 Et qui sèche en tombant du front.

C'est le jour où ta voix dans la vallée en larmes
 Sonnaît le désespoir après le glas d'alarmes,
 Où deux cercueils passant sous les coteaux en deuil,
 Et bercés sur des cœurs par des sanglots de femmes,
 Dans un double sépulcre enfermèrent trois âmes
 Et m'oublièrent sur le seuil!

De l'aurore à la nuit, de la nuit à l'aurore,
 O cloche! tu pleuras comme je pleure encore,
 Imitant de nos cœurs le sanglot étouffant;
 L'air, le ciel, résonnaient de ta plainte amère,
 Comme si chaque étoile avait perdu sa mère
 Et chaque brise son enfant!

Depuis ce jour suprême où ta sainte harmonie,
 Dans ma mémoire en deuil; à me peine est unie,
 Où ton timbre et mon cœur n'eurent qu'un même son,
 Oui! ton bronze sonore et trempé dans la flamme
 Me semble, quand il pleure, un morceau de mon âme
 Qu'un ange frappe à l'unisson!

Je dors lorsque tu dors, je veille quand tu veilles,
 Ton glas est un ami qu'attendent mes oreilles,
 Entre la voix des tours je démêle ta voix,
 Et ta vibration encore en moi résonne
 Quand l'insensible bruit qu'un moucheron bourdonne
 Te couvre déjà sous les bois!

Je me dis: Ce soupir mélancolique et vague
 Que l'air profond des nuits roule de vague en vague,
 Ah! c'est moi, pour moi seul, là haut retentissant!
 Je sais ce qu'il me dit, il sait ce que je pense,
 Et le vent qui l'ignore, à travers ce silence
 M'apporte un sympathique accent.

Je me dis: Cet écho de ce bronze qui vibre,
 Avant de m'arriver au cœur de fibre en fibre,
 A frémi sur la dalle où tout mon passé dort;
 Du timbre du vieux dôme il garde quelque chose,
 La pierre du sépulcre, où mon amour repose,
 Sonne aussi dans ce doux accord!

Ne t'étonne donc pas, enfant, si ma pensée
 Au branle de l'airain secrètement bercée,
 Aime sa voix mystique et fidèle au trépas,

Si dès le premier son qui gémit sous sa vouë
Sur un pied suspendu, je m'arrête et j'écoute
Ce que la mort me dit tout bas.

Et toi saint porte-voix des tristesses humaines
Que la terre inventa pour mieux crier ses peines,
Chante! des chœurs brisés le timbre est encore beau!
Que ton gémissément donne une âme à la pierre,
Des larmes aux yeux secs, un signe à la prière,
Une mélodie au tombeau!

—
Moi, quand des laboureurs porteront dans ma bière
Le peu qui doit rester ici de ma poussière,
Après tant de soupirs que mon sein lance ailleurs,
Quand des pleureurs gagés, froide et banale escorte,
Déposeront mon corps endormi sous la porte
Qui mène à des soleils meilleurs,

Si quelque main pieuse en mon honneur te sonne,
Des sanglots de l'airain, oh! n'attriste personne,
Ne va pas mendier des pleurs à l'horizon,
Mais prends ta voix de fête et sonne sur ma tombe
Avec le bruit joyeux d'une chaîne qui tombe
Au seuil libre d'une prison!

Ou chante un air semblable au cri de l'allouette
Qui s'élevant du chaume où la bise la fouette,
Dresse à l'aube du jour son vol mélodieux,
Et gazouille ces chants qui font taire d'envie
Ses rivaux attachés aux ronces de la vie
Et qui se perd au fond des cieus!

ENVOI.

Mais sonne avant ce jour, sonne doucement l'heure
Où quelque barde ami, dans mon humble demeure,
Vient de mon cœur malade éclairer le long deuil,
Et me laisse en partant, charitable dictame,
Deux gouttes du parfum qui coule de son âme,
Pour embaumer long-temps mon seuil.

—
Замѣчательный новый *Dictionnaire universel d'Histoire Naturelle*, издаваемый К. Дорбиньи; сотрудники по части Зоологии, Анатомии, Физиологии Каз. Бруссе, Эдвардсъ,

Флурансъ, Жофруа Сентъ-Илеръ, Естествознанія Дегай Альсидъ Дорбиньи, Одуанъ, Дюжарденъ, Ботаники Броньярь, Лемеръ, Ришаръ, Жюссье, Декенъ, Геологii и Минералогii Кордье, Денойе, Эли де-Бомонъ, Химii, Физики, Астрономii Беккерель, Пелузь, и проч. — Это будетъ компактное, дешевое изданiе, въ двѣ колонны; съ Марта оно выходитъ отдѣленiями, и составитъ *восемь* томовъ, съ рисунками, на стали гравированными.

—
Вотъ двѣ любопытныя новыя книги для знатоковъ Испанской Словесности: *Tesoro del Teatro Espanol*, desde su origen (ano de 1356) hasta nuestros dias. Компактное изданiе, въ двѣ колонны, 4 тома, съ исторiею театра Испанскаго, сочиненiе Моратина. Цѣна 50 франковъ въ Парижѣ.

Tesoro del Parnaso Espanol. Poesias selectas Castellans, desde el tiempo de J. de Mena hasta nuestros dias. Компактное изданiе въ одномъ томѣ, въ двѣ колонны. Цѣна 10 франковъ, въ Парижѣ.

—
Въ Дрезденѣ печатается: Dante Alighieri göttliche Comödie. Переводъ *Филалета* (Саксонскаго Принца Иоанна), въ стихахъ, съ примѣчанiями, рисунками Ретца, картами, и проч. — Часть I. Die Hölle.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТIЯ.

А. И. Данилевскiй приступаетъ къ печатанiю своего обширнаго и столь нетерпеливо ожидаемаго сочиненiя — «Исторiя отечественной войны 1812 года.»

В. П. Давыдовъ вскорѣ выдаетъ первую часть своего Путешествiя по Греци, съ великолѣпнымъ атласомъ.

Н. В. Кукольникъ къ Пасхѣ непременно издаетъ свой альманахъ, *Новогодникъ*.

И. М. Снѣгиревъ занимается описанiемъ Москвы, въ историческомъ и археографическомъ отношенiи. Отъ его трудолюбія и познанiй можно надѣяться, что древняя столица получитъ наконецъ подробное и достойное описанiе ея драгоценныхъ памятниковъ.

Гофмановъ *Копѣ-Мурѣ* переведенъ, и печатается въ Петербургѣ.

И. Т. Радожицкій приготовляетъ къ печатанію свои *Записки Артиллериста за Кавказомъ*.

Переводы Византійскихъ Историковъ, которые будутъ изданы Россійскою Академіею, дьятельно готовятся къ печати.

Князь М. А. Оболенскій печатаетъ любопытную и рѣдкую *Легенду о Димитріи Самозванцѣ* (на Франц. языкъ, точь въ точь противъ стариннаго подлинника). Къ ней приложится изображеніе неизвѣстной донынѣ золотой медали Самозванца.

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ Эллинистовъ занимается составленіемъ *Греческой Грамматики*, по руководству Бутмана, Маттія, Киннера и Бурнуфа. Можно надѣяться, что трудъ его дополнитъ недостатокъ хорошей Греческой грамматики въ нашей литературѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Лѣтъ около ста тому, умеръ въ Индіи нѣкто, Французъ, по имени *Боннетъ*, и оставилъ послѣ себя — 75,000,000 франковъ! Теперь какой-то ловкій адвокатъ съѣздилъ въ Лондонъ, рылся тамъ въ архивахъ, справлялся съ законами, узналъ, что этотъ Боннетъ назывался Клавдій Франсуа, родился въ Фонтени, близъ Ріоза въ Франшъ-Конте. Адвокатъ бросился въ Фонтени, развѣдалъ, что тамъ есть наследники, и купилъ у нихъ право на тяжбу противъ Остъ-Индской Компаніи, которая завладѣла имѣніемъ ихъ предка. Для расходовъ процесса составила компанія на акціяхъ. Каждый акціонеръ за акцію въ 100 франковъ получить — послѣ выигрыша тяжбы — 2000 франковъ. Тяжба скоро начнется. Охотниковъ на акціи находится множество. Невольно вспомните хитреца, который брался выучить осла говорить въ десять лѣтъ, за 20,000 скудій, съ тѣмъ, чтобы напередъ получить 10,000 скудій въ датокъ....

Въ *Journal des Débats* кто-то, неизвѣстный, помѣщаетъ *Письма о Русской литературѣ*. Въ послѣднемъ письмѣ онъ говоритъ о новостяхъ нашей литературы: хвалитъ *Исторію Екатерины II*, г-на Лесфорта; *Біогра-*

фіи Россійскихъ Канцлеровъ, г-на Терещенки; *Исторію Генуэзскихъ колоній въ Крыму*, г-на Мурзакевича; *Исторію Россійской Церкви*, г-на Муравьева; *Живописнаго Карамзина*, г-на Прево; *Военную Библіотеку*, П. И. Глазунова, и жалуетъ, что «Поэзія Русская если теперь не въ упадкѣ, то въ какомъ-то утомленіи. Пушкинъ и Дмитріевъ (продолжаетъ корреспондентъ J. des D.) умерли; Жуковскій и Баратынскій ничего не производятъ; Графиня Ростопчина, подававшая прекрасныя надежды, кажется охладѣла въ своей ревности; Бенедиктовъ, вмѣсто чего нибудь постоянного, работаетъ для журналовъ, а новыхъ поэтовъ ни одного не является. Новая трагедія Полевая, *Уголиво*, имѣла большой успѣхъ на сценѣ, но почти потеряла его въ чтеніи. Изъ новыхъ романовъ можно упомянуть только объ *Искусствѣ* Заголкина... Поэты, писатели Русскіе, любезны соотчичи! слышите ли, слышите ли, что говорятъ объ насъ, и гдѣ же? въ *Парижѣ*! Какъ? La Poesie Russe paraît en ce moment, sinon en decadence, du moins dans un état de langueur? Кто этотъ дерзкій? Гдѣ, гдѣ онъ? За перья, друзья-поэты!

Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
Надеемся, напредъ, ударимъ, поразимъ —
Напишемъ на него предлинную сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру?

Почтовое сообщеніе между Калькуттою и Бомбаемъ производится чрезвычайно быстро, черезъ лѣса, горы, степи, рѣки, гдѣ нѣтъ не только тележной, но и конной дороги. Письма кладутся въ сумки, надѣваются на шею Индійскимъ курьерамъ, и они пускаются въ путь пѣшкомъ, бѣгутъ безъ остановки, переплываютъ рѣки, переходятъ лѣса, иногда погибаютъ въ когтяхъ тигровъ, которыхъ тамъ водится множество, почему важныя письма посылаются всегда дубликатомъ, съ двойною платою, но обыкновенно курьеры пробѣгаютъ обширное пространство отъ Коромандельскаго на Малабарскій берегъ въ 15-ть дней. Изъ Бомбая письма посылаются на пароходахъ по Черному морю, а изъ Александріи, опять на пароходахъ, везутъ ихъ въ Англію.

Первый щеголь Лондонскій, *Эдмондъ Броутонъ*, большой богачъ и порядочный шалунъ, долженъ былъ явиться передъ уголовный судъ, какъ свидѣтель дуэли, бывшей между двумя другими щеголями, *Лионелемъ Эліотомъ* и *Фловеромъ Мирфиномъ*; послѣдній былъ убитъ, а первый скрылся послѣ того. Весь Лондонскій модный свѣтъ былъ взволнованъ такимъ событіемъ. Броутона осудили на смертную казнь, потому, что по Англійскимъ законамъ дуэли строго запрещены, но приговоры обыкновенно смягчаются, и полагаютъ, что и на сей разъ дѣло кончится временнымъ заключеніемъ въ тюрьму.

На ориенталиста *Гаммера* пошла бѣда. Недавно выдалъ онъ замужъ дочь свою. Въ журналахъ написали, что вся Императорская фамилія была на свадьбѣ, цѣпи каретъ тинулись по улицамъ, Султанъ прислалъ невестѣ дорогіе подарки и шали. *Гаммеръ* принужденъ былъ печатно опровергать такіе нелѣпые слухи. — Потомъ опять напечатали, по случаю увольненія *Гаммера* отъ званія переводчика Иностраннаго Министерства, будто такая немилость встретила Султана, которому сказали, что *Гаммера* казнятъ, и будто Турецкій Посоль въ Вѣнѣ просилъ пощадить его. На эту нелѣпость возразилъ Турецкій Посоль въ Парижѣ *Мегмедъ-Эфенди*, премилымъ письмомъ къ журналисту. Изложивши дѣло, онъ прибавляетъ: «Сочинитель статьи говоритъ, что такое происшествіе весьма характеристическо. Вѣрьте, *М. Г.*, что тутъ характеристическо только нелѣпство сочинителя статьи, который могъ подумать, что Турецкій Посоль, въ 1839 году, станеть объясняться съ Австрійскимъ Министромъ о такой нелѣпости, которой не поверить даже самый послѣдній простолюдинъ и не вѣжда въ Турціи.»

Султанъ лично посетилъ Медицинскую Академію, учрежденную нынѣ въ Царьградѣ. При ней предположено устроить анатомическій театръ, физическій кабинетъ, ботаническій садъ, бібліотеку. Султанъ намѣренъ самъ посвятить лекціи. Читайте и не вѣрьте!

Съ 1-го Января въ Женевѣ принятъ Французская десяти-мальная система мѣръ и вѣсовъ.

Открывается, что *Гварини* не только не былъ врагомъ *Тасса*, но напротивъ, скрылъ стихи и письма, которыми можно было доказать несчастную любовь поэта къ сестрѣ *Альфонса*. Теперь найдены они въ архивѣ Графа *Маріано Альберти*, съ замѣтками *Гварини Тутъ*, кромѣ неизвѣстныхъ доннынъ стиховъ *Тасса*, сохранилась переписка его съ *Альфонсомъ*, *Элеонорою*, и даже письмо къ *Тассу* отъ атамана бандитовъ *Марка Скиарра*. Все собраніе будетъ напечатано.

Въ департаментъ *Ландскомъ*, близъ *Сень-Жюстена*, поймали огромнаго Пиринейскаго чернаго орла. Распушенные крылья его составляютъ болѣе 7 футовъ отъ одного конца до другаго; лапы желѣзныя, когти и носъ черные, и тверды, какъ желѣзо.

Октября 20-го, въ *Сундербундѣ*, близъ *Калькутты*, при жестокомъ вѣтрѣ, пошелъ дождь, и съ облаковъ начали падать рыбы, вершка три длиною. Нѣсколько ихъ собрали и пустили въ озея и пруды. Онѣ плавали и долго оставались живы. Индійцы, сказали, что такія рыбы называются у нихъ *Ука*.

Извѣстна странная исторія *Моцартова Requiem*: неизвѣстный человекъ заказалъ ему это великое твореніе. *Моцартъ* почелъ заказъ признакомъ своей смерти, уже совершенно разстроенный своею безпутною жизнью. Онъ дописалъ *Requiem* и умеръ. Незвѣстный явился послѣ его смерти и взялъ подлинную рукопись. Теперь открылось, что неизвѣстный былъ нѣкто *Лейтгабъ*, повѣренный Графа *Вализье*. Подлинная рукопись *Моцарта* куплена для *Вѣнской бібліотеки*; ее хотятъ издать, съ примѣчаніями и поясненіями.

Января 6-го, жители Лондона были испуганы тигромъ, который вырвался изъ зверинца и бѣгалъ по улицамъ. Къ счастью, онъ бросился на собаку, съелъ ее, и утащилъ

въ садѣ, калитка котораго была отворена. Сюда приближали сторожа звѣрицы, не дали тигру докончить объѣда, накинули на него петлю и утащили его.

Одна изъ древнѣйшихъ колоколенъ во Франціи, въ Феррьерѣ, въ Монтаржиской округѣ, Луаретскаго департамента, развалилась отъ ветхости.

Въ Монпелье съ 1836 года, начали насажденіе хлѣбнаго растенія, привезеннаго съ острова Св. Елены и названнаго *хлѣбъ-великанъ*. Изъ 40 зеренъ только одно взшло, и выросло преогромною тростиню, съ 22-мя колосьями, которыя дали 2000 зеренъ. На другой годъ, отъ 68-ми зеренъ родилось 112,000, и маленькое поле, засѣянное хлѣбомъ-великаномъ, казалось ющицей, а въ прошломъ году урожай удивилъ еще болѣе огромностью тростинъ, множествомъ зеренъ и отличнымъ вкусомъ ихъ. Вѣрить ли? — Не Зеландская ли это *капустъ-великанъ*, о которой некогда писали? Не вакса ли, которая замѣняетъ зеркало, потому, что сапоги, ею натерты, такъ свѣтлы, что передъ ними можно бриться? — Еще юность: у какой-то г-жи Берто, вдовы одного инвалида, была собака, которую она продала отъ нужды. Собаку увезли въ Петербургъ, но она ушла отсюда и явилась къ своей прежней хозяйкѣ....

Молодой наборщикъ въ одной изъ Парижскихъ типографій, *Эгезиппъ Моро*, показалъ прекрасныя надежды на дарованіе, въ небольшомъ собраніи стихотвореній, которое недавно издалъ подъ названіемъ: *Miosotis*. Вдругъ съдѣлался онъ боленъ, былъ отвезенъ въ госпиталь de la Charité, и тамъ умеръ. На смертномъ одрѣ написалъ онъ трогательные стихи: *Un souvenir à l'hôpital*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ нихъ:

Si seulement une voix consolante
Me répondait quand j'ai long-temps gémì:
Si je pouvais sentir ma main tremblante
Se rechauffer dans la main d'un ami!
Mais que d'amis, sourds à ma voix plaintive,
À leur banquets le soir vont accourir,
Sans remarquer l'absence d'un convive...

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМАГО ТОМА.

(Январь и Февраль 1839 года).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	44шб ⁰ Стран.
<i>А . . . А . . . — С —</i>	10
<i>Волконскаго Кн. С. — Отвѣтъ Э. К. Б.</i>	11
<i>Губера Э. И. — На кладбищѣ</i>	15
<i>Гоніева И. — Зима</i>	102
<i>Каткова М. — Первое дѣйствіе Ромео и Юліи</i>	13
<i>Корсакова П. А. — Два отрывка изъ поэмы Катса</i>	101
<i>Некрасова Н. А. — Смерть</i>	12
<i>Р. Граф. Е. П. — Отрывки изъ поэмы</i>	96
<i>Стромилова С. И. — Ратному товарищу</i>	9
— — — — — Завѣстникамъ Россіи	95
<i>Струевщикова Н. А. — Римскія Элегіи, изъ Гёте</i>	7
<i>Суикова Д. П. — Страдалецъ</i>	105
<i>Фермора Н. — Черноморская ночь</i>	99
(.) Питеръ-Вась	91
(.) Русскій кубокъ	5

ПРОЗА.

<i>Иголкинъ Н. А. Полсаго</i>	43
<i>Свидѣтель. Князь В. Ѳ. Одоевскаго</i>	77
<i>Радой. А. Ѳ. Вельтмана</i>	107
<i>Наши вечера на бивакѣ. Н. С на</i>	177

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

<i>Бранказъ мечтатель. Повесть А. Лаверна</i>	1
<i>Повесть о бѣдномъ женихѣ. А. Мюссе</i>	63
<i>Минь-сянь-дзы. Съ Китайск. А. Влад.</i>	104

III.

НАУКИ И ИСКУСТВА.

<i>Основныя правила Китайской Исторіи. О. Лакюва</i>	1
<i>Авоонская гора. В. П. Давидова</i>	12

	Стран.
О нынѣшнемъ состояніи Живописи, и проч. <i>А. Вендта.</i>	25
Обитатели Америки. <i>Барона Ф. П. Врангелля.</i>	51
Обозрѣніе сѣв. береговъ Америки Дивомъ и Симпсономъ.	83
Замѣчаніе о степяхъ. <i>П. А. Анорова.</i>	115
Записки Герцога Де-Лирія.	125

IV.

КРИТИКА.

Сочиненія Пушкина. Статья <i>Фарнгаасна.</i>	1
Критическія изслѣдованія. <i>Н. А. Полеваго.</i>	75
Лѣтопись Русскихъ Журналовъ.	38, 84
Очеркъ Русской Литтературы.	52, 101
О правописаніи г-на Лажечникова. <i>Абеседера.</i>	131

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Обозрѣніе событій 1838 года.	1
Лѣтопись событій за Январь и Февраль, 1839 г.	25

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Рѣчь въ память Талейрана. <i>Барона де-Баранта.</i>	1
Нынѣшніе министры Европейскихъ государствъ.	15
Нынѣшніе флоты	18
Перемѣны Англ. и Франц. Министерства.	19
Памятникъ Г. И. Шелихову.	20
Отрывки изъ Путевыхъ Записокъ по Германіи.	25
О Каранмахъ.	34
О происхожденіи слова: <i>четверть.</i>	37
Небесныя явленія въ 1839 году.	38

Въ концѣ первой книжки помѣщены: *Разныя извѣстія*, а въ концѣ второй *лѣткія статьи*, въ разныхъ отдѣленіяхъ: *Отечественныя, Ученыя, Художественныя, Литтературныя, Разныя Извѣстія, Промышленность и Торговля, Географія и Статистика, Зрѣлища и Музыка, Путешествія, Иностранная Литтература.*